ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

февр. ~~МАРТЪ~~ 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1911 г.

(См. слѣд. стран.)

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1911 году

(ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1911 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать одинъ годъ (1881—1910).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»** (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **«Новаго Времени»**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ІЕРОНИМЪ ІЕРОНИМОВИЧЪ ЯСИНСКІЙ

ВЪ РАБОЧЕМЪ КАБИНЕТѢ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА[1].

VII.

Небеса уныло-сѣры.
Въ паркѣ поютъ горихвостки.
Нижетъ бисерныя блестки
Мелкій дождикъ на шпалеры.
Зябнутъ нимфы и амуры
Въ мокрыхъ нишахъ надъ скамьями.
Снова полилъ дождь ручьями.
Небеса уныло-хмуры.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

ОЖДЬ лилъ всю ночь. Къ утру только потоки его нѣсколько поутихли, но небо было безнадежно сѣрое. Панъ Валекъ, ночевавшій въ Колычевѣ, поцѣловалъ въ послѣдній разъ ручки дамъ и лихо вспрыгнулъ на гнѣдого Зефира, котораго онъ съ нѣкоторымъ убыткомъ для хозяина вымѣнялъ у знакомаго барышника, только бы покрасоваться передъ Зосей.

— Не забывайте моихъ совѣтовъ, панъ!—повторилъ ему панъ Романъ.

— Не забуду, добрѣйшій! Хотя панна Зося и вскружила мнѣ голову и сердце ранила,—онъ прижалъ руку къ лѣвому борту сюртука,—но въ дѣлахъ я умѣю призывать себя къ порядку.

— Ну, съ Богомъ. Когда что будетъ новаго—я дамъ знать!

И, давъ шпоры коню, панъ Валекъ англійской рысью выѣхалъ со стараго двора въ березовую просѣку. Пани Юзыня повернула

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 7.

въ коровникъ, а Зося еще нѣкоторое время смотрѣла съ крыльца вслѣдъ его удалявшейся и ритмично приподымавшейся въ сѣдлѣ фигурѣ.

«Въ сущности, Валекъ тоже недуренъ и даже элегантенъ... а все-таки до Стася ему далеко!» и она взялась за ручку двери.

Въ это время ее окликнулъ Евграфъ:

— Барышня!

Зося обернулась съ удивленіемъ. За всѣ девятнадцать лѣтъ ея жизни онъ чуть-ли не въ первый разъ заговорилъ съ нею. Особенно поразилъ ее пытливый взглядъ его выцвѣтшихъ сѣрыхъ глазъ, которымъ онъ такъ и впился въ нее.

— Барышня,—повторилъ онъ;—доложите папенькѣ, что баринъ ихъ съ книгами къ себѣ въ кабинетъ просятъ.

— Сейчасъ!

Зося поблѣднѣла. Она вдругъ вспомнила, что за ухаживаньями Валека забыла сообщить отцу о падавшихъ на него подозрѣніяхъ. А Евграфъ пристально смотрѣлъ на закрывшуюся за нею дверь.

«Странно... и то похожа! несомнѣнно, похожа... Не то чтобы какъ родная сестра, а есть что-то.... Глаза у этой, пожалуй, побольше и лицо покруглѣе... волосы тоже другіе... у той поглаже были, безъ кудерьковъ... Ну, и улыбалась все, когда говорила!»

И Евграфу вспомнилось, какъ тепло даже у него отъ той улыбки на сердцѣ становилось, и онъ тихо побрелъ доложить барину о результатѣ своихъ наблюденій.

Зося застала отца въ конторѣ. Она подошла къ нему и поцѣловала его мясистую руку.

— Слушай, отецъ! за тобою новый этотъ панъ Янъ прислалъ... только погоди, мнѣ надо предупредить тебя...,—и, путаясь и торопясь, она сообщила Роману ходившіе объ немъ слухи.

— Оцо-то!—зацокалъ тотъ,—дурни! на что мнѣ портретъ ихъ?

— Я знаю, что не на что, а только ты будь готовъ, если тебя и объ этомъ панъ спроситъ, знай, что отвѣтить.

— Да что отвѣчать-то? Я давно догадался, куда онъ дѣлся.

— Его нечистый унесъ?—спросила Зося, крестясь.

Панъ Романъ расхохотался.

— Ахъ ты, глупое дитя! Такая умница и въ такіе толки вѣришь! Вотъ погоди, вернусь изъ виллы и разскажу тебѣ, кто его укралъ. Ну, а теперь прощай, бѣгу до пана.

И, поцѣловавъ дочь, старикъ пошелъ самой короткой дорогой въ виллу.

Тысячи разъ за свои двадцать лѣтъ службы ходилъ онъ по этой тропинкѣ черезъ лужокъ мимо скотнаго двора и оранжерей, потомъ сворачивалъ налѣво вдоль грунтовыхъ сараевъ и попадалъ во «французскій садъ» со стриженымъ боярышникомъ и жимолостью, то въ видѣ шаровъ и пирамидъ, то низкими гир-

лицами окаймлявшими яркозеленые газоны цвѣтниковъ съ вазами и статуями. Каждый кустикъ былъ ему знакомъ. На каждую мелочь привыкъ онъ смотрѣть, какъ на свою собственность, и впервые сегодня почувствовалъ, что все это чужое и что никакого права ни на одну пядь земли онъ здѣсь не имѣетъ.

Снявъ въ прихожей свой вѣчный балахонъ, онъ постучался въ кабинетъ.

— Войдите!—отвѣчали оттуда.

Панъ Романъ вступилъ за знакомую дверь, привычнымъ движеніемъ положилъ книги на конторку и отвѣсилъ Колычеву поклонъ. Иванъ Николаевичъ протянулъ ему руку и указалъ на стулъ напротивъ себя.

Евграфъ только что вышелъ. Напоминаніе о Зосѣ сегодня раздражило Колычева, оно являлось какой-то дисгармоніей съ фигурой поляка, и теперь онъ сдерживалъ свое отвращеніе, приступая къ дѣловому объясненію.

— Хотя,—началъ онъ,—духовная и не утверждена еще и въ права владѣнія мы съ сестрою еще не введены, но, являясь по закону единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго дяди, я считаю своимъ долгомъ не запускать дѣла и какъ можно скорѣе и точнѣе ознакомиться съ ними. Тѣмъ болѣе, что временемъ большимъ я не располагаю и сразу послѣ девятаго дня мнѣ придется вернуться въ Горки. Поэтому я крайне буду обязанъ вамъ, если вы возможно яснѣе и полнѣе растолкуете мнѣ настоящее состояніе имѣнія, доходъ съ него, расходы по хозяйству нашему и крестьянскому и арендные договоры и статьи.

Панъ Романъ въ этомъ сухомъ и дѣловомъ тонѣ все-таки разслышалъ нотку непріязни, и она тоже раздражила его. Но онъ умѣлъ ловко владѣть собою и съ почтительной улыбочкой началъ весьма пространно и темно посвящать новаго владѣльца въ тайны своей бухгалтеріи. Нѣкоторыя цифры ему удалось исправить, но оставались и кое-какія погрѣшности въ итогахъ.

Иванъ Николаевичъ внимательно слѣдилъ за его жирнымъ, окаймленнымъ грязнымъ ногтемъ пальцемъ, быстро скользившимъ по колоннамъ чиселъ. Докладъ продолжался добрыхъ полтора часа и благополучно близился къ концу, какъ вдругъ Колычевъ остановилъ поляка:

— Позвольте, панъ, вы, вѣрно, ошиблись! Вотъ по этой статьѣ выводъ невѣренъ! Въ январѣ была тоже ошибка, и тутъ новая.

Панъ Романъ обомлѣлъ. Надо было имѣть колоссальную память, чтобы сразу запомнить вереницу цифръ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Иванъ Николаевичъ:—у насъ теперь іюль 1860 г., и до марта 1857 г. цифры точныя и итоги вѣрные. Съ тѣхъ же поръ въ каждомъ году вкрадывались, по-моему,

ошибки, особенно въ итогахъ личныхъ расходовъ покойнаго. Не можете ли объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

Панъ началъ объяснять, но чѣмъ дальше шло объясненіе, тѣмъ болѣе запутывался полякъ и тѣмъ темнѣе у него становилось въ глазахъ.

— Довольно, я вижу, въ чемъ дѣло!—прервалъ его наконецъ Колычевъ.—Я, панъ, не ребенокъ, и съ цифрами, какъ вы, вѣрно, изволили сами замѣтить, обращаться умѣю. Поэтому прошу васъ хорошенько подумать и вспомнить, куда дѣвались недостающія суммы хотя бы за текущій годъ, а также и представить на нихъ оправдательные документы. Съ собственноручными записями покойнаго ваши свѣдѣнія не сходятся. Вотъ извольте взглянуть,—и онъ досталъ изъ письменнаго стола небольшую тетрадку, исписанную почеркомъ Арсенія Михайловича.—Какъ видите, вашъ бывшій патронъ велъ аккуратно свои личные расходы и вы, вѣроятно, имѣете росписки на каждую экстренно выданную ему сумму.

Панъ Романъ растерялся. О существованіи подобной тетради онъ и не подозрѣвалъ.

— Конечно, росписки были... но я не хранилъ ихъ, впрочемъ, я поищу.

— Затѣмъ,—продолжалъ Колычевъ,—все веденіе крестьянскаго хозяйства и условія барщины и оброковъ должны быть измѣнены.

— Это ваша панская воля.

— Знаю, что моя. Кстати, крестьяне говорили мнѣ, что за Кожинымъ есть двѣ совершенно ненужныя намъ пустоши, сдаваемыя вотъ уже почти двадцать лѣтъ въ аренду Софронову—доходъ этотъ въ книгѣ не значится,—но которыхъ крестьяне добиваются тоже въ аренду много лѣтъ. Вашъ предшественникъ, Францъ Карловичъ Мейеръ, даже докладывалъ объ этомъ покойнику и составилъ черновикъ условій, и дядя собирался подписать его. Куда же онъ дѣлся?

— Помилуйте,—возразилъ съ кривой усмѣшкой полякъ:—развѣ я могу отвѣчать за дѣйствія умершаго управляющаго? Я въ первый разъ объ этомъ слышу!

— Хорошо... Ну, а что вы мнѣ скажете насчетъ крестьянскаго надѣла? Каждый вѣрноподданный дворянинъ, согласно волѣ государя императора, долженъ озаботиться, чтобы ко дню объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне были обезпечены достаточнымъ количествомъ земли. Поэтому я не могу не выразить своего удивленія, что у васъ со времени закрытія губернскихъ комитетовъ не предпринято никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, не выработано плана. Предводитель говорилъ мнѣ, что изъ послѣдняго разговора своего съ покойникомъ онъ вынесъ убѣжденіе, что дядя по своей высокой гуманности собирался осуществить надѣленіе своихъ крѣпостныхъ

землею въ самыхъ выгодныхъ для нихъ размѣрахъ, что даже былъ у него заготовленъ проектъ этихъ надѣловъ, который онъ и показывалъ Караулову и въ его присутствіи передалъ вамъ. Гдѣ онъ?.. И почему вы не пріѣхали на послѣднее совѣщательное собраніе, на которое получилъ повѣстку дядя, выдавшій вамъ довѣренность на его замѣщеніе?

Пана Романа обдало варомъ. На словахъ онъ очень интересовался крестьянскими надѣлами, но либеральнымъ взглядамъ Арсенія Михайловича не сочувствовалъ. Напротивъ, въ его планы входило какъ можно скупѣе распорядиться нарѣзкой земли и вызвать тѣмъ недовольство мужиковъ, сваливъ вину на владѣльца. Онъ надулъ щеки.

— Прошу извиненія, но проектъ этотъ не имѣлъ никакого значенія. Покойный Арсеній Михайловичъ двадцать разъ измѣнялъ его, и всѣ мои попытки добиться точныхъ распоряженій и указаній не привели ни къ какому результату.

— Но вѣдь былъ же у васъ въ рукахъ этотъ планъ? Я былъ бы весьма радъ познакомиться съ нимъ.

— Конечно, былъ, но я уничтожилъ его, какъ забракованный самимъ владѣльцемъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ немедленно возстановить его, хотя бы по памяти. Карауловъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, а мнѣ особенно дорого исполнить волю покойнаго и по отношенію къ его бывшимъ крѣпостнымъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

«Хорошъ гусь!» подумалъ онъ про себя и сталъ собираться домой.

— Одну минутку, панъ — остановилъ его Колычевъ. — Я только хочу спросить васъ, что вы думаете насчетъ исчезнувшаго портрета? Знаете ли вы — онъ хотѣлъ сказать, «что дочь ваша похожа на его оригиналъ», какъ вдругъ полякъ весь побагровѣлъ и злобно выпалилъ:

— Что ваши хлопы увѣряютъ, будто я стащилъ его? Такъ знайте же, что вы хотя и считаете меня воромъ, но портрета я этого не бралъ, а спалилъ его въ каминѣ вашъ же выжившій изъ ума дядюшка, а потомъ лишилъ себя жизни. Оттого и возлѣ церкви лежать не захотѣлъ,—самоубійцъ въ оградѣ не хоронятъ... Затѣмъ, если вы недовольны мною, я вамъ не навязываюсь. Я дворянинъ и привыкъ къ дворянскому со мной обращенію. Я не хамъ, не хлопъ вамъ, чтобъ вы имѣли право требовать съ меня отчетъ за тѣ годы, которые я у васъ не служилъ. Я былъ управляющимъ у Арсенія Михайловича Колычева, ему отчетъ давалъ каждый мѣсяцъ и подъ каждымъ его подпись имѣется,—можете ее хоть судомъ провѣрить. И если вы съ цифрами обращаться умѣете, то и дядюшка вашъ не малый ребенокъ былъ. Если цифры въ его тет-

ради съ книгой конторской не сходятся, то съ его вѣдома, знаете. А куда шли эти деньги—его тайна, и я никому не выдамъ ея. Если попъ вашъ умѣлъ тайну хранить и схизматику не выдавать, то и схизматикъ тайну москаля беречь умѣетъ. Далибугъ,—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь,—что бы вы мнѣ ни говорили, я клятвы для васъ не нарушу... А потому счастливо оставаться!

Панъ выпалилъ разомъ эту тираду, гордо закинулъ голову и, весь дрожа, вышелъ изъ кабинета.

Колычевъ никакъ не ожидалъ такого оборота разговора и не стремился къ столь быстрой развязкѣ. Онъ хотѣлъ только доказать поляку, что за носъ водить себя ему не позволитъ, но гнать его въ шею вовсе не намѣревался. Нельзя было не отдать пану Роману справедливости, что хозяйство велось образцово и давало гораздо большій доходъ, чѣмъ при Францѣ Карловичѣ. Усадьба тоже содержалась въ величайшемъ порядкѣ; домъ былъ полная чаша; птичникъ и молочное дѣло шли подъ руководствомъ пани Юзыни прямо блестяще, и колычевское масло славилось даже въ Москвѣ. Инвентарь вездѣ былъ полный и всѣ орудія и рабочій скотъ хоть сейчасъ на выставку.

Въ этомъ онъ увѣрился собственными глазами. Съ шести часовъ утра онъ былъ эти дни на ногахъ, обошелъ всю усадьбу, побывалъ на скотномъ, въ молочной и въ оранжереяхъ, въ конюшняхъ и людскихъ, а сегодня, несмотря на дождь, объѣхалъ верхомъ свои и крестьянскія поля. Въ одномъ онъ съ горечью убѣдился, что и вызвало его раздраженіе,—крестьяне тянули непосильную лямку. Избы села поражали своей ветхостью,—это онъ замѣтилъ, уже идя за гробомъ дяди,—скотъ былъ мелкій и немногочисленный,—онъ видѣлъ его сегодня на выгонѣ, а крестьянская земля истощена. Изъ вчерашней двухчасовой бесѣды съ мужиками Иванъ Николаевичъ вынесъ вполнѣ вѣрное заключеніе, что отъ нихъ брались всѣ силы, всѣ соки, а взамѣнъ бросались однѣ жалкія крохи.

Дѣло такъ дальше итти не должно. Освободить крестьянъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе. Надѣлы должны быть щедрыми, чтобы сохранить навсегда добрыхъ сосѣдей намѣсто бывшихъ крѣпостныхъ, Это были убѣжденія не одного Колычева, а всѣхъ лучшихъ представителей его круга. Здѣсь былъ и практическій выводъ,—земли останется достаточно, но что въ ней толку, если никто не захочетъ помочь обработать ее? Тощія крестьянскія коровы и колосья поглотятъ тучныхъ помѣщичьихъ, и дворяне будутъ разорены.

Помимо досады, вызванной рѣчью пана Романа, Иванъ Николаевичъ былъ озадаченъ его заявленіемъ о самоубійствѣ дяди и рѣшилъ строго разслѣдовать, на чемъ основана подобная увѣренность.

Онъ прошелъ въ спальню, снялъ раму исчезнувшаго портрета и убѣдился, что вынуть его было совершенно просто,—стоило только

отогнуть гвозди, державшіе подрамникъ и легко подавшіеся нажиму его пальцевъ. Затѣмъ онъ въ точности измѣрилъ отверстіе топки камина и оказалось, что ширина его была нѣсколько больше ширины портрета. Но какимъ же орудіемъ покончилъ съ собою старикъ?

Ни отъ кого изъ обмывавшихъ онъ не слышалъ о какомъ-нибудь знакѣ на тѣлѣ покойника. Это было, можетъ быть, наркотическое средство. Не принималъ ли онъ его на ночь отъ безсонницы? Докторъ, наѣзжавшій въ колычевскую больницу изъ уѣзднаго города, уѣхалъ сразу послѣ похоронъ и долженъ былъ возвратиться лишь въ концѣ недѣли.

Больныхъ въ больницѣ почти не бывало, такъ какъ крестьяне предпочитали лечиться у бабки Харитины заговорами и домашними зельями и шли въ больницу только въ крайнихъ случаяхъ. Панъ Романъ давно собирался прикрыть это, по его мнѣнію, барское баловство, но Арсенія Михайловича разубѣдить ни въ чемъ не было возможно, и воздвигнутая еще Францемъ Карловичемъ больница продолжала существовать около колычевской церкви, чтобы, какъ утверждали крестьяне, «оттуда было близко людей на погостъ носить...»

Быть можетъ, мысль покончить съ собою гнѣздилась давно въ больномъ мозгу старика, и онъ почему-нибудь рѣшилъ, наконецъ, привести ее въ исполненіе. Желаніе видѣть себя погребеннымъ внѣ церковной ограды и фраза: «недостоинъ ея по великимъ грѣхамъ моимъ», говорили за вѣрность предположенія пана Романа.

Колычевъ снова потребовалъ Евграфа и еще разъ пожелалъ выслушать разсказъ о послѣднемъ днѣ жизни дяди, о томъ, что онъ дѣлалъ, чѣмъ былъ занятъ и пр.

Евграфъ въ точности доложилъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ и кстати разсказалъ о наблюденіи Прохора. Въ заключеніе онъ прибавилъ:

— А какъ вошли мы, какъ Ѳедька намъ двери открылъ, лежитъ онъ, мой голубчикъ, тихо, тихо и улыбается радостно, а у самого-то руки на груди крестомъ сложены... Нѣтъ, кабы нечистый сюда входилъ, не лежалъ бы онъ такъ покойно!

— Ну, а не допускаешь ты, чтобы онъ самъ смерти своей искалъ?

— То есть, какъ такъ? Руки, что ли, наложилъ на себя?

Старикъ даже весь затрясся отъ негодованія.

— Грѣхъ, такой грѣхъ взводить на покойника! Нѣтъ, батюшка-баринъ! не принялъ бы ты его на свою ангельскую душеньку!.. И охота вамъ, сударь, милость ваша, слушать этого поляка? Покойный дядюшка вамъ только тѣмъ и грѣшенъ былъ, что слишкомъ много ему вѣры давалъ, да и васъ онъ уже, видно, въ когти забирать началъ. Не вѣрьте ему! Это онъ портретъ сцапалъ, потому и вза-

правду его Зоська на него похожа, а для отводу глазъ, значитъ, онъ на мертваго такую вину наклепалъ. Ну, да и у Господа Бога конецъ терпѣнію бываетъ, и сторицей взыщетъ онъ съ поляковъ за всѣ обиды ихъ намъ, русскимъ... Изувѣры этакіе...

VIII.

Поля душистой ржи
Волнуютъ вѣтерки.
Вдоль узенькой межи
Мелькаютъ васильки,
Мелькаютъ и манятъ:
«Сорви меня, сорви!
Я—неба синій взглядъ!
Я—синій сонъ любви!»

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Панъ Романъ вернулся домой, дрожа отъ гнѣва. Зося поджидала его и, увидавъ перекошенныя губы отца, повисла у него на шеѣ и начала цѣловать его, приговаривая:

— Успокойся, тату милый! (такъ звала она его въ дѣтствѣ) успокойся! охота тебѣ изъ-за москаля кровь портить!

Пани Юзыня тоже вошла въ столовую. По виду мужа, по тому, какъ у него сводило лѣвую руку, она поняла, что дѣло не шуточное.

«Отказалъ!» мелькнуло у нея въ умѣ, и, блѣдная отъ страха, она едва прошептала:

— Неужто отъ мѣста отказъ получилъ?

— Не я отказъ получилъ, а онъ... Пусть теперь поищетъ, кто на него такъ работать станетъ, какъ мы съ тобой работали... Пусть попляшетъ! Я посмотрю, какъ онъ тутъ одинъ справится. Отъ сей минуты я пальцемъ больше не шевельну для него. И тебѣ, Юзя, запрещаю. Слышишь?

Пани Юзыня пробормотала: «слышу!» но ей казалось прямо невозможнымъ не итти сейчасъ—было какъ разъ половина двѣнадцатаго—на скотный дворъ, не присмотрѣть за дневнымъ удоемъ, не отмѣрить своей деревянной мѣркой молоко въ первомъ подойникѣ и, вытеревъ ее о свой поэтому всегда неопрятный фартукъ, не опустить его въ слѣдующій очередной. Неужели безъ нея сумѣютъ слить молоко въ горшки, распредѣлить, которые поставить киснуть, а которые оставить для телятъ и для сливокъ?.. И когда вошла молочная дѣвка Фроська звать ее въ коровникъ, она по привычкѣ хотѣла двинуться за нею, какъ вдругъ раздался грозный окрикъ пана Романа:

— Аль оглохла? Цо-то! Вѣдь я жъ сказалъ, что тебя отнынѣ чужія коровы не касаются!

Пани Юзыня махнула Фроськѣ рукой.

— Я не выйду! дѣлай, какъ знаешь!

Но душа добросовѣстной хозяйки не выдержала, и она шопотомъ прибавила:

— Для Краснухи у меня пойло направо за дверью поставлено.

Фроська полетѣла въ коровникъ и, подоткнувъ подолъ, сѣла доить Краснуху, крупную красавицу-холмогорку. Подъ звонъ падающей въ подойникъ молочной струи она шопотомъ сообщила сосѣдкѣ своей Анискѣ, что у поляковъ не ладно. Панъ на Юзыню ажно медвѣдь рявкнулъ, какъ она съ мѣста тронуться хотѣла, а самъ красный, какъ ракъ вареный, а у дочки глаза словно заплаканы.

Пани Юзыня не могла прійти въ себя. Она вѣрить не хотѣла, чтобы въ одну короткую минуту можно было разрушить двадцатилѣтнюю привычную жизнь. Куда же дѣнутся они, если придется выѣхать изъ Колычева? Развѣ легко найти новое подобное мѣсто? Какъ повернулся языкъ у Романа отказаться отъ насиженнаго угла? И почему? Что такое могло выйти между нимъ и паномъ Яномъ, какъ называла она новаго владѣльца, не успѣвъ за эти двадцать лѣтъ привыкнуть къ русскимъ именамъ и отчествамъ. И она робко спросила:

— Что же такого обиднаго сказалъ тебѣ панъ Янъ?

— Какой онъ тебѣ панъ Янъ? Онъ—москаль проклятый! Мальчишка себя приличнѣе бы держалъ, чѣмъ этотъ дурень сорокалѣтній. Всякій понялъ бы, что неделикатно съ человѣка, двадцать лѣтъ служившаго его дядѣ, съ дворянина, чье имя однимъ изъ первыхъ въ книги герба лабендзя (лебедя) вписано, какъ съ хлопа низкаго, спрашивать. Я ему это и сказалъ, какъ онъ вздумалъ меня въ кражѣ портрета обвинить.

— Не можетъ быть того! Іезусъ-Марія! Да на что онъ намъ? Мало ли этихъ портретовъ старыхъ у насъ на чердакѣ валяется. Никто и не спроситъ никогда о нихъ.

— Я ему такъ и отвѣчалъ, что не у кого портретъ тотъ спрашивать теперь, потому его самъ дядюшка его сумасшедшій сжегъ, а потомъ морфія напился. Что жъ онъ даромъ, что ли, со сложенными накрестъ руками лежалъ? Видно, зналъ, что не сонъ, а смерть ему почью вѣки смежитъ.

Пани Юзыня и Зося разомъ перекрестились.

— Іезусъ Марія! вотъ грѣхъ-то! Ай-ай-ай! На старости лѣтъ такой грѣхъ!

— Да съ чего же, отецъ?

— А ужъ это онъ одинъ зналъ!

Панъ Романъ ушелъ къ себѣ.

Пани Юзыня, совершенно выбитая изъ колеи приказаніемъ мужа сидѣть дома, не знала, за что ей приняться. Втайнѣ она на-

дѣялась, что оба, и мужъ и москаль—она больше не звала его паномъ Яномъ—поутихнутъ, поостынутъ, и все обойдется... Панъ Романъ будетъ себѣ попрежнему управлять Колычевымъ, а она вѣдать свой коровникъ и птичникъ, и жизнь пойдетъ опять по старой, давно натоpенной дорожкѣ, но дверь изъ кабинета отворилась и раздался властный голосъ:

— Вели-ка, Зося, мою лошадь осѣдлать, а ты, Юзя, дай пораньше обѣдъ. Закушу и поѣду къ Валеку. Ему въ бѣдѣ помогъ, пусть онъ мнѣ помогаетъ теперь. А вы обѣ тѣмъ временемъ хорошенько обдумайте все, чтобъ намъ уже послѣзавтра отсюда выбраться.

— Куда же, Романъ? Что ты послѣзавтра? да у меня какъ разъ бѣлье завтра стирать должны.

— Не стану же я изъ-за твоихъ тряпокъ у этого кацапа сидѣть! Сдамъ ему завтра же контору, и пусть господствуетъ себѣ на здоровье.

Пани Юзыня всхлипнула.

— Помилосердствуй, Романъ. Послѣзавтра... Быть можетъ, вы еще помиритесь!

— Цо-то!—зацокалъ панъ и сжалъ кулаки,—я съ нимъ мириться? Ужъ не думаешь ли ты, что я къ нему извиняться пойду? И хоть бы онъ самъ двѣсти разъ ко мнѣ пришелъ—не слуга я ему больше. Сказалъ—ухожу, и уйду!.. Давай обѣдать!..

Обѣдъ вышелъ безмолвно-унылый. Романъ торопился. Ему не терпѣлось отвести душу въ компаніи соотчича. Переодѣвшись въ верховой казакинъ, онъ молодцовато вскочилъ на свою рыжую Венеру, или Ванеру, какъ ее называла дворня, и, давъ ей хлыста, поднялъ ее въ курцъ-галопъ, которымъ оба, и лошадь и всадникъ, могли скакать хоть часъ безъ передышки.

Когда онъ исчезъ изъ виду, пани Юзыня, крестясь и охая, пошла рыться въ своихъ сундукахъ и комодахъ, а Зося заперлась въ мезонинѣ. Она была крайне озабочена. Уѣхать теперь значило навсегда похоронить мечту быть хозяйкой этой виллы, которую она давно облюбовала. Нѣтъ, надо поправить дѣло! надо дѣйствительно заставить пана Яна прійти и извиниться передъ отцомъ. Но какъ этого добиться? О, она знала, какъ... Надо устроить такую встрѣчу, чтобы снова загорѣлся въ этихъ сѣрыхъ глазахъ подъ сросшимися, какъ у того мертвеца, бровями уже разъ вспыхнувшій въ нихъ огонь... Надо сумѣть не только поддержать этотъ огонь, но разжечь его во всепожирающее пламя, чтобы оно охватило эту мужскую душу, и чтобы жизнь безъ нея, безъ Зоси, показалась Колычеву невыносимой, и тогда... тогда осуществятся ея мечты, сбудутся предсказанія цыганки и праздничными огнями заблещетъ бѣлая вилла!..

Отецъ далъ небольшой срокъ. Не слѣдуетъ терять времени. Кстати вонъ и солнце выглянуло.

Зося надѣла черное короткое платье и вышла за ворота въ поле. Погода разгуливалась. Сѣрыя тучи разорвались на куски. Кое-гдѣ выглядывали изъ-за нихъ бѣлыя облака, а мѣстами уже синѣло іюльское небо. Дорога просыхала, и только въ колеяхъ свѣтились длинныя полосы воды. Жаворонки снова звенѣли въ воздухѣ. Желтая трясогузка сопровождала Зосю и граціозно помахивала изсиня чернымъ хвостикомъ, то ожидая ее на кочкѣ, то залетая впередъ. За ближними яровыми начиналась рожь. Мягкими плавными волнами склонялись колосья, словно привѣтствуя молодую дѣвушку, и синіе васильки весело мелькали въ густой чащѣ. Быстро срывали ихъ гибкіе пальцы вперемежку съ колючими колосьями и складывали въ огромную охапку.

Съ цѣлымъ снопомъ вернулась Зося въ Колычево и почти бѣгомъ прошла въ засаду въ кустахъ. Тамъ на своей любимой скамьѣ она начала плести вѣнокъ, искусно мѣшая колосья съ васильками. Когда гирлянда была достаточно длинна, она соединила ея концы пышнымъ букетомъ жасмина. Вышло очень оригинально и красиво.

Теперь надо вооружиться терпѣніемъ и наблюдать. Что Колычевъ поддастся соблазну хорошей погоды и выйдетъ погулять, дѣвушка не сомнѣвалась, а разъ онъ попадетъ въ садъ, то, конечно, пройдетъ и на могилу Арсенія Михайловича. Эта могила не видна отъ нея, хотя и въ двухъ шагахъ всего. Когда онъ по березовому мостику вступитъ на кулигу, ей пора будетъ выйти изъ засады. Закрытая кустами, словно не зная о его присутствіи, она вполнѣ естественно очутится съ нимъ рядомъ, и тогда—панъ или пропалъ.

Расчетъ оказался вѣренъ. Не прошло и получаса, какъ въ дверяхъ террасы показалась высокая фигура Колычева. Полотняная пара сидѣла на немъ свободно. Широкополая панама была слегка сдвинута на затылокъ. Помахивая тростью съ золотымъ набалдашникомъ, спустился онъ по мраморнымъ ступенямъ въ цвѣтникъ.

«Ничего... представителенъ, хотя и грузенъ немного,—подумала Зося:—съ нимъ рядомъ или подъ руку не будетъ стыдно передъ Стасемъ».

Впечатлѣніе отъ разговора съ паномъ Романомъ еще не успѣло изгладиться, но чѣмъ больше думалъ о немъ Иванъ Николаевичъ, тѣмъ больше убѣждался, что въ этой исторіи съ портретомъ полякъ невиненъ. Что же касается неправильностей баланса, то ни малѣйшихъ сомнѣній у него и не возникало: полякъ сильно нагрѣвалъ руки и ежемѣсячно откладывалъ въ какой-нибудь банкъ не одну и не двѣ сотни рублей. Тому, что онъ не на шутку обидѣлъ Романа, онъ тоже вѣрилъ, но отказъ отъ мѣста показался ему лишь ловкимъ маневромъ, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало удержать пана пока. Вообще о его немедленномъ уходѣ не могло быть и рѣчи. Онъ дастъ

ему срокъ, хотя бы до Покрова, когда будутъ закончены всѣ начатыя при немъ полевыя работы, а за это время подыщетъ подходящаго замѣстителя и надежнаго человѣка.

Занятый этими мыслями, Колычевъ ступилъ на кулигу и машинально поднялъ глаза. Низко наклонивъ головку, съ другой стороны подходила къ могилѣ Зося. Длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы были опущены. Вокругъ розовыхъ губокъ лежало выраженіе глубокой скорби. Вся ея тонкая, хрупкая фигурка словно согнулась подъ бременемъ горя.

Иванъ Николаевичъ невольно остановился, а она, дойдя до насыпи, положила на нее свой вѣнокъ и вдругъ, упавъ на колѣни, заплакала. Зося славилась въ пансіонѣ своимъ искусствомъ плакать. Слезы текли у нея по щекамъ, не безобразя лица, носъ не краснѣлъ, а глаза становились еще лучистѣе.

«О, ты непремѣнно должна позировать для Mater Dolorosa или кающейся Магдалины», твердили ей бывало съ восхищеніемъ подруги.

Иванъ Николаевичъ, конечно, подошелъ къ ней, тронутый ея печалью.

Зося вздрогнула, словно застигнутая врасплохъ.

— Oh, pardon, monsieur! j'ignorais votre présence.

Она вскочила и, граціозно присѣвъ, хотѣла удалиться.

Колычевъ удержалъ ее за руку. Мягкимъ, взволнованнымъ голосомъ сталъ онъ благодарить ее за ея чудный вѣнокъ, за трогательное вниманіе къ памяти усопшаго.

— Скажите мнѣ, панна Зося,—вѣдь такъ васъ зовутъ, не правда ли?

Зося кивнула головкой.

— Скажите мнѣ, почему вы какъ-то особенно тепло относитесь къ покойному? Развѣ вы такъ близко знали его?..

— Нѣтъ, я въ жизни не сказала съ нимъ ни слова, но онъ все-таки заботился обо мнѣ, онъ настаивалъ, чтобы отецъ далъ мнѣ прекрасное воспитаніе и не стѣснялся въ расходахъ на меня. Онъ такъ цѣнилъ отца, что не зналъ, чѣмъ бы получше выразить ему свою благодарность.

Зося лгала по вдохновенію. Она чуяла, что въ книгахъ Романа были грѣшки, знала о его побочныхъ доходахъ и думала, что нелишнимъ будетъ это упоминаніе о «благодарности» Арсенія Михайловича.

И ложь ея попала въ цѣль.

Такъ вотъ оно что!—подумалъ Иванъ Николаевичъ.—Можетъ быть, и дядя замѣтилъ это странное сходство и заинтересовался дочерью своего управляющаго. Понятно, при его женоненавистничествѣ онъ не хотѣлъ, чтобы знали объ этихъ расходахъ, и не вносилъ ихъ въ записи.

Ему стало совѣстно за утреннія «придирки» къ Роману. Кромѣ того, у него вдругъ мелькнула мысль: не передавалъ ли Юшкевичъ по желанію покойника этихъ нехватающихъ суммъ и на другія благотворительныя дѣла, быть можетъ, въ той же Польшѣ? Не были ли у него въ его любимой Варшавѣ какихъ-нибудь прежнихъ грѣховъ, которые ему захотѣлось загладить подъ старость?.. Вотъ она, эта данная Романомъ клятва.

Зося продолжала плакать. Иванъ Николаевичъ снова взялъ ее за руку.

— Полноте! о чемъ вы? Вѣдь дядѣ было за семьдесятъ лѣтъ... Рано или поздно каждаго изъ насъ ждетъ тотъ же удѣлъ.

— Я не о томъ... вѣдь я проститься пришла. Мнѣ никогда больше въ жизни не придется помолиться на этой могилѣ за папа Арсенія.

— Почему?!

— Отецъ велѣлъ укладываться... мы послѣзавтра уѣзжаемъ изъ Колычева.

— Куда? зачѣмъ?

— Отецъ сказалъ, что завтра онъ сдастъ вамъ всѣ дѣла, и мы должны уѣхать...

— Я этого не допущу! Если я сегодня утромъ погорячился, если былъ неправъ, я готовъ извиниться передъ вашимъ батюшкой. Я самъ на его мѣстѣ счелъ бы себя оскорбленнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, милая барышня! вы никуда не уѣдете, напротивъ, я попрошу васъ быть моей заступницей и передать вашему батюшкѣ мое глубочайшее сожалѣніе о нашемъ утреннемъ разговорѣ съ нимъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ передамъ, но я не думаю, чтобы это заставило отца измѣнить его рѣшеніе. Отецъ ничего не говоритъ на вѣтеръ. Онъ настоящій полякъ, а поляки всегда держатъ слово.

— Вотъ какъ! Но повѣрьте, и мы, русскіе, не менѣе настойчивы, и если я рѣшилъ итти на мировую, то и пойду. А пока въ залогъ того, что вы не откажетесь быть посредницей въ дѣлѣ примиренія настойчиваго Юшкевича съ не менѣе упрямымъ Колычевымъ, разрѣшите мнѣ сопровождать васъ въ вашей прогулкѣ. Вы куда намѣрены были пойти?

Зося вытерла синіе глазки и еще разъ перекрестилась на крестъ. «Матка Бозка, помоги мнѣ!» мысленно помолилась она и обернулась къ Ивану Николаевичу.

— Я должна итти домой, мнѣ надо помочь укладываться матери.

— Хорошо, я провожу васъ, хотя укладываться вамъ не къ чему. Все, что вы сейчасъ уложите, придется тотчасъ же переложить обратно на прежнее мѣсто.

— Все равно. Отецъ привыкъ, чтобы его слушались.

— Развѣ онъ такой деспотъ?

— Деспотъ?—Зося вспыхнула. Нѣтъ, отецъ не деспотъ. Онъ только очень вспыльчивъ, но онъ самъ готовъ извиниться первый, если убѣдится въ своей неправотѣ.

— Поэтому вы и не спѣшите укладываться. Онъ увидитъ, что былъ неправъ, приказавъ укладываться и собираться въ дорогу, и первый поцѣлуетъ васъ за то, что вы такая умница и не послушались его.

Зося улыбнулась.

— Ну, слава Богу! Наконецъ-то вы улыбнулись. Это первая улыбка, что я вижу на вашемъ миломъ личикѣ. Нѣтъ, впрочемъ, не первая. Вы уже давно, двадцать девять лѣтъ назадъ, такъ улыбнулись мнѣ, когда я въ первый разъ васъ увидѣлъ. Помните, у васъ еще книжка была въ рукахъ.

Зося совсѣмъ ужъ искренно открыла отъ изумленія ротикъ.

— Двадцать девять лѣтъ назадъ!.. Да меня еще на свѣтѣ не было. Мнѣ только нынче въ маѣ минуло девятнадцать.

— А я васъ зналъ, когда мнѣ самому всего тринадцать было.

— Вы смѣетесь?

— Ничуть. Развѣ можетъ кто поручиться, что не жилъ уже раньше и не встрѣчался съ тѣмъ же человѣкомъ, но только подъ другимъ именемъ?

— Вы говорите загадками... Впрочемъ, я понимаю. Я напоминаю вамъ какую-нибудь знакомую вамъ прежде барышню, которая умерла, а можетъ быть, и просто состарилась?—добавила она съ плутовской улыбкой.

— Увы! не знаю, потому что никогда знакомъ съ ней не былъ и даже не имѣю понятія, какъ ее звали.

— Гдѣ же вы видѣли ее?

— Здѣсь въ Колычевѣ, у дяди.

— Какъ такъ? Вѣдь у вашего дядюшки за всю его жизнь ни одной женщины никогда въ гостяхъ не бывало? Вы просто смѣетесь надо мной!—и Зося надула губки.

— Не вѣрьте, а только это правда.

Они свернули въ липовую аллею.

— Здѣсь мы съ вами простимся. Мнѣ пора домой. Такъ вы не забудете моего порученія?—и, бросивъ свой шутливый тонъ, онъ протянулъ Зосѣ руку, крѣпко пожалъ ея тонкіе пальчики и прибавилъ серьезно и задушевно:

— Передайте пану Юшкевичу, что я очень сожалѣю о происшедшемъ и прошу его сразу по возвращеніи пройти ко мнѣ. А вамъ спасибо еще разъ за ваше трогательное вниманіе къ дядѣ.

Зося кивнула ему своей точеной головкой и быстро пошла домой, а Колычевъ какой-то особенной молодой походкой прошелъ въ виллу и, молодцовато взбѣжавъ по ступенямъ, весело крикнулъ Прохору:

— Что, старикъ! Не пора ли намъ пообѣдать? Я здорово проголодался!

Мысль о возстановленіи добрыхъ отношеній съ паномъ Романомъ очень заняла его. Въ сущности полякъ вовсе не глупъ. Многія его распоряженія и нововведенія говорили о недюжинномъ умѣ, а Зося съ ея чисто парижскимъ акцентомъ была весьма изящной и ничуть не провинціальной барышней. Въ любой столичной гостиной она привлекла бы на себя вниманіе, и душа у нея была, видно, чуткая. Не изъ развязности подошла она ко гробу Арсенія Михайловича. Очевидно, какъ и сегодня, ею руководило чувство благодарности дядѣ за его заботу о ея воспитаніи. Интересно,— зналъ ли панъ Романъ объ этомъ сходствѣ?

И онъ налилъ себѣ вторую рюмку смородиновки...

IX.

Слезы весеннія, юныя слезы
Блещутъ алмазами, словно роса.
Тихо дрожатъ онѣ въ листикахъ розы,
Ласково смотрятся въ нихъ небеса.
Счастье улыбкою радостной рая
Сразу прерветъ ихъ горючій потокъ,
Солнце ихъ выпьетъ, лучами играя,
Слѣдъ ихъ осушитъ, смѣясь, вѣтерокъ.

(„Слезы". М. К.)

Зося застала старый сѣрый домикъ въ полномъ разгромѣ. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, шкапы хлопали раскрытыми настежь дверцами. Пани Юзыня, красная и заплаканная, сидѣла въ креслѣ посреди гостиной.

— Наконецъ-то! я думала, ты сбѣжала. Стучусь къ тебѣ, а тебя и слѣдъ простылъ. Гдѣ ты была? Я не могу одна справиться, а позвать кого—боюсь. Романъ разсердится еще, скажетъ, зачѣмъ я чужихъ людей безпокою!..

Въ другое время Зося непремѣнно ужалила бы мать по-осиному, но сейчасъ она вся еще трепетала отъ напряженія только что сыгранной роли, отъ сознанія, что сыграла ее съ успѣхомъ и вышла побѣдительницей изъ рискованнаго положенія. Ея глаза горѣли отъ внутренней радости, что смѣлыя мечты ея начинаютъ воплощаться и, подойдя къ старухѣ, она отерла своимъ раздушеннымъ платочкомъ ея лицо и нѣжно поцѣловала огрубѣвшую отъ вѣчной работы руку:

— Полноте, мама! Отрите слезы и давайте складывать все обратно по своимъ мѣстамъ. Никуда мы не уѣдемъ. Панъ Янъ велѣлъ мнѣ отъ своего имени передать отцу, что проситъ у него прощеніе.

— Зося, какъ? гдѣ ты съ паномъ говорила? Ты была у него?

Зося разсказала матери о встрѣчѣ на могилѣ, о томъ, «какъ ей неудержимо захотѣлось побывать тамъ и отнести вѣнокъ», и что изъ этого вышло.

— Зося, это тебя самъ панъ Бугъ научилъ. Слава ему!

И обѣ съ энергіей принялась приводить шкапы и комоды въ обычный порядокъ.

Когда вечеромъ вернулся панъ Романъ, каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ. Пани Юзыня успѣла даже побывать на скотномъ и въ птичникѣ и убѣдилась, что Фроська и Аниска были ея достойными ученицами—ничего не было перепутано и всѣ горшки были цѣлы.

Не замѣтивъ ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду, полякъ насупилъ брови.

— Цо-то! аль рехнулись вы? Послѣзавтра переѣзжаемъ, а у нихъ ни ложки, ни плошки не уложено!

— Не сердись, Романъ! послушай, что тебѣ Зося скажетъ.

Когда Зося передала ему порученіе Колычева, Юшкевичъ криво усмѣхнулся.

— Забоялся, москаль! Хвостъ поджалъ. Не сладко, видно, пришлось! Ничего, пусть попляшетъ.

— Такъ что же, отецъ, чѣмъ ты порѣшилъ?

— А тѣмъ, чтобы послѣзавтра намъ здѣсь ужъ не почевать. Пока мы переѣдемъ въ городъ; хотя Валекъ и предлагаетъ поселиться или погостить у него, но въ городѣ, по-моему, изъ-за нѣкоторыхъ причинъ будетъ удобнѣе. А тамъ я напишу, кому слѣдуетъ. Но только тутъ мнѣ больше не мѣсто.

Зося повѣсила головку. Она знала—отца не переспоришь. Все, казалось ей, такъ хорошо налаживается, и вдругъ эта непримиримость. Она рѣшилась на послѣднее отчаянное средство и постучалась въ кабинетъ. Панъ Романъ курилъ на своемъ старомъ, вытертомъ клеенчатомъ диванѣ. Зося подсѣла къ нему на колѣни и прижалась щекой къ его лицу.

— Слушай, тату! не будь ребенкомъ. Дай мнѣ сказать тебѣ: хочешь быть здѣсь полнымъ хозяиномъ, не маршалкомъ, какъ при панѣ Арсеніи, а настоящимъ?

— Это еще что за сказки? Не шути, цурка, мнѣ не до шутокъ.

— А мнѣ тѣмъ менѣе, потому что изъ-за своего упрямства ты прошутишь мое счастье. Слушай: не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, ты на моей свадьбѣ будешь въ бѣлой залѣ Колычева краковякъ плясать и въ мазуркѣ платкомъ передо мною пыль съ паркета смахивать... вотъ-те свентый крестъ.

И Зося перекрестилась.

— Шути... шути...

— Нѣтъ, я говорю серьезно. Вѣрь мнѣ, чего другого, а ужъ мужчинъ я знаю и поклянусь, что въ данную минуту панъ Янъ по мнѣ думку крутитъ. Мы, женщины, сразу чуемъ, гдѣ добычей пах-

нетъ... Недаромъ онъ меня увѣрялъ сегодня, что съ тринадцати лѣтъ по мнѣ вздыхалъ.

— Какъ такъ?

Зося передала слова Колычева.

— Цо-цо-цо! Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Это онъ, вѣрно, тотъ портретъ разумѣлъ, на который тогда тайкомъ отъ дяди полюбовался, — и въ свою очередь Романъ сообщилъ дочкѣ объ отроческой продѣлкѣ Ивана Николаевича, разсказанной имъ Караулову.

— Тѣмъ лучше! ты видишь, сама судьба предназначаетъ мнѣ быть здѣсь хозяйкой. Тату милый, не мѣшай мнѣ! помирись съ паномъ. Видишь ли, онъ ужъ не такъ виноватъ, онъ думалъ, ты унесъ портретъ, потому что я на него похожа была.

— Пусть думалъ, но я-то вѣдь этого портрета никогда въ глаза не видалъ.

— Такъ ты пойдешь къ пану Яну?—и она еще нѣжнѣе прижалась къ отцу:—онъ говорилъ, чтобы ты сейчасъ же пришелъ къ нему, какъ вернешься домой.

— Нѣтъ, не пойду! Во-первыхъ, поздно, а во-вторыхъ, и это главное, не я обидѣлъ его... Да и не въ одномъ портретѣ тутъ дѣло...

— Ну, а если онъ самъ придетъ? Тату, ты помиришься?

Панъ Романъ поцѣловалъ дочь и спустилъ ее съ колѣнъ.

— Иди спать, цурка! Утро вечера мудренѣе.

Зося поцѣловала его руку и, притянувъ его голову, шепнула на ухо:

— Смотри, никому не проговорись, я и мамѣ ничего не сказала, тебѣ одному открылась.—И она исчезла за дверью.

Панъ Романъ задумался. Онъ самъ замѣтилъ тотъ взглядъ, которымъ смотрѣлъ Колычевъ на его дочку на отпѣваніи, видѣлъ, какъ искалъ онъ ее тщетно глазами въ толпѣ у могилы и среди гостей на поминкахъ въ виллѣ. Зося ушла съ матерью, торопившейся къ крестьянскимъ столамъ съ кутьей. О, его дочка знала французскую поговорку: «il faut se faire rare, pour se faire apprécier». Своимъ отсутствіемъ она только разожгла любопытство заинтересовавшагося ею помѣщика... Да, эта партія была бы подходящей... но—имѣть зятемъ москаля, имѣть отъ Зоси внуковъ-кацаповъ, окрещенныхъ еретиками-попами? Да вѣдь это измѣна... измѣна отчизнѣ, вѣрѣ, святому дѣлу, которому онъ поклялся служить. Нѣтъ! лучше видѣть ее за Валекомъ, только не за русскимъ, лучше быть ей компаньонкой въ Запольѣ, чѣмъ хозяйкой—женой еретика въ этомъ москальскомъ гнѣздѣ. Никогда, никогда не пойдетъ онъ на это. Дѣвочка, видимо, не на шутку задумала свое дѣло, она тщеславна, ей хочется не отставать отъ богатыхъ подругъ, но онъ сумѣетъ переубѣдить ее. Онъ напишетъ начальницѣ пансіона, а та настроитъ духовника, который руководилъ религіознымъ воспитаніемъ своей юной паствы тамъ подъ Варшавой, и ихъ письма

возымѣютъ свое дѣйствіе. Наконецъ, если и это не повліяетъ на дочь, онъ соберетъ послѣднія крохи и отправитъ ее еще на годъ въ монастырь. Тамъ сумѣютъ съ ней справиться. Относительно примиренія—онъ самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Во всякомъ случаѣ не только ни шага онъ первый навстрѣчу не сдѣлаетъ, но и остаться согласится не сразу... И, успокоенный этими мыслями, панъ Романъ пошелъ спать.

На другое утро онъ чѣмъ свѣтъ уѣхалъ въ городъ за 15 верстъ, чтобы не быть дома, въ случаѣ Колычевъ пришлетъ за нимъ, и дѣйствительно казачокъ два раза въ его отсутствіе прибѣгалъ звать его къ барину. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу въ липовой аллеѣ показался Иванъ Николаевичъ.

Ночь окончательно укрѣпила его въ убѣжденіи, что виноватъ онъ, а не панъ Романъ, и, понявъ изъ отсутствія управляющаго, какъ глубоко было задѣто самолюбіе поляка, онъ рѣшилъ пойти въ старый домъ,

Зося изъ мезонина замѣтила его и бросилась къ матери въ кухню.

— Мама, панъ Янъ! надѣньте чистую кофту!

— Гдѣ? что?—растерялась Юзыня.

— Ахъ ты Господи! Какая вы! Панъ Янъ къ намъ идетъ!—и Зося опрометью кинулась къ гостиную.

Колычевъ входилъ уже на хмелевую террасу. Зося чинно пошла къ нему навстрѣчу

— Здравствуйте, милая барышня. Вы видите, я умѣю быть не менѣе настойчивымъ, чѣмъ панъ Юшкевичъ. Надѣюсь, онъ дома, и вы проведете меня къ нему?

— Отца еще нѣтъ. Пану придется подождать.—И она подвинула ему кресло, а сама сѣла на диванъ.—Мама сейчасъ выйдетъ.

— Отлично. Вы мнѣ тѣмъ временемъ разскажите, какъ отнесся къ данному вамъ мною порученью панъ Романъ.

— Отецъ очень обиженъ,—отвѣчала Зося, потупя глаза.—Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы отложить нашъ отъѣздъ, и теперь поѣхалъ искать квартиру въ городъ. И если найдетъ ее, мы тотчасъ переѣдемъ.

Иванъ Николаевичъ покраснѣлъ. «Ну, и чортъ съ нимъ!» подумалъ онъ и хотѣлъ уже встать и проститься, какъ въ комнату вошла пани Юзыня. Старая полька разсыпалась въ любезностяхъ. Она такъ тронута вниманіемъ пана! онъ оказалъ имъ такую честь, зайдя въ ихъ бѣдное жилище!

— Однако, сколько мнѣ извѣстно, это бѣдное жилище не одинъ десятокъ лѣтъ было помѣщичьимъ домомъ въ Колычевѣ. И дѣдъ мой, и прадѣдъ жили въ немъ. Кстати, меня очень интересуетъ, не осталось ли здѣсь какихъ-нибудь старыхъ портретовъ ихъ. Въ виллѣ ни одного нѣтъ, а отъ отца я слыхалъ, что они остались въ Ко-

лычевѣ, какъ въ родовой усадьбѣ, и въ Горки перевезены не были. Можетъ быть, они погибли въ двѣнадцатомъ году?

— Какъ же, ясновельможный панъ! на чердакѣ лежатъ! Я ихъ еще вчера видѣла. Прикажетъ панъ, я мигомъ принесу ихъ! — И пани Юзыня уже вскочила, чтобы бѣжать.

Зося дернула ее за платье. Нѣтъ, рѣшительно мать не умѣетъ соблюдать своего достоинства. Къ чему она приняла этотъ подобострастный тонъ? Зачѣмъ эти присѣданія, эти заискивающія улыбочки?

Иванъ Николаевичъ тоже протянулъ руку, чтобы удержать хозяйку на мѣстѣ.

— Не трудитесь, пожалуйства, уважаемая пани! Это успѣется. Я пришлю человѣка помочь вамъ. Я очень радъ, что вижу васъ и могу, пользуясь случаемъ, выразить вамъ мое восхищеніе тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ ведется все молочное и птичье хозяйство.

Пани Юзыня совсѣмъ растаяла. Это была ея сфера. На вопросы Колычева она отвѣчала цѣлымъ водопадомъ свѣдѣній и подробностей. Напрасно Зося дергала ее за платье, наступала ей на ногу, — рѣчь ея лилась безъ передышки. Она нарочно отодвинулась подальше отъ дочки, чтобы та ей не мѣшала. Воспользовавшись наконецъ паузой, гость взглянулъ на часы.

— Уже половина перваго. Не хочу васъ дольше задерживать. — И, низко поклонившись обѣимъ, онъ вышелъ.

Едва его высокая фигура скрылась въ зелени, Зося заломила свои тонкія ручки и упала на диванъ, рыдая: «Что вы надѣлали мама! что вы надѣлали! Развѣ можно такъ вести себя!»

— Что такое? что съ тобой, цурка? — спросила озабоченно мать.

— Теперь все пропало! Ахъ, зачѣмъ я позвала васъ! Вы все мнѣ испортили!

Пани Юзыня обомлѣла. Кажется, ничего глупаго она не сказала, говорила дѣльно, и панъ Янъ слушалъ съ удовольствіемъ. Въ чемъ же бѣда?

— Въ томъ, что вы меня губите! отца губите! Да, да, да! губите.

И со злости Зося швырнула на полъ вышитую пани Юзыней подушку съ гербомъ Юшкевичей, гдѣ знаменитый лебедь сильно напоминалъ любимаго старухой гусака Тишку.

— Такъ себя только скотница держать смѣетъ, а не пани Юшкевичъ! — И дѣвушка выбѣжала и заперлась въ мезонинѣ.

Все шло такъ хорошо! случилось даже больше, чѣмъ она ожидала: Колычевъ пришелъ самъ въ сѣрый домикъ, а мать вмѣсто того, чтобы задержать его до пріѣзда отца, предложивъ Зосѣ занять гостя музыкой, начала свои молочныя познанія выкладывать! Ахъ, какъ бы играла Зося! Иванъ Николаевичъ и сейчасъ бы

еще сидѣлъ и слушалъ ее... Вѣдь тогда дождь лилъ, и онъ вѣрно не слыхалъ ея игры, иначе или вчера, или сегодня непремѣнно заговорилъ бы съ ней о музыкѣ. А тутъ, вмѣсто Шопена и Мендельсона, разговоры объ удоѣ и гимны новой маслобойкѣ! Что дѣлать теперь? Отецъ ни за что не согласится итти снова въ виллу... Упущенъ единственный случай помочь дѣлу. И дѣвушка рыдала безутѣшно...

А пани Юзыня, совсѣмъ сконфуженная и сбитая съ толку, сидѣла въ погребѣ, провѣряя съ Фроськой молочные горшки, обвитые для прочности полосками бересты, и никакъ не могла сообразить, за что на нее прогнѣвалась дочка и чѣмъ она уронила свое панское достоинство?

Юшкевичъ вернулся лишь въ седьмомъ часу. Его почти двухдневное отсутствіе уже дало себя знать. Возникъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые только онъ могъ разрѣшить. У крыльца давно дежурилъ староста, пришедшій узнать, кого изъ мужиковъ назначить на косьбу послѣднихъ перелоговъ, задержавшуюся похоронами; съ мельницы приплелся хромой работникъ Карпычъ съ просьбой осмотрѣть жерновъ, никакъ не хотѣвшій молоть; плотникъ, рубившій новый ледникъ, не могъ продолжать работы, не зная, насколько панъ распорядится углубить яму и нужно ли ему прибавить еще одну ступеньку для схода; захромала одна изъ лучшихъ упряжныхъ лошадей и т. д. Увидѣвъ ожидающихъ, панъ нахмурился: вопросы эти были хоть мелкими, но они тормозили дѣло. Тѣмъ лучше! побольше бы ихъ!

— Ничего не знаю, ребята!—отвѣтилъ онъ мягко.—Ступайте къ барину, пусть онъ распорядится!—и онъ вошелъ въ домъ.

— Вотъ такъ чудеса въ рѣшетѣ!—сказалъ высокій плотникъ Иванъ:—какъ я пойду къ барину, когда баринъ меня и въ глаза не видалъ, да и что мнѣ баринъ указать можетъ?

Староста Дороѳей почесалъ всей пятерней свою сивую бороду.

— Да не ладно! Видно, мужики-то правду баяли, что конецъ поляку пришелъ. Что жъ теперь дѣлать, ребята? Аль и взаправду барина безпокоить?

— Чего жъ не иттить? пойдемъ, авось, головы не сниметъ!—посовѣтовалъ кучеръ Михей Осторожный, получившій свою кличку за то, что на каждомъ поворотѣ кричалъ самому себѣ: «осторожнѣй»!

— Коли иттить, такъ ужъ всѣмъ вмѣстѣ!—согласился Иванъ.

— Може панъ передумаетъ, да и самъ выйдетъ,—остановилъ Карпычъ.

— Жди, коли время и охота есть, а мы ужо пойдемъ.

И мужики помялись, еще поругались и пошли гурьбою со двора.

Панъ Романъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ черезъ окно конторы и вздохнулъ. Да, нелегко... Двадцать лѣтъ онъ тутъ самостоятельно

хозяйничалъ, все наладилъ, настроилъ, и вотъ уступай мѣсто неизвѣстно кому. Если даже остаться теперь—все равно, двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ уживаться придется. Эхъ, что тамъ: все къ лучшему! Нечего долго тянуть. Сразу уѣхать и дѣлу конецъ. По крайней мѣрѣ и Зосины мечтанья рухнутъ сами собою, а то зачѣмъ ей дразнить ими себя понапрасну. Да гдѣ жъ это она, отчего его не встрѣтила?

И онъ крикнулъ, подойдя къ лѣстницѣ: «Зося!»

Зося сошла съ заплаканными, напухшими глазами и бросилась къ отцу на шею.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты уѣхалъ! Зачѣмъ не остался! Онъ приходилъ самъ сюда, а мать...

— Что же, не приняла его?

— Хуже... она все съ нимъ говорила о коровахъ... она надоѣла ему, и онъ ушелъ...

Панъ Романъ погладилъ ее по головѣ.

— Мать сдѣлала прекрасно. Онъ пришелъ сюда по дѣлу, и съ нимъ о дѣлахъ и говорить нужно было!

— Нѣтъ, онъ пришелъ помириться,—онъ самъ сказалъ мнѣ...

Панъ Романъ самодовольно ухмыльнулся.

— Не тужи, мое сердечко; вѣрь мнѣ, такъ лучше. Однакожъ я не вижу, чтобы вы съ матерью переѣзжать готовились. Что жъ это будетъ? Я уже квартиру присмотрѣлъ. У бакалейщика Пастухова во флигелѣ—5 комнатъ и садъ... Отличная квартирка и недорого. Положимъ, къ завтрему она еще не будетъ готова, но укладываться все-таки пора. Ну, вытри глазки и будь умницей: брось думать о москаляхъ. Я мою единородную цурку лишь за добраго сына нашей ойчизны замужъ отдамъ.

— Гдѣ жъ ты такого въ нашемъ городишкѣ сыщешь? Всѣ они женаты! Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я все такъ хорошо надумала, а теперь...

Зосю ужасала мысль о жизни въ уѣздномъ городѣ, среди общества мелкихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ туда для хлѣбныхъ сдѣлокъ. Всѣ эти барыни и ихъ жеманныя дочки съ вѣчными ужимками и убійственнымъ французскимъ языкомъ, на которомъ онѣ неукоснительно между собою разговаривали; ихъ неловко сшитыя и безвкусныя, съ поползновеніями на моду, платья и шляпки, ихъ романсы и избитые фортепьянныя пьесы, являвшіяся какъ бы дипломами ихъ образованности, казались избалованной аристократическимъ пансіономъ дѣвушкѣ нестерпимыми.

Послѣдніе три года она на очень короткій срокъ возвращалась въ Колычево и проводила почти всѣ всѣ каникулы у своихъ богатыхъ подругъ, гостя мѣсяцами въ ихъ родовыхъ замкахъ.

Трудно мирилась она теперь со старымъ сѣрымъ домикомъ отца. Ея не удовлетворяла скромная обстановка этихъ низкихъ комнатъ. Зося сама умѣла изъ пустяковъ создать украшеніе — оправитъ скатерть, передвинетъ кресло или диванъ, подберетъ по-своему занавѣску, свяжетъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, чуть не сорныхъ травъ букетъ — и комната, смотришь, преобразилась и потеряла свой будничный мѣщанскій обликъ. Въ ней было въ высшей степени развито чувство изящнаго. Съ ея возвращеніемъ появлялись на стѣнахъ акварели, а на креслахъ красивые антимакасары. Каждая мелочь говорила объ искусствѣ ея тонкихъ, гибкихъ пальцевъ. Отецъ звалъ ее «феей». Онъ не сердился, когда Зося отказывалась сопровождать мать въ ея визитахъ къ сосѣдямъ, съ которыми у нея ничего общаго не было, но передъ которыми пани Юзыня любила хвастаться своей красавицей-дочкой.

Какъ только отдавалось приказаніе закладывать экипажъ, дѣвушка спѣшила въ свою засаду въ кустахъ, а оттуда отправлялась бродить по старому парку, гдѣ доживали вѣкъ древнія барскія затѣи, возобновленныя было Арсеніемъ Михайловичемъ, по впослѣдствіи снова заброшенныя,—«храмъ любви» съ заплеснѣвшей статуей Амура съ отбитымъ носомъ, «рыбачій островъ» съ полуразвалившейся хижиной, въ которой когда-то, по преданію, при входѣ посѣтителей, деревянная кукла въ рыбачьемъ костюмѣ качала головой и руками, словно плела сѣти, и разныя разрушенные павильоны и заросшіе гроты. Эта часть парка не поддерживалась. Сѣно съ ней не скашивалось, и деревья, лопуха и крапива пышно разрастались на просторѣ. Никто туда не заглядывалъ, и Зося разорвала не одно платье, продираясь сквозь густую чащу. Но эти слѣды былого величія и барской жизни говорили ея сердцу не менѣе, чѣмъ отраженіе бѣлой виллы въ прудѣ, и она часто мечтала, какъ чудно было бы возстановить всѣ эти игрушки, будь она богата и будь Колычево ея собственностью. Она полюбила этотъ запущенный уголъ стараго парка и чувствовала себя въ немъ хозяйкой... А теперь и его придется лишиться!..

— Нѣтъ, я этого не вынесу... Я не могу! не могу! — она еще сильнѣе зарыдала.

— Полно, довольно, Зося! Это, наконецъ, глупо! Ну, не хочешь жить въ городѣ, поѣзжай гостить къ Олесѣ или къ Элизѣ. Не могу же я изъ-за твоихъ фантазій жертвовать собою?

— Нѣтъ, она не поѣдетъ ни къ Олесѣ, ни къ Элизѣ! Быть приживалкой... хлебательницей, «бѣдной подругой» — это было возможно, пока онѣ еще учились, а теперь она вернется въ Заполье лишь въ парижскомъ, какъ у всѣхъ у нихъ, платьѣ, она подъѣдетъ къ перрону со львами въ Филиппишкахъ Свентицкой только въ своей щегольской коляскѣ. Она лучше пострижется сейчасъ же въ монастырь,

ей легче будетъ уйти навѣки отъ міра, чѣмъ это униженіе, это мѣщанство, эта жизнь въ захолустьѣ!

Панъ Романъ разсердился и даже топнулъ ногой, чего никогда еще не позволялъ себѣ съ дочерью.

— Брось эти бредни, слышишь! Ни въ монастырѣ, ни замужемъ за москалемъ тебѣ не бывать! Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ...

И, взявъ за плечи, онъ грубо вытолкнулъ ее въ двери.

Не привыкшая ни къ чему подобному дѣвушка, трясясь отъ негодованія и страха, бросилась къ себѣ наверхъ, заперлась на крючокъ и съ горькими рыданіями упала на свою узкую бѣлую постельку...

А счастье уже шло къ ней... На крыльцо всходилъ самъ щеголь Василій, камердинеръ Ивана Николаевича, съ его собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ владѣлецъ Колычева убѣдительно просилъ «достоуважаемаго пана Юшкевича непремѣнно пожаловать для важнаго и неотложнаго разговора». Въ концѣ стояло: «Заходилъ утромъ самъ, но, къ величайшему моему сожалѣнію, не засталъ васъ дома», и подписано было: «Вашъ покорнѣйшій слуга И. Колычевъ».

У пана даже усы приподнялись отъ удовольствія.

— Цо-то! попался, кацапъ? Ну, теперь смотри въ оба, Романъ! зацѣпи его покрѣпче, чтобъ не сорваться дурню. Не воображай, москаль, что тебѣ даромъ достанется мировая! Далибугъ, еще попляшешь вкругъ меня, не разъ поклонишься... За то, что смѣлъ обидѣть мое панское сердце,—не сразу заснешь покойно... Недѣльки двѣ-три поворочаешься съ боку на бокъ... Зато ужъ потомъ спи себѣ на здоровье, и чѣмъ дольше и крѣпче, тѣмъ лучше...

И онъ холодно отвѣтилъ Василію:

— Передай пану, что я только сперва поужинаю, а потомъ приду.

X.

О, эти юныя мечты
О, счастья дивныя видѣнья!
Какъ были свѣтлы и чисты
Тѣ невозвратныя мгновенья...

(„Въ зной". М. К.)

Панъ Романъ ловко повелъ себя. Уже цѣлыя двѣ недѣли онъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, останется ли управляющимъ у Ивана Николаевича, хотя тотъ и предложилъ ему полуторное жалованье. О немедленномъ отъѣздѣ больше не было разговора. Самолюбіе поляка было вознаграждено съ избыткомъ, и было бы смѣшно и глупо отвергать протянутую руку, но полнаго примиренія не произошло. Зато съ каждымъ вновь возникавшимъ въ хозяйствѣ

вопросомъ Иванъ Николаевичъ убѣждался, какъ систематично и цѣлесообразно оно было налажено въ Колычевѣ. Полякъ нарочно вводилъ хозяина во всѣ мелочи и требовалъ его личнаго присутствія повсюду. Всѣ распоряженія и уплаты производились отнынѣ не въ конторѣ стараго дома, а въ зеленомъ кабинетѣ виллы, и въ рѣзной дубовой прихожей толпились и мелькали фигуры и лица такихъ людей, которымъ никогда раньше и во снѣ не снилась возможность ступить за рѣшетку французскаго сада.

Вилла мало-по-малу теряла свой нежилой видъ. Ночное дежурство на ларѣ отмѣнилось само собою. Въ подвальномъ этажѣ въ кухнѣ хозяйничалъ и гремѣлъ кастрюлями Еремѣй, рядомъ съ ней въ людскихъ уже поселились его помощники, а также и Прохоръ съ Ѳедькой, туда же перешелъ и Евграфъ, уступивъ свою каморку при уборной щеголю Василію, какъ ближайшему камердинеру барина. Поминутно въ нѣдра этого этажа спускались дѣвки съ молочницей Фроськой во главѣ, и даже два раза приходила сама пани Юзыня, принося Еремѣю сливки для вафель, боясь, чтобъ ихъ не слизнули дорогой.

Въ виллѣ бывали и гости. Такъ, на девятый день смерти Арсенія Михайловича, послѣ панихиды на его могилѣ, причтъ, Супруненко, докторъ и кое-кто изъ сосѣдей завтракали снова въ обюссоновой столовой, но на этотъ разъ всѣ двери были открыты настежь, и гости на цыпочкахъ, съ затаеннымъ отъ любопытства дыханіемъ обходили дивные покои запретнаго недавно жилища.

Дьяконъ Зосима, неловко ступая въ грубыхъ сапогахъ, шопотомъ сообщалъ свои впечатлѣнія отцу Никитѣ, котораго онъ изъ невольной робости держался по привычкѣ. Особенно нравились ему картины французской школы, отецъ же Никита не цѣнилъ нимфъ и пастушковъ и любовался произведеніями Тиціана и Гвидо Рени.

Гобеленовая гостиная съ цѣльнымъ зеркальнымъ потолкомъ привела Зосиму въ неистовый восторгъ:

— Гляньте, отецъ Никита! Во какъ я вверхъ ногами хожу!

— Хорошъ,—отвѣчалъ Никита;—морда еще шире кажется, а ногъ какъ не бывало.

Дьяконъ заржалъ отъ удовольствія такъ, что подвѣски на канделябрахъ задрожали и нимфы и вытканные на панно боги словно застыли отъ изумленія.

Панъ Романъ на завтракъ не пошелъ. Это было бы слишкомъ скоро послѣ размолвки, да и Зося тревожила его не на шутку.

Когда отецъ прогналъ ее, она, заливаясь горькими слезами, упала на свою постельку да такъ и не встала. Ее пришли звать къ ужину, но она не сошла внизъ. Мать принесла ей было горячаго бульону,—она ее не впустила и крикнула: «Оставьте меня въ покоѣ... Я никого, никого видѣть не хочу!..» Ночью съ ней сдѣлался жаръ, и утромъ Таська не могла попасть въ мезонинъ. Пришлось просу-

нуть въ щелку лезвіе ножа и откинуть крючокъ. Зося металась и бредила.

Перепуганная пани Юзыня кликнула мужа.

Панъ Романъ схватился за голову.

— Оселъ, старый оселъ!—ругалъ онъ себя.—Что я надѣлалъ! Зося! ангелочекъ, ясочка моя! прости меня, стараго дурня!..

Но Зося не слышала. Въ ея безсвязныхъ, возбужденныхъ рѣчахъ то и дѣло поминались Олеся и панъ Янъ, рыбачья хижина и серебряное платье съ золотыми букетами, и бѣлые кони мчали ее куда-то, и Стась бросался остановить ихъ и не могъ.

Приглашенный докторъ нашелъ нервную лихорадку и прописалъ успокоительную микстуру и полную тишину.

Плотно закрыли окно во дворъ ставнями, и пани Юзыня завѣсила его ватнымъ одѣяломъ. Зато противоположное, выходившее въ садъ было открыто настежь, и старыя липы съ участіемъ заглядывали въ уютный дѣвичій уголокъ. Вливая туда свое сладкое благоуханіе, онѣ шелестѣли чуть слышно мягкими круглыми листьями, словно спрашивая:

— Когда же сыграешь ты снова намъ вдохновенную пѣсню, милое, странное дитя съ блѣднымъ фарфоровымъ личикомъ?

Валекъ, узнавъ о Зосиной болѣзни, черезъ день пріѣзжалъ изъ Новаго и привозилъ то букеты, то конфеты, но Зося не хотѣла смотрѣть ни на то, ни на другое. Цѣлыя двѣ недѣли продолжалось неопредѣленное положеніе; хотя ни жара, ни бреда уже не было, но она была такъ слаба и раздражительна, что плакала изъ-за всякаго пустяка. Докторъ требовалъ избѣгать малѣйшихъ волненій, но больная капризничала, какъ малый ребенокъ.

Иванъ Николаевичъ тоже каждый день справлялся о ея здоровьѣ, но ей объ этомъ не сообщали. А это было бы лучшимъ лекарствомъ для нея.

Въ началѣ третьей недѣли онъ снова спросилъ у Романа:

— Ну, что ваша больная?

— Спасибо, сегодня много лучше!

— И отлично! тогда вы со спокойной совѣстью можете этотъ вечеръ пожертвовать мнѣ. Я жду сегодня Караулова съ племянникомъ и хочу просить васъ четвертымъ на партію виста. Надѣюсь, вы не откажетесь?

Панъ Романъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично, я буду ждать васъ къ обѣду. Мы обѣдаемъ въ пять часовъ.

— Прошу извинить меня, но до восьми часовъ я буду занятъ.

— Очень жаль, во всякомъ случаѣ я разсчитываю на васъ,—и онъ любезно пожалъ ему руку.

«Однакожъ, что же это съ нимъ? Сперва хотѣлъ уже послѣ девятаго дня сразу ѣхать, а теперь и двадцатый прошелъ. Интересно, какъ у него ведется дѣло въ Горкахъ?» думалъ панъ Романъ, возвращаясь домой.

Онъ поднялся наверхъ. Зося въ широкой блузѣ лежала въ вольтеровскомъ креслѣ, уцѣлѣвшемъ на чердакѣ отъ французовъ. Болѣзнь не изгладила впечатлѣнія отъ выходки отца, и дѣвушка чувствовала отчужденіе отъ него, но встрѣтила его полуулыбкой.

— Ну что, какъ дѣла?—нѣжно спросилъ панъ Романъ и поцѣловалъ ея бѣлый лобикъ.

— Ничего, мнѣ сегодня лучше!

— Лихорадки не было?—онъ взялъ ее за пульсъ.

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше! Значитъ, я могу спокойно пойти играть въ карты съ паномъ Яномъ? Моя Зося меня отпуститъ?

Дѣвушка слабо покраснѣла.

— Ты помирился съ нимъ, отецъ?

— Пока да! а надолго ли—время покажетъ. Ну, будь умница; постарайся скушать весь бульонъ сегодня. Панъ Валекъ, вѣрно, усталъ справляться о твоемъ здоровьѣ, и онъ ушелъ.

Зося одно сообразила: пока они еще не покидаютъ Колычева; не отнята послѣдняя надежда...

«Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ!..» Эти слова отца Зося тысячу разъ въ день повторяла себѣ. Но сегодня они ей не были уже такъ страшны.

«Не позволишь... но если улыбнется мнѣ счастье—ты простишь меня, отецъ!»

Да, этотъ бракъ съ еретикомъ — это было бы настоящимъ Зосинымъ счастьемъ. За ея болѣзнь въ ея душѣ произошелъ переломъ—Стась Запольскій вдругъ стушевался. Его заслонилъ другой образъ—высокаго плотнаго мужчины съ густой бородой, добрыми сѣрыми глазами подъ сросшимися дугами бровей. Съ той минуты, какъ отецъ оттолкнулъ ее, она уже не чувствовала къ пану Роману прежней близости. Она ни за что не могла бы больше сѣсть къ нему на колѣни и запѣть дѣтскую пѣсенку... Прежняя увѣренность въ его готовности защитить ее отъ всякихъ жизненныхъ невзгодъ и случайностей была похоронена навсегда. Отецъ преслѣдовалъ свои цѣли и по своему эгоизму готовъ былъ жертвовать ея счастьемъ.. А она чувствовала себя такой слабой, такой жалкой и безпомощной, ей такъ хотѣлось опереться на сильную мужскую руку, притулиться къ широкой, могучей груди, гдѣ бы билось навѣки ей преданное, готовое на всякія жертвы мужское сердце... И ей вспоминались мягкіе оттѣнки голоса Колычева, выраженіе его глазъ покоившихся на ней съ такимъ участіемъ, при видѣ ея слезъ, его задушевное пожатіе при прощаніи тамъ въ аллеѣ...

И вдругъ ее обдало варомъ... Вѣдь она солгала ему тогда... Ея горе было прикидываньемъ... Ея слезы—лицемѣріемъ... А онъ повѣрилъ имъ, и утѣщалъ ее.

«Господи! если Ты будешь такъ милостивъ и пошлешь мнѣ это счастье, обѣщаю Тебѣ никогда не лгать... нѣтъ... какъ ни тяжело, ни стыдно будетъ... я покаюсь ему въ моемъ обманѣ...»

И, успокоенная этой клятвой, Зося снова погрузилась въ сладкія мечты. Розовой паутиной заплетались эти тихія грезы, гдѣ роскошь нарядовъ и блескъ празднествъ сливались съ ласковыми звуками низкаго голоса, съ нѣжными словами любви и всепрощенія...

Когда Карауловъ съ племянникомъ своимъ Григоріемъ Ивановичемъ, чиновникомъ столичной казенной палаты, пріѣхалъ въ Колычево, закуска была уже на столѣ. Евграфъ и Василій стояли за стульями, а Прохоръ дежурилъ съ золоченымъ уполовникомъ у суповой чаши, чтобы тотчасъ разлить раковый бискъ по тарелкамъ.

— А нашъ четвертый партнеръ?—спросилъ Илья Семеновичъ.

— Да панъ Юшкевичъ.

— Какъ? вы, значитъ, за это время перемѣнили о немъ мнѣніе?

Колычевъ нѣсколько смутился.

— Не то, чтобы совсѣмъ, но, вникнувъ въ хозяйство, я не могу не преклониться передъ его распорядительностью и замѣчательными агрономическими познаніями. Одно меня въ немъ огорчаетъ,— это его отношенія къ мужику, не къ каждому въ особенности, но ко всякому вообще. Онъ ихъ не считаетъ людьми, а смотритъ лишь, какъ на рабочую силу, и сильно прижимаетъ. Такъ что я поневолѣ взялъ ихъ подъ свою непосредственную защиту. Вообще я долженъ сознаться, что Колычево мнѣ такъ нравится, что я думаю окончательно переселиться сюда, а Горки предоставить всецѣло сестрѣ, обмѣнявъ на нихъ ея половину дядинаго наслѣдства, потому что хотя, оказывается, завѣщаніе, какъ не подписанное свидѣтелями, юридическаго значенія не имѣетъ, но я все же хочу исполнить волю покойнаго. Земля все равно не можетъ перейти къ ней, какъ родовая, по закону, а разорять усадьбу не къ чему. Сестра все дѣтство и молодость провела въ Горкахъ и сильно привязана къ нимъ.

— Конечно, это будетъ весьма разумно!

— Сестру я жду недѣли черезъ двѣ. Зять долженъ получить отпускъ. Ихъ засѣданія по крестьянскому вопросу должны были кончиться, какъ говорили, въ началѣ августа. Сашенька обѣщала уговорить Семена пріѣхать въ деревню, хотя его, конечно, потянетъ за границу опять.

— Вполнѣ его понимаю,—одобрилъ Григорій Ивановичъ, молчавшій до сихъ поръ и усердно уписывавшій произведеніе Еремѣя въ видѣ фаршированной по-жидовски щуки. Деревня только разнѣживаетъ, пріучая къ лѣни, а заграница бодритъ.

— Поневолѣ бодритъ, когда за каждый шагъ платить приходится,

— Нѣтъ, совсѣмъ не потому, а какъ-то чувствуешь себя на чеку, точно всѣ на тебя глядятъ, ну, и подтягиваешься. А въ деревнѣ побываешь, и черезъ недѣлю ужъ втрое труднѣе за дѣло приниматься. Деревня—это школа бездѣлья...

— Ну, мы и въ деревнѣ дѣло дѣлаемъ.

— Какое ваше дѣло? Великъ трудъ принять и выслушать, если есть къ тому охота, приказчика или бурмистра съ докладомъ. Вѣдь вы, помѣщики, тѣ же министры и завѣдующіе,—вы только подмахиваете да денежки получаете, а работаютъ-то на васъ низшіе. Безъ нихъ ни вамъ, ни намъ не обойтись...

— Особенно твоему министру безъ подобныхъ тебѣ!—пробормоталъ его дядя.

— Ну, положимъ, къ особенно низшимъ я не имѣю основанія причислять себя!—возразилъ съ важностью племянникъ.

— Ахъ да, извини, пожалуйста! я упустилъ изъ виду твое камеръ-юнкерство, пожалованное недавно...

— Камеръ-юнкерство тутъ ни при чемъ... Меня просто интересуетъ вопросъ: когда отнимутъ отъ помѣщиковъ крестьянъ, что они съ землею дѣлать будутъ? Я увѣренъ, въ опекунскомъ совѣтѣ не хватитъ денегъ подъ залоги. Усадьбы опустѣютъ, а департаменты и канцеляріи будутъ завалены прошеніями о принятіи на службу, потому что надо же будетъ откуда-нибудь деньги получать?

— Какъ что помѣщики съ землею дѣлать будутъ? Да то же, что и теперь... Пахать и сѣять, косить и жать, а потомъ продавать скошенное и сжатое...

— Да кто же это дѣлать-то будетъ? Вѣдь мужиковъ и барщины не будетъ.

— Нанимать будемъ батраковъ или тѣхъ же крестьянъ звать на помощь.

— Нанимать значитъ и платить. А господа помѣщики не очень-то весьма любятъ—платить. У нихъ чаще лѣвая, чѣмъ правая ладонь чесаться привыкла.

— Ну, что касается до ладонной чесотки, такъ у чиновниковъ она куда сильнѣе, говорятъ, развита. Только про нихъ нельзя сказать, что у нихъ правая рука не вѣдаетъ, когда чешется лѣвая: правая пишетъ, а лѣвая за это писанье взятку получаетъ... Конечно, я этимъ не разумѣю тебя и тебѣ подобныхъ, я говорю о низшихъ.

И Илья Семеновичъ принялся за дупелей, которыхъ ему подавалъ Прохоръ.

— Послушать вашего племянника, Илья Семеновичъ, такъ выходитъ, что въ Россіи одни чиновники работаютъ и дѣло дѣлаютъ. А посмотрѣлъ бы онъ, какъ мы здѣсь съ пѣтухами встаемъ. Панъ Романъ не даетъ мнѣ передышки. Я самъ дивлюсь на себя. Зато впервые, кажется, за всю свою жизнь я въ Колычевѣ сплю, какъ убитый, и чувствую, что молодѣю съ каждымъ часомъ. Да, да!

Григорій Ивановичъ, я скоро вамъ ровесникомъ стану. Ей-ей, я не шучу! Хотите силой помѣриться? На кулачки?..

— Только не сейчасъ, я такъ отяжелѣлъ, что едва двигаться могу. Молодецъ вашъ поваръ!

— Да, когда придется дать ему вольную, я его удержу у себя... Кстати, Илья Семеновичъ! Я имѣю завтра виды на васъ. Надо возстановить проектъ надѣловъ, о которомъ совѣщался съ вами покойный дядя. Какъ ни прикидываемъ съ Юшкевичемъ, а все у насъ мельница клиномъ въ крестьянскую землю врѣзается. Не помните ли вы, какъ думалъ устроиться дядюшка?

Илья Семеновичъ только промычалъ что-то въ отвѣтъ. Его румяное, гладко выбритое лицо разрумянилось еще больше и отъ обильно приправленныхъ мадерою и пряностями соусовъ, и отъ стараго бургунскаго, то и дѣло подливаемаго хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Тайкомъ подъ салфеткой онъ разстёгивалъ одну за другою пуговки своего пикейнаго жилета и вытиралъ поминутно жирныя губы. Когда наконецъ полуразлившаяся башня ананаснаго мороженаго была отставлена въ сторону, гости встали и перешли въ кабинетъ, куда подали кофе и ликеры. Илья Семеновичъ едва опустился въ кресло, какъ его круглая, похожая на спѣлый одуванчикъ сѣдая голова сама откинулась на мягкую спинку и раздались шипящіе и свистящіе носовые звуки.

. . . .

А въ залѣ раскрыли ломберный столъ со слежавшимся, еще ни разу не видавшимъ на себѣ мѣла сукномъ и съ выдвижными старинными шандалами. Евграфъ глубоко вздохнулъ. Нѣтъ, новый баринъ не чтилъ старины. Всѣ эти «небели», которыя онъ такъ берегъ сорокъ лѣтъ, сразу пошли въ ходъ, точно самые обыкновенные самодѣльные столы и стулья, и впервые, вытирая пыль въ одной изъ гостиныхъ, онъ нашелъ окурокъ на коврѣ... И старикъ осторожно погладилъ каждый придвинутый для игроковъ стулъ, словно извиняясь передъ ними за невольно причиненное безпокойство.

Ни въ чемъ такъ не сказывается характеръ человѣка, какъ въ игрѣ. Предводитель игралъ добродушно и разсѣянно; его племянникъ бралъ взятки съ важностью и послѣ каждой оправлялъ безукоризненно накрахмаленную манжету. Панъ Романъ ходилъ обдуманно, заранѣе комбинируя всѣ выгоды, а Иванъ Николаевичъ все больше и больше оживлялся. Его обыкновенно матовое лицо покраснѣло. На лбу налились двѣ жилки, и глаза разгорались. Каждая своя неудача или вистующаго еще тѣснѣе сдвигала его сросшіяся брови, и онъ нервно поводилъ правымъ плечомъ.

Панъ Романъ слѣдилъ за нимъ, за его длинными большими пальцами съ отточенными выпуклыми ногтями и начиналъ понимать его. Необыкновенно быстро подсчитывалъ онъ цифры, и мѣлъ такъ и брызгалъ осколками, стуча по сукну въ его рукѣ. Это былъ игрокъ,

игрокъ отъ рожденья... Его интересовала не сумма выигрыша, но самый процессъ игры. Ему нравились опасныя назначенія, ему казалось счастьемъ словить противника на неудачномъ ходѣ и выйти побѣдителемъ изъ затруднительнаго положенія. Такіе люди могутъ играть безъ конца, проводя за картами дни и ночи, проигрывая копейки или сотни тысячъ, но уходя всѣмъ существомъ въ игру. Они легко становятся жертвами другихъ, болѣе хладнокровныхъ, умѣющихъ во время встать изъ-за игорнаго стола, но картъ бросить не въ силахъ.

Ужъ не на этотъ ли крючокъ поймать ему кацапа?..

Илья Семеновичъ, сыгравъ шесть роберовъ, давно храпѣлъ въ одной изъ верхнихъ отведенныхъ для гостей комнатъ, а трое партнеровъ все еще сражались въ бѣлой залѣ. Вистъ былъ забытъ ради банка. Игра шла небольшая, но на записяхъ уже появился третій ноль.

— Довольно,—сказалъ панъ Романъ:—дальше играть я не стану. Выше понтировать я не могу,—мнѣ не изъ чего платить, если я проиграю...

— Полноте, панъ! Пока вы еще въ выигрышѣ,—отвѣтилъ Колычевъ —Давайте играть дальше. Я ставлю на даму бубенъ...

— Ставьте хоть на всѣхъ четырехъ дамъ сразу, я не согласенъ продолжать. Вамъ такъ не везетъ, что продолжать игру значитъ обыграть васъ навѣрняка.

— Что за пустяки, панъ!—возразилъ Колычевъ:—я хочу отыграться.

— Играй, да не отыгрывайся,—твердилъ, говорятъ, отецъ, сына лозою поучая... Такъ вѣдь, кажется?—плоско сострилъ Гришенька, втайнѣ желая прекращенія игры, такъ какъ былъ въ значительномъ выигрышѣ и боялся сократить его.

— Извольте, но это рѣшительно послѣдняя талія... Вы не понтируете?—спросилъ онъ Гришеньку.

Тотъ отказался.

Панъ сталъ метать.

Къ записи Ивана Николаевича прибавилось еще пятьсотъ рублей. Панъ Романъ всталъ.

— Теперь конецъ... Я рѣшительно отказываюсь... Да мнѣ и некогда, меня черезъ часъ будить придутъ.

И онъ сталъ раскланиваться.

— Подождите, панъ, а деньги?

Колычевъ принесъ изъ кабинета двѣ тысячи и расплатился съ обоими партнерами.

— А все-таки не сыграть ли еще?—спросилъ онъ.

— Если вы согласны будете записывать лишь мой минусъ—я согласенъ,—отвѣчалъ полякъ.

— Помилуйте, за кого вы меня считаете?—обидѣлся хозяинъ.

«За увлекающагося дурня» — мысленно отвѣтилъ тотъ, но вслухъ пожелалъ пріятнаго сна и вышелъ.

«Отлично, — продолжалъ онъ думать, возвращаясь по росистому саду, — въ одинъ прекрасный день я сумѣю общипать тебя, голубчикъ! И на ойчизну и на Зосю придется немалая толика, а пока приручайся понемногу, такъ оно вѣрнѣе».

XI.

Ярко-желтыя тропинки,
Мягкій стриженный газонъ.
Мальвы, бархатцы въ куртинкѣ,
Хмелемъ завитый балконъ.
Чье-то кресло раскидное...
Недочитанный романъ. .
Небо синее, родное,—
Свѣта, нѣги—океанъ...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.)

Иванъ Николаевичъ долго ворочался съ боку на бокъ. Карты взволновали его, и онъ бѣсился на поляка, зачѣмъ тотъ отказался отъ игры. Вообще онъ былъ недоволенъ собою. Онъ зажился въ Колычевѣ? почему?.. Здѣсь не одно дѣло причиною. Онъ самъ не зналъ, почему въ этихъ роскошныхъ покояхъ его одолѣвала какая-то нѣга... Ему рисовались картины семейной жизни... дѣтскія головки.. женскія нѣжныя ручки, хозяйничавшія за этимъ изысканно сервированнымъ столомъ... Ему впервые показалось, что, давъ клятву у гроба жены не искать ей замѣны, онъ совершилъ подъ собою насиліе. Тамъ, въ Горкахъ, было такъ просто, буднично, и никакія грезы не смущали....

Въ этомъ имѣніи, выкупленномъ его отцомъ и унаслѣдованномъ имъ послѣ его смерти пополамъ съ сестрою, до послѣднихъ лѣтъ хозяйничала ихъ тетка съ материнской стороны, замѣнившая имъ эту столь рано умершую мать. Отецъ сразу послѣ похоронъ жены вызвалъ ее въ Горки, а самъ вернулся въ свой полкъ, переведенный на Кавказъ. Одиннадцати лѣтъ Ваничку отдали въ корпусъ, а сестра Санюшка росла, окруженная гувернантками и компаньонками старухи Гречихиной. Когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, ее помѣстили тоже въ институтъ, и онъ кадетомъ навѣщалъ ее. Его жена была подругой Сашеньки, и онъ нѣсколько лѣтъ былъ безоблачно счастливъ съ ней. Но роды унесли ее въ могилу, и, считая себя виновникомъ ея смерти, онъ поклялся остаться вдовцомъ.

Жить безъ женщинъ Колычевъ, однако, не могъ. Онъ избѣгалъ прочныхъ привязанностей, и вступалъ лишь въ мимолетныя, ни къ чему, по общему мнѣнію, не обязывающія связи. Сестра, моложе его на пять лѣтъ, по окончаніи курса почти сразу вышла за Се-

мена Михайловича Сотова, который былъ гораздо старше ея, занималъ видное положеніе и быстро двигался по службѣ.

Старуха Гречихина, пристроивъ «своихъ сиротъ», какъ она выражалась, вернулась въ Горки и стала вести хозяйство. Зять ея былъ давно убитъ, и некому было наставлять ее въ управленіи имѣніемъ. Когда два года назадъ она умерла и Ивану Николаевичу волей-неволей пришлось принять дѣла, онъ пришелъ въ ужасъ отъ путаницы въ нихъ. Имѣніе было дѣйствительно золотымъ дномъ, какъ выразился о немъ Валеку панъ Романъ, но оно давало очень мало доходовъ сравнительно со своей цѣнностью. И Колычевъ рѣшилъ увеличить ихъ. Онъ снялъ мундиръ и засѣлъ въ деревнѣ, гдѣ на антресоляхъ стараго дома доживали свой вѣкъ компаньонки Гречихиной и гувернантки Сашеньки, окруженныя хриплыми Фиделькамн и Газельками и трещащими канарейками и попугаями. Новый помѣщикъ перемѣнилъ уже третьяго старосту, прогналъ четвертаго приказчика, но внести какую-нибудь стройность или порядокъ въ это бабье царство казалось невозможнымъ. Все возвращалось къ прежнему шаблону, вѣчно слышался отвѣтъ: «а при покойницѣ такъ-то было». Напрасно выходилъ онъ изъ себя, пытался наладить дѣло на новый строй,—оно, словно Ванька-встанька, упорно не желало принимать другого положенія, и съ барскаго двора тащилось все, что плохо лежало, портились англійскіе плуги и вѣялки, погибали выписанные заморскіе поросята и куры. Крестьяне были барщинные, а не оброчные. Но это былъ все лѣнивый, распущенный старой тетушкой народъ, боявшейся муху обидѣть и баловавшей каждаго; будь то мужикъ ли, собачка, попадавшая къ ней въ руки, она не могла бы тронуть ихъ пальцемъ, а объ экзекуціяхъ на конюшнѣ или принудительныхъ мѣрахъ никто не посмѣлъ бы заикнуться передъ нею.

Когда при образованіи губернскихъ комитетовъ предводитель ея уѣзда запросилъ ее о величинѣ предполагаемыхъ ею надѣловъ, она призвала старосту и попросила его спросить у крестьянъ, сколько и по какой цѣнѣ каждый изъ мужичковъ желаетъ получить земли? Можно себѣ представить, что бы изъ этого вышло, если бы тотъ же князь Загорскій не убѣдилъ ее быть осторожнѣе, являясь отвѣтственной за послѣдствія передъ ея довѣрителями племянниками. Тутъ тетушка опомнилась и поспѣшила взять свои слова обратно, и это такъ мучило ее, что она и на смертномъ одрѣ бранила себя за недомысліе и звала «старой баламутицей».

Конечно, самъ Колычевъ такою сентиментальностью не отличался и налагалъ штрафы и уроки за испорченныя орудія или потравы и порубки, но дѣло не поправлялось, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что у всѣхъ кругомъ хозяйство шло не блестяще. Перемѣнить систему и бросить запашку онъ не додумывался и, раздѣливъ свои заповѣдныя рощи и липовые лѣса на участки, рѣ-

шилъ, что имъ сдѣлано все и дальше итти некуда. Попавъ въ Колычево, онъ въ первый разъ увидѣлъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло. У пана Романа одна отрасль не тормозила другой. И пашня, и молочное дѣло, и плодоводство шли рука объ руку, цѣпляясь другъ за друга, какъ шестерни и колеса сложнаго механизма... Иванъ Николаевичъ не сознавалъ, что жизнь его до сихъ поръ текла безалаберно и безшабашно, какъ и у всѣхъ близкихъ и избалованныхъ людей его круга, но, очутившись лицомъ къ лицу съ упорядоченнымъ строемъ, почувствовалъ, что вотъ наконецъ то, къ чему онъ всегда стремился и чего не умѣлъ создать себѣ самъ. И его тянуло къ этому берегу, къ этой пристани, гдѣ цѣлесообразный трудъ подбодрялъ къ дальнѣйшей дѣятельности и вливалъ въ душу миръ и довольство. Но почему-то вмѣстѣ съ этимъ возникалъ и вопросъ: «для кого и для чего буду я работать, вставать съ пѣтухами и ложиться съ курами?» И то, что жизнь теряла смыслъ въ одиночествѣ и что робко шевелились на днѣ души первые упреки за необдуманно данную въ минуту горя и непоправимой бѣды клятву умершей,—мучило его и мѣшало дышать вольной грудью, между тѣмъ какъ силушка начинала вновь живчикомъ по жилушкамъ переливаться.

Карты однѣ умѣли во время оно отвлекать его отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ и нежитейскихъ интересовъ. Онъ игралъ запоемъ и забывалъ за игрой всѣ волновавшіе его вопросы. У него были періоды по нѣскольку лѣтъ, когда онъ не бралъ ихъ въ руки, и бывали другіе, когда онъ проигрывалъ все, что можно было обратить въ деньги. Потомъ онъ вдругъ опомнится, встряхнется, и снова пустуетъ его мѣсто въ клубѣ и недоумѣваютъ кругомъ партнеры, куда занесла его нелегкая?

Но сегодня онъ почувствовалъ, что игра не доставила ему прежняго наслажденія. Она занимала, но не поглотила его. И это его волновало... Когда-то онъ читалъ, что черезъ каждыя семь лѣтъ обновляется весь организмъ человѣка. Ему только что минуло 42 года. Наступаетъ седьмая перемѣна, но, можетъ быть, не одного только физическаго организма?.. Въ немъ явно совершается что-то. Онъ чувствуетъ себя словно перерожденнымъ духовно, ему хочется жить, двигаться, работать и... любить.

И, выговоривъ это столь долго запретное слово, онъ глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза...

...Былъ уже десятый часъ, когда его разбудилъ Василій. Колычевъ вспомнилъ, что хотѣлъ воспользоваться присутствіемъ предводителя и разспросить его о проектѣ надѣловъ, намѣченныхъ Арсеніемъ Михайловичемъ.

Илья Семеновичъ оттопырилъ губу.

— Эхъ, батенька! Чего захотѣли! Гдѣ мнѣ всѣ эти проекты упомнить! Подумайте, сколько мнѣ за это время разсматривать и выслушивать ихъ приходится. Простить себѣ не могу, что не отка-

зался на выборахъ отъ предводительства. По истинѣ не ожидалъ этой трепки и хлопотъ съ проклятой реформой. И если признаться по душѣ, хуже всего сверлитъ меня то, что я самъ-то въ нее не вѣрю.

— То есть какъ такъ? Но вѣдь, кажется, эта реформа дѣло безповоротно рѣшенное, и весь вопросъ теперь въ томъ, скоро ли окончатъ свои труды редакціонныя комиссіи и когда государь постановитъ объявить высочайшимъ манифестомъ выработанное ими положеніе...

— Ахъ, не въ появленіе манифеста я не вѣрю, а въ пользу реформы въ томъ видѣ, какъ ее въ Петербургѣ готовятъ.

— Вотъ тебѣ и на! Вы?.. Да вѣдь про васъ-то именно говорили, что вы одинъ изъ тѣхъ немногихъ предводителей, которые все, что государь говорилъ пріятнаго для русскаго либерализма на пріемѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, можетъ смѣло отнести къ себѣ? Я не перестаю удивляться косности тѣхъ, кто считаетъ дворянскимъ достоинствомъ итти наперекоръ высочайшей волѣ и радуется каждой новой задержкѣ.

— И все-таки, помяните мое слово, не теперь, можетъ быть, сейчасъ, а будетъ время, гдѣ самые ярые защитники немедленнаго приведенія слова въ дѣйствіе почешутъ не хуже мужиковъ затылки и спросятъ: и на кой лядъ мы сами въ петлю полѣзли?..

— Ну, нѣтъ! За себя я категорически протестую. Довольно... Пора расковать позорящія насъ цѣпи и возстановить свободу двадцати милліоновъ исконныхъ русскихъ гражданъ, доселѣ по недоразумѣнію считавшихся рабами...

— И я говорю,—пора, но не сломя же голову рѣшать это дѣло? Что я самъ не крѣпостнякъ,—всѣ знаютъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ оно мнѣ кажется сложнѣе, именно въ виду этой окружающей косности. По-моему, мудры были тѣ, кто предлагалъ выработать три степени проведенія реформы въ жизнь, раздѣливъ ее на три періода—подготовительный, переходный и выполнительный. Одно скажу: на новый срокъ я баллотироваться не стану. Усталъ. Честь и мѣсто другимъ, свѣжимъ людямъ. И если вы дѣйствительно исполните свое намѣреніе и обоснуетесь въ Колычевѣ,—я прямо укажу на васъ, какъ на самаго подходящаго для нашего времени моего преемника. Вы вонъ жаждете дѣятельности, а я радъ духъ перевести и по-стариковски на лежанку забраться. Не я буду, коли не выставлю въ первую голову вашей кандидатуры на слѣдующихъ выборахъ...

— Что вы, что вы! Помилуйте, Илья Семеновичъ! на такую честь я разсчитывать никогда не посмѣю, да и никого почти изъ помѣщиковъ здѣшнихъ не знаю.

— А вы не сидите бирюкомъ, а познакомьтесь съ сосѣдями, увѣряю васъ, есть и премилые люди. И барышни есть воспитанныя. Вамъ, батюшка, жениться бы слѣдовало. Кому это все достанется послѣ васъ? Вѣдь у Сотовыхъ дѣтей, кажется, нѣтъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Ну, а насчетъ женитьбы для меня это плодъ запрещенный.

— Да что вы зарокъ, что ли, дали оставаться вдовцомъ? Э! батенька! Кто на своемъ вѣку зароковъ не давалъ, а приспѣетъ время и видишь, что зарокъ былъ на срокъ, и ничего худаго изъ отмѣны его не вышло. Нѣтъ, я вотъ какъ-нибудь за вами заѣду, заберу васъ и поѣдемъ вмѣстѣ кое къ кому. Ну, а теперь пора и домой. Куда это мой камеръ-юнкеръ запропастился?

А Григорій Ивановичъ, пока дядя съ хозяиномъ бесѣдовали за кофе, отправился побродить по саду и заблудился. Вилла была видна лишь съ пруда и, не имѣя ея передъ глазами, неопытному человѣку трудно было выбраться на дорогу. Гришенька помнилъ, что шелъ по какой-то аллеѣ и попалъ въ концѣ концовъ на ту, которая вела къ дому пана Романа.

«Наконецъ-то!» подумалъ онъ и, насвистывая веселенькую шансонетку, слышанную имъ у Излера, прибавилъ шагу и незамѣтно очутился въ полукругломъ цвѣтникѣ.

У клумбы съ душистымъ горошкомъ и мальвами стояло большое кресло, и въ немъ полулежала очаровательная хрупкая женская фигурка.

— Pardon!—проговорилъ оторопѣвшій молодой человѣкъ:— я не туда попалъ. Я шелъ въ виллу къ Ивану Николаевичу и совершенно не возьму въ толкъ, какъ къ ней выйти. Скажите, пожалуйста, гдѣ я?

— Вы у стараго Колычевскаго дома,—отвѣтила съ легкимъ акцентомъ дѣвушка:—здѣсь живетъ управляющій, панъ—Юшкевичъ, а я его дочь.

— Извините меня, Бога ради, mademoiselle! съ паномъ Романомъ мы сражались всю ночь. Позвольте вамъ представиться,— Григорій Ивановичъ Карауловъ.

Зося кивнула головкой, но руки не протянула.

Гришенька глазъ не сводилъ съ нея.

«Боже мой! вотъ красотка! А я-то и не подозрѣвалъ о ней. И дядюшка хорошъ, хоть бы словомъ заикнулся. Съ чего бы начать разговоръ?»

Съ минуту длилось молчаніе. Зося нюхала букетъ, привезенный отбывшимъ только что Валекомъ.

— Какъ пройти мнѣ въ виллу?—растолкуйте, пожалуйста!

— Къ сожалѣнію, меня сегодня въ первый разъ вынесли на воз духъ. Я двѣ недѣли была больна и не могу проводить васъ. Но поднимитесь на веранду, тамъ на столѣ долженъ быть колокольчикъ, позвоните, пожалуйста!

Григорій Ивановичъ поднялся по шаткимъ ступенямъ и позвонилъ. Черезъ минуту появилась молоденькая горничная. Увидавъ незнакомаго барина, она разинула ротъ и готова была скрыться обратно, но ее остановилъ голосъ Зоси:

— Тася, ты опять забыла поставить мнѣ колокольчикъ, и приходится звонить самимъ гостямъ. Проводи барина въ виллу.

Григорію Ивановичу оставалось только откланяться и слѣдовать за своимъ чичероне въ красномъ сарафанѣ. Онъ, однако, самъ отнесъ колокольчикъ Зосѣ, поднялъ откидной столикъ у ручки старомоднаго кресла и удостоился пожать нѣжные пальчики дѣвушки.

Дорогой онъ сумѣлъ выспросить у Таси всю подноготную о барышнѣ, поинтересовавшись, конечно, прежде всего, какъ ее зовутъ.

Можно себѣ представить, какъ обрисовала Тася свою любимую госпожу! Захлебываясь отъ восторга, она говорила о ея красотѣ и и добротѣ, о томъ, какъ панъ самъ въ ней души не чаетъ, а мать даже побаивается ея,—потому маменька ихняя только по хозяйству, а онѣ настоящая барышня, и по французскому, и по нѣмецкому, и по польскому умѣютъ, а ужъ играютъ, такъ на фортопьянахъ играютъ, что не хочешь, а слезы такъ и текуть, такъ и текуть,— вытирать не поспѣваешь!

— А что и женихи ѣздятъ? Вонъ у барышни букетъ на колѣняхъ лежалъ?

— Ѣздитъ одинъ, панъ Валька! да не больно барышнѣ ндравится. Куда ему!.. Имъ бы за графа, али за князя выдтить надо бы, а тотъ что,—самъ управитель только. Вотъ какъ станутъ къ новому барину настоящіе господа ѣздить въ гости, такъ навѣрно барышнѣ недолго придется въ дѣвушкахъ сидѣть, потому такой другой красавицы нигдѣ кругомъ нѣтъ.

Таська вывела Григорія Ивановича къ цвѣтнику у пруда и заработала за свою откровенность цѣлый четвертакъ. Рѣшивъ по этой щедрости, что баринъ настоящій и въ женихи годится, она во весь духъ помчалась домой, подкидывая на ходу монету, и чуть отъ восторга не потеряла ее въ травѣ. Зосѣ она, конечно, тотчасъ же передала о своемъ разговорѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ и очень огорчилась, когда барышня сдѣлала ей выговоръ за болтливость.

Придя на террасу, Гришенька тотчасъ же накинулся на дядю.

— Нечего сказать! везете меня въ Колычево, а о здѣшней красавицѣ хоть бы словомъ обмолвились. Я понимаю, Иванъ Николаевичъ не проговаривается, боится, что я отобью ее у него, но вы-то; вѣдь интересы племянника должны бы васъ ближе касаться, повидимому!

— Да что ты, словно съ цѣпи сорвался. Какая красавица? гдѣ ты ее тутъ разыскалъ?

— Да панна Юшкевичъ!

— Ахъ, Зося.. Ну, батюшка, эта не въ моемъ вкусѣ, хрупка и очень самоувѣренна!

— Я знаю, что вы предпочитаете фигуры сферическія, но, говорятъ, она дивная музыкантша. Къ сожалѣнію, она нездорова, а

то бы я не отсталъ отъ Ивана Николаевича и умолилъ бы его пригласить ее сегодня же обновить вонъ тотъ сорокалѣтній рояль.

Иванъ Николаевичъ, вошедшій при послѣднихъ словахъ, спросилъ:

— Кого это вы собираетесь приглашать на концертъ?

— Да дочь вашего щербатаго папа. Я только что узналъ, что «когда она играетъ, такъ слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ», а я давно ужъ не плакалъ.

— Да! я самъ какъ-то слышалъ ея игру. Это безподобная артистка. Ваша идея воистину геніальна и какъ только позволитъ здоровье панны Зоси, я приведу вашу мысль въ исполненіе.

— Но съ уговоромъ, что позовете и меня. Иначе мы враги!

XII.

Знойный лѣтній день.
Золотится рожь,
Налился ячмень
И овесъ хорошъ.
Миръ вамъ, благодать,
Тихія поля!
Прокорми насъ, мать—
Родина—земля!

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Черезъ недѣлю въ бѣлой залѣ былъ уже настроенъ рояль.

Узнавъ, что отецъ рѣшился, наконецъ, помириться съ Колычевымъ и что о переѣздѣ въ городъ нѣтъ больше и вопроса, Зося начала быстро поправляться. Панъ Романъ не могъ отказать Ивану Николаевичу, явившемуся лично просить молодую дѣвушку обновить на дняхъ чудный старинный инструментъ, клавишъ котораго еще никто пока, кромѣ настройщика, не касался.

Зося, блѣдная и похудѣвшая, вся порозовѣла отъ радости и, протянувъ свои пальчики Колычеву, поблагодарила за эту огромную честь.

— Боюсь только, что вы разочаруетесь. Я вовсе не такая артистка, какъ вы предполагаете!

— Объ этомъ позвольте мнѣ судить самому. Я имѣлъ уже однажды удовольствіе слышать вашу игру. Marche funèbre Шопена и полонезъ Огинскаго?.. Я впервые понялъ ихъ и, сознаюсь, былъ весь вечеръ потомъ подъ ихъ впечатлѣніемъ... Самъ я не играю, но музыка глубоко волнуетъ меня.. Бываютъ аккорды, отъ которыхъ я чувствую точно электрическіе токи по всему тѣлу. И есть мотивы, которые могутъ растрогать меня до слезъ.

Зося ликовала: онъ слышалъ! онъ любитъ музыку... и свѣтлая улыбка озарила ея личико, и синіе глаза съ восторгомъ поднялись на него...

— Я васъ понимаю.. Когда я играю, я вся ухожу въ звуки... Другіе могутъ говорить, когда играютъ, а у меня языкъ точно отнимается, и я никакъ не могу отвѣтить на вопросъ, если вздумаютъ спросить: что это за пьеса, которую я играю.. Мнѣ кажется блаженствомъ имѣть хорошій инструментъ. Отецъ обѣщалъ мнѣ перемѣнить при случаѣ наше старое фортепьяно, но для этого мнѣ самой надо ѣхать въ Варшаву и выбрать рояль.. Поэтому я особенно благодарна вамъ, что вы доставите мнѣ случай испробовать настоящій Эраръ..

Иванъ Николаевичъ поднесъ ея ручку къ губамъ.

— А я впередъ благодарю васъ за предстоящее наслажденіе.

У Зоси замерло сердце... мечты начали сбываться не на шутку.

«Она прямо очаровательна!—думалъ Колычевъ, возвращаясь изъ стараго дома. Странная игра судьбы: у такихъ неинтересныхъ, въ сущности глубоко прозаичныхъ людей какимъ-то образомъ рождается дочь-артистка и красавица вдобавокъ. Немудрено, что этотъ хлыщеватый питерецъ Гришенька сразу влюбился.. Да, будь я помоложе»...

Едва удалился Колычевъ, въ гостиную вошелъ панъ Валекъ. Не успѣлъ онъ еще открыть рта, чтобы спросить о ея здоровьѣ, какъ Зося сама обратилась къ нему:

— Надѣюсь, панъ здоровъ?

Валекъ растерялся.

— Да, панна Зося... Я здоровъ.

— Тѣмъ лучше, потому что я имѣю сказать пану слово..

Молодой человѣкъ замеръ отъ ожиданья.

— Я слушаю.

— Сколько времени ѣзды до Новаго?—спросила Зося.

— Полтора часа.

— Значитъ, обратно три... Ну, такъ я не желаю больше, чтобы панъ у хозяина ради меня отнималъ черезъ день по три часа своей службы, да и меня забавлялъ по часу, итого — четыре... Я здорова.. букеты связывать и вѣнки плести я сама умѣю, а конфеты ѣмъ только свѣжіе изъ варшавскихъ цукерень.. А если панъ не понялъ, пусть хорошенько подумаетъ, а я толковать ему своей рѣчи не стану... Счастливаго пути.

И, сдѣлавъ ему низкій реверансъ, Зося упорхнула въ мезонинъ.

Усы Валека, лихо закрученные кверху, сразу повисли. За эти послѣднія три недѣли онъ считалъ свое дѣло съ Зосей сильно подвинувшимся, потому что Романъ далъ ему понять, что ничего противъ него и его ухаживаній не имѣетъ. Еще недавно Зося довольно милостиво принимала его въ цвѣтникѣ, а потомъ все сразу перемѣнилось... и наконецъ сегодня этотъ довольно прозрачный намекъ.

Панъ Валекъ взялъ хлыстъ и, не повидавшись ни съ Романомъ, ни съ Юзыней, отправился въ Новое къ великому удивленію и негодованію не успѣвшаго отдохнуть Зефира...

Былъ уже конецъ іюля, самый разгаръ деревенской страды. Мужики и бабы возвращались съ работы безъ пѣсенъ. Всѣ были измучены. Торопились днемъ покончить барское, чтобы по ночамъ убирать свое. Послѣ многихъ споровъ панъ Романъ согласился наконецъ разбить недѣлю на законные очередные три дня барщины и дать крестьянамъ роздыхъ.

— На свою голову балуете ихъ, вѣдь мы контрактомъ связаны. Мы къ первому сентября должны купцамъ первую тысячу мѣръ представить. Намъ придется штрафъ платить.

— Ничего, справимся, панъ!—возражалъ Колычевъ.—Нельзя же заставлять ихъ работать всю недѣлю на барина. По закону барщина допускается лишь на три дня, а остальное время дается въ распоряженіе самихъ мужиковъ. Я положительно не понимаю такихъ явныхъ нарушеній. Наконецъ, и ихъ пожалѣть надо.

— И будемъ валандаться съ уборкой весь августъ...—ворчалъ панъ.—Въ хозяйствѣ надо свой интересъ соблюдать, а не о людяхъ думать. Барщина на то и существуетъ, чтобы помѣщику помощь была. А какая жъ это помощь, когда у васъ хлѣбъ на корню осыпается, а мужикъ свой жнетъ.

Но Иванъ Николаевичъ былъ непоколебимъ и настоялъ-таки на своемъ.

Зато и любили его крестьяне!..

Съ его переселеніемъ панъ Романъ «поджалъ хвостъ», по ихъ мнѣнію. Дѣйствительно, онъ былъ сдержаннѣе. Не слышно было такъ часто «быдла» и не раздавались налѣво и направо затрещины; хотя польскіе кулаки и чесались попрежнему, и Романъ порою и былъ готовъ отправить виновнаго на конюшню, но зналъ, что Колычевъ считалъ подобное наказаніе унизительнымъ для человѣческаго достоинства, и ограничивался однѣми угрозами и сверхурочной работой.

— Вотъ ужъ баринъ, такъ баринъ,—говорили колычевцы:— и не чаяли такого дождаться! Что свое, что крестьянское—ему за одно идетъ! Отецъ родной, а не баринъ! При такомъ и воли не надо.

Разговоры о волѣ ходили уже давно. Возвращавшіеся изъ города съ базара каждый разъ приносили новыя свѣдѣнія. Разсказывали, что воля ужъ вышла и царемъ подписана, но пока лежитъ гдѣ-то въ алтарѣ на престолѣ до Свѣтлаго праздника. Другіе увѣряли, что она задержалась, потому что послана въ Іерусалимъ, нужно ее печатью, что у Гроба Господня висѣла, припечатать, чтобъ никто бы ее ужъ больше отмѣнить не могъ. Третьи утверждали, что она на золотой грамотѣ написана, но что ее подмѣнить задумали. А четвертые отрицали всѣ слухи и остерегали болтуновъ,—потому это все для искушенія одного,—хотятъ испытать

крестьянъ, взбунтовать, а послѣ еще хуже будетъ: кого сквозь строй погонятъ, кого въ Сибирь сошлютъ, какъ при Аракчеевѣ.

Сегодня какъ разъ Иванъ Николаевичъ объѣзжалъ съ паномъ Романомъ поля. Кое-гдѣ уже высились скирды, но на большинствѣ полосъ мелькали серпы и бѣлѣли согнутыя спины жнущихъ бабъ.

— Богъ въ помощь!—кричалъ имъ, подъѣзжая, Колычевъ.

— Спасибо, кормилецъ!

И, отеревъ рукавомъ потъ съ прожженнаго солнцемъ лица, баба снова наклонялась надъ колючей рожью и продолжала прерванную на мигъ тяжелую работу.

Урожай на господской землѣ, обильно удобренной, вспаханной глубокими англійскими плугами, былъ отличный.

Не то было на крестьянской. Рожь родилась рѣдкая, колосъ легкій и солома низкая, зато лебеды и куколя въ ней росло достаточно.

Иванъ Николаевичъ остановилъ лошадь и указалъ Роману на тощіе снопы.

— Когда-нибудь мы съ вами отвѣтимъ за этотъ жалкій урожай, а не мы, такъ наши дѣти!

— Говори за себя,—подумалъ полякъ:—за твоихъ не отвѣчаю, а за своихъ и Зосиныхъ поручусь, что никогда,—а вслухъ онъ возразилъ:—Сами виноваты,—удобряютъ и пашутъ кое-какъ, а могли бы на барщинѣ научиться. Да вѣдь этихъ лѣнивыхъ скотовъ только палкой, какъ слѣдуетъ, работать заставишь. Ну, а кто же его за собственное его поле къ отвѣту потянетъ? И такимъ хозяевамъ землю отдавать!..

— Въ этотъ разъ я попрошу васъ, панъ, имъ остатки навоза со скотнаго отдать. Съ насъ, право, хватитъ...

— Пусть берутъ, но не поручусь, что отъ насъ его много останется. Вѣдь на одни парники и грунтовые сараи что его снова потребуется!

Это тоже былъ одинъ изъ негласныхъ польскихъ доходовъ. Что дѣлать! придется и тутъ уступить... но зато когда-нибудь онъ вознаградитъ себя за всѣ эти убытки.

— Кстати, панъ, завтра я ѣду на нѣсколько дней въ Карауловку, а потомъ хочу проѣхать въ Горки. Не поѣдете ли вы туда со мною... Мнѣ былъ бы очень важенъ вашъ совѣтъ!

Панъ Романъ надулъ по обыкновенію щеки.

«Ишь ты, какимъ соловьемъ запѣлъ... Мой совѣтъ ему важенъ, а давно ли меня въ шею гнать собирался? Эй, Романъ! не плошай...»—и вслухъ онъ отвѣтилъ:

— Время больно горячее. Лучше подождать до осени, а то безъ меня тутъ не справятся.

— Такъ-то оно такъ... Но и тамъ оно не менѣе горячее. Хоть на нѣсколько дней, я васъ не задержу...

Увидимъ, я сразу обѣщать не могу,—дѣловито отвѣтилъ полякъ, а про себя подумалъ: «И какая ты мокрая курица, и какъ я тебя легко по своей дудкѣ плясать заставилъ! Погоди еще и не то будетъ...»

— Ну-съ, а теперь пора и домой. Карауловы обѣщали быть къ шести часамъ. Напомните вашимъ дамамъ, что я ихъ жду...

... У пани Юзыни шелъ горячій споръ съ Зосей, въ чемъ итти Зосѣ въ виллу. Дѣвушка стояла за то бѣлое, вышитое матерью платье, край котораго какъ-то поцѣловалъ Валекъ, а мать настаивала на розовомъ шелковомъ, подаренномъ Олесею. Той оно было узко, и графиня Запольская охотно подарила его бѣдной подругѣ своей дочки.

— То слишкомъ просто!—увѣряла пани Юзыня.—У всѣхъ такія есть. А это въ Варшавѣ шито и сейчасъ видно, что отъ хорошей портнихи.

— Ни за что, ни за что не надѣну этого платья! Оставьте, мама, вы не понимаете! Я совсѣмъ не хочу казаться франтихой и терпѣть этого платья не могу. Сейчасъ видно, что оно не на меня было заказано.

— Что ты, цурка, сидитъ, какъ влитое, и талія у тебя еще тоньше кажется. И кто же знаетъ, что его тебѣ Олеся подарила? Клянусь тебѣ, я никому о томъ ни слова не говорила.

— Я сама знаю, и съ меня этого довольно. Мнѣ все будетъ казаться, что всѣ знаютъ и станутъ шептаться: а вотъ на ней платье съ чужого плеча... Не приставайте, мама. Докторъ не позволилъ раздражать меня.

Пани Юзыня замолчала и съ благоговѣніемъ понесла обратно въ шкапъ шумящее розовое, отливавшее серебромъ гроденаплевое платье.

— Да, кабы не докторъ, ужъ я бы настояла на своемъ.

Зося была готова. И въ своемъ бѣломъ простенькомъ платьицѣ, изъ отложнаго воротничка котораго, словно нѣжный стебель, выходила ея тонкая шейка, дѣвушка казалась саксонской статуэткой. Завязавъ голубой поясъ и оглянувъ себя еще разъ въ зеркало, она помогла матери въ ея туалетѣ, и пани Юзыня почувствовала себя очень важной въ своемъ зеленомъ шанжанъ платьѣ съ бѣлыми выпускными тюлевыми рукавами и въ пышной наколкѣ, сфабрикованной Зосей изъ остатковъ лентъ и кружевъ. Панъ Романъ тоже прифрантился, выбрился и даже вычистилъ ногти и былъ спрыснутъ Зосиными духами. Зося накинула клѣтчатую бедуинку, втихомолку перекрестилась подъ нею, и всѣ трое направились по липовой аллеѣ въ бѣлую виллу.

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЕ ОРЛЫ [1]).

(Силуэты конца XIX вѣка).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обѣды беллетристовъ у Донона.—Пушкинскій юбилей.—Графъ Л. Н. Толстой.—В. В. Стасовъ.—Начальники печати: Е. Ѳеоктистовъ и М. П. Соловьевъ.

I.

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ десять лѣтъ XIX вѣка среди беллетристовъ, жившихъ въ Петербургѣ, завелись «дононовскія субботы». Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца рѣшено было собираться въ ресторанѣ стараго Донона у Пѣвческаго моста. Никакой опредѣленной, партійной окраски у собиравшихся не было: сходились, чтобъ повидаться другъ съ другомъ, покалякать, вспомнить старину, подѣлиться послѣдними новостями, помянуть непремѣнно цензуру,—и разойтись не позднѣе одиннадцатаго часа. Организатора послѣдующаго обѣда выбирали иногда баллотировкой, а иногда вручали бразды правленія на цѣлый рядъ обѣдовъ одному избранному и усердно его просили не отказываться и заняться разсылкою повѣстокъ, составленіемъ меню и пр.

Одно время эти обѣды процвѣтали. Собиралось отъ двадцати до сорока человѣкъ. Завелся «альбомъ обѣдающихъ». Въ альбомъ этотъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 41.

заносили краткій протоколъ собранія, подписанный всѣми участвующими, а затѣмъ вписывались экспромты, шутки, рисовались карикатуры и пр. Одинъ изъ такихъ, уже заполненныхъ альбомовъ былъ переданъ его хранителемъ Д. Л. Мордовцевымъ въ Публичную библіотеку, гдѣ и находится по сіе время. Что сталось со вторымъ альбомомъ, только начатымъ,—мнѣ неизвѣстно.

Карикатуры въ большинствѣ случаевъ рисовались подъ редакціей того же Мордовцева, или, какъ мы его называли, «діда Смердивцева». Рисовались онѣ акварелью, во весь листъ большого альбома, даровитымъ художникомъ-скульпторомъ С-кимъ, и иногда разнообразились рисунками членовъ обѣденнаго союза. Съ наиболѣе интересныхъ акварелей сняты были коллекціи фотографическихъ снимковъ, и, по всей вѣроятности, еще у многихъ хранятся. Наиболѣе удачны композиціи въ стилѣ древней иконописи. На одной такой изображена «Не-тайная вечеря»,—гдѣ за длиннымъ столомъ, въ византійскихъ одеждахъ, съ золотыми нимбами вокругъ головъ возсѣдаютъ беллетристы; иные портреты удачно стилизованы. Хорошо было иконописное изображеніе въ память избранія почетныхъ академиковъ: они сдѣланы сидящими на облакахъ; внизу же, въ адской геен̀нѣ изображены не избранные, простирающіе длани къ небесамъ. Былъ какъ-то изображенъ Левъ Толстой въ видѣ извѣстной скульпторной фигуры «Нила», причемъ маленькія фигурки человѣчковъ, копошащихся вокругъ него,—были портреты участниковъ обѣдовъ.

Обѣды были очень скромны, и никогда не превышали съ виномъ пяти рублей. Шампанское появлялось очень рѣдко; и только иногда поздней весною, когда вмѣсто разъѣхавшихся беллетристовъ собиралось четверо-пятеро, по взаимному согласію, хлопали пробки «Померри» и на закуску появлялась лангуста. Дамъ на этихъ обѣдахъ никогда не было, хотя Вас. Ив. Немировичъ-Данченко аккуратно каждый обѣдъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, требовалъ приглашенія на слѣдующій разъ дамъ, и когда вопросъ проваливался, просилъ занести его отдѣльное мнѣніе въ протоколъ засѣданія. Это дало поводъ къ появленію въ альбомѣ такой карикатуры. Среди озера изображена была круглая башня, изъ бойницъ которой торчали отточенныя перья. Дверь была заперта наглухо; наверху на площадкѣ, между зубцовъ, пировали подъ знаменемъ «Donon» беллетристы, а на берегу горько плакали беллетристки и поэтессы, тщетно молящія о пропускѣ; но на башнѣ значилось: «для мужчинъ».

Политика была совершенно чужда этихъ собраній. Даже было условіе—не касаться общественныхъ вопросовъ, а отдыхать за живой бесѣдой. Памятникомъ этихъ обѣдовъ остался «Пушкинскій сборникъ», изданный къ столѣтнему юбилею великаго поэта.

II.

Мысль объ изданіи этого сборника была подана А. В. Амфитеатровымъ на одномъ изъ обѣдовъ осенью 1898 года. Тогда шелъ въ журналистикѣ разговоръ о томъ, чтобы устроить близъ Святогорскаго монастыря какое-нибудь благотворительное учрежденіе памяти поэта. Въ пять-десять минутъ вопросъ изданія былъ рѣшенъ. Дѣло упростилось тѣмъ, что А. С. Суворинъ предложилъ безвозмездно исполнить всю типографскую работу. Нашлись и бумажные фабриканты и переплетчики, доведшіе цифру платежа до минимума. Мой старый академическій товарищъ граверъ В. В. Матэ обѣщалъ безплатно исполнить офортъ съ оригинала Кипренскаго, а экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, по распоряженію С. Ю. Витте, безплатно его напечатала. Словомъ, за дѣло взялись дружно.

Редакторами «сборника» были баллотировкой выбраны К. К. Случевскій, Д. Л. Мордовцевъ и пишущій эти строки, а секретаремъ редакціи В. М. Грибовскій. Болѣе двадцати разъ собирались мы для обсужденія полученнаго матеріала,—и къ юбилею, менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ первой мысли объ этомъ изданіи, появился внушительный томъ въ 675 страницъ, давшій чистаго дохода около семи тысячъ. Деньги эти пошли не на благотворительное учрежденіе, а въ фондъ памятника Пушкину.

Въ числѣ желательныхъ сотрудниковъ, изъ числа не бывшихъ на обѣдахъ, собраніе въ первую голову намѣтило Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, и мнѣ поручили вступить съ ними въ переговоры.

Съ Антономъ Павловичемъ дѣло было очень просто: послалъ ему въ Ялту заказное письмо и черезъ десять дней получилъ нужный отвѣтъ. Но не такъ просто обстояло дѣло съ Толстымъ.

— Откажется Левъ Николаевичъ,—говорилъ я.

— Почему?

— Потому что онъ врагъ всякой помпы.

— Рискнемъ.

— Рискнуть можно, но ничего не выйдетъ.

— Ну, и рискуйте.

Рѣшили, что писать неудобно, а надо пригласить лично. Не могу сказать, чтобъ миссія эта была мнѣ по душѣ. Я хорошо зналъ, до чего одолѣвали Льва Николаевича посѣтители, и всегда уклонялся отъ безпричинныхъ визитовъ къ нему. Сколько разъ П. А. Сергѣенко звалъ меня:

— Поѣдемте въ Ясную.

— Да вѣдь онъ тамъ отдыхаетъ, чего я ему буду мѣшать?

— Онъ будетъ радъ. Мы еще недавно вспоминали про васъ.

— Чего ему радоваться,—до меня ли ему?

— Повѣрьте, онъ любитъ вниманіе.

— Это не вниманіе, а назойливость.

Но теперь, являясь отъ цѣлаго кружка литераторовъ, я какъ будто и имѣлъ причину безпокоить его, хотя не вѣрилъ въ благопріятный исходъ. Меня не обманули мои предположенія.

Днемъ я послалъ записку съ артельщикомъ, спрашивая Л. Н-ча, въ которомъ часу онъ позволитъ зайти къ нему. Артельщикъ пришелъ, сказавъ, что «вышли графъ сами и сказали: въ семь часовъ жду, скажи, очень радъ».

Я чувствовалъ необъяснимую виноватость, когда переступалъ порогъ его дома въ Хамовникахъ. Но встрѣтилъ онъ меня въ первой же комнатѣ съ той очаровательной, изысканной любезностью, которая такъ присуща была ему, когда онъ хотѣлъ быть очарователенъ. Расчесывая бороду и волосы гребнемъ, онъ сѣлъ въ кресло у керосиновой лампы безъ абажура и, весело улыбаясь, сказалъ:

— Знаю, зачѣмъ пріѣхали.

— Мы надѣемся, что вы не откажете,—безо всякой надежды въ голосѣ сказалъ я.

Онъ зорко посмотрѣлъ на меня.

— Надѣетесь? Будто?—спросилъ онъ.

Его улыбка заразила меня.

— Правду говоря, я не надѣюсь.

— Ну, вотъ—такъ-то лучше.

— А чѣмъ мнѣ объяснить вашъ отказъ?

Опять свѣтлая и радостная улыбка озарила его.

— Скажите, выжилъ старикъ изъ ума.

— Не повѣрятъ.

— Ну, такъ скажите вотъ что. Я ни минуты не умаляю значенія Пушкина,—но противъ вашей иллюминаціи.

— Какой иллюминаціи?

— Да вотъ вздумали зажечь плошки по случаю столѣтія. Кому это надо? Ему? Вамъ? Ужъ меня отъ этого избавьте! Тоже суетиться съ другими, бенгальскій огонь жечь—увольте. Вотъ меня теперь духоборы тревожатъ... А съ Пушкинымъ носитесь. Ни хуже, ни лучше онъ отъ ихъ сборника не будетъ. Что вамъ за охота редактировать?

— Выбрали... Отказаться нельзя.

— Да... Кому-нибудь надо. Всѣ съ себя спихнуть хотятъ чтеніе рукописей...

Онъ положилъ гребень на столъ.

— Давайте лучше о васъ говорить. Что вы пишете?

III.

Черезъ четверть часа онъ перешелъ на духоборовъ. Тогда онъ исключительно занимался ими. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо все больше и больше одушевлялось... Въ глазахъ заблестѣли слезы, голосъ задрожалъ. Онъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Вотъ, я получилъ...

И онъ началъ читать. Нѣсколько разъ онъ наскоро вытиралъ глаза, сверкавшіе яркимъ свѣтомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Слезливыя нотки все чаще прорывались у него. Потомъ онъ бросилъ письмо и сказалъ:

— Простите, не могу... Волнуетъ это меня!

Пришло еще двое. Онъ опять заговорилъ объ отправленіи парохода въ Америку. Предо мной былъ юноша, юноша-утопистъ, который вѣрилъ въ обновленіе жизни и въ райское житье среди прерій. Его рѣчь лилась потокомъ. Онъ поочередно останавливалъ свой вдохновенный взоръ на каждомъ изъ насъ, какъ бы вызывая сочувствіе къ тому, о чемъ говорилъ. Онъ держалъ руки за ременнымъ поясомъ и видно было, что ему нравится, какъ жметъ кисти рукъ ремень и какъ эта боль успокаиваетъ его отъ наплыва тѣхъ мыслей, что волновали его.

Опять звонокъ,—и вошли свѣтскіе молодые люди. Я поднялся прощаться.

— А вашихъ никого нѣтъ?—спрашивали они.

— Никого нѣтъ,—подождите, они скоро будутъ...

Стоялъ передъ ними свѣтскій человѣкъ, одѣтый въ блузу, но графъ, представитель общества: старый графъ Курагинъ,—не какой-то прокуроръ Иванъ Ильичъ или профессоръ Круглосвѣтловъ,— а старый исконный русскій аристократъ.

— Вы что же? уходите?—спросилъ онъ меня, потомъ посмотрѣлъ на другихъ и прибавилъ:

— Ну, зайдите какъ-нибудь еще...

Онъ вышелъ въ прихожую, и опять сталъ улыбаться.

— А иллюминаціи я все-таки зажигать не буду,—сказалъ онъ.— Заходите... когда никого не будетъ...

Черезъ день я зашелъ, и опять неудачно. У него сидѣли по дѣлу духоборовъ. Онъ былъ у себя въ кабинетѣ, и штора была поднята «для полиціи».

— Вы сегодня въ Петербургъ? — спросилъ онъ. — Чеховъ въ Крыму? Ну, Григоровичу кланяйтесь... Сережѣ Максимову. Живъ еще?... Не скоро вы въ Москву? Ну, тогда въ царствіи небесномъ увидимся, потому что я въ Петербургъ не собираюсь.

На прощанье я разсказалъ Л. Н—чу, какъ Григоровичъ говорилъ о его критикахъ:

— Я бы заставилъ этихъ мерзавцевъ по воскресеньямъ приходить въ Хамовники и цѣловать руку Толстого... Да не руку его, а руку его дворника... Лапу собаки дворника... Больше:— слѣдъ блохи собаки дворника, чтобы чувствовали, кто такой Левъ...

И Левъ Николаевичъ хохоталъ, какъ ребенокъ.

IV.

Но судьба судила иное.

Не въ царствіи небесномъ я встрѣтилъ Льва Николаевича, а по желанію директора императорскихъ театровъ.

Въ 1900 году я получилъ должность управляющаго. Въ это время нѣкоторыя газеты были полны изложеніемъ содержанія его новой пьесы «Трупъ».

Я никакъ не думалъ, что «Трупъ» былъ фантазіей репортеровъ. Что-нибудь да есть правды изъ всего говора, поднятаго вокругъ Толстого. И я поѣхалъ.

Такъ же любезно, такъ же радушно онъ принялъ меня и полушутя сказалъ:

— Вотъ охота вамъ итти въ чиновники! Сидѣли бы, дѣлали свое дѣло. А то теперь вы связаны по рукамъ и ногамъ.

Я сказалъ, что пока меня ничѣмъ не связываютъ, а въ будущемъ,—если окажется кто прохвостомъ, съ кѣмъ служить нельзя— такъ и уйти можно.

— Ну, коли такъ,—сказалъ онъ:—тогда надо итти на компромиссъ.

Я заговорилъ о «Трупѣ».

— Вотъ и чиновники!—смѣясь отвѣтилъ онъ.—Сейчасъ ужъ, какъ ракъ, на трупъ и садятся,—нельзя ли попользоваться.

Онъ не то привѣтливо, не то съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Скажите чиновникамъ,—заговорилъ онъ:—что нѣтъ у меня «Трупа», онъ не конченъ. Я старъ для того, чтобы написать большую вещь. Ни силъ нѣтъ, ни времени. — Да, я задумалъ пьесу, но никогда ее не кончу. Между тѣмъ, что на бумагѣ, и тѣмъ, что на сценѣ, — цѣлая бездна... Надо опредѣлить перспективу, а мнѣ это не подъ силу.

Онъ нервно погладилъ бороду.

— Я въ «Плодахъ просвѣщенія» былъ, какъ авторъ, на сторонѣ мужиковъ,—а на сценѣ вдругъ они оказались такими же мошенниками и плутами, какъ и Гроссманъ, и плутами сознательными. При этомъ я не могъ упрекнуть актеровъ,—они хорошо играли, хотя мужики были изъ разныхъ губерній, а не изъ одной деревни: ужъ очень говоръ ихъ отличался другъ отъ друга. Вотъ я и понялъ, что одно написать, другое дать пьесу,—разница большая—текстъ и

исполненіе. Ну, словомъ, на «Трупъ» вы не разсчитывайте: скоро я его не напишу.

Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи и еще разъ, смѣясь, сказалъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы въ чиновники пошли! Тутъ у меня кто-то изъ конторы былъ. Старался притворяться, что понимаетъ что-то. А романъ вашъ я еще не прочелъ [1]). Мнѣ его Чеховъ хвалилъ. Вы повѣрьте, настоящаго нерва для драматическаго писателя у Чехова нѣтъ. Я знаю, вы любите его, а потому правду ему не скажете. Онъ писатель въ небольшихъ рамкахъ повѣствованія. Если утверждаютъ, что онъ основалъ новую школу, такъ врутъ... И не надо ничего ему основывать. Пусть онъ самимъ собой будетъ.

Пришелъ лакей звать чай пить, сказалъ, что пріѣхали Заньковецкая и Кропивницкій.

— Вы знакомы?—спросилъ Левъ Николаевичъ.—Они искренніе люди, и, кажется, вѣрятъ въ то, чему служатъ.

Въ гостиной былъ накрытъ длинный столъ. Александра Львовна, едва вышедшая изъ подростковъ, сидѣла за хозяйку. Толстой, здороваясь съ гостями, притворился, что очень радъ имъ. Графиня Софья Андреевна сѣла рядомъ со мной «занимать» литератора и стала присматриваться ко мнѣ. А Толстой велъ салонный разговоръ, и опять мнѣ показалось, что передо мной старикъ Курагинъ, только модернизированный, спускающійся до актеровъ...

Въ разговорѣ какъ-то зашла рѣчь о Владимирѣ Стасовѣ. Вдругъ Левъ Николаевичъ круто обратился ко мнѣ:

— А что Владимиръ Васильевичъ въ художественныхъ кружкахъ цѣнится, какъ знатокъ искусства?

— Не знаю, какъ среди художниковъ,—отвѣтилъ я:—но въ писаніяхъ своихъ онъ, какъ критикъ, очень слабъ.

— Я такъ и думалъ...—задумчиво проговорилъ Левъ Николаевичъ.—Онъ съ нахрапу на все кидается и ни о чемъ не думаетъ... Много онъ могъ бы сказать хорошаго, а ничего не сказалъ... Вотъ я собираюсь поговорить о живописи...

---

[1]) Я только что послалъ Л. Н. Толстому романъ «Купальные огни». До этого я посылалъ «Туманы», и мнѣ писалъ сынъ его Андрей отъ 19 ноября: «Милостивый Государь, пишу вамъ по порученію отца, чтобы поблагодарить васъ за присылку вашей книги. Папа читалъ ее еще въ «Недѣлѣ» и онъ ее очень хвалилъ. Отецъ извиняется, что самъ не можетъ и т. д.

Тутъ же было письмо самого Л. Н. отъ 13 декабря:

«Не отсылалъ вамъ этого письма, потому что самъ хотѣлъ поблагодарить васъ не только за присылку, но и за самое произведеніе, которое я все читалъ въ «Недѣлѣ и съ большимъ удовольствіемъ.

«У меня есть братъ, человѣкъ съ чрезвычайно вѣрнымъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ и когда я видѣлъ его послѣдній разъ, онъ мнѣ такъ хвалилъ «Туманы», и мнѣ было очень пріятно перебрать съ нимъ нѣкоторыя особенно понравившіяся намъ прекрасныя сцены».

«Вашъ Л. Толстой».

Онъ виновато улыбнулся...

— Я скажу то, что давно думаю, и что надо сказать, и что не говорятъ. Я скажу, что выносилъ въ себѣ, и то, что считаю вѣрнымъ.

— Вы съ «характеромъ» въ искусствѣ Тэна не согласны?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ:

— Не въ характерѣ дѣло, а въ томъ, что больше характера. Что изъ того, что схватишь характеръ предмета,—а если онъ ни на что не нуженъ? Художникъ тотъ, кто заставитъ повѣрить въ то, что изображаемое имъ нужно. Я терпѣть не могу Шекспира. Но онъ заставляетъ въ себя вѣрить. Онъ беретъ за шиворотъ и ведетъ къ далекой цѣли, не позволяя смотрѣть по сторонамъ.

Графиня слушала разсѣянно этого маленькаго старичка въ блузѣ. Она обратилась, какъ любезная хозяйка къ гостямъ, и стала ихъ занимать. А Толстой, какъ будто не желавшій продолжать разговора, внезапно обратился ко мнѣ съ предложеніемъ:

— А какъ вы насчетъ шахматовъ?

V.

Какъ всегда, учтиво провожая, онъ спросилъ:

— А вы за границу?

— Да. Нужно въ Парижъ и Лондонъ.

— Вы можете заѣхать къ Черткову въ Эссексъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Мнѣ надо кое-что послать ему. Я пришлю въ Петербургъ.

— Все, что хотите. Я прямо изъ Петербурга въ Лондонъ.

— Хорошо. Вы получите отъ меня посылку.

Въ Петербургѣ я получилъ отъ него письмо:

«Очень вамъ благодаренъ, любезный П. П., за вашу готовность повидать Черткова. Пожалуйста сдѣлайте это; адресъ его: Christehurch Hents, Владимиру Григорьевичу Черткову... Еще просьба къ вамъ. Не можете ли передать прилагаемое письмо Суворину, передавъ ему мой привѣтъ и прося его напечатать его въ «Новомъ Времени». Желаю вамъ полезной [1]) и пріятной поѣздки.

«Л. Толстой».

Затѣмъ ко мнѣ въ театръ явилось одно лицо отъ имени Л. Н. и просило послать по почтѣ прилагаемый конвертъ; конечно, и это я обѣщалъ исполнить съ удовольствіемъ.

Но, къ сожалѣнію, я не могъ исполнить обѣщанія Толстому; въ Лондонъ пріѣхалъ я, какъ оказалось, на Страстной недѣлѣ, и къ четвергу у нихъ было все закрыто, а театръ «Lyceum» совсѣмъ

[1]) Я ѣхалъ по порученію директора театровъ кн. С. М. Волконскаго.

закрыть. Мнѣ приходилось сидѣть нѣсколько дней безцѣльно, ожидая открытія театровъ,—и, послѣ двухъ дней пребыванія, я рѣшился покинуть городъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже былъ мнѣ извѣстенъ. О Чертковѣ нечего было и думать,—и я ограничился письмомъ къ нему и посылкой.

Въ Парижѣ я засталъ полный развалъ: тамъ въ Страстную субботу въ Moulin rouge,—тогда еще существовалъ этотъ притонъ,—было что-то въ родѣ «встрѣчи весны», на которой, впрочемъ, я не былъ. Оттуда я написалъ Толстому, что не могъ въ точности исполнить его порученія относительно Эссекса.

Слава Толстого уже въ то время была крупной. Въ улицѣ Ришелье, въ небольшомъ книжномъ магазинѣ усердно торговали произведеніями Толстого. Тамъ я купилъ полный экземпляръ «Воскресенія», за которое въ сущности и былъ Толстой отлученъ отъ церкви, не столько за оскорбленіе таинства евхаристіи, сколько за описаніе визита Нехлюдова къ Побѣдоносцеву. Этого не могъ переварить глава синода, и графъ оказался отлученнымъ.

Во французскихъ карикатурныхъ журналахъ Толстой былъ изображенъ съ нимбомъ вокругъ головы, въ позѣ святого. «Деканонизація» обращена была въ шутку—и отъ деканонизированнаго Толстого шли лучи. Я вырѣзалъ карикатуру и послалъ графу,—не знаю, получилъ ли онъ.

Не знаю также, полученъ ли имъ рисунокъ изъ нѣмецкаго «Jugend». Тамъ изображенъ Толстой, извлекаемый изъ храма. Фигура громадная. Приходится распилить пополамъ зданіе, чтобы извлечь его...

Такъ иностранцы относились къ великому философу.

VI.

Толстой сказалъ о Стасовѣ, что онъ «кидается съ нахрапу и ничего не видитъ».

Это удивительно вѣрно. Тридцать лѣтъ, если не больше, Стасовъ состоялъ присяжнымъ критикомъ. Онъ трубилъ на перекресткахъ, кричалъ, что важно, что плохо, превозносилъ, унижалъ, развѣнчивалъ, увѣнчивалъ, все дѣлалъ искренно и думалъ, что онъ неопровержимъ. Онъ увлекался всѣмъ, до кинематографа включительно; то онъ превозносилъ Моллера, считая его равнымъ Брюллову, и плохую картину «Іоаннъ на Патмосѣ» равнялъ съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи». То онъ увѣрялъ, что Перовъ выше Кнауса и Менцеля; то что Владимиръ Маковскій на вѣрной дорогѣ, что только его «обличительный жанръ» и имѣетъ значеніе. То онъ превозносилъ И. Е. Рѣпина выше облака ходячаго,—и превозносилъ именно за слабыя его стороны. Онъ погубилъ много художниковъ своей нео-

обузданной похвалою и хулою, въ томъ числѣ тормозилъ дѣятельность Рѣпина. Художникъ съ огромнымъ своеобразнымъ талантомъ, онъ поддавался вліянію критика и, невольно, по молодости лѣтъ, вѣря въ него и его критерій, шелъ по ложной дорогѣ. Иногда онъ стряхивалъ съ себя гипнозъ Стасова, и тогда давалъ искреннія, сильныя произведенія. Но вліяніе на него Стасова—самый жестокій, самый печальный періодъ въ живописномъ творчествѣ художника.

Рѣпинъ—изумительно талантливъ въ портретахъ. Онъ сохранилъ намъ Толстого живымъ, полнымъ тѣхъ силъ, той мощи, которая ему была присуща. Только къ Толстому Рѣпинъ не подошелъ съ тѣмъ сарказмомъ южанина, который замѣчается во всѣхъ остальныхъ его портретахъ. Быть можетъ, этотъ сарказмъ помимо самого художника сквозитъ въ его произведеніяхъ,—сарказмъ скрытый, еле замѣчаемый, даже совершенно не замѣченный Стасовымъ.

Развѣ не глубокой сатирой дышитъ портретъ Побѣдоносцева въ картинѣ «Государственный Совѣтъ»? Эти сложенные пальцы, этотъ взглядъ глубокаго государственнаго человѣка, эта фарисейская поза, развѣ это не глубочайшій сарказмъ? А Плеве? Этотъ докладывающій чиновникъ—развѣ онъ не передаетъ цѣликомъ весь характеръ почтеннаго министра?—А портретъ Максима Горькаго? А контрастъ этому портрету, его жена—Марія Өедоровна, стройная брюнетка, бывшая актриса, одѣвающаяся по послѣдней модѣ? А портретъ Григорія Петрова съ крестомъ, вынутымъ изъ-за пазухи,—это ли не глубочайшая сатира,—повторяю, быть можетъ, вылившаяся помимо воли творца.

Разъ только, въ самомъ неудачномъ портретѣ, Рѣпинъ вздумалъ изобразить жестокую аллегорію на Толстого, представивъ его босоногимъ. Мнѣ графиня Софья Андреевна жаловалась на этотъ портретъ, тоже, конечно, не понявъ его сущности.

— Позвольте! Во-первыхъ, Левъ Николаевичъ никогда босикомъ не ходитъ. Во-вторыхъ, развѣ это его ноги? Ужъ кому, какъ не мнѣ, знать, какія ноги у Льва Николаевича! Ничего подобнаго. Это Рѣпинъ отъ себя выдумалъ...

— Не можетъ быть, графиня, такой реалистъ, какъ Рѣпинъ...

— Увѣряю васъ, онъ отъ себя выдумалъ,—нервно закончила Софья Андреевна:—никогда у него такихъ ногъ не было.

VII.

Стасовъ — какъ археологъ и знатокъ старины—стоитъ очень немногаго. Можетъ быть, онъ и знатокъ въ полотенцахъ, конькахъ и древнихъ пряникахъ, но очень плохой спеціалистъ въ дѣйствительной московской старинѣ. Увлекаясь всѣмъ, что было предъ его глазами,

онъ упускаетъ изъ вида всегда главное, и всегда говоритъ «по поводу». Толстой въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ ему:

«....Я пришелъ въ ужасъ. Ради нашей дружбы, бросьте это дѣло, и избавьте меня отъ этихъ фонографовъ и кинематографовъ. Мнѣ это ужасно непріятно, и я рѣшительно не соглашаюсь позировать и говорить...

...«Пожалуйста, простите меня за то, что надѣлалъ вамъ хлопотъ, сначала согласившись, а потомъ отказавшись отъ всякихъ фоно-кинемато-графовъ. Я сперва согласился, когда жена спросила меня, но потомъ, когда въ ея отсутствіе прочиталъ ваше письмо, то ужаснулся тому, что сдѣлалъ...» [1]).

Стасовъ не понималъ, что Толстому не нуженъ ни кинематографъ, ни граммофонъ, и не стѣсняясь приставалъ къ нему чрезъ Софью Андреевну съ рыночными зазываньями. Наконецъ, у бѣднаго Льва Николаевича вырывается вопль наболѣвшаго сердца по адресу Стасова.

Лучше всего обнаружился Стасовъ, когда дали на сценѣ петербургскаго Малаго театра «Царя Ѳеодора Іоанновича».

Это былъ спектакль чисто гипнотическаго характера. Время такое подоспѣло, или цензурное запрещеніе сыграло здѣсь свою роль, но только первое представленіе трагедіи Алексѣя Толстого сопровождалось необычайнымъ успѣхомъ. Критики просмотрѣли, что неврастеникомъ царя играть нельзя, что замыселъ у автора совсѣмъ другой, что Иванъ Шуйскій не можетъ имѣть польскій акцентъ, на это въ экстазѣ никто не обращалъ вниманія. Особенно всѣмъ нравилась постановка: ее превозносили, восхищались декораціями, костюмами. У меня до сихъ поръ цѣла книга рецензій объ этомъ спектаклѣ. Я, какъ завѣдующій художественной частью, конечно, могу отнести часть похвалъ къ себѣ,—но рѣшительно отказываюсь отъ этихъ лавровъ, въ виду того, что обстановка была готова только къ пятому спектаклю. Дошло дѣло до того, что старую, много разъ видѣнную декорацію сада, въ которомъ столько же было Москвы XVI вѣка, сколько и садовъ Черномора, одинъ спеціальный журналъ отмѣтилъ, какъ образецъ постановки.

Ставили пьесу наспѣхъ—въ двѣ недѣли. Декораторъ Суворовъ писалъ необыкновенно быстро, нерѣдко спускалъ декораціи сырыми, и во время перваго дѣйствія писалъ картину для послѣдняго. Только понадѣясь на него, можно было приняться за постановку пьесы.

Суворовъ былъ очень талантливъ, но несамостоятеленъ. Зналъ превосходно перспективу, но компановать онъ могъ только по готовымъ эскизамъ. Онъ зналъ секретъ итальянской грунтовки холста, и когда декораціи другихъ декораторовъ осыпались, его—по прошествіи пятнадцати лѣтъ—точно вчера написаны.

[1]) Письма Л. Н. Толстого, № 120. Собраніе П. А. Сергѣенко, 1910 г.

Онъ смѣло взялся за дѣло, обѣщая, что все поспѣетъ къ сроку, но, конечно, къ сроку ничего не поспѣло. Первый актъ онъ видоизмѣнилъ изъ «палаты Шуйскаго», работы профессора Шишкова, въ извѣстномъ изданіи «Борисъ Годуновъ», выпущенномъ въ свѣтъ фирмой Ильина; Золотая палата тоже была прямо заимствована оттуда; теремъ царицы былъ сдѣланъ по моему эскизу,—и все это было подготовлено. Но Яуза и послѣдняя картина—передъ кремлевскими соборами [1]) не были совершенно готовы ко дню спектакля.

VIII.

Я видѣлъ, что дѣло плохо, и что приходилось изобрѣсти трюки, которыми отвлекалось бы вниманіе публики отъ обстановки. И вотъ я рѣшилъ пустить вскачь по авансценѣ казака, который бы карьеромъ перелеталъ мостъ и скрывался за угломъ укрѣпленія. Трюкъ былъ нѣсколько рискованный, но до того поразилъ публику неожиданностью, что сѣрая въ яблокахъ лошадь получила апплодисменты всѣмъ заломъ. Самъ А. С. Суворинъ срепетовалъ народную сцену безъ суфлера, а плотники, строившіе какой-то срубъ на берегу рѣки, являлись какъ разъ умѣстнымъ элементомъ для послѣдней кровавой схватки...

И публика не замѣтила, что послѣдній планъ не былъ написанъ.... Утромъ, на другой день, онъ былъ размытъ Суворовымъ и написанъ заново.

Еще болѣе поддалась гипнозу публика въ послѣдней картинѣ— передъ соборами въ Кремлѣ. Начиная со второго плана, весь Кремль былъ только начерченъ по бѣлому холсту, да слегка намѣчена Спасская башня. Но хоръ слѣпыхъ, превосходно поставленный изъ хора Архангельскаго А. С. Суворинымъ, привелъ публику въ неистовый восторгъ. Тутъ я пустилъ свой второй трюкъ: купили наборъ колоколовъ, и я пригласилъ звонаря изъ Аничкова дворца. Получился эффектъ небывалый, и колокольный звонъ, несмотря на сравнительную жидкость, показался изумительнымъ.

Самая слабая сторона спектакля была костюмная. Бояре, кромѣ Годунова, не были въ тюбетейкахъ и всѣ простоволосые. Костюмы были сдѣланы только на главныхъ персонажей, да и то не XVI, а XVII вѣка. У насъ этимъ же анахронизмомъ страдала до послѣдняго времени даже императорская сцена, и бояре щеголяли въ короткихъ нижнихъ одеждахъ, вопреки археологіи и здравому смыслу [2]). Хуже всего было то, что бояре были въ сапогахъ

---

[1]) Мой эскизъ этой картины теперь въ музеѣ г. Бахрушина.

[2]) Въ театрѣ Станиславскаго даже устроили на воротникахъ широченные стоячіе козыри, какихъ никогда не носили въ царствованіе Ѳеодора, — это можно видѣть изъ «Посольства къ германскому императору» и изъ «Вѣнчанія на царство Лжедимитрія».

съ драгоцѣнными каменьями и золотою вышивкой у себя дома, ночью. Московскія, непролазныя отъ грязи улицы въ то время какъ бы не существовали, и, кромѣ парчи и бархата, на одежды другихъ матерій не шло. Верхомъ нелѣпости было появленіе Ѳедора въ послѣдней картинѣ, послѣ частной панихиды по отцѣ, въ бармахъ и шапкѣ Мономаха. Нелѣпость эта не только никому не бросилась въ глаза, но потомъ обошла всю Россію, и москвичи нисколько не погнушались воспринять цѣликомъ царскій орнатъ вѣнчанія, да еще прибавили высокія горлатныя шапки боярамъ, характерную подробность царствованія царя Алексѣя.

В. В. Стасовъ, увидя «Ѳедора» на сценѣ Малаго театра, несмотря на то, что былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ «Новымъ Временемъ», пришелъ отъ него въ неописанный восторгъ, и, высказавши его Суворину, разразился на столбцахъ «Новостей» цѣлымъ дифирамбомъ.

Всѣ недостатки, всѣ погрѣшности постановки были возведены имъ въ перлъ созданія. Все лучшее, что было, не было имъ замѣчено, вся нелѣпица превознесена. Особенно его поразили шитые сапоги.

— Это превосходно!—восклицалъ онъ.—Это значительно! Этого не было даже при постановкѣ «Смерти Іоанна Грознаго».

Бѣдный! онъ полагалъ, что шварцовская постановка первой части трилогіи Толстого непогрѣшима и можетъ явиться образцомъ, какъ надо ставить историческія пьесы.

Когда я объяснилъ ему, что въ постановкѣ много прорухъ, онъ, не унывая, воскликнулъ:

— Не бѣда! Это ничего, что такъ не одѣвались и въ расшитой обуви не ходили! Пусть ходятъ, это важно!

IX.

Левъ Николаевичъ смѣялся надъ яркими рубахами и шароварами Стасова, какія онъ любилъ заказывать себѣ для лѣтняго времени. Въ одномъ изъ портретовъ убѣленнаго сѣдинами критика И. Е. Рѣпинъ изобразилъ его въ такихъ какофоническихъ тонахъ, что меня отбросило, когда я подошелъ къ холсту. Портретъ точно шрапнелью окатывалъ зрителя: «На, молъ, каковъ я, что скажешь!» И насколько Левъ Николаевичъ былъ скроменъ и изящно-красивъ въ своихъ небѣленыхъ блузахъ, настолько Стасовъ былъ слащавъ и безвкусенъ въ тонахъ придворнаго кучера добраго стараго времени.

«Царя Ѳедора» пропустили только благодаря стараніямъ А. С. Суворина. Это была не первая его заслуга передъ драматическою цензурой. Ему же обязаны были появленіемъ на свѣтъ Божій шекспировскій «Юрій Цезарь» и толстовская «Власть тьмы».

У меня до сихъ поръ хранится экземпляръ «Власти тьмы», набранный для цензуры и не пущенный въ продажу. Въ экземплярѣ

цензоръ Литвиновъ тщательно вычеркнулъ все, что ему казалось нецензурнымъ. Я лично обратился, какъ товарищъ предсѣдателя кружка, къ Θеоктистову, бывшему тогда начальникомъ управленія по дѣламъ печати. Я совсѣмъ его не зналъ, помнилъ только стихотвореніе Алмазова:

Палъ великій Θеоктистозъ
Съ двухаршинной высоты!

Поѣхалъ я къ нему вмѣстѣ съ А. П. Коломнинымъ, бывшимъ однимъ изъ иниціаторовъ кружка. Оба облачились въ сюртуки. Тогда не было любезныхъ начальниковъ вродѣ князя Шаховского или г. Бельгарда, которые всѣхъ принимаютъ предупредительно въ своемъ кабинетѣ. Θеоктистовъ заставилъ насъ подождать себя съ полчаса въ пріемной, потомъ вышелъ нахмуренный.

— Опять «Власть тьмы»?—сурово спросилъ онъ.

— Опять, ваше превосходительство,—отвѣчаю я.

— Что вы привязались къ этой гадости?

— Привязались. Въ этомъ экземплярѣ вычеркнуто все, что цензоръ счелъ неудобнымъ для сцены.

— И ребенка не душатъ?

— Ребенка душатъ, только за сценой.

— А косточки хрустятъ?

— Да вычеркнуто это.

— Мерзость!

Онъ сморщился, какъ отъ чего-то кислаго.

— Хорошо, дайте. Приходите завтра! Я посовѣтуюсь.

«Власть тьмы» то запрещали, то разрѣшали. То срепетованную пьесу мы снимали съ репертуара, то снова ставили. Все дѣлалось будто бы по повелѣнію свыше, когда оттуда ничего, кромѣ дозволенія, не исходило. Неожиданно увидя пьесу на репертуарѣ, говорятъ, Θеоктистовъ неистово зазвонилъ въ телефонъ къ И. А. Всеволожскому.

— Кто позволилъ, ваше превосходительство?—захлебываясь отъ гнѣва, спросилъ онъ.

Отвѣтъ, послѣдовавшій отъ директора, былъ настолько неожиданъ, что начальнику пришлось только разинуть ротъ и, сказавъ «А-а!», закрыть телефонъ.

X.

Но преемникъ Θеоктистова, М. П. Соловьевъ, оказался еще осторожнѣе своего предшественника. Я редактировалъ новое изданіе своей «Исторіи искусствъ». Въ минувшемъ году трехтомное сочиненіе разошлось въ десяти тысячахъ экземплярахъ, и теперь дѣлались наскоро кой-какія поправки. Вдругъ изъ конторы говорятъ

мнѣ, что цензурой вычеркнуто все пропущенное въ предыдущемъ изданіи. Я лечу въ управленіе.

Соловьевъ принялъ меня въ кабинетѣ, съ напускной любезностью; онъ вслѣдствіе своего косоглазія, какъ смѣясь говорили о немъ, смотрѣлъ на свое дѣло разносторонне. Онъ больше интересовался миніатюрами-иконами, которыя изображалъ съ удивительной тщательностью, чѣмъ дѣлами своего учрежденія: какъ выражался одинъ поэтъ—даже Бога видѣлъ только въ миніатюрѣ. Но сказалъ онъ мнѣ то же слово въ слово, что Ѳеоктистовъ:

— Что вы привязываетесь къ этой мерзости?..

— Вы объ Ге?

— О немъ. Ну, развѣ можно его печатать?

— Однако картина «Что есть истина?» объѣхала Европу и Америку.

— Сумасшедшій Ильинъ повезъ! Намъ это не указъ.

— Я не имѣю права разсуждать, хорошо ли это, или дурно. Какъ историкъ, я обязанъ помѣстить эту вещь и сдѣлать ея описаніе.

— Ничего вы не обязаны. Что это—«Христосъ на лобномъ мѣстѣ»? Развѣ можно изображать такую пакость. Или Голгоѳу?

— Однако Толстой...

— Толстой въ искусствѣ ничего не понимаетъ. Толстой вотъ считаетъ «Разбойниковъ» Шиллера лучшей и самой нравственной пьесой.

— Но вѣдь уже было напечатано и пропущено первое изданіе?

— Не при мнѣ. Я не допущу.

Цѣлые полчаса я провозился съ нимъ, доказывая, что это стереотипъ, что выкинутую строку надо чѣмъ-нибудь замѣнить. Наконецъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо. Такъ и быть: я пропущу Ге,— кромѣ картины «Повиненъ смерти». Только услуга за услугу. Вы должны въ текстѣ похвалить иконы Боровиковскаго въ Казанскомъ соборѣ.

— Не могу.

— Почему?

— Да листы ужъ отпечатаны.

— Однако это лучшія работы по иконной живописи въ Россіи?

— Слишкомъ много новой итальянщины.

— Что же, Васнецовъ лучше?

— Болѣе православный. Старообрядцы и тѣ Васнецова признаютъ.

— Старообрядцы по невѣжеству. Они не могутъ понять Боровиковскаго. А я не могу понять Васнецова. Ну, вотъ что. Въ этомъ изданіи такъ и быть—о Боровиковскомъ оставимъ. Но къ будущему изданію вы должны сдѣлать по-моему.

Я, скрѣпя сердце, обѣщалъ — въ надеждѣ, что къ тому времени Соловьевъ уйдетъ.

Дѣйствительно, къ 1907 году его уже не было: — онъ умеръ, восхищаясь Боровиковскимъ и считая его первымъ русскимъ иконописцемъ, такъ что четвертое изданіе обошлось безъ него.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С. Атава, Н. П. Вагнеръ.—Эпизодъ Вагнера съ Достоевскимъ. — Братья Соловьевы.—А. И. Куинджи.

I.

Я говорилъ уже, что рѣдкій русскій писатель не былъ драматургомъ. Ужъ на что Сергѣй Атава—милѣйшій Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ — и тотъ какъ-то разродился «Maman»—вещью, написанной крайне неумѣло.

Въ 1894 году онъ лечился на Кавказѣ. Каждое утро онъ являлся ко мнѣ и спрашивалъ полбутылки коньяку и стаканъ молока.

— Докторъ говоритъ, что необходимо. Только не знаю что: коньякъ съ молокомъ, или молоко съ коньякомъ.

И начинались безконечные разсказы о старомъ помѣщичьемъ житьѣ-бытьѣ. Всѣ кинто — продавцы фруктовъ — знали его по имени и отчеству, всѣ торговцы Пятигорска, Эссентуковъ и Кисловодска. Популярность его была невѣроятна. Онъ избиралъ себѣ помѣщеніе съ балкономъ и зазывалъ всякаго проходящаго. Иногда онъ вспоминалъ свою пьесу:

— Господи, какая гадость!

— Ну, ужъ не очень!—утѣшалъ я.

— Очень! И зачѣмъ только ее поставили, эту «Maman»? Особенно я теперь вижу, что это за пакость. Во мнѣ нѣтъ драматической жилки.

Зато другой авторъ, Н. П. Вагнеръ, серьезно считалъ себя драматургомъ. Неуживчивый, подозрительный, онъ никогда не звалъ къ себѣ въ гости. Я встрѣчалъ его только въ Литературномъ обществѣ да раза два въ редакціи «Сѣвера», куда онъ далъ мнѣ какую-то повѣстушку.

Разъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и не застаетъ дома. Я пишу ему, спрашиваю, когда его застать,—онъ заѣзжаетъ во второй разъ, застаетъ меня.

— Я, видите ли, написалъ пьесу.

Онъ никогда не улыбался и смотрѣлъ мрачно.

— Изъ эпохи пугачевскаго бунта...

— Не пропустятъ!

— Пропустятъ. Знаете, кто цензоръ? Нашъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ?

— Давно ли?

— Недавно. Я ему ужъ говорилъ. Пріѣзжайте ко мнѣ, и онъ будетъ. Вотъ я вамъ и почитаю.

— Я съ нимъ давно не видался. Мы разошлись совсѣмъ.

— Я говорилъ ему. Онъ очень радъ возобновить знакомство съ вами.

— Хорошо.

Вскорѣ состоялось чтеніе. Въ унылой квартирѣ противъ Греческой церкви Котъ-Мурлыка читалъ свою драму. Я смотрѣлъ на стѣны, гдѣ висѣли картины его сына, смотрѣлъ на его голый черепъ, и вспоминалъ все, что говорили о немъ и его подозрительности,— начиная съ Достоевскаго, который любилъ его подразнить.

Когда онъ кончилъ третій актъ и спросилъ:

— Ну, какъ?

Я сказалъ то же, что и прежде:

— Не пропустятъ!

— Отчего! Я пропущу!—вступился Всеволодъ.—Что же тутъ такого?

— Народный бунтъ—пугачевщина. На сцену этого не пустятъ.

— Вздоръ. Я пропущу.

Вагнеръ обидѣлся и, повернувшись ко мнѣ бокомъ, продолжалъ чтеніе.

Когда онъ совсѣмъ прочелъ, Всеволодъ замѣтилъ:

— Ну, пять-шесть фразъ для порядка выкинемъ,—остальное пройдетъ.

Вагнеръ оживился и спросилъ меня:

— А Суворинъ поставитъ?

— Отчего же не поставить,—а только не пропустятъ! Я съ цензурой всю жизнь воюю.

Соловьевъ взялъ прошеніе, деньги, экземпляръ и сказалъ, что пьеса будетъ, на удивленіе всѣхъ, пропущена.

Но пьесу не пропустили. А вскорѣ послѣ того Соловьевъ принужденъ былъ покинуть постъ цензора, такъ какъ его нашли «слишкомъ либеральнымъ».

Это статскаго совѣтника и камеръ-юнкера!

II.

Самъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ никогда не рисковалъ сдѣлаться драматургомъ, хотя нѣсколько разъ говорилъ со мной о пьесѣ. Онъ былъ слишкомъ нервенъ и болѣзненъ, чтобы пере-

жить первое представленіе. Вдобавокъ онъ былъ очень невысокаго мнѣнія объ артистахъ.

Большія квартиры, къ которымъ онъ имѣлъ пристрастіе, создали вокругъ него цѣлый циклъ знакомыхъ. Въ началѣ его житья въ Петербургѣ къ нему, по его словамъ, часто заходилъ Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ, особенно послѣ его эпилептическихъ припадковъ.

Онъ сидѣлъ у него хмурный, желчный, говоря, что ни къ кому не можетъ заходить послѣ припадковъ, кромѣ его.

Однажды, когда онъ какъ разъ находился въ самомъ скверномъ настроеніи, вошелъ Николай Петровичъ Вагнеръ.

Достоевскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Хозяинъ назвалъ фамилію вошедшаго. Достоевскій сказалъ:

— Очень радъ.

Вагнеръ вышелъ изъ себя.

— Какъ радъ! Вы меня не знаете!

— Въ первый разъ вижу.

— Я Вагнеръ, профессоръ зоологіи, Котъ-Мурлыка.

— Въ первый разъ вижу.

— Какъ! Вы у меня сотрудничали въ «Свѣтѣ»!

— Никогда.

Достоевскій, подъ вліяніемъ припадка эпилепсіи, вышучивалъ Вагнера, противъ котораго что-то имѣлъ. Тотъ схватилъ шапку и ушелъ.

Потомъ Соловьевъ спрашиваетъ у Ѳедора Михайловича:

— Въ самомъ дѣлѣ вы не знаете Вагнера?

Ѳедоръ Михайловичъ подумалъ и сказалъ:

— Кажется, знаю. Сразу не вспомнилъ.

Потомъ стоило мнѣ нѣкотораго труда уговорить Кота-Мурлыку сотрудничать въ «Сѣверѣ», который я началъ издавать съ Соловьевымъ. Никакъ не могъ Николай Петровичъ забыть происшедшаго эпизода.

Я не былъ его свидѣтелемъ и передаю только со словъ Всеволода Сергѣевича.

Гораздо менѣе я былъ знакомъ съ его братомъ Владиміромъ. Сильный опредѣленный умъ его подчинялъ ему отчасти и брата. Но, приверженецъ православія, Всеволодъ въ ужасѣ былъ отъ перехода Владиміра въ католичество. Къ философскимъ сочиненіямъ брата онъ относился свысока и цѣнилъ только шуточные стихи. Владиміръ Соловьевъ былъ въ этомъ отношеніи послѣдователь Алексѣя Толстого и любилъ шуточныя произведенія въ стилѣ Кузьмы Пруткова. Кому неизвѣстна его шутка:

Наверху горятъ небесъ паникадилы,
А снизу—тьма...

Но немногимъ извѣстна его веселая комедія, гдѣ есть стихъ такого рода:

Сладко извергомъ быть
И пріятно забыть
Бога...
Но за это ждетъ до-
Вольно скверная до-
Рога...

III

Съ Владиміромъ Сергѣевичемъ я, впрочемъ, познакомился еще студентомъ, въ самомъ концѣ 70-хъ или въ началѣ 80-хъ годовъ. Я обѣдалъ у его брата. Я тогда только что началъ писать,—да и Всеволодъ, который былъ старше меня всего лѣтъ на шесть, еще не былъ «извѣстнымъ» литераторомъ: онъ только начиналъ серію своихъ историческихъ романовъ. Но онъ уже былъ женатъ, нанималъ большую квартиру въ концѣ Офицерской и старался оказывать возможно больше вниманія «начинающимъ». Узнавъ, что я третій годъ сижу надъ переводомъ «Гамлета», онъ сказалъ мнѣ:

— Я очень люблю «Гамлета» и весьма хотѣлъ бы познакомиться съ вашимъ переводомъ. Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать,—а потомъ мы почитаемъ. Никого не будетъ посторонняго.

И вотъ послѣ обѣда мы расположились въ небольшомъ кабинетѣ хозяина съ кофе и рукописью; только что я собирался приступить къ чтенію, какъ раздался звонокъ. Всеволодъ Сергѣевичъ высунулся въ дверь и еще разъ приказалъ:

— Никого, никого, никого.

Тѣмъ не менѣе кого-то впустили, и кто-то сказалъ въ щелку двери:

— Это Владиміръ Сергѣевичъ.

— А,—ну, это можно!—сказалъ хозяинъ.—Я васъ сейчасъ познакомлю съ моимъ младшимъ братомъ,—онъ интересный человѣкъ, и съ большими способностями.

Въ кабинетъ впустили худого красиваго брюнета съ густыми бровями. Ему тогда не было тридцати лѣтъ, но онъ казался старымъ. Голова такъ и просилась для лѣпки скульптора—столько въ ней было угловъ, бугровъ и завитушекъ. Онъ оживленно пожалъ руку брату, посмотрѣлъ на меня, думая о томъ, что ему надо сейчасъ сказать, и началъ быстро передавать брату подробности о какой-то фрейлинѣ, должно быть, для нихъ важныя и интересныя. Потомъ разговоръ перешелъ на какую-то публичную лекцію, и хозяинъ сказалъ:

— Вы знаете, мой братъ профессоръ университета?

Меня какъ кипяткомъ обдало: читать еще неконченный студенческій переводъ передъ профессоромъ, да еще философомъ,—

это было свыше моихъ силъ. Я ужъ подумывалъ: какъ бы отложить чтеніе, когда Всеволодъ, видя мое смущеніе, сказалъ брату:

— Я сейчасъ тебѣ доставлю истинное наслажденіе: мы будемъ слушать величайшаго изъ писателей.

Владимиръ Сергѣевичъ повернулъ ко мнѣ голову и посмотрѣлъ съ невыразимымъ изумленіемъ. Но когда онъ узналъ, что дѣло идетъ о «Гамлетѣ», успокоился, поджалъ подъ себя ноги и забился въ уголъ большого турецкаго дивана.

Я началъ читать со второго акта. Съ первыхъ же строкъ онъ насторожился. Разговоръ Полонія съ Рейнальдо, который всегда такъ мимоходомъ играется на сценѣ, вдругъ получилъ новое освѣщеніе только потому, что слушателемъ оказался В. С.

Сначала я слышалъ странные звуки, вродѣ иканья,—затѣмъ два-три короткихъ смѣшка. Взглянувъ на братьевъ, я встрѣтился съ большими сѣрыми глазами Владимира, впившимися въ меня. Лицо его все свѣтилось. Онъ встряхивалъ своими кудрями и съ дѣтской радостью ловилъ каждое слово. Это меня подбодрило,—и чѣмъ больше я старался возможно экспрессивнѣе передать неудержимую болтовню царедворца, тѣмъ болѣе росъ восторгъ Владимира. Когда я кончилъ сцену отца съ дочерью, онъ хлопнулъ брата по ногѣ и закричалъ:

— Нѣтъ, какова прелесть!

Онъ вскочилъ съ дивана, отбѣжалъ на середину комнаты и сказалъ откровенно:

— Никогда въ жизни этого не читалъ! Мы всѣ читаемъ сцены съ принцемъ. Ну, дальше, дальше, пожалуйста.

Онъ повалился на диванъ и приготовился слушать. Я началъ сцену доклада Полонія о томъ, что «день—день, ночь—ночь и время—время». И вдругъ послѣ первыхъ трехъ фразъ—слышу истерическій взрывъ тонкаго, почти визгливаго хохота, но до того заразительнаго, что даже сдержанный Всеволодъ начинаетъ хохотать. Я дѣлаю паузу и продолжаю. Но Боже мой! что было дальше! Владимиръ Сергѣевичъ упалъ сперва ничкомъ, потомъ перевернулся на спину, потомъ схватился за бока,—и наконецъ, къ концу монолога очутился на полу,—и братъ, указывая на него и самъ задыхаясь отъ смѣха, говоритъ:

— Смотрите, что можетъ сдѣлать геній!

Владимиръ ничего не хотѣлъ слушать, кромѣ Полонія.

— Читайте только сцены съ нимъ. Гамлетъ—Богъ съ нимъ!

Когда въ третьемъ актѣ Полонія убили, философъ сталъ серьезнымъ.

— Это нельзя такую фигуру убивать середи пьесы, ее надо проводить до конца...

Онъ вскорѣ ушелъ. Онъ оставилъ на меня впечатлѣніе очень смѣшливаго молодого человѣка.

— Это огромный умъ,—хвалилъ его братъ.—Только онъ блаженненькій. То онъ ходитъ босикомъ, то не ѣстъ мяса, то бьетъ лбомъ объ полъ—молится, то отрицаетъ обряды...

Вскорѣ Владимира Сергѣевича выслали изъ Петербурга, навсегда лишивъ каѳедры. Всеволодъ былъ очень этимъ обезпокоенъ. «Нелегальность» брата тѣмъ болѣе его мучила, что онъ только что получилъ камеръ-юнкерство. Когда Владимира вынесла толпа на рукахъ изъ аудиторіи Соляного Городка, Всеволодъ заявилъ, что онъ прямо разрываетъ съ нимъ всякія сношенія.

Потомъ сколько разъ намъ ни доводилось встрѣчаться съ Владимиромъ Сергѣевичемъ, онъ всегда вспоминалъ:

— Нѣтъ—Полоній-то, Полоній какая прелесть!

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе расходились братья. Я съ Владимиромъ встрѣчался въ редакціи «Недѣли», гдѣ мы нѣсколько лѣтъ печатались рядомъ. Съ Всеволодомъ же я почти не встрѣчался. Но разъ столкнулись, о чемъ я разсказывалъ выше.

— Какъ здоровье твое?—спросилъ я.

Мы съ половины 80-хъ годовъ были на «ты».

— Меня совершенно изводитъ братъ Владимиръ. Если моя печень пухнетъ, такъ только отъ него. Ты вѣдь знаешь его пристрастіе къ католичеству?

— Ну?

— Онъ публично въ Москвѣ причащался облатками у ксендза, такъ какъ наша церковь ему отказала въ «поновленіи». Больше того... у меня есть письма...

Всеволодъ схватился даже за бокъ.

— Ему изъ Рима предлагали санъ священника, а онъ отвѣтилъ: «я помирюсь только на кардинальской шапкѣ». И онъ будетъ кардиналомъ—помяни мое слово.

Пророчества Всеволода не сбылись. Владимиръ умеръ только уніатомъ,—и Всеволодъ самъ немногимъ пережилъ его.

О его смерти я только узналъ изъ газетъ.

IV.

Феноменальная фигура Куинджи, только въ прошломъ году умершаго, стоитъ передо мною во весь ростъ. Мало доводилось мнѣ встрѣчать такихъ уравновѣшенныхъ натуръ, какъ покойный Архипъ Ивановичъ.

Однажды, когда я вернулся домой, швейцаръ, давая мнѣ обрывокъ бумаги, сказалъ:

— Былъ тутъ господинъ; скажи, говоритъ, карточекъ никогда не имѣлъ, фамилія трудная, такъ не запомнить,—я напишу. И вотъ написали.

Я прочелъ на бумажкѣ:

«А. И. Куинджи».

Я сейчасъ ему написалъ письмо, гдѣ говорилъ, что около 11-ти и въ 5-мъ часу всегда дома,—и что могу къ нему заѣхать въ любое, назначенное имъ время.

Въ отвѣтъ на это на слѣдующій день онъ пріѣхалъ.

Мы расцѣловались. Я встрѣчалъ его, какъ сочлена, на засѣданіяхъ комитета. Тамъ онъ держалъ себя непринужденно. Прикрываясь незнаніемъ, довольно миѳическимъ, русскаго языка, онъ позволялъ себѣ горькія истины по адресу присутствующихъ.

— Этто, этто...—говорилъ онъ. размахивая руками,—этто, помоему, очень глупо... Совсѣмъ не умно... То, что теперь предлагаетъ... То, что теперь предлагаетъ Александръ Ѳедоровичъ...

— Алексѣй Ѳомичъ,—поправляютъ его.

— Что такое?—останавливается онъ.

— Алексѣй Ѳомичъ, а не Александръ Ѳедоровичъ.

— Виноватъ, Алексѣй Ѳомичъ. То, что предлагаетъ Алексѣй Ѳомичъ, этто совсѣмъ неправильно. Этто... этто... чепуха. Если мы логически посмотримъ, то увидимъ... Этто не пойдетъ. Александръ Ѳедоровичъ...

— Алексѣй Ѳомичъ...

— Что?... Да, Алексѣй Ѳомичъ думаетъ...

И такъ далѣе, до безконечности.

Мнѣ кажется, онъ отлично зналъ, что Алексѣя Ѳомича зовутъ Алексѣемъ Ѳомичемъ, а не Александромъ Ѳедоровичемъ, но называлъ его такъ, чтобы показать полное презрѣніе и къ нему, и къ его мнѣніямъ. Онъ въ глубинѣ души считалъ всѣхъ людей крайне недалекими, и все время изумлялся на ихъ глупость.

— Какъ этто... не имѣть денегъ... Я этто не понимаю. Много проживать и ничего не имѣть. Ну, какихъ-нибудь десяти тысячъ на черный день... Вонъ Александровскій умеръ, у него три рубля въ домѣ осталось... Что жъ этто... такое развѣ можно...

Подозрѣвали, что у него есть деньги, но думали, что сто-триста тысячъ. О милліонахъ никто не думалъ. Иногда, подъ шумокъ, когда никто не зналъ, онъ жертвовалъ когда сто, когда тысячу рублей «отъ неизвѣстнаго»,—но все это было по мелочи. Больше всего онъ былъ противъ совѣта академіи, членомъ котораго самъ состоялъ.

— Этто вы не любите... Этто вы губите самую сущность, которая... Вы не понимаете того дѣла, которому служите...

На сторонѣ онъ говорилъ:

— Бороды у нихъ у всѣхъ длинныя... Больше, чѣмъ надо... А головы совсѣмъ нѣтъ... Однѣ бороды...

Онъ былъ анахоретъ—и терпѣть не могъ ѣздить по гостямъ и принимать у себя. Въ самомъ трепаномъ старомъ сюртучишкѣ онъ

производилъ впечатлѣніе стараго закладчика или кулака - поставщика. Только кто зналъ его прямую, открытую душу, его взгляды на искусство, могъ оцѣнить его.

Войдя ко мнѣ и поздоровавшись, онъ оглядѣлся во всѣ стороны.

— Насъ никто не будетъ подслушивать?

— Нѣтъ, никто.

Онъ все-таки подошелъ къ дверямъ.

— Я этто терпѣть не могу портьеръ на двери,—усмѣхаясь, сказалъ онъ.—Совсѣмъ незамѣтно, если кто подслушиваетъ. Что хорошаго!

V.

Въ Архипѣ Ивановичѣ было что-то схожее съ Тёрнеромъ. На всемъ пространствѣ исторіи живописи отъ ея начала до нашихъ дней найдется только двѣ такихъ странныхъ фигуры, какъ Тёрнеръ и Куинджи.

У насъ очень мало знаютъ Тёрнера. Куинджи, несмотря на прирожденное сходство, плохо зналъ его біографію, хотя хорошо былъ знакомъ съ его дѣятельностью. Въ Тёрнерѣ онъ уважалъ болѣе всего, что онъ не продавалъ и никому не показывалъ своихъ картинъ, которыя ему нравились, и то, что онъ сказалъ, когда его похвалили.

— Вы равны Клоду Лоррену—величайшему изъ живописцевъ.

— Да,—но со временемъ буду Джозеффомъ Тёрнеромъ.

Оба были скупы...

Но нѣтъ, я не могу не разсказать здѣсь о Тёрнерѣ, какъ нѣкогда разсказывалъ о немъ Архипу Ивановичу.

Великій реформаторъ пейзажа въ 1775 году увидалъ Божій свѣтъ. Это не помѣшало ему прожить до 1851 года,—ему было подъ восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ переселился въ лучшій міръ. Сынъ неважнаго цырульника, онъ въ дѣтствѣ своемъ стригъ кошкамъ хвосты и кончиками ихъ, какъ кистью, писалъ первыя картины. Повидимому, житье въ узкомъ переулкѣ съ многоэтажными лондонскими домами мало давало ему простора для его таланта. Но онъ бродилъ по окрестностямъ громаднаго города и зарисовывалъ коттеджи богатыхъ лордовъ... Въ результатѣ—въ пятнадцать лѣтъ онъ любовался своими вещами въ королевской академіи, а двадцати семи лѣтъ былъ членомъ этой академіи.

Деньги и слава пришли къ нему рано, раньше, чѣмъ къ Куинджи. Но если Куинджи изъ принципа обходился безъ прислуги и жилъ на маленькомъ клочкѣ земли въ Крыму, ходя съ женой голыми цѣлое лѣто, то Тёрнеръ изъ скупости поселилъ у себя отца, запретивъ ему заниматься дискредитировавшимъ сына дѣломъ—парикмахерствомъ. Онъ заставилъ его выучиться столярному ремеслу.

— Отчего, отецъ, тебѣ не заняться дѣланіемъ мнѣ подрамниковъ? Это гораздо выгоднѣе, чѣмъ заказывать ихъ въ магазинѣ.

И старикъ, проклиная свою судьбу, принимался за строганіе дощечекъ, которыя выходили мало аккуратными, но зато стоили гроши. Сынъ дома не обѣдалъ,—занимался на этюдахъ цѣлыми днями, признавая только сухояденіе, а обыкновенно обѣдалъ съ отцомъ въ сосѣдней харчевнѣ: не держать же дома стола и кухарку!

Въ шесть утра, едва день начиналъ брезжить въ окнахъ его обширнаго чердака, уже онъ копошился въ своемъ ателье, и никто въ это время не смѣлъ его безпокоить. Никакія просьбы не заставляли его открыть двери мастерской.

То же самое у Куинджи. Попасть къ нему было дѣломъ небываломъ. Только ученики и близкіе знакомые, почему-нибудь нужные ему, могли попадать въ его святилище. Такъ онъ никогда никого къ себѣ не пускалъ. Изъ-за двери черезъ щелку для газетъ и журналовъ жена разспрашивала подробно о причинахъ визита и говорила то же, что швейцаръ:

— Не принимаетъ!

Иногда только, минутъ пять спустя, слышалось шлепанье туфлей Архипа Ивановича, и онъ съ веселой улыбкой отворялъ двери, говоря:

— Ничего, ничего, войдите!

VI.

Не знаю, любилъ ли Тёрнеръ, этотъ необычайный художникъ-самоучка, птицъ и животныхъ. Я думаю—любилъ, потому что онъ любилъ природу. Но человѣка онъ не любилъ, потому что любилъ онъ въ немъ только художника, только воплотителя на полотнѣ сказочныхъ эффектовъ, что преподноситъ натура. Куинджи любилъ птицъ. Онъ съ утра вылѣзалъ на крышу дома Елисѣева и тамъ лечилъ раненыхъ птицъ и кормилъ тучи голубей, воронъ, сорокъ и воробьевъ, слетавшихся къ нему. Въ его пустой неуютной гостиной, съ грошевой рыночной мебелью и потасканнымъ ковромъ, стояли тропическія растенія, гдѣ гнѣздились какіе-то чижи, проживавшіе въ отворенной клѣткѣ. Словно свое презрѣніе къ людямъ А. И. возмѣщалъ на любви къ животнымъ.

А. И. никогда не былъ подчиненъ женщинѣ,—жена для него была другомъ и спутницей жизни. Она сама готовила обѣдъ и мыла полы. Она понимала всю важность быть его женою. Не понимала этого подруга Тёрнера, наплодившая ему цѣлое стадо дѣтей. Куинджи былъ бездѣтенъ. Тёрнеръ, весь вѣкъ оставаясь холостымъ, имѣлъ двѣ семьи. Онъ, когда ему ужъ очень надоѣдала подруга дней, говаривалъ ей:

— Я уѣзжаю въ Венецію на этюды.

Съ этимъ она должна была согласиться, и оставалась съ дѣтьми. Тёрнеръ, нагруженный всѣмъ необходимымъ, переѣзжалъ въ другую часть Лондона и тамъ поселялся подъ фамиліей художника Бута. Тамъ ждало его, пріѣхавшаго изъ Венеціи, новое семейство, и новая подруга, которую онъ никогда не сдѣлалъ тоже своею женою. И здѣсь онъ проживалъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не заявлялъ:

— А не пора ли мнѣ въ Венецію?

Эта двойная игра великаго художника не граничила съ французскимъ фарсомъ. Онъ очень серьезно продѣлывалъ эти штуки, потому что иначе не могъ работать. Насколько онъ пренебрежительно смотрѣлъ на свое потомство, видно изъ того, что дѣтямъ онъ не далъ никакого воспитанія, а ихъ матерямъ оставилъ грошевую пенсію. Но въ то же время онъ завѣщалъ послѣ себя три милліона деньгами академіи.

Цифра три милліона приближаетъ его къ Куинджи. Но заработокъ Тёрнера—былъ результатомъ его ежедневнаго труда до глубокой старости. Лучшія свои вещи онъ писалъ, но не продавалъ, и завѣщалъ не семьѣ, а академіи—болѣе 300 картинъ и нѣсколько десятковъ тысячъ этюдовъ. Куинджи, достигнувъ извѣстности, послѣднія тридцать лѣтъ жизни не хотѣлъ продавать своихъ картинъ. Когда онъ открылъ на три дня свои мастерскія для желающихъ,— высокопоставленные посѣтители говорили:

— Продайте.

— Н-нѣтъ,—загадочно отвѣчалъ Архипъ Ивановичъ.

— Я бы... тысячъ... двадцать.

— Н-нѣтъ...

Проходило нѣсколько минутъ молчаливаго созерцанія.

— Ну, тридцать...

— Н-нѣтъ... Еще не кончено.

— Да что же тутъ кончать?

— Не кончено!

Тёрнеръ торговался со своими покупателями, какъ послѣдній ростовщикъ. Разъ по пяти лорды измѣряли по сотнѣ ступенекъ до его мастерской,—и онъ не уступалъ своихъ вещей, сбавляя по десяти фунтовъ съ запрошенной цѣны... Куинджи на все только отвѣчалъ:

— Н-нѣтъ!

Онъ занимался скупкою земли на берегу Чернаго моря, и то, что ему стоило грошъ, впослѣдствіи стоило милліоны. Пользы себѣ Архипъ Ивановичъ отъ этого не имѣлъ никакой, потому что, выдержавъ, эти земли подарилъ. Но онъ умѣлъ ихъ выдержать.

VII.

Сходство Куинджи съ Тёрнеромъ усиливается, если мы взглянемъ на ихъ задачи въ живописи. Для обоихъ не существовало трудностей. Самыя небывалыя задачи разрѣшались ими. Что можетъ быть прозаичнѣе паровоза и парохода? Между тѣмъ картина— «Корабль на буксирѣ у парохода», «Поѣздъ надъ Лондономъ»— высоко поэтическія вещи. Ни одинъ художникъ не достигалъ такого движенія и красоты,—и развѣ только у Диккенса страницы, когда мистеръ Домби и Старый Джо несутся къ морю по крышамъ лондонскихъ домовъ, могутъ стать рядомъ съ удивительной композиціей Тёрнера.

У Куинджи та же сила, тотъ же размахъ громаднаго художника; каждая его картина порождала цѣлую фалангу послѣдователей. Онъ научилъ видѣть въ природѣ что-то новое, неизвѣданное, но знакомое и родное.

Куинджи любилъ природу. Онъ плакалъ, онъ мучился надъ нею, ночью вскакивалъ съ постели и бѣжалъ къ этюду. Онъ вѣрилъ въ пейзажъ,—и спрашивалъ про картины своихъ собратьевъ:

— Развѣ это природа?

Онъ уходилъ въ послѣднее время отъ работы масляными красками. Хмурая петербургская погода и противные люди загоняли его въ свой уголъ. Онъ сидѣлъ въ спокойномъ, тихомъ углу. Тихія стѣны смотрѣли на него. Картины, старые его этюды, глядѣли со стѣнъ. Старая жена такъ же любовно смотрѣла на него. Его львиная сѣдѣющая голова, гордо встряхивая своими космами, поворачивалась къ зеркальному окну и смотрѣла на сутолоку великаго города.

— Мелкіе, скверные людишки!—думалъ онъ.—Вѣдь я милліонеръ, а между тѣмъ я не ростовщичествовалъ, не вымогалъ, не судился. Вы—камергеры, хулиганы, чиновники, живописцы, писатели, модныя дамы,—подымитесь до меня! Я открыто и смѣло гляжу вамъ въ глаза. Мнѣ все равно, признаете вы меня, или нѣтъ. Я ухожу въ свою берлогу и знаю, что я милліонеръ, а вы не милліонеры. Вы рабствуете, вы низкопоклонничаете изъ-за трехъ тысячъ въ годъ,—а я выше этого. Вы—представители столичной сутолоки— вы за грошъ продаете свою душу, а главнаго не понимаете,—не понимаете силы и величія человѣка.

Онъ присутствовалъ на засѣданіяхъ кассы учениковъ академіи,— и онъ съ жалостью глядѣлъ на голодныя, несчастныя лица академистовъ. Онъ трогалъ рукой бумажникъ и вынималъ иногда его, и оттуда сыпались неожиданныя средства и поддержка цѣлымъ семьямъ.

Онъ иногда стоялъ у окна и думалъ:

— Вотъ идетъ мужикъ. Онъ величайшій геній. Онъ выше Тёрнера и выше меня. Но что же дѣлать, если онъ только мужикъ. Онъ не прикасался рукой къ кисти, и онъ, величайшій художникъ,—нуль для искусства, потому что ничего для него не далъ.

— Величайшій художникъ—не тотъ, который хранитъ въ себѣ тѣ элементы искусства, которые находятся въ зачаточномъ состояніи, а тотъ, который ихъ выразилъ въ общепонятныхъ, выпуклыхъ образахъ.

Онъ видѣлъ въ искусствѣ что-то таинственное, мистическое. Нѣтъ ничего легче, какъ быть пейзажистомъ. Стоитъ только изобразить корову на лугу, курчавыя облака, зеленую травку, чтобы сдѣлаться художникомъ.

Но этого для Куинджи было мало.

Онъ требовалъ отъ искусства большаго. Отъ каждой картины онъ требовалъ новаго слова, онъ требовалъ сліянія съ природой, онъ требовалъ великаго Пана.

Великій Панъ чувствовался имъ. Онъ презиралъ тѣхъ, кто убиваетъ его въ себѣ.

— Не понимаютъ, не понимаютъ!—съ ужасомъ говорилъ онъ.— Мои ученики, и не понимаютъ!

VIII.

Но я отвлекся... Я хотѣлъ разсказать, какъ онъ былъ у меня. Онъ вошелъ радостный, веселый, осмотрѣлъ углы и усѣлся противъ меня въ кресло.

— Этто, наконецъ, то, о чемъ я все время думалъ. Этто удивительно интересно. Только должны вы помочь мнѣ.

— Чѣмъ, Архипъ Ивановичъ,—говорите?

— Никто не слушаетъ?

— Никто.

— Публикуйте то, я что вамъ скажу.

— Публиковать?

— Напечатайте. Всю жизнь объ этомъ думалъ.

— Говорите.

— Я конкурсъ затѣялъ. Вы слышали,—сто тысячъ я далъ академіи съ тѣмъ, чтобы на весенней выставкѣ академія раздала цѣлый рядъ наградъ.

— Ну, что же?

— Развѣ ничего не чувствуете?

— А что?

— Конкурсъ-то не ученикамъ, а профессорамъ заданъ! Они должны, подъ контролемъ печати, опредѣлить нѣсколько десятковъ картинъ—которая лучше, которая хуже. Этто,—скажу вамъ,—я по

себѣ знаю, что это за задача. Тутъ шевелить мозгами надо! Чортъ его знаетъ, кто написалъ лучше. Они не поняли, и благодарили... Всколыхнутся. Не будетъ того застоя, той мертвечины, что теперь. Помогите, напишите объ этомъ.

— Извольте, напишу.

— Вы, кажется, не понимаете, какъ это важно. И издатели газетъ не понимаютъ, и публика не понимаетъ. А поймутъ потомъ, когда я умру. Вотъ, скажутъ, такой старый чортъ, что онъ съ профессорами сдѣлалъ. А ужъ я буду лежать на кладбищѣ, и ничего, ничего со мною не подѣлать. И завѣщаніе мое оформлено, и все въ порядкѣ.

Онъ засмѣялся и смотрѣлъ на меня своими сощуренными, не то плутоватыми, не то проникновенными глазами.

— Я вамъ всю свою аферу разскажу, а вы только напишите. Напишите только то, что вы чувствуете, не прибавляйте ничего въ похвалу мнѣ или въ порицаніе, совсѣмъ объективно... Честно напишите,—ахъ, у насъ такъ мало честно пишутъ, все по знакомству...

— Эти сто тысячъ,—продолжалъ онъ,—деньги небольшія, а между тѣмъ свою службу сыграютъ. Я вѣрю въ нихъ болѣе, чѣмъ во что-нибудь. Больше, чѣмъ въ своихъ учениковъ.

IX.

Вдругъ лицо его омрачилось. Онъ сталъ серьезенъ и пасмуренъ. Онъ замолчалъ.

— Что вы, Архипъ Ивановичъ?—спросилъ я.

— Я, знаете... Этто... Кажется мнѣ, что я жизнь какъ надо прожилъ... Этто сдѣлалъ, что было нужно сдѣлать... А порою думаю, что этто что-то не то.

— Отчего же?

— Оттого что... Ну, можетъ, хорошо меня помянутъ. Ну, а результатъ какой же?... Все-таки въ пустышку игралъ... Ученики были. Хорошіе ученики. Мастерская была. И вдругъ, вижу я, что въ сторону они уклонились.

— Ученики?

— Да. Были моими учениками. А теперь они не ученики мои. Мажутъ. По небу кистью мажутъ и думаютъ, что этто небо... Кровь вся въ голову кидается, все дрожитъ внутри. Думаю: н спалъ, не ѣлъ, шелъ въ мастерскую, всю душу клалъ за человѣка,— а онъ тучи контуромъ обводитъ. Понимаете, тучи чернымъ контуромъ!

Лицо Архипа Ивановича покраснѣло, глаза стали жесткими и холодными.

— Зачѣмъ же я училъ ихъ, зачѣмъ всѣ внутренности передъ ними выворачивалъ? Какъ это въ Евангеліи говорится: на песокъ или на камень упало? И такъ напрасно все, и въ результатѣ— никому ненужная дѣятельность.

Онъ всталъ, сдѣлалъ два шага и опять сѣлъ.

— Они говорятъ, отчего я не выставляю своихъ вещей на выставку. Я не могу.

— Почему?

— Потому что они учить меня будутъ. Говорить то, что я давно знаю. А я все это ужъ прошелъ и пошелъ дальше. Я знаю, что такое природа, и знаю, что ее не схватить. Я знаю, какъ надо писать, лучше ихъ, а я знаю, что они скажутъ: что я пишу въ старой манерѣ.

Онъ опять сутуловато, какъ старый грачъ, посмотрѣлъ на меня и повелъ львиной головою.

— Да, я пишу въ старой манерѣ!—повторилъ онъ.—Какъ будто у меня была манера! Какъ будто я всю жизнь не былъ врагомъ манеры. Я въ каждой вещи новое хотѣлъ дать, а они зовутъ это манерой. А у нихъ не манера?

Онъ захлебывался и волновался, руки хватали воздухъ. Онъ смотрѣлъ на меня и не видѣлъ.

— А у нихъ не манера? Они гвоздями прибиваютъ къ небу облака. Они изъ булыжника дѣлаютъ воду. Когда издали они увидятъ меня, то какъ зайцы бѣгутъ въ стороны. Я стою передъ ихъ картинами и чувствую, что заболѣваю.

— Полноте, Архипъ Ивановичъ, стоитъ ли того!

— Не стоитъ! По-вашему, не стоитъ. Но этто... Этто выше силъ. Прежде говорили: «что за мерзость», а теперь прямо говорятъ: «какой мерзавецъ!» Легко это? Про моего ученика, про мою плоть и кровь. Вѣдь когда былъ у меня въ мастерской, какъ будто чему-нибудь и учился, какъ будто былъ талантъ. Но мода нужна, мода! Такъ картины не продаются, такъ они бѣгаютъ и мажутъ, сами зная, что они безграмотны. Или еще учиться надо, учиться, потому что они мальчишки,—а они вмѣсто того даютъ современную мазню, потому что этто легче, потому что не требуетъ серьезной штудировки. Развѣ этто можно...

X.

Онъ взволнованный сидѣлъ противъ меня и задыхался.

— Я боленъ, очень боленъ!—говорилъ онъ.—Я когда-нибудь умру на этой проклятой выставкѣ. Меня оттуда мертваго привезутъ домой. Спохватятся, да ужъ поздно.

Онъ, не торопясь, развертывалъ передъ всѣми свое состояніе. Когда онъ объявилъ, что даритъ художникамъ два милліона, поняли,

каково у него состояніе. Когда сотни тысячъ зарябили передъ глазами,—тогда ясно всѣмъ стало, что этотъ маленькій сутуловатый человѣкъ дастъ художникамъ капиталъ, далеко превосходящій обычныя пожертвованія. Онъ, подобно Тёрнеру, не оставилъ тысячи фунтовъ на свой памятникъ въ соборѣ святого Павла, но, подобно этому англичанину, все отдалъ неимущимъ художникамъ, а женѣ оставилъ только необходимую пенсію, нужную ей на прожитье.

Незадолго до смерти я сказалъ ему, что не вѣрю въ пользу его наслѣдія.

Онъ казался изумленнымъ и строго посмотрѣлъ на меня.

— Не вѣ-ри-те,—по слогамъ растянулъ онъ.—А почему не вѣрите?

— Не такой народъ художники. Надо деньги не давать имъ въ руки. Зачѣмъ этотъ капиталъ? Преміи—другое дѣло, но не та колонія, которую вы устраиваете въ Крыму. Вы любите Крымъ. Югъ ваша родина. Но не всѣ любятъ Крымъ, только очень немногіе. Что за принудительное пребываніе. Вѣдь васъ самихъ тянетъ на сѣверъ?

Онъ задумался и ушелъ, молча пожавъ мозолистой рукой мнѣ руку. Черезъ недѣлю я встрѣтился съ нимъ.

— Я много думалъ,—сказалъ онъ.—Вы, пожалуй, правы...

Единственный разъ онъ сказалъ неправду. Онъ, когда съ однимъ крупнымъ художественнымъ предпріятіемъ обратились къ нему, отвѣтилъ:

— У меня ничего нѣтъ. Только на безбѣдный прожитокъ. Я все имъ отдалъ. Могу только прожить не нуждаясь.

И, стараясь не смотрѣть въ глаза, онъ простился съ предпринимателемъ.

А потомъ у него еще оказалось свободныхъ триста тысячъ, о которыхъ онъ умолчалъ...

Въ темные длинные петербургскіе вечера, въ туманные дни, когда нельзя было работать, а приближалась старость, Архипъ Ивановичъ, слазивъ на крышу къ своимъ птицамъ, садился въ отдаленной конуркѣ и тамъ принимался за чертежи и модели аэроплановъ. Не зная ни механики, ни физики, онъ изобрѣталъ и открывалъ открытое. Порою казалось, что онъ и птицъ-то прикармливалъ и изучалъ не изъ любви къ нимъ, а присматривался къ летунамъ, чтобы изобрѣсти соотвѣтствующій аппаратъ. Онъ весь загорался, когда при немъ говорили объ успѣхахъ воздухоплаванія, и жалко, что онъ не дожилъ двухъ мѣсяцевъ до сентября текущаго года, чтобы быть живымъ свидѣтелемъ того, какъ человѣкъ завоюетъ воздухъ и погибнетъ въ новой стихіи, отдѣлившись отъ земли и вернувшись на нее только для того, чтобы быть въ ней погребеннымъ.

Онъ хотѣлъ поразить міръ выдержкой своего характера; онъ тихо и незамѣтно изъ бѣднаго грека сдѣлался милліонеромъ, ходилъ въ потертомъ пальто, смѣло говорилъ въ глаза августѣйшему президенту свои задушевныя мысли. Но едва ли его милліоны принесутъ то добро, на которое онъ разсчитывалъ, и его произведенія одни останутся его незыблемымъ памятникомъ, а не эти земли, брошенныя въ руки неизвѣстныхъ будущихъ художниковъ.

П. Гнѣдичъ.

1910 г.

ЗАМУЧЕННЫЙ.

I.

ВЗОШЛО солнце и отразилось золотымъ столбомъ въ рѣкѣ Тяпѣ. Безконечной вереницей плыли по рѣкѣ подтаявшія льдины и тамъ, гдѣ онѣ пересѣкали свѣтлое отраженіе солнца, казались черными и рѣзкими, какъ куски угля.

Отбросили солнечные лучи и заиграли искрами кресты и купола двѣнадцати церквей Зарѣчья,—городъ былъ старинный, чуть не тысячелѣтній, былъ когда-то богатъ и велъ обширную торговлю. Тогда отъ разсвѣта и до красной вечерней зари толклись бывало въ лавкахъ и по базару покупатели и продавцы и праздные глазѣющіе люди, тянулись въ городъ и изъ города длинные обозы, пѣли нищіе у церковныхъ оградъ, и стаи голубей кружились и хлопали крыльями надъ улицами и площадями. Нынче и голубей почти не видно. Отъ былого достатка и былой пышности Зарѣчье сохранило только свои двѣнадцать церквей, теперь уже покосившихся, осѣвшихъ и покрытыхъ темными пятнами сырости.

Зарѣчье было разбросано вкривь и вкось по крутымъ буграмъ наорнаго берега рѣки Тяпы. Улицы были немощенныя; а гдѣ и пытались горожане устроить мостовую, тамъ приходилось объѣзжать ее сторонкой или окольными улицами.

Какъ-то незамѣтно—пролегли ли другія дороги, облѣнились ли нѣкогда дѣятельные и предпріимчивые зарѣченцы,—но весь городъ принялъ убогій, полунищенскій обликъ...

Тѣмъ рѣзче выдѣлялся на высокомъ бугрѣ большой бѣлый каменный домъ съ зеленою крышей и окованными желѣзомъ воротами. Принадлежалъ онъ купцу-ростовщику Игрищеву. Домъ былъ сухой, крѣпкій и упрямый съ виду и, стоя высоко надъ кучей другихъ домишекъ, лѣпившихся по оврагу, походилъ на замокъ, но замокъ современный, когда силу даетъ не оружіе, не кулакъ, даютъ силу деньги и ловкость, изворотливость. И баронъ, сидѣвшій въ замкѣ, не хуже средневѣковыхъ бароновъ, высматривалъ—не лежитъ ли что плохо, не зазѣвался ли слабый человѣчишка, нельзя ли «попользоваться»....

Игрищевъ велъ торговлю хлѣбомъ, желѣзными товарами, имѣлъ мелочную лавку, гонялъ плоты, бралъ подряды; но главную прибыль онъ получалъ отъ мелкаго ростовщичества.

Напротивъ его дома, тоже на бугрѣ, находилась старинная церковь Михаила Архангела. Лѣтъ десять уже, какъ Игрищевъ былъ старостой въ этой церкви.

Каждый день съ первымъ ударомъ колокола къ утренѣ Игрищевъ выходилъ изъ воротъ, останавливался на минутку, зорко оглядывая раскинувшіеся внизу домишки, рѣку Тяпу, зарѣчные сосновые лѣса и пески; потомъ оборачивался лицомъ къ церкви, крестился нѣсколько разъ истовыми широкими крестами и начиналъ спускаться внизъ.

Такъ было и сегодня. Едва прозвучалъ во влажномъ и пахучемъ воздухѣ первый гулкій ударъ колокола, скрипнула тяжелая калитка, и высокій, прямой, несмотря на средину седьмого десятка, старикъ Игрищевъ появился на порогѣ.

Онъ любилъ приходить въ церковь однимъ изъ первыхъ, когда своды ея еще полны ночной тишиной, когда звучно отдаются шаги по каменнымъ плитамъ, и сторожа затепливаютъ первые огоньки.

Не торопясь, Игрищевъ становился къ свѣчному ящику, отпиралъ его большимъ тяжелымъ ключомъ, раскладывалъ ровными стопочками мѣдь и серебро.

Онъ любилъ взять въ руки какой-нибудь старинный пятакъ или трехкопеечникъ и разглядывать его, думая о томъ, въ сколькихъ рукахъ, въ сколькихъ карманахъ побывалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку...

Сегодня Игрищеву исполнилось шестьдесятъ пять лѣтъ.

Онъ вдовѣлъ уже двадцатый годъ. Отъ болѣзненной и некрасивой жены у него на рукахъ осталось двое дѣтей—сынъ и дочь. Оба они вышли неудачные, не радовали старика.

Дочь была маленькаго роста, кривобокая, съ мелкими и острыми чертами лица. Душой она какъ будто имѣла нѣкоторое сходство съ отцомъ—была скупая и жадная до денегъ. Но не было въ ней размаха, захвата отцовскаго. Вся она уходила въ мелочи, пустяковыя дѣла, въ мелкую грызню съ прислугой, братомъ и отцомъ. Въ вы-

раженіи ея лица, въ очертаніяхъ глазъ и губъ было у нея что-то крысиное—хитрое и суетливое. Отъ уродства своего и по природѣ была она чрезвычайно зла, но труслива...

На сына отецъ давно махнулъ рукой: дурачокъ. И сестра считала его придурковатымъ и пользовалась его простотой и податливостью для непрестанныхъ издѣвокъ. Петру—сына звали Петромъ—шелъ уже тридцать восьмой годъ. Роста онъ былъ большого, почти великанъ, но хилый и былъ неповоротливъ и вялъ; въ немъ вѣчно чувствовалось что-то приниженное, податливое, какъ комокъ густого тѣста; и каждое мгновенье онъ словно ждалъ, что его ударятъ или пихнутъ ногой, какъ большую и смирную собаку. Говорилъ онъ мало, не любилъ показываться на людяхъ и отца боялся совсѣмъ еще дѣтскимъ страхомъ.

II.

— Опять упредили...—Отецъ Игнатій, старенькій щупленькій попикъ, быстро перебѣжалъ отъ двери къ свѣчной стойкѣ и поднялъ вылинявшіе глаза на Игрищева.

— Богъ труды любитъ,—отвѣтилъ Игрищевъ, принимая благословеніе, для чего ему приходилось наклоняться къ отцу Игнатію,—любитъ Богъ всяческіе труды... И, окромя того, по чину ужъ такъ выходитъ, что должонъ староста напередъ настоятеля въ церкви быть и наблюсти все, чтобы имѣть въ порядкѣ...

— Ну, ну, ну...—замахалъ руками попикъ,—у васъ-то и такъ все въ порядкѣ... У васъ-то въ безпорядкѣ!... Хе-хе-хе...

Отецъ Игнатій жиденько засмѣялся. Борода его запрыгала надъ большимъ желтымъ кадыкомъ, и глаза сузились въ едва замѣтныя щелки.

— Да! Евграфъ Евграфычъ!..

Отецъ Игнатій даже рукамъ всплеснулъ.

— Я-то, я!.. А? Съ рожденьемъ-то васъ, съ радостнымъ днемъ и не поздравилъ! а?

— Спасибо, батюшка... Спасибо... Дай и вамъ Богъ... Только я такъ вотъ думаю, что не съ чѣмъ и поздравлять, нечему и радоваться: къ могилѣ только ближе, къ гробу, къ смерти...

— Что смерть!.. Чего ее вспоминать!.. Слава Богу, что въ добромъ здравіи столько прожили, и давай вамъ еще столько прожить...

— Охъ-о-хо... Радовался бы, можетъ, и я, если бы было кому меня замѣнить... Да ужъ объ этомъ говорилъ я, говорилъ... Одначе, отецъ Игнатій, задерживаю я васъ, отъ дѣла Божія отвлекаю...

Служба сегодня была съ пѣвчими. На хоръ пѣвчихъ Игрищевъ тратилъ много денегъ, нанималъ хорошаго регента и даже одно время хотѣлъ было выписать изъ губернскаго города знаменитаго баса, изъ соборныхъ тамошнихъ пѣвчихъ; но показалось слишкомъ ужъ дорого.

Служилъ отецъ Игнатій, несмотря на свой малый ростъ, торжественно и благолѣпно. Надѣвъ ризы, онъ весь какъ будто преображался, выросталъ... За утреней молящихся было немного. Тѣмъ чище и звонче лились пѣснопѣнія, тѣмъ медлительнѣе подымался густой кадильный дымъ, и радостно просѣкались въ немъ прямые лучи солнца.

Игрищевъ всю почти службу стоялъ на колѣняхъ, подтягивая пѣвчимъ, шепча за священникомъ слова молитвъ.

III.

Время до обѣдни Игрищевъ провелъ въ церковной оградѣ. Онъ сѣлъ тамъ на покосившуюся деревянную лавочку, опустилъ голову и задумался.

На дворѣ стоялъ апрѣль мѣсяцъ; снѣгъ только что сталъ; все шумѣло, шуршало, чирикало кругомъ, радостно хлопотало, спѣшило куда-то...

Но мысли у старика были невеселыя, скучныя и грузныя... Думалъ онъ о дѣтяхъ, о домѣ, о своемъ дѣлѣ... Его не такъ печалило убожество сына, не такъ огорчала мелочность дочери, какъ то, что всѣ труды его пропадутъ даромъ и все нажитое и накопленное имъ за полвѣка попадетъ въ неумѣлыя и слабыя руки и неминуемо разрушится, распадется.

Игрищевъ смотрѣлъ чрезъ ограду на свой крѣпкій, ярко освѣщенный солнцемъ домъ; и ему уже представлялось, какъ ржавѣетъ крыша, какъ осѣдаютъ столбы у воротъ, какъ облупливаются стѣны, представлялось ему, какъ людишки, которымъ онъ стоялъ богатствомъ своимъ и силою своею поперекъ горла, накинутся и будутъ тащить и грабить собранное имъ...

Съ полгода уже копошившаяся на самомъ донышкѣ души мысль всплыла вдругъ, какъ брошенная въ воду деревяшка, и стала передъ нимъ четко и ясно.

Четыре года тому назадъ служилъ у Игрищева приказчикъ— Адріанъ Ипатовичъ Кудатяповъ. Въ то время Кудатяпову было лѣтъ девятнадцать-двадцать; но совсѣмъ не по возрасту онъ былъ ухватистъ и прижимистъ. Былъ онъ рыжеватый, веснушчатый, остроносый; но во взглядѣ его было что-то крѣпкое и пронзительно-уцѣпистое. Взглядомъ своимъ онъ какъ-то всасывался, въѣдался въ душу, бралъ себѣ, что нужно, и затѣмъ бросалъ человѣка, какъ обглоданную кость.

Игрищевъ и Кудатяповъ поняли другъ друга съ двухъ-трехъ словъ. Старикъ попробовалъ было захватить, подчинить себѣ молодого; молодой ощетинился, какъ ежъ: ухвати-ка. Понявши же одинъ другого, они начали работать гладко и ровно, какъ двѣ одинаково ловкія руки...

Однажды Кудатяповъ отпросился у старика на побывку къ отцу въ сосѣдній уѣздъ. Неохотно, но отпустилъ его Игрищевъ. Кудатяповъ отпросился на четыре дня, но миновала и недѣля, миновало и двѣ недѣли, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Старикъ подумалъ было, что Кудатяповъ попользовался изъ выручки и бѣжалъ. Ему не было жалко денегъ, но досадно было, что онъ обманулся и что понравившійся ему человѣкъ оказался такой же мелочью, какъ и прочіе людишки. Однако по провѣркѣ оказалось, что всѣ деньги налицо. Игрищевъ послалъ справиться къ отцу Кудатяпова; тамъ отвѣтили, что молодой Кудатяповъ года три уже, какъ у отца не бывалъ и вѣстей о себѣ никакихъ не давалъ. Старикъ поскучалъ и успокоился.

Въ прошломъ году около Пасхи Кудатяповъ снова появился въ Зарѣчьѣ. Онъ нанялъ около кузницъ, совсѣмъ на выѣздѣ изъ города, небольшой домикъ и открылъ свою торговлю. Положеніе дома давало ему много преимуществъ. Онъ легко перехватывалъ мужиковъ, направлявшихся въ городъ съ хлѣбомъ и пенькой, къ нему заворачивали возвращавшіеся съ базара купить спичекъ, мыла, керосину. Поторговывалъ онъ тайно и водкой.

Зарѣченцы строили всевозможныя предположенія о томъ, откуда и какъ добылъ онъ денегъ для начала своего дѣла. Говорили, что онъ участвовалъ въ какой-то воровской шайкѣ, занимался выдѣлкой фальшивыхъ двугривенныхъ и даже убилъ и ограбилъ кого-то.

Всѣ эти слухи доходили и до Игрищева, но вѣры онъ имъ никакой не давалъ: про него самого вѣдь говорили, что капиталъ онъ свой нажилъ, сбывая мужикамъ поддѣльныя бумажки, и что, если бы онъ не закупилъ исправника и слѣдователя, быть бы ему давно на каторгѣ.

Въ ту же весну, когда появился въ Зарѣчьѣ Кудатяповъ, умерла двоюродная сестра Игрищева, бывшая замужемъ за дьякономъ въ уѣздѣ и вдовѣвшая лѣтъ десять. Послѣ нея круглой сиротой осталась дочка Таиса. Игрищевъ при жизни родственницы относился къ ней очень холодно и обзывалъ ее «губошлепой» за ея отвисшую нижнюю губу. Послѣ смерти же онъ устроилъ ей пышныя похороны, а сироту взялъ къ себѣ въ домъ и при этомъ имѣлъ въ виду планы, въ которыхъ даже самому себѣ еще не отдавалъ полнаго отчета.

Онъ внимательно приглядывался къ дѣятельности Кудатяпова и одобрительно замѣчалъ, что тотъ за всякое дѣло хватается быстро и орудуетъ цѣпко и загребисто. Старикъ не считалъ для себя унизительнымъ первому заговорить съ Кудатяповымъ, встрѣтивъ его какъ-то около лавокъ.

— А, наше вамъ... купцу новоявленному...

— И наше-съ...

— Торгуешь?

— Торгую помаленьку-съ...

Въ ближайшее же воскресенье послѣ этого Кудатяповъ зашелъ къ Игрищеву, и старикъ угостилъ его чаемъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Объ исчезновеніи Кудатяпова ни тотъ, ни другой даже и не заговаривали, какъ будто случая этого и не было вовсе...

— Да, а недуренъ паренекъ,—сказалъ старикъ самъ себѣ по уходѣ Кудатяпова и долго стоялъ на крылечкѣ, то выпуская нижнюю губу, то втягивая ее...

Ему захотѣлось приспособить къ себѣ Кудатяпова, устроить его къ своему дѣлу; но при этомъ привязать покрѣпче, чтобы не сбѣжалъ ужъ онъ опять, не бросилъ всего на разруху...

Мысль о дочкѣ, объ Аглаѣ, мелькнула и сейчасъ же юркнула въ сторону, какъ испуганный воробей.

Аглая была всего на два года моложе брата, была она, какъ я уже говорилъ, кривобока и отъ вѣчнаго раздраженія, вѣчной злости желта лицомъ, какъ потемнѣвшій отъ сырости и пыли лимонъ. Только постоянно холодный носъ выдѣлялся яркимъ розовато-сизымъ гребешкомъ...

Таиса... Таиса — дѣло другое... Тутъ можно было подумать.

И вотъ теперь, сидя въ церковной оградѣ, старикъ вновь и вновь перебиралъ всѣ эти мысли, перебрасывалъ ихъ, какъ комки мокрой глины...

Пуститъ Петръ все имущество по вѣтру, выпуститъ его между пальцевъ, уплыветъ оно, какъ вода сквозь рѣдкое сито. Разведетъ Петръ грибы и черезъ годъ-другой отправится по-міру.

А-а-ахъ...

Но и Кудатяповъ... Огонь... Какъ бы не обжечься... Подпустишь его, а онъ все приберетъ къ рукамъ да и былъ таковъ... И тамъ темно, и здѣсь свѣту немного, и не знаешь, куда жъ наконецъ кинуться...

IV.

Старикъ такъ глубоко задумался, что и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему возвращавшійся изъ дому отецъ Игнатій.

— Красота-то Божья какая,—сказалъ священникъ, указывая рукою на синюю полноводную Тяпу, по которой медленно тянулись льдины.

Игрищевъ вздрогнулъ и поднялъ глаза.

— Ахъ, вы вотъ объ чемъ... Не радуетъ и красота, когда на сердцѣ камень...

— О чемъ же вамъ печаловаться?

— Сядьте, отецъ Игнатій, вотъ здѣсь, рядышкомъ садитесь...

Старикъ подвинулся и очистилъ мѣсто около себя на лавочкѣ.

Отецъ Игнатій покорно сѣлъ и сжался въ маленькій темный комочекъ.

— Тоскую я,—заговорилъ снова Игрищевъ,— о́бъ дѣлахъ своихъ тоскую... Жуть, знаете, этакая на душѣ... и хочется мнѣ Господа Бога спросить: за что Онъ наказываетъ меня?—въ дѣтяхъ, въ потомствѣ моемъ наказываетъ? Правда, строгъ я всегда и взыскателенъ былъ къ людямъ... Но какъ же иначе? Какъ же безъ строгости, вы мнѣ скажите? Нешто человѣкъ иначе понимаетъ?... Богатство свое собралъ я честнымъ трудомъ—не грабилъ, не мошенничалъ. Больше всего въ жизни труды любилъ, которые на пользу и на прибыль человѣку... Бралъ процентъ.. но вѣдь законный же бралъ я процентъ, не душилъ людей, какъ другіе иные поступаютъ... Про меня никто этого не скажетъ...

— Кто же можетъ сказать!...

— Никто, батюшка, никто... никто не осмѣлится сказать этого... Конечно, нѣкоторые шипятъ, хуже бѣльма я имъ всякаго въ глазу. Однако собака лаетъ, а вѣтеръ уноситъ... Мнѣ чтобы передъ Господомъ моимъ въ чистотѣ быть... Все соблюдалъ я, всю свою жизнь соблюдалъ; а Господь, вотъ, наказываетъ...

Старикъ опустилъ голову и опять задумался.

— Видите,—началъ послѣ долгаго молчанія отецъ Игнатій:— тоже размышляю я... Только не сердитесь вы на меня, ежели, можетъ быть, что не такъ скажу, или разное тамъ... Насчетъ Петруши-то, насчетъ сынка я вашего хочу сказать... Помню я его младенцемъ еще: вѣдь я его и крестилъ... Былъ онъ маленькій славненькій, кроткій, мягкій такой... Надо бы въ то время къ нему подходить ласково, обходительно... Онъ бы и выравнялся, и всякое такое...

— Разума въ немъ нѣтъ, дурачокъ вѣдь онъ...

— Нѣтъ ...И разумъ въ немъ есть, только запуганный, запрятавшійся... Много ужъ очень было въ васъ строгости, вотъ онъ и испугался... душой-то...

— А какъ же безъ строгости? Развѣ возможно?

— Помягче надо... Конечно, и строгость хороша.. Однако, безъ ласки вовсе невозможно... Дѣтская душа это, такъ сказать, растеніе чувствительное. Запугали вы его, Петрушу-то, настолько запугали, что ушелъ онъ отъ васъ въ себя, какъ улитка нѣкая, затаился... не осудите разсужденіе мое...

Игрищевъ покачалъ головой, сжалъ губы и отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, скрывать этого нельзя, да и незачѣмъ: отъ Бога все равно не скроешься, а людской судъ, какъ вода вешняя,— нашумитъ и сбѣжитъ. Очень я былъ взыскателенъ къ Петру, жестокъ даже иногда бывалъ. Хотѣлъ я, чтобы непрестанно онъ власть родительскую надъ собою чувствовалъ...

— Вотъ этого-то и не надо. Непрестанности-то и не надо... Когда угрозой, а когда ласковостью...

— Помню,—продолжалъ Игрищевъ, говоря скорѣе самъ съ собою, чѣмъ съ отцомъ Игнатіемъ и не глядя на него вовсе:—было

это дѣло около Пасхи; а Петру въ то время шелъ седьмой, а можетъ быть восьмой годъ. Былъ я на хуторѣ, и разозлили меня тамъ работники: самую дорогую что ни на есть лошадь—цѣны ей по настоящему не было,—опоили они эту самую лошадь. Я ихъ тогда обругалъ, изъ себя, можно сказать, вышелъ, далъ, помнится, даже двѣ-три затрещины. Однако дѣло поправить было уже невозможно. Поѣхалъ я назадъ. А на дворѣ—дождь, снѣгъ, слякоть, хмуро все кругомъ, стало мнѣ на душѣ еще хуже, злости на душѣ накипѣло безъ конца... И только пріѣхалъ я домой,—попадается мнѣ съ шалостью своей какой-то дѣтской Петръ. Виноватъ я тѣмъ передъ Господомъ—не стерпѣлъ я тогда, взялъ плетку и сдѣлалъ я его, Петра, чернымъ... Сколько лѣтъ я этого самаго случая не вспоминалъ, а теперь вспомнилъ...

V.

У обѣдни были всѣ домашніе Игрищева. Сынъ былъ въ новомъ сюртукѣ и съ припомаженными волосами и оттого выглядѣлъ еще пришибленнѣе и площе, чѣмъ всегда. Аглая надѣла лиловое шелковое платье, страшно шумливое и топорщившееся, какъ бумага. Она стояла важно, не оглядываясь и держа свое крошечное личико задорно поднятымъ вверхъ. Рядомъ съ Аглаей стояла Таиса, ей тоже сшили шелковое платье «по послѣдней модѣ». И оттого, что оно было шелковое и дорогое, оттого, что зарѣченская портниха сузила и перекосила его, Таиса чувствовала себя связанной и стиснутой, ей казалось, что всѣ въ церкви смотрятъ на нее. Приказчики и работники стали отдѣльной толпой, кромѣ старшаго: тотъ всегда по праздникамъ замѣнялъ старика у свѣчного ящика. Зарѣченскія власти и купечество тоже были въ церкви. Не пришелъ только судебный слѣдователь—онъ былъ либералъ и въ церковь ходилъ только по царскимъ днямъ.

Игрищевъ стоялъ впереди, у праваго клироса. Почти мимо воли онъ нѣсколько разъ оглядывался на сына, вздыхалъ и начиналъ усиленно креститься, прижимая пальцы къ выпуклому лбу и отвѣшивая глубокіе поклоны.

А Петръ стоялъ согнувшись и опустивъ глаза. Видно было, что мысли его далеко отъ церковной службы, отъ возгласовъ священника, отъ грузнаго ворчанія діакона и стройнаго нотнаго пѣнія пѣвчихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ вспоминалъ одно короткое лѣто, мелькнувшее въ его жизни, какъ вспышка спички въ темную и сырую ночь. Ему шелъ тогда восемнадцатый годъ. Отецъ послалъ его на все лѣто на хуторъ. Первый разъ пришлось Петру пробыть такъ долго въ деревнѣ. Вдали отъ отца и его суроваго придирчиво-пристальнаго надзора онъ отходилъ, распрямлялся душою, какъ примятый стебель травы.

На этомъ же хуторѣ жила въ то лѣто для поправленія здоровья съ разрѣшенья старика Игрищева его двоюродная сестра—Ирина Андреевна, мать Таисы. Таисѣ въ то время было года три. Петръ и крошка Тася быстро сдружились, сблизились до того, что дня не могли провести одинъ безъ другого. Тася была славной дѣвчуркой-забавницей. Петръ постоянно бралъ ее съ собою на прогулки. Ему доставляло огромное удовольствіе подымать ее на руки, слушать ея болтовню, замѣчать смѣну быстрыхъ улыбокъ приливами дѣтской задумчивости... Онъ усаживалъ Таису гдѣ-нибудь на лужку, набиралъ цвѣтовъ и окружалъ ее всю темно-лиловыми колокольчиками, васильками, ромашкой и клеверомъ. Тася перебирала цвѣты своими пухлыми ручонками, иногда разрывала ихъ, иногда щекотала ими наклоненное къ ней лицо Петра и, когда онъ дѣлалъ гримасы, она заливалась звонкимъ хохотомъ.

Мѣсяца два длилось это свѣтлое тихое житіе.

Разставаясь съ Тасей, когда отецъ приказалъ ему вернуться въ городъ, Петръ выглядѣлъ совсѣмъ убитымъ и всю дорогу до города оглядывался назадъ, словно ожидая увидѣть гдѣ-нибудь между придорожными кустами, на какой-нибудь заросшей кашкой и куриной слѣпотою полянкѣ розовое платьице Таси и ея смѣющееся, круглое личико...

Какъ только Петръ попалъ въ городъ, тотчасъ же начались злобные окрики, толчки, иногда пощечины. И Петръ опять ушелъ въ свою скорлупу. Но маленькую пріятельницу онъ не забывалъ и бережно хранилъ въ душѣ искру свѣта, такъ ярко разгорѣвшуюся было въ ней.

Лѣтъ черезъ десять ему снова довелось увидѣть Таису—уже подросткомъ. На этотъ разъ онъ побоялся заговорить съ нею. Она же смотрѣла на него, какъ на совсѣмъ чужого, не узнавала его. Это причинило ему тогда глубокую и щемящую боль. Особенно больно ему было потому, что въ улыбкѣ ея и во взглядѣ еще осталось что-то прежнее, милое и дорогое ему.

И опять потянулись скучные и тяжелые годы, но теперь было еще темнѣе въ душѣ, потому что Петръ уже не возвращался мысленно къ далекимъ счастливымъ днямъ, словно сумрачная и злая обида стала передъ ними и заслонила ихъ.

Нѣсколько разъ въ эти годы старикъ хотѣлъ женить сына, выбирая будущихъ невѣстокъ по своему вкусу—твердыхъ и сильныхъ нравомъ, чтобы могли онѣ служить упорой и поддержкой слабому мужу. Но, покорный и робкій во всемъ остальномъ, Петръ становился до отчаянія неподатливъ и упрямъ, какъ только дѣло заходило о женитьбѣ. Его можно было бить, ругать, можно было, вѣроятно, подвергать разнымъ пыткамъ, и все же онъ упорно твердилъ бы:

— Не хочу.

Это чувствовалось. И это бѣсило старика. Подъ его ударами оказывался вмѣсто живого человѣка холодный и неотзывчивый ка-

мень. Задыхаясь отъ безсильной злобы, старикъ отступалъ и бормоталъ про себя:

— У, проклятое отродье!..

Но отступалъ, потому что силы его не хватало побороть каменное упорство Петра, обычно податливаго, какъ подогрѣтая восковая свѣча...

Наконецъ Таиса стала уже взрослой дѣвушкой; теперь она уже жила въ одномъ съ нимъ домѣ, и встрѣчались они каждый день. Въ Петрѣ произошла рѣзкая перемѣна. Характеромъ онъ какъ будто бы и не измѣнился: попрежнему былъ молчаливъ, рѣдко улыбался и никогда не смѣялся вслухъ; но въ глазахъ и въ выраженіи лица проступили какія-то новыя явственныя черточки...

VI.

Сегодня Кудатяповъ былъ тоже у обѣдни и однимъ изъ первыхъ подошелъ поздравить старика, когда по окончаніи службы власти и почетные горожане стали тѣсниться вокругъ Игрищева.

Старикъ благодарилъ и по давнему обычаю приглашалъ всѣхъ откушать. Длинной вереницей потянулись старики и молодежь, чиновники, дворяне и купцы отъ церкви къ дому Игрищева. Впереди шелъ самъ Игрищевъ съ батюшкой и исправникомъ.

Кудатяповъ былъ уже знакомъ съ Таисой и теперь оживленно говорилъ съ нею, изгибаясь и покалывая ее своими острыми глазами.

Старикъ нѣсколько разъ, будто ненарокомъ, взглядывалъ на нихъ; и въ эти мгновенія тѣнь затаенной мысли пробѣгала у него по глазамъ...

У воротъ дома уже тѣснились нищіе. Въ этотъ день для нихъ накрывали—въ хорошую погоду прямо на дворѣ, а въ дурную въ большомъ, очищавшемся къ веснѣ дровяномъ сараѣ—длинные столы и угощали студнемъ, щами и гречневой кашей; а на дорогу давали еще по большому куску пирога.

Завидѣвъ Игрищева, вся толпа бросилась къ нему навстрѣчу, кланяясь, поздравляя и пытаясь схватить и поцѣловать его руку.

Нищихъ этихъ было такъ много, что казалось, что все Зарѣчье пошло по кусочки.

Старикъ благодарилъ и торопливо бросалъ на ходу, не останавливаясь и проталкивая себѣ дорогу:

— Ну, ну, ну... спасибо, убогіе, спасибо... Ступайте себѣ... кушайте на здоровье... Ну, ну, ну...

Для почетныхъ гостей все уже было готово въ домѣ, и, шумя и переговариваясь, они начали размѣщаться передъ приборами. Игрищевъ самъ указалъ Кудатяпову мѣсто рядомъ съ Таисой и попрежнему то и дѣло взглядывалъ на нихъ, словно оцѣнивая, хороша

ли выйдетъ парочка. Кудатяповъ держался съ достоинствомъ, но и не строго, и все время занималъ даму свою разговорами. А Таиса краснѣла, пожималась подъ его взглядами и отвѣчала коротко и отрывисто.

Однажды, переведя на нихъ глаза, старикъ замѣтилъ, что на него самого кто-то смотритъ. Онъ обернулся и встрѣтилъ упорный и темный взглядъ Петра.

VII.

Сегодня старикъ много пилъ. Одолѣвали ли его прежнія, утреннія думы и ему хотѣлось забыться, подбадривалъ ли онъ себя для какого-то рѣшенія, но онъ пилъ бокалъ за бокаломъ, рюмку за рюмкой.

Въ началѣ завтрака онъ занималъ гостей степенными разговорами, бесѣдовалъ съ отцомъ Игнатіемъ и съ соборнымъ протоіереемъ, отцомъ Модестомъ. Потомъ вдругъ замолчалъ и нахмурился, уставившись помутнѣвшими уже глазами на красное пятно на скатерти отъ пролитаго вина; а когда принесли вмѣсто шампанскаго замороженное донское шипучее, Игрищевъ поднялся во весь свой ростъ, держа въ правой рукѣ тонкій старинный бокалъ.

— Вы, господа гости, будете пить,—началъ онъ свою рѣчь,—за мое здоровье. Такъ оно и полагается. Но раньше хотѣлъ бы я выпить, за кого сегодня лежитъ моя душа. Ближе всего было бы мнѣ въ такой день, когда стукнуло мнѣ ровненькихъ шестьдесятъ пять годовъ, выпить за наслѣдника своего, за родного моего сына—Петра. Здѣсь онъ. Вонъ онъ сидитъ за столомъ, наискосокъ отъ меня...

И старикъ показалъ полнымъ бокаломъ на Петра, словно гости и безъ того не знали, что приходится онъ старику сыномъ.

Петръ съ первыхъ же словъ отца сжался, и что-то выжидающее, темное прошло по его лицу.

Теперь всѣ взгляды обратились на него. Онъ сдвинулъ брови и сжалъ губы, словно заслоняясь отъ этихъ взглядовъ.

— Да, вотъ онъ сидитъ,—продолжалъ Игрищевъ:—называется онъ мнѣ сыномъ и есть онъ сынъ мой по плоти; но по духу—не сынъ онъ мнѣ.. Нѣту въ немъ духу моего, и твердости моей нѣтъ...

По мѣрѣ словъ старика Петръ все темнѣе становился лицомъ.

А старикъ продолжалъ:

— Обидѣлъ меня Господь въ сынѣ моемъ... Ежели нѣтъ у меня сына, хоть бы въ дочери было послано мнѣ утѣшеніе... Съ горестью и на нее смотрю: крыса мелкая, мелкая крысиная душонка...

Между гостями начали иные улыбаться, раздалось даже два-три громкихъ смѣшка.

Старикъ обернулся въ ту сторону, и улыбки сразу попрятались.

— ...и лицомъ на крысу похожа...

И опять хихикнулъ кто-то. Аглая же не знала, куда дѣваться отъ стыда, и то краснѣла, то блѣднѣла.

— Нѣтъ у меня и дочери... Поэтому хочу я выпить сегодня...

Онъ остановилъ взглядъ свой на Кудатяповѣ; и тотъ опустилъ уже глаза, какъ стыдливая невѣста, чувствуя, что о немъ и о Таисѣ будетъ рѣчь; но послышался глухой и тягучій голосъ Петра:

— Погоди...

Петръ всталъ на ноги напротивъ старика и поднялъ на него свои сверкавшіе тяжелымъ огнемъ злобы глаза.

— Тридцать лѣтъ терпѣлъ я тиранство твое; какъ помнить себя началъ, терпѣлъ я тиранство твое... измывался ты надо мной...

Отъ волненія и отъ непривычки голосъ у Петра былъ прерывистъ, и часто Петръ останавливался, ища словъ...

— Смѣешь ты на Бога жаловаться!... И сына и дочь Богъ тебѣ далъ... Самъ ты ихъ забилъ... Самъ ты ихъ ломалъ, обламывалъ...

— Молчи...—крикнулъ вдругъ старикъ, багровѣя и наклоняясь впередъ. Онъ бросилъ на полъ бокалъ и ударилъ кулакомъ по столу...

— Молчалъ... довольно молчалъ... А теперь... передъ всѣми... и Аглаю...

— Молчи!...—крикнулъ опять старикъ:—молчи, падаль... Задушу тебя... руками своими...

Голосъ у старика оборвался, и онъ сѣлъ вдругъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ, и уронилъ руки на столъ. Только глаза его были все еще прикованы къ лицу Петра.

Петръ, не опуская глазъ, выдерживалъ съ минуту этотъ взглядъ, потомъ махнулъ рукою и тоже сѣлъ...

Гости молчали, потупившись. На губахъ у Кудатяпова тонко бродила усмѣшка. Взявъ со стола мелкія хлѣбныя крошки, онъ каталъ изъ нихъ крутой шарикъ, чтобы дать выходъ тому, что просилось наружу, но что всѣми силами нужно было прятать...

Первымъ опомнился исправникъ, онъ поднялся, расправилъ длинные, висячіе усы, кашлянулъ въ руку и вдругъ гаркнулъ оглушительнымъ басомъ:

— За здоровье дорогого хозяина! На многая лѣта! Урра!..

Гости подхватили «ура», пѣвчіе въ сосѣдней комнатѣ запѣли «многая лѣта», зазвенѣли протянутые бокалы.

Взявъ новый бокалъ, Игрищевъ началъ угрюмо чокаться съ гостями.

VIII.

Сегодня, противъ обыкновенія, гости разошлись рано, часу въ четвертомъ пополудни. Въ домѣ и на дворѣ стало тихо. И прислуга, убирая со столовъ, говорила шопотомъ и старалась не стучать.

«Точно умеръ кто», подумалъ Петръ, выходя изъ дому на просторный, обставленный амбарами дворъ.

Онъ медленно обвелъ глазами постройки, обнаженныя еще деревья сада, взглянулъ на небо...

Онъ искалъ чего-то, хотѣлъ найти чему-то выраженіе, осмыслить что-то, выросшее вдругъ буйнымъ и колючимъ злакомъ въ душѣ— добро оно или зло?

Съ тѣмъ же исканіемъ и вопросомъ въ глазахъ, Петръ прошелъ черезъ садъ, спустился по крутой и скользкой тропинкѣ къ рѣкѣ, отвязалъ лодку и сѣлъ въ нее.

Онъ взялъ въ руки тяжелыя и грубыя весла...

Вдругъ что-то заклокотало, рванулось въ немъ, забилось въ судорогахъ... Круто сошлись и напружились брови, сжался ротъ, обтянулись щеки.

Пробираясь между льдинами, Петръ погналъ лодку размашистыми ударами веселъ къ серединѣ рѣки, рѣзко невернулъ тамъ противъ теченія и пошелъ навстрѣчу длинному каравану хрупкихъ уже и пористыхъ льдинъ.

То и дѣло погружалъ онъ весла въ синюю воду, сгибая ихъ силой напора, и швырками подвигалъ лодку впередъ.

Разстегнулась на воротѣ рубаха, сдвинулся назадъ картузъ. Петръ дышалъ медленно и глубоко, раскрывая ротъ и захватывая какъ можно больше упругаго и крѣпкаго воздуху.

Льдины шуршали у бортовъ и покорно уступали дорогу; вѣялъ въ спину широкій холодноватый еще вѣтеръ, солнце бросало кругомъ блестки своихъ отраженій...

Сегодня Петръ почувствовалъ себя настоящимъ человѣкомъ, и настоящая человѣческая мука хлынула на него и затопила его своими мутными волнами. Мука эта толклась теперь въ груди, душила его, и оттого, что она не укладывалась въ понятныя ему мысли, оттого, что не могъ онъ оковать, окружить ее крѣпкою цѣпью думъ, она клокотала, бурлила, какъ горящая смола, и жгла его своимъ огнемъ...

Только въ напряженіи мышцъ, широкомъ дыханіи груди, въ напруживаніи бровей и липко-пристальномъ взглядѣ, цѣплявшемся за деревья и прирѣчные бугры, выявлялась она...

Кроша и расталкивая льдины, все дальше гналъ Петръ свою лодку, нагибаясь и откидываясь тѣломъ, далеко забрасывая весла... Вдругъ онъ положилъ весла по бортамъ; и руки повисли, какъ мертвыя...

Лодка задержалась: потомъ ее медленно повернуло теченіемъ, и она поплыла ровно, чуть покачиваясь, вмѣстѣ со льдинами внизъ по рѣкѣ...

Не оттого, что старикъ въ сотый разъ жаловался людямъ на его, Петра, убожество, вспыхнулъ Петръ и бросилъ назадъ старику его

жалобы. Вѣдь бывало это и раньше. Не былъ Петръ и пьянъ... Онъ выпилъ и вина и водокъ, но пьянъ не былъ. ..

Близость Таисы, увиванiе вокругъ нея Кудатяпова, его улыбочки, взгляды отца, въ которыхъ Петръ прочелъ кусочками тайныя мысли старика,—вотъ что опьянило, отуманило Петра. Опьянило его то, что при Таисѣ, при Кудатяповѣ началъ отецъ унижать и безславить его и втаптывать въ грязь.

Кончился трусливый полусонъ, и Петръ проснулся вдругъ, окруженный тьмой и страхами и ужасомъ передъ тѣмъ, что ждетъ его.

Солнце уже спряталось за нагорнымъ берегомъ; далеко позади остался городъ; пронизывающимъ холодомъ потянуло надъ водой.

Петръ все еще сидѣлъ, бросивъ руки, опустивъ голову и глядя на дно лодки, по которому черными лапками ползала вода..

Наконецъ онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что все небо усѣяно звѣздами и млечный путь перекинулся надъ самой его головой... И отъ тиши ночной, отъ кроткаго переливанiя разноцвѣтныхъ звѣздныхъ лучей, отъ мягкой тьмы, лежавшей на обоихъ берегахъ и отъ ровнаго посапыванiя воды подъ бортами лодки стало ему легче... Онъ взялся за весла и берегомъ погналъ лодку назадъ къ городу.

IX.

— Какой онъ страшный былъ сегодня, вашъ Петръ,—сказала Таиса Аглаѣ, когда онѣ обѣ раздѣвались и укладывались спать.— И Евграфъ Евграфычъ были страшный. Я думала, что они убьютъ Петра-то...

— Пьянъ онъ былъ... Выпилъ лишняго старикъ...

Аглаѣ, видимо, былъ непрiятенъ разговоръ, и она сейчасъ же перевела его, сжавъ тоненькiя губы и скосивъ глаза на Таису:

— А Кудатяповъ-то? хорошъ? нравится себѣ?

Таиса покраснѣла и отвернулась и, глядя на стѣну, замѣтила:

— Чѣмъ же онъ хорошъ?

— А тебѣ понравился?

— Чего жъ ему мнѣ нравиться?..

Аглая покачала головой и, усмѣхаясь, начала заплетать себѣ жиденькую косу...

— Куда жъ лучше красавца?—заговорила она вновь:—волосы какъ огонь горятъ, на лицѣ веснушекъ поналѣплено одна на другую въ три слоя—весь онъ, какъ глиняный... Кра-а-савецъ...

Таиса не отвѣтила и молча забралась подъ холодное одѣяло, и потомъ уже, когда Аглая потушила лампу и сама улеглась въ кровать, она сказала:

— Страшно у васъ... И дядя, Евграфъ Евграфычъ,—страшные, и Петръ—страшный... Я боюсь...

Аглая почувствовала, что Таиса смотритъ въ темноту почти широко открытыми глазами и что ей холодно и жутко... На мгновенье Аглаѣ захотѣлось перебѣжать на кровать къ Таисѣ, обнять ее, согрѣть, пригрѣться самой и, можетъ быть, поплакать... Но она осталась у себя и послѣ долгаго молчанія процѣдила между сжатыми зубами:

— Ду-ура...

И почти сейчасъ же заснула и начала тонко и остро посвистывать носомъ...

А Таиса все смотрѣла въ темноту и ей казалось, что темнота эта шевелится, подходитъ къ ней и отходитъ отъ нея, то липнетъ къ стѣнамъ, то приваливается къ кровати сѣрыми, мягкими и душными глыбами... Таиса повернулась на спину и протянула ноги и вдругъ почувствовала, что кто-то мохнатый дотрагивается до ея ноги. Она вскрикнула и стала шарить рукой и нащупала кусокъ бумазеи...

— Ты что?—спросила сквозь сонъ Аглая...

— Ничего... Во снѣ испугалась...

Прокричали первые пѣтухи, потомъ вторые... Начало разсвѣтать... Щелкнула на дворѣ калитка. Таиса вылѣзла изъ-подъ одѣяла и босикомъ подкралась къ окну. Огромный понурый человѣкъ пробирался по двору. Навстрѣчу ему показался съ крыльца старикъ. Они молча прошли одинъ мимо другого, словно не замѣчая другъ друга... Старикъ открылъ калитку, и сейчасъ же гулко разнесся первый ударъ благовѣста... Солнце уже освѣщало крышу и верхушки деревьевъ въ саду... Таису вдругъ прохватила мелкая утренняя дрожь. Она поскорѣе юркнула въ кровать, укрылась съ головою и заснула крѣпко и спокойно, зажавшись калачикомъ и пріоткрывъ ротъ...

X.

Весна была славная—дружная, теплая и погожая...

Прошло всего нѣсколько дней, и уже одѣлись густою травою оба берега рѣки, зазеленѣли поля, осыпались налетомъ нѣжныхъ листьевъ сады и заросли лозняка на томъ берегу рѣки...

Всѣ дни съ юго-запада дулъ влажный и теплый вѣтеръ... Вольно и широко входилъ онъ въ грудь, и хотѣлось навстрѣчу ему бросать плавныя и просторныя слова, хотѣлось улыбаться какому-то далекому, но родному, но милому счастью...

Таиса набирала большіе букеты подснѣжниковъ и одуванчиковъ и ставила ихъ подъ образа. Даже Аглая то начинала безпричинно смѣяться и напѣвать что-то себѣ подъ носъ, то задумывалась и ходила скучная, далекая отъ всего, что было кругомъ. И въ эти часы глаза ея становились больше и темнѣе...

Расцвѣли яблони и осыпали бѣлымъ кружевомъ прирѣчные скаты, запѣли по ночамъ соловьи... Ночи стояли короткія, прозрачно-тихія.

Но въ радости весенней таилась мука для тѣхъ, у кого болѣла израненная, истомленная душа. Чѣмъ ярче свѣтило солнце, чѣмъ нѣжнѣе разсыпался бѣлый яблонный цвѣтъ, чѣмъ гуще накипала молодая зелень на деревьяхъ, тѣмъ больнѣе, тѣмъ тяжелѣе становилось этимъ тоскующимъ душамъ...

Часто Петръ заламывалъ свои огромныя, узловатыя, какъ сучья корявaго дуба, руки и смотрѣлъ, не видя, тусклыми отъ скорби глазами...

До этой весны всѣ перемѣны въ природѣ проходили какъ-то мимо, не задѣвая и не трогая его. Скреблась ли на дворѣ бѣлыми когтями сухая и смѣшливая метель, лѣтній ли зной томилъ небо и землю— Петръ одинаково равнодушно вставалъ и ложился и совершалъ свои скучныя повседневныя дѣла. А тутъ вдругъ каждому звуку, каждому движенію внѣшняго міра нашелся сочувственный откликъ въ душѣ; каждая краска, каждый переливъ облаковъ, каждая морщинка на синей рѣкѣ стали будить въ душѣ мгновенныя отраженія... Онъ былъ мертвъ и вдругъ ожилъ. Но ожилъ только для того, чтобы увидѣть, что жизни почти не осталось, что закрыты передъ нимъ всѣ пути и нѣтъ ему никуда дороги...

Была еще загадка, но чувствовалъ онъ, что она, эта загадка, давно уже рѣшена и что, лишь обманывая себя, онъ можетъ считать еще ее загадкою...

И только, перебравшись на ту сторону рѣки, уйдя глубоко въ старый боръ, туда, гдѣ неслышно бродятъ зеленыя тѣни и пятна желтаго свѣта, и шумъ шаговъ тонетъ въ мягкой прошлогодней хвоѣ, и любовно приникаетъ къ лицу и груди теплый запахъ сосновой смолы, Петръ чувствовалъ, что загадка еще далека отъ рѣшенія, что можетъ еще быть для него счастье въ этой жизни...

Иногда, утомившись, онъ ложился тамъ прямо на землю и засыпалъ подъ неумолчный шопотъ сосенъ. И сны къ нему въ эти часы приходили свѣтлые и тихіе.

Дома же онъ не могъ обманывать себя и смотрѣлъ своей ненавистницѣ-правдѣ прямо въ глаза. Онъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ и бродилъ, заходя иногда за нѣсколько верстъ отъ дому.

Въ городѣ гасли послѣдніе огни, оставался Петръ одинъ-на-одинъ съ ночной тишиною и ночными думами и казался себѣ маленькимъ, обиженнымъ; и хотѣлось ему попросить у кого-то защиты; но у кого было просить защиты?..

XI.

Намѣренія Игрищева Кудатяповъ легко и сразу разсмотрѣлъ. И намѣренія эти самому ему пришлись по душѣ. Таиса ему нравилась. Было въ ней что-то простенькое, теплое и уютное. За двадцать четыре года жизни Кудатяповъ достаточно натерпѣлся и голода, и холода, и злобнаго одиночества, чтобы сразу же сумѣть оцѣнить ее. Почти всѣмъ людямъ, за немногими исключеніями, онъ внушалъ къ себѣ недоброе, порою почти гадливое чувство. Его сторонились и обходили, гдѣ могли, какъ змѣю или паука. У Таисы же не было замѣтно никакой непріязни къ нему, и, напротивъ, онъ ей даже, повидимому, нравился. Но Таиса—Таисой, а недурны были и стариковскія деньги. Если старикъ будетъ самъ налаживать свадьбу, онъ дастъ денегъ и приданаго. Можно будетъ тогда сразу пошире захватить, можно будетъ расторговаться не хуже старика, да еще и дальше пройти, потому что старикъ-то едва грамотный и жилъ въ тѣ времена, когда люди тѣснѣе держались и когда не было у людей такого простора вокругъ...

И Кудатяповъ началъ чаще заходить къ Игрищевымъ. Онъ приносилъ съ собой гостинца—конфетъ, печенья, шоколаду. Гостинца приносилъ онъ и Аглаѣ и Таисѣ; но говорилъ больше съ Таисой и смотрѣлъ больше на Таису. Онъ говорилъ очень бойко, не лѣзъ за словомъ въ карманъ—бросалъ ихъ трескучими горстями гороху. Но въ словахъ его всегда чувствовалось внѣшнее, показное; а тайное не открывалось; а тайное было, но пряталось гдѣ-то глубоко, на самомъ донышкѣ души. И только острыми и колючими иголочками протягивались оттуда, отъ тайнаго, быстрые воровскіе взгляды. Видно было, что укорачиваетъ, удерживаетъ онъ эти взгляды; но тѣмъ больнѣе и неожиданнѣе бывали эти взгляды, когда забывшись, онъ выпускалъ ихъ вдругъ на волю.

Аглая не то съ завистью, не то съ какой-то невысказанной злобной надеждой часто спрашивала Таису:

— Ну, что? Хорошъ Кудатяповъ-то? Нравится онъ тебѣ, дѣвушка?

Всякій разъ Таиса краснѣла, смущалась и отворачивалась.

— Чего въ немъ нравиться?...

Сама Таиса не могла разобраться, что онъ за человѣкъ. Не могла она разглядѣть за звонкой шелухой словъ того, что было спрятано и что одно было въ Кудатяповѣ настоящее.

Ей нравилось, что онъ одѣвается чисто, говоритъ не какъ простой человѣкъ, что носитъ онъ ей конфетъ и когда приходитъ къ нимъ, отъ него пахнетъ духами. Какъ-то разъ онъ и ей подарилъ затѣйливый флаконъ духовъ. Онъ побывалъ въ городскомъ училищѣ, хотя и не кончилъ его, любилъ книжныя слова и прибавлялъ «съ»

чуть не къ каждому слову. Таису же мать держала дома и едва научила грамотѣ, такъ что та даже и пѣсенникъ разбирала съ трудомъ. Кругозоръ Таисы ограничивался селомъ, въ которомъ она выросла, да Зарѣчьемъ и немногими людьми, съ какими ей приходилось тамъ и здѣсь встрѣчаться. Гдѣ же ей было разобраться во всѣхъ тонкостяхъ? Она все, что блестѣло, принимала, если и не за чистое золото, то, во всякомъ случаѣ, считала не простымъ металломъ.

Аглая видѣла это. Видѣла и понимала и кудатяповскую игру, и простоту и наивность Таисы. Видѣла и злобно хихикала въ душѣ:

— Успокоитъ онъ тебя... накормитъ леденцами...

И воображала, какъ станетъ измываться и мудрить проныра Кудатяповъ, ставшій мужемъ Таисы.

То, что Аглая поняла умомъ и хитростью своею, то непосредственной душой, ощущеніемъ почувствовалъ Петръ.

XII.

Въ маѣ перепадали частые дожди: и все было зелено, свѣжо и чисто. Но съ первыхъ чиселъ іюня стала вдругъ сухая и жаркая погода. Часто небо бывало мутно, и набирались въ немъ съ утра облака, а къ вечеру они начинали перебрасываться беззвучными молніями.

Бывало что-то жуткое и безпокойное въ этой тихой огненной игрѣ, длившейся иногда по цѣлымъ ночамъ.

Въ домѣ Игрищевыхъ въ эти томительно долгіе часы слышались шаркающіе шаги старика и тяжелая поступь Петра.

Евграфъ Евграфычъ подходилъ къ раскрытому окну—весь въ бѣломъ—и подолгу стоялъ, глядя на небо, на затихшіе и прижавшіеся къ землѣ домишки, на четкія и сухія съ сѣромъ сумракѣ колокольни.

Петръ, крадучись, выходилъ съ чернаго входа, спускался къ рѣкѣ и, усѣвшись на песчаномъ берегу, погружался, уходилъ весь въ свои темныя тягучія думы.

Не спала и Таиса и лежала съ открытыми глазами, вздрагивая при особенно яркихъ взблескахъ молніи. Иногда она будила Аглаю и шептала ей:

— Аглаюшка, милая, страшно мнѣ... Такъ-то страшно...

Аглая сердилась и глухимъ спросонья голосомъ ворчала:

— Ду-у-ура.

И тотчасъ же снова засыпала и начинала свистѣть на разные лады своимъ тонкимъ носомъ.

Въ одинъ изъ такихъ душныхъ и горячихъ вечеровъ старикъ Игрищевъ и отецъ Игнатій пили въ саду подъ старой яблоней чай.

Послѣ перваго стакана Евграфъ Евграфычъ облокотился обѣими руками на столъ, положилъ лицо на ладони и началъ:

— Отецъ Игнатій... Тяжело мнѣ очень въ послѣдніе дни. Ломается что-то во мнѣ, какъ вотъ ледъ весенній на рѣкѣ ломается... Старое уходитъ, а новаго нѣтъ... Или слабѣть уже сталъ передъ смертью?.. Ошибка была въ моей жизни—долженъ я это признать... А гдѣ правда—не знаю... Ошибка вышла у меня съ Петромъ.

Отецъ Игнатій пилъ чай изъ блюдечка, осторожно присасывая сахаръ и шевеля своими кусточками бровями...

Игрищевъ замолкъ и остановилъ свой взглядъ на отцѣ Игнатіи, словно ожидая отъ него немедленнаго отвѣта на думы свои и сомнѣнія...

Отецъ Игнатій шевельнулся, передернулъ плечами, но не нашелъ, что отвѣтить, что сказать Игрищеву.

— Не знаетъ сердце мое покою,—снова заговорилъ старикъ:— тоска въ немъ живетъ теперь—темная и злобная —душитъ меня... Можетъ, и неправъ я, можетъ это быть... Но сынъ мой обидѣлъ меня... Не могу я этого перенесть въ себѣ.

— Оно, того... полегче бы надо,—сказалъ наконецъ отецъ Игнатій, ставя на столъ блюдечко и стряхивая съ бороды крошки и капли чая:—оно, того... Нельзя, значитъ, сразу наваливаться, грудью, скажемъ... И вы тогда говорили очень крѣпко и по столу кулакомъ на него ударили, на Петрушу-то...

— Какъ же полегче? Вѣдь при всемъ обществѣ—господа образованные были, и вы, отецъ Игнатій, а онъ мнѣ такія слова...

— Начали-то вы...

— Да развѣ я не могу въ своемъ домѣ? права развѣ не имѣю сказать, что лежитъ у меня на душѣ?

— Право, Евграфъ Евграфычъ, — одно, а чувство другое. Ему-то, Петрушѣ-то, поди какъ обидно было...

— А мнѣ не обидно? Опять, говорю я, можетъ, неправъ,— переворачивалъ я это самое дѣло въ головѣ и такъ и этакъ... Можетъ быть, что и неправъ я... Но развѣ не долженъ былъ онъ стерпѣть? можно развѣ было мнѣ такія слова? родителю?

— Много лѣтъ онъ озлоблялся и въ обидѣ былъ... Нужно руку ему протянуть, съ лаской къ нему подойти, съ тихостью...

— Какъ же я могу теперь къ нему подойти, когда наговорилъ онъ мнѣ разныхъ словъ и столько времени злобствуетъ и раскаянія не выражаетъ?

— Подойдите. Онъ еще неразуменъ, хотя и въ годахъ. Подойдите къ нему помягче, обходительно... Петруша, молъ, это... всякое, такое... Не хорошо, молъ, что между нами раздоры... По-отечески, не грозно... Онъ и послушаетъ... смягчится сердце его... Не можетъ человѣкъ не послушаться, ежели къ нему съ лаской и обходительно...

— Главное, что обидно,—перебилъ вдругъ Игрищевъ, и слышно было, что падали куда-то мимо всѣ слова отца Игнатія,—главное, что обидно? обидно то, что разумъ въ немъ проснулся, заговорилъ онъ... И сразу вдругъ такія слова... мнѣ... отцу...

— Именно разумъ просыпается въ немъ, и надо это самое учесть и сообразно и поступить. Можетъ, значитъ, онъ теперь понять, когда вы подойдете къ нему тихо, хорошо... съ мягкостью...

— Отецъ Игнатій, батюшка... Старъ я... Какъ на старости лѣтъ унижусь? какъ подойду къ нему? Вѣдь по-вашему выходитъ такъ и сказать ему: «неправъ, молъ, я»,—не могу я этого, совсѣмъ не могу... А вотъ надумалъ я что, отецъ Игнатій: поговорите вы съ нимъ... Вы отецъ духовный, священникъ... вамъ подобаетъ—поговорите...

— Поговорить можно. Отчего не поговорить? Я поговорю съ нимъ... Только послушаетъ ли онъ меня-то? Родительскій голосъ всегда доходчивѣе, теплѣе...

— Не мой только голосъ, отецъ Игнатій, охъ, не мой... Не умѣю я, какъ вы говорите, съ кротостью... Откуда мнѣ было кротости взять, когда всю-то жизнь, какъ волкъ съ людьми прожилъ? Откуда?

— Кругомъ она, Евграфъ Евграфычъ, кротость-то... Въ явленіяхъ природныхъ, въ милосердіи и долготерпѣніи Господнемъ—сколько вѣдь грѣхамъ нашимъ терпитъ,—въ пѣснопѣньяхъ церковныхъ, въ тихости вечерней, особливо въ тихости, въ тишинѣ вечерней... Сижу, знаете, иногда я, старый попъ,—одинокъ я: попадья моя умерла, дѣтей у меня не было—не благословилъ Господь... Сижу иногда въ сумерки... И сперва будто тоска, сперва будто колючая такая острость и сухость въ душу входитъ... А потомъ, полегонечку, помаленечку, подкрадется это къ сердцу тишина вечерняя, обниметъ и прильнетъ къ нему,—мягонькая... И такъ-то мнѣ, старому попу, станетъ хорошо, уютно къ сердцѣ... Все доброе вспоминается, всего недобраго—будто и не было. Выну иногда платочекъ да и поплачу. Потомъ даже совѣстно бываетъ.

— Какую намъ въ сердцѣ тишину имѣть возможно, отецъ Игнатій? Вамъ, духовнымъ, сподручнѣе... Время у васъ есть, и мысли на другое направлены. Нѣтъ, ужъ прошу васъ... поговорите вы съ Петромъ.

— Могу попробовать... А будетъ ли успѣшна проба моя, или не успѣшна будетъ—вѣдомо только Богу...

Отецъ Игнатій развелъ своими короткими руками.

Стемнѣло уже, и заиграли между облаками беззвучныя молніи...

Старики молчали и думали свои стариковскія думы—много было изжито и перечувствовано; а жизнь все еще стояла темной и непрозрачной стѣною...

— Такъ попробуйте ужъ,—заключилъ Игрищевъ.—Я на васъ большую надежду питаю...

XIII.

Аглая ушла на весь день къ замужней подругѣ; Евграфъ Евграфычъ поѣхалъ по дѣламъ на хуторъ и на кирпичные заводы. Въ большомъ домѣ остались только Петръ и Таиса. Таиса сидѣла въ комнатѣ Аглаи и вышивала по канвѣ полотенце; а Петръ тяжелыми и мѣрными шагами, немного какъ будто приволакивая ноги, ходилъ по залѣ, устланной отъ двери до двери узенькими половиками.

На душѣ у Петра было неспокойно, и накипало въ немъ, какъ пѣна на котлѣ воды, рѣшеніе; и въ то же время холодѣли руки отъ страха какого-то, отъ темнаго предчувствія. Раза два Петръ брался за ручку двери и снова начиналъ ходить, не останавливаясь и глядя подъ ноги. Больше всего его безпокоила безповоротность того, что будетъ сейчасъ. Наконецъ онъ рѣшился, и одновременно съ этимъ захолонула въ немъ душа, прижалась, приникла.

Таиса какъ бы съ нѣкоторымъ даже испугомъ вскочила на ноги и опустила руки и уронила работу свою на полъ; но не стала ее подбирать, а стояла, смутившись и глядя Петру прямо въ глаза.

Онъ взялъ ее за руку. Таиса покорно оставила свою руку въ рукѣ Петра. Онъ замѣтилъ, какъ толчками подъ полотномъ сорочки приподымается и опадаетъ ея грудь, и подумалъ: «ишь, испугалась», и ему стало неловко и совѣстно, словно онъ пришелъ съ очень нехорошими мыслями, за очень дурнымъ дѣломъ. Онъ заговорилъ сиплымъ и прерывистымъ отъ волненія голосомъ:

— Тася... Помню я тебя совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой... Ты-то, должно быть, забыла меня... жили мы тогда въ Олешкахъ... Славная ты была... Совсѣмъ маленькая.

Петръ поднялъ свободную руку и показалъ.

— Хорошая, ласковая такая... И глаза твои помню... Вотъ, какъ сейчасъ, помню... Цвѣты ты любила и, бывало, я тебѣ набиралъ множество этихъ самыхъ цвѣтовъ...

Петръ оживился. Воспоминанія поднялись ярко и красочно. Голосъ его окрѣпъ.

— Что за счастливое лѣто было... Знаешь, скажу я тебѣ, самое, можетъ, это счастливое время было во всей моей жизни...

Онъ примолкъ, потомъ продолжалъ:

— Встрѣтилъ тебя еще разъ—другая ты совсѣмъ уже была— не узнала меня...

Таиса почти не слушала Петра, и грудь ея ныла въ какомъ-то томленіи.

— Здѣсь вотъ, у насъ, нехорошо...—продолжалъ Петръ:—могильные мы люди, тяжелые и злобные. Не жизнь у насъ, а могила. Старикъ всю жизнь привыкъ властвовать, измываться, а я—боль-

ной, калѣченный человѣкъ... Развѣ я человѣкъ? Развѣ такіе люди должны быть? Развѣ такіе они бываютъ...

Чѣмъ дальше говорилъ Петръ, чѣмъ больше находилъ словъ, чтобы выразить понятіе о своей жизни, тѣмъ мрачнѣе, тѣмъ безнадежнѣе, тѣснѣе и безвыходнѣе представлялась ему самому эта жизнь. Голосъ его задрожалъ и вдругъ оборвался...

— Такъ вотъ...

Онъ замолчалъ и опустилъ голову. Слышно было, какъ Таиса перевела дыханіе. У нея зашевелились губы, передернулись немного дрожью. Отвернувшись, она зашептала совсѣмъ по-дѣтски:

— Я боюсь, боюсь васъ... И дяденьки, Евграфа Евграфыча, боюсь... Отпустите меня... Уйду я... Пойду въ люди, служить буду... Отпустите...

По мѣрѣ словъ ея Петръ началъ подымать голову; но раньше, чѣмъ увидѣть лицо Таси, встрѣтилъ въ маленькомъ зеркалѣ, стоявшемъ на столѣ, отраженіе свое. Онъ смотрѣлъ на это, медленно поворотившееся къ нему темное и тяжелое отраженіе, отраженіе дикаго и страшнаго звѣря, какъ показалось ему въ эти мгновенія... Рѣзко просѣкалась морщина между бровями, глаза были круглые, какъ у большой птицы, и борода лежала на груди липкими космами.

— Ты боишься,—крикнулъ онъ вдругъ такъ громко, что Тася отпрянула отъ него и прижалась къ стѣнѣ:—боишься. Страшные мы. Звѣри косматые... И нужно, нужно насъ бояться... А я-то... глупый... думалъ... Дуракъ, правильно, что дуракъ. Не даромъ отецъ меня дуракомъ зоветъ... Съ ума сошелъ, а ума-то никогда и не было...

— Петръ Евграфычъ...

— Уйду... Сейчасъ уйду... затменіе было... Увидалъ теперь тебя... И себя увидалъ... Никогда себя такимъ не видалъ; теперь только понялъ... Куда же!

Онъ махнулъ рукой, повернулся и пошелъ въ дверь, загораживая ее всю своимъ тѣломъ и бормоча теперь уже самъ съ собой, какъ помѣшанный:

— А я-то думалъ, а?.. жениться, семью заводить... а ?..Мнѣ-то!.. Ребенокъ, вѣдь, она... дите...

— Петръ Евграфычъ... — шепнула ему еще разъ вдогонку Таиса.

Но онъ вышелъ черезъ столовую на заднее крыльцо во дворъ и дальше къ рѣкѣ... Рѣка была сегодня хмурая, и хмуро же тянулись въ сѣроватой горячей мглѣ оба берега, пока хваталъ глазъ, а въ небѣ плавало жуткое безпокойство, какой-то сухой и задавленный крикъ...

XIV.

Ночью налетѣла изъ-за лѣса гроза—гнѣвная и могучая. Рвались въ ужасѣ деревья, хлеща вѣтвями до самой земли, ревѣлъ старый боръ. Рѣка и холмы, и колокольни городскихъ церквей выступали мгновенно изъ мрака и мгновенно же пропадали. А поверхъ земли и лѣсовъ, и колоколенъ раскатывался громъ, осыпался огромными звучными глыбами за дальній край...

На утро отдыхало, смѣялось все...

Ночью отецъ Игнатій молился, а подъ утро уснулъ. Приснился ему тихій и радостный сонъ. Будто былъ онъ въ пчельникѣ, и цвѣты кругомъ роскошные цвѣли. Кругомъ летали пчелы—большія пушистыя и ласковыя: садились къ нему на лицо, на руки и на грудь и не жалили его. И онъ ихъ нисколько не боялся, не сгонялъ ихъ—сидѣлъ на лавочкѣ и смѣялся.

Проснулся отецъ Игнатій радостный и вдругъ опечалился: радость во снѣ—печаль наяву... Давно ужъ замѣтилъ онъ эту примѣту. Однако ясное небо, безъ единаго облачка, и омытая дождемъ земля снова развеселили его.

Часу этакъ въ одиннадцатомъ онъ надѣлъ новую лиловую рясу, взялъ широкополую соломенную шляпу, взглянулъ даже на себя въ маленькое зеркальце и вышелъ изъ дому, держа въ правой рукѣ парусиновый зонтикъ, а лѣвою пригибая къ глазамъ край шляпы.

Шелъ онъ не торопясь, свѣтло оглядывая чистый и свѣтлый Божій міръ.

Петръ сидѣлъ въ саду, на обрывѣ и глядѣлъ на зарѣчный боръ.

— Петруша,—окликнулъ его отецъ Игнатій.

И раньше, чѣмъ Петръ поднялся на ноги, онъ уже подошелъ къ нему, положилъ ему руку на плечо, усадилъ его обратно на камень и самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Не нужно, не вставай... сядемъ лучше рядкомъ... Я къ тебѣ, Петруша, пришелъ, именно къ тебѣ. Тебя-то вѣдь я малолѣткомъ зналъ, крестилъ даже тебя... Помню тебя мальчикомъ—шустрый ты тогда былъ, шустрый и смѣтливый...

— Да... говорятъ, былъ шустрый...

Отецъ Игнатій не замѣтилъ какихъ-то особенныхъ оттѣнковъ въ голосѣ Петра, какой-то горечи, спрятанной, притаившейся,— и продолжалъ:

— Да, да, Петруша... Свѣтленькій ты былъ мальчикъ—и глазами, и душой, и сердцемъ своимъ дѣтскимъ свѣтленькій...

— Былъ... а теперь потемнѣлъ...

На этотъ разъ задѣло что-то отца Игнатія, и онъ оглянулся на Петра, но, выждавъ, заговорилъ снова:

— Подрось ты... Теперь совсѣмъ, значитъ, ужъ взрослый человѣкъ... Всякое—такое, значитъ... что, бишь, я хотѣлъ сказать? Да... Насчетъ Евграфа Евграфыча. Не хочу я осуждать, ибо осужденіе—прямой путь къ смертнымъ грѣхамъ... Однако, тяжело, очень тяжело съ тобой обходился Евграфъ Евграфычъ... Почтенный онъ человѣкъ, со многими достоинствами... Весьма даже почтенный... Но... во всякомъ дѣлѣ, братъ Петруша, «но» свое встрѣчается. Удивительно это заковыристое слово и чрезвычайно непріятное... Ежели бы этого самаго «но» не существовало вовсе, счастливѣйшими твореніями были бы люди...

— Да о чемъ вы, батюшка?—перебилъ нетерпѣливо Петръ.

— Сейчасъ, сію минуточку даже... Погоди... Въ иныхъ дѣлахъ скорость хороша, иныя даже чрезвычайной скорости требуютъ, другія же дѣла нужно совершать съ постепенностью... И отъ этого не убудетъ—прибудетъ, прибудетъ, великій прибытокъ будетъ... Вы вотъ, давеча, въ день рожденія-то Евграфа Евграфыча, оба съ поспѣшностью дѣйствовали... И что же хорошаго вышло?.. Допустилъ ты душу свою гнѣвомъ мгновеннымъ распалиться, допустилъ ее потемнѣть, замутиться ненавистью...

— Ну, ну...

— Голубчикъ... Петруша... нехорошо... Нехорошее чувство это самое—гнѣвъ... Теперь вотъ между тобой и отцомъ старикомъ легла нѣкая бездна, темная, нѣмая пропасть съ обрывистыми краями... И старику больно, и тебѣ, Петруша, нехорошо... знаю, что и тебѣ нехорошо...

— Почемъ знаете?..

— А видно это... Сейчасъ же видно. И по глазамъ можно угадать, и по лицу... Скрыть, это самое... Скрыть того... невозможно...

— А, можетъ, я не о томъ вовсе горюю?

— О чемъ же горевать тебѣ больше?

— Конечно... Не о чемъ... Конечно... Д-да... Слушалъ я, слушалъ васъ, батюшка, и хочется мнѣ васъ одно спросить.

Петръ вскочилъ на ноги, спустился немного по обрыву и сталъ лицомъ къ отцу Игнатію...

— Хочу спросить я: гдѣ это вы были, когда отецъ забивалъ меня? Когда загонялъ душу мою, какъ свайку въ землю, заколачивалъ ее?.. Гдѣ вы тогда были? Отчего не говорили ему, что нехорошо, молъ, гнѣваться, что гнѣвъ, молъ, дурное, нехорошее чувство? Гдѣ вы были, когда бивалъ онъ меня до полусмерти? Что говорили, когда дрожалъ я, трясся передъ нимъ и разумъ свой человѣческій терялъ?.. А теперь пришли... Теперь говорите, что гнѣваться мнѣ не слѣдуетъ... А я такъ вотъ думаю, что, если бъ я даже теперь отца своего и убилъ,—не въ большой бы это мнѣ грѣхъ поставилось...

— Что ты, Петруша!.. Слова такія... Бога, Петруша, вспомни!

— Помню... А отецъ помнилъ Его, когда жизнь мою по капелькѣ бралъ? когда все, что хорошаго въ жизни есть, бралъ у меня — хороша жизнь свѣтомъ Божьимъ и радостью и свободой человѣческою и любовью промежъ людей... А онъ изъ меня не человѣка — собаку покорную дѣлалъ... Давно онъ убилъ меня, а вы ему объ этомъ и не заикнулись...

— Говорилъ, видитъ Богъ, говорилъ...

— Слабыя, видно, слова были... Да и какъ ихъ было говорить... Никто себѣ не врагъ... Ряса-то на васъ и то отцомъ подарена... Закупилъ онъ васъ всѣхъ, совѣсть закупилъ онъ... Почемъ она съ фунта совѣсть-то ваша?..

— Петруша!..

— Ладно, ладно, батюшка... чего тамъ глаза большіе дѣлать... Хорошо вы говорите—сладко и мягко... Да ужъ что тамъ!...

Петръ замолчалъ вдругъ и потупился...

Закиданный словами его, безпомощно сидѣлъ отецъ Игнатій и шарилъ вокругъ себя руками, словно ища что-то потерянное...

— Я пойду лучше, батюшка,—сказалъ вдругъ совсѣмъ тихо и другимъ голосомъ Петръ:—пойду отъ грѣха... Изорвана душа моя, кричитъ она и можетъ быть другимъ непріятенъ крикъ ея... Пойду... Много могу сказать нехорошаго...

И, не дожидаясь отвѣта отца Игнатія, Петръ сталъ быстро сбѣгать внизъ по крутому обрыву, прямо, безъ тропинки. Вывалились изъ-подъ ногъ ето камешки и комки земли и катились впередъ, шурша въ густой травѣ.

Отецъ Игнатій долго вздыхалъ, вынималъ красный носовой платокъ и снова пряталъ его въ карманъ. Наконецъ онъ поднялся и пошелъ въ домъ разыскивать Евграфа Евграфыча.

Старикъ сидѣлъ въ маленькомъ кабинетикѣ надъ счетными книгами. По лицу его струился потъ и повисалъ на кончикѣ носа свѣтлыми капельками. Евграфъ Евграфычъ принялъ благословеніе и сейчасъ же снова сѣлъ на свое мѣсто и углубился въ книги, а отцу Игнатію, видно, что наскоряхъ, бросилъ:

— Ну, что? съ чѣмъ вы, отецъ Игнатій?.. А я все дѣлами... ушелъ въ дѣла, какъ камень въ тину... Скажите, отчего люди такими нерадивыми дармоѣдами урождаются? Норовятъ обмануть, обойти? Говорятъ, что безъ строгости можно... Ихъ, подлецовъ, съ позволенія сказать, бить по мордамъ нужно...

— Я, Евграфъ Евграфычъ, съ Петрушей говорилъ...

— Ну?

Старикъ обернулся.

— Ну... вотъ...

Отецъ Игнатій развелъ руками и полѣзъ въ карманъ за платкомъ.

— Что же?

— Такого онъ мнѣ наговорилъ... Доселѣ не могу успокоиться...

— Вышибить бы его надо. Духу этому встряска требуется...

— Непреклоненъ Петруша-то... Обиды въ немъ многое множество накипѣло...

— Обиды? Училъ его уму-разуму... А ежели не учить... Развѣ съ народомъ можно безъ строгости справиться? Обида... Кланяться ему, что ли, пойду? Не пойду, не буду кланяться...

Старикъ отодвинулъ вдругъ счетныя книги и вскочилъ на ноги.

— Не буду,—повторилъ онъ упрямо,—не буду...

На лицѣ у отца Игнатія, какъ маска, застыло выраженіе скорбнаго недоумѣнія и растерянности... А старикъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и повторялъ:

— Не хочетъ—не нужно... Кланяться не буду, не буду...

XV.

Какъ голодные и злые волки, бродили Игрищевы—отецъ и сынъ. Встрѣчались только за ѣдой. Старались не смотрѣть одинъ на другого; но иногда противъ воли взгляды ихъ сцѣплялись. Тѣсно становилось въ эти мгновенья въ комнатѣ, тѣсно и душно, и дѣвушкамъ, Аглаѣ и Таисѣ, казалось, что сейчасъ вотъ что-то упадетъ съ оглушительнымъ трескомъ и разобьется. Петръ и Евграфъ Евграфычъ словно чего-то выжидали, что-то высматривали, готовы были каждую минуту кинуться другъ на друга, но сдерживались...

Старикъ первый засуетился. Онъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи. Препятствіе только злило его, только подзадоривало его. Онъ сейчасъ же находилъ новые пути, прямые или обходные, и бросался безоглядно впередъ.

Такое препятствіе встрѣтилъ онъ теперь въ сынѣ и, цѣпляясь съ нимъ взглядами, мысленно твердилъ:

— А—а... ты такъ? такъ?..

За тѣмъ, что дѣлается въ Игрищевскомъ домѣ, пристально наблюдалъ Кудатяповъ. У него было развито совсѣмъ особое чутье. Ему не нужно было говорить словами, объяснять долго. Онъ самъ схватывалъ событія и отношенія, выжималъ, выдавливалъ изъ нихъ самую суть и укладывалъ суть эту въ своей душѣ готовыми сочетаніями.

Кудатяповъ и старикъ Игрищевъ, какъ два кулика, видѣли другъ друга издалека; у нихъ много было между собою общаго, по которому они признали сразу и безошибочно другъ друга. Но было и много отличій. Старикъ чаще шелъ напроломъ; Кудатяповъ предпочиталъ изворачиваться, вытягиваться тончайшею ниточкою, проходить сквозь игольное ушко. Отъ тѣхъ, которые дѣйствовали силою, онъ не отставалъ; напротивъ даже, часто оказывался далеко впереди ихъ—востренькій такой, будто и наивный, но и ко-

лючій, но и щетинистый, съ коготками—бѣлыми острыми кошачьими коготками. Когда, пробравшись впередъ, стоялъ онъ уже твердо на ногахъ, такъ что и не качнуть его было, тогда онъ видомъ и поведеніемъ своимъ говорилъ просто и тихо такъ:

— Ну, что тамъ еще бобы разводить?—я—здѣся, вотъ я... И дѣло выходитъ вотъ такое, молъ, и этакое, и вы вотъ чего хотите...

Начинали иные люди говорить съ нимъ и имъ казалось, что конца не будетъ разговорамъ, что нужно будетъ сказать цѣлую уйму словъ, биться и объяснять часы и дни, пока этакъ вотъ, обстоятельно и понятно, разъяснишь все. А Кудатяповъ, выслушавъ всего два-три слова, поведетъ какъ-то губами; заиграетъ у него что-то около носа и около глазъ; и вдругъ онъ бросить передъ собесѣдникомъ своимъ простымъ такимъ и безхитростнымъ голоскомъ, какъ кости игральныя, самую сущность, самый костякъ дѣла, такъ что видно каждую черточку, каждое пятнышко. И оказывается, что черточекъ-то и пятнышекъ совсѣмъ въ сущности этой немного, проста она и ясна, какъ вода ключевая.

Иныхъ даже смущала простота, съ которою Кудатяповъ бралъ прямо за рога самые, казалось бы, щекотливые вопросы. Но дѣло было въ томъ, что бралъ онъ ихъ за рога только тогда, когда они не могли уже больше боднуть, когда долгимъ и тихимъ стараніемъ уже подпилилъ онъ до корня острые на видъ рога. Раскусивши же игру его, многіе приходили прямо въ бѣшенство, особенно жгучее и мучительное потому, что придраться бывало не къ чему и сказать бывало нечего, кромѣ какъ бросить безсильно:

— Подлецъ ты, Адріашка...

Вотъ эти-то скользкость и увертливость Кудатяпова больше всего и безпокоили старика Игрищева. Если бы ему въ руки попался сыромятный ремень, онъ бы его разорвалъ; но что дѣлать съ цѣлою сѣтью тонкихъ и липкихъ нитей? Старикъ медлилъ и колебался...

Таиса, видимо, была согласна. Кудатяповъ понятливо глядѣлъ въ глаза... Но все не могъ старикъ сказать единственно нужнаго слова.

XVI.

Кудатяповъ былъ теперь у Игрищевыхъ чуть не каждый день. Ему доставляло особое удовольствіе замѣчать, что Петръ его не переноситъ, ненавидитъ его всей душой и только прячетъ свою огромную ненависть, втискиваетъ ее въ себя.

Кудатяповъ поглядывалъ на него своими глазами, и въ душѣ у Кудатяпова какъ будто песочекъ какой-то сухой пересыпался—тихонькій такой душевный хохотокъ—пересмѣиваніе. Иногда нарочно подольше останавливалъ онъ на Петрѣ взглядъ свой, цѣплялъ Петра какими-то тоненькими и острыми крючечками и ждалъ—вы-

ждалъ. И только замѣчалъ, что вотъ сейчасъ оборвется, хлынетъ ненависть, обрушится—отцѣплялъ неторопливо крючки свои и отходилъ и обводилъ себя сразу студенымъ и неприступнымъ кругомъ.

Со старикомъ Игрищевымъ Кудатяповъ былъ ласковъ и угодливъ, но во все время держался своей мѣточки и, не кичась, показывалъ свою цѣну.

Однажды, просидѣвъ съ дѣвушками часа два, собрался онъ, въ сумеркахъ уже, уходить домой; но старикъ остановилъ его:

— Адріанъ Ипатычъ...

— Чего-съ?

— Подь-ка со мной... Дѣльцо есть...

Старикъ провелъ его въ садъ въ своему столику.

— Какое жъ дѣльцо-то?..—Кудатяповъ заигралъ глазами, и видно было, что, сумѣй старикъ ухватиться въ эти мгновенія за него, можно было бы ухватиться очень прочно и въѣдчиво. Это были мгновенія слабости. Торжество, близость цѣли подступили вдругъ куда-то къ горлу, стѣснили дыханіе, лишили Кудатяпова его силы и выдержки. Больно ужъ горячій былъ часъ!..

— Какое жъ дѣльцо-то у васъ, Евграфъ Евграфычъ?—повторилъ Кудатяповъ, едва сдерживая свое волненіе.

Но, занятый своими мыслями, старикъ не замѣтилъ дрожи въ голосѣ Кудатяпова, не замѣтилъ, какъ бѣгали и прыгали по сѣрымъ доскамъ стола тонкіе пальцы Кудатяпова, словно наигрывая разгонистую удалую пѣсню.

— Дѣло-то, братецъ, очень деликатное... Капитальное, можно сказать, дѣло, и въ двухъ словахъ его не скажешь...

Кудатяповъ уже овладѣлъ собой, запрятался поглубже, придавилъ рвавшуюся изъ глазъ радость, удержалъ пальцы и вдругъ, обернувшись къ Евграфу Евграфычу, нарочито безхитростнымъ и ровнымъ уже голосомъ, просто, но съ дѣланной простотой, сказалъ:

— Вы, видно, насчетъ Таисы Родіоновны рѣчь поведете?

— А почемъ ты знаешь?

— Видимо оно... Объ чемъ же вамъ больше? Наблюденіе свое имѣю и выводы дѣлаю-съ... Конечно, ежели кто другой... разные люди бываютъ... Ну, а мнѣ видимо...

И опять наплыла ему въ грудь самодовольная, сорвавшаяся съ гвоздика радость; и голосъ дрогнулъ.

Но и на этотъ разъ старикъ не успѣлъ ухватиться, не замѣтилъ предательскаго кончика веревки.

— Вотъ ты какой... вострый...

— Такъ ужъ... отъ природы-съ... А разъ насчетъ Таисы Родіоновны-съ—я ихъ безмѣрно уважаю и очень люблю-съ,—такъ вотъ насчетъ нихъ, чтобы сдѣлать разговоры наши коротки и не

тратить попустому напрасныхъ словъ,—велико ли-съ за ними будетъ приданое?

Игрищевъ откинулся на спинку скамейки и съ минуту молча смотрѣлъ на Кудапятова.

— Вотъ ты какъ...—сказалъ онъ наконецъ.

— Такъ лучше-съ... Иные, протчіе, тратятъ множество словъ, а вѣдь можно все въ короткихъ словахъ изложить. И выходитъ, что все ихъ долгое словопреніе—напрасное.

— Выходитъ, что такъ... Ахъ ты, чучело гороховое! а! До чего прытокъ! а! Оттого, что прытокъ ты и шустеръ, оттого и желаю я съ тобой дѣло дѣлать. Но по этой же самой причинѣ желаю дѣло обставить съ тобою такъ, чтобы не могъ ты лапу слишкомъ глубоко запустить. Сколько дамъ—бери. Но чтобы былъ ты непрестанно въ волѣ моей...

— Да развѣ я, Евграфъ Евграфычъ....

— Ты-то? Наилучшимъ манеромъ... Мысли твои я знаю вотъ какъ. Шустеръ ты, да молодъ, а я, братъ, на своемъ вѣку немало народу перевидалъ, немало и мозгами щевелить приходилось... Жилъ не дарма... Юлишь ты. За юркость твою я тебя и беру. Беру за то, что юркій ты и оборотистый... Но чтобы слопалъ ты меня самого, этого я отнюдь не желаю.

— Эти ваши слова совсѣмъ даже и не касающія.

— Дѣло, братъ, темное, касающія они или не касающія. Спорить объ этомъ дѣлѣ—все равно, что воду рѣшетомъ таскать: ни въ жисть не перетаскаешь... Дамъ я тебѣ за Таисой. Дамъ и деньгами, и къ дѣлу хочу тебя подпустить... Но хочу, чтобы, пока живъ, я былъ бы главнымъ.

— Само собою это, Евграфъ Евграфычъ, разумѣется...

— Да, Адріанъ Ипатычъ, это ужъ само собой разумѣется... Окромя же того хочу, чтобы и послѣ смерти моей не былъ бы ты главнымъ и единственнымъ. Чтобы хозяевами были бы все-таки плоть и кровь моя, дѣти мои... Не то они, чѣмъ бы хотѣлъ я ихъ видѣть, не радуютъ они души моей; но все же плоть и кровь они мои... хочу, чтобы былъ ты полномочнымъ и полновластнымъ управителемъ и ворочалъ всѣмъ дѣломъ, но только управителемъ былъ бы, а хозяевами—они... Дѣло не маленькое. Начни считать, пожалуй, за милліонъ перевалишь. Милліонъ!..

Старикъ поднялъ вверхъ палецъ и на нѣсколько мгновеній пріостановился.

У Кудатяпова занялось дыханіе...

— Евграфъ Евграфычъ, крестъ я могу поцѣловать...

— Что—крестъ? Ну, поцѣлуешь ты его... Да дальше-то что? Вѣдь ты за деньги-то не то, что крестное цѣлованіе нарушишь, ты человѣка убить можешь... А, можетъ, ужъ и убилъ кого...

— Ежели ужъ такъ, Евграфъ Евграфычъ...

— Такъ, именно такъ и не иначе...

— Обидно-съ...

— Обидно? А ты не обижайся... Жадность-то твою я, можетъ быть, больше-то всего и цѣню. Безъ жадности человѣкъ ничего не стоитъ. Безъ жадности человѣкъ вовсе даже и жить не можетъ. Должонъ быть жаднымъ. Тогда только онъ и будетъ устроителемъ жизни, а не тряпкой... Хорошо, что ты жаденъ. Но ужъ больно ты хитеръ. Боюсь я тебя... Боюсь, какъ бы мнѣ на старости лѣтъ не обжечься.

— Это все можно на бумагѣ-съ...

— Что бумага!...

— Бумага, конечно, бумага и есть... Однако въ ней все можно выговорить, и съ ней все ужъ будетъ крѣпко-съ... По закону-съ...

— А знаешь ты, сколько у насъ законовъ?—Столько, сколько и судей. Законъ можно повернуть и такъ и этакъ. Одного онъ обожжетъ, а другого приласкаетъ. Тотъ же самый, братецъ, законъ... Надо это дѣло вотъ какъ промозговать...

— Безъ этого нельзя-съ...

— Что-нибудь сдѣлаемъ... Только боюсь я тебя—вотъ какъ боюсь...—закончилъ бесѣду старикъ и поднялся.

XVII.

Петръ видѣлъ, какъ вышли вмѣстѣ изъ сада Евграфъ Евграфычъ и Кудатяповъ. И снова, какъ бывало это съ нимъ не разъ, какая-то быстрая душевная судорога промчалась въ немъ и лишила его на мгновенье силъ. Онъ прислонился къ забору и почувствовалъ, что его словно что-то приподняло вдругъ надъ бездонною и безкрайнею пропастью, въ которую неминуемо оборвется онъ. Потомъ волна схлынула—медленно плавно—и оставила его растеряннымъ и смущеннымъ.

Въ противоположность старику, у котораго съ первой же встрѣчи установилось влеченіе къ Кудатяпову, не душевное влеченіе, не привязанность, а умственное тяготѣніе къ сродному, у Петра, тоже съ первой встрѣчи, съ перваго почти взгляда, родилась и выросла, какъ кустистый столбъ дыма надъ мѣстомъ взрыва, странная, болѣзненная почти ненависть, почти тихій ужасъ какой-то, ужасъ и гадливость. Можетъ быть, и даже это всего скорѣе, въ самой глубинѣ, основаніемъ и упорою отвращенія, залегла зависть, зависть къ низшему, но недоступному, зависть къ ловкости и ухватливости, которыя не могъ не осуждать Петръ, но которыхъ ему самому такъ мучительно недоставало.

Затѣмъ появилась Таиса—навѣки потерянная въ тотъ же мигъ, какъ стала безконечно дорогой, потому именно и потерянная, что

стала страшно дорогой и сдѣлалось невозможно употребить хоть малѣйшее насиліе надъ волей и желаніями ея. И здѣсь же, сейчасъ же кряду, когда разбивались собственныя надежды и чаянія Петра, Петръ замѣтилъ, что старикъ готовитъ Таису для Кудатяпова. Тогда все, что было пережито и что переживалось, ненависть къ Кудатяпову и любовь къ Таисѣ, и отчаяніе, и тьма душевная, все поднялось вдругъ густымъ роемъ осъ. И каждая оса жалила, и каждая оса заставляла душу Петра въ ужасѣ кидаться прочь и никнуть, и припадать передъ острою болью ужаленій...

Старикъ проводилъ Кудатяпова до дна оврага, отдѣлявшаго Игрищевскую усадьбу отъ остального города, постоялъ съ нимъ тамъ еще около деревяннаго мостика черезъ ручей и медленно началъ подыматься обратно, пристально смотря подъ ноги, словно считая повороты и кочки. Онъ почти испугался, почти отпрянулъ назадъ, встрѣтившись вдругъ у воротъ съ Петромъ.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ сразу,—блѣдное лицо Петра такъ и приковалось къ нему, такъ и впилось въ него своими темными глазами.

— Отецъ...

Первый разъ Петръ назвалъ его такъ и вложилъ въ это слово новый объемъ отношеній и чувствъ.

— Ну-у?

— О чемъ ты съ Кудатяповымъ разговаривалъ? Сейчасъ вотъ, въ саду?

Старикъ опѣшилъ и отъ вида сына, и отъ новыхъ оттѣнковъ его голоса.

— Говорили... про разное...—пробормоталъ онъ глухо; но вдругъ опомнился, поднялъ голову, раздвинулъ плечи.

— А о чемъ говорили, то тебя, щенка паршиваго, не касается. И дорогу мнѣ загораживать не для чего...

И, видя, что Петръ все еще стоитъ и не уступаетъ дороги, Евграфъ Евграфычъ грозно и властно, какъ на дворняшку, крикнулъ:

— Пшелъ прочь!..

Онъ отодвинулъ, отстранилъ Петра, какъ не живого, и вошелъ во дворъ.

У Петра шевелились губы, но словъ не было. Хотѣлось ему крикнуть что-то, громко и пронзительно крикнуть, такъ, чтобы старикъ присѣлъ отъ страху; но Петръ не зналъ, что крикнуть.

А старикъ поднялся по лѣсенкѣ на крыльцо и вошелъ уже въ дверь. Петръ рванулся вслѣдъ за нимъ,—дверь оказалась запертой изнутри на крючокъ, и насмѣшливый голосъ старика пробурчалъ:

— Погоди-ко... Не такъ прытко...

Петръ дернулъ раза два изо всей силы за скобку двери, потомъ сошелъ со ступенекъ и остановился посреди двора.

Старикъ глядѣлъ въ окно рядомъ съ дверью, прижимая къ черному стеклу длинное блѣдное лицо съ бѣлой двоящейся бородой.

Такъ стояли они другъ противъ друга минуты двѣ.

XVIII.

Былъ уже второй часъ утра. Въ домѣ Игрищевыхъ всѣ спали. Даже старикъ, страдавшій все послѣднее время безсонницей, задремалъ тяжелою дремотой, и ему привидѣлся большой черный жеребецъ, на которыхъ онъ когда-то ѣздилъ по хуторамъ. Онъ хотѣлъ схватить жеребца за гриву и уже протянулъ было руку; но что-то гулко ударило вдругъ ему въ голову и во все тѣло, и онъ отбросился назадъ.

Ночь была мѣсячная, и въ окна лился яркій спокойный, немного колдовской свѣтъ. Въ домѣ было тихо, и только часы хрипло тикали въ разныхъ комнатахъ. Старикъ приподнялся на локти и слушалъ. Вдругъ раздался тяжелый ударъ, отъ котораго дрогнули стѣны, и сейчасъ же зазвенѣли и посыпались стекла.

Евграфъ Евграфычъ вскочилъ съ постели и, какъ былъ, въ короткой ночной рубахѣ, изъ-подъ которой виднѣлись жилистыя, сухія, обросшія волосами ноги, побѣжалъ въ столовую. Тамъ уже стояли въ бѣлыхъ сорочкахъ и съ накинутыми на плечи шалями Аглая и Таиса. Онѣ выглядывали въ окно на дворъ. Одна рама была разбита, и на полу валялись осколки стеколъ.

— Что это такое?—крикнулъ Евграфъ Евграфычъ.

— Петръ—пьяный,—отвѣтила Аглая дрожащимъ голосомъ:—полѣньями въ окна бросается.

Мѣсяцъ ярко заливалъ весь дворъ, такъ что видна была каждая щепочка.

Петръ безъ шапки и въ разорванной рубахѣ бѣгалъ около кучи дровъ, и за нимъ гонялись два старика-сторожа Они хватали его за бока и за руки, стараясь повалить; но онъ сбрасывалъ ихъ нетерпѣливымъ движеніемъ туловища, и они падали въ разныя стороны, какъ двѣ куклы. Это походило на какую-то игру.

Освободившись на мгновеніе отъ сторожей, Петръ схватилъ огромное березовое полѣно и бросилъ его въ то окно, у котораго стоялъ Евграфъ Евграфычъ,—старикъ едва успѣлъ отпрянуть. Рама распахнулась, и снова, какъ и раньше, на полъ посыпались осколки стеколъ. Аглая и Таиса взвизгнули отъ страха и, вдругъ спохватившись, что старикъ почти голый и что онѣ въ однѣхъ сорочкахъ, убѣжали въ свою комнату.

Евграфъ Евграфычъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи... А игра на дворѣ возобновилась. Опять оба сторожа обхватили сзади Петра, и снова онъ стряхнулъ ихъ, и они повалились на землю въ разныя стороны. Игрищевъ не вѣрилъ своимъ глазамъ Вдругъ онъ со-

рвался съ мѣста, выбѣжалъ на дворъ и закричалъ, захлебываясь и давясь словами:

— Вяжите его, подлеца, вяжите... Хватайте его за ноги...

— А-а!.. Проснулся, проснулись, папенька... проснулись... стеколъ жалко стало... Сына жалко не было, а стеколъ пожалѣлъ... Ишь, затрусился весь, побѣлѣлъ...

— Анаѳема, не смѣй говорить... Богохульникъ, окаянный.

— А ну, папенька, заткните-ка мнѣ горло! Глотку-то мнѣ заткните-ка чѣмъ-нибудь... А я васъ, папенька, полѣномъ!... Хотите, полѣномъ васъ по головѣ вдарю...

И, схвативъ длинное и толстое полѣно, Петръ завертѣлъ имъ въ воздухѣ...

— Одного раза хватитъ...

— На отца! Руку на отца подымаешь?..

— А ты на меня не подымалъ? Струсилъ, небось, струсилъ... Ха-ха-ха...

Петръ засмѣялся сиплымъ, отрывистымъ смѣхомъ, похожимъ на лай большого пса, и вдругъ швырнулъ полѣномъ къ самымъ ногамъ старика, такъ что тотъ долженъ былъ даже привскочить.

— Струсилъ. . Ну, ладно... живи, змѣй старый... Не стану я тебя бить... Рукъ марать не стану...

Пьяный задоръ проходилъ уже у Петра и смѣнялся упадкомъ силъ. Онъ весь какъ-то осѣлъ, опустился своимъ огромнымъ тѣломъ.

Изъ людской между тѣмъ выскочили, тоже въ однѣхъ рубахахъ, работники и приказчики.

Старикъ бѣгалъ, какъ полоумный, и кричалъ:

— На отца руку свою поднялъ... Въ сумасшедшій домъ его упрятать, въ тюрьму его, подлеца... Въ кандалы заковать!.. На отца замахнулся!..

— Не убилъ вѣдь...

Петръ стоялъ теперь тихо, опустивъ руки, не подымая глазъ.

— Что же вы не вяжете его?—набросился вдругъ старикъ на работниковъ.—Вяжите его, хватайте,...

Работники и приказчики начали подступать къ Петру, но тихо и съ опаской.

Онъ поднялъ полѣно, замахнулся...

— Не подходи...

Всѣ такъ и прыснули отъ него.

Онъ засмѣялся.

— Воробьи... крикнуть только на васъ... Нате, вяжите...

Онъ отбросилъ прочь полѣно, протянулъ свои руки и далъ связать тебя кучерскимъ кушакомъ.

Теперь Евграфъ Евграфычъ подскочилъ къ самому лицу Петра и махалъ передъ нимъ кулаками, быстро, быстро, какъ мельница, и все выкрикивалъ:

— Убить меня хотѣлъ, руку на меня подымалъ!..

— Не визжи...—процѣдилъ сумрачно и брезгливо Петръ.

— Что? Ты смѣешь? Отцу, собака, смѣешь такія слова!

Старикъ размахнулся и ударилъ Петра изо всей силы по щекѣ. Петръ даже качнулся.

— Щенокъ паршивый... мое же отродье... Заприте въ амбаръ его, на замокъ..

Петра подняли и повели черезъ дворъ къ хлѣбному амбару. А Евграфъ Евграфычъ все бѣгалъ позади и кричалъ:

— Упрячу, законопачу на всю жизнь тебя. Въ смирительномъ домѣ сгніешь, въ тюрьмѣ насидишься... отродье нечистаго!..

XIX.

Аглая, Таиса и еще двѣ знакомыхъ дѣвушки отправились на ту сторону рѣки въ боръ, за грибами.

Стоялъ погожій день; было не жарко и хотѣлось пѣть тоненькимъ и звонкимъ голоскомъ,—чтобы по далекимъ ложкамъ и отъ темныхъ стѣнокъ бора что-то нѣжно отзвякивало, переливалось, и скользило, прозрачно-струистое.

Въ Игрищевскомъ домѣ Таису давили самыя стѣны, какая-то особая тишина большихъ комнатъ, тяжелый запахъ чего-то затхлаго, чего-то придушеннаго, хриплое тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ въ столовой и залѣ, тягучій бой этихъ самыхъ часовъ, особливо ночью, въ темнотѣ. Выбравшись изъ этого дома; Таиса вдругъ повеселѣла, развернулась—разгорѣлись у нея щеки, посвѣтлѣли глаза, грудь задышала часто и глубоко...

Таиса шла впереди, вела за собой остальныхъ дѣвушекъ и запѣвала. Она знала много пѣсенъ и пѣла ихъ особенно, передавала ихъ отъ себя, вкладывала въ каждое слово свое. И оттого казалось, что пѣсни эти совсѣмъ новыя, никогда еще не слышанныя.

Только что зашли онѣ за первыя сосны, и тишина лѣсная обхватила ихъ мягкими душистыми руками, Таиса запѣла:

На серебряной рѣкѣ,
На златомъ песочкѣ
Ѣдетъ витязь на конѣ,
На конѣ конечкѣ.
Ѣдетъ витязь — погоняетъ;
Во село онъ поспѣшаетъ...

И остальныя дѣвушки сейчасъ же подхватили, и голоса ихъ сладко и заливчато разбѣжались по темному бору.

Послѣ недавнихъ дождей грибовъ было множество—крѣпоньнькихъ, упругихъ, высыпавшихъ цѣлыми семейками,

Понемногу дѣвушки разбрелись и только бросали одна другой:

— Ау... А—у...

— Тася,—окликнулъ вдругъ знакомый темный голосъ.

Таиса вздрогнула,оборвала на полусловѣ свою пѣсню и оглянулась.

Между соснами вышелъ Петръ и стоялъ, цѣпляясь огромными руками за два ровныхъ красныхъ ствола.

— Петръ Евграфычъ.

Таиса въ испугѣ попятилась назадъ, словно ожидая, что онъ вотъ сейчасъ бросится на нее и станетъ душить.

— Ты не бойся, не бойся... не укушу я...

Петръ улыбнулся, насильственно, однѣми губами улыбнулся.

— Я хочу тебѣ словъ нѣсколько сказать... Не объ себѣ говорить теперь буду... Только объ тебѣ скажу, объ тебѣ одной.

Онъ отнялъ правую руку отъ ствола, взялъ Таису за рукавъ и потянулъ ее за собой.

— Пойдемъ, отойдемъ немного подальше, чтобы не набрели на насъ другіе-то... Да не бойся меня!..—съ нѣкоторой уже досадой пробормоталъ Петръ, видя, что она все пятится и разсыпаетъ, сама не замѣчая, изъ наклоненной корзины грибы:—вѣдь не звѣрь же я въ самомъ дѣлѣ... идемъ...

Шаговъ съ сотню они отошли молча—Петръ впереди, Таиса за нимъ, спустились въ маленькій ложокъ,

— Садись,—сказалъ Петръ, показывая на мягкую прошлогоднюю хвою.

Таиса сѣла и поставила около себя пустую уже корзинку. Петръ облокотился обѣими руками на высокій обросшій грибами поганками и мохомъ пень, положилъ подбородокъ на руки и началъ:

— Отецъ тебя хочетъ за Кудатяпова отдать... Ты забудь, что я тебѣ на прошлой недѣлѣ говорилъ... Это я такъ, сдуру... Теперь я объ себѣ больше не думаю; дѣло конченное. Крестъ я поставилъ... Кудатяпову не ты нужна—деньги, которыя отецъ за тобой дастъ..

— Не знаю-съ...

— И знать-то ты ничего не можешь—проста очень... Ты не думай, что мнѣ денегъ жалко... Ничуть. Мнѣ деньги—все равно, что вода, что камень, что листъ лѣсной прошлогодній,—вотъ эта вотъ хвоя... Вотъ какъ онѣ мнѣ нужны... Я не объ деньгахъ хлопочу...

У Таисы между тѣмъ, взамѣнъ перваго испуга, перваго смущенія, проступало на лицѣ выраженіе какой-то скрытности, чего-то придержаннаго про себя. И, по мѣрѣ того, какъ это выраженіе обозначалось все яснѣе и яснѣе, Петра охватывала досада. Ему захотѣлось разбросать, раскидать эту дымочку, которой окутала вдругъ себя Таиса.

— Напрасно не хочешь ты взять слова мои... выслушать не хочешь меня, какъ слѣдуетъ... Я къ тебѣ съ душой... открыто... пришелъ къ тебѣ...

— Я слушаю-съ...

Таиса подняла задернутые тою же дымочкой глаза и теперь только замѣтила, что у Петра на лицѣ два большихъ синяка— одинъ подъ лѣвымъ глазомъ, другой—на правомъ вискѣ.

— Не то... Пойми, Тася... Обидно мнѣ... Ребеночкомъ тебя еще помню... Обидно и больно мнѣ, что хотятъ тебя отдать за негоднаго человѣка. Вѣдь онъ змѣя настоящая, звѣрь пронырливый...

— Ч ловѣка трудно, Петръ Евграфычъ, узнать...

— Не надо...—строго сказалъ Петръ:—слушай, что я говорю... Не врагъ я твой... Другъ, другъ я твой, пойми ты это...

— Да я жъ понимаю...

— Нѣтъ, не понимаешь, не хочешь понять.. Зачѣмъ это все такъ?

Петръ вытянулъ и сжалъ руки и хрустнулъ ими.

— Вѣдь ты простая, ты хорошая... А Кудатяповъ... Онъ замучаетъ, съѣстъ тебя, какъ мой отецъ мать покойную мою съѣлъ... Не зна шь ты его, Кудатяпова-то...

— Да и вы его мало знаете... Меньше моего съ нимъ говорили...

— Да развѣ нужно говорить. Развѣ не достаточно посмотрѣть на него?.. Ахъ... Не то... Не объ этомъ мы споримъ, объ чемъ спорить намъ нужно... Отчего никакъ не достучаться къ человѣку? къ сердцу, къ душѣ человѣческой не достучаться?.. Тутъ вотъ онъ, близко, а не достучаться... Зачѣмъ ты заслоняешься?

Петръ снова хрустнулъ руками.

Тукалъ гдѣ-то близко дятелъ, чуть слышно шелестѣли верхушки сосенъ... И вдругъ совсѣмъ рядомъ два голоса запѣли:

Ахъ, вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои...

— А-у... Тася... Гдѣ ты задѣвалася?..

Это кричала Аннушка, одна изъ дѣвушекъ, съ которыми Аглая и Таиса пришли въ лѣсъ.

Петръ махнулъ безнадежно рукой и побрелъ прочь, въ чащу. А Таиса, оправивъ наскоро платокъ, поднялась и отвѣтила дрожащимъ еще немного голосомъ:

— Здѣсь я...

И вышла къ подругамъ. И сейчасъ же разлилась по бору разудалая частушка:

Выходила молода,
Выпускала, сокола —
Ты лети лети, сокóлъ,
Высоко и далеко...

Черный воронъ—Петръ шагалъ по мягкой хвоѣ и казалось ему, что разорвется, расколется, какъ гнилое дерево, грудь его отъ муки, отъ невысказанныхъ словъ, отъ невыплаканныхъ слезъ...

И высоко, и далеко —
На родиму сторону...

XX.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Игрищевъ съ Кудатяновымъ ѣздили вмѣстѣ въ губернскій городъ. Передъ отъѣздомъ Евграфъ Евграфычъ погрозился Петру, что будетъ на него жаловаться губернатору; но или изъ жалобы его ничего не вышло, или онъ своей угрозы не исполнилъ, только по пріѣздѣ объ этомъ рѣчи больше уже не подымалось.

Свадьба Таисы была назначена послѣ Успенія; теперь же съ утра и до вечера стучала въ домѣ швейная машинка, валялись по всѣмъ комнатамъ разноцвѣтные лоскуты, и двѣ дѣвушки—портниха и бѣлошвейка—спѣшно готовили приданое.

Петръ сталъ еще угрюмѣе, еще молчаливѣе. Въ общихъ комнатахъ онъ почти не показывался и только заходилъ иногда на кухню захватить себѣ чего-нибудь съѣстного.

Между Петромъ и Аглаей никогда не было особой дружбы, въ послѣднее же время имъ случалось по два-три дня не сказать другъ другу ни слова. Поэтому Петръ очень удивился, когда однажды вечеромъ Аглая позвала его въ свою комнату.

— Петя, мнѣ бы съ тобой поговорить хотѣлось.

Онъ пошелъ за нею молча и сѣлъ на стулъ у окна, Аглая помѣстилась напротивъ.

— Видишь ты, Петя, я бы хотѣла съ тобой поговорить насчетъ Таисы. Отчего ты не женишься на ней?..

Петръ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, какъ будто собирался встать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сиди, Петя... Я вѣдь знаю, что ты любишь ее. Видно это. Отчего бы тебѣ на ней не жениться?.. А что съ Кудатяновымъ-то рѣшено, такъ вѣдь не продано ему—сто разъ еще перемѣнить можно.

Петръ рѣзко усмѣхнулся, фыркнулъ подъ усы.

— Какъ же я женюсь? Посмотри на нее и посмотри на меня. Я—гнилой, черный пень, а она—березка молоденькая...

— Что за гниль такая въ тебѣ завелась? я и не слыхала. А по-моему ты ничуть не хуже ея... Велика ли разница? Четырнадцать лѣтъ всего. Бываетъ и по двадцать лѣтъ разницы...

— Бываетъ... Только я не хочу, чтобы мучилась она со мною и несчастной себя чувствовала. Можетъ, тѣломъ я и крѣпокъ еще, да душой—теменъ, повалился уже я и не подняться мнѣ больше...

— А ты бы все-таки поухаживалъ, попробовалъ... можетъ, что и вышло бы... Дѣвушки, знаешь, на ухаживанья падки, любятъ онѣ, чтобы за ними поувивались... Поучился бы ты у Кудатянова. Вотъ ловкій парень! И ты бы...—ручку поцѣловалъ, поухаживалъ, духами бы надушился, волосы пригладилъ...

Петръ разобралъ вдругъ, что Аглая смѣется, нарочно издѣвается надъ нимъ—рану расковыриваетъ: но сидѣлъ молча, а она продолжала:

— Вчера онъ конфетъ ей опять принесъ... А она губы распустила—радуется... Отбрилъ бы ты его, право... Что жъ, что просватана... До свадьбы еще сто разъ Кудатяпову можно по шеямъ надавать... Онъ только говоритъ мастеръ... Ты бы когда, Петя, осадилъ его... А?

Петръ вскочилъ на ноги и заговорилъ часто, задыхаясь и глотая слова:

— Бѣсъ ты окаянный! кикимора лѣсная, кривобокая!.. Что мучишь? Чего издерганнаго дергаешь? Что тебѣ, бѣсу кривобокому, нужно отъ меня?

Аглая даже взвизгнула отъ страха. Ей показалось, что Петръ схватитъ, что ни попало, и ударитъ ее.

Но Петръ сдержался и только, уходя изъ комнаты, хлопнулъ дверью такъ, что даже штукатурка посыпалась съ потолка.

Аглая завидовала. Мучительную зависть возбуждали въ ней ухаживанія за Таисой, приготовленія къ свадьбѣ, радость Таисы. Все это тяжелыми молоточками стучало ей еще разъ, что она сама, Аглая, такъ и останется навсегда старой дѣвой, что жизнь безповоротно кончилась, оборвана, захлопнута плотной крышкой. Планамъ старика она не противилась, потому что знала, что Таисѣ готовится вовсе не сладкая участь. Она испытывала даже наслажденіе, представляя себѣ будущую жизнь Таисы съ Кудатяповымъ. Но нужно было вылить въ чемъ-нибудь свою досаду, причинить кому-нибудь такую же острую и мучительную боль, какую она испытывала сама. Ей хотѣлось взять чью-нибудь живую руку и истыкать ее всю тоненькими булавочками, изодрать ее въ мелкіе лоскутья. Она пилила и шпыняла Таису, она покою не давала кухаркѣ, огрызалась на каждое слово старика; но особенное наслажденіе ей доставляло помучить Петра—увальня, пропустившаго мимо себя счастье свое, какъ казалось Аглаѣ. И особенно она возненавидѣла его за то, что онъ въ сущности былъ такимъ же, если не еще горшимъ, неудачникомъ, чѣмъ она сама. И хотя съ перваго же раза онъ чуть не бросился на нее, она не переставала походя втыкать ему въ душу свои булавочки...

XXI

Петру теперь казалось, что не живетъ онъ, а видитъ какой-то сонъ, что все сонъ. И небо высокое—сонъ, и земля, и дома, и люди, и голоса ихъ, все—сонъ. Но сонъ мучительный, навалившійся душными глыбами, неизбывный сонъ.

Пробовалъ онъ молиться; но не могъ, словъ не находилъ, и на половинѣ молитвы умолкалъ—казалось ему, что стучится онъ въ

огромную и толстую стѣну, и стукъ его тонетъ въ ней мгновенно, одва слышный ему самому.

Днемъ еще бывало легче; но по ночамъ тоска разрасталась невыносимо. И цѣлыя ночи напролетъ, отъ вечерней и до утренней зари, бродилъ онъ теперь, подходя иногда къ дому Кудатяпова и прислушиваясь къ гулу голосовъ за стѣнами, иногда спускаясь на свое любимое мѣсто къ рѣкѣ. Тамъ шелестъ волнъ, неспѣшно набѣгающихъ на мокрый песокъ, тихія отраженія звѣздъ въ темной водѣ и одинокіе всплески рыбы дѣйствовали на Петра успокаивающе. Обнявъ колѣни руками, онъ сидѣлъ и часъ и другой. Но потомъ вдругъ, ярко до ужаса, вспоминалъ все и бѣжалъ наверхъ, на улицы городка, дальше въ поле, въ березовые перелѣски, пока сами собой не начинали подкашиваться ноги, и не падалъ онъ на землю, гдѣ ни попало, засыпая почти въ то же мгновенье тяжелымъ безпокойнымъ сномъ. Сны больше бывали у него безобразные, болѣзненные, но удивительно яркіе и отчетливые,

Любилъ онъ еще, перебравшись черезъ невысокую ограду кладбища, ходить отъ могилы къ могилѣ, присаживаясь иногда на холодный край каменной плиты. Вѣтеръ шелестѣлъ надъ его головой листьями березъ, пахло сыростью и плѣсенью и бывало удивительно тихо. У мертвыхъ, у изъѣденныхъ червями, у потерявшихъ образъ и подобіе человѣческое находилъ онъ себѣ успокоеніе, онъ, тоже изъѣденный червями мукъ, обездоленный, потерянный.

Много разъ въ эти ночные часы приближалось къ нему искушеніе. Стоитъ ему пойти къ старику, смириться, разсказать ему все, убѣдить его, и старикъ женитъ его на Таисѣ. Можно и ее уговорить. Вѣдь въ концѣ-то концовъ все-таки съ нимъ, съ Петромъ, Таисѣ лучше будетъ, чѣмъ съ Кудатяповымъ; ужъ онъ-то, Петръ, ее не обидитъ, вѣтру не дастъ дохнуть на нее, будетъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ, ухаживать, ублажать ее всячески. Велико бывало искушеніе. Все, что днемъ въ видѣ булавочекъ втыкала ему въ душу Аглая, вечеромъ и ночью претворялось въ его собственныя мысли. И мысли эти, какъ піявки, облѣпляли душу, сосли его безконечно... Большого труда стоило ему отбрасывать ихъ, преодолѣвая при этомъ чудовищную боль. Ему хотѣлось не принужденія, хотѣлось свѣтлой и свободной любви къ себѣ. Не перенесъ бы онъ и мгновенія, почувствовавъ, что онъ въ тягость, что онъ насильникъ.

Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей Петръ проходилъ мимо маленькой, вросшей совсѣмъ въ землю отъ старости церкви Спаса-Преображенія. При церкви была часовенка, а въ часовенкѣ горѣла неугасимая лампада передъ образами Спасителя и Божьей Матери.

Совсѣмъ машинально, почти не думая, Петръ подошелъ къ часовнѣ и вдругъ сталъ на колѣни... Долго смотрѣлъ на ликъ Пре-

святой Дѣвы, смотрѣлъ словно слѣпыми глазами, почти не видя его. Но понемногу заструилось отъ мягко-темнаго лика въ душу какое-то тепло, какой-то будто неяркій свѣтъ.

— Милостивая...

Петръ стиснулъ руки и протянулъ ихъ къ образу.

— Милостивая... Матерь Божія, мучусь...

Больше не было словъ; но онъ преклонился и приникъ лицомъ къ холодному камню. И долго лежалъ такъ.

XXII.

Свадьбу играли въ воскресенье. Петръ отказался быть шаферомъ у Таисы; но въ церковь пришелъ и всю службу стоялъ близко около вѣнчавшихся и смотрѣлъ, какъ играли на лицѣ Таисы желтые отблески свѣчей. Таиса была сосредоточена и печальна; брови ея были строго сдвинуты, и Петру мгновеніями казалось, что она не невѣста, а покойница и что ее не вѣнчаютъ, а отпѣваютъ. Когда священникъ повелъ новобрачныхъ вокругъ налоя, Петръ понялъ вдругъ всѣмъ существомъ своимъ, каждой своей черточкой, что кончено все, свершилось уже...

Пошатываясь и натыкаясь на людей, онъ выбрался изъ церкви, пошелъ домой и забрался тамъ въ самую дальнюю, полутемную комнатку, всю заставленную шкапами и сундуками. Онъ сѣлъ тамъ на высокій сундукъ и зажалъ голову руками. Черезъ нѣсколько мгновеній всего, какъ ему показалось, грянула вдругъ привезенная изъ губернскаго города музыка, нахлынули въ домъ гости, и все зашумѣло, задвигалось, начало топтаться десятками ногъ.

Трубы рвали воздухъ острыми криками, завывали кларнеты и волторны, рявкали басы, и барабанъ билъ мѣтко и ровно, какъ будто ему одному не было ни до чего дѣла...

Отъ шума, отъ визга, отъ звона все мѣшалось и крутилось въ головѣ, заворачивалось крутыми жгутами и медленно расправлялось, и снова скручивалось, какъ стальная проволока. Волна ненависти зажгла вдругъ всю душу Петра, и ему захотѣлось сдѣлать что-нибудь дикое, что-нибудь, что кричало бы такъ же остро и пронзительно, какъ мѣдныя трубы оркестра, такъ же упорно и настойчиво било бы людей по живому, какъ мѣрный и упорный барабанъ.

— Радуются... смѣются,.. кричатъ...

Петръ поднялся на ноги, и звуки какъ будто еще громче, еще ярче такъ и закружились вокругъ него быстрымъ водоворотомъ. Онъ прошелъ въ залъ. Гости размѣстились вокругъ столовъ—крик-

ливые, смѣющіеся, безпокойные. Стучали посудой, звякали рюмками, шаркали ногами. Петру не оставили мѣста, его забыли. А, можетъ быть, нарочно сѣли такъ, чтобы не было ему мѣста. Выкрики, смѣхъ, стуки, настраиваніе скрипокъ въ оркестрѣ—все сливалось въ путанный, пестрый, многоголосый клубокъ. Петръ стоялъ, прислонившись къ косяку двери, на половину скрытый за занавѣской, и радъ былъ, что его не замѣчаютъ, что, пробѣгая, слуги толкаютъ его, что онъ одинъ не смѣется среди общаго смѣха, одинъ не улыбается, радъ былъ злой и жгучей радостью. «И пусть, и пусть, и пусть»—думалъ онъ...

Евграфъ Евграфычъ поднялся. Лицо его было красно и блестѣло отъ пота. Онъ расправилъ усы, откинулся назадъ и вдругъ, покрывая и разсѣкая всѣ звуки, закричалъ:

— Го-орько!..

Сразу стихло все, завертѣлось и легло большимъ шипящимъ кругомъ... Тш... Тише...

Кудатяповъ вытеръ салфеткой усы, поднялся рядомъ съ Таисой и, осторожно прикасаясь, поцѣловалъ ее въ губы.

— Урра! Урра!..

Опять взметнулись отъ большого круга острой спиралью звуки, и музыка грянула тушъ, разбросила его крѣпкой сѣтью поверхъ другихъ звуковъ.

Смѣялось все, кружилось все, путалось и перекручивалось; но не было мѣста Петру. Одному ему не было здѣсь мѣста.

И то, что много разъ уже подкрадывалось къ нему по ночамъ — ядовито-жгучее, что днемъ отбрасывалъ онъ прочь, что подползало къ нему, какъ липкая и яркая гадина, отравляя его своимъ дыханіемъ и отъ чего бѣжалъ онъ, но не могъ убѣжать, выползло вдругъ теперь изъ путаннаго клубка звуковъ, обхватило Петра, прижалось къ нему, не давая ему вздохнуть, душа и туманя его...

Поджечь, поджечь этотъ огромный каменный домъ, который вмѣстѣ со старикомъ пилъ изъ него, Петра, всѣ силы, губилъ его, Петра, душу, мучалъ его долгіе годы, поджечь сараи и амбары, и лавки, и сѣновалы, поджечь все, пустить по вѣтру въ огненномъ вихрѣ... Двѣ недѣли не было ни капли дождя. Запылаетъ, загорится все, подымется къ небу, крича языками пламени, осыпаясь визгомъ мелкихъ искръ.

Облить керосиномъ стѣны, натаскать щепы, соломы, поджечь сразу со всѣхъ концовъ, чтобы не было спасенія, чтобы нельзя было потушить, залить, затоптать огонь... Что каторга! Что тюрьма! Не все ли ровно? Посмѣются тогда они, порадуются... Пусть кричитъ тогда и прыгаетъ отъ злости старикъ, пусть вертится, какъ обваренный кипяткомъ, Кудатяповъ, пусть побѣлѣетъ вся отъ

страху Аглая, потеряетъ платокъ и простоволосая бѣгаетъ вокругъ пожарища. Все стало вдругъ въ яркихъ и видимыхъ образахъ... Послышался уже Петру набатъ, падающій внизъ со всѣхъ колоколенъ Зарѣчья, воющій, испуганный набатъ—онъ особенно страшенъ и жутокъ бываетъ ночью, когда колокольни охвачены заревомъ, когда красными клочками кружатся надъ колокольнями голуби, когда отражается зарево въ тихой рѣкѣ, и багровымъ жгутомъ закручивается въ темномъ небѣ высокій столбъ дыма...

И, весь дрожа и замирая, задыхаясь и ловя ртомъ воздухъ, Петръ вышелъ изъ дому на темный и пустой дворъ. Ворота были заперты. Ни души не было видно кругомъ. Съ улицы толпился народъ, и слышенъ былъ шумъ многихъ голосовъ; но отсюда ушли даже сторожа.

Керосинъ хранился въ самомъ дальнемъ сараѣ. Тамъ его было сложено больше ста ящиковъ. Но старикъ держалъ всегда ключи при себѣ. Петръ прошелъ сперва на конюшню и вооружился ломомъ. Стараясь не шумѣть, онъ подсунулъ его подъ дверь и налегъ грудью на холодное желѣзо. Дверь поддалась легко, крякнувъ, выскочила скоба, и черное отверстіе распахнулось широко и жутко.

Дрожащими руками Петръ нащупалъ въ темнотѣ ящикъ, оторвалъ ломомъ досчатую крышку, пробилъ дыры въ жестянкахъ и, взявъ двѣ жестянки въ руки, пошелъ въ садъ, къ заднимъ стѣнамъ построекъ. Пока онъ шелъ, спотыкаясь и боясь, чтобы жестянки не звякнули, онъ вспомнилъ, что постройки не застрахованы, что старикъ всегда надѣялся на сторожей и на то, что усадьба его стояла совсѣмъ въ сторонѣ и отдѣлялась отъ остального города оврагомъ и ручьемъ. Поджигателей старикъ въ расчетъ не бралъ вовсе. Онъ презиралъ воровъ и преступниковъ, считая ихъ мелкими, неспособными людишками, у которыхъ недостаетъ ума наживаться и богатѣть открыто. Теперь радость вдругъ охватила Петра.

Все предвидѣлъ, все понимаешь... попляши-ка...

Петръ ничего не пилъ сегодня, но въ головѣ у него что-то звонило и прыгало, и сердце то начинало биться шибко-шибко, то замирало, жутко встряхиваясь болѣзненными толчками...

Щепокъ было множество около новой бани. Петръ таскалъ ихъ охапками, разсыпая по дорогѣ...

Одинъ разъ ему показалось, что въ домѣ снова разнесся крикъ старика:

— Горько...

И тотчасъ же передъ нимъ четко и ярко, словно высѣченные изъ разноцвѣтныхъ камней, явились Таиса и Кудатяновъ, какъ онъ видѣлъ ихъ тамъ, въ залѣ...

Соломы Петръ натаскалъ цѣлые вороха, но ему все еще казалось мало: а вдругъ не разгорится, потухнетъ?

Часъ, должно быть, былъ уже первый. Большая Медвѣдица поднялась высоко и переливалась разноцвѣтными горячими искрами.

Петръ вдругъ спохватился: спичекъ нѣтъ. Онъ побѣжалъ въ свою комнату. Теперь весь домъ тряссся отъ топанья ногъ. Въ раскрытыя окна видны были кружащіе пары. Музыка играла вальсъ и стлалась гдѣ-то по низамъ, покачиваясь горячими и тяжелыми волнами...

XXIII.

Петръ присѣлъ на корточки, чиркнулъ спичку о коробку... Отъ волненія, отъ бѣготни онъ значительно ослабѣлъ уже, и руки у него прыгали, срывались... Слабый огонекъ засвѣтился и намѣтилъ пальцы, колѣни и груду щепокъ и соломы...

Петръ медлилъ подносить спичку къ соломѣ, и, пока онъ смотрѣлъ на желтый огонекъ, смутное, теплое и ласковое воспоминаніе проплыло въ душѣ его медленно, какъ большое облако...

Спичка догорѣла, и Петръ уронилъ кончикъ ея на землю. Онъ закрылъ глаза... Тѣло его ныло, и въ немъ, въ тѣлѣ, расходилось что-то широкое и полусонное...

Гдѣ онъ видѣлъ такой же желтоватый огонекъ—теплый и ласковый?

Петръ силился вспомнить и сидѣлъ тихо, не дыша...

Это было недавно, это помнится живо... Но гдѣ? Тогда было хорошо и тихо, и такъ же ныло тѣло и колыхалось въ немъ что-то широкое и мягкое... И душѣ было хорошо... Да, да... Въ этой часовенкѣ, около церкви Спаса-Преображенія... Да, да... Тамъ было тихо и хорошо, и теплился желтоватый огонекъ лампады передъ ликомъ Богородицы...

Петръ сѣлъ совсѣмъ на землю, прижалъ къ лицу руки, и вдругъ между пальцами его проступили крупныя слезы... Онъ еще ниже наклонился, вжался весь...

— Берите, берите все... Не надо мнѣ... Ни богатства вашего, ни денегъ вашихъ, ни счастья вашего... Берите... И жизни не надо... и жизни...

Онъ поднялся на ноги, шатаясь, какъ пьяный, и пошелъ прочь...

Музыка ухала и вскидывалась и разсыпалась задорною дробью...

Петръ пошелъ другой дорогой, не къ рѣкѣ...

Спалъ весь городъ, нигдѣ не было видно огней, не попадалось прохожихъ. И только отъ Игрищевскаго дома все еще лился вдогонку Петру яркій свѣтъ, и музыка липла, музыка забѣгала впередъ и словно загораживала дорогу...

Петръ прошелъ мимо кладбища, поднялся на горку...

Рвутся еще за нимъ отдѣльные звуки, виденъ еще свѣтъ....

Онъ свернулъ и пошелъ безъ дороги, прямо по мокрымъ отъ росы полямъ...

Въ небѣ тихо горѣли звѣзды, просторно и глухо было кругомъ. Утонули наконецъ гдѣ-то за плечами послѣднiе отголоски музыки, исчезъ весь городъ, не было видно даже колоколенъ—исчезли, расплылись онѣ въ сумракѣ ночномъ...

Петръ легъ на землю, прижался къ ней, обхватилъ ее своими руками, мокрую и холодную землю; прилегъ и сталъ похожимъ на большой темный камень... И все шепталъ:

— Берите, берите все... Не надо мнѣ... берите...

Николай Өедоровъ.

МОИ ЦЕНЗОРА.

(Изъ воспоминаній).

I.

ЩЕ ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ годахъ, будучи студентомъ университета св. Владимира, я сотрудничалъ въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», который издавался бывшимъ псковскимъ предводителемъ дворянства Рокотовымъ. Потомъ Рокотовъ кончилъ жизнь мелкимъ актеромъ въ Александринкѣ. Былъ онъ человѣкъ интересный, разносторонній, образованный, но вышибленный изъ колеи. Большой либералъ и отчасти славянофилъ. Ходилъ въ красной шелковой рубахѣ и увлекался оперой. Газету онъ издавалъ не какъ предприниматель, а какъ меценатъ. Сошелся я съ нимъ сразу. Пробѣжавъ мою рукопись, онъ нашелъ, что у меня «что-то есть», и пригласилъ сотрудничать. Я сталъ писать у него передовыя статейки, фельетоны, замѣтки. Первая публицистическая статейка моя называлась «Разрушеніе сословныхъ перегородокъ»—по поводу введенія всеобщей воинской повинности. Въ статьѣ была проведена демократическая мысль.

Чиновникъ, цензуровавшій «Кіевскій Вѣстникъ», былъ въ то же время и почтовымъ цензоромъ, то-есть на его обязанности лежало вскрывать подозрительныя письма и прочитывать. Фамилія его была фонъ-Лаймингъ, говорилъ онъ по-русски плохо и былъ изъ остзейцевъ.

Онъ выбросилъ нѣсколько строкъ изъ моей статьи—то мѣсто, гдѣ говорилось о возможности перемѣщенія центра тяжести силы

изъ правительственныхъ сферъ въ общественныя. Мнѣ показалось несправедливымъ отношеніе цензора къ моему первому труду, и я, по совѣту Рокотова, отправился къ нему объясняться.

Онъ замахалъ на меня руками и сталъ каяться, зачѣмъ онъ пропустилъ всю статью.

— Это есть очень вредный, очень вредный статья!

На мое возраженіе онъ сказалъ:

— Мнѣ все равно, что вы напишете и что будетъ напечатано, если не касается меня. Но вы забываетъ, что у меня есть дѣти, и я очень дорожу свое мѣсто, которое меня обезпечиваетъ. Если я буду часто пропускать такой статья, я потеряетъ мѣсто. Вы должны пожалѣть меня, молодой человѣкъ, потому что вы тоже будете старый человѣкъ, и у васъ тоже будутъ дѣти.

Впрочемъ, фонъ-Лаймингъ вообще былъ сносенъ, какъ цензоръ. Онъ самъ разъ вызвалъ меня къ себѣ и упрашивалъ не писать статей, которыхъ онъ не понимаетъ.

— О, пожалуйста, не сочиняйте также еще сновъ. Вы сны любите сочинять. Я избѣгаю аллегорическихъ сновъ. Я долженъ запрещать всякія аллегоріи, потому что я ихъ не понимаю. Когда-нибудь аллегоріи могутъ погубить такой великій держава, какъ Россія. О, я вамъ скажу, я много думалъ и думаю объ аллегоріяхъ.

Въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ» бывали и статьи крайняго направленія, такъ называемыя «мальчишескія», и серьезныя—даже скучныя, и елейныя, и кощунственныя—и все сходило съ рукъ. Въ особенности отъ поправокъ цензора статьи пріобрѣтали иногда странный характеръ. Кромѣ меня, въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ» постоянно писали И. Г. Рашевскій, нынѣ извѣстный художникъ и земецъ, Ѳ. К. Волковъ, археологъ, проф. Козловскій, рано умершій, Каблицъ (Юзовъ), Мезинцевъ, пѣвецъ Коммисаржевскій (отецъ В. Ѳ. Коммисаржевской).

Газета прекратила свое существованіе не столько вслѣдствіе цензурныхъ давленій, сколько за охлажденіемъ къ ней издателя, который никакъ не могъ справиться съ сотрудниками.

II.

Въ 1876 г., когда я былъ секретаремъ черниговской губернской земской управы и редактировалъ подъ руководствомъ А. П. Карпинскаго, предсѣдателя этой управы, издававшійся губернскимъ земствомъ «Земскій Вѣстникъ», я получилъ приглашеніе быть редакторомъ «Кіевскаго Телеграфа», принадлежавшаго г-жѣ Гогоцкой, женѣ профессора философіи.

Меня тянула къ себѣ газетная работа, и я поѣхалъ въ Кіевъ. Въ редакціи я засталъ разгромъ. Предыдущій редакторъ, нынѣ благополучно здравствующій А. Н. Молчановъ, только что уѣхалъ

за границу, спасаясь отъ административнаго преслѣдованія. Онъ перепечатывалъ изъ заграничнаго революціоннаго журнала «Впередъ» статьи въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», пользуясь тѣмъ, что цензоръ получалъ отъ издательницы ежемѣсячную взятку въ 50 р. Положеніе газеты было серьезно, но, какъ мнѣ сказали, небезнадежно. Администрація рѣшила ждать поступковъ отъ новаго редактора. На первыхъ же порахъ газета имѣла внѣшній успѣхъ, и нѣкоторые нумера стали печататься по два раза.

Редакція помѣщалась въ одномъ домѣ съ типографіей, и между членами редакціи и наборщиками существовали дружескія отношенія. Такихъ интеллигентныхъ, трезвыхъ и благородныхъ молодыхъ людей рѣдко потомъ я встрѣчалъ среди столичныхъ наборщиковъ. Вообще провинціальный наборщикъ считалъ, а можетъ быть и до сихъ поръ считаетъ, свою профессію исключительною и прекрасною.

Прошло уже около недѣли моего редакторства, когда въ редакцію явился нѣкто Ивановъ, который пользовался въ Кіевѣ репутаціей чудака и доносчика. Онъ не признавалъ иностранныхъ словъ. Еще онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ былъ учителемъ латинскаго языка и его избили гимназисты. Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ началъ съ порицанія направленія «Кіевскаго Телеграфа»:

— Хотя вы ведете листъ (газету) въ иномъ нѣсколько ладѣ (тонѣ) и осторожнѣе, но все же въ вашихъ писаніяхъ чувствуется пагубное настроеніе, и статьи помѣщаете вы только разрушительныя. Прославляете земство, а правительство унижаете и даже не прочь были бы перепечатывать статьи изъ переворотныхъ (революціонныхъ) изданій. Но исправиться никогда не поздно. Печатайте только статьи, которыя я вамъ буду доставлять за весьма умѣренное вознагражденіе. Помните, что я обращаюсь къ вамъ съ высшей степени обдуманнымъ предложеніемъ. Я только что видался съ Юзефовичемъ.

А надо замѣтить, Михаилъ Владимировичъ Юзефовичъ былъ тоже славная личность: когда-то онъ предалъ Костомарова и Шевченка, имѣлъ порученіе отъ Третьяго Отдѣленія слѣдить за настроеніемъ умовъ въ Кіевѣ и былъ извѣстенъ подъ популярнымъ прозвищемъ Китовраса.

— То есть, вы были у Китовраса?—спросилъ я съ дерзновеніемъ, свойственнымъ юности.

Ивановъ, сѣдой, какъ лунь, пытливо взглянулъ на меня своими непріятными, недалекими глазками и сказалъ:

— Дѣйствительно, такъ его прозвали мальчишки, но людямъ, которые желаютъ уцѣлѣть, не слѣдовало бы такъ выражаться.

Я, не взглянувши на статью, возвратилъ ее обратно Иванову и попросилъ его уйти и больше не приходить.

Сотрудники поздравили меня. Имъ понравилось, какъ я отнесся къ агенту Китовраса. Разсказано было при этомъ множество разныхъ анекдотовъ объ обоихъ доносчикахъ.

III.

Прошла еще недѣля. Мы жили и писали безпечно. Газета, потрясенная послѣдними событіями, вошла въ русло, розница была большая, издательница посѣщала редакцію разъ въ недѣлю, чтобы взять кассу и расплатиться съ сотрудниками и съ наборщиками, и отъ времени до времени—это было лѣтомъ—къ окну редакціи подходилъ мужъ издательницы, профессоръ Гогоцкій, комическій старикъ, высохшій, какъ мумія, фантомъ, а не человѣкъ, и замогильнымъ голосомъ убѣждалъ меня съѣздить на поклонъ къ Юзефовичу; и еще подходилъ нашъ цензоръ Пузыревскій, барабанилъ по стекламъ и весело выпрашивалъ трешницу въ счетъ «жалованья».

Какъ-то, принимая отъ конторщика деньги, Пузыревскій сообщилъ, что надъ «Кіевскимъ Телеграфомъ» скопились тучи.

Я услыхалъ и подошелъ къ окну.

— Какія тучи?

— Но вѣдь дѣло о перепечаткѣ «Впередъ» не кончено.

— Но это было не при мнѣ.

— Мало ли что! Хотятъ подвести подъ сюркупъ газету. Съ васъ, разумѣется, взятки гладки... Ну, и меня кстати похерятъ. Но что же дѣлать, господа, когда я не выношу своего званія. Я въ жизни своей еще ни разу ничего не зачеркнулъ.

У него былъ красноватый носъ, и, несмотря на ранній часъ, отъ него пахло виномъ.

— Имѣйте въ виду, что въ дѣйствительности же я все-таки консерваторъ,—продолжалъ цензоръ.—Но и у консерватора есть свои взгляды на порядочность. Непорядочно быть цензоромъ.

— Но, простите, зачѣмъ же вы поступили въ цензора?

— Ахъ, неразумный вопросъ!—вскричалъ Пузыревскій.—А если бъ у васъ былъ цензоръ другой да чиркалъ бы васъ, что бы съ вами было? Была бы у васъ розничная продажа? Да онъ бы васъ задушилъ въ три дня, и влачили бы вы самое жалкое существованіе.

— Значитъ, вы, будучи консерваторомъ, поступили въ цензора, чтобы поддерживать процвѣтаніе либеральныхъ газетъ?

Онъ махнулъ рукой.

— Вы меня всегда переговорите. А мнѣ теперь только одного хочется: пойти и позавтракать въ ресторанѣ «Одесса»—благо недалеко отъ васъ. Не хочетъ ли мнѣ кто-нибудь сопутствовать? Нѣтъ?. Ну, до свиданія.

IV.

Стояла чудесная погода. Въ свободные отъ занятій часы сотрудники «Кіевскаго Телеграфа» разгуливали по Ботаническому саду или забирались въ «Шато де-Флеръ» и пили пиво. Мы всѣ ходили въ

блузахъ. Впрочемъ, ношеніе блузъ въ Кіевѣ обусловливалось преимущественно жаркой температурой.

Задуманъ былъ рядъ статей и розданы матерьялы. Приглашены были дѣльные репортеры, а консервативной газетѣ «Кіевлянинъ» мы объявили войну не на животъ, а на смерть.

— Новость!—вскричалъ однажды сотрудникъ И. М. Рева.— Получена новая книжка «Впередъ».

Онъ вошелъ и положилъ ее ко мнѣ на столъ. Уже смеркалось. Зажжены были лампы. Были приглашены другіе сотрудники, чтобы познакомиться съ новой книжкой революціоннаго журнала— Самойловичъ и Сорокинъ. Я разрѣзалъ книгу и началъ читать вслухъ какую-то статью. Пришли конторщицы послушать и метранпажъ. Слушая чтеніе, Сорокинъ набивалъ гильзы табакомъ на другомъ концѣ стола.

Вдругъ въ передней раздался громкій звонокъ, и послышалось звяканье шпоръ. Мальчикъ, дежурившій въ передней, не успѣлъ доложить, какъ въ кабинетъ дверь раскрылась, и на порогѣ показался полицеймейстеръ.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ онъ.—Пришелъ объявить вамъ печальную новость. Не угодно ли прочитать и расписаться, господинъ редакторъ!

Я прочиталъ бумагу и остолбенѣлъ. Молча передалъ ее сотрудникамъ. «Кіевскій Телеграфъ» былъ закрытъ по высочайшему повелѣнію за особенно вредное сопротивленіе. Насъ обязали снять вывѣску и прекратить работу.

На другой день вывѣска была закрыта чернымъ коленкоромъ, и всему дому, гдѣ помѣщалась покойная газета, былъ приданъ траурный видъ. Огорчены мы были страшно, сообщили о насильственной смерти газеты въ остальныя періодическія изданія и разъѣхались по домамъ. Я вернулся въ Черниговъ, въ «Земскій Вѣстникъ».

Оказалось, что высочайшее повелѣніе о закрытіи газеты было уже прислано недѣлю тому назадъ и находилось у Китовраса. Если бы были напечатаны статьи, которыя приносилъ доносчикъ Ивановъ, то легко было подъ другимъ названіемъ возобновить газету на другой же день послѣ ея закрытія...

V.

Въ 1878 г. я сталъ составлять для журнала «Слово» научную хронику и тогда же былъ приглашенъ его редакторомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Коропчевскимъ (нынѣ покойникъ) завѣдывать не только научнымъ, но и беллетристическимъ отдѣломъ изданія въ виду особыхъ моихъ симпатій къ беллетристикѣ, которыя стали во мнѣ пробуждаться. Въ началѣ лѣта издатель Жемчужниковъ

и редакторъ Коропчевскій отправились отдыхать въ свои деревни, и я остался полномочнымъ хозяиномъ журнала, что продолжалось около шести мѣсяцевъ.

Тутъ случился со мной грѣхъ. Въ редакцію явился нѣкто Жакляръ, который подписывался Жика, бывшій парижскій коммунаръ и содержатель бань на Васильевскомъ островѣ. Онъ предложилъ статью о Вольтерѣ. Статья была научная, хорошо переведенная женою г. Жакляра, по рожденію русской. Разумѣется, она была съ протестующимъ направленіемъ. Но такія статьи сплошь и рядомъ проходили въ тогдашнихъ журналахъ. Я принялъ статью, и первая половина ея вышла въ іюльской книжкѣ.

Получаю приглашеніе изъ цензурнаго комитета. Являюсь.

Тогда предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ Петровъ.

Я увидѣлъ въ кабинетѣ бритую фигуру необыкновенной старости. У Петрова былъ большой сизый носъ и огромная отвислая нижняя губа, тоже сизаго цвѣта. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ на креслѣ и дремалъ.

— Имѣю честь представиться—такой-то,—началъ я.—Я пришелъ по вашему приглашенію.

— Что вамъ угодно?—пробормоталъ онъ.

— По вашему приглашенію.

— А!

Онъ продолжалъ дремать. Мнѣ показалось, что онъ умеръ, и что-то непріятное, какъ страхъ, шевельнулось во мнѣ. Я чуть было не протянулъ руку, чтобъ позвонить, но Петровъ внезапно открылъ глаза, подтянулъ губу, громко чмокнулъ челюстью и сказалъ, кивнувъ головой:

— Кого я вижу предъ собой?

Я объяснилъ.

— А! Вы малороссъ?

— Я родился въ Харьковской губерніи... малороссъ..

— А почему вы родились въ Харьковской губерніи?

— У матери моей было тамъ имѣніе, а отецъ служилъ.

— А вѣдь я тоже изъ Харькова. Скажите, пожалуйста, какое пріятное знакомство! Я вѣдь старожилъ харьковскій. Я еще въ 1825 году подносилъ хлѣбъ-соль императорру Александру Благословенному во время слѣдованія его въ Таганрогъ.

— Вотъ какъ!

— Какъ же. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ слишкомъ. Правда, я былъ тогда молодъ.

— Конечно, вы были тогда молоды,—любезно подтвердилъ я.

Петровъ хотѣлъ что-то сказать, но уронилъ вѣки, челюсть его внезапно отвисла, губа выпятилась и стала какой-то неестественно голубой, и онъ погрузился въ сонъ.

Опять шевельнулось во мнѣ чувство страха.

Можетъ быть, прошла минута, но она была довольно долгимъ промежуткомъ времени.

Наконецъ Петровъ опять открылъ глаза.

— А, кого я вижу! Ба, землякъ! Очень пріятно, очень пріятно. Такъ какъ же, милостивый государь,—грозно закричалъ онъ:—развѣ можно печатать такія статьи, какъ о Вольтерѣ! Да знаете ли, что за такія статьи журналъ надо бы сжечь... Сожгу, милостивый государь!

И еще разъ заснулъ Петровъ. Теперь голова его упала совсѣмъ на грудь. Я рѣшительно всталъ. Петровъ услышалъ шумъ отодвигаемаго стула и поднялъ голову. Онъ постарался улыбнуться своими синими, раздвинувшимися до ушей губами.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль,—началъ онъ съ улыбкой:—что я долженъ былъ огорчить васъ моей точкой зрѣнія на статью Жика, тѣмъ болѣе, что вообще журналъ мнѣ очень, очень нравится. Я читаю научныя статьи его съ большимъ удовольствіемъ и пользой для себя. Вы, кажется, ведете научную хронику сами?

— Да, я веду научную хронику.

— Очень хорошо и поучительно. Но дарвинизмъ, дарвинизмъ!— закричалъ онъ, сдвинувъ брови.—Ну, да на дарвинизмъ плевать,— пояснилъ онъ:—а вотъ продолженія статьи о Вольтерѣ чтобы не не было.

Онъ постучалъ пальцемъ по столу.

— Чтобы я больше о Вольтерѣ ничего не читалъ. Я Вольтера боюсь. Это самый вредный философъ, какой когда-либо бременилъ землю. Онъ возставалъ не только на царственные троны, но и противъ Господа Бога. Онъ церковь осмѣивалъ, библію... Сожгу!

Петровъ тоже всталъ во весь ростъ, упершись косточками кулаковъ въ столъ. Но и тутъ голова его какъ-то странно качнулась. Онъ сталъ бороться съ одолѣвавшей его сонливостью, преодолѣлъ слабость и сдѣлалъ самую милую и дружескую гримасу.

— Жму вашу руку, землякъ. Воспоминанія о Харьковѣ для меня особенно пріятны. Кланяйтесь городу, когда будете въ Харьковѣ.

— Я могу уходить?

Петровъ любезно развелъ руками и кивнулъ головой. Я ушелъ.

Принесъ Жика продолженіе статьи. Тщательно прочиталъ я ее и показалъ Владиміру Ивановичу Жуковскому, который былъ членомъ редакціи. Онъ тоже прочиталъ. Кое-что мы выставили изъ статьи и рѣшили, что она смѣло можетъ быть напечатана, такъ какъ содержала въ себѣ гораздо меньше огня, чѣмъ первая статья. Повидимому, написана она была даже отчасти для листовъ. Къ тому же Петровъ произвелъ на меня впечатлѣніе до нельзя странное и комичное. Однимъ словомъ, я не послушался цензурнаго комитета, и статья была напечатана.

Но зато книга не вышла въ свѣтъ. Она была арестована и сожжена.

Издатель и редакторъ по возвращеніи въ Петербургъ не нашли ничего предосудительнаго въ моемъ хозяйствѣ и не особенно сѣтовали на меня за сожженіе книги. Жика между тѣмъ укрѣпился въ «Словѣ» и сталъ печатать свои статьи каждый мѣсяцъ; онъ велъ у насъ политическое обозрѣніе, а затѣмъ раздвоился и сталъ сотрудничать также въ «Дѣлѣ». Съ Петровымъ я больше на цензурномъ кострѣ не встрѣчался. Но какъ-то ужъ передъ самой его смертью я зашелъ въ цвѣточный магазинъ, что подъ трактиромъ Палкина, и засталъ тамъ Петрова. Онъ пріобрѣлъ великолѣпный букетъ. Обернувшись, онъ, къ удивленію моему, узналъ меня.

— А, землякъ! Если бъ вы знали, какой прелестной я везу эти цвѣты,—сказалъ онъ со сладкой улыбкой, которая застыла на его мертвыхъ губахъ, и онъ вмѣстѣ съ нею и съ букетомъ вышелъ изъ магазина.

VI.

Въ качествѣ редактора или соредактора я участвовалъ еще въ «Новомъ Обозрѣніи»—журналѣ, который былъ основанъ на средства Ѳ. И. Базилевскаго тѣмъ же пріятелемъ моимъ Д. А. Коропчевскимъ въ сотрудничествѣ съ М. А. Антоновичемъ. Несмотря на то, что въ «Новомъ Обозрѣніи» работалъ Кибальчичъ, котораго мы знали подъ именемъ Самойлова, и что журналъ былъ подцензурный, особыхъ цензурныхъ столкновеній у насъ не было. Только однажды нашъ цензоръ Юферовъ пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ, чтобы переговорить о разсказѣ моемъ «Тайна Оли». Я ждалъ, что онъ собирается что-нибудь вычеркнуть изъ разсказа. Но Юферовъ объявилъ, что ему хотѣлось только познакомиться со мною. Онъ угостилъ меня чаемъ и виномъ, расхвалилъ мой разсказъ. Закрытъ же былъ журналъ самимъ издателемъ послѣ 1-го марта.

Пересталъ я быть редакторомъ и посвятилъ свое время беллетристикѣ. Какъ беллетристъ, я страдалъ отъ цензуры меньше, чѣмъ отъ редакторовъ. Увы! искажалъ мои повѣсти и разсказы Пятковскій въ «Наблюдателѣ», гдѣ сотрудничать порекомендовалъ мнѣ Салтыковъ послѣ того, какъ закрыты были «Отечественныя Записки». Пятковскій вставлялъ отъ себя иногда цѣлыя фразы. Точно также онъ вымарывалъ страницами. Слово «еврей» замѣнялъ «жидомъ» и, наконецъ, сталъ меня самого подозрѣвать въ «жидовствѣ». Хитро справлялся о моей родословной. Какъ-то я показалъ ему книжку «Юго-Западнаго Архива», гдѣ приведенъ былъ документъ о нѣкоемъ евреѣ Пятковскомъ, который держалъ въ арендѣ православные храмы. Пятковскій поблѣднѣлъ, подошелъ къ зеркалу и долго смотрѣлъ на себя, сталъ задумчивъ и печаленъ. Задолго до прекращенія «Наблюдателя» я пере-

сталъ сотрудничать въ этомъ журналѣ. Еще кое-какъ сдерживалъ Пятковскаго покойный Зотовъ. Впрочемъ, за исключеніемъ еврейскаго вопроса, Пятковскій былъ передовыхъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи онъ очень похожъ былъ на извѣстнаго критика, сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Русскаго Богатства» М. А. Протопопова. Къ беллетристикѣ Пятковскій относился полупрезрительно. Одинъ только Салтыковъ былъ вполнѣ литературный редакторъ. Сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» поэтому является для меня самымъ свѣтлымъ періодомъ моей литературной жизни.

VII.

Въ «Живописномъ Обозрѣніи» Михайлова-Шеллера трудно было напечатать что-нибудь безъ того, чтобы цензоръ не смазалъ двухъ или трехъ страницъ, а не то и цѣлую главу. Выводишь какого-нибудь революціоннаго болтуна, дискредитирующаго движеніе, а рядомъ съ нимъ выставляешь болѣе или менѣе положительнаго человѣка, который умѣетъ дѣйствовать и знаетъ цѣль, къ которой стремится. Появляется повѣсть или романъ въ печати. Болтунъ остался, а дѣловой человѣкъ выставленъ.

Однажды я написалъ романъ подъ названіемъ «На зарѣ новой жизни», въ которомъ были изображены годы, предшествовавшіе освобожденію крестьянъ, и сдалъ его Шеллеру. Но каково же было мое изумленіе, когда я получилъ его письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что цензура совсѣмъ не пропускаетъ романа.

— Кто цензоръ?—спросилъ я у Александра Константиновича.

Онъ назвалъ мнѣ цензора. Помню, жилъ цензоръ на углу Пушкинской улицы и Кузнечнаго переулка. Фамилія его была Фрейманъ. Направился я къ цензору. Прихожу. Любезно встрѣчаетъ меня.

— Что вамъ угодно?

— Да какъ же, помилуйте, вы не пропускаете моего романа.

— А! Очень хорошій романъ,—сталъ хвалить онъ.—Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ его.

— Благодарю васъ, но въ такомъ случаѣ почему же вы не пропускаете его?

— А потому,—сказалъ онъ мнѣ съ лукавымъ выраженіемъ въ глазахъ и въ губахъ:—что въ романѣ вы очень отрицательно относитесь къ крѣпостному праву.

— Ну такъ что же? Его, слава Богу, нѣтъ ужъ больше.

— Его, слава Богу, больше нѣтъ, но со времени уничтоженія его не прошло даже тридцати лѣтъ. А кто знаетъ, если оно не возстановится.

— Какъ, крѣпостное право?

— По моему мнѣнію, оно не сегодня—завтра будетъ возобновлено.

— Крѣпостное право?

— Даю вамъ честное и благородное слово. Однимъ словомъ, я настолько убѣжденъ въ этомъ, что не могу пропустить романъ, который мнѣ самому нравится. Имѣйте въ виду, что я не крѣпостникъ по своимъ убѣжденіямъ, но я цензоръ.

Вся кровь ударила мнѣ въ голову. Мнѣ показалось, что мой цензоръ сошелъ съ ума. Пріѣхалъ я въ цензурный комитетъ, а тогда предсѣдателемъ былъ Кожуховъ, передъ тѣмъ бывшій гдѣ-то вице-губернаторомъ. По пути я состряпалъ прошеніе слѣдующаго содержанія: «Цензоръ такой-то не пропустилъ моего романа «На зарѣ новой жизни» подъ тѣмъ предлогомъ, что вскорѣ будетъ возстановлено крѣпостное право. Если причина, выставленная цензоромъ, имѣетъ какія-либо основанія, то покорнѣйше прошу официальнаго разъясненія». Къ прошенію я приложилъ корректуру всего романа. Я подалъ прошеніе Кожухову. Онъ развернулъ его и поднялъ брови на самый лобъ. Долго смотрѣлъ онъ на меня.

— Я пересмотрю вашъ романъ и завтра же дамъ отвѣтъ.

На другой день я пріѣхалъ въ цензурный комитетъ.

Кожуховъ немедленно принялъ меня и сказалъ:

— Цензоръ Фрейманъ очень старый человѣкъ. Ему осталось полгода до пенсіи. Я бы вамъ совѣтовалъ взять назадъ ваше прошеніе, и тогда романъ я немедленно разрѣшу къ печати.

Прошеніе было возвращено, и романъ разрѣшенъ.

VIII.

Въ теченіе темнаго времени, начиная отъ 1-го марта и кончая срединой девятидесятыхъ годовъ, я нѣсколько разъ пытался издавать газету или журналъ, но бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Ѳеоктистовъ упорно мнѣ отказывалъ въ утвержденіи меня редакторомъ.

Писать между тѣмъ было негдѣ, и приходилось, скрѣпя сердце, печатать свои романы гдѣ попало.

Была еще у меня исторія съ романомъ «Новая жизнь», который былъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Цензоръ Косовичъ ни за что не хотѣлъ пропускать его. Я два вечера просидѣлъ у него, защищая романъ. Конечно, его слѣдовало бы не пропустить за то, что онъ плохъ, но цензоръ находилъ, что романъ, будучи самъ по себѣ какъ будто бы и не преступнымъ произведеніемъ, можетъ породить преступныя мысли. Косовичъ былъ добродушный человѣкъ, но недалекій. Ужасно трудно объясняться съ начальствомъ, когда видишь тусклость его мозговъ и не знаешь, съ какой стороны подойти къ нему. Наконецъ онъ махнулъ рукой, вычеркнулъ только

нѣсколько главъ, которыя имѣли поясняющее значеніе, а, впрочемъ, въ художественномъ отношеніи были совершенно излишни, и разрѣшилъ «Новую жизнь».

Въ томъ же «Сѣверномъ Вѣстникѣ» большихъ хлопотъ надѣлала мнѣ повѣсть «Тараканій бунтъ». Цензура совсѣмъ запретила ее, какъ особо вредное произведеніе. Предсѣдателемъ былъ уже тотъ же Косовичъ.

— Это черезчуръ злая сатира на земскаго начальника,—сказалъ онъ:—а главнымъ образомъ на правительство, которое держитъ народъ въ темнотѣ... Я съ вами согласенъ, народъ нашъ теменъ и могъ бы быть просвѣщеннѣе, но у правительства свои взгляды. Черезчуръ злобно. Повѣсть не пройдетъ.

Трудно представить себѣ тоску писателя, когда запрещаютъ его произведеніе. «Тараканій бунтъ» между тѣмъ я считалъ одной изъ лучшихъ своихъ повѣстей. Напрасно я выщипывалъ изъ него перья, которыя казались цензурѣ наиболѣе яркими. Ужасъ, какой навѣваетъ на деревню колокольчикъ земскаго начальника, безпросвѣтность деревни, самъ земскій начальникъ, похожій на апокалиптическаго звѣря, а на самомъ дѣлѣ обыкновеннѣйшій курощапъ, художественная злоба, которая руководила мною, когда я писалъ «Тараканій бунтъ», и которая вылилась въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ образовъ—все поблѣднѣло и потускнѣло отъ безчисленныхъ помарокъ, которыя пришлось сдѣлать. Но Косовичъ былъ неумолимъ. Тогда я обратился съ просьбой пропустить мнѣ «Тараканій бунтъ» безъ крупныхъ помарокъ въ видѣ отдѣльной книги, которую я обязывался продавать не дешевле пяти рублей за экземпляръ. Косовичъ на это согласился, и «Тараканій бунтъ» такимъ образомъ принципіально былъ пропущенъ. Но редактору «Сѣвернаго Вѣстника» Волынскому непремѣнно хотѣлось напечатать «Тараканій бунтъ» въ журналѣ. Я отправился въ главное управленіе и попросилъ начальника печати М. П. Соловьева вникнуть въ мое дѣло.

— Пятирублевое изданіе вамъ разрѣшено?—спросилъ онъ.

— Разрѣшено... по крайней мѣрѣ на словахъ.

— Хорошо, я спрошу у Косовича. Придите черезъ часъ.

Я пришелъ черезъ часъ.

— Косовичъ подтвердилъ. А какая подписная цѣна на весь «Сѣверный Вѣстникъ»?

— Двѣнадцать рублей.

— Ну, значитъ, дороже пяти рублей, а потому можно печатать и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

Такъ прошелъ «Тараканій бунтъ»,—къ сожалѣнію, все-таки не безъ помарокъ.

Легко, конечно, можно было бы возстановить испорченныя и потускнѣвшія мѣста. Но это кажется только, что легко. Корректуры трудно сохранять. Если же онѣ и сохранились гдѣ-нибудь,

то разыскать ихъ нѣтъ возможности. Вѣрнѣе всего, онѣ погибли. А главное—нѣтъ былого настроенія. Трудно возвратиться къ прошлому, какъ трудно переживать жизнь. Что испорчено однажды, то испорчено навсегда.

IX.

Въ старину цензорскія мѣста считались чуть не почетными. Аполлонъ Майковъ былъ цензоромъ, Гончаровъ, Никитенко. Цензоромъ былъ Я. П. Полонскій. Впрочемъ, Полонскій служилъ по иностранной цензурѣ, на обязанности которой лежало начинять икрой иностранные газеты, журналы и книги, т. е., попросту говоря, какой-то отвратительной калошей замазывать неугодные правительству страницы и рисунки.

У Полонскаго я часто бывалъ. Онъ жилъ на углу Бассейной и Знаменской, въ пятомъ этажѣ. Костыль, на который онъ живописно опирался, и преклонные годы не мѣшали ему взбираться на страшную высоту. Собирались у него по пятницамъ. Кого только не бывало у Полонскаго! Это былъ очень милый и гостепріимный литературный домъ, отъ котораго вѣяло сороковыми годоми. У Полонскаго, разумѣется, кромѣ литераторовъ, бывали и цензора.

Однажды я увидѣлъ у него худенькаго пожилого господина съ слегка шипящимъ голосомъ и съ репликами, напомнившими мнѣ безсмертнаго Пигасова—Тургеневскаго героя. Такъ какъ я сидѣлъ неподалеку отъ него, то онъ завязалъ со мною разговоръ.

— Вы, кажется, любитель старины?—спросилъ онъ.—Я слыхалъ, что у васъ есть коллекціи.

— Коллекціи у меня небольшія и не очень богатыя,—отвѣчалъ я.—У меня нѣтъ средствъ собирать дорогія коллекціи. Но есть нѣсколько старинныхъ картинокъ, кой-какія эмали и въ особенности могу похвастаться рисунками.

— А, вотъ вы сказали—эмали. Это очень любопытно.

— Предупреждаю, что эмали у меня не древнѣйшія, дальше семнадцатаго вѣка нѣтъ. Русскія эмали семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка. Есть, впрочемъ, эмалевое кольцо четырнадцатаго вѣка.

Однимъ словомъ, мы пустились въ археологическія изліянія.

— Вы знаете, какъ меня зовутъ?—спросилъ мой собесѣдникъ.— Позвольте... Соловьевъ. Можетъ быть, вы встрѣчали статьи мои объ итальянскомъ искусствѣ въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Русскомъ Обозрѣніи»? Зовутъ меня Михаилъ Петровичъ.

Мы обмѣнялись карточками.

Я нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ потомъ у Полонскаго. Соловьевъ гдѣ-то служилъ дѣлопроизводителемъ и, кромѣ того,

занимался адвокатурой; по званію, онъ былъ присяжный повѣренный. Когда мы встрѣчались, то первымъ дѣломъ начинали обмѣниваться археологическими новостями. Я выписывалъ нѣсколько заграничныхъ журналовъ и поэтому всегда могъ поддержать археологическій разговоръ. Соловьевъ проникся, повидимому, не заслуженнымъ мною уваженіемъ къ моимъ познаніямъ. Случалось, что онъ переносилъ разговоръ на политическіе предметы, но тутъ мы съ нимъ не сходились. Я отмалчивался.

Бываніе мое у Полонскаго сопровождалось, впрочемъ, длинными перерывами. Такимъ образомъ, я однажды два года не бывалъ на пятницахъ поэта. Переселился я на Черную рѣчку, построилъ себѣ маленькій домикъ и ушелъ въ книги и свою любимую работу. Ни съ кѣмъ не встрѣчался, никого не видалъ. Одинъ библіографъ выяснилъ, что прошло уже двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь литературою, и оповѣстилъ объ этомъ въ газетахъ. Кое-гдѣ появились мои портреты и благожелательныя замѣтки съ поздравленіями. Пришлось пригласить къ себѣ литераторовъ и угостить ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Это было 10-го декабря 1895 г. На самомъ дѣлѣ то было 25-лѣтіе моей газетной или публицистической дѣятельности, а литературный юбилей мой могъ бы быть отпразднованъ только въ 1905 г. Первая литературная моя вещь «На чистоту» появилась въ «Словѣ» въ январѣ 1880 г. (за каковой разсказъ кстати «Слово» получило предостереженіе, о чемъ я забылъ упомянуть раньше). Но ужъ пошелъ звонъ, надо было благодарить и пировать. Добрые издатели, въ журналахъ и газетахъ которыхъ я сотрудничалъ, привезли мнѣ подарки. Между прочимъ пріѣхалъ издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппѣръ съ Гаммой-Градовскимъ и съ своимъ редакторомъ Коншинымъ и поднесли мнѣ монументальную серебряную чернильницу съ лестными надписями.

Я былъ тронутъ, я былъ взволнованъ, цѣлый день я не зналъ, куда мнѣ дѣваться, потому что отъ природы я человѣкъ застѣнчивый, и мой домикъ на Черной рѣчкѣ былъ положительно сконфуженъ обиліемъ блестящихъ гостей. Какъ водится, получены были телеграммы. Между прочимъ получилъ я телеграмму отъ Полонскаго и одну отъ Соловьева.

Я и забылъ, какой Соловьевъ. Я думалъ, Владимиръ Соловьевъ, съ которымъ я часто видался у графини С. П. Толстой — вдовы поэта А. К. Толстого. У Вл. Соловьева я бывалъ, и онъ бывалъ у меня, но потомъ разошелся со мной изъ-за того, что я не захотѣлъ подписать спеціальную петицію о дарованіи евреямъ политическихъ правъ, а предлагалъ измѣнить петицію въ смыслѣ дарованія политическихъ правъ всѣмъ русскимъ гражданамъ безъ исключенія. Вѣроятно, Владимиръ Сергѣевичъ сообразилъ, что я былъ правъ—рѣшилъ я—и примирился со мной.

X.

Прошло полгода. Я сидѣлъ лѣтомъ въ своемъ саду, когда пріѣхалъ ко мнѣ на велосипедѣ управляющій конторою «Биржевыхъ Вѣдомостей» и предупредилъ, что ко мнѣ обратится съ приглашеніемъ въ редакторы издатель Проппѳръ.

Я подумалъ и согласился.

Каждому редактору кажется, что онъ можетъ сдѣлать изъ газеты нѣчто весьма хорошее. Помимо того, во мнѣ всегда рядомъ съ литераторомъ жилъ публицистъ. Я никогда не смѣшивалъ публицистику съ литературой—это тоже, можетъ быть, странная черта—но по временамъ бросался, къ сожалѣнію, въ общественную борьбу...

Въ назначенный день г. Пропперъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы условились. Я согласился быть редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Тутъ С. М. Пропперъ кстати объяснилъ мнѣ, что «Биржевыя Вѣдомости» находятся подъ страшнымъ административнымъ гнетомъ. Предыдущій фактическій редакторъ Д. А. Линевъ раздражилъ правительство своими статьями.

— Я уже еще на вашемъ юбилеѣ мысленно рѣшилъ пригласить васъ редакторомъ, и чернильница, которую мы вамъ поднесли, была символомъ — прибавлю къ этому — вашего будущаго редакторства.

— А Линевъ что же?

— А Линевъ останется, разумѣется,—сказалъ издатель:—но ему нѣкоторое время надо будетъ помолчать, такъ какъ направленіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» съ приглашеніемъ васъ едва ли измѣнится коренньмъ образомъ, а только приметъ болѣе спокойный характеръ.

— Вы говорили обо мнѣ уже въ главномъ управленіи?

— Я сейчасъ поѣду. Скажите, въ какихъ вы отношеніяхъ съ Соловьевымъ?

— Съ какимъ Соловьевымъ?

— Который теперь начальникомъ печати.

— Какъ его зовутъ?

— Михаилъ Петровичъ.

— Я его встрѣчалъ у Полонскаго.

— Онъ большой консерваторъ. Если бъ оказалось, что онъ противъ васъ, то на кого могли бы вы опереться? Не знаете ли вы Побѣдоносцева?

Я отвѣчалъ, что видѣлъ Побѣдоносцева и провелъ съ нимъ какъ-то вечеръ у статсъ-секретаря Шалфеева—извѣстнаго въ свое время антиквара-любителя. Но опереться на него не могу, конечно.

— Ну, да тамъ видно будетъ. Я сейчасъ же ѣду въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Вскорѣ я былъ вызванъ къ Соловьеву. Его внезапное возвышеніе и врученіе ему такого важнаго поста объяснялось его близостью къ К. П. Побѣдоносцеву.

— Здравствуйте. Я ничего не имѣю противъ васъ, какъ редактора, и состою въ числѣ поклонниковъ вашего дарованія (онъ, впрочемъ, сказалъ: «таланта»). Я поздравлялъ васъ съ юбилеемъ. Вы получили мою телеграмму?

Я вспомнилъ и поклонился.

— Но тутъ есть маленькая заковыка. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, но существуетъ книжка, очень хорошо изданная, которою принято руководиться въ цензурныхъ кругахъ. Кто составилъ книжку, я вамъ не скажу, потому что это государственный секретъ—вотъ она у меня въ рукахъ,—показалъ Михаилъ Петровичъ:— но въ ней заключаются характеристики всѣхъ современныхъ писателей. О васъ въ книжкѣ между прочимъ сказано, что вы принадлежите къ наиболѣе радикальнымъ и даже анархически настроеннымъ писателямъ, что вы неохотно вступаете въ компромиссы даже съ либеральными органами и искусно отводите глаза, устремленные на васъ, участіемъ въ распространеннѣйшихъ изданіяхъ, которыя читаются преимущественно среднимъ и простымъ народомъ— и вливаете въ умы Сеничкинъ ядъ... Что вы на это скажете?—юмористически прищуривъ глаза, своимъ шипящимъ строгимъ голосомъ спросилъ Соловьевъ.

— На это откровенно могу сказать, что участіе въ распространеннѣйшихъ изданіяхъ мнѣ доставляетъ часто большія нравственныя страданія.

— Ну, знаете, характеристика, которую я прочиталъ, мнѣ кажется самому черезчуръ сильной. Когда вы станете во главѣ изданія и будете отвѣтственнымъ лицомъ, то поневолѣ ваши взгляды, какъ бы они ни были ярки, примутъ умѣренную окраску. Еще вамъ скажу, въ виду нашихъ добрыхъ встрѣчъ у Полонскаго, что если бы Проппeръ съ вами не сошелся, я другого редактора ему не дамъ.—Онъ понизилъ голосъ.—Я вамъ совѣтую, Іеронимъ Іеронимовичъ, заключить съ нимъ условіе. Вы литераторъ. Вся литературная фабрика будетъ работать у васъ на письменномъ столѣ. Поэтому вы имѣете полное право потребовать отъ него, по крайней мѣрѣ, половину. Вы знакомы съ «Биржевыми Вѣдомостями»?

Я отвѣчалъ, что въ послѣднее время успѣлъ ознакомиться.

Соловьевъ сталъ смѣяться.

— Я того мнѣнія, что начальникъ печати это нѣкоторымъ образомъ главный редакторъ всѣхъ періодическихъ изданій. Вѣдь я же эстетикъ и художникъ. Какъ-нибудь зайдите ко мнѣ, я вамъ покажу, какіе я дѣлаю рисунки акварелью. Мнѣ было непріятно читать «Биржевыя Вѣдомости». Каждый день завываніе—дурной тонъ, порча языка. Еще я вамъ скажу между нами—мнѣ кажется, что, сколько я могъ заключить, самому Пропперу это надоѣло... Впрочемъ, не удаляйте Линева, пусть онъ остается и пишетъ, напри-

мѣръ, разъ въ недѣлю... Ну что, какъ археологія? Нашли что-нибудь новенькое въ антикварныхъ лавкахъ?

Разговоръ перешелъ на археологію и продолжался еще около получаса.

Черезъ нѣсколько дней С. М. Проппѳръ уѣхалъ за границу, а я сталъ редакторствовать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и на оставленный мнѣ бюджетъ пригласилъ такихъ авторовъ, какъ Мережковскій, Сологубъ, Саліасъ, Мордовцевъ и мн. др. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ былъ только одинъ Гамма Градовскій, который писалъ политическія статьи. Сотрудничалъ онъ когда-то въ «Голосѣ», человѣкъ онъ былъ очень умѣренный; его фельетонъ о первомартовскомъ преступленіи я хорошо помнилъ... Статьи его въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» никогда не вызывали недоразумѣній въ то время; напротивъ, онѣ отличались такъ называемымъ буржуазнымъ направленіемъ. Г. Гамма-Градовскій былъ государственникъ съ ногъ до головы и впослѣдствіи сотрудничалъ въ «Кіевлянинѣ» г. Пихно. Помощникомъ редактора былъ молодой человѣкъ, еще студентъ, В. А. Бонди, способный, но обремененный работою. Между тѣмъ вернулся г. Линевъ изъ поѣздки по Волгѣ, куда онъ нѣкоторымъ образомъ былъ «сосланъ» послѣ боевыхъ схватокъ своихъ съ земскимъ начальникомъ Жеденевымъ, встревожившихъ администрацію.

Лично я уважалъ публицистическій темпераментъ Д. А. Линева; литературныя формы, въ которыя онъ облекалъ свои статьи, могли не нравиться, но онѣ носили своеобразную печать. Сразу можно было, прочитавши нѣсколько строкъ, сказать: это писалъ Линевъ. У него, кромѣ того, было знаніе провинціальной жизни. Памятуя слова Соловьева, что лично противъ Линева, какъ публициста, главное управленіе по дѣламъ печати ничего особеннаго не имѣетъ, я сообщилъ объ этомъ Д. А. Линеву, псевдонимъ котораго былъ Далинъ, и предоставилъ ему властью редактора продолжать свои ежедневные фельетоны. Линевъ сталъ писать.

Это было въ началѣ сентября, а въ срединѣ мѣсяца пріѣхалъ изъ-за границы издатель С. М. Проппѳръ. Поздоровавшись со мной, онъ спросилъ:

— Что новаго?

— У насъ продолжаетъ писать Линевъ.

— И что же?

— И начальство, повидимому, ничего не имѣетъ. По крайней мѣрѣ, объясненій у меня съ Соловьевымъ не было.

С. М. Проппѳръ взволнованно зашагалъ по кабинету.

— Не скрою, я былъ уже у Соловьева—и онъ сказалъ, что въ настоящее время газета съ такимъ направленіемъ не можетъ существовать.—По моему мнѣнію—или... или...

Онъ выразительно взглянулъ на меня.

— Вы хотите, С. М., сказать, что я тоже могу уйти? Я еще ничего не сдѣлалъ для «Биржевыхъ Вѣдомостей», и вы не знаете, что бы я могъ сдѣлать, такъ что если я уйду, вамъ жалѣть обо мнѣ будетъ незачѣмъ. И я попрошу Соловьева, чтобы онъ утвердилъ редакторомъ кого-нибудь другого, чтобы у васъ не было ни малѣйшей тѣни неудовольствія или подозрѣнія...

Проппер дружески бросился ко мнѣ.

— Нѣтъ, вы никогда отъ меня не уйдете,—сказалъ онъ.—То, что вы сейчасъ сказали, свидѣтельствуетъ о томъ, что мы съ вами сойдемся.

— Кажется.

— Хорошо,—заключилъ Пропперъ.—Пусть Линевъ продолжаетъ, если вы сумѣете обезпечить въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» его сотрудничество. Но Соловьевъ жалуется, что вы его обманули.

— Какимъ образомъ?

— Я не знаю. Спросите у него. Онъ недоволенъ вами.

Прошло нѣсколько дней. Д. А. Линевъ доставлялъ свои статьи, а я посылалъ ихъ въ типографію. Вдругъ приглашеніе начальника печати.

Я отправился къ Соловьеву.

Онъ «съ мѣста въ карьеръ» напустился на меня.

— Повѣрьте, что хотя я консерваторъ, но я въ высшей степени терпимо отношусь ко всякимъ мнѣніямъ. Въ качествѣ начальника печати, я забываю свои личныя убѣжденія. Я представитель правительства. Должны быть либеральныя и консервативныя мнѣнія. Банально, но совершенно вѣрно, что изъ ихъ столкновенія высѣкается истина. Я ничего не имѣю противъ такихъ убѣжденій, какія у Линева. Но онъ словечка не можетъ сказать спроста—все съ революціонной ужимкой. Обрушилась церковь и задавила трехъ рабочихъ. Что же—несчастный случай, конечно. Но Линевъ по этому поводу наплакалъ цѣлое ведро слезъ и свелъ къ тому, что правительство виновато. Между тѣмъ онъ же противъ правительственной опеки. Я подчеркиваю злостную нелогичность такихъ жалобъ. Мнѣ очень жаль, я вполнѣ былъ убѣжденъ, что вы не сойдетесь съ Линевымъ. Но—дѣло ваше. Я разрѣшилъ ему писать разъ въ недѣлю, а онъ пишетъ ежедневно. Опять эта шарманка!

Онъ сухо улыбнулся и простился со мной.

На другой день Д. А. Линевъ, по собственному почину, покинулъ «Биржевыя Вѣдомости».

Потомъ къ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» показали мнѣ записку Далина, изъ которой явствовало, что онъ сохраняетъ объ издателѣ «самое хорошее воспоминаніе».

XI.

Перемѣна редакціи почти всегда является кризисомъ для изданія. Подписчики привыкли къ тону Далина, корреспонденты усвоили даже его слогъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на аудиторію, и я началъ получать письма, что я не справлюсь съ дѣломъ, которое я взялъ на себя, и что подписки не будетъ. Повидимому, пустое дѣло редактированіе газеты сравнительно съ настоящимъ литературнымъ трудомъ. Больше черное дѣло—въ особенности когда на первыхъ порахъ редакція обставлена бѣдно и когда редактору, какъ мнѣ, приходится писать и передовыя статьи, и фельетоны, и критическія замѣтки, и театральныя рецензіи. Газетное дѣло я все-таки знаю и зналъ. Самолюбіе мое было задѣто, и я рѣшилъ поднять «Биржевыя Вѣдомости». Расчетъ былъ ясный. Разъ дѣло было поставлено Линевымъ, надо было, разумѣется, прежде всего удержать его хотя бы на прежней высотѣ, а затѣмъ постараться привлечь къ газетѣ не одинъ Западный край, какъ это было раньше, а всю Россію. Сдѣлать же это можно было искреннею бесѣдой съ русскими людьми о томъ, что больше всего ихъ занимало и терзало. Надо было, проповѣдуя терпимость и гуманность—банальные, но вѣчные принципы—примирить національныя противорѣчія, которыми такъ богаты русскія области, и слить ихъ въ одномъ чувствѣ справедливости и протестующихъ настроеній. А поводовъ для протеста было безъ конца. Аудиторія оказалась чуткой. Далина замѣнилъ Независимый. Послѣ первыхъ же фельетоновъ посыпались письма. Интересъ къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» сталъ разрастаться, и черезъ четыре или пять мѣсяцевъ онѣ распространились уже въ центральныхъ губерніяхъ, черезъ годъ перевалили за Уралъ, и, какъ мнѣ потомъ писалъ Амфитеатровъ изъ Сибири, не было ни одного самаго темнаго уголка въ тайгѣ, гдѣ бы не знали имени «Независимаго».

Мнѣ приходилось затрогивать самыя острыя темы. Все страдало и вопіяло въ Россіи. Я писалъ не только о безправномъ и нищенскомъ положеніи почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ тружениковъ, но и о земельныхъ тяготахъ народа, о страшномъ произволѣ полиціи, объ ужасахъ, чинимыхъ земскими начальниками, жандармами, становыми.

Я не жалѣлъ красокъ. Часто вызывалъ меня Соловьевъ.

— Ну, батенька, вы почище Линева,—говорилъ онъ.—Васъ спасаетъ только литературность. Впрочемъ, все можно писать, но помните, чтобъ были документы. А разъ неправда—я не отвѣчаю.

Несомнѣнно, на терпимость Соловьева къ моимъ писаніямъ вліяло его представленіе обо мнѣ, какъ объ археологѣ... Да благословенна будетъ археологія!

Однажды М. П. Соловьевъ пригласилъ меня къ себѣ на домъ. Ему хотѣлось показать мнѣ свои миніатюры. Его акварельныя виньетки къ Молитвѣ Господней и къ Данте поразили меня рѣдкимъ вкусомъ и красотою.

— Отчего вы не издадите?—спросилъ я.

— Есть прелесть въ томъ, чтобы художественное произведеніе не размножалось,—сказалъ онъ мнѣ.

— Но это эгоизмъ.

— Если бы я даже зналъ, что всѣмъ нравится моя работа, я бы не размножилъ ее. Размноженная красота становится пошлостью.

У него была большая эрудиція. Онъ за всѣмъ слѣдилъ, все читалъ, преклонялся предъ литературою и терпѣть не могъ полулитературы и полуобразованности. Ему хотѣлось бы, чтобы въ каждой газетѣ писали литераторы, а не «случайные борзописцы», какъ онъ выражался. Издателей онъ ненавидѣлъ. Ему хотѣлось бы, чтобы собственниками періодическихъ изданій были не капиталисты, а писатели. Въ качествѣ государственника онъ не прочь былъ бы провести эту мѣру насильственнымъ путемъ, и его удивляло, что она не встрѣчаетъ сочувствія у писателей.

— Соціалисты, коммунисты—и такое непониманіе меня!

— Послушайте, М. П.,—возражалъ я:—но это не соціализмъ, а аракчеевщина...

Онъ пожималъ плечами, бранился.

— Вы такъ и не заключили нотаріальнаго условія съ Проппомъ?—сердился онъ на меня, пріѣхавши ко мнѣ вмѣстѣ съ Шеллеромъ на Черную рѣчку.—Попомните! Я смотрю сквозь пальцы на «Биржевыя Вѣдомости» только ради васъ. Да, кстати,—объявилъ онъ мнѣ:—въ имѣніи Ридигера произошли безпорядки, о которыхъ Независимый написалъ грозную бесѣду. По справкамъ, которыя навелъ министръ, оказалось, что это вѣрно, такъ что во имя послѣдовательности я долженъ былъ бы утѣшить васъ и сказать, что вы отвѣчать не будете. Но Ридигеръ—лицо, вращающееся въ придворныхъ сферахъ. Онъ уже пожаловался, и придется наказать «Биржевыя Вѣдомости», чтобы утѣшить вельможу.

— Какъ же такъ, Михаилъ Петровичъ!—вскричалъ я, озадаченный.

— Есть лица, предъ которыми безсильны какіе бы то ни было принципы. И вообще я замѣтилъ поворотъ во мнѣніяхъ министра. Въ разговорѣ со мной онъ выразился, что не всякую правду можно печатать, и чтобы я попридержалъ печать, и въ особенности васъ. По всей вѣроятности, придется отнять розничную продажу.

— У перваго изданія,—попросилъ я.

— Ну, ужъ и у второго, потому что нельзя отдѣлять одну газету отъ другой. Въ розничной-то продажѣ, какъ мы справлялись,

«Биржевыхъ Вѣдомостей» продается пятьсотъ экземпляровъ, не больше.

Онъ сухо засмѣялся.

Отношенія Соловьева и Александра Константиновича Шеллера были давнія. Они были знакомы лѣтъ двадцать. Соловьевъ писалъ что-то археологическое у Шеллера, не признавалъ его взглядовъ, но считалъ его—совершенно справедливо—честнѣйшимъ человѣкомъ, литературная карьера котораго, къ тому же, была раздавлена вполнѣ незаслуженно лѣвымъ литературнымъ крыломъ, повидимому, изъ-за личныхъ счетовъ.

Нельзя не отмѣтить этой черты Соловьева. Его смѣшивали съ грязью и до сихъ поръ вспоминаютъ о «царствованіи» Соловьева, какъ о мрачной эпохѣ въ исторіи русской печати. Но справедливость требуетъ указать на то, что, по натурѣ своей, онъ былъ вовсе не дурной человѣкъ. Онъ былъ суровъ, угрюмъ, язвителенъ, частолюбивъ, властителенъ, но онъ былъ какъ-то по-своему честенъ. Онъ быстро угадывалъ и отличалъ искренность въ писателѣ отъ неискренности, и время показало, что онъ не всегда ошибался въ своихъ приговорахъ. Странно но по натурѣ своей онъ былъ революціонеръ. Онъ готовъ былъ бросить бомбой въ какого-нибудь Липскерова за то, что онъ издаетъ пошлую газету безъ искры литературности. Любилъ Дорошевича и повторялъ его остроты и не любилъ Амфитеатрова. У него была на все особая мѣрка, и онъ подходилъ съ нею къ людямъ безцеремонно и даже грубо. Поэтому его никто не любилъ—ни чиновники, ни журналисты. Онъ хотѣлъ разрѣшить изданіе сочиненій Герцена, и по этому поводу у него было много непріятностей.

— Я буду запрещать мусоръ, литературную помойную яму надо упразднить и сравнять съ землею, цензура есть государственная редакція, вымарывающая все безграмотное, низменное и пошлое, невзирая даже на консерватизмъ и другія патріотическія направленія, но слѣдуетъ поддерживать все истинно-литературное, и я проведу Герцена, гордость и славу русской литературы! Я проведу!

Но онъ не провелъ Герцена.

XII.

По приказанію министра, послѣдовало, какъ и обѣщалъ мнѣ Соловьевъ, смягченное наказаніе «Биржевымъ Вѣдомостямъ»: на двѣ недѣли была прекращена розничная продажа. Вскорѣ, однако, за другую бесѣду мою у «Биржевыхъ Вѣдомостей» отняты были объявленія. На издательскомъ карманѣ послѣдняя мѣра должна была бы отразиться очень дурно, такъ какъ объявленія пріостановлены

были въ самый разгаръ подписки. Но С. М. Проппeръ великодушно пожалъ мнѣ руку. Да и подписка поднялась.

Положеніе газеты было упрочено, наконецъ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Вспоминать о всѣхъ столкновеніяхъ моихъ, какъ редактора, съ кабинетомъ начальника печати было бы скучно. Я получалъ повѣстку, пріѣзжалъ, нѣсколько минутъ длился строжайшій выговоръ, а затѣмъ М. П. принимался бесѣдовать и спорить по поводу какого-нибудь новаго литературнаго явленія. Между прочимъ послѣ одной «головомойки» онъ обратилъ мое вниманіе на появленіе Максима Горькаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

— Какъ же вы не читали! Помилуйте, да онъ станетъ крупной шишкой! Его «Мальва» восторгъ что такое.

— Михаилъ Петровичъ, я знаю, что васъ ждутъ цензора и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ конца нашей бесѣды... А она ужъ затянулась, мы чуть не два часа толкуемъ.

— Подождутъ,—съ нетерпѣливымъ жестомъ произнесъ Соловьевъ.—Разъѣлись, брюхатые... Я съ ними со всѣми на ножахъ. Скоро я намѣренъ очистить. Да только кто пойдетъ въ цензора?

— Ни одинъ литераторъ не пойдетъ,—сказалъ я въ утѣшеніе М. П.

— Ну, нѣтъ, я уже пригласилъ поэта и философа Соколова— онъ дѣльный малый,—а дѣйствительно, больше никого не вижу. Вы знаете, я былъ когда-то нервно боленъ,—признался мнѣ Соловьевъ.—Въ «Лучѣ» Градовскій весьма прозрачно далъ понять публикѣ, что я сумасшедшій. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, я слегка сумасшедшій. На васъ я не произвожу такого впечатлѣнія? Я неровенъ. Напримѣръ, мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что совершенно излишня какая бы то ни была уголовная цензура. Къ чему этотъ цензурный комитетъ? Полицейское дѣло и прокурорское—возбуждать преслѣдованія противъ печати.

— Печать только и желала бы, чтобы она отвѣчала по суду.

— Ну, да. Я не къ тому съ вами завелъ рѣчь, а чтобы у васъ былъ матеріалъ для психологіи. Я въ то же время, отрицая цензуру, не прочь сдѣлаться министромъ печати. Видите ли, въ чемъ дѣло,— продолжалъ онъ.—Теперь можно писать противъ какихъ угодно министерствъ. Критикуйте финансы, государственныя имущества, что хотите—дворъ только нельзя трогать, въ силу неприкосновенности всего, что относится къ государю императору. Ну, да дворъ— Богъ съ нимъ. А самое главное министерство у насъ—внутреннихъ дѣлъ—и вотъ я состою на службѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, я его подчиненный. Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ находится въ привилегированномъ положеніи. Вы написали, что гдѣ-то въ Стародубскомъ уѣздѣ полиція повѣсила жида. Можетъ быть, и дѣйствительно повѣсила. Отчего же не разслѣдовать

дѣло? А я за это долженъ хлопнуть «Биржевыя Вѣдомости», и если этого не дѣлаю, то потому, что разсчитываю на забывчивость министра. Ну, спроситъ—я отверчусь. Такъ вотъ подчиненность главнаго управленія по дѣламъ печати есть абсурдъ. Печать станетъ свободной только тогда, когда будетъ министръ печати.

— Но я тоже слегка сумасшедшій человѣкъ, хотя и не приходилось мнѣ еще сидѣть въ больницѣ,—возразилъ я.—Мнѣ пришло въ голову—да и раньше приходило, что и министры вообще совсѣмъ не нужны.

— Анархистъ! — саркастически прошипѣлъ Соловьевъ. — Вотъ мы до чего съ вами договорились... До слѣдующаго раза.

Прошло два года. Вызвалъ меня Соловьевъ.

— Что, вы заключили условіе съ Проппероmъ?

— Нѣтъ, и не буду заключать.

— Почему?

— И Пропперъ ничего не имѣетъ противъ условія, сколько я могъ убѣдиться. Онъ самъ предлагалъ мнѣ нѣсколько разъ. Но только съ моей стороны будетъ неблаговидно. Все же давленіе ваше. Нѣтъ ужъ, не будемъ объ этомъ никогда говорить. И я безъ условія чувствую себя свободнѣе.

— Вы знаете, я утвердилъ Михайловскаго и Короленка редакторами-издателями «Русскаго Богатства». Они настоящіе, большіе литераторы.

XIII.

А надъ «Биржевыми Вѣдомостями» сгущались новыя тучи, на этотъ разъ разрѣшившіяся серьезной катастрофой. Происходили въ февралѣ мѣсяцѣ студенческіе безпорядки, окончившіеся ледовымъ побоищемъ на Невѣ. Утромъ ко мнѣ на Черную рѣчку пріѣхалъ пріятель мой и сотрудникъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», одинъ изъ полковниковъ Московскаго полка, Бобровскій. Воспользовавшись его любезностью, я продиктовалъ ему статью по поводу безпорядковъ и отвезъ ее въ типографію. Вечеромъ статья подвергнута была обсужденію и новой переработкѣ. Я вставилъ—съ большой осторожностью, впрочемъ,—нѣсколько словъ о правительственной провокаціи. На слѣдующій день утромъ я уже получилъ приглашеніе въ главное управленіе и поѣхалъ вмѣстѣ съ издателемъ. Сухимъ взволнованнымъ голосомъ Соловьевъ объявилъ, что имъ сдѣланъ докладъ, и министръ велѣлъ дать «Биржевымъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе и пріостановить ихъ на три мѣсяца.

Это было весьма тяжелой карой для газеты, которая уже расцвѣла и пустила глубокіе корни въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

— Я увѣренъ, что обвиненіе правительства въ провокаціи принадлежитъ вамъ!—закричалъ Соловьевъ на Проппера.

Но Пропперъ—объ этомъ мы съ нимъ заранѣе уговорились—указалъ на меня, какъ на виновника статьи. Соловьевъ посмотрѣлъ на меня и сѣлъ.

— Помочь я ничѣмъ не могу,—сказалъ онъ въ заключеніе.—Впрочемъ, постараюсь, что могу, сдѣлать.

Я поѣхалъ къ нему на домъ.

— Не надо такъ увлекаться,—сталъ онъ меня наставлять.—Какое дѣло литератору до политики! Къ чему было впутываться еще въ студенческія исторіи? Громили бы провинціальныя злобы. Безъ того на васъ получается ежедневно уйма жалобъ отъ земскихъ начальниковъ, исправниковъ, губернаторовъ. Мнѣ вы доставляете очень много хлопотъ.

Между тѣмъ Пропперъ разсчитывалъ на помощь г. Витте, состоявшаго тогда министромъ финансовъ. «Биржевыя Вѣдомости» всегда стояли на стражѣ финансовой политики г. Витте—и такъ такъ я мало понималъ въ финансовой политикѣ, то и теперь я не знаю, хорошо или худо дѣлали «Биржевыя Вѣдомости» въ этомъ случаѣ. Финансовой политикой руководилъ самъ издатель. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что С. М. скорѣе былъ соредакторомъ газеты, чѣмъ только издателемъ. Онъ же велъ политическій отдѣлъ въ газетѣ. И его собственныя статьи всегда отличались яркостью освѣщенія, дѣловитостью и серьезностью. О немъ Соловьевъ говорилъ: «министерскій умъ».

Но когда С. М. Пропперъ явился къ г. Витте, то получилъ сухой отвѣтъ.

Соловьевъ въ качествѣ «истинно-русскаго человѣка» оказался добродушнѣе. Онъ сталъ хлопотать предъ министромъ Горемыкинымъ, и чрезъ двѣ недѣли «Биржевымъ Вѣдомостямъ» было предоставлено право выйти въ свѣтъ, но надъ ними былъ установленъ цензурный контроль.

Былъ назначенъ цензоръ. Я былъ вызванъ въ главное управленіе по дѣламъ печати и приглашенъ принять участіе въ совѣтѣ, который собрался обсудить казусъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Начальнику печати хотѣлось облегчить положеніе «Биржевыхъ Вѣдомостей» и позволить намъ выходить келейнымъ образомъ безъ цензуры—по соглашенію съ аргусомъ, приставленнымъ къ газетѣ. Но офиціальный цензоръ «Биржевыхъ Вѣдомостей» Елагинъ (нынѣ покойный) тотчасъ же возсталъ противъ такого проекта и нашелъ его незаконнымъ.

Страшны были не красныя чернила, а обязательное представленіе сверстаннаго нумера газеты къ одиннадцати часамъ вечера, между тѣмъ какъ работа кончалась, обыкновенно, въ типографіи въ четыре часа ночи.

Я вернулся изъ главнаго управленія съ непріятной вѣстью.

Фактически, впрочемъ, «Биржевыя Вѣдомости» остались безцензурными—съ тою только разницей, что уже онѣ не подвергались больше никакимъ взысканіямъ. Иногда статьи, казавшіяся сомнительными и не посылавшіяся въ печать, отправлялись къ цензору, и онъ разрѣшалъ ихъ. Долженъ признать, однако, что «Биржевыя Вѣдомости» потускнѣли. Объясненій у меня съ Соловьевымъ больше не было, и если я видался съ нимъ, то какъ съ частнымъ лицомъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Черную рѣчку, или же я бывалъ у него, гдѣ отъ времени до времени встрѣчалъ тѣхъ самыхъ цензоровъ, которыхъ онъ бранилъ и называлъ брюхатыми.

— Что дѣлать,—говорилъ онъ мнѣ въ оправданіе:—бюрократія, къ которой я принадлежу, но которую я, какъ литераторъ, отвлекаю отъ себя, всесильна. Повѣрьте, все пройдетъ. Я знаю, что въ Россіи со временемъ монархія падетъ, и будетъ республика,—можетъ быть, даже соціалъ-демократическая,—но чиновничество всегда будетъ процвѣтать. Безъ бюрократіи никакая республика шагу не сдѣлаетъ. Бюрократія была всесильна при византійскихъ императорахъ. И что же? византійскіе императоры прошли, какъ тѣнь, а византійская бюрократія подъ видомъ фанаріотовъ продолжала водить на помочахъ Турцію и водитъ до сихъ поръ. Бюрократія—страшный механизмъ, и она импонируетъ своимъ величіемъ. Я ужъ втянулся въ ея колесо.

Позволю себѣ отмѣтить, что на Черной рѣчкѣ встрѣчался у меня съ Соловьевымъ иногда и С. М. Пропперъ. Прежняя непріязнь Соловьева къ Пропперу, какъ издателю, тоже погасла.

— Капитализмъ—такая же сила, какъ и бюрократія,—признавался онъ мнѣ.—Да и умница вашъ Пропперъ!

Когда по ходатайству Соловьева г. Горемыкинъ—бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—сократилъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» срокъ наказанія съ трехъ мѣсяцевъ на двѣ недѣли, «Биржевыя Вѣдомости» послали женѣ Соловьева на свѣтлый праздникъ—а отмѣна наказанія случилась какъ разъ въ этотъ день—огромный букетъ красныхъ розъ съ карточкой: «отъ воскресшихъ».

Единственное одолженіе, которое, по слабости родительской, принялъ Соловьевъ чрезъ меня отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»—это было сотрудничество его сына Б. М., который разъ въ мѣсяцъ помѣщалъ въ первомъ изданіи «Биржевыхъ Вѣдомостей» большой фельетонъ о музыкальныхъ новостяхъ и получалъ, какъ постоянный сотрудникъ, сто рублей въ мѣсяцъ жалованья. Впрочемъ, бывали мѣсяцы, когда статьи его не помѣщались, и тогда онъ жалованья не бралъ.

— Я знаю, вы думаете, что не слѣдовало сыну моему сотрудничать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что все-таки косвенно это

было некрасиво,—сказалъ М. П. Соловьевъ мнѣ какъ-то послѣ своего увольненія, когда печаталъ въ моихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» статью объ итальянскомъ искусствѣ. Вотъ потому-то душа и болитъ у меня, что это было некрасиво!

Соловьевъ былъ отставленъ отъ должности при новомъ министрѣ Сипягинѣ. Я случайно былъ въ гостяхъ у Соловьева, когда къ нему вечеромъ пріѣхалъ съ визитомъ Сипягинъ; а черезъ мѣсяцъ уже былъ другой начальникъ печати.

І. Ясинскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА[1].

Семейная драма въ семьѣ Энгельгардтъ.—Жандармскій полковникъ Станкевичъ.—Обыскъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа.—Свадьба молодого Станкевича.—Живой покойникъ.—Третье Отдѣленіе.—А. Е. Тимашевъ и «Колоколъ».—Семья Адлербергов.—Графиня Баранова.—Лекція о «правѣ» у Цѣпного моста.—Взглядъ императора Николая Павловича на доносы и доносчиковъ.—Легенда о креслѣ Третьяго Отдѣленія.—Путешествіе императора Николая I по Россіи.—Оригинальное привѣтствіе сельскаго священника.

ЗАГОВОРИВЪ о домѣ Кокорева, не могу пройти молчаніемъ одну изъ интересныхъ житейскихъ встрѣчъ своихъ, а именно встрѣчи съ Анной Романовной Энгельгардтъ, урожденной Херасковой, дочери которой, Полина и Александра Өедоровны, были моими сверстницами и подругами, по времени выѣзда въ свѣтъ.

Я узнала m-me Энгельгардтъ уже послѣ горькой семейной драмы, пережитой ею и переданной мнѣ гораздо позднѣе моей теткой.

Когда я ее узнала, это была уже очень немолодая, но полная жизни женщина, никогда не снимавшая траура, который надѣла она въ тотъ день, когда потеряла мужа, физически не умершаго, но нравственно навсегда утраченнаго для нея, и о существованіи котораго она не хотѣла ни знать, ни вспоминать. У m-me Энгельгардтъ, вышедшей замужъ по страстной любви, было четыре дочери, изъ которыхъ старшая, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Девьера была съ дѣтства особенно горячо предана матери.

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 97.

Второй дочери было 14 лѣтъ, а двѣ остальныя и самый меньшой изъ всѣхъ дѣтей, сынъ Валентинъ, были еще совсѣмъ маленькими, когда вслѣдствіе несчастной случайности до свѣдѣнія Анны Романовны дошло роковое извѣстіе о преступной связи между ея мужемъ и второй ея дочерью, которой только что исполнилось 14 лѣтъ.

Вѣсть эта какъ громомъ сразила несчастную женщину, безумно любившую мужа, обожавшую дѣтей и благоговѣйно охранявшую чистоту и святость домашняго очага. Она подробно разспросила обо всемъ дочь, пришла къ убѣжденію, что та дѣйствовала почти безсознательно, подъ давленіемъ враждебной нравственной силы, и, не желая щадить ни себя, ни лицъ, разбившихъ ея жизнь, сама передала все это горькое и позорное дѣло въ руки жандармской полиціи, въ то время вѣдавшей всѣ тайныя и секретныя дѣла, не исключая и самыхъ сокровенныхъ дѣлъ семейныхъ...

О вопіющемъ дѣлѣ въ семьѣ Энгельгардтъ немедленно доложено было императору Николаю Павловичу,—происходило это въ послѣдніе годы его царствованія,—и онъ, глубоко возмущенный поступкомъ дворянина, раньше носившаго гвардейскій мундиръ, приказалъ нарядить особое слѣдствіе и постоянно докладывать ему о ходѣ дѣла.

Анна Романовна въ это время находилась въ деревнѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нею были и всѣ дѣти, не исключая и второй дочери, Анны, которую мать, однако, не желала видѣть, и которая жила съ гувернанткой отдѣльно, во флигелѣ, не сообщаясь ни съ сестрами, ни съ маленькимъ братомъ и никогда не встрѣчаясь съ матерью.

Слѣдствіе по этому прискорбному дѣлу поручено было жандармскому полковнику Станкевичу, который и прибылъ въ имѣніе m-me Энгельгардтъ, съ момента обнаруженія этого горькаго дѣла не покидавшей своей комнаты и почти не видавшей дѣтей даже.

Домъ въ имѣніи былъ громадный, и для допроса и слѣдствія отведена была въ нижнемъ этажѣ большая зала, стѣны которой, по распоряженію Анны Романовны, обтянуты были черным сукномъ, съ большимъ мрачнымъ судейскимъ столомъ по срединѣ.

Самъ Энгельгардтъ, по просьбѣ жены, былъ допрошенъ въ Петербургѣ, такъ какъ она не могла примириться съ мыслью о томъ, чтобы онъ переступилъ вновь порогъ ея дома.

Не знаю, какъ караются въ настоящее время преступленія подобнаго рода, но въ былыя времена они были неслыханно рѣдки и, вѣроятно, карались безпощаднымъ образомъ, потому что, по произнесеніи приговора надъ обвиненнымъ Энгельгардтомъ, онъ, по усиленному ходатайству двоюродной сестры своей, свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, былъ признанъ умершимъ и, совершенно вычеркнутый изъ списка живыхъ людей, безъ паспорта проживалъ въ домѣ Салтыковыхъ.

Комната, въ которой происходилъ допросъ, такъ и осталась навсегда въ своемъ траурномъ убранствѣ, точно такъ же какъ и сама м-me Энгельгардтъ никогда уже съ тѣхъ поръ не сняла разъ надѣтый трауръ.

Со Станкевичемъ м-me Энгельгардтъ оставалась знакома до слѣдующаго характернаго эпизода.

Она много читала, очень много покупала всевозможныхъ книгъ и такъ какъ всѣ свои покупки дѣлала исключительно чрезъ посредство магазина Вольфа, то, само собой разумѣется, она пользовалась тамъ и широкимъ кредитомъ, и самымъ полнымъ довѣріемъ.

Какъ и всѣ крупные книготорговцы, Вольфъ имѣлъ возможность получать всѣ безъ исключенія заграничныя изданія, какимъ бы широкимъ вето они ни были поражены у насъ въ Россіи. Всѣ особенно интересныя книги, какъ политическаго, такъ и общелитературнаго характера, немедленно давались для прочтенія Аннѣ Романовнѣ, которая, бережно пробѣжавъ ихъ, тотчасъ же возвращала ихъ Вольфу. Однажды, когда полученъ былъ одинъ изъ интересныхъ и строго воспрещенныхъ въ Россіи романовъ, Станкевичъ, заѣхавшій вечеромъ къ м-me Энгельгардтъ, засталъ ее за чтеніемъ этой литературной новинки и очень ею заинтересовался.

— Откуда это у васъ?—полюбопытствовалъ онъ.

Она сказала.

— Ахъ, какъ это интересно!.. Вы не можете мнѣ дать это пробѣжать?..

Она отвѣтила, что сама взяла эту новинку только на нѣсколько часовъ, но на его усердную просьбу согласилась уступить ему книгу на ночь, съ тѣмъ, что онъ ее пробѣжитъ и рано утромъ вернетъ ей.

Станкевичъ уѣхалъ, захвативъ книгу съ собой, а на другой день рано утромъ м-me Энгельгардтъ была разбужена горничной, сказавшей ей, что ее спрашиваютъ по экстренному дѣлу. Она наскоро одѣлась и, непривычная къ тому, чтобы ее будили раньше, нежели она сама проснется, приказала ввести къ ней досаднаго ранняго посѣтителя. Къ ея крайнему удивленію, вошелъ старшій приказчикъ Вольфа, сильно разстроенный и перепуганный, и въ сбивчивыхъ словахъ передалъ ей, что у нихъ раннимъ утромъ произведенъ былъ обыскъ, конфисковано нѣсколько запрещенныхъ изданій, и магазинъ запечатанъ.

Обыски въ то время были большой рѣдкостью и угрожали очень серьезными послѣдствіями. Это было время всемогущаго Третьяго Отдѣленія, безъ распоряженія котораго ни одинъ обыскъ не могъ имѣть мѣста.

— Что же такое случилось?—съ участіемъ освѣдомилась Анна Романовна, понимая обращеніе къ ней старой и знакомой фирмы,

какъ выраженіе увѣренности въ ея добромъ участіи и надежды на ея многочисленныя связи и знакомства.

Каково же было ея удивленіе и ужасъ, когда она узнала, что обыскъ у Вольфа произведенъ былъ по ея винѣ, и что не кто иной, какъ самъ полковникъ Станкевичъ, явился въ магазинъ съ запрещенной книгой, накунунѣ утромъ взятой ею изъ магазина, и на основаніи этого произвелъ обыскъ, очень значительную выемку книгъ и опечаталъ магазинъ. Она въ первую минуту прямо оцѣпенѣла отъ ужаса...

Придя въ себя, она моментально одѣлась, вмѣстѣ съ приказчикомъ поѣхала къ главѣ торговой фирмы и послѣ короткаго объясненія прямо проѣхала къ Станкевичу.

Увидавъ ее у себя, Станкевичъ растерялся и началъ ее успокаивать, но, услыхавъ отъ нея смѣлое и безцеремонное порицаніе своихъ распоряженій и твердое и непреложное завѣреніе, что ежели магазинъ Вольфа не будетъ тотчасъ же распечатанъ и все это горькое и позорное для нея дѣло не будетъ замято, то она добьется личной аудіенціи у государя императора и черезъ него потребуетъ отчета въ этомъ оскорбленіи, которое нанесено ея честному имени и ея честному дому привлеченіемъ ея къ позорному дѣлу доноса и сыска.

Станкевичъ зналъ силу и твердость ея характера, зналъ, что напрасныхъ словъ она говорить не станетъ, и изловчился въ тотъ же день замять всю эту бурю въ стаканѣ воды, выслушавъ отъ м-me Энгельгардтъ одинъ разъ навсегда рѣшительную просьбу никогда не переступать порога ея дома.

Просьбу эту онъ исполнилъ волей-неволей, но въ домѣ м-me Энгельгардтъ продолжалъ бывать сынъ его Сергѣй, сначала въ кадетскомъ мундирѣ, а затѣмъ въ мундирѣ желтаго кирасира, и незамѣтно для нея возникъ и развился романъ между ея третьей дочерью, Полиной, и молодымъ Станкевичемъ.

Двѣ старшія дочери были уже замужемъ. Самая старшая за графомъ Девьеромъ, а вторая, виновница несчастья матери, за экономомъ или смотрителемъ Смольнаго монастыря, Ганеманомъ. Послѣдняя почти никогда не бывала въ домѣ матери, но съ сестрами поддерживала, хотя и не близкое, общеніе.

Графиня Девьеръ первая взяла на себя довести до свѣдѣнія матери о предложеніи, сдѣланномъ сестрѣ молодымъ Станкевичемъ, и о согласіи самой Полины на этотъ бракъ. М-me Энгельгардтъ сначала и слышать не хотѣла объ этой свадьбѣ, но, тронутая мольбами и слезами молодыхъ людей, согласилась, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ Станкевичъ не былъ ни на обрученіи, ни на самой свадьбѣ.

— Ежели онъ войдетъ, я сама немедленно выйду и не буду присутствовать ни при благословеніи, ни на свадьбѣ!—объявила она

своимъ твердымъ и властнымъ голосомъ, и дочь, зная непоколебимость ея рѣшеній, упросила жениха уговорить отца покориться этому оскорбительному рѣшенію.

Да Станкевичъ и самъ, вѣроятно, не сталъ бы спорить съ своимъ рѣшительнымъ и непримиримымъ врагомъ. Онъ зналъ, что властная женщина ему никогда не уступитъ.

Но была еще всѣми забытая злая воля, которая не дремала, и съ которой также необходимо приходилось считаться. Это была воля заживо умершаго Энгельгардта, никогда ничѣмъ ни напоминавшаго о себѣ отринувшей его семьѣ, но сохранившаго въ своей озлобленной душѣ непримиримую ненависть и къ обличившей его женѣ, и къ судившему его жандарму.

Узнавъ въ домѣ кузины своей Салтыковой, гдѣ онъ продолжалъ неизмѣнно проживать, о предстоящей свадьбѣ дочери, Энгельгардтъ смѣло отправился къ исполнявшему въ то время обязанности начальника штаба корпуса жандармовъ А. Е. Тимашеву, впослѣдствіи такъ неудачно возведенному на постъ министра внутреннихъ дѣлъ,—и прямо и открыто заявилъ ему, что онъ родительской властью своей возстаетъ противъ брака своей дочери съ сыномъ полковника Станкевича, въ то время бывшаго уже въ отставкѣ и вслѣдствіе предупрежденія сына временно уѣхавшаго изъ Петербурга.

Это было начало царствованія императора Александра II, обновленіе Россіи только далекой зарею вставало еще на горизонтѣ, и вмѣстѣ съ отживавшими и устарѣвшими традиціями живы были еще и свѣтлыя стороны былого.

Родительская власть почиталась еще настоящей, дѣйствительной и смѣло дѣйствующей властью.

Исторія Энгельгардта, надъ которой пронеслось уже нѣсколько лѣтъ, Тимашеву была совершенно незнакома, и онъ, съ полнымъ вниманіемъ выслушавъ недовольнаго и глубоко возмущеннаго старца, порѣшилъ, съ тою легкостью, которая впослѣдствіи сопровождала всѣ его рѣшенія, вызвать къ себѣ отставного полковника Станкевича, а за его отсутствіемъ—Анну Романовну Энгельгардтъ.

Послѣднюю вызовъ этотъ не на шутку удивилъ, но она покорилась и въ назначенный день и часъ явилась предъ свѣтлыя очи Тимашева.

Онъ сообщилъ ей о причинѣ сдѣланнаго вызова и подробно ознакомилъ ее съ прошеніемъ, поданнымъ по этому поводу ея мужемъ. Она спокойно выслушала его и отвѣчала, что во всемъ этомъ, очевидно, кроется какое-то крупное недоразумѣніе, потому что она вдова и замогильныхъ требованій умершаго супруга своего исполнять не обязана.

Наступилъ чередъ Тимашева удивиться.

M-me Энгельгардтъ, не входя ни въ какія подробности, предложила Тимашеву на слѣдующій день доставить ему всѣ бумаги, подтверждающія смерть ея мужа и ея вдовство, что и исполнила дѣйствительно, на другой день представивъ генералу свидѣтельство, выданное ей изъ дворянскаго собранія, о томъ, что мужъ ея умеръ, а равно и свидѣтельство о его погребеніи, доставленное ей изъ какой-то глухой деревенской церкви.

Все это было строго оформлено и выдано, какъ оказалось, по высочайшему повелѣнію, такъ какъ мнимая смерть Энгельгардта одна могла спасти его отъ страшныхъ послѣдствій совершеннаго имъ преступленія.

Тимашевъ пробѣжалъ бумаги, пожалъ плечами и, извинившись передъ м-me Энгельгардтъ за причиненное ей безпокойство, сказалъ, что къ свадьбѣ ея дочери не представляется никакой преграды.

Тѣмъ временемъ самъ Энгельгардтъ вторично явился къ Тимашеву, чтобы узнать о результатѣ поданнаго имъ прошенія.

Тимашевъ въ моментъ этого вторичнаго визита, очевидно, былъ въ курсѣ дѣла, потому что встрѣтилъ Энгельгардта очень холодно и, освѣдомившись, что ему угодно, строго и внушительно замѣтилъ ему, что человѣкъ, именемъ котораго онъ такъ упорно себя называетъ, давно умеръ, что ему извѣстно даже, гдѣ именно онъ погребенъ, и, не желая дознаваться, съ кѣмъ именно онъ имѣетъ дѣло, онъ проситъ болѣе его подобными дѣлами не безпокоить.

Взбѣшенный Энгельгардтъ понялъ, что борьба неравна, и, не желая тѣмъ не менѣе уступать женѣ, въ анонимномъ письмѣ пригрозилъ ей скандаломъ въ самый день свадьбы, вслѣдствіе чего приглашенія на свадьбу, какъ въ церковь конюшеннаго вѣдомства близъ Пѣвческаго моста, гдѣ имѣло мѣсто вѣнчаніе, такъ и на слѣдовавшій затѣмъ балъ и ужинъ, состоялись по билетамъ, съ предвареніемъ, что лица, не предъявившія билетовъ, въ церковь допущены не будутъ,

Церемонія свадьбы и парадный ужинъ не были ничѣмъ нарушены, но сама Анна Романовна въ этотъ день изъ дома не выходила, потому что въ толпѣ, съ начала вечера стоявшей передъ домомъ, гдѣ ожидалась богатая свадьба, видѣли Энгельгардта, что было удостовѣрено и его меньшой дочерью Александрой Ѳедоровной, хорошо его различившей среди многочисленной толпы въ ту минуту, когда невѣста садилась въ карету, чтобы ѣхать къ вѣнцу.

Этотъ семейный эпизодъ, за полную достовѣрность котораго я ручаюсь, интересенъ тѣмъ, что онъ ярко рисуетъ нравы и обычаи тѣхъ временъ и доказываетъ, что въ царствованіе императора Николая I невозможнаго не было ничего.

Старикъ Станкевичъ умеръ въ отставкѣ, что же касается брака молодыхъ, то въ немъ счастья и удачи было мало, и молодой Стан-

кевичъ, вскорѣ послѣ женитьбы вышедшій въ отставку, умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ.

По поводу А. Е. Тимашева, такъ неудачно выбраннаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ припоминается очень мѣткое и по обыкновенію ѣдкое слово предшественника его на этомъ посту, П. А. Валуева, отличавшагося своей находчивостью и рѣзкой мѣткостью своихъ опредѣленій.

Онъ былъ очень близокъ и друженъ съ семьею Тютчевыхъ, которыхъ, однако, въ бытность свою министромъ посѣщалъ относительно рѣдко, такъ какъ почти нигдѣ въ это время не бывалъ. По выходѣ въ отставку, онъ сталъ гораздо чаще показываться въ свѣтѣ, а у Тютчевыхъ бывалъ чуть ли не каждый день.

Однажды, когда онъ сидѣлъ съ женой Тютчева, Эрнестиной Ѳедоровной, у окошка квартиры, занимаемой ими въ домѣ армянской церкви, Тютчева, раскланявшись съ проходившимъ мимо Тимашевымъ, обратилась къ Валуеву со словами:

— Скажите пожалуйста, Петръ Александровичъ, почему это, когда вы были министромъ внутреннихъ дѣлъ, васъ никогда и нигдѣ нельзя было встрѣтить, тогда какъ Александра Егоровича Тимашева ежедневно можно видѣть прогуливающимся по Невскому?..

Такъ какъ m-me Тютчева, природная француженка, вовсе почти не говорила по-русски, то и разговоръ этотъ происходилъ на французскомъ языкѣ.

На этомъ-то діалектѣ Валуевъ и отвѣтилъ своей собесѣдницѣ съ обычной своей элегантностью:

— Cela prouve, madame, que de mon temps le ministère de l'interieur était une galère. Sous le général Timacheff c'est devenu une gondole!..

А. Е. Тимашевъ, строго говоря, не былъ ни дурнымъ, ни злымъ человѣкомъ, это просто былъ человѣкъ крайне поверхностный и вовсе не подготовленный къ тому высокому посту, на который онъ впослѣдствіи былъ призванъ.

За неспособность человѣка осуждать нельзя... Въ этихъ случаяхъ вина падаетъ не на назначаемаго, а на назначающаго!

Тимашевъ былъ красивый, стройный генералъ, въ молодости прекрасный танцоръ, чрезвычайно элегантный на паркетѣ, но ровно ни на что не пригодный, какъ высшій администраторъ. Онъ былъ до крайности не находчивъ, совершенно терялся передъ всякой сколько-нибудь выдающейся силой и пассовалъ передъ всякимъ смѣлымъ словомъ.

Современному ему Петербургу памятенъ случай, гдѣ Тимашевъ, призванный разобраться въ щекотливомъ семейномъ дѣлѣ, въ бесѣдѣ своей съ молодой дѣвушкой общества позволилъ себѣ не совсѣмъ подобающій тонъ и получилъ въ отвѣтъ отъ гордо под-

явившейся съ мѣста молодой особы громко и отчетливо произнесенныя слова:

— Pardon, monsieur! En entrant ici, j'ai cru trouver un gentilhomme! Je ne trouve... qu'un gendarme!..

Не менѣе характеренъ случай, въ которомъ онъ, вызвавъ «по дѣламъ службы», графиню М. Р. Толстую, извѣстную рѣзкостью своего тона и смѣлостью высказываемыхъ ею сужденій, съ цѣлью запугать ее прямо встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Правда ли, графиня, что вы постоянно читаете «Колоколъ»?..

Надо замѣтить, что издававшійся въ то время въ Лондонѣ Герценомъ журналъ «Колоколъ» былъ грозою всей русской администраціи, и чтеніе этого запрещеннаго органа печати считалось чуть ли не уголовнымъ преступленіемъ.

Графиня Толстая, ожидавшая такого вопроса, такъ какъ и самый вызовъ ея къ Тимашеву былъ отчасти плодомъ ловко придуманной и исполненной мистификаціи и подготовленъ былъ путемъ анонимнаго письма, посланнаго самой молодой графиней, смѣло и прямо отвѣтила Тимашеву:

— Да, правда!..

На его красивомъ, но безсодержательномъ лицѣ выразилось недоумѣніе.

Толстой только этого и нужно было.

Она сдѣлалась хозяйкой положенія и, сдѣлавъ наивное и удивленное лицо, въ свою очередь, спросила:

— А почему это васъ интересуетъ?..

— Какъ почему интересуетъ?—удивился Тимашевъ.—На моей обязанности лежитъ охрана общественнаго порядка!

— При чемъ же тутъ общественный порядокъ!?

— Вы этого не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю. И была бы очень благодарна вамъ, ежели бы вы отвѣтили на мой вопросъ...

— Нѣтъ, я попрошу васъ прежде отвѣтить на мой вопросъ: откуда вы получаете «Колоколъ»? Кто вамъ даетъ его?

— Ахъ, Боже мой! Да я съ нимъ не разстаюсь! И достать его вовсе не такъ трудно!

— Но однако? Кто и когда далъ вамъ его въ послѣдній разъ?

— Кто—не помню! А когда? Да онъ и теперь со мной...

— Какъ!.. Вы являетесь ко мнѣ сюда... захвативъ съ собой «Колоколъ»?!!

— Да. Я «явилась» съ «Колоколомъ» въ карманѣ. Что вы тутъ находите такого удивительнаго?

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ вручить мнѣ захваченный вами съ собой экземпляръ.

— Очень охотно, только пожалуйста верните мнѣ его, потому что я не успѣла его переписать, а онъ мнѣ необходимъ!

И, произнося эти слова, молодая шалунья вынула изъ кармана листокъ почтовой бумаги и подала его Тимашеву.

Онъ взглянулъ, и лицо его покрылось краской конфуза и негодованія.

— Что это такое?—строго спросилъ онъ.

— Шиллеровское стихотвореніе «Die Glocke», переведенное на русскій языкъ!—тономъ несокрушимой наивности отвѣтила графиня.

— Вы меня дурачите, графиня! Но это вамъ не удастся.

— Я?.. Дурачу васъ?!. Простите... но я ровно ничего не понимаю!.. Вы потребовали отъ меня «Колоколъ», я отдала вамъ его, не понимая даже и причины и смысла этого требованія, и оказывается, что я же въ чемъ-то виновата?

— Я не о стихотвореніи Шиллера говорилъ съ вами, графиня.

— Такъ о чемъ же?.. Я никакого другого «Колокола» не знаю и не читала!

— Не старайтесь ввести меня въ заблужденіе... Я говорилъ о журналѣ, издающемся въ Лондонѣ... Я о томъ «Колоколѣ» говорилъ, на страницахъ котораго постоянно оскорбляются и русское правительство, и священная особа государя императора!..

— Что такое?!. Государь оскорбляется?!. Да развѣ есть такое изданіе?!. И вы, министры, его читаете?!. Ахъ, какъ вамъ не стыдно!.. И зачѣмъ вы мнѣ объ этомъ разсказываете?!. Это вы оскорбляете государя, а не я!.. Я никогда не стала бы читать ничего подобнаго..

И она, простившись съ одураченнымъ представителемъ грознаго въ то время Третьяго Отдѣленія, вышла изъ комнаты своей ровной, полной достоинства походкой.

Анекдотъ этотъ быстро обѣжалъ всѣ аристократическіе кружки Петербурга и долгое время составлялъ благополучіе всѣхъ противниковъ неумѣлаго министра, а такіе противники считались сотнями, ежели не тысячами,

Но и у неспособнаго на управленіе министерствомъ генерала Тимашева былъ одинъ несомнѣнный, ему лично ни на что не нужный талантъ. Онъ былъ превосходный скульпторъ, и его миніатюрныя статуэтки, отливавшіяся по его эскизамъ въ мастерской скульптора, имѣвшаго свою мастерскую на Офицерской улицѣ, противъ Казанской части, отличались необычной тонкостью и мѣткостью рисунка.

Особенно остроумна была небольшая серія его, «похожденія амура», состоявшая изъ четырехъ очаровательныхъ миніатюрныхъ фигурокъ. Первая изъ серіи статуэтокъ изображала амура, еще не посвященнаго въ тайны жизни и ея увлеченій, съ веселымъ выраженіемъ на дѣтскомъ лицѣ, съ ясной улыбкой, окруженнаго цвѣтами, которые онъ беззаботно срываетъ. Вторая изображала

амура, уже вооруженнаго колчаномъ и стрѣлами, съ плутовскимъ выраженіемъ вдумчиваго, но еще спокойнаго лица, со взглядомъ, устремленнымъ въ даль. Третья статуэтка, «l'amour triomphant», изображала амура въ моментъ его побѣды... На страстно возбужденномъ лицѣ написано торжество, лукъ мѣтко натянутъ, колчанъ наполненъ стрѣлами... Вся миніатюрная фигурка дышитъ торжествомъ побѣды и удовлетворенной страсти... И наконецъ четвертая фигура, «l'amour vaincu», изображала злосчастнаго амура на костылѣ, съ подвязанной рукой, съ перевязанной щекой и помятымъ цилиндромъ на головѣ... Вокругъ него разсыпаны стрѣлы... Колчанъ его совершенно пустъ и безполезно виситъ на болѣзненно согнутыхъ плечахъ. Вся фигура выражаетъ полную прострацію и полное безнадежное отчаяніе!..

Эта шутливая и остроумная серія одно время красовалась на всѣхъ модныхъ этажеркахъ и составляла принадлежность каждой умѣло составленной коллекціи.

Для скульптора-любителя это было очень лестно... Для министра внутреннихъ дѣлъ—ровно ни на что не нужно!

Карьерой своей Тимашевъ обязанъ тому, что онъ почти выросъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II, который всегда ошибочно думалъ, что довольно доброй воли для того, чтобы вполнѣ безукоризненно справиться съ любой задачей. Товарищей своей юности и своего дѣтства онъ всегда старался выдвинуть на видныя мѣста, не заботясь о томъ, насколько ихъ личныя свойства согласны съ предоставляемыми имъ почетными назначеніями.

Въ наличности доброй воли у Тимашева сомнѣваться было бы несправедливо, но въ его административную дѣятельность это ничего отраднаго не внесло...

То же самое можно сказать и о министрѣ двора Адлербергѣ 2-мъ, удостоенномъ этого почетнаго назначенія единственно только въ силу того, что отецъ его, товарищъ дѣтства императора Николая I, былъ министромъ двора при немъ, и сынъ его воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ императора.

Самое положеніе стараго министра, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, врядъ ли можно считать вполнѣ правильнымъ и удачнымъ, потому что семья Адлерберговъ не принадлежала даже къ сколько-нибудь почетному финляндскому роду. Нѣмка Алдербергъ взята была не воспитательницей, а простою няней къ великому князю Николаю Павловичу при его рожденіи и сумѣла такъ привязать къ себѣ своего царственнаго питомца, что онъ навсегда сохранилъ къ ней самое искреннее расположеніе и послѣ смерти первой начальницы Смольнаго монастыря, г-жи Лафонъ, назначилъ свою бывшую няню на ея мѣсто и сдѣлалъ ее начальницей перваго въ Россіи привилегированнаго женскаго учебнаго заведенія.

Въ такомъ необычномъ выборѣ выразилась вся деспотическая воля Николая Павловича, не считавшагося ни съ чѣмъ, кромѣ личнаго своего благоволенія.

Семья Адлербергов, очень гордая, заносчивая, пополнялась еще дочерью старухи Адлербергъ, выданной замужъ за болѣе нежели зауряднаго офицера Баранова, вскорѣ послѣ женитьбы своей присвоившаго себѣ довольно странное имя «фонъ-Баранова» и не сдѣлавшаго особенно крупной карьеры только потому, что онъ рано умеръ, оставивъ молодую жену вдовой.

Послѣ смерти его молодая г-жа фонъ-Баранова была взята въ воспитательницы къ средней дочери Николая Павловича, великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, и въ день свадьбы воспитанницы своей съ наслѣдникомъ принцемъ вюртембергскимъ Баранова пожалована была графскимъ титуломъ со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ.

Сыновья вновь пожалованной графини въ заносчивости своей превзошли всѣхъ своихъ родственниковъ, и по Петербургу долго ходилъ анекдотъ о столкновеніи «импровизированнаго» графа» съ однимъ изъ хорошо извѣстныхъ тогдашнему Петербургу инженеровъ.

Во время постройки Николаевской желѣзной дороги, когда по уже отсроченному, но еще не открытому Чудовскому участку ѣздили только по особому разрѣшенію лицъ, стоявшихъ близко къ правленію дороги, въ числѣ послѣднихъ былъ инженеръ путей сообщенія нѣкто Карцевъ, человѣкъ очень милый, очень образованный и вполнѣ корректный, но требовавшій такой же корректности и отъ другихъ.

Случилось какъ-то Карцеву, входя на пути въ вагонъ, столкнуться съ выходившимъ оттуда господиномъ, котораго онъ слегка задѣлъ локтемъ; извинившись за свою неловкость, Карцевъ хотѣлъ итти дальше, но былъ остановленъ незнакомцемъ, громко и заносчиво крикнувшимъ:

— Милостивый государь!.. вы меня толкнули!..

— Я извинился передъ вами... и еще разъ извиняюсь!—учтиво отвѣтилъ Карцевъ, приподнимая фуражку.

— Мнѣ этого мало, милостивый государь! — еще заносчивѣе продолжалъ незнакомецъ.—На что мнѣ нужно ваше извиненіе?

— Чего же вамъ отъ меня угодно?—въ свою очередь, начиная выходить изъ терпѣнія, возразилъ Карцевъ.

— Мнѣ угодно, чтобы вы были осторожнѣе!.. Вы не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло!

— Я вполнѣ съ вами согласенъ... Точно, я не знаю...

— Не «имѣете чести» знать, мил-сдарь!.. Потому что ежели бы вы знали... то, конечно, измѣнили бы тонъ...

— Потрудитесь, въ такомъ случаѣ, назвать себя! — пожалъ плечами Карцевъ, не на шутку заинтригованный вопросомъ, кого

Богъ послалъ ему въ оппоненты. Незнакомецъ окинулъ его съ ногъ до головы взоромъ, полнымъ гордаго сознанія своего достоинства.

— Вамъ угодно знать мое имя?—произнесъ онъ такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что произнесеніе этого имени равнялось въ его глазахъ объявленію чего-то въ высшей степени великаго и импозантнаго.

— Да!—повторилъ Карцевъ, котораго тонъ незнакомца начиналъ не на шутку смущать.—Я желалъ бы знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Незнакомецъ поднялъ голову еще выше.

— Вы имѣете честь говорить съ графомъ Барановымъ!—произнесъ онъ, высоко поднимая плечи и мѣряя собесѣдника своего взоромъ, полнымъ пренебреженія.

Тотъ остановился, сдѣлалъ легкую гримасу и, въ свою очередь, поднимая голову, дурашливо воскликнулъ:

— Графъ... Ба-ра-новъ?!. Только-то?!. Я самъ, батюшка мой, князь Телятинскій.

Взрывъ гомерическаго хохота встрѣтилъ эту выходку со стороны товарищей и друзей Карцева, давно наблюдавшихъ за этой оригинальной сценой.

Неудачный «графъ», сконфуженный, пробормоталъ что-то о дерзости и непочтеніи, пригрозилъ тѣмъ, что онъ кому-то и что-то «покажетъ», и поспѣшилъ стушеваться...

За этимъ мнимымъ аристократомъ надолго осталась насмѣшливая кличка «князя Телятинскаго», что не помѣшало ни ему, ни его ближайшимъ родственникомъ преуспѣвать въ той же глупой заносчивости.

Самое открытіе Николаевской желѣзной дороги имѣло мѣсто уже послѣ моего выпуска, и я по окончаніи курса въ Смольномъ монастырѣ пріѣхала въ Москву еще въ мальпостѣ.

Когда Николаевская дорога была уже совершенно окончена и движеніе по ней открыто, то, несмотря на ея офиціальное открытіе, въ первые три дня поѣзда изъ Петербурга въ Москву и обратно ходили еще даромъ, такъ непривыченъ былъ для русской публики этотъ способъ передвиженія.

Но публика привыкла къ этому довольно быстро, и въ самомъ непродолжительномъ времени прошлое медленное сообщеніе между столицами казалось уже почти невѣроятнымъ и совершенно несноснымъ...

Но я невольно отклонилась отъ моего повѣствованія.

Чтобы покончить съ тѣмъ, что мнѣ въ то время было извѣстно изъ дѣятельности всесильнаго и всемогущаго Третьяго Отдѣленія, приведу здѣсь шестистишіе, сообщенное мнѣ много лѣтъ спустя товарищемъ или помощникомъ оберъ-прокурора св. синода Юріемъ Толстымъ по поводу лекціи права, прочитанной въ помѣщеніи,

занимаемомъ парадными покоями этого могущественнаго Отдѣленія.

Не могу сказать, кому пришла дикая мысль, при назначеніи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ научныхъ лекцій о правѣ, выбрать для прочтенія ихъ именно это помѣщеніе, но Толстой смѣясь разсказалъ, что по Петербургу по этому случаю ходило слѣдующее мѣткое стихотвореніе:

У Цѣпного моста видѣлъ я потѣху,
Чортъ, держась за пузо, помиралъ отъ смѣху...
Батюшки... нѣтъ мочи!.. говорилъ лукавый,
Въ Третьемъ Отдѣленьи изучаютъ право?!.
Право... на безправьи?!. Эдакъ скоро, братцы,
Мнѣ за богословье надо приниматься!..

Вообще, ежели русское общество относилось къ чему-нибудь съ единодушнымъ и, ежели можно такъ выразиться, безпросвѣтнымъ порицаніемъ, то это къ Третьему Отдѣленію и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе къ нему причастнымъ. Это былъ произволъ во всемъ широкомъ значеніи этого слова, и я увѣрена, что полная и подробная исторія этого пресловутаго учрежденія, ежели такой исторіи суждено когда-нибудь появиться, — откроетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ русской исторіи.

Мнѣ мелькомъ пришлось слышать, ежели не ошибаюсь, отъ Тютчева, который, несмотря на громадную разницу лѣтъ, удостоивалъ меня частыми бесѣдами, что у Валуева сохранилось много любопытныхъ актовъ относительно этого характернаго учрежденія, но увидятъ ли эти акты когда-нибудь свѣтъ, Богъ вѣдаетъ.

Какъ слухъ, передаю то, что разсказывали тогда о нахожденіи въ распоряженіи Третьяго Отдѣленія секретнаго помѣщенія съ креслами, которыя будто бы опускались подъ приглашенными помѣститься на нихъ барынями, чѣмъ-либо прогнѣвившими агентовъ грознаго учрежденія и тутъ же séance tenante получавшими... ощутительное возмездіе за свои политическія прегрѣшенія, при томъ, однакоже, скромномъ условіи, что ни онѣ не видали эмиссаровъ этого вѣскаго нравоученія, ни тѣ не видали своихъ временныхъ жертвъ...

Какъ на одну изъ жертвъ такого, почти невѣроятнаго порядка вещей, указывали на графиню Ростопчину, приглашенную посидѣть на этомъ историческомъ креслѣ, вслѣдъ за написаннымъ ею извѣстнымъ стихотвореніемъ «Баронъ и жена»... но насколько эта версія согласна съ истиной, я рѣшить не берусь.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, а именно въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія, жандармская служба пользовалась въ обществѣ такими скромными симпатіями, что лицъ, но-

сившихъ синій мундиръ, въ обществѣ встрѣчать почти не приходилось, и знакомствомъ съ ними никто не только не гордился, но и признавались въ немъ неохотно.

Не особенно сочувственно относился къ этой службѣ и императоръ Николай Павловичъ, несмотря на то, что много и широко ею пользовался, и всѣмъ памятенъ случай, когда на докладъ Бенкендорфа о желаніи одного изъ дворянъ Костромской губерніи представиться государю и о томъ, что дворянинъ этотъ оказалъ значительную пользу, открывъ существованіе тайнаго общества, образовавшагося въ районѣ обитаемаго имъ уѣзда, Николай Павловичъ отвѣчалъ:

— Спроси его, какой награды онъ желаетъ, и по возможности исполни его просьбу... но... лично видѣть его я не желаю! Доносы я люблю, но доносчиковъ презираю!..

Упомянувъ имя Бенкендорфа, не могу не передать уморительнаго анекдота, слышаннаго мною отъ сельскаго священника въ Нижегородской губерніи, который, въ свою очередь, слышалъ его отъ своего отца, бывшаго однимъ изъ злополучныхъ героевъ этого уморительнаго и почти невѣроятнаго, но совершенно справедливаго случая. Впослѣдствіи то же подтвердилъ тамбовскій губернаторъ П. А. Булгаковъ.

Дѣло было въ сороковыхъ годахъ; поѣздки особъ царской фамиліи по Россіи были въ то время большою рѣдкостью и сопровождались такими тревожными приготовленіями и такими волненіями, о какихъ въ настоящее время и понятія себѣ составить нельзя. По всему тракту исправлялись дороги, приводились въ порядокъ паромы и переправы, чинились мосты и гати, и ни сами губернаторы, ни подчиненныя имъ уѣздныя и губернскія власти не знали покоя ни днемъ, ни ночью. Объ исправникахъ и становыхъ приставахъ и говорить нечего... Эти по цѣлымъ недѣлямъ не спали и не выходили изъ своихъ походныхъ тарантасовъ, съ быстротою молніи переносясь изъ деревни въ деревню, изъ села въ село и всюду нагоняя тотъ страхъ, подъ гнетомъ котораго они сами мучительно страдали...

Къ этой мучительной тревогѣ еще прибавилось то обстоятельство, что незадолго передъ тѣмъ почтовыя лошади понесли и чуть не разбили экипажъ великой княгини Маріи Николаевны, проѣзжавшей по Тамбовской губерніи, и съ тѣхъ поръ всѣ смотрители почтовыхъ станцій находились подъ смертельнымъ страхомъ повторенія подобнаго казуса.

Всѣ остановки по пути царскаго слѣдованія были заранѣе строго распредѣлены, и не только за нѣсколько недѣль, но за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ извѣстно было, на какой станціи будетъ остановка для обѣда или завтрака, черезъ какіе города и села государь послѣдуетъ вовсе безъ всякой остановки и гдѣ онъ будетъ

только минутно выходить изъ экипажа для принятія хлѣба и соли отъ жителей. Кромѣ того, обозначены были съ такою же подробностью и тѣ села, гдѣ государь будетъ выходить изъ экипажа только для того, чтобы, войдя въ мѣстную церковь, принять благословеніе мѣстнаго деревенскаго причта. Въ этихъ случаяхъ тревога и хлопоты переходили на представителей духовной власти, и благочинные и архіереи суетились и волновались не хуже исправниковъ и становыхъ приставовъ.

Надо имѣть точное понятіе о сельскомъ духовенствѣ тѣхъ временъ, надо представить себѣ этихъ захудалыхъ «батюшекъ», изъ которыхъ многіе никогда въ жизни даже губернатора въ лицо не видали,—для того, чтобы представить ихъ себѣ лицомъ къ лицу съ самимъ государемъ.

И вотъ въ это время сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Николай Павловичъ, проникая въ глубь Россіи, намѣренъ посѣтить именно тѣ изъ внутреннихъ губерній, которыя за долгій промежутокъ лѣтъ не видали въ предѣлахъ своихъ высочайшихъ особъ.

Доставлено было къ губернаторамъ, черезъ губерніи которыхъ лежалъ царскій путь, подробное расписаніе всѣхъ остановокъ, и въ томъ числѣ на одно изъ самыхъ скромныхъ и захудалыхъ селъ Тамбовской губерніи выпала честь принять подъ сѣнь своего сельскаго храма государя, который долженъ былъ войти въ сельскій храмъ, памятный по какому-то историческому событію, и принять привѣтствіе отъ мѣстнаго сельскаго священника. Получивъ это указаніе, губернаторъ тотчасъ же сообщилъ объ немъ мѣстному архіерею, а тотъ, полный тревоги, вызвалъ къ себѣ мѣстнаго благочиннаго.

Предстояло на общемъ совѣщаніи рѣшить церемоніалъ высочайшей встрѣчи и подготовить рѣчь, которою батюшка долженъ встрѣтить и привѣтствовать государя.

Священствовалъ въ означенномъ селѣ престарѣлый «батюшка» отецъ Иванъ, и въ молодости своей не отличавшійся ни бойкостью, ни смѣлостью, а съ годами и вовсе почти одичавшій, и когда архіерей сообщилъ ему, что на его долю выпадетъ честь и счастье встрѣтить и привѣтствовать государя, то скромный «батюшка» пришелъ въ такое неописуемое смятеніе, что съ непривычной ему рѣшимостью наотрѣзъ объявилъ владыкѣ, что рѣшенію этому онъ не подчинится, и ни навстрѣчу къ государю не выйдетъ, ни привѣтствія никакого ему говорить не станетъ.

— Казните меня, ваше преосвященство, въ Сибирь меня сошлите, а ничего я говорить не стану!..—въ порывѣ неподдѣльнаго отчаянія говорилъ потерявшій голову батюшка.—Все равно мнѣ гибнуть!.. Такъ ужъ лучше пусть я такъ, въ безвѣстности, окончу дни свои въ дальнемъ монастырѣ, на послушаніи, нежели мнѣ такое на себя принимать,

Предстоявшее ему, неслыханное въ его скромной жизни событіе онъ могъ только выразить словомъ «такое»... Инаго выраженія онъ подобрать не могъ!

Но ни благочинный, ни архіерей, которому тотъ передалъ отчаянное рѣшеніе батюшки, не приняли ничего во вниманіе, и злополучному батюшкѣ велѣно было «сочинять» и готовить рѣчь.

Можно представить себѣ его положеніе. Онъ на своемъ вѣку двухъ словъ сряду не сказалъ, даже въ присутствіи станового пристава, а тутъ вдругъ императоръ...

— Онъ что же одинъ пріѣдетъ?—наивно освѣдомилась матушка у письмоводителя станового пристава, который такъ и не выѣзжалъ изъ села, сдѣлавшагося центромъ вниманія всего мѣстнаго земскаго начальства.

— Какъ можно одинъ?—въ ужасѣ воскликнулъ хорошо освѣдомленный письмоводитель.—Съ нимъ прибудетъ цѣлый штабъ... Однихъ генераловъ не пересчитать...

— И нашъ отецъ Иванъ при нихъ при всѣхъ рѣчь держать станетъ?

— Ну, извѣстное дѣло!.. Не убавлять же для него станутъ высочайшую свиту!...

— Ну, этому не бывать!.. Это и я скажу, что не бывать!—рѣшительно и безповоротно объявила матушка.—Это и самъ благочинный, какъ онъ ни рѣшителенъ и сколь онъ ни образованъ, а сдѣлать не сможетъ!.. Тутъ особое Божеское внушеніе должно быть... а мы съ отцомъ Иваномъ что за святые?!.

Но всѣ эти и тому подобные разговоры ровно ни къ чему не вели и рѣшенія высшаго духовнаго начальства не измѣнили...

Привѣтственную рѣчь необходимо было писать, и благочинный въ тайникѣ души своей сознавалъ, что и самъ онъ такой задачи рѣшить не въ состояніи.

На выручку явился старшій сынъ благочиннаго, «богословъ», пріѣхавшій къ отцу на побывку изъ губерніи, гдѣ онъ съ успѣхомъ оканчивалъ семинарскій курсъ. Ораторское краснорѣчіе имъ въ семинаріи преподавалось, и написать привѣтственную рѣчь, по его мнѣнію, ровно ничего не стоило.

— Монарховъ привѣтствовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ!—важно порѣшилъ онъ:—и такой, можно сказать, общедоступный предметъ не можетъ и не долженъ омрачить мира и спокойствія душевнаго...

Богословъ любилъ и въ жизни изъясняться болѣе или менѣе вычурно и краснорѣчиво, и его вмѣшательство показалось и отцу его, и благочинному явленіемъ Божескаго промысла.

— Дерзай!—благословилъ его благочинный, вызвавшій его къ себѣ.—Сочиняй и пиши достойную великаго случая рѣчь, а отецъ Иванъ, по немощи своей, пусть наизусть ее выучитъ и съ благословенія Всевышняго произнесетъ, когда къ тому приспѣетъ минута!

Вышло нѣчто болѣе высокопарное, нежели осмысленное, но насторожившемуся начальству это показалось верхомъ искусства и «умственности», и переписанная рѣчь была передана отцу Ивану съ строгимъ приказомъ неукоснительно вызубрить ее и, вызубривъ, явиться къ благочинному для прочтенія и указанія подобающихъ удареній.

Но съ отцомъ Иваномъ поладить было труднѣе, нежели начальство предполагало. Онъ наотрѣзъ объявилъ, что памяти у него давнымъ-давно нѣтъ ровно никакой, и что всякія усилія его въ этомъ направленіи останутся тщетными.

Получивъ строгій выговоръ за строптивость, злополучный священникъ принялся, однако, за давнымъ-давно забытую «зубрежку», и матушка, близко принимавшая къ сердцу внезапную невзгоду мужа, взялась ежедневно прослушивать его, раздѣливъ написанную рѣчь на нѣсколько уроковъ.

Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ благочинный, почти ежедневно навѣдывавшійся къ отцу Ивану, могъ сообщить преосвященному о томъ, что отецъ Иванъ «прошелъ» уже добрую половину ораторскаго привѣтствія.

Дошло дѣло и до конца рѣчи, и матушка, сама провѣрившая познанія мужа, торжественно засвидѣтельствовала передъ благочиннымъ, что батюшка безъ запинки всю рѣчь отъ доски до доски наизусть читаетъ.

Архіерей назначилъ день своего пріѣзда для «повторнаго испытанія», и... отецъ Иванъ, наканунѣ только произнесшій всю рѣчь передъ благочиннымъ, какъ говорится, безъ тычка и задоринки, совершенно спасовалъ передъ архіереемъ и въ конецъ забылъ все, что ему удалось вызубрить.

Архіерей пришелъ въ неописуемое отчаяніе.

Губернаторомъ въ Тамбовѣ въ это время былъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, впослѣдствіи бывшій генералъ-кригсъ-комиссаромъ, женатый на графинѣ Кутайсовой и обязанный всей своей карьерой значительнымъ связямъ своей жены при дворѣ.

Булгаковъ былъ человѣкъ очень умный и находчивый, и разсказы его о всѣхъ злоключеніяхъ, постигавшихъ его въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ, могли бы составить очень интересный юмористическій сборникъ. Онъ успѣлъ уже переиспытать цѣлую серію всевозможныхъ злоключеній, и новая невзгода, угрожавшая ему въ лицѣ упрямаго попа, не удивляла и даже не пугала его

— Я такъ и зналъ, что они опять со мной что-нибудь да продѣлаютъ!—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ онъ, выслушавъ разсказъ архіерея.

Архіерей могъ только глубоко вздохнуть, воздѣвъ руки къ небу.

— Вы ужъ, ваше преосвященство, какъ-нибудь уломайте вашего попа!—почтительно взмолился губернаторъ,—Мнѣ и такъ ужъ съ этими тамбовцами приходилось не разъ омаргиваться отъ замѣ-

чаній изъ министерства!.. Вѣдь не виноватъ же я въ томъ, что это какая-то крѣпколобая губернія!...

Архіерей выразилъ свою полную готовность, но не зналъ, какъ и въ какомъ видѣ ее примѣнить къ дѣлу.

— Нельзя ли его какъ-нибудь, съ суфлеромъ, что ли, заставить говорить?—сказалъ Булгаковъ, тутъ же по возможности объяснивъ преосвященному роль суфлера на сценѣ.

Тотъ обѣщалъ попробовать, но предварительно вновь самыми кроткими мѣрами постарался внушить своему подчиненному необходимость неукоснительнаго изученія заготовленной рѣчи.

А день, назначенный для прибытія августѣйшаго гостя, приближался, и волненіе всей губерніи доходило до своего апогея.

Наконецъ назначенъ былъ самый часъ прибытія государя, и наканунѣ утромъ архіерей, съ зарею пріѣхавшій въ село къ отцу Ивану, имѣлъ случай лишній разъ убѣдиться въ томъ, что при малѣйшемъ намекѣ на торжественную обстановку отецъ Иванъ впадаетъ въ полную прострацію, и отъ него не только длинной рѣчи, но и одного путнаго слова добиться невозможно.

Пришлось прибѣгнуть къ средству, изобрѣтенному и рекомендованному губернаторомъ, и такъ какъ рѣчь должна была быть произнесена съ амвона, то суфлера-богослова положено было спрятать въ алтарѣ, гдѣ онъ, слово за словомъ, будетъ читать рѣчь, которую слово за словомъ будетъ повторять за нимъ злополучный отецъ Иванъ.

Съ вечера сдѣлана была репетиція этого диктанта, давшая почти совершенно благопріятные результаты, утромъ репетиція была повторена, и прошла съ еще большей удачей, и всѣ насколько возможно успокоились.

Одинъ Булгаковъ только, выѣзжая для встрѣчи государя на границу губерніи, съ суевѣрнымъ ужасомъ повторялъ:

— Не вѣрится мнѣ, чтобы мои тамбовцы не выкинули какого-нибудь артикула!.. Не такъ они у меня воспитаны!.. Не тѣмъ миромъ мазаны...

Предчувствію его суждено было сбыться шире и блистательнѣе, нежели онъ самъ этого ожидалъ.

Всю ночь передъ знаменательнымъ днемъ все село не ложилось. Во всѣхъ избахъ виденъ былъ свѣтъ. Всѣ наряжались, убирались, и даже пироги пекли и брагу варили къ этому дню, какъ будто государь ожидался гостемъ въ каждую изъ прибранныхъ по праздничному избъ.

Наконецъ, къ двѣнадцати часамъ прискакалъ передовымъ исправникъ, за нимъ слѣдомъ прибылъ губернаторъ, а ровно въ два часа могучее перекатистое «ура», громовымъ кликомъ раздавшееся вдоль по дорогѣ, возвѣстило о приближеніи царскаго кортежа.

Архіерей набожно перекрестился...

Отецъ Иванъ, блѣдный, какъ смерть, только рукой махнулъ. Онъ прошелъ въ церковь, надѣлъ тамъ полное облаченіе и, взявъ въ руки крестъ, приготовился выйти навстрѣчу государю.

Восторженное «ура» раздалось у самой околицы, и бойкая тройка съ нарядпымъ, расфранченнымъ ямщикомъ вихремъ промчалась по деревнѣ и какъ вкопанная остановилась передъ самымъ храмомъ.

Государь вышелъ изъ экипажа.

Отецъ Иванъ, съ перепуганнымъ лицомъ и сильно дрожавшими руками, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу.

Государь перекрестился и приложился къ кресту, поцѣловавъ затѣмъ руку священника, что онъ неукоснительно исполнялъ всегда, и по преимуществу когда имѣлъ дѣло съ бѣднымъ сельскимъ духовенствомъ.

Это окончательно сконфузило несчастнаго отца Ивана.

Онъ растерялся, и когда государь ступилъ на паперть деревенской церкви, то растерявшагося священика пришлось буквально толкнуть, чтобы онъ, въ свою очередь, вошелъ въ храмъ.

Государь послѣдовалъ за нимъ и занялъ приготовленное ему мѣсто.

Рядомъ съ нимъ стали Адлербергъ, Орловъ и графъ Бенкендорфъ, бывшій въ то время шефомъ жандармовъ и во всѣхъ царскихъ путешествіяхъ ѣхавшій всегда въ экипажѣ вмѣстѣ съ государемъ.

Начался молебенъ, отслуженный самимъ архіереемъ, въ сослуженіи съ благочиннымъ и архіерейскимъ діакономъ, при хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Отцу Ивану дано было время прійти въ себя и приготовиться къ произнесенію рѣчи.

Наконецъ, передъ окончаніемъ молебна и провозглашеніемъ многолѣтія, наступилъ и его чередъ.

Онъ вышелъ изъ царскихъ вратъ, приблизился къ приготовленному аналою, облокотился на него обѣими руками, тихимъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...—и замолчалъ.

Онъ, какъ самъ онъ передавалъ впослѣдствіи, забылъ, и гдѣ онъ, и какъ его зовутъ... забылъ все, кромѣ того, что ему что-то угрожаетъ и что на него надвигается какая-то неминуемая бѣда...

Богословъ въ это время, спрятанный въ алтарѣ, желая ободрить его и напомнить, что онъ тутъ, готовый ему на помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредить его, что пора начинать рѣчь, тихо, но внятно произнесъ:

— Ну, начинается!..

Отецъ Иванъ, который смутно припомнилъ только одно, что надо неукоснительно повторять все, что говорится въ алтарѣ, тоже, по возможности ясно и громко, хватилъ на всю церковь:

— Ну, начинается!..

Всеобщее оцѣпенѣніе не поддается никакому описанію...

Государь съ глубокимъ недоумѣніемъ взглянулъ на Бенкендорфа.

Тотъ отыскалъ глазами Булгакова.

Булгаковъ, блѣдный и растерянный, прятался за лицами свиты, и умоляющими взглядами искалъ архіерея.

Богословъ между тѣмъ, желая заставить отца Ивана опомниться и прійти въ себя, тихо и внушительно произнесъ:

— Что ты?... Опомнись!..

— Что ты?.. Опомнись!..—на всю церковь возгласилъ злополучный ораторъ къ вящшему пораженію всѣхъ слушателей...

Богословомъ овладѣло неописуемое отчаяніе.

Онъ видѣлъ себя источникомъ невыразимыхъ бѣдствій для всей епархіи... а, быть можетъ, и для самого святѣйшаго синода, и въ порывѣ отчаянія, хватая себя за голову, воскликнулъ:

— Куда ты залѣзъ?

— Куда ты залѣзъ?—гремѣлъ голосъ отца Ивана, окончательно потерявшаго смыслъ и сознаніе произносимыхъ имъ словъ.

Всѣ, начиная съ государя, были подъ вліяніемъ невыразимаго удивленія...

Богословъ въ алтарѣ отчаянно махнулъ рукой и упавшимъ, но все-таки явственнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!..

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!!—прозвучалъ вѣщій голосъ въ конецъ обалдѣвшаго отца Ивана.

Наступила минута полнаго, ничѣмъ не нарушаемаго молчанія...

— Что это такое?—по-французски спросилъ государь, обращаясь къ Адлебергу, который дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы не расхохотаться.

Онъ зналъ всѣ злоключенія Булгакова по чудачествамъ его обывателей и искалъ его глазами, чтобы молча поздравить его съ новымъ «артикуломъ», превосходящимъ всѣ предшествовавшіе.

Много чудесъ числилось за тамбовцами со времени водворенія къ нимъ Булгакова, много видѣлъ онъ злоключеній, много «сюрпризовъ» перенесъ онъ отъ нихъ и много еще ждалъ впереди, но ничего подобнаго настоящему пассажу ему даже во снѣ присниться не могло...

Чѣмъ окончился этотъ оригинальный эпизодъ для самого оратора, я не знаю, но Булгакову за него «нагорѣло», и по прошествіи долгихъ лѣтъ, протекшихъ послѣ полной и вѣчной разлуки его съ Тамбовской губерніей, онъ еще съ ужасомъ передавалъ состояніе своего духа въ этотъ знаменательный въ его жизни день...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

А. И. Соколова.

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ.[1]

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

V.

СЛИ въ народѣ жива попрежнему «вѣра въ чорта», то какова же его вѣра въ Бога? — Общія наблюденія рѣшительно говорятъ о паденіи послѣдней. Религіозное настроеніе еще сильно между «отцами», но «дѣти» отходятъ отъ него все дальше и дальше... Разумѣется, уклоненія отъ этого общаго правила встрѣчаются и тамъ, и здѣсь, а потому нельзя сказать, какая сторона преобладаетъ въ количественномъ отношеніи. По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако, заключить, что перевѣса нѣтъ ни на одной сторонѣ, о чемъ говоритъ, напримѣръ,такой фактъ.

На одной подмосковной мануфактурѣ строится православная церковь на добровольные сборы съ рабочихъ и по ихъ иниціативѣ. За нѣсколько лѣтъ собрано ими 12 тысячъ и сборъ, путемъ ежемѣсячныхъ отчисленій изъ жалованья, въ добровольныхъ размѣрахъ, будетъ продолжаться до конца постройки. На мануфактурѣ 12 тысячъ рабочихъ, но въ сборахъ участвуетъ только половина, а остальные—«антихристовы дѣти» (какъ назвалъ ихъ старикъ, служащій на мануфактурѣ, членъ строительнаго комитета)—отказались отъ пожертвованій на новый храмъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXXIII, стр. 141.

Вездѣ, повидимому, «антихристовыхъ дѣтей» нисколько не меньше, чѣмъ подлинныхъ христіанъ. Столичная публицистика, заговорившая въ послѣдніе годы о небываломъ подъемѣ религіозныхъ настроеній среди общества и народа, основывается на примѣрѣ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ.

Въ провинціи же ничего подобнаго не наблюдается: никакого нарочитаго «богоискательства», «богостроительства» и «боготворчества» здѣсь не видно ни среди интеллигенціи, ни въ народѣ. Мѣстами тутъ все осталось попрежнему, а мѣстами и ухудшилось значительно, въ смыслѣ паденія религіозныхъ настроеній.

Если среди мужика осталась прежняя вѣра, то это все та же наивная вѣра въ силу обряда и всякой церковной внѣшности. У чувашъ Козьмодемьянскаго уѣзда большимъ піэтетомъ пользовались два «явленныхъ Николы» (иконы)—«старый» и «молодой», но о первомъ чуваши говорятъ:

— Стара стала—не работать!... айда къ молодому Николѣ: онъ здорово шагатъ—больно ладно помогатъ!..

Икона Смоленской Божіей Матери изъ Козьмодемьянскаго собора цѣлый мѣсяцъ носится по своему и сосѣднимъ уѣздамъ, и вездѣ принимается усердно, несмотря на очень странную обстановку этого шествія. Икону сопровождаетъ не духовенство, а какой-то мужиченко, чуть ли не берущій икону у собора... въ аренду... Онъ дѣлаетъ большіе сборы и безконтрольно ими распоряжается. Въ пользу собора идутъ, кажется, только тѣ деньги, которыя попадаютъ въ кружку, устроенную въ самой иконѣ (внизу рамы). Идетъ икона, колышется отъ движеній несущихъ и позвякиваетъ деньгами... И никого изъ «вѣрующихъ» не коробитъ такое кощунство, какъ никого изъ властей не безпокоитъ это безконтрольное обираніе мужиковъ во имя религіознаго чувства...

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ селѣ Сергачскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) попъ объявилъ, что «въ колодезѣ явилась икона» святого Николая (и еще двухъ святыхъ), которую-де «могутъ видѣть только «праведники»: они «видѣли икону» не только въ колодезѣ, но и въ сосудахъ съ водою, взятою оттуда. Смиренные же «грѣшники» не удостоивались такой благодати... Два года блаженствовалъ остроумный попъ, принимая отъ богомольцевъ деньги, холсты и прочее за молебны и «святую воду» изъ колодезя. Но сосѣднимъ попамъ стало невтерпежъ—донесли епископу, по мановенію котораго «явленная икона» исчезла, а находчивый попъ подвергнутъ епитеміи. Съ горя онъ запьянствовалъ и покончилъ самоубійствомъ...

Случись сейчасъ подобная исторія—она имѣла бы такой же успѣхъ. Въ значительной массѣ народъ попрежнему жаждетъ чуда, вѣритъ въ него и жадно хватается за малѣйшіе намеки на возможность чуда... Попрежнему же онъ тянется въ монастыри, хранящіе

народныя святыни, и ради этихъ святынь несетъ туда свои гроши. Отлично народъ видитъ безобразную въ большинствѣ жизнь монашествующей братіи, негодуетъ на то, возмущается всякими непорядками монастырской жизни, но строго различаетъ чтимую имъ свою стародавнюю святыню отъ недостойныхъ охранителей ея. Послѣдніе все болѣе и болѣе отталкиваютъ отъ себя народъ, но святыня неудержимо влечетъ къ себѣ вѣрующихъ, какъ было всегда.

Въ іюнѣ 1910 г. извѣстный крестный ходъ съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимою въ Казань изъ Седміозерной пустыни, привлекъ громадную, давно небывалую массу богомольцевъ. Одно пароходство Савина пустило въ одинъ день четыре парохода, биткомъ набитыхъ богомольцами изъ окрестностей Казани, но и остальныя пароходства не зѣвали и всѣ подвозили богомольцевъ въ невѣроятномъ количествѣ. То же многолюдство наблюдалось на іюньскомъ крестномъ ходѣ въ Нижнемъ, съ Оранскою иконою Божіей Матери (изъ Оранскаго монастыря) и т. д.

И гг. «эсдеки» государственной думы, вопившіе (въ февралѣ 1910 г.) противъ «черной саранчи» въ 66 тысячъ человѣкъ, сидящей на шеѣ русскаго народа, обнаружили и тутъ полное незнаніе того народа, интересы котораго они «желаютъ представлять»... Несомнѣнно, народъ имѣетъ крайне невысокое мнѣніе о большинствѣ «черной саранчи», но къ лучшимъ представителямъ идейнаго монашества относится съ большимъ піэтетомъ, да и остальную негодную массу «черной саранчи» щадитъ, именно какъ охранителей народной святыни. Ради послѣдней онъ несетъ туда свои гроши и несетъ добровольно, никѣмъ не побуждаемый.

А попробуйте уничтожить монастыри!... можетъ быть, «антихристовы дѣти» будутъ рукоплескать этой мѣрѣ, но масса народа будетъ возмущена и не проститъ поруганія своей святыни. И вмѣсто закрытыхъ монастырей народъ станетъ заводить новые, скрывая ихъ въ недоступныхъ мѣстныхъ дебряхъ, какъ зародились когда-то старообрядческіе скиты и монастыри.

Надо и то помнить, что за монастырями доселѣ удержалось не одно религіозное, но и экономическое значеніе: они, особенно женскіе, продолжаютъ служить единственнымъ пріютомъ для всѣхъ «лишнихъ людей»— бездомныхъ, одинокихъ, не нашедшихъ счастья въ міру, потерпѣвшихъ всякаго рода крушенія въ житейскомъ морѣ. А главную массу этихъ «лишнихъ» даетъ именно народъ, который не скоро еще додумается до иной формы призора своихъ безпріютныхъ людей. И тѣмъ съ большимъ уваженіемъ народъ относится къ тѣмъ монастырямъ, которые представляютъ чисто трудовыя общины, гдѣ нѣтъ мѣста тунеядству и другимъ отрицательнымъ сторонамъ современнаго монашества.

Глупо заблуждался тотъ фабричный рабочій (одной подмосковной мануфактуры), который недавно (послѣ революціи въ Порту-

галіи) крикнулъ на улицѣ священнику: «недолго вамъ бродить тутъ... скоро и вамъ будетъ португальскій конецъ!» Если онъ и будетъ когда въ Россіи, то еще весьма не скоро.

Такой «конецъ» еще болѣе отдалится, если наше духовенство, а особенно монашество, подтянется, поздоровѣетъ и вернется къ своимъ старымъ идеаламъ служенія народу, а не своей мамонѣ... При теперешнихъ же непорядкахъ и всѣхъ ненормальныхъ условіяхъ монастырской жизни, какъ и жизни бѣлаго духовенства, вполнѣ естественно, что сами представители церкви являются чуть ли не главною причиною размноженія въ послѣднее время «антихристовыхъ дѣтей». Число послѣднихъ будетъ расти, если духовенство не опомнится и не выйдетъ на настоящую дорогу «пастырскаго» водительства народомъ, а монастыри не перестанутъ заботиться единственно о накопленіи своихъ богатствъ.

По поводу послѣднихъ пришлось познакомиться съ своеобразнымъ взглядомъ «свободомыслящихъ» людей изъ народа. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— По-моему, народъ хорошо дѣлаетъ, что несетъ свои сбереженія въ монастыри: тутъ они будутъ *сохраннѣе*... А придетъ пора и будетъ нужда, народъ *отберетъ* у монастырей свое достояніе и распорядится имъ по-своему!..

— Такъ-то оно такъ,—замѣтилъ собесѣдникъ:—но имѣйте въ виду, что раньше народа можетъ воспользоваться этимъ народнымъ достояніемъ и правительство... И такіе примѣры бывали: еще Екатерина II отобрала монастырскія имѣнія... Въ Кіево-Печерской лаврѣ, говорятъ, «хранится» записка Николая I о взятіи имъ у лавры 2 милліоновъ на нужды Крымской войны...

Да, монастыри должны помнить о возможности такихъ «добровольныхъ даяній» на государственныя и народныя нужды и вообще не натягивать струнъ безъ конца... Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ недавно основался женскій Черемисскій монастырь, на средства преимущественно сосѣднихъ черемисовъ, которые раньше очень усердствовали къ своему монастырю, а теперь охладѣли, благодаря черезчуръ явнымъ тенденціямъ «сестеръ» къ мамонѣ... У ближайшаго черемисскаго общества есть лѣсъ, часть котораго ежегодно дѣлится по дворамъ. Монастырь «установилъ», чтобы при этой дѣлежкѣ ему шелъ «третій возъ» строевого лѣса, дровъ и валежнику. Этихъ «третьихъ возовъ» набиралось черезчуръ много... Нѣсколько лѣтъ «сестры» получали эту добровольную дань, а потомъ черемисы перестали давать лѣсъ, несмотря на всѣ нахальныя требованія уже разбогатѣвшаго монастыря. Такъ волею-неволею и отворачиваются черемисы отъ своего же созданія...

Или возьмите пресловутыя «церковно-приходскія школы», отъ которыхъ народъ рѣшительно и вездѣ отворачивается, предпочитая имъ земскія, министерскія и всякія другія. Припоминаю курьез-

ный фактъ: на одной фабрикѣ подлѣ церкви стоитъ хорошій двухъэтажный каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщается церковно-приходская школа, а въ нижнемъ живутъ церковные сторожа. И вотъ послѣдніе не пускаютъ своихъ дѣтей въ свою же церковную школу, находящуюся тутъ же, рядомъ, а посылаютъ ихъ за версту —въ фабричную школу... Даже церковныхъ сторожей не удовлетворяетъ церковная школа!..

И не мудрено, если, напр., на Сѣверной Двинѣ пришлось встрѣтить церковныхъ учительницъ, получающихъ по 200 р. въ годъ!.. А вѣдь на такое жалованье врядъ ли можно нанять «среднюю кухарку» въ Архангельскѣ для епархіальнаго наблюдателя школъ...

Не будемъ касаться давно наболѣвшаго вопроса о грѣхахъ и грѣшкахъ нашего бѣлаго духовенства, споконъ вѣка наиболѣе близкаго къ народу, который все болѣе и болѣе отворачивается отъ своихъ «пастырей»... Гораздо интереснѣе прослѣдить взгляды народа на высшихъ руководителей бѣлаго духовенства—нашихъ архіереевъ. На эту тему могу привести поразительную по своему безобразію сцену, очевидцемъ которой былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Эту сцену можно бы озаглавить такъ: «комическій выходъ» православнаго архіепископа... Не привожу имени этого архіерея, который своимъ появленіемъ среди публики произвелъ на нее не благоговѣйное, а чисто смѣхотворное впечатлѣніе: архіерей еще живъ и съ Волги переведенъ на югъ.

Въ маленькомъ приволжскомъ городкѣ, очень рѣдко посѣщаемомъ архіереемъ, ждали проѣзда архіепископа сосѣдней епархіи. Онъ долженъ былъ высадиться съ парохода и на лошадяхъ проѣхать въ два монастыря своей епархіи, лежащіе вблизи городка. Былъ какой-то праздникъ въ маѣ, и почти все населеніе городка собралось на набережной и на улицахъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать рѣдкій гость, на котораго всѣмъ было любопытно взглянуть.

На меркурьевской, какъ лучшей, пристани собралось начальство и мѣстное, и сосѣдняго уѣзда, куда направлялся архіерей. Съѣхалось и духовенство его епархіи, бѣлое и черное—игуменъ мужского и настоятельница женскаго монастыря. Игумена архіерей возводилъ въ санъ архимандрита, а настоятельницу въ санъ игуменьи. Послѣдняя была толстая, сырая женщина, но еще моложавая, румяная. Ее сопровождала мать-казначея, тоже не старая женщина.

Показался «волжскій» пароходъ, на которомъ ѣхалъ архіепископъ, и сталъ дѣлать оборотъ къ своей пристани. Собравшееся на меркурьевской пристани начальство и духовенство на рысяхъ бросились къ «волжской» пристани. Публика весело хохотала, любуясь, какъ бѣжали попы и монахи, поднявъ рясы... Пьяный мѣщанинъ ползалъ на четвереонькахъ съ початымъ мерзавчикомъ въ рукахъ, блаженно ухмылялся и громко восклицалъ по адресу бѣгущаго мимо начальства и духовенства:

— А намъ что?.. а мы выпьемъ!.. за здоровье архирея!.. ура!.. намъ наплевать!..

Пьяный глоталъ изъ мерзавчика и снова кричалъ, повторяя все то же. Его не успѣли убрать—не до того было, и онъ дождался архіерейскаго поѣзда во всемъ своемъ безобразіи...

Позже всѣхъ прибѣжали толстыя монахини, запыхавшіяся, раскраснѣвшіяся, когда архіепископъ уже шелъ съ парохода по сходнямъ. При небольшомъ ростѣ онъ поражалъ необычайной толщиной и объемистымъ брюхомъ. Въ безцеремонной публикѣ загалдѣли:

— Ишь ты, какой брюхатый!.. чистая баба на сносяхъ... гляди-ко! гляди-ко!.. вотъ такъ архирей!.. такого еще не видали...

День былъ прохладный, солнце скрылось въ облакахъ, а у архіепископа толстое бабье лицо было красное, какъ ракъ, и лоснилось, словно смазанное масломъ, маленькіе глазки замаслились, съ губъ не сходила сладкая улыбка. Видимо, что архіерей основательно пообѣдалъ на пароходѣ и былъ «веселъ безконечно»... Небрежно и неувѣренно благословляя подходившихъ властей, онъ «изволилъ шутить» и самъ же во всю глотку хохоталъ надъ своими шутками, то банальными, то грубыми и неприличными... Подошедшей настоятельницѣ архіепископъ ляпнулъ:

— Что запыхалась?.. ишь, какъ растолстѣла!.. толще меня стала... ха-ха-ха!..

Продолжая хохотать и безцеремонно оглядывать смущенную «матушку», архипастырь лукаво спросилъ:

— А кто же со мною ѣдетъ?.. ха-ха-ха!..

Очевидно, онъ не прочь былъ прокатиться вдвоемъ съ «матушкой», но опомнился и обратился къ игумену:

— Ну, хозяинъ, садись со мною!.. ха-ха-ха!..

Съ трудомъ впихнули хохочущаго брюхача въ игуменскій тарантасъ, запряженный отличной тройкой. Сухая, постная, вполнѣ приличная фигурка и физіономія о. игумена еще ярче оттѣняла все неприличіе и неблагообразіе архіерейской персоны...

Архіерейскій поѣздъ тронулся, состоя изъ пятнадцати экипажей. Шествіе открывалъ конный городовой, за нимъ скакалъ въ телѣжкѣ становой приставъ, далѣе мчалась тройка съ архіепископомъ и игуменомъ. А слѣдомъ за ними—самый «интересный номеръ»—двѣ дамы: мать-настоятельница и мать-казначея... Потомъ уже слѣдовали экипажи съ духовными и свѣтскими властями.

Поѣздъ напутствовалъ пьяными восклицаніями и соотвѣтствующими жестами съ мерзавчикомъ вышеупомянутый мѣщанинъ, продолжавшій ползать на четверенькахъ по набережной. Архіерей весело гоготалъ, глядя на «пасомаго» чужой епархіи...

Дальше пошло еще веселѣе. Не успѣлъ поѣздъ свернуть съ набережной въ гору, какъ изъ боковой улицы вылетѣли двѣ телѣги, биткомъ набитыя поѣзжанами мѣщанской свадьбы, и помчались впе-

реди архіерейскаго поѣзда съ пѣснями, хохотомъ, гиканьемъ распьяной компаніи. Стоявшая на улицахъ толпа проводила свадьбу улюлюканьемъ и другими знаками сочувствія. Подъ эту музыку архіерейскій поѣздъ сталъ вытягиваться въ гору, и какъ только народъ увидалъ, что слѣдомъ за архіереемъ ѣдутъ «двѣ бабы», въ толпѣ пошло веселое шушуканье насчетъ «архіерейской свадьбы»...

Румяный архіепископъ весело выглядывалъ изъ тарантаса, благословляя и смѣющуюся толпу, ѣдко издѣвавшуюся по поводу «двухъ свадебъ», и попавшее навстрѣчу городское стадо, и домишки, въ раскрытыхъ окнахъ которыхъ виднѣлись головы любопытствующихъ горожанъ, и распростертую у самой дороги, противъ городской думы, какую-то пьяную фигуру, лежавшую ничкомъ, со спущенными штанами...

Такъ прослѣдовалъ, къ удовольствію горожанъ, веселый архіепископъ... Переночевавши въ женскомъ (sic) монастырѣ, онъ переѣхалъ въ мужской, и черезъ 5 дней снова проѣзжалъ тотъ же городокъ, но уже не въ такомъ парадѣ и безъ «матушекъ». Онѣ догадались раньше пробраться на пристань. Провожая архіерея, новая игуменья бодро одна взошла на пароходъ, но тамъ такъ расплакалась при разставаньѣ, что съ парохода ее съ трудомъ сволокли подъ руки двѣ дюжія монахини... Народъ чуть не въ глаза смѣялся надъ нею и надъ «брюхатымъ» архіепископомъ...

Врядъ ли такія комическія выступленія православныхъ іерарховъ могутъ содѣйствовать подъему авторитета церкви... Впрочемъ, онъ такъ низко палъ, что веселымъ архіереямъ простительно на все махнуть рукою и не слишкомъ хлопотать о надлежащемъ впечатлѣніи на народъ... И народъ отворачивается отъ нихъ и отъ самой церкви, загроможденной всякими «декораціями», то безполезными, то вредными.

VI.

Коснемся ли другихъ сферъ провинціальной жизни—вездѣ натолкнемся на «декораціи», за которыми совсѣмъ не видно настоящей жизни. Сонная, вялая, апатичная интеллигенція, оживляющаяся только за картами, водкой и т. п. «благами міра сего», преслѣдующая однѣ личныя цѣли карьеры и наживы, неспособная къ серьезному общественному дѣлу, праздная, лѣнивая, разобщенная и не стремящаяся къ объединенію въ общихъ цѣляхъ—какой это «примѣръ» для народа?!.. Самый развращающій примѣръ, какъ точно такъ же его развращаетъ жизнь богатыхъ людей, въ большинствѣ теперь тоже интеллигентныхъ.

Скромный приволжскій городокъ Василь до послѣдняго лѣта не подвергался развращающему вліянію богатства. Наѣзжающіе сюда дачники—люди въ большинствѣ небогатые, а мѣстные богачи—

надо отдать имъ честь,—живутъ скромно, тихо, безъ всякихъ излишествъ и вычурностей. Но лѣтомъ 1910 г. поселились въ Василѣ на дачѣ настоящіе богачи—и городокъ ахнулъ отъ удивленія и негодованія, «дивовался» безъ конца...

По совѣту врачей, въ Василь прибыла, чтобы воспользоваться его благотворнымъ климатомъ, астраханская милліонерша-армянка, параличная старуха, не встающая съ своей роскошной кровати, устроенной со всѣми удобствами—съ ящиками со льдомъ, для освѣженія, и проч. Старуху сопровождали—дочь съ мужемъ, предводителемъ дворянства, ихъ дочери и свита до 30 человѣкъ—докторъ, фельдшеръ, сидѣлки, горничныя и т. д. Чтобы перевезти эту ораву, сняли на меркурьевскомъ пароходѣ весь I классъ, за 1800 р. Грандіозная кровать, съ лежащей на ней старухой, не проходила въ пароходныя двери и пришлось прорубить стѣнку да устроить особыя приспособленія для спуска кровати съ парохода на пристань. Словомъ, для богатства не оказалось никакихъ препятствій.

Для перенесенія старухи съ пристани на гору, гдѣ сняли дачу, наняли 12 здоровенныхъ балчужниковъ, и они торжественно понесли громадную кровать черезъ весь городъ, вызывая всеобщее любопытство. Толпа ребятъ и взрослыхъ сопровождала необычайное зрѣлище, многими принимавшееся за похороны. Наивные черемисы торопились ломать шапки и креститься... Старуха утопала въ своихъ подушкахъ, одѣялахъ, возвышаясь надъ толпою, словно идолище какое... Тяжесть кровати заставляла балчужниковъ дѣлать частыя остановки—«для литіи», какъ иные шутили. Но въ общемъ настроеніе васильчанъ было далеко не шутливое: долго они толковали на тему о силѣ капитала, завидовали его обладателямъ и т. д. безъ конца...

Не менѣе зловредно вліяніе многочисленной у насъ полуинтеллигенціи—недорослей и недоучекъ, нахватавшихся разныхъ «модныхъ» верховъ, или пережевывающихъ старое. Отъ этихъ декоративныхъ «интеллигентовъ» всего болѣе страдаетъ провинція: они встрѣчаются на всевозможныхъ поприщахъ—въ свободныхъ профессіяхъ (начиная съ «революціонной», гдѣ подобный типъ особенно зловреденъ...), въ земскихъ сферахъ, въ промышленной средѣ, въ чиновничьемъ мірѣ и пр. и пр. Потому, очевидно, провинція и не живетъ, а прозябаетъ подъ сѣнью всевозможныхъ декорацій, что тонъ въ провинціи задаетъ теперь именно эта мишурная полуинтеллигенція.

«Правые» ли, «лѣвые» ли—всѣ полуинтеллигенты одинаково зловредны. Вотъ, напримѣръ, «правый»—богатый землевладѣлецъ нѣсколькихъ губерній, отставной штыкъ-юнкеръ, или что-то въ этомъ родѣ. На Волгѣ у него есть значительные лѣса и заливные луга, кои онъ каждое лѣто обозрѣваетъ, провѣряя свою лѣсную стражу. Луга, находящіеся въ арендѣ, очень портятъ свиньи сосѣдней деревни. Замѣтивши потраву, помѣщикъ вытаскиваетъ браунингъ и

начинаетъ охоту за деревенскими свиньями, укладывая ихъ цѣлыми десятками... А мужики молчатъ, ибо они же арендуютъ у него луга, крадутъ его лѣсъ и проч. Такъ обѣ стороны изучаютъ на практикѣ теорію «священной собственности»...

А вотъ «лѣвый», несмотря на свою профессію... православнаго псаломщика... Неглупый и довольно развитой молодой человѣкъ разсказывалъ, пресерьезно вѣря въ истинность своихъ нелѣпыхъ разсказовъ, будто во время «московскаго бунта» 1905 г. митрополитъ московскій Владиміръ «приказалъ убить революціонеровъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, гдѣ онъ служилъ обѣдню»...

Еще курьезнѣе были басни этого «лѣваго» псаломщика (такое совмѣстительство теперь въ порядкѣ вещей и на болѣе высокихъ ступеняхъ церковной іерархіи...) о недавнемъ прошломъ. Ничтоже сумняся, онъ разсказывалъ, какъ въ 1890-хъ годахъ былъ якобы полученъ «указъ задавить 6 младенцевъ, родившихся по собачьему положенію—въ одинъ день», у какой-то бабы подъ с. Работками (Нижегор. губ.)... Тамъ же якобы у другой бабы «родился младенецъ съ копытками, который сейчасъ же удралъ отъ матери подъ печь, и уже на другой день заговорилъ, и даже сталъ ругаться матерно»... Но это чудо «указа» не дождалось, такъ какъ, вволю наругавшись, убралось на тотъ свѣтъ.

Помимо подобной смѣхотворной полуинтеллигенціи, есть въ провинціи и настоящая интеллигенція, безъ кавычекъ, но и она въ большинствѣ либо сидитъ, закупорившись въ своихъ мурьяхъ, и отвиливаетъ отъ общественнаго дѣла, либо ведетъ послѣднее кое-какъ, чисто въ декоративномъ смыслѣ. Любопытную исторію разсказывалъ интеллигентный купецъ г. Кириллова (Новгород. губ.). Наканунѣ «революціи» образовался у нихъ дружный кружокъ мѣстной интеллигенціи, который задумалъ хорошее дѣло—издавать газету, но предварительно выпустить общедоступный «календарь-альманахъ», а въ немъ дать популярные очерки по всевозможнымъ, необходимымъ для народа, отраслямъ знаній—по праву, сельскому хозяйству и т. д. Иниціаторы разсчитывали, что подготовленный такимъ руководящимъ сборникомъ народъ почувствуетъ нужду и въ газетѣ. Дѣло въ кружкѣ закипѣло, всѣ дружно работали, подготовляя матеріалъ для альманаха и—вдругъ!—все лопнуло, когда кружокъ лишился двухъ лучшихъ работниковъ: одинъ умеръ, другой былъ «изъятъ изъ употребленія»... Разсказчикъ недоумѣвалъ:

— Отчего это мы, русскіе, начинаемъ всякое дѣло горячо, а потомъ остываемъ и бросаемъ, не кончивши?..

— Это признакъ переутомленія, а можетъ быть и начинающагося вырожденія націи...

— А по-моему, таково ужъ свойство народнаго характера...

— Однако, раньше его не было: въ народѣ, строившемъ русскую землю, было достаточно и энергіи, и предпріимчивости, и работоспособности...

Бесѣда эта происходила на пароходѣ «Надежда», рейсирующемъ по «системѣ герцога Вюртембергскаго» и р. Шекснѣ, до Рыбинска. Пароходъ принадлежитъ недавно образовавшемуся «Кирилловскому пароходному товариществу», пайщиками котораго состоятъ жители гор. Кириллова и его уѣзда. Дѣло поставлено хорошо, быстро растетъ и обѣщаетъ блестящую будущность. Главный иниціаторъ и руководитель этого дѣла, на своихъ плечахъ вынесшій весь трудъ постановки новаго предпріятія и притомъ трудившійся совершенно даромъ, теперь съ грустью разсказываетъ, какъ пайщики, палецъ о палецъ не ударившіе для общаго дѣла, столь придирчиво «критикуютъ» дѣятельность иниціатора, что ему приходится на все махнуть рукою и даже выйти изъ пайщиковъ созданнаго имъ дѣла...

Это—тоже россійская черта: оплевать всякаго общественнаго дѣятеля, хотя чуточку выдѣляющагося изъ рядовой массы посредственностей-лежебокъ... Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что сами общественные дѣятели почти всегда даютъ поводы къ нареканіямъ на нихъ. Вотъ и этотъ организаторъ Кирилловскаго пароходства, несомнѣнно, человѣкъ почтенный, порядочный и довольно интеллигентный для своего купеческаго званія, вызвавшій большія симпатіи къ себѣ, какъ къ общественному дѣятелю, вдругъ подложилъ самъ себѣ такую свинью, что пришлось развести руками...

Въ столовую рубку II класса (на «Надеждѣ» очень практичное новшество—упраздненъ дорогой и излишній I классъ, а на его мѣсто—на носу—устроенъ II классъ, все же остальное пространство отведено III классу, удобно устроенному) входитъ пароходный буфетчикъ и въ бесѣдѣ съ г. К. (вышеупомянутымъ иниціаторомъ) жалуется на плохую торговлю буфета. К. замѣчаетъ ему:

— Рано ты сталъ плакаться: вѣдь пароходъ дѣлаетъ первый рейсъ... и посмотри, какъ много пассажировъ!.. пустовать не будетъ...

— Много-то ихъ много, а намъ толку отъ нихъ мало, потому—ничего не пьютъ!..

— А ты погоди!.. вотъ пойдутъ домой съ плотовъ боровляне [1]), такъ они у тебя оставятъ весь свой заработокъ... Въ прошлую навигацію я бѣжалъ съ ними на пароходѣ отъ Череповца до Топорни [2]), такъ они выпили за этотъ перегонъ 5 четвертей водки... Вотъ тогда и ты не зѣвай!..

Почтенный коммерсантъ передалъ буфетчику этотъ «благой совѣтъ» насчетъ спаиванья несчастныхъ бурлаковъ совершенно серьезно и сочувственно къ положенію спаивателя!.. Очевидно, тутъ сказалась кулаческая жилка, которая невольно сквозитъ и

[1]) Такъ называются здѣсь сгонщики плотовъ, бурлаки.

[2]) Пристань на Шекснѣ, откуда начинаются каналы «Биртембергской ситемы».

въ самомъ интеллигентномъ коммерсантѣ, даже просто въ человѣкѣ купеческаго происхожденія.

Кулачество не чуждо и другимъ сословіямъ, и вообще людямъ полуинтеллигентнымъ всякихъ сословій. Какъ, напримѣръ, много кулачества въ иныхъ земствахъ... Не умѣя или не имѣя силъ заставить богатыхъ людей уплатить земскія недоимки, накопляющіяся десятками тысячъ, земства чисто по-кулацки выдавливаютъ изъ крестьянской бѣдноты гроши... Въ Кадниковскомъ у. (Вологодской губ.) у крестьянъ масса маленькихъ водяныхъ мельничекъ, работающихъ больше для своихъ хозяевъ, чѣмъ на сторону. И всѣ эти «кустарныя» мельнички, даже полуразрушенныя, стоящія безъ работы и безъ воды, всѣ одинаково обложены земскимъ налогомъ по 2 рубля... Крестьяне протестуютъ противъ этого несправедливаго и для нихъ тяжелаго налога, но дальше словесныхъ протестовъ не идутъ и ничего добиться не могутъ.

И въ большинствѣ земствъ — «дитя плачетъ», а мать-земство «не разумѣетъ...» Какіе ужасы происходили на рѣкѣ Ветлугѣ въ холерную эпидемію прошлаго лѣта, благодаря чисто декоративной дѣятельности мѣстныхъ земствъ!.. Одинъ ветлужанинъ писалъ мнѣ о Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи):

«У насъ эпидемія началась съ конца іюня и тянется доселѣ (августъ), то стихая, то вспыхивая вновь. Она охватила весь уѣздъ, начавшись близъ Варнавина, и отсюда по Ветлугѣ заразила почти всѣ прибрежныя деревни. Число жертвъ опредѣляется минимумъ въ одну тысячу, со смертнымъ исходомъ не менѣе 500 человѣкъ».

«Холера захватила насъ врасплохъ. Наше земство цѣлыхъ пять лѣтъ потратило на обсужденіе мѣропріятій на случай ея появленія и—ровно ничего не сдѣлало... Въ уѣздѣ не оказалось ни одного барака, если не считать городского, ибо онъ былъ безъ пола... И все-таки имъ пользовались, пока не пріѣхалъ вице-губернаторъ, который сейчасъ же велѣлъ его закрыть. Всѣ больницы въ уѣздѣ и городская обращены въ холерные бараки. Медицинскаго персонала не хватало и въ обычное время, а въ эпидемію тѣмъ паче. Правда, было прислано нѣсколько «отрядовъ», но изъ нихъ два врача черезъ двое сутокъ отказались работать, по нервному состоянію» (sic)...

«Для постояннаго медицинскаго персонала работы была гибель въ первое время, когда приходилось ѣздить по деревнямъ— собирать больныхъ, хоронить умершихъ и т. д. Впечатлѣнія тамъ были ужасныя... Страдная пора: сѣнокосъ, жнитво и — два-три покойника въ избѣ, и это работники самаго цвѣтущаго возраста... Нерѣдки случаи вымиранія цѣлой семьи... Всюду плачъ, стоны, слезы... стонутъ и умирающіе, и оставшіеся въ живыхъ, и вольные-невольные зрители... О подавленномъ настроеніи всѣхъ нечего и говорить. Всѣ, какъ напуганные зайцы, боятся другъ друга, бѣгутъ

въ лѣса, прячутся отъ медицинскаго персонала, теряютъ вѣру въ его помощь... Былъ сплошной ужасъ...»

Давно отмѣчено любопытное явленіе, что чѣмъ дворянистѣе земство, тѣмъ оно декоративнѣе и дальше отстоитъ отъ народа. А Варнавинскій уѣздъ еще богатъ дворянами-помѣщиками... Еще болѣе богатъ ими сосѣдній уѣздъ Нижегородской губерніи—Васильскій. Съ самаго открытія земства тутъ царитъ—по выраженію васильчанъ—«демидовщина», то есть фамилія богатыхъ дворянъ Демидовыхъ, дающая предводителей дворянства, предсѣдателей земской управы, земскихъ начальниковъ и т. д. Должность предсѣдателя земской уѣздной управы—наслѣдственная въ фамиліи гг. Демидовыхъ...

Мало того: уѣздная управа находится—единственный фактъ въ Россіи, и фактъ возмутительный!—не въ уѣздномъ городѣ Василѣ, а въ резиденціи гг. Демидовыхъ—въ селѣ Быковкѣ, отстоящемъ въ тридцати верстахъ отъ города... Понятно, съ какими неудобствами соединено это крайнее безобразіе: кому нужна земская управа, тому часто нужны и казначейство, и полиція, и другія уѣздныя учрежденія, пребывающія въ Василѣ, и обыватель вынужденъ колесить между Василемъ и Быковкой, тратить время, деньги и прочее. Много разъ васильчане хлопотали о прекращеніи этого безобразія, но «демидовщина» сильна и отстаиваетъ удобный для себя «порядокъ»...

Въ этомъ же родѣ и другіе «порядки» васильскаго земства, чуть ли не самаго захудалаго въ Поволжьи: школъ мало и о всеобщемъ обученіи вопросъ не поднимается; дороги отвратительныя, а на прекрасномъ старомъ Екатерининскомъ большакѣ вѣковыя березы рубятся на дрова для земскихъ учрежденій; медицинская помощь недостаточная; въ уѣздѣ, богатомъ садами, нѣтъ садовыхъ инструкторовъ, какъ нѣтъ ихъ для очень развитаго здѣсь кустарнаго производства мебели; пожарная часть въ забросѣ и пр. и пр.—вездѣ одни минусы и ни одного, хотя бы крошечнаго, плюсика!..

Каковъ попъ, таковъ и приходъ: даже «третій элементъ» васильскаго земства не на высотѣ положенія... Одна исторія прошлаго лѣта раскрыла удивительные «порядки» земской больницы, находящейся въ Василѣ. Казалось бы, что городская больница должна быть примѣрною, а выходитъ наоборотъ...

Какъ-то въ началѣ августа васильчане съ негодованіемъ узнали, что среди бѣлаго дня на улицѣ больничный служитель напалъ и жестоко избилъ почтеннаго горожанина г. К—на, человѣка уравновѣшеннаго, порядочнаго, неспособнаго, что называется, муху обидѣть. Служитель же извѣстенъ за очень грубаго и выпивающаго человѣка, способнаго въ хмелю на всякое хулиганство. Полагали, что онъ избилъ г. К., какъ пьяный нахалъ, ни за что, ни про что. Но оказалось другое: г. К. по профессіи прекрасный

столяръ и, кромѣ мебели, дѣлаетъ гробы и приглашается на похороны въ качествѣ распорядителя, умѣющаго замораживать трупы и пр. На помощь себѣ онъ беретъ одного горожанина, но не обращается къ больничнымъ служащимъ, тоже претендующимъ на роль распорядителей при похоронахъ.

Дѣйствительно, на дешевыя похороны приглашаютъ служителей и они участвуютъ въ нихъ всѣмъ своимъ составомъ, выступая носильщиками и т. д. Спрашиваю: кто же въ этихъ случаяхъ остается при больныхъ въ больницѣ?

— Можетъ быть, водовозъ...—отвѣчаетъ васильчанинъ.

— Гдѣ тамъ!—перебиваетъ другой:—больничный водовозъ цѣлый день возитъ воду, то въ больницу, то къ своему врачу, за версту отъ больницы, то на квартиры богатыхъ дачниковъ—кліентовъ врача...

— Все же сидѣлки остаются при больныхъ...

— Не всегда... какъ уродятся яблоки—сидѣлка цѣлые дни проводятъ въ садахъ смотрителя больницы, убирая яблоки...

Объ этомъ смотрителѣ больницы васильчане говорятъ, что онъ служитъ, вѣроятно, изъ одного удовольствія, такъ какъ самъ человѣкъ богатый—имѣетъ дома, сады, торгуетъ мясомъ и проч., то есть не нуждается въ ничтожномъ жалованіи смотрителя... У него большія наклонности именно къ торговлѣ, которую онъ завелъ даже въ больницѣ: жалованье служителямъ, сидѣлкамъ и др. выдаетъ часто не деньгами, а своими товарами—чаемъ и прочимъ.

Понятно, что служители ищутъ приватнаго заработка на похоронахъ и озлоблены на г. К—на, не зовущаго ихъ на болѣе выгодныя похороны. За это и былъ онъ избитъ...

Горожане все же полагали, что служитель-хулиганъ, избившій невиннаго человѣка, будетъ немедленно изгнанъ изъ больницы, гдѣ нельзя держать грубаго и часто пьянаго человѣка, способнаго и больныхъ бить... Увы! все начальство больницы горой стало на защиту своего хулигана и весь гнѣвъ свой обратило на пострадавшаго г. К—на...

Для перевязки своихъ ранъ онъ отправился въ больницу въ сопровожденіи жившаго въ его домѣ дачника—военнаго доктора изъ Петербурга. Земскаго врача не было на мѣстѣ: онъ уѣхалъ въ уѣздъ на частную практику, бросивши больницу (какъ дѣлаетъ часто) на руки невѣжественнаго фельдшера (кажется, изъ «ротныхъ фельдшеровъ»), не сумѣвшаго даже разобрать докторскій значокъ на мундирѣ военнаго доктора... Зазнавшійся фельдшеръ, уполномоченный земскимъ врачомъ даже на незаконное производство серьезныхъ операцій (въ моментъ прихода К—на съ военнымъ докторомъ фельдшеръ былъ занятъ операціей надъ раздробленной рукой дѣвочки... хотя въ городѣ былъ уѣздный врачъ...), былъ такъ дерзокъ и нахаленъ, что не хотѣлъ пустить въ больницу доктора меди-

цины даже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя таковымъ... Но докторъ настоялъ на своемъ и присутствовалъ при наложеніи фельдшеромъ повязокъ на избитое лицо и голову г. К—на, давши первому жестокій нагоняй за грязный фартукъ на немъ, грязныя руки его, грязныя ножницы, грязные бинты и т. п.

Когда черезъ нѣсколько дней вернулся земскій врачъ, и г. К—нъ обратился къ нему (около квартиры врача) съ просьбой выдать свидѣтельство больницы о нанесенныхъ ему ранахъ, для представленія въ судъ, врачъ грубо отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства и нахально сказалъ больному, еще не оправившемуся отъ ранъ:

— Убирайтесь!.. а если явитесь въ больницу—велю сторожамъ выгнать васъ!..

Таковъ этотъ «земскій врачъ» и таковы «порядки» «образцовой» больницы дворянскаго земства...

VII.

Полуинтеллигенція преобладаетъ и въ рядахъ администраціи, существующей у насъ не столько ради существа дѣла, сколько для декорацій и «украшеній»... Каталась какъ-то по Волгѣ одна высокая особа и добралась до Васильскаго уѣзда, на границахъ котораго—въ селѣ Юринѣ—собралась встрѣчать особу вся администрація—исправникъ, земскіе начальники, становые пристава и другіе. Трое сутокъ они тамъ дежурили и—трое сутокъ уѣздъ оставался безъ власти... и остался цѣлъ и невредимъ: пасомое властями стадо не разбѣжалось, и волки его не расхитили... Говорю по этому поводу одному представителю власти:

— Вотъ вамъ блистательное доказательство безполезности и декоративности вашего существованія!.. Трое сутокъ уѣздъ преспокойно прожилъ при полномъ отсутствіи властей, и такъ же бы отлично прожилъ и мѣсяцы, и годы... Очевидно, вы—одно «украшеніе», придуманное для оживленія соннаго пейзажа...

«Власть» не обидѣлась, а только посмѣялась, видимо, сознавая въ глубинѣ души правду этихъ словъ...

Насколько это «украшеніе» безполезно для обывателя, приведу маленькое извлеченіе изъ дневника жителя города Василя всего за два дня, относящихся къ «періоду успокоенія».

«7 августа (1910 г.). Сегодня случайно обнаружилось двойное убійство: убитъ сторожъ при нефтяныхъ бакахъ и его дочь... Сегодня же ограбленъ дачникъ, днемъ, въ чертѣ города—около земской больницы, двумя субъектами, отнявшими револьверъ, 50 рублей и прочее Дачникъ не заявилъ полиціи и сбѣжалъ, чтобы не отвѣтить за ношеніе оружія (sic!)... Сегодня же обокрадена семья дачниковъ, но воръ пойманъ ими же, вещи отняты,—полицію не безпокоили...

«8 августа. Обокрадена квартира учительницы (въ третій разъ за два года), о чемъ увѣдомлена полиція... На пристани возчикъ яблокъ проломилъ голову другому и сбѣжалъ. Городовые и стражники, «дежурящіе» больше въ трактирахъ, чайныхъ и пивныхъ, опоздали къ дракѣ и «для порядка» арестовали невиннаго человѣка, но публика его отбила... Въ портерной пировалъ съ городовымъ «артистъ» шарманки съ петрушкой и ударилъ сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ васильчанина, физіономія котораго не понравилась «артисту». Городовой исчезъ, а васильчане вздули артиста основательно, послѣ чего онъ «очень извинялся» предъ побившей его публикой...»

Имѣйте въ виду, что въ Василѣ постоянно пребываютъ до 30-ти стражниковъ, изнывающихъ отъ бездѣйствія и скуки. Можно бы кажется, поддерживать съ ними порядокъ, а его нѣтъ... Когда избитый г. К—нъ (см. выше) бросился за помощью противъ хулигана въ казарму стражниковъ, они заявили, что «безъ приказа исправника» не могутъ помочь ему... А исправникъ живетъ въ двухъ верстахъ отъ казармы!..

Прошлою зимою въ Ядринскомъ (Казанской губерніи) и Курмышскомъ (Симбирской губерніи) уѣздахъ появилась масса волковъ, которые стаями ходили днемъ по дорогамъ, нападая на людей и истребляя скотъ. У населенія оружія нѣтъ: все отобрано по случаю «революціи»... И подлый звѣрь размножается въ небываломъ количествѣ и становится бичомъ населенія мѣстныхъ уѣздовъ. бОыватели резонно замѣчаютъ:

— Отчего бы не высылать стражниковъ на истребленіе волковъ?!. Если соединить отряды ихъ изъ трехъ-четырехъ уѣздовъ, получится внушительная сила, которая могла бы въ конецъ истребить волковъ... И для стражниковъ была бы хорошая практика, и населенію оказали бы большое добро... Вотъ гдѣ слѣдовало бы сказать: «патроновъ не жалѣть!..» А вмѣсто такой полезной службы обществу стражники спятъ и ничего не дѣлаютъ, а стоятъ дорого...

Такихъ дорогихъ декорацій у насъ вездѣ понаставлено видимо-невидимо. Взять хотя бы пресловутыхъ земскихъ начальниковъ, уже отпраздновавшихъ недавно свой первый юбилей (неужели не послѣдній?!.), хоть весьма скромно—только въ «своей семьѣ», безъ участія опекаемаго ими населенія... Какъ заликовали было обыватели, когда государственная дума подняла вопросъ объ упраздненіи этого архаическаго, несмотря на свою молодость, учрежденія. Увы! гора родила мышь: государственная дума (въ декабрѣ 1909 г.) къ великому разочарованію обывателей, остановилась на полдорогѣ, оставивши этотъ институтъ и только отнявши у него судебныя функціи. Спасибо, конечно, и за то...

Въ 1902 году въ воронежскомъ окружномъ судѣ, при разборѣ дѣла о сопротивленія влатсямъ крестьянъ одного села въ Бобров-

скомъ уѣздѣ, спорившихъ о землѣ съ помѣщиками Станкевичами, крестьянинъ Андрей Малаховъ (руководитель крестьянъ) обронилъ очень характерное выраженіе: «теперь мы пожалованы земскими начальниками...»

Отъ этого милостиваго «пожалованія» зачесались крестьянскіе затылки въ первые же моменты учрежденія института и чешутся доселѣ... Вся крестьянская Русь поголовно—и правая, и лѣвая, и черная, и красная, рѣшительно вся негодуетъ на опеку земскихъ начальниковъ. И освобожденіе отъ нея будетъ привѣтствоваться народомъ такъ же радостно, какъ 50 лѣтъ назадъ освобожденіе отъ помѣщичьей опеки...

Исторія когда-нибудь разскажетъ, какую массу зла натворилъ и продолжаетъ творить этотъ институтъ, почти сплошь очутившійся въ рукахъ самой первобытной полуинтеллигенціи, а часто и того хуже—въ рукахъ просто дикихъ людей. Когда нѣсколько лѣтъ назадъ въ Васильскомъ уѣздѣ проворовался одинъ земскій начальникъ (братски подѣлилъ съ волостнымъ старшиною 16 тысячъ какихъ-то крестьянскихъ денегъ), тогдашній губернаторъ отстоялъ его отъ суда (земскій внесъ до ревизіи 8 тысячъ, а старшина не внесъ и пошелъ подъ судъ), оправдываясь, что «некому быть земскимъ начальникомъ—нѣтъ людей на эти мѣста»...

Дѣйствительно, «на эти мѣста» нѣтъ охотниковъ изъ настоящихъ людей... Въ земскіе начальники Макарьевскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) попалъ какъ-то мѣстный помѣщикъ З., долго служившій въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и совершенно забывшій русскую жизнь. Ожидая къ себѣ съ визитами мѣстныхъ властей, онъ обстоятельно разспросилъ, какъ кого слѣдуетъ принимать, но перепуталъ названія должностей, благодаря чему разыгрались такія сцены: явившагося первымъ урядника З. очень изысканно принялъ въ гостиной и представилъ своей женѣ—испанкѣ, а относительно пріѣхавшаго затѣмъ исправника распорядился: «дать ему стаканъ водки и гнать въ шею!..»

Земскій начальникъ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда князь В.—присудилъ одного крестьянина... «къ каторгѣ»!!. Князя поспѣшили убрать, опасаясь, что онъ додумается и до смертной казни...

Въ другомъ уѣздѣ спрашиваютъ земскаго начальника:

— Почему вы не объѣзжаете свой участокъ?

— Зачѣмъ?—смотрѣть на дырявыя крыши и рваные зипуны?!. У меня много дѣла и въ канцеляріи...

Другой такой же канцелярскій дѣятель рѣшительно отказывалъ въ устройствѣ школъ, говоря: «сначала надо накормить васъ».

А кормятъ они мужиковъ все впроголодь... Въ голодный 1902 г. земскіе начальники Васильскаго уѣзда не давали крестьянамъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, цинично мотивируя отказы

такъ: «получивши свой хлѣбъ, мужики не пойдутъ къ намъ работать»...

У одного изъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ произошелъ такой діалогъ съ черемисомъ, получившимъ о казъ въ выдачѣ «гамазѣйнаго» хлѣба:

— Сколько у тебя лошадей?

— Двѣ.

— Одну продай... А коровъ сколько?

— Двѣ.

— Одну продай... А овецъ?

— Двадцать.

— Десять продай... Вотъ тебѣ и хлѣбъ на всю зиму!..

Но черемисы не послѣдовали этому нехитрому рецепту и предпочли продавать амбары, бани и т. п., да покупали у богатыхъ черемисовъ старыя клади хлѣба, превратившагося въ навозъ... Одинъ васильчанинъ купилъ у черемиса рожь, лежавшую двадцать лѣтъ въ скирдѣ: зерно оказалось такъ черно, горько, невкусно— «отдавало смолою», что пришлось стравить весь хлѣбъ коровѣ, да и та ѣла крайне неохотно—«воротила морду». А черемисы питались такимъ «хлѣбомъ», проклиная сытыхъ опекуновъ,..

Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ (Владимирской губ.) одинъ земскій начальникъ отличался буйнымъ нравомъ: ругался, дрался, спускалъ мужиковъ съ лѣстницы (камера его помѣщалась во второмъ этажѣ), но въ то же время этотъ «столбовой дворянинъ» не гнушался занимать безъ отдачи деньги у своихъ подчиненныхъ— волостныхъ старшинъ, старостъ, писарей и т. д.

У одного земскаго начальника Варнавинскаго уѣзда (Костромской губ.) была любимая собака «Бульда», презлая нравомъ и видомъ похожая на волка. Много зла она надѣлала мужикамъ, повадившись таскать ягнатъ изъ стада. У бѣдной вдовы, имѣвшей всего пять ягнятъ, «Бульда» сожрала трехъ, то есть по меньшей мѣрѣ на 5 рублей. Вдова бросилась къ земскому начальнику, но тотъ не далъ ей ни копейки и сказалъ: «я посажу «Бульду» на цѣпь... да она не любитъ цѣпи»... Выше вдова не жаловалась, опасаясь, что «всему обществу достанется»... Позже мужики догадались убить «Бульду».

Курьезны «уѣздные съѣзды» земскихъ начальниковъ въ ихъ «судебныхъ» гласныхъ засѣданіяхъ : «смѣхъ и горе»—только и можно про нихъ сказать... Собираются они на два-три дня въ мѣсяцъ и скоропалительно «рѣшаютъ» за такую короткую сессію, засѣдая по пяти часовъ въ день, до 200 дѣлъ и больше... Въ городѣ Василѣ предсѣдатель съѣзда, предводитель дворянства Зубовъ (покойный), болѣе десяти лѣтъ страдалъ глухотою, и все же продолжалъ «предсѣдательствовать» на съѣздѣ. Молодые сочлены послѣдняго, соскучившись на засѣданіи, уходили въ сосѣднюю ком-

нату (клуба) и принимались играть на роялѣ. Музыка прекрасно доносилась въ залъ засѣданій, публика возмущалась, а глухой предсѣдатель и ухомъ не велъ... Сплошь и рядомъ у него происходили такія сцены:

Судятъ крестьянина за недозволенную охоту на лося. Зубовъ говоритъ подсудимому, начиная съ своего любимаго и безсмысленнаго присловья:

— Большею частью и тому подобное... вѣдь ты сознался, убилъ лося?..

— Не убивалъ, ваше в—е!..

— Ну!... большею частію и тому подобное... значитъ, сознаешься?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е, не сознаюсь!..

— Вотъ и прекрасно, что сознаешься!..

— Не сознаюсь!..—кричитъ уже подсудимый.

— Это... большею частію и тому подобное... очень хорошо, что ты сознаешься...

Наконецъ на помощь приходитъ сочленъ и кричитъ на ухо предсѣдателю, въ чемъ дѣло...

Если отъ этихъ непосредственныхъ опекуновъ народа обратимся къ общей администраціи—и тамъ найдемъ ту же декоративную дѣятельность... Безъ году недѣля прошла, какъ введенъ «законъ 9 ноября», разрушающій вѣковую общину, увеличивающій сельскій пролетаріатъ (усиленные кадры будущей «пугачевщины»...), созидающій скудныхъ землею «хуторянъ» и богатыхъ «новыхъ помѣщиковъ», какъ г. Столыпинъ уже обозрѣлъ свое созданіе и открылъ «блистательные результаты» въ теченіе такого короткаго періода дѣйствія новаго закона...

Но обыватели знаютъ настоящую подкладку этихъ «отрубныхъ» и «хуторскихъ» декорацій... Казалось бы, что выселеніе на отруба будетъ полезною мѣрою въ тѣхъ случаяхъ, когда часть селенія переселяется на свои дальнія земли, или мало обрабатываемыя, или совсѣмъ заброшенныя, или сдаваемыя въ аренду другимъ обществамъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ крестьяне неохотно идутъ на отруба, а гдѣ переселились на нихъ, прельщенные разными льготами и пособіями, тамъ уже стали «плакаться» на переселеніе и мечтаютъ о возвращеніи обратно, въ свои насиженныя гнѣзда, болѣе удобныя для житья, чѣмъ наспѣхъ и кое-какъ оборудованные отруба. Такой случай произошелъ, напримѣръ, въ Наровчатскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи): часть крестьянъ с. Вечкинина переселилась на свою дальнюю землю и образовала деревню Александровку, а теперь уже «плачется и желаетъ вернуться обратно»... Такихъ примѣровъ масса.

Къ какимъ блистательнымъ результатамъ приводитъ «законъ 9 ноября»—приведу въ извлеченіи два сообщенія изъ поволжскихъ газетъ, какъ весьма типичныя. Въ № 373 симбирской газеты «Волжскія

Вѣсти» (отъ 1 іюля 1910 г.) сообщалось, что «со времени изданія указа 9 ноября 1906 г. объ укрѣпленіи въ личную собственность земельныхъ душевыхъ надѣловъ, въ с. Хрящевкѣ появилась масса новыхъ помѣщиковъ», среди которыхъ первую роль играетъ богатый мельникъ-крестьянинъ И. Г. Гордѣевъ, скупившій къ 1 іюля 60 надѣловъ, около 390 десятинъ, въ среднемъ по 35 р. за десятину, тогда какъ самъ сдаетъ эту землю въ аренду по 25—30 р. за надѣлъ...

Въ № 888 самарской газеты «Волжское Слово» (отъ 4 іюля 1910 г.) читаемъ, что въ одномъ сельскомъ обществѣ Новоузенскаго уѣзда нѣмецкіе колонисты скупили 250 «душъ», т. е. больше 3 тысячъ десятинъ. Сельское общество хотѣло само скупить эти земли, но земскій начальникъ не позволилъ, ссылаясь на то, что общество якобы «не имѣетъ права» скупить (!?..)... Изъ 250 продавцовъ человѣкъ 5—6 пустили деньги въ дѣло, а остальные все пропили, «погулявши» всласть... И такихъ примѣровъ масса..

Та же черта декоративности присуща и всякимъ другимъ новымъ мѣропріятіямъ администраціи. Вышелъ, напримѣръ, новый законъ о клейменіи вѣсовъ, а въ результатѣ произошло сокращеніе базаровъ: «мужики боятся пріѣзжать на базары»... За клейменіе старыхъ вѣсовъ берутъ 3 рубля, и клейменіе надо производить черезъ 3 года. Хотя чиновники пробирной палатки ѣздятъ по уѣздамъ, но ихъ не всегда и не вездѣ поймаешь, а ѣздить въ губернскій городъ и дорого, и неудобно. Понятно, крестьяне просрочиваютъ и не торопятся возобновлять клейма, а полиція составляетъ протоколы и гонитъ съ базаровъ. Новые же клейменые вѣсы стоятъ очень дорого, не по мужицкому карману—10—12 р., хотя красная цѣна имъ 2—3 р.

Такъ вотъ у насъ во всемъ, въ большомъ и маломъ, то недосолъ, то пересолъ... Не мудрено, если обыватели игнорируютъ неудобные для нихъ законы, или обходятъ ихъ при помощи тѣхъ же представителей власти. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то заявилъ обывателямъ:

— Вы первые нарушители закона!..

— Да, но потому, что вы—первые продавцы закона!..—отпарировалъ обыватель.

Декоративность въ обиліи наблюдается на самыхъ верхахъ провинціальной администраціи. Нижегородскій губернаторъ г. Шрамченко (наканунѣ своего неожиданнаго перевода въ Вологду) вздумалъ прокатиться по своей губерніи, воспользовавшись чисто лѣтней весенней погодой. Въ с. Исадахъ его встрѣтилъ исправникъ Макарьевскаго уѣзда, одѣтый, вслѣдствіе жары, въ походную тужурку. И досталось же этой тужуркѣ отъ губернатора... Такъ жестоко онъ пробралъ исправника за его «вольномысліе»—за встрѣчу не въ мундирѣ, что теперь, говорятъ, исправникъ даже въ баню ходитъ въ мундирѣ и со всѣми регаліями: а ну какъ въ банѣ попадется губернаторъ?!..

Преемникъ г. Шрамченка въ Нижнемъ—г. Хвостовъ (бывшій вологодскій губернаторъ) при первомъ свиданіи съ гласными городской думы заявилъ о своемъ желаніи заняться отнюдь не городскими дѣлами, а... соединеніемъ Волги съ Сѣверной Двиною посредствомъ р. Костромы и притоковъ р. Сухоны... Это бы еще не бѣда, что губернаторъ фантазируетъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ... Но удивительно, что бывшій вологодскій губернаторъ не знаетъ, что Волга давнымъ-давно соединена съ Сѣверной Двиною «системою герцога Вюртембергскаго», что Вологда лежитъ вблизи этой системы и что изъ Вологды можно проѣхать воднымъ путемъ на Волгу.

Именно этимъ путемъ я проѣхалъ прошлымъ лѣтомъ на пароходахъ изъ Вологды до Рыбинска—по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ, озеромъ Кубенскимъ и по «Вюртембергской системѣ», очень старой, запущенной, небрежно содержимой, но оживленной значительнымъ движеніемъ судовъ, значитъ—жизнеспособной и могущей прогрессировать. Существуетъ нѣсколько проектовъ улучшенія и развитія этой системы, на что и надо добиться казенной, сравнительно небольшой, субсидіи, а не бросать казенные милліоны на фантазіи г. Хвостова, собирающагося ломиться въ открытую дверь...

Заканчиваю эту главу своего рода апоѳеозомъ нашей администраціи... Пароходъ «Ломоносовъ» подошелъ къ пристани заштатнаго города Красноборска, на Сѣверной Двинѣ (ниже Котласа). Высыпавшіе на балконъ немногочисленные пассажиры были поражены необычайнымъ весельемъ, царившимъ на пристани. Собравшіеся тамъ горожане потѣшались надъ хромымъ дурачкомъ, очень забавнымъ по костюму: онъ былъ одѣтъ въ рваный и грязный мундиръ коннаго стражника, въ красномъ картузѣ, не то лейбъ-гусара, не то начальника станціи, съ висѣвшими на перевязи ножнами отъ шашки. Молодой дурачокъ, видимо, страдалъ маніей величія и суетился на пристани, устанавливая порядокъ, подъ хохотъ и издѣвательства публики. Это его сердило, онъ горячился, огрызался, колотилъ мальчишекъ своими пустыми ножнами и продолжалъ якобы возстановлять порядокъ. Дежурившіе на пристани дѣйствительный стражникъ и водяновскій чинъ не мѣшали дурачку, потѣшаясь надъ нимъ не меньше публики и не помышляя о томъ, что дурачокъ «оскорбляетъ честь мундира»... Одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:

— Развѣ не олицетворяетъ этотъ дурачокъ нашу администрацію, которая воображаетъ, что она якобы «возстановляетъ порядокъ» и «правитъ народомъ»?! На самомъ же дѣлѣ народъ только отмахивается отъ всякаго начальства, какъ отъ назойливой мухи, терпитъ его до поры до времени и отводитъ душу самымъ ироническимъ отношеніемъ ко всевозможной его «дѣятельности»...

VIII

Надо ли говорить о декоративности нашего юнаго парламента?— она всѣмъ бьетъ въ глаза... Какъ ни важенъ для народнаго самосознанія самый фактъ существованія государственной думы, но отрицательнаго отношенія народа къ ея дѣятельности нельзя скрыть. Какіе ни возьмите шаги государственной думы—и крупные, и мелкіе, и прогрессивные, и реакціонные, всѣ болѣе или менѣе отрицательно воспринимаются провинціей, уже напуганной серьезными промахами государственной думы и потерявшей вѣру въ нее...

Какъ негодуетъ, напримѣръ, провинція на возмутительно небрежное отношеніе государственной думы къ такъ называемой «вермишели», т. е. къ мелкимъ законопроектамъ, затрагивающимъ самые жизненные интересы провинціи. Господа чиновники, засѣдающіе въ государственной думѣ, пекутъ ихъ, какъ блины, и «сбываютъ съ рукъ», подобно заправскимъ чинушамъ, или «кладутъ подъ сукно» и т. п.

И невольно у обывателей является мысль о необходимости учрежденія областныхъ думъ, кои вѣдали бы не только эту «вермишель», но и всѣ вообще законопроекты, касающіеся провинціи, предоставивъ государственной думѣ, значительно сокращенной въ составѣ, обсужденіе высшихъ общерусскихъ законовъ, контроль надъ администраціей и т. п. Обыватели даже намѣчаютъ число областныхъ думъ: ихъ должно быть 11, по числу естественно сложившихся областей—Московская, Поволжская, Уральская, Малорусская, Бѣлорусская, Новороссійская, Польская, Финляндская, Кавказская, Сибирская и Среднеазіатская.

Только эти областныя думы станутъ близко къ народу, окунутся въ его кровные интересы и сдѣлаются его руководителями. Нынѣшняя же государственная дума, да еще при отрицательномъ отношеніи къ ней правительства, превратится скоро въ нѣчто жалкое и смѣхотворное...

Положеніе обывателей оказывается страшно трагическимъ: отъ стараго «режима» добра не ждутъ, а «новый режимъ» выразился пока въ государственной думѣ, въ которой всѣ уже разочаровались, да въ... дѣятельности г.г. революціонеровъ, разочарованіе въ которыхъ нисколько не меньше... Обыватели говорятъ:

— Какіе же это «апостолы новой вѣры» и «пророки новой жизни», если они окружаютъ себя самыми позорными декораціями стараго режима!.. Тотъ же у нихъ деспотизмъ, такой же «шефъ жандармовъ» г. Бурцевъ, свои «охранки», «сыски», «шпіонажъ»и т. п.

— А чего стоятъ,—подхватываетъ другой обыватель,—и какъ омерзительны всѣ эти «кающіеся охранники», равно какъ и «кающіеся революціонеры»...

И онъ припомнилъ, какъ въ 1890-хъ годахъ г. Амфитеатровъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ «Стараго джентльмена» въ «Новомъ Времени», разсказалъ съ доказательствами въ рукахъ, что «кающіеся революціонеры», сотрудничавшіе тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—Левъ Тихоміровъ (нынѣ редакторъ ихъ), Н. Н. Говоруха-Отрокъ (нынѣ покойный) и др. «пошли въ станъ правыхъ, чтобы испошлить его до омерзѣнія» (ставлю въ кавычкахъ не буквальныя слова, а мысль)... Обыватель прибавилъ:

— И мнѣ приходилось бесѣдовать съ однимъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» того времени, тоже «бывшимъ», если не революціонеромъ, то радикаломъ—съ нынѣ покойнымъ врачомъ М. Н. Гл—мъ: и онъ оправдывалъ свое вступленіе въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» именно тѣмъ же мотивомъ... И Гл—й, подобно Говорухѣ-Отроку, не долго выдержалъ муку такого раздвоенія: оба они спились и рано умерли...

— Похоже,—замѣтилъ первый обыватель:—что и правые, въ родѣ этихъ «кающихся охранниковъ» и т. п., стали прибѣгать къ тому же рискованному оружію: пошли въ станъ лѣвыхъ, чтобы вызвать къ нимъ омерзѣніе общества...

Во всякомъ случаѣ, тутъ происходитъ какая-то страшная неразбериха, въ которой теряется обыватель... Все шатается, и всеобщее недовольство растетъ, а наверху увлекаются какими-то побрякушками, въ родѣ «хуторовъ» и т. п. Вездѣ — «не жизнь, а декорація»... Одинъ обыватель замѣтилъ:

— Чего же вы хотите, если у насъ даже такъ называемый «народный гимнъ»—чисто декоративный...

— Какъ такъ?!.

— Очень просто: музыка этого гимна не сочинена А. Ѳ. Львовымъ[1]) а... списана съ стариннаго голландскаго псалма, который съ незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквахъ разъ въ году—на первый день Пасхи...

И онъ разсказалъ, какъ прошлымъ лѣтомъ былъ въ Голландіи и въ одномъ голландскомъ домѣ хоръ дѣвушекъ и молодыхъ людей спѣлъ, подъ аккомпаниментъ рояля этотъ старинный псаломъ: и онъ буквально, тактъ въ тактъ, оказался... россійскимъ «народнымъ гимномъ»... Провѣрить это нетрудно.

IX.

Соедините вмѣстѣ всю массу зловредныхъ вліяній, исходящихъ отъ всевозможныхъ россійскихъ «декорацій», замѣняющихъ подлинную жизнь, и вы поймете, почему мрачное настроеніе и недобрыя

---

[1]) Любопытно, что, кромѣ этого гимна, за Львовымъ не числится никакихъ другихъ композицій...

предчувствія одолѣваютъ обывателя, одинаково—и народъ, и общество, и интеллигенцію. Тревога за будущее растетъ въ провинціи...

Вѣками сложившаяся ненависть народа къ «господамъ» значительно усилилась послѣ краха революціи, поманившей народъ въ «райскія обители», а въ дѣйствительности ничего не давшей ему... Народъ не сознаетъ, что и онъ самъ своимъ анархическимъ движеніемъ помѣшалъ «освободительному», напугавши анархіей всѣ умѣренные и «сочувствующіе» слои народа и общества, и валитъ всю вину на «господъ» вообще, относя къ нимъ не только администрацію, открыто воевавшую съ революціей, но и «сочувствующую» интеллигенцію, и самихъ дѣлателей революціи, разныхъ «макратовъ», и т. д.

У народа зрѣетъ мысль, что «господа ничего для народа не сдѣлаютъ», а все хорошее долженъ «сдѣлать самъ народъ»... Какъ и что именно надо дѣлать—народъ не знаетъ. Возможны, однако, страшныя попытки народа «самому взяться за дѣло», страшныя именно потому, что у народа нѣтъ другихъ опытовъ, кромѣ «разинщины», «пугачевщины» и т. п. движеній.

И объ этомъ уже говоритъ народъ и довольно открыто, несмотря на всѣ мѣры по части «успокоенія» и «устроенія»... Осенью 1909 г. на одномъ волжскомъ пароходѣ какой-то мастеровой или рабочій громогласно проповѣдывалъ:

— Черезъ два года станемъ всѣхъ господъ рѣзать!.. всѣхъ подъ рядъ, поголовно—чиновниковъ, купцовъ, поповъ и другихъ начисто всѣхъ...

Народъ почему-то ждетъ чего-то страшнаго именно въ 1912 году... Вѣроятно, народная память хранитъ воспоминанія о томъ, что «12-е годы» предыдущихъ вѣковъ были роковыми для Россіи.

Эти тревожныя ожиданія наблюдаются и въ разныхъ слояхъ полуинтеллигенціи. Одинъ представитель ея, чѣмъ-то недовольный на духовенство, говорилъ:

— Вотъ погодите!.. когда будетъ новое возстаніе, я раскрою всѣ штуки нашихъ поповъ, архіереевъ и самого синода...

Даже у примитивныхъ черемисовъ, чувашъ и другихъ инородцевъ идетъ какое-то броженіе, трудно наблюдаемое вслѣдствіе незнанія ихъ языковъ. И они что-то думаютъ насчетъ нашихъ непорядковъ, толкуютъ даже про «республику» и т. п.

Между тѣмъ обыватели увѣрены, что новый взрывъ народнаго недовольства было бы возможно предупредить очень нехитрымъ пріемомъ: надо итти впередъ, а не топтаться не мѣстѣ и не итти назадъ, когда все говоритъ противъ такого топтанья и противъ попятнаго движенія... народъ такъ нетребователенъ и готовъ удовлетвориться алымъ...

Теперешняя же убогая реакціонная политика ведетъ уже проснувшійся народъ къ новымъ революціоннымъ взрывамъ, и къ болѣе страшнымъ, чѣмъ предыдущій... Какъ бы ни тѣшили себя сильніе

вверху наступившимъ якобы «успокоеніемъ», наблюдатели низовъ не вѣрятъ въ продолжительность этого чисто наружнаго «успокоенія». И здѣсь та же россійская «декорація», какъ и вездѣ у насъ...

И если хочется вѣрить, что новая «пугачевщина» у насъ немыслима, то отнюдь не благодаря маниловскимъ (въ родѣ «хуторовъ») и полицейскимъ мѣропріятіямъ, а по совершенно инымъ основаніямъ. У народа уже есть своя интеллигенія, настоящая (безъ кавычекъ), изъ народа же вышедшая, которой народъ довѣряетъ и пойдетъ за нею охотно. А эта крестьянская, фабричная и т. д. интеллигенція, вскормленная тою же пищею, что интеллигенція изъ общества, не позволитъ разразиться «пугачевщинѣ» въ полномъ ея размахѣ—не допуститъ ни «поголовной рѣзни», ни истребленія культурныхъ начинаній и т. п.

Правда, народной интеллигенціи очень мало, да и та больше «изъята изъ употребленія», по изумительной слѣпотѣ нашихъ заправилъ, рубящихъ сучки того дерева, на которомъ сами же сидятъ.. Остается одна надежда—на здравый смыслъ и на совѣсть народа, т. е. лучшихъ его представителей. Порукою въ этомъ многія здравыя явленія, и сейчасъ наблюдаемыя въ народѣ.

Какъ быстро, напримѣръ, растутъ ряды народной интеллигенціи. Лѣтомъ 1909 г. встрѣчаю на окскомъ пароходѣ очень бѣдно одѣтаго «замочника» изъ-подъ села Павлова, ѣхавшаго домой изъ Нижняго съ дочкой 12 лѣтъ—гимназисткой. Бѣдный кустарь съ понятною гордостью разсказывалъ, какъ онъ, при помощи добрыхъ людей, «вывелъ въ люди» еще двухъ сыновей: одинъ находится въ учительскомъ институтѣ, другой въ гимназіи.

Прошлымъ лѣтомъ на пароходѣ «Братья», рейсирующемъ по «Вюртембергской системѣ», ѣхали до гор. Кириллова три крестьянскія дѣвочки, 13—14 лѣтъ, чтобы сдать экзаменъ въ 4-й классъ женской гимназіи. Окончивши двухклассное училище, онѣ еще прошли курсъ двухкласснаго же мужского училища. Отецъ одной дѣвочки помогъ своему брату добиться званія народнаго учителя и на ту же дорогу выводитъ своего сына, а дочь направилъ въ гимназію, несмотря на противодѣйствіе мачехи. Дѣвочки заплатили за пароходъ по 20 к. (отъ 5-го шлюза), а обратно домой предполагали итти пѣшкомъ, за неимѣніемъ денегъ. Онѣ имѣли при себѣ узелки со скудной провизіей, разсчитывая на даровой ночлегъ въ монастырской гостиницѣ. вообще производили трогательное впечатлѣніе.

Козьмодемьянское земство (Казанской губерніи) открыло сельскохозяйственные курсы для черемисовъ и чувашъ, и дѣло идетъ прекрасно: отъ взрослыхъ курсистовъ нѣтъ отбою... Дѣло поставлено разумно: земство не только не беретъ никакой платы, но еще помогаетъ курсистамъ, платя имъ по 40 к. въ день за работы на земскомъ хуторѣ (подъ городомъ), гдѣ устроены практическіе курсы.

Жители приволжскаго гор. Василя недавно подали петицію объ открытіи средняго учебнаго заведенія, въ которомъ давно нуждается городокъ, отставшій въ этомъ отношеніи отъ сосѣднихъ, болѣе захолустныхъ и бѣдныхъ городковъ по Сурѣ и Ветлугѣ. Большинство подписей на петиціи принадлежитъ мѣщанамъ, кои, однако, не ждутъ успѣха, такъ какъ пришлось подавать петицію нынѣшнему составу городской управы, черезчуръ далекому отъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи своихъ горожанъ.

На «волжскомъ» пароходѣ «Императрица» въ одинъ изъ рейсовъ прошлаго лѣта обращалъ вниманіе пожилой студентъ, лѣтъ за 30, казанскаго университета. Онъ оказался студентомъ перваго курса медицинскаго факультета, а раньше 12 лѣтъ былъ земскимъ фельдшеромъ. Будучи семейнымъ человѣкомъ, онъ содержитъ себя и семью именно фельдшерской практикой въ Казани: съ разрѣшенія врачей принимаетъ больныхъ, помогаетъ врачамъ, занимается массажемъ и пр. Какимъ-то американскимъ духомъ вѣяло отъ этого почтеннаго и жизнерадостнаго студента-фельдшера, который и учится и семью кормитъ, не прибѣгая къ общественной благотворительности...

Въ деревнѣ Огурцевой, Воронинской волости Череповецкаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ Ѳедоръ Егоровичъ Цѣликовъ— разносторонній изобрѣтатель. Онъ открылъ антипожарную жидкость, отъ пропитыванія коей дерево и ткани не горятъ, а медленно тлѣютъ. Его жидкость, благодаря дешевизнѣ (7 р. ведро), ходко разбирается въ округѣ. На сельско-хозяйственной выставкѣ въ Череповцѣ 1906 г. Цѣликовъ получилъ медаль и тысячу рублей субсидіи на дальнѣйшіе опыты. Ему же земство дало 200 р. на усовершенствованіе особой печи для овиновъ, устраняющей частые пожары ихъ и очень выгодной: трехъ полѣнъ достаточно для просушки 200 сноповъ... Цѣликовъ же открылъ средство противъ костоѣды и пр. пр. Изобрѣтательности его нѣтъ конца.

Растетъ въ народѣ и политическое сознаніе... На пристани Василя заспорили какъ-то русскіе и татары о преимуществахъ своихъ народностей. Споръ былъ горячій и довольно нелѣпый, особенно съ русской стороны. И вдругъ нелѣпыя притязанія русскихъ на верховенство были разбиты русскимъ же крестьяниномъ. Онъ говорилъ:

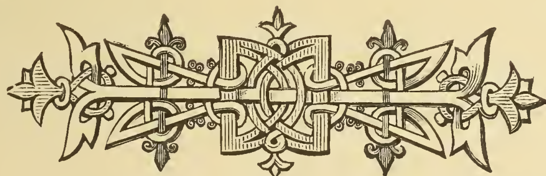
— Я за татаръ!.. потому, хоть вѣры у насъ разныя, а мы всѣ живемъ подъ однимъ царемъ, и царь никого не конфузитъ: всѣ у него равны...

Эти золотыя слова, выражающія не столько живую дѣйствительность, сколько желательное направленіе ея, произвели громадное впечатлѣніе на толпу, и споры смолкли...

Но всѣ эти здоровыя явленія въ народѣ такъ рѣдки сравнительно съ его милліонными массами, продолжающими пребывать въ темнотѣ

временъ чуть ли не «скиѳовъ и сарматовъ»... И настоятельно поднимается вѣковой вопросъ: какими мѣрами можно поднять мужика?.. «Всеобщее обученіе»—дѣло доброе, но оно не подниметъ мужика, ибо дастъ ему простую грамотность. О болѣе же серьезномъ образованіи его мы и мечтать не можемъ, по нашей бѣдности... Сытость мужика тоже благое дѣло, но и оно мало разовьетъ его... Всего легче и скорѣе можно поднять мужика, сдѣлавши его жизнь интереснѣе, втянувъ его въ общественную дѣятельность, сначала около себя—въ маленькихъ ячейкахъ прихода, всесословной волости, мелкой земской единицы, а попутно—и въ экономическихъ организаціяхъ (кооперативы, артели и т. п.). Тутъ онъ будетъ «живъ не о хлѣбѣ единомъ» и сразу выростетъ во всѣхъ отношеніяхъ, раздвинувъ свои умственные горизонты до широкихъ предѣловъ. И только такая политика спасетъ Россію отъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ, снесетъ всѣ россійскія «декораціи» и на мѣстѣ ихъ поставитъ подлинную жизнь

Н. Н. Оглоблинъ.

У МОГИЛЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины).

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли
Середъ степу широкого
На Вкраини мылій:
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручы
Булы выдны, було чуты,
Якъ реве ревучый...

Т. Шевченко „Заповитъ“.

ѢЗДНЫЙ городъ Каневъ съ нѣкоторыхъ поръ служитъ центромъ, вокругъ котораго вращается украинское національное движеніе. «За степы та за могыли, що на Украини», за трудовой народъ, изнывавшій въ тискахъ рабства, за темноту его безпросвѣтную всю жизнь болѣлъ душою великій народный самородокъ. Болѣлъ душою о великой розни братскихъ народовъ, цѣлые вѣка такъ нещадно проливавшихъ свою кровь на родныя поля и нивы... Страдалъ и пѣлъ свои «думы» то страстныя, нѣжныя, ласкающія по преисполненныя самаго безнадежнаго отчаянія...

Надъ нимъ долго смѣялись за его «мужицкій» языкъ, за неизысканность мыслей и образовъ. А онъ только отшучивался и продолжалъ пѣть по-своему: одинъ онъ понималъ тогда, что иными мелодіями нельзя воспѣть красоты «Днипра», украинской ночи, былой казацкой вольницы, уютной хатки съ вишневымъ садочкомъ, «гнучкый дивочый станъ и карыи очы»; нельзя иначе вволю наплакаться и посмѣяться...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ—и имя его представляется теперь въ сознаніи массъ окруженнымъ ореоломъ неувядаемой славы, оно стало легендарнымъ, священнымъ... Время оцѣнило. Безъ Тараса Шевченка Украина была бы болѣе бѣдна, чѣмъ Россія безъ Пушкина и Гоголя, чѣмъ Польша безъ Мицкевича.

Героическая эпоха Украины прошла безвозвратно. Кровавые «банкеты» и шаловливый безудержъ вольнаго «козацтва» отошли въ область исторіи. Учители и вожаки народа отдались то «москалямъ», то «ляхамъ». Кобзари и бандуристы — и тѣ начали перестраивать свои инструменты на новый ладъ. Упадокъ самосознанія въ массахъ угрожалъ украинской народности полнымъ національнымъ вырожденіемъ...

«Заснула Вкраина, бурьяномъ укрылась,
Цвиллю зацвила...»

Отстоялъ ее Шевченко, положивъ свое имя въ основу новой эпохи края, эпохи культурной. Каневъ съ нѣкоторыхъ поръ служитъ базой, откуда черпаютъ моральную силу вѣрные сыны Украины, онъ сталъ мѣстомъ поклоненія ..

Не будемъ повторять подробно тѣхъ скудныхъ біографическихъ данныхъ о поэтѣ, какія до настоящаго времени появились въ печати. По какому-то непонятному капризу природы несравненное по дарованіямъ дитя появляется на Божій свѣтъ при самой неприглядной обстановкѣ. Отецъ и мать—подъяремныя существа, замученныя, убогія—не до дѣтей имъ. Далъ Богъ сына, попъ окрестилъ, а затѣмъ все въ волѣ Господней...

Въ дѣтствѣ онъ—заморышъ, лишній ротъ въ семьѣ, обуза отцу и сварливой мачехѣ; въ отрочествѣ—водоносъ дьячка Богорскаго, затѣмъ пастушокъ, потомъ служка «пана Энгельгардта», «попыхачъ панскій...»

«Якъ побачу—писалъ онъ позднѣе—
Малаго хлопчика въ сели,—
Одно-однисинькe подъ тыномъ
Сыдыть соби въ старый рядныни—
Мени здается, що то я,
Що це-жъ молодисть моя...»

Захотѣлъ было учиться «малювать», такъ отецъ дьяконъ, знаменитый маляръ всего Звенигородскаго «повиту», погадавъ на ладони, категорически отрѣзалъ: «не то що до малярства, та навить до шевства алѣ до бондарства хесту немае...» Существо, однимъ словомъ, безталанное... Но «хлопчикъ», тѣмъ не менѣе, что-то такое таилъ у себя на умѣ. Улучивъ удобный моментъ, запрячется бывало въ бурьянъ, чтобъ живая душа не видѣла, обложитъ себя «паперомъ»,

книжками—читаетъ, пишетъ, «малюетъ», а не то — запоетъ пѣсенку или всплакнетъ втихомолку...

Случай переводитъ его сначала въ Вильну, потомъ въ Петербургъ. Живетъ на чужбинѣ, но въ душѣ своей бережно хранитъ образы родного края. Тотъ же счастливый случай сталкиваетъ его въ столицѣ съ человѣчнымъ землякомъ. Выкупъ изъ крѣпостной неволи, академія художествъ, кипучая работа, появленіе «Кобзаря», почетъ и слава...

Но судьба не ко всѣмъ одинаково милостива: одному лавры, а другому—терновикъ. На цѣлыхъ десять лѣтъ, въ расцвѣтѣ юныхъ силъ, обрекается затѣмъ поэтъ на безмолвіе. Солдатская шинель, грубые дядьки и командиры, «муштры», оторванность отъ друзей и родного края и это вынужденное бездѣйствіе кипучаго генія оказались слишкомъ чувствительными для существа, сотканнаго изъ души и нервовъ.

«Приходыть нычъ въ смердючу хату,
Осядутъ думы, розибьютъ
На стократъ серце и надію
И все на свити проженуть
И спынять нычъ: часы литамы,
Виками глухо потечуть...
И я кривавыми слезами
Не разъ постелю омочу...
Благаю Бога, щобъ свитало,
Мовъ воли—сонця, свиту жду»...

А придетъ день—

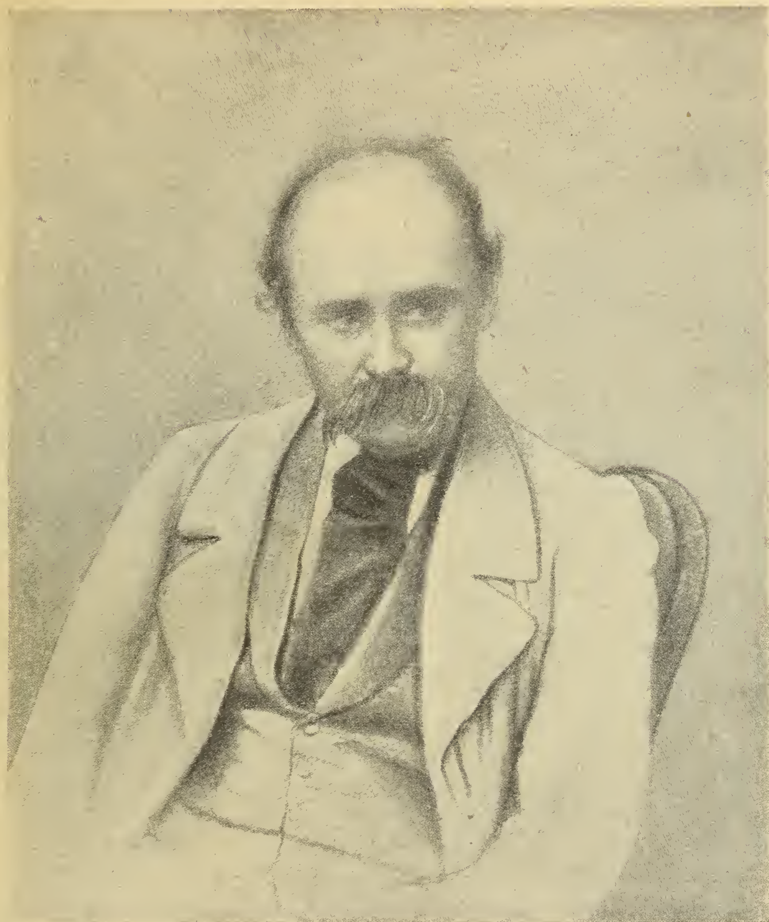
«Благаю Бога, щобъ смеркало,
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштроваты,
Шобъ знавъ, якъ волю шануваты»...

И такъ десять лѣтъ—десять лѣтъ оставался поэтъ наединѣ со своими тяжелыми думами,—то бодрился, то отдавался во власть самаго безнадежнаго отчаянія.

«Абы хочь крыхотку земли
Изъ-за Днипра мого святого
Святіи витры принеслы»—

думалъ онъ и день и ночь... Но Днѣпръ былъ далеко. Очень рѣдко оттуда вѣсточка перепадала. Чаще являлся онъ въ тревожныхъ снахъ....

Неволя оказалась слишкомъ губительной. Освобожденный «Прометей» вернулся къ жизни съ сильно помятыми крыльями. Слава не померкла, и работа спорилась. Но лично въ немъ чего-то существеннаго уже не оказалось.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Мое не злото—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали.

отобрали безвозвратно негостепріимныя оренбургскія степи... Поэтъ крѣпился, прихорашивался. Но замѣтить не трудно было, что жизнь его уже разбита, свѣтъ ея померкъ, краски потускнѣли... Въ разбитомъ сердцѣ, между тѣмъ, больнѣе отзывались стоны крѣпостного люда, мучительнѣе была скорбь о давно ожидаемой свободѣ, которая такъ долго не приходила. Къ этому прибавилось еще сознаніе своего полнаго одиночества, ощутительнѣе становилась потребность въ личной жизни. Хотѣлось имѣть въ родномъ краю «шматокъ» земли, собственную хатку, хотѣлось «одружыться», найти «людыну», которая хотя на склонѣ дней согрѣла бы наболѣв-

шую душу, утѣшила и слезу пролила... Но хатка что-то мѣшкотно «будовалась», а «людына» такъ и не объявилась. Явилось вино—неизбѣжный страшный «цѣлитель» всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ... Съ нимъ короталъ онъ остатокъ своей страдальческой жизни. 26-го февраля 1861 года, въ сорокъ седьмую годовщину жизни поэта, трепетное сердце его навѣки успокоилось...

Не стало поэта-страдальца, безжалостная смерть вырвала изъ среды общества рѣдкостной души человѣка—человѣка, который, умирая, въ правѣ былъ сказать про себя:

Мы просто йшлы—у насъ нема
Зерна неправды за собой...

Вотъ канва, по которой будущій историкъ будетъ вышивать тѣ или иные узоры. Богатое литературное наслѣдіе Шевченка тоже ждетъ еще своего истолкователя. Что касается насъ, то мы избираемъ болѣе скромную роль—роль обыкновеннаго паломника.

Пріятно укрыться иногда отъ надоѣдливаго шума городского въ тихой деревенской глуши, среди лѣсовъ, степей, подъ чистымъ сводомъ неба, упиться лучами солнца, надышаться запахомъ цвѣтовъ и сосновой смолы, забыться хоть на время отъ треволненій будничной жизни. Путешествіе изъ Кіева въ Каневъ для неприхотливаго городского труженика является тогда незамѣнимымъ. Отчалилъ огромный пароходъ отъ многолюдной пристани, прошелъ вдоль живописныхъ кіевскихъ высотъ и вдругъ врѣзался въ самую глубь зеленѣющихъ степей. Городъ скрылся за горами, его и не видать. Изъ груди невольно вырывается вздохъ облегченія. Точно тяжелый камень свалился вдругъ съ усталыхъ плечъ. Все тяжелое, гнетущее осталось позади, точно совсѣмъ его и не существовало. Одна лишь лаврская колокольня долго господствуетъ надъ горизонтомъ, напоминая, что гдѣ-то тамъ, въ этой туманной дали, бушуетъ не утихая опасный житейскій водоворотъ...

Впереди—степь и степь. Иногда точно изъ-подъ земли выростаетъ вдругъ гигантская гряда—подступила стѣной къ Днѣпру и опять затерялась гдѣ-то въ степи. За нею такъ же быстро промелькнула небольшая деревушка. Пахнуло дымомъ и дозрѣвающими овощами. Стая ребятишекъ съ непокрытыми головками высыпала на берегъ—бѣгутъ, кричатъ, машутъ ручонками; тутъ же въ травѣ, надъ обрывомъ расположилась группа «дивчатъ» и «молодыцъ», «лузаютъ» сѣмечки и провожаютъ пароходъ звонкимъ здоровымъ смѣхомъ. А тамъ пошли ужъ новыя картины...

Новыя встрѣчи, новыя лица, а темы, увы! стары, какъ не ново и все въ этомъ грѣшномъ мірѣ. У одного градомъ выложило хлѣбъ; у другого холера отняла жену и сына; третій самъ тщетно носится съ какимъ-то тяжелымъ недугомъ по всѣмъ знахарямъ, по мощамъ и святынямъ; четвертый скорбитъ о жестокосердіи и несправедли-

«Тарасова свитлиця».

вости людской... Всякъ по-своему плачется... И какъ все это давно ужъ извѣдано—слушать не хочется! Настроенъ думать, что хоть здѣсь, подъ этимъ яркимъ солнцемъ, нѣтъ мѣста страшнымъ египетскимъ казнямъ, что хоть на этомъ широкомъ просторѣ дышится привольно...

Отъ Кіева до Канева сто сорокъ верстъ. Еще далеко, а гдѣ-то тамъ на горизонтѣ уже повисли высокія прибрежныя «кручы». Крутой поворотъ рѣки—и Каневъ какъ на ладони. Но не онъ привлекаетъ общіе взоры—всѣмъ ѣдущимъ по Днѣпру уже извѣстно, что гдѣ-то здѣсь, въ этихъ зеленѣющихъ горахъ, покоятся усталыя кости поэта, что съ парохода видна и могила.

Пристань, за нею широкая песчаная плавня, чаща лозняку и ивы. Кучка бѣлоствольныхъ осокоровъ столпились у проѣзжей песчаной дороги, шепчутся шелковистой листвой, «неначе зъ витромъ розмовляють...» Вязко. Обувь черпаетъ желтый раскаленный песокъ, на платьѣ успѣли ужъ засѣсть цѣлыя гнѣзда цѣпкихъ волчковъ. Кусты и песокъ безъ конца. Побѣгать бы, порѣзвиться, какъ то было въ счастливую пору дѣтства!..

Городъ остался за спиною. Впереди широкая долина Днѣпра. Просторно, но самъ «Днипро» что-то замѣтно изсякаетъ. Еще недавно онъ протекалъ у подошвы горы, а теперь, собравъ свои скудныя воды въ неширокое песчаное русло, далеко ушелъ отъ нея. Поэтъ уже не слышитъ, «якъ реве ревучый...»

Повстрѣчался крестьянинъ.

«Привытались» да и разговорились.

— Вы на Тарасову гору?

— Да.

— Я такъ и думавъ. Много тутъ всякаго народу перебувае. Повернете цю скалу, тамъ вона и буде...

Мѣстный старожилъ: «бувъ уже добрымъ пастушкомъ, якъ Тараса ховалы». Привезли его изъ Кіева на пароходѣ. Большой черный гробъ, «китайкою покрытый». Съ нимъ наѣхало много «студентивъ и дивчатъ». Днѣпръ залегалъ тогда у самой горы и гробъ обвозили поэтому кружнымъ путемъ, «дубравой». «Студенты хотѣли было нести его на своихъ плечахъ, такъ «винъ имъ не дався». «Дивчата» впряглись и тянули повозку на самую гору. Студенты вырыли могилу, опустили гробъ и горсть по горсточкѣ засыпали. Окружили потомъ свѣжую насыпь и «довго щось гомоныли, и дивчата такъ гарно спивалы...»

Лично онъ Тараса не зналъ, «но много наслышался о немъ отъ «батькивъ». «Хитрый бувъ чоловикъ»: его ищутъ, а онъ сидитъ себѣ гдѣ-нибудь «у рыбалци и кашу варыть», выслѣдили—а онъ, глядишь, уже въ другомъ мѣстѣ...

Не разъ видалъ его въ гостяхъ у «пановъ». Всѣ «гомонять», а онъ сидитъ себѣ въ уголочкѣ и «мовчки люльку курыть». Но коль

надо гдѣ отрѣзать—отрѣжетъ такъ, что паны только плечами пожимаютъ. Не любилъ онъ ихъ, а за мужиковъ всегда стоялъ горою. Сердце къ нимъ имѣлъ хорошее. Денегъ кому надо—идутъ бывало къ нему. Никогда не откажетъ, да еще поговоритъ и «чарку» поставитъ... «А Днипро щось не взлюбывъ его—утикае...»

Гора, за нею другая. Въ тѣсной лощинкѣ ютится нѣсколько мазанокъ. Крохотныя, скромныя, но такія нарядныя, привѣтливыя! У каждой неизмѣнный садикъ, цвѣтникъ, огородъ. Молодая зеленая ива распустила свои гибкія вѣтви къ самой дорогѣ. Нагибайся, не нагибайся—а задѣнетъ и щекотно ударитъ по лицу. За нею гостепріимно тянется къ оградѣ дозрѣвающая вишня, манитъ прохожаго. Въ огородѣ—непроходимая чаща пестрыхъ цвѣтовъ и злаковъ. Воздухъ насыщенъ пряными запахами гвоздики и мяты. Тихо; не слышно гомону, не видать и людей. Точно рай ненаселенный...

Но вотъ и гора «Тараса». Чья-то заботливая рука проложила на вершину ея досчатыя ступеньки. Но подниматься утомительно тяжело. Цѣлая рощица молодыхъ березокъ всползла на склонъ горы. Стройныя, кудрявыя, тянутся онѣ кверху своими гибкими вершинами, точно и сами любопытствуютъ взглянуть. Тщетно. Онъ поднялся «выше лѣса стоячаго...» Вспорхнулъ и паритъ теперь въ высотѣ. У ногъ его Днѣпръ, лѣса и горы, у ногъ его вся Украина.

Надъ могилою высокій курганъ, а на немъ бѣлый чугунный крестъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. Надпись скромная: «Шевченко». Нѣсколько человѣкъ окружили могилу и, набожно обнаживъ головы, поютъ «Заповитъ». Заходящее солнце посылаетъ имъ свой прощальный привѣтъ. Небо ясное, ласковое. У края обрыва столпились густые кусты жимолости, барбарису и рябины. Какая-то пичужка тянетъ тамъ свою страстную мелодію. Неподалеку на косогорѣ раскинулся огромный лиственный лѣсъ. По сосѣдству съ нимъ, въ широкой волнистой ложбинѣ, желтѣютъ дозрѣвающіе хлѣба. Долины и холмы, а гдѣ-то тамъ внизу серебристой лентой извивается Днѣпръ. Высоко, горизонтъ раскрылся до безконечности, нѣтъ мѣры и границъ этому необъятному простору. Но странно: какъ тихо и пустынно вокругъ. Только здѣсь, подъ этимъ уединеннымъ крестомъ уже пятьдесятъ лѣтъ звучитъ не умолкая унылая пѣсня,—пѣсня народной скорби и печали... Когда-то пѣлъ ее онъ. Прошло много лѣтъ, а эта пѣсня все такъ же неизмѣримо тосклива. Она плачетъ о справедливости, о «ясной волѣ», живущихъ, какъ то было и при немъ, только въ мечтахъ народа...

Солнце еще разъ любовно оглянулось вокругъ и потонуло за горизонтомъ. Блеснула звѣзда, за нею другая, потомъ—милліоны, трепетныя, чистыя, какъ мысли дитяти... Выплыла луна, поднялась торжественно по небу и задумчиво повисла надъ горою. Это она когда-то вдохновляла поэта... Отъ рѣки повѣяло освѣжающей

влагой. Гдѣ-то цвѣты распустили свои головки и пролились тонкимъ опьяняющимъ ароматомъ... Откуда-то доносится сдержанный шопотъ ночной жизни, таинственной, непонятной, неуловимой—притаилась гдѣ-то и наполнила ночной полумракъ ровнымъ мягкимъ дыханіемъ... Тихо. Только эти вотъ, съ обнаженными головами, попрежнему священнодѣйствують у могилы.

Поховайте, та вставайте,
Кайданы порвите...

И въ словахъ этой пѣсни такъ много горькаго упрека, и въ широкой заунывной мелодіи ея такъ много неподдѣльной грусти...

Тихо. Могила безмолвствуетъ. Онъ усталъ и замолкъ. Слова и пѣсни замерли на устахъ... Но слышитъ ли? Извѣстно ли ему, что у насъ имѣются октябристы, дума третьяго созыва, Гучковъ, Марковъ, Пуришкевичъ?.. Эхъ, не потревожить бы усталыхъ костей!

Возлѣ могилы расположена небольшая сторожка типа украинскихъ мазанокъ. Здѣсь желающіе могутъ переночевать, получить чаю, молока, яицъ и прочей деревенской снѣди. Лѣтомъ гости никогда не переводятся. Одна изъ комнатъ посвящена памяти поэта; это—«Тарасова свитлиця». Здѣсь собрано исключительно то, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ жизни и дѣятельности великаго сына Украины. На видномъ мѣстѣ—портретъ поэта въ копіи съ полотна Рѣпина; фотографическіе снимки и фототипіи съ собственныхъ картинъ Шевченка и одна подлинная его работа, изображающая стараго сѣдоволосаго кобзаря; затѣмъ рѣдкостный экземпляръ его книги, листки, брошюры, старая разбитая бандура... Коллекція небогатая, но уголокъ обставленъ очень уютно. У Тараса много друзей: кто-то носитъ сюда букеты живыхъ цвѣтовъ, кто-то посыпаетъ полъ свѣжимъ душистымъ сѣномъ, кто-то разубралъ стѣны горницы пестрыми «ручныками», полотнами, платками, кто-то поддерживаетъ огонь въ лампадѣ предъ иконой Спасителя... Пахнетъ «чеберцемъ», мятой и свѣжими луговыми травами... Хорошо!.. А когда повиснетъ надъ горою глубокая ночь, когда заглянетъ въ неширокое оконце блѣдный лунный лучъ—кажется тогда, будто «онъ» здѣсь—живой, со своими пѣснями, со своими думами... Только пѣсни его какъ будто нѣсколько веселѣе, и думы не столь безотрадны... Хочется веселыхъ пѣсенъ, хочется веселыхъ думъ!..

Много у него посѣтителей. Наѣзжаютъ изъ Кіева, Варшавы, Риги, Перми, съ береговъ далекаго Урала. Но не всѣ являются съ одинаковыми побужденіями. Одни, какъ паломники, идутъ сюда на поклонъ, отдохнуть душою. А то все больше обыватель навѣщаетъ. Онъ опознается по тѣмъ слѣдамъ, какіе любитъ за собой оставлять: скамейки, досчатыя ступеньки къ могилѣ, желѣзная рѣшетка и даже крестъ испещрены надписями; книга же для посѣтителей представляетъ цѣлый кладъ для того, кто пожелалъ бы изу-

У могилы Т. Г. Шевченка.
Курганъ съ крестомъ.

чать психологію обывателя. «Туся», «Муся», «Зоя», Феня», «титулярный совѣтникъ такой-то», «проѣзжіе артисты», «четыре знаменитости города Переяслава», «Булы у тебе, батьку», «выпылы за твою душу», «выкупалысь...», «выспались...», «обнимались...» «цилувалысь». Много стиховъ и высокопарныхъ афоризмовъ. Не пощадили даже «Кобзаря», представляющаго библіографическую рѣдкость. И его запачкали отъ доски за доски. И чего тамъ только нѣтъ? Какой-то «поэтъ» изъ Прицковскаго свеклосахарнаго завода, что возлѣ Ржищева, посвящаетъ Т. Г. свой вдохновенный экспромтъ:

Довго ихавъ я до тебе
Зъ далекаго края,
И вернуться я отъ тебе
Не маю желанья.
Ихать буду я до тебе,
Мій батьку Тарасе,
И любыть тебя я буду
За всихъ въ свити краще.
Въ Черкассахъ я родывся,
А въ Прицкахъ служу,
И до тебе я добывся
На Вкраину дорогу.
Ты примы мене, Тарасе,
Бо до тебе я прійшовъ,
Ой якъ счастлывъ я у свити,
Що тебе, мій ридный батьку, я знайшовъ.

Александръ Липскій изъ Прицковскаго сахарнаго завода.

Далѣе слѣдуетъ еще приписка: «Якъ пысавъ я, то дрибными слезами скучавъ я за тобою, нехай тоби земля буде легка, мій дорогій поэте».

И эта галиматья вписана въ «Кобзарь», рядомъ съ «Гайдамаками» и «Катериной».

А вотъ еще экспромтъ:

Послала мене маты,
Да не зъ дому—до дому
На цилу недилю працювать
Да на хлибъ зароблять,
А я стою да гадаю
Якъ той насущный,
Люды, зароблять.

Е. Миронешко.

Стиховъ впрочемъ, мало—все больше вольный стиль:

«На великій кныэи великаго поэта руку прыложывъ такой-то...»

Но эта категорія посѣтителей, при всемъ томъ, еще терпима. Испачкали «Кобзарь»—это правда. Но видно все-таки, что люди въ моментъ своего пребыванія на могилѣ испытывали человѣче-

скія чувства, каковыя и запечатлѣли, какъ могли, чернымъ по бѣлому. Многіе изъ такихъ экспромтовъ очень даже хороши:

Спы, Тарасе, тыхо, тыхо,
Поки Богъ разбуде,
Твого слова Украина
По викъ не забуде.

Пріятны и такія слова.

Люблю тебе, батьку, за твою щиру правду...

Но такихъ экспромтовъ, къ сожалѣнію, очень немного—преобладаетъ обывательское перо, специфическое, пошлое:

Были, чай съ ромомъ пили, булку съ масломъ
Ѣли, о Тарасѣ сожалѣли, что онъ не былъ съ нами,
А лежалъ подъ камнями...

То же, но въ другой варіаціи:

Были, пили, ѣли, пѣли
И обратно улетѣли.

Или вотъ еще:

«Захотивъ и я зъ Варшавы пріихать до тебе, а якъ пріихавъ, то добре упывся и выкупався» ..

Какой-то инкогнито, вооружившись химическимъ карандашомъ, учинилъ на страницахъ злосчастнаго «Кобзаря» цѣлый дебошъ: писалъ, зачеркивалъ, опять писалъ и каждую почти замѣтку посѣтителя снабдилъ своеобразными реляціями. Кто-то пишетъ: «Удивительно, что въ книгѣ такого великаго поэта пишутъ такія глупости». А химическій карандашъ ему тутъ же отвѣчаетъ: «А я тебѣ скажу, что ты дуракъ». «Бувъ у тебѣ»—пишетъ другой. А карандашъ острктъ: «де, въ могили, чы може кумомъ, або батькомъ посажоннымъ». Третій высказываетъ сожалѣніе, что не умѣетъ складно писать стиховъ. «Бо мабуть ты дурный»—отвѣчаетъ ему тотъ же карандашъ. Или вотъ еще діалогъ: «Ѳедоръ Владимировичъ Ручкинъ изъ Кіева 10-го мая 1897 года. Просты, батьку, може лыхо зробылы на твоей могилы?» А химическій карандашъ отвѣчаетъ: «Ручкинъ дуракъ...»

Такъ вотъ какіе слѣды оставляетъ здѣсь большинство «паломниковъ». Такихъ образчиковъ можно привести безчисленное множество. Но для характеристики обывателя, полагаю, и этихъ достаточно.

Извѣстно, что даже дикари папуасы къ праху умершаго, будь то самый обыкновенный человѣкъ, относятся съ глубокимъ почетомъ и на могилу его налагаютъ священное «табу». Мы же и къ великимъ соотечественникамъ своимъ не умѣемъ отнестись по-человѣчески. Всю жизнь страдалъ поэтъ, вынесъ и высоко поднялъ народный стягъ... А должнаго почета своему праху такъ и не обезпечилъ. Идутъ и ѣдутъ—это хорошо. Но спросите:—зачѣмъ? Десятки не-

суть сюда свои наболѣвшія сердца, а тысячи—поглядите только: напьются, спьяна выругаются или всплакнуть, проспавшись, распишутся въ своемъ скудоуміи и пошлости и опять возвращаются къ своимъ обывательскимъ дѣламъ.

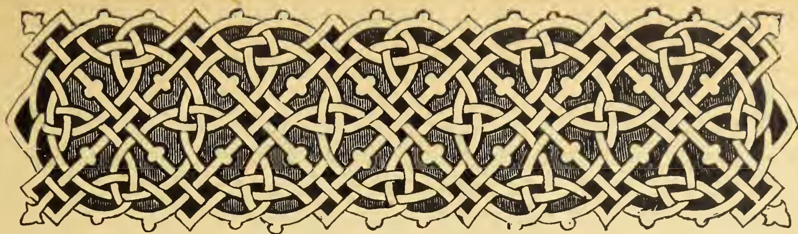
Шевченко—гордость Украины, и къ гробу его надлежало бы подходить съ болѣе высокими чувствами. Надлежало бы и могилу его обставить болѣе содержательно. Правда, она и такъ на рѣдкость интересна: и «кручы» высокія, и ширь необъятная, и Днѣпръ... Солнце свѣтитъ здѣсь какъ будто ярче обыкновеннаго, и небо и звѣзды точно совсѣмъ другія... Но все это—дары природы. «Диты» же этого великаго «батька» мало тутъ поработали: насыпали курганъ, водрузили крестъ, соткали дюжину полотнищъ и «ручныковъ», пожертвовали нѣсколько вѣночковъ да разбитую бандуру—и только. Съ нашими «пятью свободами» дальше этого трудно, положимъ, уйти. Извѣстно, напримѣръ, что на эту гору часто совершаетъ паломничество и полиція—вырываетъ изъ книги цѣлые листы съ записями, которыя почему-либо кажутся ей непозволительными, и въ скромной «свитлицѣ» поэта совершаетъ при этомъ обыскъ. Извѣстно также, съ какими трудностями добились украинцы разрѣшенія соорудить въ Кіевѣ памятникъ поэту. Противники этой идеи, пока еще не осуществленной, и теперь не сложили своего оружія. Извѣстно, опять-таки, какому безпощадному преслѣдованію подвергались долгое время украинскій театръ и литература. Да и теперь всякое ясно выраженное національное теченіе встрѣчаетъ въ «сферахъ» рѣшительный отпоръ. Не такъ давно закрыто, напримѣръ, симпатичное украинское общество «Просвита», оставившее замѣтные слѣды въ дѣлѣ духовнаго воспитанія народа, который, кстати сказать, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ условій, является въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ народовъ имперіи; сорокамилліонному населенію Украины не дано пока права обучаться въ школахъ родному языку, имѣющему свою литературу, свою исторію, и т. д.

При всемъ томъ и при данныхъ условіяхъ можно, какъ намъ кажется, оборудовать могилу поэта болѣе содержательно: открыть тамъ образцовую школу, музей, библіотеку или что-либо въ этомъ родѣ.

Шевченко—гордость трудового люда, и тѣ высокія «кручы», надъ которыми витаетъ безсмертный духъ его, не должны опаскуживаться грязной ногой обывателя... [1])

Петръ Кореневскій.

[1]) Фотографическіе снимки для настоящей статьи любезно предложены мнѣ чертежникомъ службы пути управленія Юго-Западныхъ жел. дор., истымъ украинцемъ Евгеніемъ Дмитріевичемъ Замирайло, за что считаю долгомъ объявить ему мое сердечное спасибо. Авторъ.

„ВЕСЬМА СЕКРЕТНОЕ“ ДѢЛО.

НОГО и часто толкуютъ въ газетахъ о военныхъ секретахъ.

Регламентировать секретныя сношенія невозможно, такъ какъ нельзя точно указать, какія свѣдѣнія должны почитаться секретными, а какія нѣтъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ и, между прочимъ, отъ данной политической обстановки: то, что сегодня не секретно, завтра можетъ составлять, дѣйствительно, тайну.

Поэтому каждому отдѣльному начальнику, отъ котораго исходитъ починъ переписки, предоставлено самому разбираться въ этомъ вопросѣ, какъ онъ хочетъ и какъ умѣетъ. Но если, паче чаянія, распоряженія или свѣдѣнія, которыя младшій начальникъ почтетъ не секретными, окажутся, по оцѣнкѣ старшаго начальника, заслуживающими тайны, то младшій, неминуемо, получитъ нахлобучку.

Вотъ почему, изъ осторожности, начальники наводняютъ канцеляріи массою секретныхъ бумагъ, вовсе не заслуживающихъ чести такъ именоваться. Иногда смыслъ этихъ секретовъ просто комиченъ.

Но нельзя же заставить людей вѣрить въ безсмыслицу, и потому сакраментальныя слова «секретно» и «весьма секретно» утратили мало-по-малу всякое значеніе, и если въ управленіяхъ получится дѣйствительно секретное дѣло, то на это обыкновенно обратятъ вниманіе только тогда, когда не только офицеры, но и

писаря хорошо съ нимъ ознакомятся и разболтаютъ правительственную тайну.

Позволю себѣ привести случай, въ которомъ мнѣ пришлось принять непосредственное участіе.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія я занимался перевооруженіемъ арміи трехлинейными винтовками.

Однажды, кажется, въ 1893 г., ко мнѣ въ кабинетъ, въ управленіи, вошелъ генералъ П. и обратился съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, вы отправляете берданки съ патронами въ Абиссинію?

— Нѣтъ, не я. На мнѣ лежитъ перевооруженіе арміи трехлинейными винтовками, а все касающееся 4,2-линейныхъ винтовокъ и патроновъ къ нимъ передано въ 4-ое отдѣленіе главнаго артиллерійскаго управленія.

— Ну, такъ пойдемте въ это отдѣленіе и помогите мнѣ. Вѣдь я у васъ, какъ въ лѣсу,—сказалъ П.

Я охотно согласился, и мы отправились.

Нужно сказать, что 4-е отдѣленіе помѣщалось въ одной очень большой комнатѣ, въ которой работали вмѣстѣ и офицеры и писаря.

Когда мы вошли, всѣ почтительно встали и съ недоумѣніемъ вперили въ насъ глаза.

Что, молъ, нужно двумъ генераламъ, а особенно тому, который служитъ въ постороннемъ вѣдомствѣ?

Но П. не заставилъ ихъ долго ждать разрѣшенія загадки.

— Получили ли вы секретное предписаніе объ отправкѣ 30,000 берданокъ и 6 милліоновъ (сколько помню) патроновъ къ нимъ въ Абиссинію?—громогласно провозгласилъ П., и на лицахъ офицеровъ и писар й выразилось крайнее изумленіе. Нѣкоторые переглядывались.

Когда начальникъ отдѣленія доложилъ, что такого предписанія онъ не получалъ, П.. заявилъ:

— Ну, такъ получите сегодня или завтра, и, господа, пожалуйста, поторопитесь. Для того, чтобы ускорить отправку, военный министръ и послалъ меня къ вамъ.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ способомъ, который употребилъ почтенный генералъ для передачи секрета; но не счелъ себя въ правѣ выразить ему мое недоумѣніе, и мы распрощались.

Визитъ нашъ въ 4-ое отдѣленіе заинтересовалъ все главное артиллерійское управленіе.

Весьма многіе подходили ко мнѣ съ вопросами:

— Скажите, пожалуйста, когда отправятъ въ Абиссинію сто тысячъ винтовокъ и 50 милліоновъ патроновъ?

— Кого изъ артиллеристовъ командируютъ съ абиссинскимъ транспортомъ?

— Какъ исчислять ему прогоны и дадутъ ли суточныя деньги?— и тому подобный вздоръ.

По самому свойству вопросовъ не сомнѣваюсь, что черезъ недѣлю полгорода знало уже эту тайну, да еще и въ извращенномъ, преувеличенномъ видѣ.

Дней черезъ пять-шесть послѣ описанной въ 4-омъ отдѣленіи сцены я получилъ отъ военнаго министра записку съ предложеніемъ немедленно явиться къ нему.

Конечно, я поспѣшилъ исполнить приказаніе и засталъ Петра Семеновича Ванновскаго разгуливающимъ по кабинету.

— Я пригласилъ васъ,—началъ онъ:—чтобы просить принять на себя дѣло, вовсе не касающееся перевооруженія, но требующее поспѣшности и, главное, безусловной тайны.. Я поручилъ его сперва генералу П., какъ относящееся ближе всего къ его обязанностямъ; но онъ ничего не умѣетъ сдѣлать толково, да къ тому же и болтунъ.

Я молчалъ, предугадывая, къ крайнему неудовольствію, куда клонится рѣчь Ванновскаго, который продолжалъ:

— Прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, я долженъ объяснить вамъ, какія затѣялись у насъ дипломатическія сношенія съ Абиссиніей. Нашъ отставной корнетъ, или поручикъ, право, не помню, Леонтьевъ, малый неглупый и очень, очень шустрый, пробрался къ эѳіопскому царю Менелику, полюбился ему и пріѣхалъ теперь сюда хлопотать у министра иностранныхъ дѣлъ о сближеніи Россіи съ Абиссиніей и объ отправкѣ туда посольства. Сначала это ему не удавалось, но теперь, кажется, дѣло пошло на ладъ, и Леонтьевъ торжествуетъ.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно,—снова заговорилъ Петръ Семеновичъ:—какое жестокое пораженіе нанесли абиссинцы итальянской арміи, несмотря на то, что лишь небольшая часть эѳіопскихъ войскъ имѣетъ старыя французскія ружья системы Гра, а большинство вооружено мечами и копьями. Прибавлю къ этому, что абиссинцы страстно любятъ огнестрѣльное оружіе и ухаживаютъ за нимъ, какъ за драгоцѣнностью; но денегъ у нихъ на покупку винтовокъ нѣтъ. Вотъ Леонтьевъ и затѣялъ, чтобы привлечь къ намъ негуса Менелика, пріобрѣсти ненужныя намъ теперь берданки, хоть 30,000, и 6 милліоновъ патроновъ къ нимъ. Признаюсь, я сочувствую намѣреніямъ Леонтьева и охотно уступаю и винтовки и патроны по дешевой цѣнѣ: по 2 рубля 40 копеекъ за винтовку и по 10 рублей за тысячу патроновъ [1]). Чтобы сохранить внѣшность, официальнымъ покупщикомъ явится не русскій подданный Леонтьевъ, а подставное лицо, какой-то бельгіецъ.

---

[1]) Считаю долгомъ сказать, что цѣны эти я проставилъ на память, и онѣ, можетъ быть, не точны, но это не нарушаетъ основного смысла статьи.

— Теперь вы понимаете,—снова заговорилъ Ванновскій:—какъ важно, чтобы никто, рѣшительно никто не узналъ о нашей сдѣлкѣ съ Леонтьевымъ. Вѣроятно, итальянцы, оправившись, снова затѣятъ войну и посмотрятъ, конечно, на нашу помощь абиссинцамъ, какъ на враждебное дѣйствіе. Не сомнѣваюсь, что итальянское посольство въ Петербургѣ слѣдитъ за каждымъ шагомъ Леонтьева и весьма можетъ быть, что его транспортъ оружія будетъ гдѣ-нибудь перехваченъ, а это крайне нежелательно. Завтра утромъ у васъ будетъ Леонтьевъ. Поговорите съ нимъ, условьтесь обо всѣхъ подробностяхъ и, въ случаѣ недоразумѣній, пріѣзжайте ко мнѣ или пишите записки. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Съ Богомъ, желаю успѣха.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — остановилъ я Петра Семеновича, который уже хотѣлъ со мной распрощаться:— главнымъ условіемъ этого дѣла вы ставите тайну, но тайна уже нарушена. Я не хочу брать на себя чужую вину, хотя даю вамъ слово, что въ дальнѣйшей перепискѣ примутъ участіе только я, полковникъ X. и состоящій при мнѣ офицеръ Ц. Конечно, молчать мы будемъ, какъ рыбы, и бумаги будемъ писать своими руками. Ни одного писаря я къ дѣлу не допущу. Можетъ быть, придется сообщить секретъ начальнику петербургскаго склада, который будетъ укупоривать и отправлять винтовки и патроны, но въ немъ я увѣренъ: это человѣкъ почтенный.

— Такъ почему же вы говорите, что тайна нарушена?—спросилъ Ванновскій, и въ его глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ.

Тогда я разсказалъ ему визитъ генерала П. въ 4-ое отдѣленіе и его послѣдствія.

Ванновскій вспыхнулъ, выругалъ заочно П., не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и закончилъ фразой, твердо засѣвшей въ моей памяти:

— Если П. появится въ главное артиллерійское управленіе, гоните его вонъ въ шею.

— Какъ! генерала въ шею?—спросилъ я, невольно улыбаясь.

— Да, въ шею, въ шею, въ шею!—закричалъ Петръ Семеновичъ и пошелъ къ столу заниматься.

Спѣшу прибавить, что генералъ П. не появлялся болѣе въ главномъ артиллерійскомъ управленіи. Полагаю, что Ванновскій не оставилъ его милостивымъ внушеніемъ.

На другой день моего визита къ военному министру ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ Николай Степановичъ Леонтьевъ.

Это былъ высокій, широкоплечій мужчина въ расцвѣтѣ лѣтъ, могучаго сложенія, съ пріятнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ немного заикался, что не мѣшало его бесѣдѣ быть весьма интересной.

Мнѣ было странно слышать отъ нашего отставного поручика, получившаго скромное образованіе въ окружномъ юнкерскомъ учи-

лицѣ, не имѣвшаго завѣдомо ни состоянія, ни громкаго имени, какіе смѣлые разговоры въ пользу Абиссиніи онъ велъ съ итальянскимъ, французскимъ и нашимъ министерствами иностранныхъ дѣлъ и какія препятствія онъ встрѣчалъ у послѣдняго для сближенія Россіи съ имперіей Менелика. А этому сближенію онъ приписывалъ большое политическое значеніе при нашихъ тогдашнихъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Англіи и при тѣхъ замыслахъ, которые, справедливо или нѣтъ, приписывали у насъ Сентъ-Джемскому кабинету.

Впрочемъ, распространяться объ этомъ я не буду. Н. С. Леонтьевъ въ рядѣ интересныхъ статей, помѣщенныхъ, незадолго до смерти, въ лѣтнихъ нумерахъ «Новаго Времени» 1910 года, прекрасно выяснилъ этотъ вопросъ. Замѣчу только, что въ бесѣдѣ нашей о сношеніяхъ его съ великими міра сего не проглядывало у Леонтьева ни малѣйшаго самохвальства, и я вѣрилъ ему.

Съ этого времени Леонтьевъ часто заѣзжалъ ко мнѣ, и я работалъ, съ двумя моими сотрудниками, полковникомъ Х. и штабсъ-капитаномъ Ц., охотно и усердно.

Только разъ, уже не помню, по какому именно вопросу, Леонтьевъ разгорячился и позволилъ себѣ возвысить голосъ; но я объявилъ ему, что не обязанъ, по своему служебному положенію, заниматься отправкою оружія и если онъ еще разъ разгорячится некстати—я поѣду къ военному министру и откажусь отъ возложеннаго имъ на меня порученія. Николай Степановичъ извинился, и съ тѣхъ поръ мы были, до конца дѣла, въ наилучшихъ отношеніяхъ...

Привозилъ ко мнѣ изрѣдка Леонтьевъ француза Шефнё, человѣка мрачнаго и антипатичнаго. Онъ, кажется, провелъ въ Абиссиніи много лѣтъ и пользовался полнымъ довѣріемъ Менелика.

Этотъ Шефнё, черезъ бельгійскаго консула, нашелъ подставного покупщика и велъ съ нами весь финансовый расчетъ.

Въ теченіе, кажется, двухъ-трехъ недѣль всѣ распоряженія, зависѣвшія отъ военнаго министерства, были окончены, и наши берданки съ патронами перешли въ обладаніе Леонтьева.

Чтобы замести слѣды, буде итальянское посольство слѣдило за дѣйствіями довѣренныхъ Менелика, оружіе и патроны были посланы петербургскимъ артиллерійскимъ складомъ по желѣзной дорогѣ въ Либаву и тамъ погружены на частный пароходъ, отправлявшійся съ какимъ-то товаромъ въ Голландію. Въ Роттердамѣ винтовки и патроны были переданы секретно на судно, имѣвшее назначеніемъ островъ Яву, но которое должно было по дорогѣ ночью свернуть въ заливъ Джибути, быстро выгрузить отправленные нами негусу боевые припасы и затѣмъ уже продолжать путь на Зондскіе острова.

Какъ извѣстно, итальянскія военныя суда зорко слѣдили за безобиднымъ, повидимому, купцомъ, схватили его при входѣ въ бухту Джибути и конфисковали нашъ транспортъ.

Такъ неудачно окончилось это предпріятіе Леонтьева.

Года черезъ два, послѣ заключенія Италіей мира съ Абиссиніей, проданное нами негусу оружіе было ему возвращено.

Невозможно, конечно, узнать, въ какой именно моментъ секретъ Леонтьева сталъ извѣстенъ итальянцамъ.

Какъ онъ самъ предполагалъ, за нимъ стали слѣдить со дня его выѣзда изъ Италіи въ Россію; но, можетъ быть, итальянскіе соглядатаи въ Петербургѣ и не узнали бы о дѣятельности его въ военномъ министерствѣ, если бы у насъ было поменьше людей, настолько откровенныхъ, какъ генералъ П.; а слишкомъ откровеннымъ онъ былъ, конечно, единственно потому, что смыслъ слова «секретно» въ военномъ мірѣ вполнѣ профанировано.

Я увѣренъ также, что Ванновскій не переговорилъ лично съ П. и не выяснилъ ему дѣла такъ, какъ онъ сдѣлалъ это мнѣ, а ограничился предписаніемъ, на которомъ значилось—«секретно».

Въ заключеніе не могу умолчать, что я, полковникъ Х. и штабсъ-капитанъ Ц. получили, по протекціи Леонтьева, абиссинскіе ордена Соломона трехъ степеней.

Какъ говорили, Николай Степановичъ самъ и выдумалъ этотъ орденъ, чтобы по дешевымъ цѣнамъ ублажать тѣхъ, которые окажутъ ему услуги.

Мой орденъ, генеральскій,—ажурная золотая звѣзда съ крупнымъ аметистомъ въ центрѣ, на желтой лентѣ черезъ плечо,—казавшійся сначала очень красивымъ, представляетъ теперь чрезвычайно жалкій видъ. Звѣзда оказалась серебряной, дурно вызолоченной, облѣзла и почернѣла, а чудный аметистъ признанъ ювелирами простымъ стекломъ.

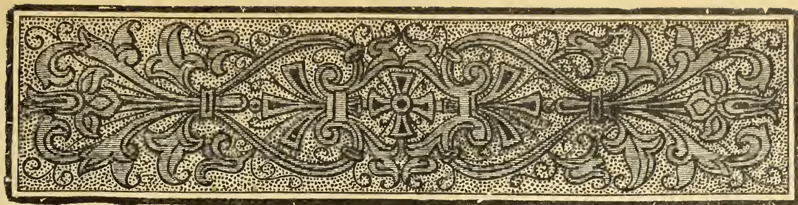
Надо думать, что и болѣе скромные ордена моихъ сотрудниковъ, Х. и Ц., сдѣланы не изъ лучшаго матеріала.

Да и гдѣ было бѣдному негусу, въ имперіи котораго, по крайней мѣрѣ въ то время, расплачивались, вмѣсто золота и серебра, плитками соли, достать денегъ для украшенія иностранцевъ дорого стоящими знаками отличія.

Признаюсь, что я лично не просилъ разрѣшенія носить орденъ Соломона и не имѣю права числиться его кавалеромъ.

П. А. Крыжановскій

ПАМЯТИ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

Въ НОЧЬ съ 28 на 29 декабря минувшаго года отошелъ въ вѣчность одинъ изъ ветерановъ нашей литературы, заслуженный писатель и послѣдній представитель редакціонной семьи «Отечественныхъ Записокъ», Александръ Михайловичъ Скабичевскій. Въ преддверіи новаго года пришлось опустить на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища стараго личнаго друга, дать ему послѣднее земное лобзаніе и сказать на свѣжей его могилѣ послѣднее «прости». Для меня эта грустная страница жизни не была чѣмъ-нибудь неожиданнымъ, поразившимъ своею внезапностью; я ждалъ кончины Скабичевскаго, присутствовалъ при постепенномъ ликвидированіи имъ земного существованія и еще за день, сидя вечеромъ у изголовья больного и бесѣдуя съ нимъ на разныя житейскія темы, прекрасно сознавалъ, что предо мною свѣча писательской жизни догораетъ и что для дальнѣйшаго процесса горѣнія нѣтъ уже болѣе матеріала—болѣзнь поглотила всѣ соки организма и было лишь больно наблюдать, какъ человѣкъ страдаетъ и тщетно хватается за призраки возможнаго спасенія. Послѣдняго не было, и консультировавшіе по моей просьбѣ врачи еще недѣлю назадъ установили, что остановить старческое истощеніе не представляется возможнымъ. Я простился съ старымъ другомъ, съ которымъ жизнь спаяла меня на двадцать лѣтъ, при обстоятельствахъ, о которыхъ скажу ниже, а подъ утро 29 декабря телеграмма оповѣстила меня, что Скабичевскаго не стало. Онъ уснулъ еще днемъ 28-го числа, дыханіе было тихое, ровное,

видимо, страданіе улеглось; больной не просыпался; только ночью замѣтно было, что это дыханіе становится все тише, тише, а къ исходу третьяго часа утра передъ присутствующими обрисовался вытянувшійся, охолодѣлый и бездыханный трупъ.

Мнѣ удалось пріѣхать въ Павловскъ, гдѣ въ послѣдніе годы постоянно обиталъ Скабичевскій, лишь къ вечеру. Какимъ прекраснымъ лежалъ онъ на своемъ смертномъ одрѣ съ раскинутыми по плечамъ сѣдыми кудрями, со спокойнымъ, величавымъ выраженіемъ осунувшагося мертваго лица,—тѣмъ выраженіемъ, которое такъ ясно говорило, что здѣшнее земное кончилось и началось что-то новое, нами невѣдомое и нами непознаваемое...

Кругомъ со стѣнъ взирали на своего собрата портреты представителей отечественной литературы, пріявшіе его нынѣ въ свой загробный сонмъ. Въ комнатѣ стояла жуткая тишина; въ окна заглядывали послѣдніе лучи догорающаго сѣвернаго дня... Прощай, старый другъ!.. Спи спокойно... Ты много въ жизни потрудился, имѣешь право отдохнуть...

Полузабытый писатель, почти всѣми друзьями по литературѣ оставленный, онъ пережилъ свою въ свое время широкую извѣстность и вдали отъ шума людского въ послѣдніе два года доживалъ свой вѣкъ въ кругу тѣснаго семейнаго круга, его любившаго, холившаго, всѣми силами и средствами старавшагося облегчить давній, но таинственный недугъ и все надѣявшагося вернуть къ жизни, продлить дни стараго заслуженнаго писателя. И онъ самъ надѣялся, что вотъ-вотъ облегченіе, благодаря медицинской помощи, настанетъ и возможно будетъ еще пожить, погрѣться на солнцѣ и на людяхъ, съѣздить куда-нибудь на Кавказъ или за границу и стать здоровымъ.

— Вотъ наступитъ весна, поѣду на Кавказъ или, еще лучше, за границу на воды и, авось, поправлюсь,—такъ, испытующе взирая на меня, говорилъ онъ.

Но вскорѣ опять мрачныя предчувствія его охватывали, и онъ съ отчаяніемъ повторялъ:

— Нѣтъ, видимо, мнѣ не поправиться. Пора умирать.

Я и окружающіе старались разсѣять его грустныя мысли и вмѣстѣ съ нимъ строили предположенія о его поѣздкѣ за границу. Но это были, конечно, иллюзіи, тѣ необходимыя утѣшенія, которыя съ завѣдомою ложью преподносятся больному, дабы вызвать въ немъ приливъ самочувствія, пробудить самогипнозъ. Близость вѣющей надъ старикомъ смерти мнѣ особенно бросилась въ глаза въ одно изъ осеннихъ моихъ посѣщеній его. Мнѣ дали знать, что А. М. слабъ, страдаетъ и очень хочетъ меня повидать. Я случайно сообщилъ встрѣтившемуся одному писателю о плохомъ состояніи здоровья критика, и на слѣдующій день въ газетахъ появилось краткое извѣщеніе о его болѣзни. Когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, сюда же

къ нему пріѣхали напуганные газетными извѣстіями жившіе тамъ же на дачѣ писатели—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. И. Рихтеръ, С. Н. Южаковъ. Больной всѣмъ намъ обрадовался, принималъ самое дѣятельное участіе въ бесѣдѣ, шутилъ, смѣялся, но, видимо, былъ крайне утомленъ образовавшимся кругомъ, дружескимъ шумомъ за вечернимъ столомъ съ его неизмѣнными закусками и питіями. И вотъ въ разгаръ бесѣды я случайно остановилъ свой взглядъ на хозяинѣ и сразу почувствовалъ какой-то внутренній холодъ: передо мною сидѣлъ живой покойникъ, съ заострившимся носомъ, окостенѣлымъ взоромъ и впалымъ посинѣлымъ ртомъ. «Такіе не живутъ долго, ихъ часъ уже приближается», подумалъ я тогда же, но этотъ часъ растянулся еще на нѣсколько мучительныхъ мѣсяцевъ, мѣсяцевъ борьбы за жизнь и угасанія. Больной лишился совершенной возможности принимать пищу, чувствовалъ къ ней полное отвращеніе и злобу и только подъ усиленными уговорами близкихъ, послѣ капризовъ и брюзжанія соглашался проглотить одну-другую ложку жидкой пищи, полчашки какао или кусочекъ размягченной мясной или рыбной ѣды, да и то отъ нихъ скоро началъ чувствовать тошноту и задыханіе. Эта борьба за ѣду и съ ѣдою были просто драматичны и вызывали чувство состраданія. Былъ созванъ консиліумъ, но врачи въ точности не могли поставить діагноза болѣзни и лишь констатировали, что въ больномъ писателѣ угасаютъ силы и наблюдается усиленное истощеніе организма; тѣмъ не менѣе они не усматривали присутствія зловѣщаго рака. А казалось, что именно эта ужасная болѣзнь подтачиваетъ силы больного и лишаетъ его возможности принимать пищу. Шло лѣто, надвинулась осень, а больному становилось все хуже и хуже, и близкія къ нему лица съ грустью наблюдали, что отъ полнаго, нѣсколько ожирѣвшаго писателя оставалась лишь грустная тѣнь - тоскующая, тяготящаяся жизнью, но все же страстно желающая жить и даже возлагающая какія-то смутныя надежды на будущую весну.

Работать перомъ Скабичевскій уже болѣе года назадъ не былъ въ состояніи. Его автобіографическія записки, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1910 г., были имъ написаны еще въ первый половинѣ предшествовавшаго года, да и то написаны съ нѣкоторымъ трудомъ, съ моими понужденіями и понуканіями. Вручая мнѣ эти свои воспоминанія, онъ самъ категорически заявилъ, что здѣсь поставлена точка его литераторству и что болѣе ему уже не придется бесѣдовать съ читателями. Я дѣлалъ попытки подбодрить его, заставить его взяться за перо, имѣя въ данномъ случаѣ въ виду главнымъ образомъ нужный ему заработокъ и, пожалуй, въ нѣкоторомъ отношеніи достигъ цѣли. Онъ сдѣлалъ надъ собою насиліе и прислалъ мнѣ въ началѣ января 1910 г. небольшой разсказъ при слѣдующей запискѣ: «Дорогой Борисъ Борисовичъ!

ждалъ васъ всѣ святки, да такъ и не дождался, а посему посылаю вамъ обѣщанную повѣстушку, которую я наконецъ кончилъ. Посылаю ее вамъ безъ всякой надежды на помѣщеніе, и лишь на вашъ строгій судъ. Дѣло не въ томъ, годится ли она или нѣтъ для «Историческаго Вѣстника»,—но если бы и годилась, я все-таки сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли выступить вдругъ въ печати въ качествѣ беллетриста съ такою дрянью? Не выйдетъ ли посрамленіе моего какого ни на есть имени? Вотъ вопросъ, какой я предоставляю на ваше обсужденіе, жду отвѣта».

«Amicus Plato, sed magis amica veritas»—гласитъ латинская мудрость, и, слѣдуя ей, съ одной стороны, а съ другой, жалѣя именно литературное имя писателя, я не нашелъ возможнымъ передать С. Н. Шубинскому присланный разсказъ и вернулъ его автору—вещь была слабая и могла найти мѣсто въ печати лишь въ качествѣ курьеза, дающаго поводъ критикѣ позубоскалить надъ бѣднымъ старикомъ. А нельзя не отмѣтить, что чѣмъ болѣе Скабичевскій отходилъ еще при жизни, такъ сказать, въ эпоху прошлаго, это зубоскальство становилось все обиднѣе и жестче. Пока онъ былъ еще на своемъ посту еженедѣльнаго критика на столбцахъ «Новостей», лѣтъ десять тому назадъ, его остерегались какъ-никакъ трогать, а когда онъ выбылъ изъ дѣйствующаго журнальнаго строя и лишенъ былъ возможности «огрызнуться» и дать отпоръ, противники его осмѣлѣли и распоясались въ своихъ недоброжелательныхъ отношеніяхъ къ нему. Это обстоятельство его огорчало и, между прочимъ, послужило однимъ изъ обстоятельствъ, почему онъ категорически отвергъ предложеніе мое и тоже нынѣ покойнаго С. Н. Южакова, а также М. А. Антоновича, устроить ему литературный фестиваль по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, исполнившагося въ февралѣ 1909 г. По сему предмету онъ писалъ мнѣ, въ связи съ вопросомъ о неполученіи имъ отвѣта отъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ на поданное имъ прошеніе о назначеніи пенсіи: «отсутствіе какого бы то ни было извѣстія отъ васъ о моей участи невольно заставляетъ меня предполагать, что въ просьбѣ моей мнѣ отказано. При этомъ передо мною снова встаетъ мрачный призракъ предчувствія, что юбилей мой ничего не обѣщаетъ мнѣ, какъ лишь рядъ скандаловъ, которые мнѣ придется испытать ни съ того, ни съ сего. Особенно если принять во вниманіе, какое несмѣтное число враговъ нажилъ я въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, въ лицѣ какъ тѣхъ беллетристовъ и поэтовъ, которыхъ я осмѣялъ, такъ и тѣхъ, которыхъ я возвеличилъ, но не въ такой степени, какъ они ожидали. Они молчали и только скрипѣли зубами, пока я работалъ, а теперь вотъ набросятся они на меня беззащитнаго! Да и вообще до юбилея ли мнѣ, когда меня снѣдаетъ мысль, что мнѣ приходится жить на хлѣбахъ изъ милости... А я вотъ какой

нынѣ работникъ; не въ силахъ написать небольшое письмо иначе, какъ на ремингтонѣ вслѣдствіе такъ называемаго «писчаго спазма». Да и кто пойдетъ на юбилей всѣми забытаго рецензента?»

Празднованіе юбилея дѣйствительно не состоялось и главнымъ образомъ вслѣдствіе опасности для здоровья виновника предположеннаго торжества. Сначала его отсрочили до осени и, когда А. М.

Александръ Михайловичъ Скабичевскій.

получилъ увѣдомленіе объ этой отсрочкѣ, то онъ мнѣ писалъ: «Что касается отсрочки моего юбилея до осени, то я не только ничего не имѣю противъ этого, а, напротивъ, очень радъ, такъ какъ предстоящее торжество производитъ на меня впечатлѣніе труднаго и страшнаго экзамена, и я, какъ лѣнивый и трусливый школяръ. радъ, что экзаменъ отлагается на неопредѣленное время».

Въ приведенныхъ строкахъ изъ писемъ, вѣроятно, кое-что читателямъ неясно—я забѣжалъ нѣсколько во времени біографическаго изложенія впередъ, а потому начну съ начала, съ той біографической канвы, которая не попала въ воспоминанія Скабичевскаго, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но которую необходимо возстановить изъ другого литературнаго источника. Такихъ источниковъ нѣсколько. Своей автобіографіей скончавшійся критикъ не разъ дѣлился съ читателями, то въ фельетонахъ, появлявшихся въ «Новостяхъ» за 90-е годы минувшаго столѣтія и потомъ вошедшихъ въ полное собраніе его «Сочиненій», то въ «Воспоминаніяхъ о пережитомъ», появившихся въ трехъ книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1908 г., то въ автобіографіи, написанной имъ для словаря С. А. Венгерова [1]). Я воспользуюсь данными изъ послѣдняго очерка, въ интересахъ экономіи мѣста и дабы имѣть возможность скорѣй перейти къ той половинѣ жизни писателя, которая почти цѣликомъ протекла на моихъ глазахъ и которая не вошла въ воспоминанія, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ»; но замѣчу, что автобіографія, нашедшая себѣ пріютъ въ «Русскомъ Богатствѣ», представляетъ по силѣ писательскихъ красокъ литературное явленіе значительное: такъ живо, сочно и красочно она написана. Когда я прочелъ ее, я не могъ не замѣтить Скабичевскому:

— Vous avez manquez votre vocation — вы отъ природы родились беллетристомъ, а по игрѣ судьбы стали критикомъ и публицистомъ.

— Нѣтъ—отвѣтилъ онъ мнѣ:—такъ это вышло, вылилось изъ сердца. Всѣ мои беллетристическіе опыты оказывались неудачными, и даже вы,—добавилъ онъ съ ласковой шуткой,—меня, какъ беллетриста, еще на дняхъ забраковали.

Въ своей автобіографіи для С. Венгерова онъ записалъ:

«Родъ мой со стороны отца произошелъ изъ Польши, откуда онъ въ незанамятныя времена (до присоединенія Малороссіи) переселился въ Черниговскую губернію, въ Новгородъ-сѣверскій уѣздъ, обрусѣлъ со временемъ, измѣнилъ свою фамилію изъ Скабицкихъ въ Скабичевскіе и изъ шляхтичей превратился въ казаки.

«Еще ближайшіе мои предки при Екатеринѣ II носили казацкія званія есауловъ, сотниковъ и пр. Дѣдъ мой былъ бѣдный хуторянинъ и подъ конецъ жизни дошелъ до полнаго разоренія и безпріютности, потерявъ послѣдній клочокъ земли, которымъ владѣлъ. Отецъ мой кончилъ курсъ въ новгородъ-Сѣверской гимназіи и, чувствуя страсть къ математикѣ, въ 1826 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью поступить въ университетъ на математическій факультетъ, но не выдержалъ вступительнаго экзамена изъ языковъ и принужденъ былъ поступить на канцелярскую службу, въ кото-

---

[1]) Она послѣ смерти А. М. напечатана въ «Рѣчи» (1910 г., № 357).

рой онъ и состоялъ въ качествѣ регистратора въ сенатѣ почти до своей смерти. Въ 1836 году онъ женился на одной изъ многочисленныхъ дочерей мелкаго художника Ив. Войнова, занимавшаго какую-то административную должность при академіи художествъ, женщинѣ малообразованной и едва грамотной. Въ 1838 году отъ этого брака и родился вашъ покорнѣйшій слуга, въ Семеновскомъ полку близъ Царскосельской желѣзной дороги. Дѣтство и молодость провелъ я на Петербургской сторонѣ, въ маленькомъ домишкѣ въ Никольской (теперь Звѣринской улицѣ), доставшемся моей матери отъ отца ея. Это была жизнь совершенно провинціальная, захолустная, не имѣющая ничего общаго со столичной.

«Вѣчная борьба съ бѣдностью, замкнутость и гнетущая скука. Никакихъ новостей и извѣстій общественной жизни не доходило до маленькаго домика на Никольской. Здѣсь вѣрили въ домовыхъ и колдовство, и не только вѣрили, а видѣли ихъ, и я въ томъ числѣ, а что касается до колдовства, то моя родная тетка при моихъ глазахъ была испорчена золовкой и умерла, сойдя съ ума на другой день послѣ своей свадьбы. Неграмотнымъ я себя не помню, но книгъ доходило мало въ это захолустье среди столичнаго шума... Первая книга, какую я читалъ, это былъ «Жильблазъ» Лессажа въ старинномъ переводѣ временъ Елизаветы. Это былъ толстѣйшій фоліантъ въ кожаномъ переплетѣ, и въ то время, какъ я его читалъ съ первыхъ страницъ, послѣднія истреблялись на различныя надобности. Изрѣдка доходили до меня разрозненныя книжки старыхъ журналовъ въ родѣ «Благонамѣреннаго», «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина, альманаховъ 30-хъ годовъ, «Иллюстраціи» Кукольниковской редакціи и «Аракула Чародѣя», не выходившаго изъ моихъ рукъ. Въ 1848 году я поступилъ въ ларинскую гимназію. Здѣсь горизонтъ моей умственной жизни началъ расширяться. На сцену являются Жуковскій и Пушкинъ, и послѣдній приводитъ меня въ такой восторгъ, что 13-ти лѣтъ я и самъ вообразилъ себя Пушкинымъ и началъ писать стихи и мелкіе, и крупные, до поэмъ въ нѣсколько тысячъ стиховъ. Въ мои руки начали попадаться книжки «Библіотеки для чтенія» Сенковскаго, «Отечественныхъ Записокъ» временъ Бѣлинскаго и «Современника», переводные романы В. Скотта, но особенно Евгенія Сю и Дюма, которыми я зачитывался до полнаго самозабвенія, и въ подражаніе «Тремъ мушкетерамъ» написалъ даже три части изъ задуманнаго мною многотомнаго романа «Три студента». Въ четвертомъ классѣ я подвергся сильному вліянію учителя словесности Николая Павловича Корелкина, человѣка молодого, философски образованнаго, ученаго магистранта, тайнаго либерала (явныхъ тогда еще не было). Онъ тотчасъ же уничтожилъ мое риѳмоплетство. Кумиромъ моимъ вмѣсто Пушкина и Лермонтова сдѣлался Гоголь, и я началъ писать повѣсти въ духѣ гоголевской «Шинели». Затѣмъ подъ вліяніемъ смерти Н. П. Корелкина, поразившей меня

до крайняго нервнаго потрясенія, и чтенія Гоголя (его письма) я впалъ въ мрачный мистицизмъ, боролся съ плотью, постился, каялся, молился и считалъ себя самымъ ужаснымъ, безповоротно павшимъ и осужденнымъ грѣшникомъ съ печатью проклятія на челѣ. Въ 1856 году я поступилъ въ спб. университетъ на филологическій факультетъ, и университетъ быстро разсѣялъ весь этотъ мистическій страхъ. Еще на первомъ курсѣ я увлекался богословскими лекціями Янышева и ходилъ къ нему на квартиру каяться въ грѣхахъ и искать пути къ спасенію, а на второмъ курсѣ я явился къ нему съ цѣлью разрушить его религіозныя вѣрованія, и онъ просилъ меня болѣе къ нему не являться. Курсъ нашъ состоялъ изъ восьми студентовъ, слившихся въ тѣсный товарищескій кружокъ, состоявшій изъ двухъ элементовъ: строгихъ спеціалистовъ и художественныхъ натуръ, къ которымъ причислялись Писаревъ, другъ его Трескинъ и я [1]). Подражая спеціалистамъ, мы тщетно переходили отъ одной спеціальности къ другой и не могли ни на чемъ остановиться, и если товарищи наши смотрѣли на насъ свысока и съ презрѣніемъ за эти вѣчныя бросанья, зато мы выигрывали въ томъ отношеніи, что кругъ нашего чтенія былъ обширнѣе. Я не оставлялъ, впрочемъ, своихъ мечтаній о литературѣ, продолжалъ писать повѣсти и драмы, и одна изъ нихъ—«Круглицкіе»—была даже напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г. Но еще раньше я началъ печататься въ журналѣ «Разсвѣтъ», издаваемомъ Кремпинымъ, гдѣ въ концѣ 1859 года была помѣщена статья моя о «Запискахъ Охотника» Тургенева, а въ 1860—статьи о «Черногоріи» и «Испанія и Марокко». Въ то же время въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣщались изрѣдка мои рецензіи, и вмѣстѣ съ товарищами я переводилъ романъ Флобера «Саламбо», помѣщенный тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Въ 1861 г. я кончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата, и тутъ начались мои самые тяжелые годы въ жизни. Я едва перебивался частными уроками, служилъ даже въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора, получая 12 рублей жалованья, но недолго. Въ 1862 г. я получилъ хорошую работу въ «Иллюстраціи» Баумана, издававшейся тогда подъ редакціей Цейдлера,—именно воскресные фельетоны, дававшіе мнѣ рублей 100 въ мѣсяцъ. Но недолго продолжалось мое благоденствіе. Весной 1863 года Цейдлеръ оставилъ редакцію «Иллюстраціи», погибавшей по незначительности подписки, и я съѣхалъ на 25 рублей въ мѣсяцъ, которые я зарабатывалъ, пиша объяснительный текстъ къ картинкамъ «Воскреснаго Досуга». Тамъ же были помѣщены мною біографіи нѣкоторыхъ русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова и Кантемира, повѣсть «Скряга» и «Перчаточница» и стихи «Пѣсня сверчка». Въ 1864 г., по рекомендаціи

[1]) Кромѣ названныхъ лицъ, товарищами А. М. по курсу быми: извѣстные впослѣдствіи ученые—Е. Е. Замысловскій, Л. Н. Майковъ и писатель П. Н. Полевой.

В. П. Гаевскаго, я поѣхалъ въ Ярославль редактировать «Рыбинскій Листокъ». Тамъ я ничего не писалъ, а только редактировалъ, по недолго—съ мая по августъ, когда «Рыбинскій Листокъ» былъ закрытъ, съ одной стороны, по недостатку средствъ издателя Ив. Жукова, а съ другой—по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, которому рыбинскіе купцы пожаловались на зловредность «Рыбинскаго Листка».

«Въ теченіе 65 и 66 годовъ я почти ничего не писалъ, весь ушелъ въ педагогику—училъ сначала въ школѣ Человѣколюбиваго общества, потомъ въ Смольномъ, потомъ въ Ларинской гимназіи. Въ 65-мъ году только и были помѣщены мною полемическая статейка противъ Писарева о «Рудинѣ» въ послѣднемъ № «Народной Лѣтописи» да критика на «Воеводу» Островскаго въ «Сынѣ Отечества», а въ 1866 году была помѣщена въ послѣднемъ апрѣльскомъ нумерѣ «Современника» статья о Левитовѣ и Слѣпцовѣ. Въ 1867 году—статья о «Воспитательномъ значеніи Гончарова и Тургенева» въ «Невскомъ Сборникѣ», подъ псевдонимомъ Алкандрова. Съ 1868 года начинается мое сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Въ томъ же году въ «Недѣлѣ» статьи о Прудонѣ (Искусство), «Герои голубинаго полета» (о романѣ Авдѣева), о романѣ Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ критическихъ статей, въ 1870 г. я началъ рядъ статей «Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ Россіи», которыя окончилъ въ 1872 году. Некрасовъ издалъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, но книги были сожжены при Лонгиновѣ. Не помню, въ 72 или 73 году, я написалъ нѣсколько критическихъ статеекъ въ «Искру» Курочкина, передъ ея окончательнымъ прекращеніемъ, и, не помню, какую-то статью въ «Азіатскій Вѣстникъ», въ первую и единственную книжку этого журнала. Въ 1874 году, въ ноябрѣ, я началъ писать литературные фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Полетики (переименованныхъ впослѣдствіи въ «Молву»). Въ 1875 году я задумалъ писать романъ въ двухъ частяхъ; первая была уже написана и начала печататься въ апрѣльской книжкѣ 1875 года, но была вырѣзана изъ журнала по докладу цензора Лебедева за сочувствіе нигилистамъ.

«Между тѣмъ педагогическая служба моя прекратилась въ 1871 г., такъ какъ штатнаго мѣста въ Петербургѣ мнѣ не давали, а сверхштатнымъ по новому уставу не полагалось жалованья. Три года я продолжалъ еще заниматься педагогіей, имѣя частные уроки въ гимназіи Спѣшневой; въ 1875 году они прекратились съ поступленіемъ моимъ въ «Биржевыя Вѣдомости», и съ тѣхъ поръ я педагогіей болѣе уже не занимался.

«Въ 1879 году въ іюлѣ прекратились мои фельетоны въ «Молвѣ». Я отказался отъ дальнѣйшаго сотрудничества, разсерженный одною передовою статьею Полетики. Въ 1880 году началось «Русское Бо-

гатство». Тамъ я писалъ подъ псевдонимомъ А. Питерскаго. Статьи объ «Аннѣ Карениной» и «Литературномъ вечерѣ» Гончарова. Повѣсть, передѣланная изъ первой части романа, статьи о книгѣ Дюма о женскомъ вопросѣ и пр. Въ 1881 году весною «Слово»—внутреннее обозрѣніе въ майской книжкѣ о евреяхъ. Въ 1882 г. «Устои».

«Въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ теченіе 1880 и 1881 гг. я писалъ о французскихъ романтикахъ—В. Гюго и Ж. Зандѣ, а съ 1882 года началъ рядъ статей о цензурѣ, которыя продолжаю и понынѣ.

«Кромѣ всего вышеупомянутаго, имѣются въ «Исторіи русской литературы» Полевого мои три главы (о Н. Полевомъ, Бѣлинскомъ и Гоголѣ), написанныя въ 1871 году, и въ посмертномъ изданіи Некрасова біографія его, написанная въ 1879 году».

Въ приведенной автобіографіи читатели найдутъ все главное, фактически существенное, детальное же и часто очень характерное, можетъ быть почерпнуто изъ указанныхъ статей въ «Русскомъ Богатствѣ» и изъ статьи «Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и доведенной имъ до 1884 года, года запрещенія «Отечественныхъ Записокъ». Послѣ закрытія этого журнала Скабичевскій печаталъ свои работы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Новомъ Словѣ», «Педагогическомъ Листкѣ» и въ газетахъ: «Русскія Вѣдомости», «Сынъ Отечества» и «Новости». Многія изъ его работъ были издаваемы отдѣльно, то въ видѣ сборниковъ («Беллетристы-народники» и прочіе критическіе очерки 1888 г.), то въ видѣ собранія сочиненій (2 тома, 1-е изданіе въ 1890 г., 2-е въ 1903 г.), то въ видѣ брошюръ біографической библіотеки Ф. О. Павленкова. Изъ отдѣльно изданныхъ его сочиненій особенно видное мѣсто занимаютъ—«Исторія новѣйшей русской литературы» (7-е изд. въ 1909 г.) и «Очерки исторіи русской цензуры» (1890 г.).

Приступая къ описанію своего перваго 25-лѣтія литературныхъ мытарствъ, Скабичевскій въ предисловіи говоритъ, что въ этотъ періодъ времени онъ вполнѣ опредѣлился, какъ семидесятникъ, «написалъ все, что вышло изъ-подъ моего пера лучшаго,—говоритъ онъ.—Въ дальнѣйшей моей дѣятельности я ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ того, чѣмъ я былъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ что, если бы я умеръ въ 1884 г., я имѣлъ бы полное право сказать при послѣднемъ издыханіи: я все свое земное совершилъ. Далѣе затѣмъ я подвизался во многихъ органахъ, писалъ газетныя рецензіи, журнальныя статьи, имѣя въ виду не столько стремленіе сказать что-либо новое, сколько хлѣбъ насущный! Да и времена то пошли такія тяжкія, что не до новаго было; впору было заботиться лишь о томъ, чтобы сохранить свою позицію. Единственный мало-мальски серьезный трудъ, какой я совершилъ въ теченіе второй половины своего

литераторства, была «Исторія новѣйшей русской литературы», имѣвшій столь значительный успѣхъ, что дошелъ нынѣ до седьмого изданія, да и тотъ былъ совершенъ мною не по личной иниціативѣ, а по заказу покойнаго Ф. Ѳ. Павленкова».

Эта исповѣдь стараго писателя заслуживаетъ вниманія. Онъ далъ здѣсь свое самоопредѣленіе, какъ «семидесятникъ», съ одной стороны, а съ другой слишкомъ рѣшительно подвергъ какъ бы осужденію свою литературную дѣятельность въ послѣдующее за 1884 г. время, отнеся ее къ ремесленничеству и придавая ей слабое значеніе. Это и слишкомъ строго и несправедливо. Надо замѣтить, что послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ» положеніе сотрудниковъ журнала стало дѣйствительно затруднительнымъ и въ матеріальномъ отношеніи, и по той позиціи, которую они занимали, какъ литературные дѣятели опредѣленнаго народническаго толка и которую имъ ни одинъ органъ печати, вслѣдствіе совокупности наступившихъ новыхъ условій общественной жизни, дать не могъ. Вся журнальная армія, во главѣ съ Щедринымъ-Салтыковымъ, разсѣялась, потускнѣла временно въ своемъ колоритѣ, пока нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напр., Н. К. Михайловскому, бывшему всегда въ своей жизни баловнемъ судьбы, не удалось сгруппировать вокругъ себя подборъ единомыслящихъ работниковъ пера и, благодаря этому самому, вернуть себѣ нѣкоторую свободу литературнаго дѣйствія и вслѣдствіе сего временно было утраченную колоритность. Очутился въ трудномъ положеніи и А. М. Скабичевскій, но тутъ ему на выручку пришелъ О. К. Нотовичъ, пригласившій его на амплуа постояннаго (по четвергамъ) критика въ «Новостяхъ». Матеріально нашъ писатель былъ до нѣкоторой степени компенсированъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обрѣталъ общественное положеніе, до нѣкоторой степени равное тому, которое занималъ по пятницамъ въ «Новомъ Времени» В. П. Буренинъ. Не входя въ сравненіе дарованій обоихъ критиковъ, отмѣчу лишь, что для опредѣленнаго круга читателей, пользовавшихся только «Новостями» въ цѣляхъ знакомства съ новинками тогдашней литературы, голосъ Скабичевскаго во весь періодъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ голосомъ очень вѣскимъ, вліятельнымъ и въ этомъ отношеніи онъ держалъ въ страхѣ тѣхъ, къ кому приближался съ своимъ критическимъ скальпелемъ. И я, наблюдавшій въ значительный промежутокъ времени этотъ період его дѣятельности, могу сказать, что, при всей трудности своего положенія въ газетѣ, онъ дѣлалъ свое дѣло добросовѣстно и внимательно, поскольку ему то позволяли силы и способности. А положеніе дѣйствительно было трудное, въ виду того гоненія, которому тогда подвергся россійскій либерализмъ и радикализмъ и которому уклончиво и съ вѣчной опаской служили «Новости». Газетѣ и ея редактору приходилось тогда очень жутко отъ сыпавшихъ изъ разныхъ министерствъ запретительныхъ циркуляровъ, и писателямъ по необходи-

мости приходилось обезцвѣчиваться и сводить свою роль на роль пересказчиковъ, компиляторовъ, хроникеровъ, говорящихъ не о томъ, о чемъ имъ хотѣлось бы говорить, а что подскажетъ редакторъ и «циркуляръ». Это дѣйствительно очень сильно отразилось и на качествѣ письма Скабичевскаго и онъ поэтому сплошь и рядомъ не разбиралъ судимаго произведенія подъ привычнымъ ему угломъ публицистической критики, а «излагалъ» его своими словами, разбавляя легкой моралью изъ либерально-радикальнаго катехизиса, усвоеннаго имъ въ семидесятые годы. Духовно онъ тяготился такой ролью, часто на моихъ глазахъ просто съ отвращеніемъ посылалъ въ редакцію свой очередной фельетонъ, но отказаться отъ подневольной работы не могъ: надо было и самому ѣсть, пить, надо было содержать другихъ, надо было выполнять свои обязанности, юридическія и нравственныя, по отношенію третьихъ лицъ, съ кѣмъ онъ къ тому времени порвалъ семейныя связи, но къ которымъ сохранилъ полное благородство обязательныхъ въ матеріальномъ смыслѣ отношеній. Итакъ, получивъ и въ литературномъ и въ общественномъ отношеніи до нѣкоторой степени прочную позицію, А. М. продолжалъ, какъ и въ предшествовавшее десятилѣтіе, служить тому знамени, подъ которымъ вступилъ въ литературу и на которомъ яркими буквами значились символическія въ политическомъ смыслѣ слова «Современникъ», «Искра» и «Отечественныя Записки». Поэтому я постараюсь на основаніи чужихъ словъ и чужихъ показаній, какъ дружески-сочувственныхъ, такъ и нѣсколько почтительно пристрастныхъ, съ оттѣнкомъ отрицательнаго характера, опредѣлить, какое же мѣсто въ литературѣ должно быть отведено ему, какъ критику и публицисту, столь долго подвизавшемуся въ нашей литературѣ. Такой способъ литературной рекомендаціи, во избѣжаніе заподозрѣванія меня въ дружеской пристрастности, я считаю въ настоящемъ случаѣ наиболѣе подходящимъ. Начну со вторыхъ и изъ нихъ на первое мѣсто ставлю А. А. Измайлова, при жизни нашего писателя не всегда ласково вспоминавшаго своего старшаго собрата.

Этотъ талантливый и сравнительно молодой критикъ-публицистъ и беллетристъ изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» писалъ вслѣдъ за смертью Скабичевскаго въ некрологѣ, ему посвященномъ въ этой газетѣ (№ 12.097):

«Вослѣдъ за недавно умершимъ Южаковымъ ушелъ вотъ уже и послѣдній представитель «Отечественныхъ Записокъ» и цѣлой связанной съ ними эпохи. Еще есть нѣсколько беллетристовъ, поэтовъ, которые связали свое имя съ блистательнымъ дѣломъ Некрасова и Салтыкова. Но Скабичевскій былъ и ближайшимъ сотрудникомъ, и членомъ редакціи, и одно время былъ прикосновенъ къ редактурѣ. Онъ не былъ равнымъ среди этихъ великановъ, создавшихъ славу журналу и оставшихся славою русской литературы. Въ этой

кузницѣ, гдѣ боги ковали свои молніи, онъ былъ только скромнымъ и вѣрнымъ и трудолюбивымъ рабочимъ. Но тѣнь ихъ величія падала и на него и окружала его имя уваженіемъ до смерти. И со всѣми этими великими именами связано имя Скабичевскаго. Онъ былъ другомъ Писарева. Онъ писалъ о Некрасовѣ, какъ пишутъ о человѣкѣ, котораго видятъ изо дня въ день и знаютъ полно въ каждомъ общественномъ движеніи, въ каждой мелочи домашняго обихода. Салтыковъ, Михайловскій, Курочкинъ, Глѣбъ Успенскій, Слѣпцовъ, вся позднѣйшая плеяда писателей почти безъ конца,— все это были для него близкіе и знакомые, часто друзья.

«Студентомъ Скабичевскій вошелъ въ литературу и остался ей вѣренъ до конца. Вмѣстѣ съ Писаревымъ въ журналѣ для дѣвицъ «Разсвѣтъ» онъ началъ печататься совсѣмъ юношей и только въ началѣ истекающаго года поставилъ точку подъ своими «Литературными воспоминаніями», напечатанными въ «Историческомъ Вѣстникѣ», которыя и были его лебединой пѣснью. Скабичевскій былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ литераторовъ. Его статьи изъ однѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» составили бы десятокъ книгъ. Потомъ не менѣе неутомимо онъ писалъ въ «Словѣ», «Устояхъ», «Новомъ Словѣ», «Недѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества», «Новостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» старой редакціи. Его «Исторія русской цензуры», въ свое время запрещенная, до послѣдняго времени, до появленія изслѣдованій, написанныхъ болѣе свободнымъ языкомъ—была единственной попыткой пролить свѣтъ въ это царство тьмы и инквизиціонныхъ секретовъ. Его изслѣдованіе о русскомъ историческомъ романѣ, страдающее двумя недостатками,—тѣмъ, что въ немъ отсутствуетъ «историчность» оцѣнокъ, и тѣмъ, что всѣ эти Полевые, Кукольники разсматриваются у него подъ узкимъ угломъ либерализма,—все-таки до сихъ поръ остается почти единственнымъ въ области стараго историческаго романа трудомъ.

«Неопустительное наблюденіе за русскимъ изящнымъ творчествомъ облегчило Скабичевскому составленіе «Исторіи новѣйшей литературы». Эта книга изъ всѣхъ книгъ его была наиболѣе популярной и наиболѣе способствовала прославленію его имени. Она тоже была первою по времени напечатанія и долгое время единственною у насъ исторіей новыхъ писателей. Спѣшность работы, вынужденность на быстрыя и опредѣленныя рѣшенія, невозможность иногда серьезно и вдумчиво взвѣсить литературную новинку сдѣлали то, что среди мнѣній Скабичевскаго безъ всякаго труда можно указать трагическія ошибки.

«Эти ошибки неизбѣжно оказались и въ его «Иторіи» и, только совершенствуя эту книгу съ каждымъ новымъ изданіемъ, А. М. смягчалъ и устранялъ ихъ. Много вредило также Скабичевскому и его нѣсколько одностороннее и узкое созерцаніе литературныхъ

явленій подъ угломъ тенденціознаго либерализма. И, говоря объ его заслугахъ, которыя, несомнѣнно, и велики, и которыя можетъ отрицать только незнающій,—нельзя умолчать о томъ, что покойный своимъ авторитетомъ и авторитетомъ изданій, въ которыхъ работалъ. долгое время утверждалъ ошибочное настроеніе, превознося совершенно слабыя въ художественномъ отношеніи вещи за симпатичность и благородство ихъ тендецій и игнорируя или осуждая созданія чистой художественной цѣнности. Такъ, на душѣ А. М. лежалъ грѣхъ непониманія Гончарова, «Обрывъ» котораго онъ жестоко осудилъ за фигуру Марка Волохова. Беззлобный Чеховъ не могъ забыть Скабичевскому, что признанный критикъ не поддержалъ его при первыхъ неувѣренныхъ шагахъ и, признавая въ немъ дарованіе рисовальщика, рѣзко отрицалъ всякій идейный смыслъ его писаній. Къ чести Скабичевскаго надо сказать, что съ полной откровенностью онъ сознался впослѣдствіи въ этой своей ошибкѣ и уже поощрялъ Чехова-автора «Палаты» № 6, а въ оправданіе можно прибавить, что и Михайловскій, много болѣе чуткій къ изящному, на первыхъ порахъ тоже звалъ его «писателемъ безъ Бога въ душѣ» и «съ холодной кровью».

«Чисто просвѣтительная, популяризаторская заслуга Скабичевскаго колоссальна. Черезъ его писанія и подъ угломъ его зрѣнія все то великое множество русскихъ читателей, которые не читаютъ книгъ, а просматриваютъ газетные фельетоны,—знакомились со всѣмъ, что появляется новаго въ литературѣ. Десятки, пожалуй, сотни біографій большихъ русскихъ писателей онъ пустилъ въ свѣтъ. Некрасовская—лучшая изъ нихъ и, вообще, лучшая изъ біографій поэта. Не пренебрегалъ онъ и редактурой изданій, и его Пушкинъ—одно изъ наиболѣе ходкихъ изданій. Исключительно интересны были его литературныя воспоминанія. Часть ихъ вошла въ двухтомное собраніе его сочиненій. Часть появилась только въ этомъ году. Здѣсь проходятъ передъ читателемъ не только интересныя фигуры писателей 60-хъ годовъ, но и самая эпоха съ настроеніями и тогдашними интересами».

Талантливость и тактъ Измайлова помогли ему удержаться въ рамкахъ справедливости и въ общемъ набросать довольно живой и недурно освѣщенный портретъ покойнаго критика, гдѣ поставлены и всѣ плюсы и минусы его литературной жизни, какъ они имъ понимаются. А вотъ голосъ болѣе отрицательно-пристрастный, который, быть можетъ, слишкомъ преждевременно прозвучалъ на свѣжей могилѣ. Въ «Голосѣ Москвы» (№ 301) г. Гранатовъ (псевдонимъ) написалъ на слѣдующій день смерти Скабичевскаго:

«Вчера скончался извѣстный публицистъ-критикъ Александръ Михайловичъ Скабичевскій.

«Современному поколѣнію его имя мало говоритъ. Кое-кто развертывалъ его «Исторію новѣйшей литературы», но и то, какъ спра-

вочную книжку, заимствуя оттуда хронологическія данныя. Но было время, когда имя Скабичевскаго стояло въ ряду именъ, занимающихъ главныя командныя мѣста въ русской литературѣ. Некрасовъ, Салтыковъ, Михайловскій, Глѣбъ Успенскій, Елисѣевъ, Шелгуновъ и Скабичевскій составляли въ глазахъ широкой публики редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Громкая слава именъ Некрасова и Салтыкова освѣщала и имя Скабичевскаго, падая на всю группу писателей популярнѣйшаго журнала.

«Въ то время Скабичевскій печаталъ свой большой трудъ— «Очерки по исторіи русской цензуры». Съ закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» Скабичевскій перешелъ въ «Русскую Мысль», какъ критикъ. Тѣ, кто въ критикѣ не желаютъ видѣть особаго вида художественной литературы, а считаютъ ее только орудіемъ партійной борьбы,—тѣ должны помянуть критика-Скабичевскаго добрымъ словомъ. Онъ честно работалъ въ интересахъ своего литературно-политическаго кружка. Слишкомъ даже честно: отрицались и принижались такіе писатели, какъ Чеховъ и Лѣсковъ, подымалась рука на Достоевскаго и Толстого,—и все только потому, что эти гиганты литературы не могли и не хотѣли подчинить себя взглядамъ господствующаго литературнаго кружка. Мы имѣемъ другое представленіе о задачахъ критики, и даже у открытой могилы писателя не можемъ подарить своего сочувствія дѣлу его жизни. Время шло. Идеалы мѣнялись. Умирали одни литературно-политическіе кружки и возникали другіе. Но Скабичевскій, разъ навсегда усвоившій катехизисъ своей партіи, съ упорствомъ человѣка, лишеннаго способности развиваться, ни на шагъ не отступалъ отъ него. Это повело къ тому, что всѣ стали отступаться отъ него самого. Ушли даже главари той партіи, которой онъ служилъ. Скабичевскій не могъ попасть въ сотрудники не только «Русскаго Богатства», руководимаго его сотоварищемъ по «Отечественнымъ Запискамъ» Михайловскимъ, но и лишился работы въ «Русской Мысли». Со страницъ «Русской Мысли» онъ спустился до «Новостей» Нотовича.

«Съ прекращеніемъ «Новостей» Скабичевскій остается совсѣмъ безъ работы. Никому оказались не нужными его большой опытъ и его знанія. Подчиненіе себя узкой партійной работѣ, такимъ образомъ, дало себя знать и уготовило писателю трагедію. Человѣкъ, всю жизнь исповѣдывавшій вѣру въ силу кружковъ, въ силу массы, покинутъ былъ всѣми и обреченъ на одиночество».

Въ этой замѣткѣ и рядъ фактическихъ невѣрностей и слишкомъ развязные выводы, но кое-что здѣсь справедливо, почему въ интересѣ полноты исторіи оцѣнки скончавшагося критика я и привожу эту некрологическую замѣтку.

А вотъ историко-литературное опредѣленіе значенія Скабичевскаго, сдѣланное въ «Большей Энциклопедіи» (т. XVII), редактированной покойнымъ С. Н. Южковымъ. Здѣсь мы читаемъ: «Защит-

никъ свободы и естественности творческихъ процесовъ, С., по собственному заявленію,—всегда былъ далекъ какъ отъ теоретиковъ чистаго искусства, такъ и отъ теоретиковъ полезнаго искусства, обрекающаго его на подневольное орудіе въ рукахъ какой бы то ни было политической партіи.—Онъ требуетъ отъ искусства изображенія жизни во всей ея совокупности, и въ этомъ требованіи опирается на принципы реализма, установленіе котораго ставитъ въ особенную заслугу Бѣлинскому. Разсматривая всѣ окружающія явленія въ связи съ данными условіями, ихъ породившими, истинно-реальная точка зрѣнія заставляетъ отрѣшаться отъ всякаго романтизма и наблюдать жизнь такъ, какъ она течетъ вокругъ насъ, не идеализируя ея, но и не ограничиваясь однимъ поверхностнымъ ея воспроизведеніемъ, а проникая въ ея глубину. Художникъ, изображающій дѣйствительность, воспроизводитъ ее не такъ, какъ она есть, а такъ, какъ она отражается въ его представленіяхъ. Поэтому рабское копированіе дѣйствительности не должно и не можетъ быть задачею искусства. Даже самыя талантливыя произведенія даютъ лишь относительно вѣрное ея изображеніе. Это положеніе обусловлено психологическою сущностью самаго творческаго процесса, въ развитіи котораго С. придаетъ наибольшее значеніе моменту образованія поэтическихъ образовъ. Съ этой стороны между дѣятельностью поэта и ученаго нѣтъ не только никакой противоположности, но, наоборотъ, наблюдается полная аналогія. Настойчиво проводя, вслѣдъ за Добролюбовымъ, эту мысль во многихъ своихъ критическихъ статьяхъ, С. утверждаетъ, что, какъ и ученый, поэтъ приходитъ къ своимъ открытіямъ путемъ постепеннаго и длительнаго развитія различныхъ умственныхъ комбинацій—путемъ анализа и обобщенія; вся разница лишь въ силѣ и степени воспроизведенія возникающихъ въ мозгу поэта и ученаго идей, одинаково создаваемыхъ на основахъ индукціи. И только это одно индуктивное творчество есть истинно свободное, реальное и полезное, потому что только оно одно можетъ вѣрно и безпристрастно изобразить правду жизни, что и является главною задачею искусства. Изучая окружающую жизнь и поднимаясь все выше и выше въ своихъ произведеніяхъ, поэтъ въ концѣ концовъ неизбѣжно доходитъ до высшаго отъ нихъ, непосредственно связаннаго съ реализмомъ въ литературѣ, до понятія о народности. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями—вотъ, по опредѣленію С., истинная задача реальннаго поэта. Опредѣляя такъ ясно задачу поэта и требуя на ряду съ этимъ отъ произведеній искусства, чтобы они воспроизводили правду жизни, будя сознаніе въ людяхъ, указывая на общественныя неустройства и цѣли, къ которымъ должно стремиться, С. поставилъ себѣ задачу—занять серединную примирительную позицію между двумя отмѣчен-

ными имъ противоположными этическими теоріями—чистаго искусства и искусства, какъ общественнаго служенія великимъ интересамъ гуманности и прогресса, задачу, которая не всегда была достаточно понята и усвоена его критиками. Въ своихъ первыхъ серьезныхъ критическихъ работахъ онъ стоитъ на чисто публицистической точкѣ зрѣнія, а въ позднѣйшихъ статьяхъ, сохраняя свое нейтральное положеніе, рѣшительно склоняется въ сторону идеи о служебномъ значеніи искусства. Въ своихъ историко-литературныхъ и критическихъ работахъ С. выступаетъ передъ ними убѣжденнымъ защитникомъ и популяризаторомъ лучшихъ традицій, завѣщанныхъ критикою Бѣлинскаго, возрожденныхъ и рѣзче формулированныхъ въ эпоху 60-хъ годовъ и получившихъ дальнѣйшее развитіе въ 70-е годы. Къ этому-то послѣднему періоду и относится начало наиболѣе энергичной и серьезной литературной дѣятельности С., создавшей ему почетную извѣстность, какъ одному изъ видныхъ литературныхъ критиковъ въ тѣсномъ смыслѣ. Около четырехъ десятилѣтій внимательно слѣдитъ онъ за всѣми болѣе или менѣе выдающимися явленіями родной литературы, руководствуясь при ихъ оцѣнкѣ принципами «народнаго блага», «народнаго труда и братства», которымъ онъ остался вѣренъ въ теченіе всей многолѣтней литературной дѣятельности.

«Разсматривая произведенія русской словесности въ связи съ эпохою, въ которую они появились, С. даетъ цѣнныя характеристики наиболѣе яркихъ эпохъ въ развитіи русской общественной мысли и такимъ путемъ выясняетъ не только литературное, но и морально-общественное значеніе выдающихся художественныхъ памятниковъ русской литературы».

Я привелъ здѣсь подборъ разныхъ взглядовъ на оцѣнку критическо-литературной дѣятельности Скабичевскаго, изъ которыхъ выясняется его историческое значеніе для извѣстной литературной эпохи, гдѣ ему пришлось играть видную роль и гдѣ устанавливается, почему въ новѣйшій періодъ нашей жизни ему не находилось мѣста для журнальной работы. Методы его былыхъ критическихъ изслѣдованій по спросу на нихъ читающаго рынка устарѣли, не находилось подходящихъ органовъ, гдѣ бы онъ могъ постоянно прилагать свои дряхлѣющія силы, между нимъ и редакціями образовалась нѣкоторая отчужденность: писатель явно переживалъ свою извѣстность и сходилъ на нѣтъ. Тутъ своего рода драма, нѣкоторыхъ деталей которой придется коснуться далѣе, въ связи съ извѣстными мнѣ фактами изъ его жизни.

Впервые я увидался съ А. М. Скабичевскимъ на одномъ изъ журфиксовъ В. И. Семевскаго, которые мы, тогдашняя университетская молодежь, только что кончившая курсъ, охотно посѣщали. Литературная фигура критика была настолько уже опредѣлившаяся и отчеканенная, что насъ къ нему подводили, какъ къ знаменитости,

столпу опредѣленнаго направленія, въ чьихъ рукахъ покоится своего рода знамя эпохи. Тогда ужъ онъ состоялъ критикомъ-фельетонистомъ «Новостей», и никто изъ тогдашнихъ посѣтителей радикальнаго салона Семевскаго-Водовозовыхъ не усматривалъ въ этомъ какого-то «опусканія», какъ о томъ нынѣ оповѣщаетъ сотрудникъ «Голоса Москвы»; напротивъ, литературная работа въ единственной тогда либеральной газетѣ западническаго направленія, издававшейся О. К. Нотовичемъ, считалась выгодною для широкихъ народническихъ круговъ, которые черезъ эту работу имѣли возможность въ извѣстномъ направленіи воздѣйствовать и на общество, и на литературную молодежь. Я прекрасно помню, что къ А. М. именно обращались съ просьбой выдвинуть то или иное явленіе, народившееся въ журналистикѣ, подчеркнуть какъ явленіе положительнаго или отрицательнаго характера, обращались съ просьбой поддержать выступающаго на литературное поприще начинающаго писателя, оцѣнить новое еще ненапечатанное произведеніе и т. д. И. Скабическій дѣйствительно, какъ эолова арфа, воспринималъ теченія въ духовно-родственныхъ ему кружкахъ и отражалъ ихъ въ своихъ четверговыхъ фельетонахъ, съ которыми считались въ литературныхъ сферахъ и которыхъ порою ожидали съ нетерпѣніемъ. Неожиданно для меня онъ, между прочимъ, выдвинулъ и одну изъ первыхъ моихъ работъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», посвященную памяти только что тогда скончавшагося профессора Ор. Ѳед. Миллера.

Близко я сошелся съ А. М. лишь въ 1890 г., когда привлекъ его къ составу сотрудниковъ «Сѣвернаго Вѣстника», пріобрѣтеннаго кружкомъ молодежи отъ А. М. Евреиновой; какъ офиціальный редакторъ-издатель этого журнала, я посѣтилъ заслуженнаго критика, и, хотя вся единомыслящая ему радикальная группа писателей стояла во враждебномъ отношеніи къ организующемуся новому дѣлу по причинамъ, о которыхъ разскажу въ другой разъ, Скабичевскій, однако, не нашелъ серьезныхъ резоновъ для своего отказа и охотно примкнулъ къ нашей журнальной семьѣ, поддержавъ ее, такимъ образомъ, своимъ авторитетомъ и до нѣкоторой степени защитивъ даже отъ ожидавшихся нападокъ и выходокъ партійнаго характера. Какъ фельетонистъ тогда распространенной газеты, онъ оказалъ мнѣ, какъ издателю журнала, даже немало услугъ, помогая обратить вниманіе публики на запущенный и опустившійся при предшествовавшей издательницѣ органъ печати. Въ эти недолгіе мѣсяцы совмѣстной работы я близко узналъ А. М. какъ прекраснаго, отзывчиваго, скромнаго и добраго человѣка, готоваго на жертвы ради общаго дѣла и подчиняющаго ему свое личное я и свои личные интересы. Такъ, онъ, будучи величиною въ журналѣ перворазрядною, тѣмъ не менѣе, понимая всю матеріальную трудность новаго дѣла, часто безкорыстно несъ сюда

нѣкоторый редакціонный трудъ и довольствовался тѣмъ среднимъ гонораромъ за свои статьи и рецензіи, который мы могли выплачивать сотрудникамъ, чего нельзя сказать про многихъ другихъ писателей, даже категоріями ниже его. Его имя, стоявшее въ числѣ нашихъ друзей, особенно благопріятно подѣйствовало на настроеніе московскихъ литературныхъ круговъ, которые вслѣдъ за Скабичевскимъ охотно и вступили въ ряды сотрудниковъ обновленнаго журнала. Съ того времени между мною и имъ установились понемногу близкія, товарищескія отношенія, отношенія писателя старшаго поколѣнія и младшаго, гдѣ было много хорошаго чувства взаимной любви и дружбы. Въ маѣ 1891 г. надъ мною разразилась литературная буря, я лишился «Сѣвернаго Вѣстника» и остался не у писательскаго дѣла. Одновременно со мною вышелъ, и притомъ довольно демонстративно, изъ журнала и Скабичевскій, при чемъ въ видѣ выраженія особаго сочувствія устроилъ мнѣ прощальный обѣдъ, на который собрались нѣкоторые писатели, какъ изъ числа бывшихъ моихъ сотрудниковъ, такъ и нѣкоторыхъ постороннихъ, гдѣ онъ, никогда публично не изъяснявшійся и всегда затруднявшійся въ словесной бесѣдѣ, выступилъ даже съ рѣчью по моему адресу. Эта дружеская демонстрація была мнѣ очень дорога, меня тронула, подкрѣпила мой нѣсколько павшій духъ, а самого А. М. обрисовала какъ очень деликатнаго и нѣжнаго друга. Моя привязанность къ нему еще болѣе выросла и окрѣпла, и я сталъ его частымъ посѣтителемъ въ то время.

Это былъ очень хорошій періодъ въ его личной жизни, когда онъ полной грудью вдыхалъ невѣдомое ему дотолѣ семейное счастіе, найденное имъ въ новой семьѣ. Тамъ, въ первой половинѣ жизни у него не было счастія въ настоящемъ смыслѣ слова, была жена, были дѣти, былъ домъ, но не было того тихаго, уютнаго семейнаго очага, который согрѣваетъ человѣка, вливаетъ въ него покой, даетъ ему полное нравственное удовлетвореніе и нужную ему радость. За порогомъ 50-ти лѣтъ жизни онъ ихъ наконецъ обрѣлъ и какъ бы расплывался въ этомъ обрѣтенномъ имъ такъ поздно счастіи, растворился душою въ этой новой жизни. Было умилительно и радостно за человѣка. У него и у А. И. Топоровой, жившей тогда на Фонтанкѣ, въ домѣ гр. Левашова, ихъ всѣ чувствовали себя невзыскательно, хорошо и весело. На ихъ журфиксахъ собиралось много народа, въ числѣ котораго я встрѣчалъ всего чаще М. А. Антоновича, С. А. Венгерова, М. О. Михневича, С. Н. Кривенка, В. П. Острогорскаго, М. Л. Песковскаго, Ѳ. Ѳ. Павленкова, В. И. Семевскаго, К. М. Станюковича и многихъ другихъ. Бывали молодые писатели и писательницы, навѣщали московскіе друзья, какъ В. А. Гольцевъ, Д. И. Тихомировъ и другіе. Хлѣбосольный и ласковый хозяинъ былъ въ этомъ кругу милымъ центромъ, дѣйствовавшимъ на всѣхъ

окружающихъ удивительно умиротворяюще и тепло. Печать добродушія, малороссійскаго добродушія, лежала на всей его фигурѣ, гдѣ явственно сказывались и нѣкоторая природная склонность къ лѣни, и нѣкоторая про себя юмористическая насмѣшливость.

— И подумаешь, что это злой критикъ, стукающій еженедѣльно по головамъ молодыхъ писателей,— глядя на А. М., говаривалъ, указывая на хозяина, покойный В. О. Михневичъ. — Вотъ такъ и кажется, что изъ Гоголевской галереи вышелъ Довгочхунъ и сѣлъ между нами на хозяйское мѣсто. А гдѣ у васъ тутъ настоечка, гдѣ запеканочка, гдѣ сырнички въ маслѣ?..

Это было ужасно мѣтко, мы всѣ хохотали, и пуще всѣхъ самъ А. М. Дѣйствительно, многія черты Гоголевскаго обихода лежали на Скабичевскомъ, на всей его нѣсколько отяжелѣвшей, заплывшей фигурѣ, на всей его повадкѣ, любви къ жирной ѣдѣ, къ доброй выпивкѣ. Надо писать очередной критическій фельетонъ, а самого такъ и тянетъ растянуться на солнышкѣ, на лужайкѣ; надо шевелить мозгами, а самому хочется уйти въ нирвану, въ созерцаніе, въ лѣнивое наблюденіе пространства, надо макать перо въ чернила, а самого тянетъ къ колбасамъ, къ крымскому и кахетинскому. Хохолъ, настоящій хохолъ!

И вотъ, сдавши очередную работу угловому разсыльному въ типографію на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ у Харламова моста помѣщались «Новости», Скабичевскій облегченно вздыхалъ, точно тяжелая ноша спадала съ плечъ, и своею тихою, нѣсколько перевальною грузною походкою направлялся въ дешевенькій кабачокъ, преимущественно «винницу» кавказскихъ и крымскихъ винъ, гдѣ его уже ожидали пріятели. Не мало часовъ протекло у насъ съ нимъ въ этихъ «винницахъ» и, что грѣха таить, какъ поется въ какомъ-то куплетѣ:

Въ погребкѣ не разъ,
Мы за часомъ часъ
Проводили весь день напролетъ...

Изъ литературныхъ собратьевъ подбирались сюда С. В. Максимовъ, В. П. Острогорскій, Е. А. Соловьевъ (Скриба), В. П. Михайловъ-Мартовъ, В. В. Огарковъ, С. Н. Южаковъ и др., но всего болѣе Скабичевскій любилъ, чтобы къ нему подсаживались тѣ совершенно невѣдомые ему посѣтители этихъ «тавернъ», которыхъ гналъ сюда изъ дома семейный разладъ и тѣ невзгоды жизни, которыя такъ часто на Руси именно заливаются «зеленымъ виномъ». Эти несчастные, обойденные жизнью чувствовали къ А. М. какое-то особенное тяготѣніе, раскрывали ему свои наболѣвшія души и какъ бы старались въ приближеніи къ нему найти подъемъ и очищеніе своему падшему существованію. И нужно было видѣть, какъ мягко, задушевно, деликатно велъ съ ними этотъ извѣстный русскій писатель бесѣду, какъ отечески онъ ихъ журилъ и давалъ имъ

совѣты и наставленія. Было бы ошибочно дѣлать изъ моего повѣствованія выводъ, будто Скабичевскій былъ какимъ-то кабачнымъ завсегдатаемъ или кутилою. Совсѣмъ нѣтъ, онъ былъ воздержанъ по своимъ силамъ на питье, и я никогда не видалъ его охмелѣвшимъ и потерявшимъ здравый смыслъ. Онъ просто любилъ отъ времени до времени «освѣжиться» въ этой обстановкѣ, сближаться съ новымъ міромъ и выносить отсюда любопытный запасъ наблюденій и выводовъ, которыхъ въ интеллигентномъ кругу онъ не находилъ.

Въ 1894 году минуло 35 лѣтъ литературной дѣятельности Скабичевскаго, и на одномъ изъ собраній у него въ среду друзья его рѣшили отпраздновать эту юбилейную годовщину торжествомъ. Былъ избранъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли: пишущій эти строки, В. В. Огарковъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій. Комитетъ кликнулъ кличъ въ литературный міръ, и на зовъ публика повалила въ изобиліи. Откликнулись всѣ либеральные журнальные приходы, безъ различія колоколенъ, и праздникъ вышелъ шумный и на славу. Утромъ рядъ депутацій привѣтствовалъ юбиляра на дому съ адресами и подношеніями, а вечеромъ состоялся въ старомъ помѣщеніи ресторана «Медвѣдь» по подпискѣ обѣдъ, на который явились почти всѣ представители лѣваго лагеря. Вспоминая нынѣ тотъ день, видишь въ памяти своей длинную вереницу заслуженныхъ и извѣстныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей, нынѣ сошедшихъ съ жизненной сцены, которые прибыли, чтобы пожать руку виновнику торжества: Ф. Ѳ. Павленковъ, Глѣбъ Успенскій, Н. К. Михайловскій, Я. Г. Гуревичъ, В. Д. Спасовичъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. О. Михневичъ, Н. С. Максимовъ, М. Л. Песковскій, С. И. Васюковъ, С. Н. Южаковъ, А. П. Манасеинъ и др. Было шумно, весело, дружно, сказано было много хорошаго по адресу юбиляра, проявлено ему много чувства дружбы, уваженія и любви. Произошелъ и инцидентъ, надѣлавшій въ нашемъ тогдашнемъ муравейникѣ переполохъ и нашедшій себѣ даже отраженіе въ печати.

Незванный непрошенный явился на обѣдъ А. Л. Флексеръ-Волынскій, обрѣтавшійся тогда почти со всѣми наличными обѣдающими силами въ антогонизмѣ, явился, не предупредивши никого наканунѣ о своемъ желаніи присутствовать на юбилеѣ. А какъ разъ именно наканунѣ шла рѣчь, когда выяснялся списокъ обѣдавшихъ, какъ быть съ тѣми, кто нежелателенъ для юбиляра, и рѣшено было какъ-нибудь деликатно отъ нихъ отдѣлаться, дабы не омрачить торжества. Между прочимъ, самъ Скабичевскій, по природѣ своей человѣкъ очень вспыльчивый, заявилъ, что если на его юбилей пожалуютъ такія-то и такія-то лица, а въ томъ числѣ и г. Волынскій, то онъ уйдетъ изъ обѣденнаго зала. И вдругъ именно въ дверяхъ появляется нежданный гость. Какъ быть? Къ нему бросились Острогорскій и

Песковскій и заявили, что, молъ, запись на обѣдъ кончена и что залъ болѣе не вмѣщаетъ публики. Волынскій понялъ, въ чемъ дѣло, проглотилъ въ тотъ мигъ горькую пилюлю, но перенесъ обсужденіе вопроса на столбцы печати, и... загорѣлась полемика. Мы, устроители торжества, печатно же изворачивались, не желая говорить въ лицо человѣку непріятности, а печать на насъ насѣдала, и подъ предлогомъ обсужденія этого инцидента сводились полемическіе счеты по разнымъ другимъ предлогамъ. «Литераторы отъ Медвѣдя»— стало крылатымъ словечкомъ. Вообще я не помню, чтобы какое другое литературное торжество вызвало столько разныхъ полемикъ, какъ именно обѣдъ въ честь Скабичевскаго, почему на извѣстной исторической перспективѣ на немъ и лежитъ нѣкоторый отпечатокъ своего рода событія, вызвавшаго расколы. Но рядомъ съ этими расколами тутъ же протянуты были и руки примиренія. Я разумѣю тутъ примиреніе Михайловскаго и Скабичевскаго. Былые друзья и соратники по «Отечественнымъ Запискамъ», они въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ разошлись и даже вступили на почву литературнаго препирательства и вовсе не по какому-либо принципіальному, идейному разногласію, но по курьезному случаю, о которомъ бѣгло разскажу, какъ мнѣ его обрисовалъ самъ Скабичевскій.

Рѣшивъ отплыть онъ своего перваго семейнаго берега, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный въ этомъ направленіи шагъ, вынесъ въ душѣ борьбу съ самимъ собою, борьбу, которой далъ отраженіе въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ, гдѣ по какому-то литературному поводу прочелъ мораль всѣмъ бросающимъ женщинъ, разрывающимъ семейныя узы и ищущимъ личнаго счастья въ ущербъ бросаемымъ. Какъ разъ въ тотъ же періодъ Михайловскій переживалъ также крушеніе одного изъ своихъ романовъ, которыми такъ богата была его жизнь, и вступалъ въ полосу новаго. Фельетонъ Скабичевскаго, являвшійся въ сущности актомъ самообличенія, въ освѣщеніи досужихъ людей, подсунувшихъ газету съ опредѣленнымъ жестомъ и съ опредѣленнымъ толкованіемъ Михайловскому, попадалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и самолюбивый соціологъ-публицистъ разразился противъ своего недавняго друга въ сущности совершенно не нужной полемикой и, какъ публицистъ огромнаго остроумія и больной насмѣшки, сумѣлъ, конечно, поставить своего оппонента въ невыгодное положеніе. Отсюда ихъ охлажденіе отношеній и неприглашеніе Скабичевскаго въ число сотрудниковъ «Русскаго Богатства», когда этотъ журналъ перешелъ подъ главенство Михайловскаго. Вотъ истинная причина его отсутствія въ спискѣ сотрудниковъ новой редакціи, хотя то, что говоритъ обозрѣватель «Голоса Москвы», имѣетъ свое нѣкоторое основаніе, берущее начало только въ дальнѣйшихъ событіяхъ, о которыхъ рѣчь ниже.

На юбилейномъ обѣдѣ Михайловскій пилъ здоровье своего былого друга, провозглашалъ тостъ за русскую литературу, и на слѣдующій день былъ у него съ визитомъ. Примиреніе состоялось, и Скабичевскій былъ приглашенъ дать что-нибудь для «Русскаго Богатства», о чемъ особенно хлопоталъ С. Н. Кривенко. И дѣйствительно, весною онъ принялся за статью о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ по поводу только что вышедшаго какого-то его новаго произведенія. Не тутъ вышло роковое недоразумѣніе. Нужно замѣтить, что именно въ это время въ кружкахъ лѣвой печати замѣчается особенное тяготѣніе къ яснополянскому философу и, конечно, не какъ къ художнику и философу христіанской морали, а какъ къ человѣку, ставшему въ оппозицію и къ буржуазному обществу, и къ правительству. Скабичевскій, стоявшій въ сущности всю жизнь внѣ активныхъ политическихъ теченій, не соразмѣрилъ этого движенія съ требованіями, которыя предъявлялись къ нему, какъ къ литературному критику, и, исходя изъ своей прежней позиціи сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» подошелъ къ Льву Николаевичу съ этой стороны. Выводъ для философіи автора «Войны и Мира» получался отрицательный, а это не соотвѣтствовало политическимъ тенденціямъ «Русскаго Богатства», въ расчеты котораго тогда вовсе не входила полемика съ Толстымъ. Скабичевскій не угодилъ радикальнымъ вѣяніямъ дня, и статья ему была возвращена. Отсюда новая обида и нежеланіе дѣлать болѣе попытокъ къ литературному сближенію съ редакціей Михайловскаго.

Онъ ограничился своей ролью фельетониста въ «Новостяхъ» и сотрудника Ф. Ѳ. Павленкова, съ которымъ у него было установлено особое соглашеніе, по которому Павленковъ, такъ сказать, законтрактовалъ себѣ отдѣльныя изданія Скабичевскаго, являясь ихъ единственнымъ собственникомъ, за что по расчету каждаго изданія выплачивалъ ему по 100 руб. въ мѣсяцъ. «Исторія новѣйшей русской литературы» шла шибко, былъ спросъ и на «Собраніе» всѣхъ сочиненій критика, а потому издатель и могъ безъ риска авансировать своему сотруднику суммы, нужныя ему для повседневной жизни. Ф. Ѳ. Павленковъ, какъ Г. З. Елисеевъ, помянувшій А. М. наравнѣ съ Гл. Успенскимъ въ своемъ завѣщаніи, давъ имъ право на выигрышъ по билету, пожертвованному литературному фонду, высоко цѣнилъ Скабичевскаго, какъ критика и историка литературы, и охотно во всемъ шелъ навстрѣчу его нуждамъ и желаніямъ. Заработокъ въ «Новостяхъ» и аренда, выплачиваемая Павленковымъ, и составляли жизненный матеріальный фондъ нашего критика, но дѣла Нотовича приходили понемногу въ упадокъ, газета явно падала, и Скабичевскій съ его платой по 50 руб. за еженедѣльный фельетонъ становился ему не по карману, старый фельетонистъ оказывался въ тягость издателю, который и началъ хлопотать о замѣнѣ его кѣмъ-нибудь другимъ побойчѣе, поновѣе и по-

выгоднѣе. Таковымъ сотрудникомъ и являлся Е. А. Соловьевъ (Скриба-Андреевичъ), человѣкъ очень талантливый, пользовавшійся въ нѣкоторыхъ молодыхъ кружкахъ широкой популярностью, но до нельзя безпутный и погибавшій отъ алкоголизма. Онъ былъ скорѣе ко двору во всѣхъ отношеніяхъ Нотовичу, и старый критикъ понемногу вынужденъ былъ сначала сократить свой заработокъ до минимума, а потомъ и совсѣмъ ликвидировать свои отношенія къ издателю «Новостей», печальный конецъ которыхъ за истощеніемъ подписчиковъ былъ тоже не за горами.

Налаживалась въ десятилѣтіе 90 годовъ у А. М. и работа въ изданіяхъ, которыя постоянно съ удивительнымъ упорствомъ, но и съ удивительнымъ несчастіемъ организовалъ и С. Н. Кривенко послѣ того, какъ онъ разорвалъ съ Н. К. Михайловскимъ и вылетѣлъ изъ «Русскаго Богатства». Такъ, мы видимъ Скабичевскаго въ это время членомъ редакціи и сотрудникомъ «Новаго Слова» и «Сына Отечества», изъ которыхъ Кривенко старался сдѣлать органы былыхъ правовѣрныхъ народниковъ, съ разработкой въ нихъ преимущественно экономическихъ вопросовъ и съ борьбою противъ нарождавшейся въ то время съ такимъ шумомъ плутократіи. Но всѣ эти попытки Кривенка оказывались неблагополучными, скоро лопались, и Скабичевскій снова оставался при однѣхъ «Новостяхъ» и изданіяхъ Павленкова. Отъ времени до времени его небольшія работы появлялись въ «Русской Мысли» редакціи В. А. Гольцева и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а также въ «Педагогическомъ Листкѣ» Д. И. Тихомирова, но это сотрудничество въ московскихъ изданіяхъ не могло быть постояннымъ и обезпечивающимъ опредѣленный заработокъ. Около всѣхъ этихъ изданій, въ особенности первыхъ двухъ, толпилось столько народа, алчущаго работы, что петербургскому гастролеру, да еще съ спеціальными литературными темами, оставалось здѣсь въ теченіе года немного мѣста.

Къ исходу 90-хъ годовъ новая семья Скабичевскаго перекочевала на постоянное жительство въ Павловскъ, гдѣ А. И. Топоровой была пріобрѣтена осѣдлость. Старику, болѣвшему въ послѣднее время въ столицѣ, хорошо было въ новомъ жильѣ и на свѣжемъ воздухѣ, но этотъ переѣздъ имѣлъ рядомъ съ хорошей и нѣсколько отрицательную сторону. Онъ сталъ чуждъ тѣмъ литературнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ принималъ прежде такое горячее участіе, и по немногу его стали забывать. Все рѣже и рѣже его характерная, тучная фигура, съ распущенными по плечамъ сѣдыми жидковатыми кудрями появлялась на нашихъ засѣданіяхъ, въ нашихъ собраніяхъ, и прибытіе Скабичевскаго понемногу начинало казаться напоминанеімъ отошедшей куда-то въ даль былой эпохи. Я помню, какъ одинъ довольно извѣстный публицистъ, увидавъ А. М., съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А былъ увѣренъ, что Скабичевскій уже давно скончался и всегда думалъ о немъ, какъ объ явленіи давно прошедшемъ!

Начали понемногу надвигаться на стараго писателя и невзгоды жизни. Сократился сначала заработокъ, потомъ вихрь политическихъ событій 1905 г. разсѣялъ ту молодежь въ его второй семьѣ, къ которой онъ былъ привязанъ; чуть было администрація не сдѣлала и его причастнымъ къ ошибкамъ и грѣхамъ этой молодежи, и ему даже грозила высылка изъ столь полюбившагося ему Павловска, но только вмѣшательство черезъ посредство Е. П. Карпова въ дѣло А. С. Суворина сохранило ему здѣсь пребываніе; наконецъ обрушилась новая бѣда. Душеприказчики Ф. Ѳ. Павленкова, ликвидируя его издательскія предпріятія, сдѣлали учетъ заборамъ Скабичевскаго. Балансъ оказался нарушеннымъ, заборъ захватилъ собою нѣсколько изданій впередъ, на расходъ которыхъ въ ближайшее время трудно было разсчитывать, и денежныя помѣсячныя выдачи были ему прекращены. Положеніе стараго и начавшаго сильно недомогать писателя сдѣлалось критическимъ и пришлось поклониться литературнымъ учрежденіямъ. Первая пришла на выручку «касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», коей онъ состоялъ учредителемъ и гдѣ онъ по всѣмъ правамъ имѣлъ право на пенсію. Таковая была ему назначена въ 1909 г. въ высшемъ размѣрѣ, по 50 руб. въ мѣсяцъ; засимъ откликнулся Литературный фондъ, коего онъ состоялъ членомъ и первымъ лѣтописцемъ, назначивъ ему ежемѣсячное пособіе въ 25 р., пришелъ на помощь и «фондъ имени императора Николая II» при академіи наукъ, со своей стороны ассигновавшій пособіе въ 25 р. въ мѣсяцъ. Получилась въ итогѣ сумма въ 100 р., на которую надо было жить, лечиться и еще выполнять нѣкоторыя свои обязательства въ отношеніи первой жены. Со смертью послѣдней эта сторона расходовъ сократилась, но выросли новые—на постоянное леченіе, на аптеку, на опредѣленный режимъ. Цѣлый рядъ писемъ ко мнѣ за это время обнаруживаетъ, какъ страдалъ бѣдный старый писатель передъ картиною надвигавшихся бѣдъ. Правда, рука близкой женщины дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы любимый человѣкъ не чувствовалъ ни въ чемъ недостатка, и его въ сущности не было, но было наличіе сознанія, что все приходящее является не результатомъ рукъ твоихъ и накопленіемъ изъ прошедшаго заработка, а пособіемъ со стороны. Его нѣкоторыя письма ко мнѣ дышатъ горечью отчаянія, и, читая ихъ, невольно всегда приходилъ на умъ старый стихъ: «братья писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое»...

Къ началу нынѣшняго года бюджетъ его удалось повысить до 125 р. въ мѣсяцъ, и когда я прислалъ ему это радостное извѣстіе, онъ съ грустью подъ диктовку отвѣтилъ мнѣ: «этимъ мнѣ уже не удастся воспользоваться—врядъ ли доживу до праздниковъ». Пророчество сбылось: на рубежѣ новаго года небольшая относительно

кучка писателей опустила его бренное тѣло въ могилу на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, и новый крестъ обогатилъ собою своеобразный кладбищенскій пантеонъ русской литературы. Отошелъ въ вѣчность послѣдній представитель большой литературной эпохи, вся жизнь котораго прошла въ литературѣ, для литературы и въ ея средѣ. Въ ряду же ея могильныхъ памятниковъ поставленъ и ему крестъ, рядомъ съ недавно скончавшимся его другомъ С. Н. Южаковымъ и любившимъ его Г. З. Елисеевымъ. Жизнь стараго русскаго литератора завершилась обычнымъ концомъ: безработицею, необезпеченностью подъ старость, пособіями и пенсіями изъ литературныхъ организацій и могилой на Волковомъ кладбищѣ...

Б. Глинскій.

ЕВРЕИ ВЪ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СЫЩИКОВЪ.

(Изъ давнопрошедшаго).

Въ ПЕРВУЮ половину прошлаго вѣка русское правительство, подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, зорко слѣдило, чтобы тайные агенты не проникали въ Южную Русь и не волновали населенія. Правительство особенно внимательно слѣдило за этимъ послѣ возстанія въ Польшѣ и во время движенія въ Венгріи, въ 1848 году. Особенно боялись проникновенія агентовъ поляковъ. Черниговскій губернаторъ Гессе въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года писалъ генералъ-губернатору генералу Кокошкину: «При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ нельзя утвердительно отвѣчать, чтобы по близости западныхъ губерній не нашлось изъ поляковъ такихъ людей, которые бы не стали искать укрывательства въ слободахъ раскольническихъ и которые не захотѣли бы воспользоваться неудовольствіемъ раскольниковъ противъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ при введеніи правильнаго священства и не стали бы возстановлять ихъ къ произведенію безпорядковъ!» [1]). При этомъ, надо сказать, губернаторъ оговаривается, что по настоящему поведенію раскольниковъ онъ не имѣлъ даже малѣйшаго повода къ настоящему его заявленію и раскольниковъ онъ считалъ вѣрными престолу и отечеству и если онъ принялъ мѣры, то изъ предосторожности. Онъ поэтому и предписалъ полиціи неослабно наблюдать за

---

[1]) Арх. губ. правл. 1840. № 2117—1.

новыми лицами, появляющимися среди раскольниковъ, и «всматриваться въ намѣренія и дѣйствія таковыхъ лицъ», и если будетъ замѣчено со стороны этихъ лицъ покушеніе къ «произведенію безпорядковъ», то подъ крѣпкимъ карауломъ доставлять ихъ въ Черниговъ. Генералъ-губернаторъ Кокошкинъ побоялся, чтобы полиція не поусердствовала въ этомъ дѣлѣ, и писалъ губернатору: «сдѣланныя вами распоряженія тогда только могутъ достигнуть желаемой цѣли, если будутъ выполнены съ надлежащею осторожностью, добросовѣстностью и умѣніемъ. Почему покорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить особенное вниманіе на лицъ, коимъ вы поручили исполненіе помянутыхъ вашихъ указаній, и ближайшимъ образомъ наблюсти, чтобы при этомъ не было допущено какихъ-либо злоупотребленій и чтобы предложенныя вами снисходительныя мѣры въ отношеніи раскольниковъ не были истолкованы превратнымъ образомъ» [1]).

Напрасны были безпокойства черниговскаго губернатора: агентовъ изъ поляковъ не было. Но сами обыватели, изъ желанія получить награду или по другимъ соображеніямъ, указывали администраціи на появленіе лицъ среди населенія, являвшихся, по ихъ мнѣнію, подозрительными. Такъ поступилъ отставной подполковникъ Константинъ Савичъ, проживавшій въ заштатномъ городѣ Глинскѣ Роменскаго уѣзда. Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года онъ донесъ полтавскому губернатору Ознобишину, что въ Роменскомъ уѣздѣ встрѣчаются люди, «которые въ заблужденіяхъ своихъ претендуютъ на правительство по разнымъ отношеніямъ и высказываютъ какія-то темныя ожиданія, удовлетворительныя для ихъ видовъ». При этомъ онъ сообщаетъ, что земская полиція Глинской волости производила «осмотръ», какъ онъ выразился, проѣзжающихъ неизвѣстныхъ лицъ, и въ это время былъ взятъ подъ присмотръ нѣкто Нечай по подозрѣнію, что онъ «миссіонеръ» французскій или польскій». Этотъ проѣздъ Нечая, по сообщенію подполковника, взволновалъ умы глинскихъ обывателей и, какъ выразился онъ, «оставилъ черную мысль въ заблужденіяхъ, отъ которыхъ могутъ возникнуть важныя послѣдствія». Чтобы во всемъ этомъ удостовѣриться, подполковникъ Савичъ писалъ, что слѣдуетъ отправиться на хуторъ помѣщика Заруднаго, гдѣ 9 мая бываетъ храмовой праздникъ, куда стекается отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ и «гдѣ сокровенные языки выскажутъ свои таинства». Губернаторъ Ознобишинъ, получивъ эти данныя отъ Савича, поручилъ чиновнику особыхъ порученій Плансону тщательно провѣрить ихъ «секретными дѣйствіями», которыя можетъ указать благоразумная осторожность. При этомъ губернаторъ предписалъ ему не «увлекаться невѣрными и не имѣющими достаточныхъ основаній сомнѣніями, могущими относиться

[1]) Арх. губ. правл. 1848. № 223.

къ стѣсненію невинныхъ». Плансонъ, находившійся по дѣламъ службы въ Ромнахъ, отправился въ Глинскъ, къ подполковнику Савичу, у котораго и прожилъ три дня. Съ цѣлью же разузнать среди народа, что его волнуетъ и какія это онъ ожидаетъ «удовлетворительные виды для себя», Плансонъ пригласилъ изъ Полтавы еврея Розенберга, который ему извѣстенъ былъ своею честностью, а послѣдній взялъ съ собой и товарища по торговлѣ, еврея Звенигородскаго, и ихъ-то Плансонъ и отправилъ, въ качествѣ тайныхъ агентовъ, разузнать среди народа о причинахъ волненія... Розенбергъ счелъ долгомъ прежде всего посѣтить волостное правленіе, куда и явился 8 мая; здѣсь онъ засталъ только волостного писаря, казака Ярна.

— Что у васъ здѣсь слышно?—спрашиваетъ у Ярна Розенбергъ.

— Все благополучно,—отвѣчаетъ Ярно.

— А у насъ хорошее и притомъ новое,—говоритъ Розенбергъ.—Въ Пет рбургѣ былъ бунтъ, о чемъ читалъ я въ газетахъ.

Далѣе онъ началъ распространяться о «стѣсненіи быта народа, въ особенности евреевъ».

— И зачѣмъ жить у русскаго царя,—продолжалъ онъ:—лучше быть вольнымъ, нежели жить подъ игомъ царя...

— Какъ же это сдѣлать?—спрашиваетъ у еврея Ярно.

— Да такъ, не хотимъ царя слушать, мы сдѣлаемъ свое правительство.

При этомъ онъ добавилъ, что Кіевская губернія вся къ этому склонна, да и большая часть Малороссіи...

Послѣ этого разговора Розенбергъ ушелъ... На другой день казакъ Ярно пригласилъ пять человѣкъ въ качествѣ свидѣтелей и, помѣстивъ ихъ за перегородкой въ волостномъ правленіи, послалъ за этими евреями. Первымъ пришелъ Розенбергъ, а затѣмъ и Звенигородскій.

Казакъ Ярно теперь самъ заводитъ рѣчь и начинаетъ его разспрашивать о бунтѣ. Но еврей Розенбергъ заявилъ: «говоренное нами вчера пустое». Но Ярно все-таки старается его навести на тему вчерашняго разговора.

— Какъ же идетъ бунтъ?..—желаетъ знать казакъ Ярно.

— Ходъ хорошій,—говоритъ Розенбергъ:—не лучше ли пользоваться свободою, чѣмъ жить у русскаго царя; Кіевская губернія вся къ этому склонна и большая часть Малороссіи, кромѣ Россіи, гдѣ чѣмъ-то свободнѣе людямъ...

Ярно замѣтилъ ему, что изъ всего этого могутъ произойти дурныя послѣдствія, что народъ не будетъ на то согласенъ и свобода будетъ не больше, какъ на одинъ день...

— Не бойтесь, вы вѣдь знаете, что нѣтъ ничего дороже человѣку свободы, хотя на одинъ день, что въ древнія времена княжества были малыя, да свободно жили люди.

— А какъ насчетъ помѣщиковъ?—спрашиваетъ Арно.

— Ихъ много согласныхъ есть...

Въ это время скрытые пять свидѣтелей ворвались въ комнату и крикнули на нихъ: «вы бунтовщики, васъ въ Сибирь!..»

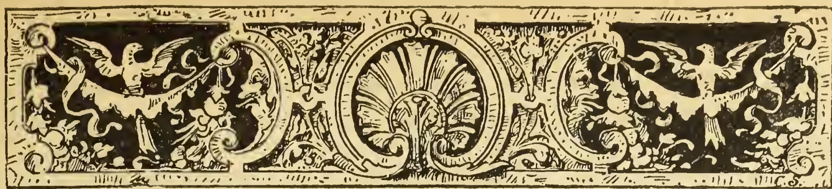
— Намъ Сибирь не страшна,—сказалъ еврей Розенбергъ, сознавая, что этого не будетъ, такъ какъ они посланы чиновникомъ особыхъ порученій, который надѣялся, что они при своей ловкости могутъ разузнать отъ народа, что онъ ждетъ отъ правительства.

Но, конечно, онъ ошибся: евреи, несомнѣнно, взялись не за свое дѣло. Ихъ тутъ же въ волостномъ правленіи арестовали и обыскали. Ничего, конечно, не нашли, но привлекли все-таки къ отвѣтственности. Уже самъ Плансонъ писалъ губернатору и выяснилъ, что эти евреи имъ посланы въ Глинскъ и въ имѣніе Заруднаго. Дѣло это окончилось полнымъ ихъ оправданіемъ, но о немъ было доведено до свѣдѣнія министра юстиціи, доложившаго объ этомъ и государю. Императоръ Николай I повелѣлъ сообщить губернатору, что чиновники, посылаемые для разысканія, не должны употреблять подобныхъ средствъ, а тѣмъ болѣе выбирать въ сотрудники людей, неспособныхъ къ этому, и черезъ нихъ вовлекать жителей въ «преступные разговоры». Казаку же Ярно повелѣно выдать денежное вознагражденіе, какъ «поступившему съ полною ревностью и расторопностью» [1])!

И. Ф. Павловскій.

[1]) Арх. губ. правл. 1848. № 231. св. 1 .

РУССКІЕ УЧЕНЫЕ ВЪ ПЕРСІИ [1].

Въ НАЧАЛѢ 1896 года въ Москвѣ была задумана графомъ А. А. Бобринскимъ и приватъ-доцентомъ мѣстнаго университета Н. В. Богоявленскимъ (зоологъ) научная экспедиція съ этнографическими и зоологическими цѣлями. Первоначальный маршрутъ ея былъ таковъ: чрезъ Константиполь въ Бейрутъ; коснуться сѣверной Аравіи, продвигаясь къ Персидскому заливу; затѣмъ Багдадъ, Шератикъ и черезъ Персію вернуться обратно въ Россію. На все это ассигновано было времени около года.

Снаряженіе эксп диціи, въ томъ числѣ снабженіе ея весьма цѣнными аппаратами и пр., графъ Бобринскій принялъ на свой счетъ. Русское императорское географическое общество было подробно освѣдомлено объ экспедиціи и заинтересовалось ею. Оно санкціонировало предпріятіе, снабдило руководителей офиціальными рекомендаціями къ надлежащимъ русскимъ властямъ за границей и заблаговременно письменно (офиціально) просило русское посольство въ Константинополѣ оказать возможное содѣйствіе путешественникамъ въ видахъ наиуспѣшнаго достиженія ихъ научныхъ цѣлей.

Выѣхали графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій изъ Одессы въ мартѣ 1896 года на пароходѣ. Въ Константинополѣ они должны

---

[1]) Предлагаемый эпизодъ сообщенъ автору приватъ-доцентомъ московскаго университета Николаемъ Васильевичемъ Богоявленскимъ, который много путешествовалъ по Востоку и по собственной инициативѣ, и какъ членъ ученыхъ экспедицій. Онъ былъ два раза на Памирахъ, объѣхалъ Индію, Аравію, Египетъ, Нубію, прибрежья Средиземнаго моря и проч.

были остановиться; сами они сошли на берегъ, но свой драгоцѣнный—научно громоздкій—багажъ оставили временно на пароходѣ, не спѣша перегружать на берегъ и предъявлять его турецкой таможнѣ.

Графъ Бобринскій явился къ послу, дѣйствительному тайному совѣтнику А. Н. Нелидову, просить его содѣйствія и рекомендаціи для дальнѣйшаго движенія экспедиціи на Бейрутъ въ Сирію и т. д., согласно отправленнаго къ нему ранѣе сообщенія императорскаго русскаго географическаго общества. Но, къ своему изумленію, путешественники получили отъ посла рѣшительный отказъ, который мотивировался такъ: въ Сиріи неспокойно; тамъ идутъ вооруженныя распри между воинственными племенами друзовъ. Враждебныя дѣйствія друзовъ, по мнѣнію посольства, настолько обострены, что представитель Россіи не можетъ ручаться за безопасность экспедиціи, а, слѣдовательно, и не считаетъ себя въ правѣ оказывать ей офиціальное содѣйствіе, ибо оно въ лучшемъ случаѣ (по его мнѣнію) могло бы оказаться безплоднымъ. Однако посолъ заявилъ, что онъ не будетъ задерживать экспедиціи, если вожаки ея непремѣнно желаютъ двигаться впередъ, но въ такомъ случаѣ ставитъ условіе sine qua non: они должны придать путешествію вполнѣ частный характеръ; продвигаться «за свой собственный страхъ и рискъ», не пользуясь никакимъ покровительствомъ ни константинопольскаго посольства, ни другихъ русскихъ властей, ни даже санкціей императорскаго русскаго географическаго общества, дабы и послѣднее не подвергалось риску быть скомпрометированнымъ.

Представляли ли въ данный моментъ друзскія волненія (имѣющія испоконъ вѣка хроническій характеръ) что-либо особенно опасное—выяснено не было. Также оставалось не выясненнымъ, почему русское посольство при Оттоманской Портѣ не извѣстило императорское русское географическое общество о препятствіи ранѣе отъѣзда экскурсіи изъ Россіи. По расчету, оно имѣло на то время и могло бы предупредить большія для послѣдней неудобства и убытки, не только матеріальные, но и научные.

Во всякомъ случаѣ положеніе руководителей было настолько затруднительно, что они рѣшились измѣнить маршрутъ. А именно: возвратиться въ Россію на пароходѣ; прослѣдовать до границъ Персіи; затѣмъ черезъ Тегеранъ и южную Персію выйти къ Персидскому заливу, а оттуда уже направиться къ Бейруту. Они имѣли основаніе надѣяться, что къ тому времени, когда они доберутся до Сиріи симъ окольнымъ путемъ, острая опасность тамъ—если она дѣйствительно существовала—исчезнетъ. Конечно, такое измѣненіе программы влекло за собой большую потерю времени и крупные непредвидѣнные расходы. Главное же неудобство представлялъ экспедиціонный багажъ. Онъ, какъ мы уже сказали, былъ привезенъ въ Константинополь, но, къ счастью, не былъ еще свезенъ съ паро-

хода на берегъ и, слѣдовательно, таможенныя пошлины за него не были уплачены. Тѣмъ не менѣе можно было опасаться, что когда его привезутъ обратно въ Россію, то русская таможня не пропуститъ его даромъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи русскій посолъ любезно предложилъ свои услуги. Онъ выдалъ графу Бобринскому свидѣтельство (адресованное въ севастопольскую таможню) въ томъ, что данный багажъ, будучи привезенъ изъ Россіи въ Турцію, властями послѣдней не былъ даже осмотрѣнъ и возвращается на родину въ дѣвственномъ, съ таможенной точки зрѣнія, состояніи. Слѣдовательно, оплатѣ русскими пошлинами и даже осмотру подлежать не можетъ. Однако (потому ли, что такое указаніе не входило въ юридическую компетентность дипломатическаго представителя Россіи, или по какой иной причинѣ) по прибытіи экспедиціи въ Севастополь свидѣтельство посольства на русское таможенное начальство никакого впечатлѣнія не произвело. Багажъ былъ все-таки осмотрѣнъ, хотя весьма снисходительно, поверхностно, и главное—пошлинъ съ него ни гроша не взыскали. Очень можетъ быть, что это зависѣло единственно отъ личнаго взгляда начальства даннаго пункта [1]).

Какъ бы то ни было, графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій со спутниками и багажомъ добрались, болѣе или менѣе благополучно до Тегерана. Но здѣсь ихъ благополучію былъ положенъ предѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ неожиданный. Они прибыли въ столицу Персіи въ тотъ самый день, когда былъ убитъ шахъ Насръ-Эддинъ.

Настроеніе столичнаго (а по слухамъ и провинціальнаго) населенія было смутное, тревожное, вспыхивали волненія, покуда, впрочемъ, не особенно значительныя. Можно, однако, было опасаться (и компетентныя лица опасались) развитія въ самомъ близкомъ будущемъ массоваго движенія около Тегерана. Собственно, не столько трагическая кончина Насръ-Эддина непосредственно обусловливала эти опасенія, сколько внезапно возникшая, быстро возрастающая дороговизна съѣстныхъ припасовъ первой необходимости въ столицѣ. Вздорожанію не предвидѣлось предѣловъ, оно же, въ свою очередь, вызывалось тревожнымъ настроеніемъ населенія окружающихъ Тегеранъ провинцій, вслѣдствіе усилившейся дѣятельности разбойниковъ, которые воспользовались критическимъ моментомъ для властей и государства. Они работали и въ обыкновенное время по большимъ дорогамъ, по которымъ подвозились съѣстные припасы въ столицу, особенно по тѣмъ, которыя вели въ Тегеранъ отъ русской границы (囗ештъ), потому что по этимъ дорогамъ провозилась значительная часть провіанта.

---

[1]) Для краткости мы опускаемъ рядъ характерныхъ фактовъ, подтверждающихъ такую догадку о произволѣ мелкаго таможннаго начальства не только въ Севастополѣ, но и въ другихъ пунктахъ слѣдованія экспедиціи по Россіи.

Благодаря, однако, энергіи и смѣтливости русскаго полковника Коссаговскаго, состоявшаго тогда инструкторомъ казачьей бригады шаха (онъ представлялъ довольно разностороннюю и нешуточную власть въ ближайшихъ провинціяхъ), подвозъ продовольствія былъ постепенно возстановленъ, и цѣны на него понижены. Коссаговскій для достиженія этой цѣли вошелъ, какъ полагали, въ соглашеніе съ наиболѣе вліятельными грабителями, работавшими на упомянутыхъ дорогахъ, обѣщая за ихъ воздержаніе значительную сумму денегъ, которая, по всей вѣроятности, покрывала бы недохваты, обусловливаемые бездѣйствіемъ.

Несмотря, однако, на эти и другія болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, направленныя къ успокоенію страны, время уходило, а волненія въ провинціяхъ еще не вполнѣ прекратились. Мѣсяцъ уже сидѣли въ Тегеранѣ наши странники, ибо сами сознавали опасность дальнѣйшаго передвиженія. Это сознаніе одобрялось мѣстнымъ русскимъ представителемъ.

Конечно, они не теряли времени, собирали разныя свѣдѣнія, могущія имъ пригодиться и научно и практически въ близкомъ будущемъ. Только знакомиться съ Персіей, сидя въ Тегеранѣ подъ сѣнью русской миссіи, во главѣ которой стоялъ тогда тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Бюцовъ, было не легко. Ни графъ Бобринскій, ни Н. В. Богоявленскій по-персидски не знали. Въ составѣ русской миссіи было только одно лицо (если не считать драгомана, самое существованіе котораго обусловливается знаніемъ мѣстнаго языка), а именно г-нъ Батюшковъ, дѣйствительно знатокъ мѣстнаго языка, любовно и толково занимавшійся изученіемъ Персіи. Впослѣдствіи онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательную по правдивости и содержательности статью объ этомъ государствѣ. Но русскіе ученые стѣснялись злоупотреблять его любезностью, отрывать его отъ занятій. Правда, въ нѣкоторыхъ миссіяхъ другихъ европейскихъ государствъ были непочатые углы знатоковъ и языка и страны вообще. Напримѣръ, въ германской всѣ служащіе говорили по-персидски. Но по понятнымъ причинамъ русскіе путешественники избѣгали обращаться къ нимъ. Въ русской миссіи не имѣлось даже самыхъ необходимыхъ географическихъ и торговыхъ свѣдѣній. Тамъ, напримѣръ, нельзя было узнать толкомъ о расписаніи пароходныхъ рейсовъ по Персидскому заливу, что, между прочимъ, прямо стѣсняло всѣхъ русскихъ путешественниковъ и особенно промышленниковъ, заинтересованныхъ торговлей жемчугомъ, который добывается въ заливѣ и привозится въ Борхаимъ, какъ въ центральный рынокъ этого товара. Миссія вообще имѣла весьма смутныя понятія о путяхъ сообщенія; и по этой части проявлялись курьезные промахи, невыгодные для нея самой.

За весь мѣсяцъ тегеранскаго сидѣнія руководители экспедиціи не пытались даже ходатайствовать въ миссіи о ея содѣйствіи ихъ

дальнѣйшему передвиженію. Въ виду осторожности барона фонъ-Бюцова всякое обращеніе къ нему по этому предмету было бы безполезно. Однако имъ представилась неожиданно надежда обойтись безъ содѣйствія миссіи, и они съ радостью ухватились за эту надежду. А именно:

Въ составъ Персидскаго государства входятъ, между прочимъ, нѣкоторыя провинціи, внѣшне и оффиціально спаянныя съ владѣніемъ шаха, но спаянныя весьма поверхностно и доселѣ еще не примирившіяся съ утратой своей древней національной самостоятельности. Изъ нихъ наиболѣе опасна провинція, которая населена бахтіарами. Бахтіары считаютъ себя потомками великихъ бактіанъ, исконныхъ обитателей и въ извѣстной степени властителей страны. Это народъ воинственный, храбрый, лихой, энергичный, никогда не разстающійся съ оружіемъ. Кромѣ того, большинство ихъ отъ природы весьма умны и симпатичны своей развитостью и нравами. Персидскіе шахи очень осторожно обращаются съ ними: избѣгаютъ рѣзкихъ столкновеній, но не забываютъ держать камень за пазухой. Между прочимъ шахъ имѣлъ постоянно въ персидской столицѣ какъ бы гостемъ, но въ сущности заложникомъ, одного изъ близкихъ родственниковъ бахтіарскаго хана (почти неограниченнаго правителя своей области). Этотъ заложникъ жилъ въ описываемое нами время въ столицѣ на свободѣ, имѣлъ около десятка своихъ тѣлохранителей земляковъ, такъ же, какъ и онъ самъ, превосходно вооруженныхъ съ головы до ногъ. Во время пребыванія въ Тегеранѣ графа А. А. Бобринскаго и Н. В. Богоявленскаго такимъ заложникомъ являлся родной братъ бахтіарскаго хана, умный и пріятный въ обращеніи человѣкъ. Онъ познакомился съ нашими путешественниками, произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе, сообщилъ имъ много свѣдѣній. Вскорѣ между ними завязались откровенныя дружескія отношенія, и онъ предложилъ помочь ихъ бѣдѣ.

Черезъ мѣсяцъ волненія въ провинціяхъ, по которымъ лежалъ ихъ путь къ Персидскому заливу, настолько ослабѣли, что не представляли, по мнѣнію ученыхъ, серьезной опасности. Только въ области Лури (по которой русскимъ необходимо было сдѣлать два перехода) населеніе было еще настроенно довольно буйно. Но область Лури лежала бокъ о бокъ съ владѣніями хана бахтіарскаго и находилась подъ мощнымъ его вліяніемъ. Черезъ посредство своего брата ханъ предложилъ руководителямъ экспедиціи свои услуги: рекомендаціи къ главарямъ лурійскаго населенія, а на всякій случай и конвой своихъ бахтіаръ (въ числѣ 8 или 10 человѣкъ) на переходы по Лурійской области.

Графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій не были новичками по части путешествій на востокъ. Они знали по предыдущимъ опытамъ, что подобныя рекомендаціи и вообще покровительство вліятельныхъ туземцевъ едва ли не полезнѣе и не вѣрнѣе документовъ

отъ офиціальныхъ властей. Они имѣли основаніе вполнѣ довѣряться бахтіарскому хану и его брату и приняли предложеніе, разумѣется, рѣшивъ продолжать путешествіе на свой «личный страхъ и рискъ», независимо отъ всякихъ офиціальныхъ покровительствъ, даже не пользуясь документами императорскаго русскаго географическаго общества.

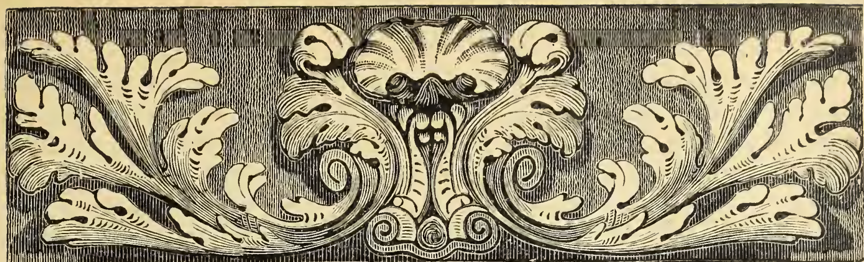
Впрочемъ, иначе они и не могли поступить, зная, что баронъ фонъ-Бюцовъ ни за какія блага въ мірѣ не согласится ихъ выпустить (по крайней мѣрѣ еще весьма продолжительное время) изъ Тегерана, если бы на немъ оставалась хоть тѣнь отвѣтственности за безопасность научной русской экспедиціи. Сообщить лично фонъ-Бюцову о принятомъ рѣшеніи выпало на долю Н. В. Богоявленскаго. Онъ былъ принятъ весьма любезно русскимъ представителемъ, который оставался вполнѣ любезнымъ и корректнымъ, покуда передъ нимъ не выяснилась суть рѣшенія ученыхъ. Узнавъ же объ ихъ рѣшеніи, онъ совсѣмъ измѣнилъ тонъ, запальчиво доказывалъ, что довѣряться какимъ-то дикарямъ нелѣпо, что это совершенное безуміе со стороны Н. В. Богоявленскаго и графа Бобринскаго; увѣрялъ, что имъ грозитъ неминуемая гибель. Напрасно Н. В. старался выяснить основательность рѣшенія. Баронъ фонъ-Бюцовъ ничему не внималъ. Убѣдясь же, что оба руководителя научнаго предпріятія безповоротно рѣшили двинуться въ путь, онъ наложилъ на ихъ намѣреніе свое—тоже безповоротное—veto. Онъ заявилъ, что въ силу инструкціи русскаго правительства онъ вышлетъ гр. Бобринскаго и его товарища за границу Персіи, въ предѣлы Россіи административнымъ порядкомъ, проще говоря—по этапу.

Сила солому ломитъ. Наши путешественники не могли не считаться съ такой альтернативой. Научныя цѣли экспедиціи остались даже не затронутыми; пропали даромъ время двухъ ревностныхъ ученыхъ и тысячи рублей, затраченныхъ графомъ Бобринскимъ на снаряженіе...

Конечно, и константинопольское посольство и тегеранская миссія поступили вполнѣ bona fide. Хотя, съ другой стороны, возможно было предполагать, что они сами были неудовлетворительно освѣдомлены, что волненія въ Сиріи и даже въ Персіи не представляли ничего опаснаго для нашихъ ученыхъ.

Н. Н. Фирсовъ (А. Рускинъ).

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА.

(19 февраля 1861—1911 гг.).

Въ ФЕВРАЛѢ текущаго года исполняется знаменательная годовщина пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ, того великаго историческаго событія, которое нашъ геніальный поэтъ еще въ началѣ XIX столѣтія такъ страстно желалъ видѣть осуществленнымъ, когда восклицалъ:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря?..

19 февраля 1861 года надежды А. С. Пушкина до извѣстной степени сбылись и, по выраженію А. С. Хомякова, «клейменая игомъ рабства» Россія была призвана ея верховнымъ вождемъ къ новой жизни, гдѣ съ нея смывалось былое позорное пятно и она съ Божіимъ благословеніемъ призывалась на «свободный трудъ», въ коемъ усматривался залогъ «домашняго благополучія» ея милліоннаго населенія и «благо общественное» всей нашей родины. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершилось то, о чемъ мечтали лучшіе русскіе умы въ теченіе многихъ и многихъ годовъ, къ чему со страхомъ и трепетомъ подступали въ нерѣшительности законодатели, что имѣетъ свой длинный, слезами и кровью политый путь и что, въ концѣ концовъ, осуществилось такъ, какъ то предвидѣлъ геніальный поэтъ—«по манію царя», не

смотря на всю оказанную ему въ этомъ великомъ его движеніи сердца оппозицію со стороны многихъ ближнихъ, со стороны многихъ сотрудниковъ по управленію, со стороны большинства вѣрноподданныхъ рабовладѣльцевъ. Великій историческій моментъ надвинулся тихо, спокойно, эпически, развернулся безъ всякихъ потрясающихъ драмъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ съ тревогою ожидали и наши западные сосѣди, и многіе отечественные дѣятели, и разрѣшился законодательнымъ актомъ, раздѣлившимъ исторію Россіи на два періода—дореформенный, крѣпостническій, и пореформенный, въ кругу котораго мы и встрѣчаемъ нынѣ наступающую знаменательную годовщину.

При всей грандіозности проведенія реформы въ томъ видѣ, какъ ее издавна еще намѣчали лучшія силы родины,—съ надѣленіемъ крестьянства землею, реформа все же вышла изъ рукъ законодателя далеко не совершенною и не устроившею русскую жизнь ни къ окончательному благополучію фундамента Россіи—крестьянства, ни давшею обществу ожидаемаго имъ блага. Противу первоначальной воли законодателя пришлось сдѣлать значительныя уступки правящимъ сферамъ и привилегированнымъ классамъ и... историческій путь жизни нашей родины оказался вслѣдствіе сего сильно поврежденнымъ и далеко нетвердымъ въ своей экономической загрунтовкѣ. Послѣдняя скоро дала трещины, стала расползаться, и призракъ сельскаго оскудѣнія сталъ у порога обновленной жизни, какъ реальный фактъ. Отсюда послѣдовали многія дальнѣйшія бѣды, поставившія Россію въ разрядъ бѣдныхъ странъ съ малоземельнымъ населеніемъ, истощеннымъ непосильными налогами, и съ отсутствіемъ средствъ къ безбѣдному существованію. Нелегка оказалась и участь класса освободителей: дворянское помѣстное оскудѣніе тоже стало скоро фактомъ непреложнымъ; и оба эти явленія, обѣднѣлое дворянство и крестьянство, какъ реальныя явленія государственной жизни Россіи, поставили послѣдующему времени такія законодательныя задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ оно трудится и понынѣ, съ надеждой на обрѣтеніе въ концѣ концовъ вѣрныхъ средствъ врачеванья общихъ экономическихъ недуговъ. Въ нашихъ историческихъ очеркахъ, посвященныхъ обозрѣнію всего хода великой реформы, мы достаточно говорили на эту тему и не считаемъ нужнымъ здѣсь возвращаться къ сказанному. Интересующихся и незнакомыхъ съ этой стороной отечественной жизни отсылаемъ къ части очерковъ подъ заглавіемъ «Эпоха реформъ» («Истор. Вѣстн.» 1908 г.).

Не дала великая реформа и того блага обществу, котораго оно такъ домогалось и о которомъ на зарѣ реформы мечтало. Великая крестьянская реформа была проведена частично, сама по себѣ, безъ своевременнаго видоизмѣненія того политическаго и государственнаго строя, которое было необходимо. Вино новое было влито въ мѣха старые, и, несмотря на то, что въ государственномъ орга-

низмѣ были вслѣдъ за симъ сдѣланы нѣкоторыя, правда, существенныя, но все же частичныя нововведенія и послѣдовавшія реформы внесли въ русскую жизнь струю новизны, эти реформы все же органически не переродили русской государственной жизни, и старый полицейско-бюрократическій режимъ продолжалъ тяготѣть подъ историческимъ бытіемъ Россіи. Все было дѣлаемо частично, внѣ гармонической и органической связи одного съ другимъ —

Императоръ Александръ Николаевичъ.

отсюда отсутствіе желаннаго «блага» въ полномъ его объемѣ и отсюда всѣ государственныя, политическія и общественныя тренія послѣдующихъ десятилѣтій вплоть до великаго акта 17 октября 1905 г., который какъ бы вѣнчаетъ то государственное зданіе, къ обновленію котораго было приступлено почти 50 лѣтъ тому назадъ. Къ чему приступилъ при очень трудныхъ обстоятельствахъ по личной волѣ царь-освободитель, нынѣ доканчиваетъ

благополучно здравствующій его внукъ. Царствованія Александра II и Николая II такимъ образомъ приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе, являются какъ бы взаимнодополняющими и логически вытекающими одно изъ другого. Всякое строительство исторической жизни народовъ протекаетъ труднымъ процессомъ, путемъ тернистымъ, путемъ борьбы, путемъ опытовъ, путемъ разочарованій, путемъ заимствованій изъ исторической наличности другихъ народовъ. Такъ шла и такъ идетъ Россія въ ея поступательномъ движеніи къ лучшему будущему, въ которое нельзя не вѣрить. У нея имѣются нынѣ путеводныя звѣзды, озаряющія ея историческій путь, звѣзды, которыя ярко горятъ на ея историческомъ небосклонѣ, то-звѣзда 19 февраля 1861 года и звѣзда 17 октября 1905 г. Если отъ времени до времени свѣтъ этихъ звѣздъ меркнетъ и лучи ихъ въ своемъ паденіи не сливаются, то будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда это сбудется и вся жизнь Россіи освѣтится нужнымъ ей ровнымъ свѣтомъ, гдѣ не будетъ перерывовъ въ освѣщеніи и гдѣ тучамъ и непогодамъ не останется мѣста.

Не трудно, конечно, въ приближающійся великій день поставить на историческій счетъ былымъ, отошедшимъ въ вѣчность дѣятелямъ Россіи и ея настоящимъ вершителямъ судьбы всѣ ихъ промахи, неудачи, ошибки. Гдѣ ихъ въ исторіи и у историческихъ дѣятелей нѣтъ? Мы не возмутимъ плачемъ и причитаніемъ быть можетъ, тоскующія тѣни отошедшихъ въ вѣчность, какъ не будемъ лишать бодрости современныхъ намъ живыхъ работниковъ и скажемъ, глядя на обѣ наши указанныя историческія звѣзды, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ:

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ имъ безъ расчета
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Перо, которымъ Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Да, «пусть почіютъ мирно гробы тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!» пусть они почіютъ, но и будетъ имъ память вѣчная, и на обязанности писателя лежитъ прежде всего сказать эту память вѣчную тѣмъ своимъ былымъ собратьямъ по перу, которые, начиная отъ Радищева и вплоть до Герцена, несли свой трудъ и свои страданія къ прозрѣнію исторической звѣзды 19 февраля 1861 г. Длиненъ этотъ списокъ, настолько длиненъ, что онъ заполонилъ собою русскую литературу и превратилъ ее въ литературу, подчиненную великому историческому событію освобожденія. Длиненъ былъ и послѣдующій литературный списокъ, упирающійся въ своей освободительной работѣ въ день 17 октября 1905 г. Почившимъ въ этомъ спискѣ, также «память вѣчная», живущимъ и устоявшимъ слава и привѣтъ! Но, помянувъ въ своемъ домашнемъ, такъ сказать, поминовеніи родныхъ и близкихъ, мы уже въ согласіи со всѣмъ русскимъ народомъ несемся съ своей вѣчной памятью къ тому, кто явился камнемъ, на коемъ созиждилось освобожденіе 1861 г.,—къ царю-освободителю, подписавшему своимъ историческимъ перомъ, которое мы при семъ воспроизводимъ, актъ 19 февраля и назвавшему день провозглашенія манифеста «лучшимъ днемъ своей жизни». Онъ выполнилъ завѣтъ своего наставника, привѣтствовавшаго его рожденіе словами: «да на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій человѣкъ». Когда-то Герценъ, въ 9 № «Колокола» за 1858 г., писалъ: «Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано, грядущія поколѣнія этого не забудутъ»! Неблагодарное забвеніе есть великій грѣхъ исторіи, и нынѣ, передъ памятью царя-освободителя, мы менѣе всего хотѣли бы впасть въ этотъ грѣхъ, почему, воспроизводя здѣсь драгоцѣнный образъ того, кому милліоны людей оказались обязанными своей свободою, мы приводимъ и прекрасную его общую характеристику, сдѣланную покойнымъ историкомъ С. С. Татищевымъ, которую читатели найдутъ въ «послѣсловіи» 2-го изданія его жизнеописанія Александра II. Здѣсь историкъ говоритъ: «Въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о вступленіи его на прародительскій престолъ, государь Александръ Николаевичъ выразилъ твердую рѣшимость быть исполнителемъ державныхъ завѣтовъ на благо Россіи предшественниковъ своихъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и высокочтимаго и нѣжно любимаго имъ незабвеннаго отца. Подобно имъ, служеніе отечеству вмѣнялъ онъ себѣ въ священной долгъ, всѣхъ своихъ подданныхъ обнималъ отеческою царскою любовью и царственную дѣятельность свою—выражаясь собственными его словами—почиталъ за «высокій жребій, чрезъ теченіе событій поданный ему рукою Провидѣнія!»

«Сѣмена правды и добра, вложенныя въ его отзывчивую душу людьми, призванными на дѣло его воспитанія, въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности онъ остался вѣренъ до конца, полагая свою задачу въ томъ, чтобы,—снова приводимъ его слова,—«видѣть народъ свой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраняемымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ». Двадцатишестилѣтнее царствованіе его было непрерывнымъ стремленіемъ къ осуществленію этой задачи.

«Великими внутренними преобразованіями, вдохнувшими въ Россію новую жизнь, Александръ Николаевичъ оправдалъ историческое міросозерцаніе русскаго народа, исконную вѣру его въ самодержавіе. Во внѣшней политикѣ онъ смѣлѣе и дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ Россію по пути ея всеміpно-историческаго призванія, освободивъ отъ мусульманскаго ига соплеменные и единовѣрные ей христіанскіе народы европейскаго Востока, распространивъ въ глубь Азіи просвѣщеніе и гражданственность съ расширеніемъ предѣловъ Богомъ ввѣренной ему державы до Восточнаго океана и подножія Гималайскаго хребта.

«Конечно, не всѣ его благія начинанія увѣнчались успѣхомъ. Причины тому—независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ,—промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ закономѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій конецъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъ влеченію чувства.

«Исторія не вмѣнитъ ему этого въ вину, потому что нѣтъ въ мірѣ большаго величія, «какъ величіе нравственное». Императоръ Александръ II палъ жертвою своего доброжелательства, своего довѣрія къ людямъ, своихъ человѣколюбія и кротости. Но послѣдующія поколѣнія уже пожинаютъ плоды его царственныхъ трудовъ и подвиговъ. Милліоны не однихъ только русскихъ людей, но и родственныхъ имъ по вѣрѣ и происхожденію зарубежныхъ народовъ свято и благоговѣйно чтутъ дорогую имъ память Царя-Освободителя.

«Воистину Александръ II былъ для Россіи тотъ «добрый пастырь», который, по слову Христа, «душу свою полагаетъ за овцы».

Памяти этого царственнаго «добраго пастыря» будетъ молиться въ день 19 февраля сего года вся свободная Россія и вмѣстѣ съ

тѣмъ, упомянувъ его въ своемъ моленіи, не забудетъ и именъ тѣхъ его главнѣйшихъ сотрудниковъ, благодаря которымъ осуществилась великая крестьянская реформа. Почти всѣ они отошли также нынѣ въ вѣчность, вписавъ свои имена въ освободительную лѣтопись отечественной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ день, когда всѣмъ имъ, стоящимъ вкругъ своего державнаго вождя, благодарная Россія сумѣетъ возвести и вещественный памятникъ, свидѣтельствующій о добрыхъ чувствахъ благодарныхъ поколѣній. Послѣ памятника тысячелѣтія Россіи такой новый памятникъ будетъ всего лучше символизировать новѣйшій періодъ отечественной жизни, гдѣ на очередь историческаго рѣшенія былъ поставленъ вопросъ о самомъ дорогомъ для всякаго человѣка—о свободѣ.

Мы въ послѣдніе два года отпраздновали рядъ историческихъ юбилеевъ, гдѣ воздали должное имени великаго преобразователя Россіи—Петра Великаго. Нынѣ мы стоимъ въ преддверіи новаго юбилея—крестьянскаго, юбилея незавоевательнаго съ его грохотомъ и шумомъ орудій, а мирнаго, свѣтлаго и радостнаго, на коемъ почіетъ печать любви. Пожелаемъ же, чтобы этотъ знаменательный день въ жизни русскаго народа принесъ ему наибольшую сумму радостей, среди которыхъ дѣйствительно можно было бы воскликнуть:

Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Пусть ожидаемыя радости, какъ и событіе 19 февраля 1861 г. и событіе 17 октября 1905 г., достанутся ему также «по манію царя», и чтобы этимъ вся полнота благопожеланій великаго поэта была исчерпана: чтобы «надъ отечествомъ свободы просвѣщенной» взошла во всемъ ея блескѣ и расцвѣтѣ «жизненная заря», которая пока только еще брезжитъ на нашемъ небосклонѣ. Пусть расцвѣтъ этой зари не броситъ на землю багроваго отсвѣта, а пусть въ ея золотыхъ лучахъ русскіе люди обрѣтутъ столь нужный имъ нынѣ «миръ и благоволеніе», по которымъ такъ изныло русское сердце.

ПѢШКОМЪ ПО КАВКАЗУ [1].

(Лѣтняя экскурсія 1909 г.).

IV.

От̀ъ Гулетъ до Крестоваго перевала.

Башня Тамары.—«Кавказскія ворота».—Станція и гора «Казбекъ».—Грузинскій писатель Александръ Казбекъ.—Цминда-Самеба.—Сіонъ.—Ст. Коби.—Галереи отъ снѣжныхъ заваловъ.

СЪ БОЛЬШИМЪ нетерпѣніемъ мы ждали того момента, когда:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,—

передъ нашими глазами появятся «на черной скалѣ» развалины знаменитаго замка царицы Тамары, воспѣтаго Лермонтовымъ.

Вотъ, наконецъ, и эти развалины.

Невысокая скала на лѣвомъ берегу Терека и на ней—жалкіе, еле замѣтные остатки крѣпостной башни. Ни скала, ни развалины ничего особенно красиваго и величественнаго не представляютъ. И не будь извѣстной легенды, послужившей сюжетомъ для дивнаго стихотворенія Лермонтова, не имѣй эта башня тысячелѣтняго прошлаго,—мы прошли бы мимо развалинъ совершенно равнодушно, быть можетъ, даже не замѣтивъ ихъ.

---

[1]) Продолженіе, см. «Истор. Вѣстникъ», т. CXXIII, стр. 289.

Кругомъ было безлюдно пустынно и глухо.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И ничто не напоминало ни о легендарныхъ оргіяхъ Тамары, ни о кровавыхъ битвахъ, происходившихъ здѣсь за обладаніе этой скалой, имѣвшей огромное стратегическое значеніе и представляющей очень крупную историческую достопримѣчательность.

Башня эта—не что иное, какъ знаменитыя въ лѣтописяхъ древняго міра Кавказскія ворота, одно время называвшіяся у римлянъ воротами команъ или половцевъ, кочевавшихъ у сѣвернаго подножія Кавказа и захватившихъ въ свои руки Porta Cumana.

Плиній описываетъ это мѣсто въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Между горами, которыя вдругъ разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиліемъ проходъ, запертый воротами изъ бревенъ, окованныхъ желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Диріодорисъ [1]). Сбоку на скалѣ стоитъ замокъ Куманія, достаточно укрѣпленный для того, чтобы преграждать путь безчисленнымъ племенамъ».

Древній грузинскій историкъ и географъ Вахушта также упоминаетъ о дарьяльскомъ укрѣпленіи и называетъ его «большимъ и крѣпкимъ замкомъ, построеннымъ, говорятъ, царицей Тамарой». Онъ говоритъ даже о воротахъ изъ камней скалы, связанныхъ цементомъ, внизу которыхъ протекала рѣка, и прибавляетъ, что «они построены грузинскими царями, чтобы оссы не могли проходить чрезъ нихъ безъ ихъ повелѣнія».

Оссы, или нынѣшніе осетины, населяли сѣверные склоны Кавказа и вели постоянныя войны съ Грузіей, то подчиняясь ея царямъ и принимая отъ нихъ христіанство, то одолѣвая ихъ и вторгаясь въ роскошныя, плодородныя долины Грузіи. Дарьяльское укрѣпленіе, составлявшее ключъ къ сѣверу и югу, переходило при этомъ изъ рукъ въ руки и то разрушилось, то вновь возстановлялось. Такъ, напримѣръ, уже въ V вѣкѣ въ Дарьяльскомъ ущельѣ происходила борьба между оссами и грузинскимъ царемъ Давидомъ Гургасланомъ, армія котораго состояла изъ 212 тысячъ воиновъ. Оссы были разбиты, а Дарьялъ взятъ приступомъ, при чемъ погибъ знаменитый осетинскій народный герой Осбагатаръ. Разрушенное въ битвѣ укрѣпленіе было возстановлено грузинами.

Въ VIII вѣкѣ Дарьяломъ владѣли арабы, завоевавшіе большую часть Кавказа и обратившіе въ исламъ очень много христіанскихъ горцевъ. Затѣмъ онъ снова переходитъ къ оссамъ, и въ XII вѣкѣ

---

[1]) Названіе, напоминающее по созвучію и Дарьялъ, и Терекъ.

Башня царицы Тамары.

Давидъ-Возобновитель вынужденъ силою отнимать у нихъ это укрѣпленіе за отказъ пропустить чрезъ него сѣверныхъ союзниковъ царя—кипчаковъ. Впослѣдствіи они не пропускали чрезъ него полчища Чингисъ-хана, направлявшіяся въ русскую равнину, но были разбиты и покорены монголами.

Дарьяломъ же два раза проходилъ и грозный Тамерланъ.

Такова историческая роль небольшой скалы съ едва замѣтными развалинами башни: въ теченіе многихъ вѣковъ она служила воротами между Азіей и Европой.

Теперь это укрѣпленіе совершенно заброшено, и никто не заботится о поддержаніи древнихъ тысячелѣтнихъ руинъ. Хорошо еще, что ими не вздумали воспользоваться русскіе для возведенія новѣйшаго укрѣпленія и предпочли построить его на другомъ берегу Терека, противъ замка Тамары. Иначе отъ послѣдняго ровно ничего не осталось бы.

Русская крѣпостца съ башнями по угламъ и зубцами на стѣнахъ ничего любопытнаго не представляетъ, и мы совершенно равнодушно прошли мимо нея, очарованные поразительнымъ зрѣлищемъ несчетной толпы великановъ, обступившихъ ущелье съ обѣихъ сторонъ и какъ будто загородившихъ всѣ входы и выходы изъ него.

Но дорога вьется по ущелью, плотно прижавшись къ скаламъ, и точно украдкой проникаетъ все дальше и дальше, въ самыя нѣдра Кавказа. Иногда она пробивается сквозь встрѣчныя скалы, образуя изъ нихъ поистинѣ «чортовы ворота» съ огромнымъ каменнымъ обломкомъ вмѣсто столба, стоящимъ на высокомъ отвѣсномъ обрывѣ.

Бѣшеный Терекъ, «прыгая, какъ львица съ косматой гривой на хребтѣ» (Лермонтовъ), клокочетъ глубоко внизу, точитъ и гложетъ каменныя громады, подмываетъ скалы, низвергаетъ ихъ въ свои пѣнистыя волны, дробитъ на куски и съ глухимъ грохотомъ перекатываетъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Подобно горному духу, онъ оживляетъ безмолвныя горы и наполняетъ ихъ своимъ несмолкаемымъ шумомъ.

А дорога, лѣпясь надъ обрывомъ, взбирается все выше и выше. Терекъ проваливается все глубже и глубже въ свою узкую трещину. Онъ словно старается зарыться въ самыя нѣдра земли и тамъ скрыться отъ назойливыхъ глазъ человѣка, проникшаго въ его заповѣдное царство.

Иногда, при крутомъ поворотѣ дороги, сбоку неожиданно открывается такое мрачное, дикое и мертвое ущелье, что въ воображеніи путника невольно встаютъ картины Дантова «Ада».

Между тѣмъ, бѣлоснѣжныя макушки горныхъ великановъ, еще недавно бывшія на такой недосягаемой высотѣ, незамѣтно спускаются все ниже и ниже и какъ-то вдругъ оказываются передъ самыми глазами. Набитыя снѣгомъ трещины и впадины сползаютъ по склонамъ горъ совсѣмъ низко и образуютъ большія снѣжныя поля, че-

Чортовы ворота.

редующіяся съ черными выступами скалъ, зеленью лѣсовъ и цвѣтами альпійскихъ пастбищъ. Эти снѣга застряли въ зубьяхъ утесовъ, въ глубокихъ падучихъ скатахъ, въ складкахъ ущелій, и застигнуты здѣсь, какъ ночные воры утромъ, расплавляющими ихъ лучами лѣтняго солнца. Съ веселымъ весеннимъ бульканьемъ обильно и быстро струится изъ нихъ ледяная вода, собирающаяся въ грязные потоки тамъ, внизу, на днѣ ущелій. На память невольно приходитъ стихъ Пушкина:

Отсюда мнѣ видно потоковъ рожденье.

Въ воздухѣ свѣжѣетъ. Онъ дѣлается прохладнѣе и чище. По временамъ въ немъ чувствуется совсѣмъ холодная струя. Странное впечатлѣніе производитъ эта смѣсь лѣтняго солнца, весеннихъ красокъ и зимняго снѣга.

Вотъ и селеніе со станціей «Казбекъ», пріютившееся у подножія своего исполинскаго тезки. Снѣговая вершина этого гиганта то закутана облаками, то, «какъ грань алмаза», ярко блеститъ въ солнечныхъ лучахъ. Часто случается, что бѣлоснѣжная шапка Казбека какъ будто оторвана отъ своего массивнаго основанія и вмѣстѣ съ облакомъ неподвижно рѣетъ высоко, высоко надъ землей.

Въ красотѣ и грандіозности Казбека есть что-то подавляющее.

Онъ гордо царитъ надъ всею окружающею мѣстностью. Сосѣднія черныя горы столпились около него, какъ мелкіе подвластные вассалы или (по выраженію Е. Маркова) какъ ступени его царственной пирамиды. А немного подальше сверкаютъ на солнцѣ бѣлыя папахи другихъ великановъ. Они значительно ниже Казбека и совсѣмъ теряются въ его подавляющемъ величіи. Предъ глазами только Казбекъ. Онъ одинъ сообщаетъ окружающему свое имя и физіономію. Все остальное — лишь его декорація и второстепенные аксессуары.

Въ самомъ селеніи обращаетъ на себя вниманіе небольшая церковь обыкновеннаго грузинскаго типа, въ видѣ простого четырехугольнаго домика съ двухскатной крышей и небольшой колоколенкой на ней, на манеръ лютеранской кирки. Особенность церкви заключается въ томъ, что передъ входомъ въ нее (съ западной стороны) и за алтаремъ поставлены двѣ маленькія часовни, похожія скорѣе на колокольни, такъ какъ вмѣсто стѣнъ онѣ имѣютъ по восьми легкихъ столбовъ или колоннъ, на которыхъ покоится верхняя часть сооруженія и кровля.

Надъ входомъ въ церковь—надпись на русскомъ языкѣ: «въ царствованіе императора Александра I», и довольно грубыя рельефныя изображенія двухъ львовъ, стоящихъ другъ противъ друга и скованныхъ цѣпью. Это—обычная грузинская символика, очень часто встрѣчающаяся на стѣнахъ кавказскихъ храмовъ и обозначающая былыя побѣды христіанской Грузіи надъ Персіей.

Гора Казбекъ.

Въ сѣверо-западномъ углу церковной ограды, на низенькомъ пьедесталѣ въ одну ступень, стоитъ нѣчто въ родѣ пирамиды, на западной сторонѣ которой имѣется рельефный бюстъ мужчины съ окладистой, широкой бородой и патронами на груди. Никакой надписи нѣтъ. Это—памятникъ на могилѣ грузинскаго писателя, мѣстнаго уроженца, Александра Казбека (литературный псевдонимъ—Мочхубаридзе), одного изъ членовъ фамиліи Казбековъ, домъ которыхъ находится тутъ же, рядомъ съ оградой.

Въ наиболѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ («Элгуджа» и «Убійца отца») Казбекъ рисуетъ любовь горцевъ къ независимости и ту борьбу, которую вели они при вступленіи русскихъ въ Грузію. Позднѣе, подъ вліяніемъ мрачнаго, безутѣшнаго настроенія, никогда не покидавшаго писателя, его повѣсти и романы пріобрѣтаютъ также слишкомъ трагическій колоритъ. Безспорная заслуга его и право на память въ потомствѣ состоятъ въ томъ, что, близко знакомый съ бытомъ и нравами кавказскихъ горцевъ, онъ выказалъ въ своихъ сочиненіяхъ большую наблюдательность и неподдѣльную любовь къ народу и его обычаямъ. Внутренній міръ горцевъ, ихъ привычки, взгляды и убѣжденія,—вообще вся психологія этого народа, часто непонятная для европейцевъ, раскрывается въ романахъ Казбека достаточно полно, ярко и художественно.

Писатель получилъ хорошее, вполнѣ европейское образованіе и свободно говорилъ по-французски, но предпочиталъ вести жизнь простого горнаго пастуха, въ тѣсномъ общеніи съ простымъ народомъ и природой. Было ли это своего рода нравственной философіей, или просто начало тяжелой психической болѣзни, отъ которой впослѣдствіи онъ и умеръ (въ 1894 г.),—неизвѣстно. Но память о немъ, какъ о писателѣ и поэтѣ, упорно переплетается съ легендарными разсказами о странномъ образѣ его жизни. Пирамидальный памятникъ, по мысли исполнителя, долженъ, будто бы, изображать гору Казбекъ; но сходства между ними вовсе не получилось.

Прямо противъ селенія «Казбекъ», по другую сторону Терека, на горѣ Квенемъ-Мта (7683 ф. надъ уровн. моря), виднѣется Стефанъ-Цминда (т. е. церковь св. Стефана), иначе называемая Цминда-Самеба (церковь св. Троицы). Живописное мѣстоположеніе ея вблизи вѣчныхъ снѣговъ Казбека и сосѣднихъ великановъ—

На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,

дало основаніе думать, что это—та самая церковь, въ которой, по словамъ Лермонтова (въ «Демонѣ»),—покоятся кости знаменитаго разбойника, выстроившаго ее «грѣховъ минувшихъ въ искупленье» и гдѣ впослѣдствіи князь Гудалъ похоронилъ свою красавицу-дочь. Насколько эта догадка справедлива, сказать трудно. Народное преданіе связываетъ постройку церкви съ именемъ царицы Тамары,

и, можетъ быть, это именно обстоятельство и дало Лермонтову поводъ пріурочить къ ней конецъ своей дивной поэмы о любви «печальнаго демона» къ красавицѣ Тамарѣ.

Интересно, что и другой нашъ величайшій поэтъ, Пушкинъ, не обошелъ молчаніемъ поэтической Цминды-Самебы; онъ посвятилъ ей небольшое стихотвореніе, которое позволю напомнить читателямъ:

Церковь въ селеніи «Казбекъ» и памятникъ (налѣво) писателю Александру Казбеку.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.
Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

Въ настоящее время церковь представляетъ довольно грустныя, заброшенныя руины. Изъ трещинъ въ стѣнахъ пробивается трава. Сквозь крышу течетъ. Внутри сыро, холодно и сумрачно. Богослуженіе совершается въ церкви только три раза въ годъ, весною и лѣтомъ, въ остальное же время—

.... у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ. (Лермонтовъ).

За станціей Казбекъ подъемъ все продолжается. Кое-гдѣ, для уменьшенія крутизны подъема, дорога взбирается на возвышенности зигзагами. Долина Терека дѣлается значительно шире. По обѣ ея стороны, на склонахъ горъ, иногда на довольно большой высотѣ, виднѣются осетинскіе аулы, прилѣпившіеся къ скаламъ, точно ласточкины гнѣзда. Отъ нихъ по направленію къ рѣкѣ вьются узенькими, еле замѣтными ленточками, пѣшеходныя тропки. Все чаще и чаще попадаются старинныя четырехугольныя башни, торчащія на высокихъ скалахъ и обрывахъ. Онѣ остаются нѣмыми свидѣтелями того отдаленнаго прошлаго, когда жители этихъ мѣстъ вели нескончаемыя войны съ сосѣдями, и когда каждый аулъ, даже отдѣльныя сакли служили грозными и неприступными укрѣпленіями. Теперь онѣ кажутся окаменѣвшими великанами легендарной старины, упорно продолжающими существовать, наперекоръ времени и стихіямъ. Давно уже исчезли увѣнчивавшіе ихъ зубцы; стѣны разваливаются, и изъ ихъ трещинъ растетъ трава и мелкій кустарникъ; а онѣ все еще стоятъ и съ какимъ-то безмолвнымъ укоромъ смотрятъ съ своей высоты на мирные аулы, населенные жалкими потомками героическихъ предковъ.

На пятой или на шестой верстѣ отъ станціи Казбекъ дорога огибаетъ отвѣсную скалу, точно составленную изъ сплошныхъ колоннъ глинистаго сланца, слои котораго въ этомъ мѣстѣ расположены почти совершенно вертикально. На скалѣ возвышаются остатки древней крѣпости «Сіонъ» со старинной церковью характерной кавказской архитектуры. Это—продолговатое четыреугольное зданіе, надъ первымъ ярусомъ котораго высится второй, болѣе низкій и узкій, почему церковь имѣетъ двойную крышу. Внутри Сіонская церковь, какъ и большинство кавказскихъ храмовъ, поражаетъ своимъ мракомъ, убожествомъ и бѣднотой. Мы вышли изъ нея съ какимъ-то щемящимъ, болѣзненнымъ чувствомъ, порожденнымъ, вѣроятно, слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ между внутреннимъ убожествомъ храма и тѣмъ гордымъ, величественнымъ видомъ, какой онъ имѣетъ издали, стоя на высокой, живописной скалѣ, вдвинувшейся мысомъ въ долину, и ярко сверкая на солнцѣ своими бѣлыми стѣнами.

Вплоть до станціи Коби Терекъ течетъ по ярко-цвѣтному грунту среди скалъ и камней краснаго или зеленаго порфира. Мѣстность чрезвычайно живописна. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности полюбоваться ею какъ слѣдуетъ: дождь, начавшійся еще въ то время, когда мы были у Сіонской церкви, дѣлался все сильнѣе и сильнѣе;

да и холодъ къ вечеру давалъ себя чувствовать. Мы закутались въ бурки и башлыки, и сквозь густую сѣтку дождя видѣли очень немного.

На станцію мы пришли усталые, голодные, прозябшіе, промокшіе и, вслѣдствіе всего этого, въ скверномъ настроеніи духа. Потребовали смотрителя станціи и, кажется, не особенно любезнымъ тономъ высказали ему желаніе получить комнату для ночлега.

Отъ дождя и дорожной грязи мы имѣли видъ людей, не внушающихъ къ себѣ особеннаго уваженія, а нѣсколько рѣзкій и повышенный тонъ, въ которомъ мы заговорили съ смотрителемъ, не располагалъ его быть съ нами любезнымъ. Поэтому прежде, чѣмъ дать тотъ или иной отвѣтъ, смотритель пожелалъ удостовѣриться, имѣемъ ли мы право на ночлегъ въ домъ почтового вѣдомства, т. е. пріѣхали ли мы на почтовыхъ лошадяхъ, или же на частныхъ. Онъ вышелъ на крыльцо, и здѣсь, вмѣсто лихой почтовой тройки съ приличнымъ экипажемъ, его глазамъ предстала сквернѣйшая кляча, запряженная въ такія же скверныя дроги, и около нихъ — нашъ жалкій, оборванный и дрожащій отъ холода Тихоня. Повидимому, это окончательно убѣдило смотрителя, что, кромѣ лишняго безпокойства, мы ему ничего не доставимъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакого расчета давать пріютъ такимъ людямъ.

— Вы пріѣхали не на почтовыхъ,—рѣзко буркнулъ онъ намъ и пошелъ было въ свою комнату.

— Если вы хотите знать, то мы не пріѣхали, а пришли. И за какимъ, съ позволенія сказать, чортомъ, вамъ понадобилось смотрѣть на клячу, которая тащитъ наши вещи? Вы бы лучше посмотрѣли на насъ, и тогда увидѣли бы, что мы промокли и прозябли и потому имѣемъ право на ночлегъ въ этомъ домѣ.

— Да что съ нимъ время и слова терять?—добавилъ вспыльчивый Б.:—пойдемъ лучше въ духанъ; тамъ и обогрѣемся, и закусимъ.

Эти слова оказали на смотрителя самое неожиданное дѣйствіе: онъ сообразилъ, что будетъ гораздо лучше, если нѣкоторый доходъ отъ насъ получитъ онъ, а не духанщикъ, и совсѣмъ другимъ тономъ спросилъ:

— А вы будете ужинать?

— Не только ужинать, но и чай пить.

— Въ такомъ случаѣ—пожалуйте.

Комната, которую отвелъ намъ смотритель, оказалась давно не топленною, сырой и холодной. Температура въ ней была не выше 7—8 градусовъ. Форточка въ окнѣ плохо притворялась, и въ нее страшно дуло. Печи, по словамъ смотрителя, сильно дымили, и топить ихъ было совершенно нельзя. Пришлось лечь спать не раздѣваясь и завернувшись въ мокрыя бурки.

Только утромъ, «возставъ отъ сна» (замѣчу кстати, очень хорошаго и крѣпкаго, несмотря на неблагопріятныя условія), мы увидали,

въ какой дикой, суровой и неприютной мѣстности расположено селеніе Коби. Это—точно большой, глубокій оврагъ, склоны котораго почти сплошь покрыты снѣгомъ. На днѣ оврага во многихъ мѣстахъ также лежитъ снѣгъ, изъ-подъ котораго по разнымъ направленіямъ текутъ ручьи ледяной воды. По сосѣдству съ снѣжными полями еле пробивается свѣжая весенняя травка. Въ воздухѣ холодно, Люди кутаются въ бурки и башлыки. И это—не въ половинѣ марта, а въ самомъ концѣ мая... Тѣмъ не менѣе, во всемъ организмѣ чувствуется какая-то давно небывалая бодрость, свѣжесть и юношеская энергія.

За станціей «Коби» дорога оставляетъ долину Терека и вступаетъ въ Байдарское ущелье, на днѣ котораго струится рѣка Байдара̀.

Подъемъ продолжается. Во многихъ мѣстахъ снѣговыя поля оказываются уже значительно ниже насъ. Коби еще близко. И станція, и селеніе съ церковью, и казармы для рабочихъ, и каменный мостъ,—все это видно какъ на ладони, но гдѣ-то глубоко внизу. А надъ головой, совсѣмъ близко,—рукой подать,—рядъ снѣговыхъ вершинъ, выстроившихся по обѣ стороны долины.

Еще немного дальше,—и мы встрѣчаемъ на самой дорогѣ какое-то странное сооруженіе,—длинную деревянную галерею, плотно прижавшуюся однимъ бокомъ къ горѣ. Что бы это могло быть?— недоумѣваемъ мы, и тотчасъ же соображаемъ, что видимъ предъ собою крытую зимнюю дорогу, устроенную на случай снѣговыхъ заваловъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ первой—еще нѣсколько такихъ же галерей. А вотъ и остатки снѣжнаго завала. Галерея подъ нимъ еле видна. Въ одномъ мѣстѣ она даже разбита заваломъ. Крыша разрушена; толстыя деревянныя балки превращены въ щепы; желѣзныя связи исковерканы.

Лѣтняя дорога идетъ среди огромныхъ сугробовъ снѣга, возвышающихся по обѣ стороны ея, сажени на $1^1/_2$—2.

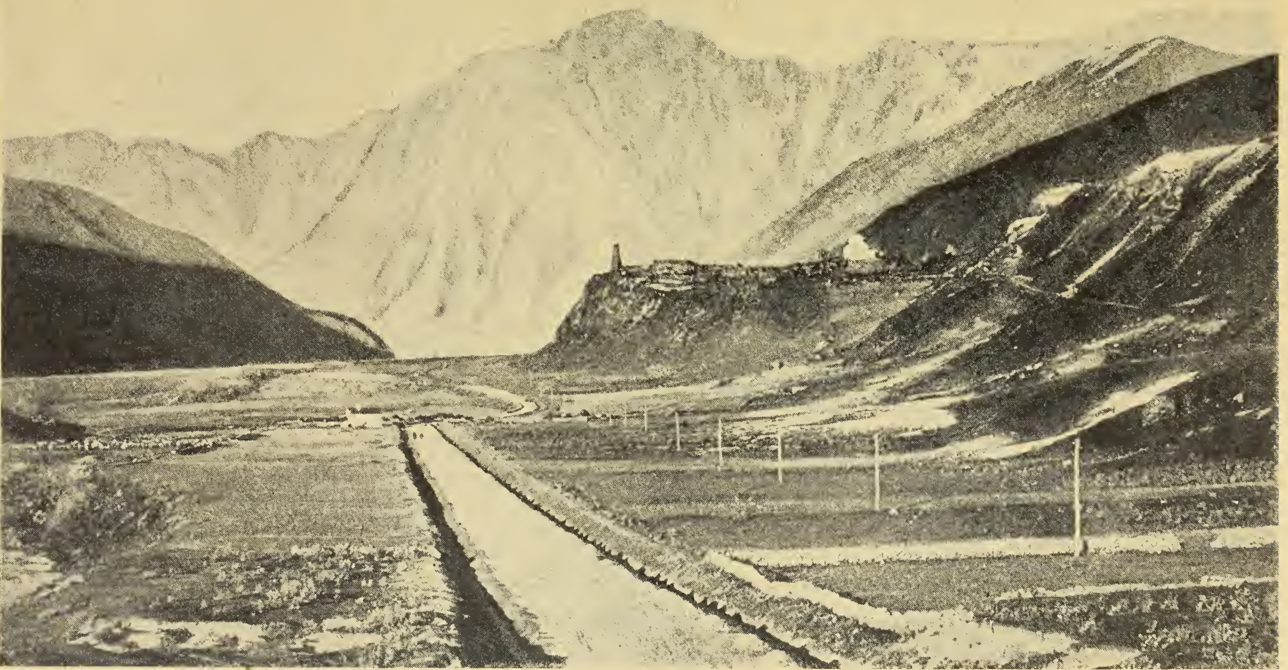
Шумъ Байдарки вдругъ какъ-то смолкъ. Мы смотримъ внизъ и не видимъ ея: вся она засыпана снѣгомъ и тамъ, подъ толстымъ снѣговымъ покровомъ, неслышно прыгаетъ съ камня на камень.

V.

Крестовый перевалъ.

Перевалъ въ описаніяхъ Пушкина и Лермонтова.—Перевалъ въ настоящее время.— Встрѣча со священникомъ изъ Коби.—Легенда о Гудѣ.

Пушкинъ и Лермонтовъ—оба говорятъ о дорогѣ отъ Коби до перевала, какъ объ очень опасной и трудной. Первый ѣхалъ изъ Владикавказа въ Тифлисъ и, остановившись на ночлегъ въ Коби, съ безпокойствомъ думаетъ о предстоящемъ на слѣдующій день

Сіонъ.

переѣздѣ черезъ Крестовый перевалъ, какъ объ «ужасномъ подвигѣ», и не знаетъ, какъ поступить: сѣсть ли, бросивъ экипажъ, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? А «на другой день,—говоритъ онъ,—около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О***. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ» («Путешествіе въ Арзрумъ»).

Лермонтовъ ѣхалъ въ обратномъ направленіи—изъ Тифлиса во Владикавказъ—и спускался съ Крестовой къ Коби. Человѣкъ пять осетинъ, уцѣпясь за колеса его телѣжки, съ крикомъ тащили и поддерживали ее. «И точно, дорога опасная,—поясняетъ Лермонтовъ:— направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оторваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали... Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору,—двѣ версты въ два часа!.. Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобы достигнуть станціи Коби. Лошади измучились; мы продрогли... Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ». Пришлось, не доѣзжая до Коби, заночевать въ какомъ-то аулѣ. («Герой нашего времени»).

Трудности пути устранены теперь настолько, что на всемъ протяженіи между Владикавказомъ и Тифлисомъ совершенно свободно ходятъ автомобили, переносясь изъ одного города въ другой въ какіе-нибудь 7—8 часовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранены и опасности: отъ заваловъ сооружены галереи, а рискъ свалиться въ пропасть сведенъ положительно къ нулю устройствомъ достаточно широкаго полотна дороги съ барьеромъ надъ обрывомъ и пологихъ, извивающихся загзагами, спусковъ. Благодаря этимъ зигзагамъ,—правда, удлиняющимъ дорогу,—довольно значительный подъемъ отъ станціи «Казбекъ» до перевала, съ высоты въ 5610 ф. на 7698 ф., совершается очень легко и даже почти незамѣтно. И, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого обстоятельства путешественникъ подвергается довольно странной иллюзіи: не чувствуя трудности подъема, онъ замѣчаетъ лишь, что узкое ущелье какъ-то раздвигается, становится

шире и превращается въ долину; а горы дѣлаются все ниже и ниже. Кажется, что просто переходишь изъ очень гористой мѣстности въ менѣе гористую по совершенно горизонтальной дорогѣ. Къ мысли же о томъ, что постепенно добрался до вершины горнаго хребта, приходишь лишь путемъ логическихъ соображенiй. И не будь кругомъ обширныхъ снѣговыхъ полей, не блистай такъ близко вѣчными снѣгами горныя вершины,—никакъ нельзя было бы подумать, что находишься на высотѣ въ 2 слишкомъ версты надъ уровнемъ моря.

Самъ по себѣ перевалъ почти не интересенъ, такъ какъ окружающія горы для человѣка, близко подошедшаго къ ихъ вершинамъ, уже не имѣютъ того грандіознаго и величественнаго вида, какой

Гора и снѣговыя поля между станціей Коби и Крестовымъ переваломъ.

имѣютъ тѣ же самыя горы для человѣка, стоящаго у ихъ подошвы. Но мысль, что находишься на вершинѣ Кавказскаго горнаго хребта, не можетъ не волновать человѣка. Невольно припоминаются стихи Пушкина, относящіеся именно къ Крестовому перевалу,—этому водораздѣлу между бассейнами Терека и Арагвы:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;

Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады.
Подъ ними утесовъ нѣмыя громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени;
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ;
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Намъ не хотѣлось тотчасъ же спускаться съ перевала, и мы рѣшили пробыть на немъ часъ или полтора, посмотрѣть на окрестныя горы, а кстати—немного отдохнуть и выпить чаю. Съ этою цѣлью мы зашли въ дорожную будку — небольшой каменный домикъ, построенный для дорожнаго мастера и рабочихъ. Въ небольшой и крайне скудно обставленной компаткѣ за маленькимъ самоваромъ сидѣли двое мужчинъ: одинъ—невзрачной наружности, въ мѣховомъ полушубкѣ и старой лохматой папахѣ, длинная шерсть которой клочьями висѣла у него надъ глазами; другой—стройный и красивый брюнетъ въ священнической рясѣ и круглой мѣховой шапкѣ.

Познакомились. Первый оказался дорожнымъ мастеромъ и хозяиномъ домика, а второй—священникомъ с. Коби, ѣдущимъ изъ Пассанаура домой. Батюшка совершалъ свое путешествіе (около 50 верстъ) верхомъ.

Пока сторожъ подогрѣвалъ самоваръ, мы всѣ вышли на площадку передъ домикомъ, гдѣ стоитъ небольшой четыреугольный столбикъ, обозначающій перевальную точку и покрытый множествомъ никому невѣдомыхъ и никому неинтересныхъ фамилій.

Прямо передъ домикомъ, въ разстояніи около версты, на кругловыпукломъ холмѣ виднѣется каменный крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 году. Сзади будки, на горизонтѣ, семью красивыми бѣлоснѣжными зубцами, вытянувшимися въ стройный рядъ, сверкаютъ «Семь братьевъ», а лѣвѣе, ближе къ перевалу, угрюмо хмурится «Гудъ-гора».

У осетинъ о ней существуетъ очень красивая, поэтическая легенда.

Давнымъ-давно въ аулѣ Гудъ, и теперь еще существующемъ у подошвы горы, на днѣ пропасти, гдѣ кипитъ Арагва, жилъ бѣдный осетинъ съ красавицей-дочерью Ниной. Когда она была еще ребенкомъ, и тогда уже всѣ были безъ ума отъ ея красоты. Влюбился въ Нину и старый Гудъ — духъ-властитель Гудъ-горы. Онъ выравнивалъ подъ ея ножками горныя тропинки, приготовлялъ и пряталъ для нея самые красивые цвѣты и окружалъ ее такими нѣжными заботами, какъ будто она была царицей той мѣстности.

Прошло 15 лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣй. Онъ сталъ даже подумывать о томъ, нельзя ли изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хотя бы даже бѣднымъ осетиномъ, и жениться на Нинѣ. Но дѣвушка не замѣчала любви Гуда; она засматривалась на молодого, статнаго и ловкаго красавца, своего сосѣда Сасико. Гудъ сталъ ревновать къ нему свою любимицу и преслѣдовать счастливаго соперника, но безуспѣшно. Это довело его ярость до крайнихъ предѣловъ. И вотъ однажды, когда Нина

Остатки снѣгового завала и разбитая имъ галерея.

и Сасико оставались одни въ саклѣ, злой старикъ бросилъ на нихъ огромную лаву снѣга и засыпалъ имъ саклю. Сначала любовники были даже довольны этимъ. Разведя огонь, они стали весело и безпечно болтать. Но скоро голодъ далъ себя чувствовать. Двухъ лепешекъ и куска сыру хватило ненадолго. На второй день муки голода уже подавляли силу любви, а на четвертый, когда смерть уже казалась неминуемой и голодъ помрачилъ разсудокъ, Сасико вдругъ бросился къ Нинѣ, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула и упала. Въ это же мгновеніе

дверь отворилась, и на порогѣ появились люди, откопавшіе саклю отъ снѣга.

Сасико и Нина были спасены. Но вмѣсто страстной любви они теперь чувствовали другъ къ другу лишь жгучую ненависть. Обрадовался этому старый Гудъ и разразился такимъ громовымъ хохотомъ, что сосѣднія скалы содрогнулись, и цѣлая туча камней осыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ загромождено осколками гранита.

— Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ,—прибавляетъ осетинъ, разсказывая эту легенду.

Между тѣмъ батюшка изъ Коби собрался въ путь. Онъ на минуту зашелъ въ домикъ и вновь появился на площадкѣ съ нагайкой въ рукѣ и въ прекрасной кабардинской буркѣ, накинутой на плечи такъ изящно и красиво, какъ это умѣютъ дѣлать только природные горцы. Сторожъ подвелъ къ нему статную, рѣзвую лошадь. Мы не успѣли моргнуть глазомъ, какъ батюшка былъ уже въ сѣдлѣ. Лошадь осѣла назадъ, взвилась на дыбы, но всадникъ опытной рукой мигомъ поставилъ ее на всѣ четыре копыта и галопомъ понесся подъ уклонъ. Не только мы, но и дорожный мастеръ и сторожъ невольно залюбовались красивымъ и ловкимъ наѣздникомъ.

— Настоящій джигитъ!.. и отличный священникъ,—промолвилъ послѣ нѣкотораго молчанія дорожный мастеръ.—Такого священника на сто верстъ кругомъ не найдешь. Добрый, честный. Послѣднее отдастъ, чтобы помочь бѣдняку.

Скоро и мы собрались ѣхать. Къ крыльцу будки дребезжа подкатили наши дроги, и Тихоня любезно пригласилъ насъ:

— Садитесь, господа! Теперь будетъ лёгко, подъ горку.

VI.

Отъ Крестоваго перевала до Ананура.

Ѣдемъ подъ дождемъ.—Чуть было не потеряли чемоданъ съ вещами и паспортами.—Грузинская любезность.—Долина Арагвы.—Пассанауръ.—Туристы изъ Новороссійска.—Ночевка на сѣнѣ.

На горы надвинулась сѣрая туча, заморосилъ дождь, и намъ ничего не оставалось, какъ, закутавшись въ бурки, усѣсться на дроги.

Дорога шла замѣтно подъ уклонъ. Тихоня взмахнулъ кнутикомъ, а кляча—хвостомъ и... поплелась такимъ же убійственно медленнымъ шагомъ, какъ и въ гору.

— Что же она не бѣжитъ?—спрашиваемъ мы Тихоню.

— Да кто жъ ее знаетъ? Что хошь съ ней дѣлай, а ужъ подъ гору она ни за что не побѣжитъ. Ползетъ себѣ шагомъ, и шабашъ.

— А какъ же ты говорилъ, что вотъ только бы до перевала добраться, а тамъ будетъ «лёгко», и мы покатимъ рысью?

— Да все думалось, авось лошаденка и взаправду побѣжитъ; а ей, значитъ, все одно: что въ гору, что подъ гору.

— Да хорошо ли ты ее кормишь?

— Какъ не кормить? Вишь—брюхо надулось, какъ у хорошей коровы. А все шагомъ, все шагомъ... Видно, такой ужъ у ней карахтеръ...

Намъ, въ сущности, было все равно,—ѣхать ли рысью, или плестись шагомъ, и потому странный «карахтеръ» Тихониной клячи насъ только разсмѣшилъ. Да намъ было и не до нея. Тотчасъ за переваломъ дорога вновь стала извиваться по такъ называемому Гудаурскому подъему, съ каждымъ поворотомъ открывая все новые и

Крестовый перевалъ и Гудъ-гора.

новые виды. На нѣкоторое время передъ нами открылась дивная панорама хаотическаго нагроможденія скалъ и утесовъ, фантастическое сцѣпленіе ущелій и долинъ и рядъ горъ съ бѣлоснѣжными зубцами. А внизу, у самыхъ колесъ нашей линейки, зіяла пропасть, дно которой, то покрытое густою растительностью, то загроможденное обломками скалъ, еле виднѣлось сквозь пелену тумана и дождя.

Мы сгорали нетерпѣніемъ увидѣть и знаменитый Млетскій спускъ, и дивную Койшаурскую долину, которая должна была находиться гдѣ-то вправо отъ насъ. О ней Лермонтовъ пишетъ въ «Героѣ нашего времени: «Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промои-

нами, а тамъ, высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ. А внизу Арагва, обнявшись съ какой-то другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею».

Между тѣмъ туча надвигалась все болѣе и болѣе, и скоро мы оказались кругомъ окутанными густымъ туманомъ, сквозь который ничего не было видно. Дождь шелъ и вверху, откуда мы только что спустились, и внизу, на днѣ долины, куда вилась наша дорога.

Угрюмые и раздосадованные тѣмъ, что, проѣзжая по одному изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ Кавказа, мы вовсе не видимъ его, сидѣли мы молча на дрогахъ, плотно закутавшись въ бурки и башлыки.

Вдругъ Тихоня, обернувшись назадъ, съ тревогой вскрикиваетъ:

— Ахти, грѣхъ какой! Никакъ чемоданъ-то мы потеряли!..

Дѣйствительно, одного изъ нашихъ чемодановъ не оказалось на мѣстѣ. Скверныя, гнилыя веревки, которыми онъ былъ привязанъ (а у Тихони даже и веревокъ-то порядочныхъ не было), порвались, и отъ нихъ болтались только растрепавшіеся на концахъ обрывки. Въ чемоданѣ были самыя необходимыя въ дорогѣ вещи: сухое бѣлье, часть обуви и верхняго платья и—что важнѣе всего—наши паспорта. Безъ всего этого дальнѣйшее путешествіе представлялось почти невозможнымъ. Да и назадъ безъ паспортовъ ѣхать также было неудобно. Положеніе создалось прямо-таки безвыходное.

Тихоня, ахая и причитая, сбросилъ съ себя прямо въ грязь свою рваную поддевку и, оставшись въ одной рубахѣ, пустился бѣгомъ назадъ; а мы, стоя у линейки, старались придумать, что предпринять, если чемоданъ не найдется.

Прошло мучительныхъ 15—20 минутъ, пока Тихоня снова появился на изгибѣ дороги, мокрый отъ пота и дождя и задыхающійся отъ усталости, но довольный и счастливый.

— Слава Богу, нашелъ!—говорилъ онъ:—а то пришлось бы всю дорогу задармà сдѣлать.

Бѣдняга, очевидно, думалъ, что, потерявъ чемоданъ, онъ уже не могъ разсчитывать на полученіе отъ насъ условленной платы.

Станцію Гудауръ и дивный Млетскій спускъ мы проѣхали не останавливаясь. И, только миновавъ станцію Млеты, рѣшили остановиться въ придорожномъ духанѣ и пообѣдать. Бараній шашлыкъ, кусокъ осетинскаго сыра и бутылка легкаго кахетинскаго вина — лучше этого обѣда мы и не желали. Въ самомъ духанѣ и на открытой верандѣ передъ нимъ сидѣло много проѣзжихъ. Ѣли и пили.

За однимъ изъ столиковъ помѣщались нѣсколько солидныхъ грузинъ и потягивали винцо изъ глинянаго кувшина довольно внушительныхъ размѣровъ. Когда я проходилъ мимо нихъ въ духанъ, то одинъ изъ этой компаніи взялъ со стола стаканъ съ виномъ и подалъ его мнѣ со словами:

Арагва близъ станціи Млеты.

— Прошу выпить.

— Очень вамъ благодаренъ, но я уже выпилъ и потому...

— Покорнѣйше прошу выпить!—уже довольно настойчиво прервалъ меня грузинъ.

Мнѣ не хотѣлось пить въ незнакомой и при томъ не совсѣмъ трезвой компаніи, и я снова попробовалъ отказаться.

Грузинъ нахмурился и, продолжая держать передо мной стаканъ, рѣзко отчеканивалъ слово за словомъ:

— У насъ законъ: отъ угощенія отказываться нельзя.

Я вспомнилъ, что дѣйствительно гдѣ-то читалъ о такомъ «законѣ» у кавказскихъ горцевъ, и потому, принявъ стаканъ, держалъ ко всей компаніи такую рѣчь:

— Простите, господа! Я—въ первый разъ на Кавказѣ и здѣшнихъ законовъ не знаю. Тотъ законъ, о которомъ вы только что сказали, мнѣ очень нравится: онъ свидѣтельствуетъ о вашемъ гостепріимствѣ и радушіи. Охотно ему подчиняюсь и съ удовольствіемъ пью за ваше здоровье.

Мы чокнулись, пожали другъ другу руки и разстались, довольные взаимной любезностью.

Дождь пересталъ, и мы только теперь увидали всю прелесть долины, въ которую спустились. Снѣговыя вершины были уже назади и высоко, высоко надъ нами. Вмѣсто угрюмыхъ скалъ Сѣвернаго Кавказа—здѣсь горы, поросшія лѣсомъ; на расчищенныхъ мѣстахъ—сѣнокосы и тщательно обработанныя поля, орошаемыя горными ручьями. Около полей пріютились бѣлые домики съ хозяйственными пристройками, а около домиковъ—садики съ огромными, развѣсистыми орѣховыми деревьями. Сѣрые, лишенные всякой зелени аулы съ каменными плосковерхими саклями остались за снѣговымъ хребтомъ. Въ расположенныхъ по склонамъ горъ селеніяхъ кое-гдѣ виднѣются башни, а на выступахъ горъ и изгибахъ долины — остатки старинныхъ укрѣпленій. Они расположены такъ, что обозрѣваютъ другъ друга, и въ былое время, посредствомъ огней и другихъ сигналовъ, съ нихъ можно было подавать извѣстія о приближеніи и передвиженіяхъ непріятеля по всей долинѣ. Безмолвные памятники мрачнаго прошлаго, теперь эти башни служатъ лишь украшеніемъ дивнаго горнаго ландшафта.

Дорога идетъ по берегу Арагвы и версты за двѣ до Пассанаура пробирается подъ огромной, нависшей надъ нею скалой, густо поросшей лѣсомъ. Это—одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ на Грузинской дорогѣ, и намъ очень хотѣлось его сфотографировать. Но прекратившійся было на время дождь опять заморосилъ; небо нахмурилось, да и день склонялся уже къ вечеру. Мы поспѣшили на ночлегъ въ Пассанауръ.

У станціи стояло нѣсколько почтовыхъ экипажей.

«Значитъ, — подумали мы, — проѣзжающихъ здѣсь много, и намъ, «ѣдущимъ не на почтовыхъ», едва ли найдется мѣсто для ночлега».

Тѣмъ не менѣе, на всякій случай рѣшили «толкнуться» на станцію.

Къ намъ вышелъ сѣдой благообразный смотритель и на просьбу дать помѣщеніе для ночлега очень любезно отвѣтилъ, что всегда охотно принимаетъ туристовъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Пассанаура.

— Правда,—добавилъ онъ:—общая пассажирская комната уже занята, но осталось еще одно свободное помѣщеніе наверху, куда я и прикажу перенести ваши вещи.

«Совсѣмъ не то, что въ Коби», подумали мы и отправились въ буфетъ подкрѣпиться съ дороги.

Было уже часовъ 10 вечера, когда къ крыльцу станціи подкатилъ еще экипажъ, и чрезъ нѣсколько минутъ въ буфетную комнату вошла молодая дама, одѣтая въ изящный дорожный костюмъ, и мужчина лѣтъ 30. Станціонная прислуга и кучеръ несли за ними множество баульчиковъ, ридикюльчиковъ, корзиночекъ, сумочекъ, сверточковъ и т. п.

— Ахъ, наконецъ-то вижу, кажется, русскихъ!—воскликнулъ господинъ:—вы туристы?

— Да туристы и при томъ, дѣйствительно,—русскіе.

— Мы тоже туристы. Очень радъ встрѣтить русскихъ. А то помилуйте,—все азіаты и азіаты. Того и гляди — убьютъ, ограбятъ.

— Что вы? Мы уже четвертыя сутки въ дорогѣ, среди этихъ «азіатовъ», и вездѣ видѣли съ ихъ стороны лишь самое вѣжливое, любезное и предупредительное отношеніе къ себѣ.

— О, нѣтъ, вы ихъ еще не знаете. Это—настоящіе головорѣзы. Да вотъ не дальше, какъ вчера ночью, ее, мою жену, чуть не похитили...

Мы всѣ трое невольно повернулись въ сторону дамы и пристально впились въ нее глазами: такихъ женщинъ, которыхъ стоило бы похищать, не каждый день встрѣтишь...

Барыня немного сконфузилась, а у меня промелькнула мысль, что хотя она и молода, но, къ сожалѣнію, не изъ такихъ, которыхъ стоило бы похищать.

— Позвольте, гдѣ же и какъ это могло случиться?—спросили мы.

— Въ вагонѣ, на Закавказской желѣзной дорогѣ,—отвѣтилъ супругъ молодой дамы.—Какой-то азіатъ въ папахѣ подскочилъ къ ней, схватилъ за руку и потащилъ. Я такъ былъ потрясенъ этимъ, что со мной сдѣлалось истерика, я плакалъ и до сихъ поръ еще не могу опомниться.

Дѣйствительно, лицо его передергивалось нервной судорогой, губы кривились въ плаксивую гримасу, а на глазахъ навертывали слезы.

— Извините,—возразилъ я:—но похищеніе дамы въ вагонѣ, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Вѣроятно, это была просто грубая или пьяная выходка какого-нибудь нахала.

— И я такъ думаю,—согласилась со мной дама.

— О, нѣтъ, не говорите,—горячо запротестовалъ супругъ:—это, несомнѣнно, была попытка похитить ее. Мы даже заявили о происшествіи жандармскимъ властямъ и просили составить протоколъ. Но, конечно, тамъ люди все свои, и дѣло замнутъ.

— Вы, кажется, слишкомъ нервны; вамъ слѣдуетъ отдохнуть, успокоиться, и тогда вы сами будете смотрѣть на происшествія другими глазами.

— Правда, нервы у меня не въ порядкѣ, и я чувствую усталость. Но развѣ можно отдохнуть въ путешествіи? Вотъ уже три или четыре дня, со времени выѣзда изъ Новороссійска, мы почти не спали. Да, пожалуй, и не придется спать, пока опять не пріѣдемъ домой, въ Новороссійскъ. Изнервничались и устали до послѣдней степени. Теперь я объ одномъ только и думаю: поскорѣе бы добраться до дома. И чтобы я еще когда-нибудь рѣшился на путешествіе,—да Боже меня сохрани!..

— Но отчего же вы такъ устали? Повидимому, вы люди со средствами и, вѣроятно, ѣдете со всѣми удобствами.

— Да, мы имѣемъ возможность ни въ чемъ себѣ не отказывать. Но сами посудите, какъ же не устать и не изнервничаться? На пароходѣ, отъ Новороссійска до Батума, мы не спали отъ морской качки; на желѣзной дорогѣ насъ разстроило это ужасное происшествіе, а здѣсь насъ поднимаютъ въ три часа утра и до 10 часовъ вечера мчатъ почти безостановочно на томъ основаніи, что кондукторъ обязанъ совершить переѣздъ отъ Тифлиса до Владикавказа не болѣе, какъ въ $1^1/_2$ или 2 сутокъ. Понятно, что голова у насъ болитъ, глаза слипаются, и мы ничего не видимъ; сидимъ себѣ въ каретѣ и только клюемъ носомъ.

— Но если вы ѣдете не по дѣламъ, а только для собственнаго удовольствія, то зачѣмъ же вы создали изъ путешествія такую муку? Посмотрите на насъ: мы идемъ пѣшкомъ изъ Владикавказа...

— Какъ? вы идете пѣшкомъ? И такъ бодры и свѣжи?

— Да, пѣшкомъ, и чувствуемъ себя отлично. Идемъ не торопясь, осматриваемъ все, что насъ интересуетъ, при усталости отдыхаемъ; а главное—спимъ отлично и досыта. Утромъ никто насъ не будитъ, и раньше 6 часовъ мы не проснемся.

— Ахъ, какъ это должно быть хорошо,—промолвила барыня.— Но вотъ вы говорите, что осматриваете все интересное; между тѣмъ здѣсь иногда показываютъ такія мерзости, такія мерзости, что просто ужасъ... Вотъ, напримѣръ, въ Ананурѣ...

— Да, да, представьте себѣ,—перебилъ свою супругу нервный господинъ:—въ Ананурѣ привели насъ въ какую-то старую церковь, которая того и гляди—обрушится. Сыро, темно и... и ужасный воздухъ... тамъ держатъ покойниковъ.

— Это любопытно.

— Ахъ, нѣтъ, нисколько не любопытно,—затараторила дама:— съ нами чуть дурно не сдѣлалось, и мы не знали, какъ выбраться изъ этой ужасной мертвецкой...

— Да мертвецовъ-то вы видѣли?

— Что вы? Станемъ мы мертвецовъ смотрѣть!.. Этого еще недоставало...

— Ну, мы и мертвецовъ посмотримъ, если только они дѣйствительно тамъ есть. А пока—позвольте пожелать вамъ покойной ночи и крѣпкаго сна до 7—8 часовъ утра: вамъ необходимо хорошо выспаться.

Мы простились съ оригинальными туристами и вышли изъ буфета. Наши вещи лежали на прежнемъ мѣстѣ въ коридорѣ, а около нихъ стоялъ, видимо, смущенный смотритель.

— Извините, господа,—заговорилъ онъ.—Я хотѣлъ помѣстить васъ наверху; тамъ была одна единственная свободная комната. Но вотъ пріѣхали эти господа, съ которыми вы только что бесѣдовали; они ѣдутъ на почтовыхъ, и я, по правиламъ, долженъ отвести имъ эту комнату. Какъ мнѣ васъ устроить, я ужъ и не знаю.

— Какой-нибудь уголокъ найдется?

— Есть, но я, право, стѣсняюсь предложить его вамъ. Если вы—люди безъ претензій на удобство...

— Да какія тутъ претензіи? Было бы гдѣ разостлать бурку и вытянуть ноги.

Въ такомъ случаѣ—пожалуйте.

Съ этими словами смотритель привелъ насъ въ маленькій каменный домикъ, выстроенный на дворѣ станціи. Весь домикъ оказался состоящимъ изъ одной комнаты; мебели—никакой.

— У меня,—сказалъ смотритель,—есть прекрасное горное сѣно; мягкое, душистое, безъ пыли. Если позволите, то я прикажу разостлать его на полу, чтобы вамъ удобнѣе было спать.

— Прекрасно. Давайте сюда ваше сѣно.

Кажется, никогда въ жизни мы не спали такъ хорошо, какъ на этомъ сѣнѣ.

Утромъ, часовъ въ 7, мы увидѣли на дворѣ смотрителя, осматривавшаго чей-то экипажъ, и на вопросъ, не предназначается ли онъ для вчерашнихъ туристовъ изъ Новороссійска, узнали, что они давно уже уѣхали,—часа въ три утра.

Селеніе и станція Пассанауръ очень живописны. Масса зелени, покрытыя лѣсомъ горы, серебристая Арагва и чудный, мягкій воздухъ дѣлаютъ это мѣстечко чрезвычайно привлекательнымъ. И какая огромная, поразительная разница съ тѣмъ, что мы видѣли лишь наканунѣ, по ту сторону Кавказскаго хребта. Вмѣсто мрачныхъ, угловатыхъ и островерхихъ скалъ, почти совершенно лишенныхъ растительности, здѣсь повсюду мягкія, закругленныя линіи и нѣжныя, ласкающія глазъ окраски. Тамъ грязная и величественная красота могучихъ силъ, способныхъ исковеркать и разломать толщу земной коры, какъ скорлупу орѣха; здѣсь спокойная и бодрящая красота творческихъ силъ, превратившихъ горы и обломки скалъ въ сплошной цвѣтущій паркъ. Благодатный край, несмѣтныя

богатства котораго лежатъ еще почти нетронутыми, какъ заколдованный кладъ!..

Дорога стала оживленнѣе. Фургоны, арбы, линейки, дилижансы попадаются все чаще и чаще. Иногда съ шумомъ проносится автомобиль. Много всадниковъ и пѣшеходовъ. При встрѣчѣ съ нами большинство ихъ любезно киваютъ головой и произносятъ:

— Хамарджюбе!

На что мы также дѣлаемъ кивокъ и говоримъ:

— Хагимарджёсъ!—единственное грузинское слово, которое мы знали.

А. Мощанскій

(*Окончаніе съ слѣдующей книжкѣ*).

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЧЕСТВОВАНІЕ І. І. ЯСИНСКАГО.

(По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности).

СПОЛНИВШЕЕСЯ сорокалѣтіе общелитературной и тридцатилѣтіе беллетристической дѣятельности извѣстнаго писателя Іеронима Іеронимовича Ясинскаго, портретъ котораго прилагается въ настоящей книжкѣ журнала, было отпраздновано 8-го января с. г. широкими столичными литературными, художественными и артистическими кружками чрезвычайно торжественно, и его таланту воздана была обильная общественная дань. Для организаціи всего чествованія былъ образованъ многочисленный комитетъ, въ составъ котораго фактически вошли: В. А. Бонди, Н. Н. Брешко-Брешковскій, П. В. Быковъ, М. М. Гаккебушъ, Б. Б. Глинскій, П. П. Гнѣдичъ, С. М. Городецкій, А. А. Измайловъ, Е. П. Карповъ, проф. Юлій Клеверъ, А. Э. Коганъ, А. П. Коптяевъ, А. И. Купринъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, С. М. Пропперъ, Л. Е. Розинеръ, проф. И. Е. Рѣпинъ, Н. С. Самокишъ, Н. А. Скроботовъ, П. П. Сойкинъ, проф. Н. Ѳ. Соловьевъ, Ф. Ф. Фидлеръ, Н. Н. Фигнеръ, Н. С. Худековъ.

Комитетъ намѣтилъ широкую программу литературнаго праздника 8 января, разослалъ всюду приглашенія, и въ результатѣ торжество г. Ясинскаго вышло чрезвычайно пышнымъ, веселымъ и, по словамъ одной газеты, «не только сердечнымъ, искреннимъ и прочувствованнымъ, но и красивымъ».

Торжество началось въ маломъ залѣ консерваторіи въ $2^1/_2$ ч. дня, куда къ этому времени собрались многія депутаціи съ поздравительными адресами, многіе знакомые, друзья и почитатели І. І. Ясинскаго.

На задрапированной краснымъ сукномъ и декорированной зеленью эстрадѣ висѣла группа организаціоннаго комитета, снявшагося вмѣстѣ съ виновникомъ торжества. Группа вставлена въ бѣлую лакированную кленовую рамку, на которой выжжены факсимиле всѣхъ членовъ комитета. Въ 3 ч. дня подъ торжественные звуки органа (игралъ г. Людигъ) былъ введенъ въ залъ юбиляръ, причемъ публика усыпала его путь цвѣтами. Предсѣдатель комитета Б. Б. Глинскій, усадивъ І. І. на почетное мѣсто за столомъ на эстрады, объявилъ торжественное собраніе открытымъ, принесъ І. І. Ясинскому поздравленіе отъ лица организаторовъ праздника и просилъ принять отъ участниковъ комитета сказанную выше группу на память, какъ дань дружбы и любви.

По описанію репортера «Биржевыхъ Вѣдомостей», дальнѣйшій праздникъ протекалъ такъ.

Началось чтеніе адресовъ, поднесенныхъ различными депутаціями. Ихъ было безконечно много. Депутація отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Огонька» поднесла юбиляру адресъ, прочитанный А. А. Измайловымъ, и подарокъ—портретъ І. І. работы Рѣпина. Портретъ этотъ—одно изъ послѣднихъ произведеній кисти великаго мастера—будетъ выставленъ на предстоящей всемірной художественной выставкѣ въ Римѣ. Въ маломъ залѣ консерваторіи этотъ портретъ былъ водруженъ на особый мольбертъ, поставленный на эстрадѣ для обозрѣнія его публикою.

Вслѣдъ за адресомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» І. І. Ясинскаго привѣтствовала депутація отъ «Историческаго Вѣстника», адресъ которой прочиталъ П. П. Гнѣдичъ. Далѣе слѣдовали адреса и привѣтствія отъ журналовъ «Природа и Люди», «Театръ и Искусство», редакторъ котораго А. Р. Кугель отмѣтилъ высокій гуманизмъ таланта и личности юбиляра; отъ журнала «Міръ», отъ «Петербургскаго Листка», отъ книгоиздательства «Трудъ», отъ «Голоса Москвы», отъ журнала «Театръ и Спортъ»—«самаго молодого изданія, привѣтствовавшаго одного изъ самыхъ старыхъ литературныхъ дѣятелей»; отъ журнала «Осколки»; отъ общества литературныхъ и музыкальныхъ писателей.

Далѣе шли привѣтствія отъ кружка поэтовъ имени К. Случевскаго, отъ кружка молодыхъ поэтовъ, отъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, отъ газеты «Копѣйка». Адресъ и лавровый вѣнокъ были поднесены юбиляру отъ почитателей его таланта депутаціей, въ составъ которой вошли драматургъ Е. Карповъ, критикъ Чуковскій и журналисты Осиповъ и Шебуевъ. Другая группа почитателей, делегатомъ которой являлся писатель Н. Н. Брешко-Брешт-

ковскій, поднесла рисунокъ художника Эберлинга, изображающій І. І. Ясинскаго окруженнымъ призраками героевъ его произведеній. Этотъ рисунокъ былъ также водруженъ на мольбертъ, рядомъ съ портретомъ Рѣпина.

Красиво было привѣтствіе С. Ф. Годлевскаго, говорившаго отъ имени кружка Полонскаго.

Депутаціи все тянулись, говорили депутаты кіевлянъ—поклонниковъ таланта Ясинскаго, курскихъ крестьянъ, журнала «Обозрѣніе Театровъ». Группа художниковъ: С. Колесниковъ, П. Зарубинъ и П. Ганзонъ привѣтствовали юбиляра, какъ художественнаго критика и знатока искусства, и поднесли ему на память свои произведенія. Сильное впечатлѣніе произвело появленіе пяти просто одѣтыхъ рабочихъ, пришедшихъ съ Выборгской стороны, чтобы, по порученію своихъ товарищей, почитателей таланта маститаго беллетриста и публициста, пожать ему руку.

Болѣе двухъ часовъ продолжалось непрерывное шествіе депутацій и чтеніе съ каѳедры поступившихъ на имя юбиляра телеграммъ и писемъ. Въ интересахъ полноты описанія праздника г. Ясинскаго приводимъ текстъ нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ и оригинальныхъ адресовъ и телеграммъ. Текстъ и подписи сихъ послѣднихъ ярко свидѣтельствуютъ, насколько праздникъ г. Ясинскаго былъ въ настоящемъ смыслѣ литературенъ, сколько громкихъ и славныхъ именъ сплели свои имена съ именемъ юбиляра, зачислили себя въ списокъ его друзей, поклонниковъ и учениковъ и поклонились публично его таланту.

Адресъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ! Тридцать лѣтъ назадъ Вы создали первую грустную повѣсть о бѣдной петербургской дѣвушкѣ, жертвѣ людского сластолюбія и жестокости. Сорокъ лѣтъ назадъ появились Ваши первыя публицистическія статьи, исполненныя тѣмъ же гуманнымъ и свободолюбивымъ чувствомъ. Тридцать и сорокъ долгихъ лѣтъ длится Ваша творческая жизнь, съ огромнымъ, почти невѣроятнымъ для одного человѣка трудомъ, но и съ высокими достиженіями и удовлетвореніями творчества, въ неустанной и часто тяжелой борьбѣ за начала человѣчности, но и съ радостями побѣдъ свѣта надъ тьмою. Свѣтлой игрѣ Боговъ,—искусству,—безъ котораго невесело въ глубокихъ небесахъ и пусто на землѣ,—Вы отдали всѣ сознательные годы жизни. Нескончаемая вереница созданныхъ Вами образовъ представляется сегодня мысленно взорамъ Вашимъ и нашимъ. Прекрасная русская молодежь поры освобожденія, милыя чистыя русскія дѣвушки, мрачные осколки дореформенной старины, въ канунъ великаго дня народной свободы, «печальное поколѣніе слабыхъ и безвольныхъ людей недавней поры безвременья—вся человѣческая толпа во всей пестротѣ ея переживаній—съ восторгами любви и нестерпимыми ея муками» съ паденіями и взлетами,—все это съ тонкимъ, красивымъ спокойствіемъ отражено въ Вашихъ книгахъ, какъ въ глади покойнаго лѣсного озера.

Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» горда тѣмъ, что многіе годы она видитъ въ своихъ рядахъ большого художника и поэта, какъ постояннаго вкладчика въ ея труды, что сотрудники ея имѣли счастье работать рядомъ съ мастеромъ слова, за которымъ въ сумракѣ прошлаго имъ видѣлись благословляющія тѣни Тургенева и Салтыкова. Въ исторію «Биржевыхъ Вѣдомостей» навсегда вписаны страницы съ именемъ Независимаго. Всю теплость Вашего писательскаго сердца, рѣдкую красоту Вашего слова художника, всю горечь и все благородство человѣка, которому близки слезы и скорби меньшаго брата, Вы внесли въ былые годы въ Ваши «Бесѣды». Теперь, когда тѣни вечера спустились надъ Вашею жизнью но еще такъ сохранны и цѣльны Ваши творческія силы, Ваши старые и новые соработники и почитатели приносятъ Вамъ душевное спасибо за прошлое и лучшія пожеланія новыхъ прекрасныхъ вдохновеній на долгіе годы впереди.

Адресъ «Историческаго Вѣстника».

Многоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ!

Редакція и сотрудники журнала «Историческій Вѣстникъ» считаютъ пріятнымъ долгомъ принести сегодня Вамъ, своему давнему талантливому сотруднику, искреннія поздравленія съ 40-лѣтіемъ Вашей литературной и 30-лѣтіемъ беллетристической дѣятельности. Желаемъ вамъ, всегда высоко державшему знамя чистаго искусства, еще много лѣтъ быть украшеніемъ нашей литературы и бодро стоять въ первыхъ рядахъ нашихъ писателей-художниковъ, продолжающихъ великое дѣло служенія родному слову, согласно завѣтамъ виднѣйшихъ представителей отечественной словесности.

Адресъ товарищества издательскаго дѣла «Копѣйка».

Глубокоуважаемый и дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ!

Товарищество издательскаго дѣла «Копѣйка» и его ближайшіе сотрудники радостно привѣтствуютъ Васъ въ день Вашего сорокалѣтняго юбилея. Всю свою долгую трудовую жизнь Вы посвятили служенію родинѣ и Ваши заслуги передъ ней велики и неоцѣнимы. Вы подарили ей рядъ высокохудожественныхъ произведеній и прославили свое имя, какъ изящный поэтъ, яркій беллетристъ, проницательный критикъ и блестящій переводчикъ. Но изъ всѣхъ вашихъ заслугъ для насъ, людей, работающихъ на газетномъ поприщѣ, представляетъ наибольшую цѣнность многолѣтній подвигъ, совершенный Вами подъ рыцарскимъ забраломъ Независимаго. Вы первый изъ русскихъ журналистовъ сумѣли заинтересовать сѣраго русскаго обывателя вопросами широкаго общественнаго характера, вывести его изъ узкаго круга житейскихъ дрязгъ и мелочныхъ расчетовъ и пробудить въ немъ дотолѣ дремавшее сознаніе гражданина. До Вашего выступленія на поприще журналиста русскіе читатели считались тысячами, Вы ихъ умножили въ десятки и сотни разъ и къ независимымъ рѣчамъ Вашимъ чутко прислушивались сотни тысячъ людей, заброшенныхъ въ самые глухіе углы нашей родины. Вы способствовали перемѣщенію центра тяжести русскаго общественнаго мнѣнія съ поверхности въ глубину и этимъ заслужили право на признательность всего русскаго народа и эту гигантскую работу выдержали Ваши могучія плечи! Еще духовный пылъ Вашъ не растраченъ, еще сокровищница

Вашего дарованія полна доверху! Живите же и творите еще долгіе, долгіе годы—и пусть всегда трепещетъ въ Васъ тотъ божественный огонь, который и подъ сѣдинами юбиляра дѣлаетъ Васъ такимъ обаятельно-яркимъ, искрометнымъ и молодымъ!»

Адресъ «Голоса Москвы».

Въ день сорокалѣтія Вашей писательской дѣятельности особенно отрадно отмѣтить гармоническую цѣлостность Вашей личности, какъ писателя и какъ человѣка.

Писатель — Вы единожды навсегда увѣровали, что даръ литературный, какъ высшій даръ среди прочихъ искусствъ, есть безпрерывное служеніе красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ: красотѣ идеи, красотѣ мысли, красотѣ формы. Какъ человѣкъ, Вы отдали могучія силы Вашей богато одаренной натуры безкорыстному восторгу передъ созданіями «искусствъ и вдохновенья». Не только въ личномъ творчествѣ Вы осуществляете Вашу любовь къ Прекрасному—Вы умѣете отыскивать и наслаждаться прекраснымъ и въ творчествѣ другихъ.

Въ ту пору пренебреженія красотой, когда Вы выступали на писательское поприще, Вы мужественно исповѣдывали свои эстетическія убѣжденія и, не взирая на всѣ выпавшіе на Вашу долю терніи и тяготы, сумѣли остаться вѣрнымъ себѣ и до настоящаго времени—это непреклонное мужество и благородную вѣрность своимъ убѣжденіямъ мы и привѣтствуемъ въ сегодняшній знаменательный день Вашей жизни».

На всѣ обращенныя къ нему привѣтствія І. І. отвѣтилъ слѣдующею рѣчью, произнесенною съ высокимъ подъемомъ чувства, задушевнымъ голосомъ, порою сдавливаемымъ невольными слезами:

«Дорогіе друзья и товарищи, добрые и великодушные, всѣ, оказавшіе мнѣ своимъ присутствіемъ величайшую честь!—сказалъ юбиляръ.—Несказанно благодаренъ вамъ и организаціонному комитету, устроившему этотъ праздникъ, столь незаслуженный мною. О, конечно, я долженъ былъ бы отклонить юбилейное торжество. Но въ судьбѣ каждаго человѣка есть нѣчто роковое и неотвратимое, и я не въ силахъ былъ сдѣлать этого. И не потому я боялся юбилея, что въ сумрачный день, вообще, тускло горятъ праздничные огни. Я боялся его еще и потому, что юбилей для меня является страшнымъ судомъ. Собрались судить меня. Сошли ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ и раскрыли книги, въ которыхъ записано все, что я сдѣлалъ, и все, чего я не долженъ былъ дѣлать. И, когда раздавались похвалы мнѣ, я съ трепетомъ внималъ имъ, потому что я слышалъ еще громкія порицанія, исходившія отъ сонма другихъ, незримыхъ вами, строгихъ ангеловъ съ скорбными лицами, съ укоромъ и упрекомъ подводившихъ въ моей душѣ итоги моимъ литературнымъ грѣхамъ. Я вижу ихъ черный караванъ передъ собою. Свѣтлое знамя, которому я служилъ и служу, склонялось передъ страхами и ужасами жизни. Правда, я не запятналъ его. Но я не подчинялся партійной дисциплинѣ. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ я не придерживался общепринятаго міросозерцанія. Случалось, я ломалъ

рамки общепризнанной морали. Въ острыя минуты борьбы я проповѣдывалъ свѣтлое слово даже въ языческихъ храмахъ! А этого не слѣдовало дѣлать. Но самый большой мой грѣхъ, который вмѣнялся мнѣ, въ особенности въ старину, въ преступленіе—въ томъ, что мнѣ были и остались дороги и близки многіе изъ этихъ черныхъ силуэтовъ, уходящихъ на фонѣ моего заката въ вѣчность ожидающей меня ночи. Я—нераскаянный грѣшникъ: они милы мнѣ, какъ улыбка добрыхъ человѣческихъ устъ, какъ улыбка добрыхъ человѣческихъ глазъ, какъ поцѣлуй друга. Земно кланяюсь вамъ, и да простятся мнѣ какъ тѣ грѣхи, которые мнѣ самому отвратны, такъ и эти, милые мнѣ и неразлучные со мною, грѣхи—красота для красоты, радость для радости, жизнь для жизни, искусство для искусства, правда для правды, свобода для свободы.

«Еще разъ за все, за все благодарю васъ, снисходительные и великодушные!»

Послѣ рѣчи юбиляра, покрытой восторженными аплодисментами всего зала, послѣдовало исполненіе г. Людигомъ на органѣ музыкальнаго произведенія, послѣ чего приступлено было къ чтенію привѣтствій, полученныхъ телеграфомъ и по почтѣ. Вотъ главнѣйшія телеграммы [1]).

Московское отдѣленіе кассы литераторовъ привѣтствуетъ васъ въ день сорокалѣтней литературной дѣятельности. Предсѣдатель Телешовъ.

Многоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ. Дирекція Московскаго литературно-художественнаго кружка единогласно постановила привѣтствовать въ вашемъ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, чуткаго изобразителя современной жизни и тонкаго художника слова, являющагося достойнымъ преемникомъ великихъ мастеровъ нашей литературы и украшеніемъ и гордостью нашего литературнаго сегодня. Предсѣдатель дирекціи Валерій Семеновъ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ днемъ вашей сорокалѣтней литературной дѣятельности. Суворинъ.

Примите наши искреннія поздравленія и пожеланія. Петръ и Софья Боборыкины.

Горячо обнимаю милаго товарища временъ большихъ надеждъ. Ясинскій всегда былъ душою и центромъ восходящей плеяды молодыхъ литераторовъ, культурныхъ умовъ, животрепещущихъ талантовъ—тепло, сердечно, безкорыстно. Илья Рѣпинъ.

Изъ холодной и снѣжной глуши шлю горячій привѣтъ отъ души. Пью здоровье—увы!—не шампанскимъ,—молокомъ санаторскимъ, финляндскимъ. Т. Щепкина-Куперникъ.

Поздравляю одного изъ лучшихъ писателей-художниковъ съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ и желаю ему здоровья и творчества на многіе годы. Владиміръ Маковскій.

Шлю привѣтъ и поклонъ до земли славному писателю, честному, доброму человѣку. Свѣтися, свѣтушка, многія лѣта! Константинъ Варламовъ.

---

[1]) **Для удобства изложенія мы приводимъ здѣсь телеграммы, какъ полученныя къ дневному засѣданію въ консерваторіи, такъ и вечеромъ на банкетѣ у Контана, а также на слѣдующій день.**

Сердечно привѣтствую съ днемъ славнаго юбилея. Желаю бодрости и отзывчивости на многія, многія лѣта. Рерихъ.

Сердечно поздравляю съ прекраснымъ юбилеемъ. Авсѣенко,

Въ день вашего торжества, глубокоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, считаю пріятнымъ долгомъ привѣтствовать васъ. Георгій Чулковъ.

Горячо поздравляю глубокоуважаемаго юбиляра. Сергѣевъ-Ценскій и Алексѣй Ремизовъ.

Дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ, позвольте въ день вашего сорокалѣтняго литературнаго юбилея къ стройному хору привѣтствующихъ васъ голосовъ присоединиться и мнѣ, вашей литературной крестницѣ, дочери В. Д. Рокотова, сорокъ лѣтъ назадъ воспріявшаго васъ въ кіевкой литературной купели, и желаю еще много лѣтъ все такъ же красиво жить и такъ же хорошо творить. Ямщикова-Алтаевъ.

Шлю сердечный привѣтъ дорогому юбиляру съ пожеланіями ему здоровья и силъ на многіе, многіе годы. Альбовъ.

Лишенный по одной очень уважительной причинѣ возможности присутствовать на твоемъ торжествѣ, шлю сдушевный привѣтъ и пожеланіе многихъ и счастливыхъ дней. Баранцевичъ.

Душевно поздравляю глубокоуважаемаго. Илья Гинцбургъ.

Общество имени Архипа Ивановича Куинджи присоединяетъ свой голосъ, поздравляя глубокоуважаемаго юбиляра съ днемъ сорокалѣтія его художественной литературной дѣятельности, и желаетъ ему многихъ лѣтъ здравія. Правленіе.

Отъ души и горячо поздравляю. Очень жалѣю, что лишенъ возможности сдѣлать это лично. Левъ Бертенсонъ.

Независимо добраго, искренняго, независимо отзывчиваго, вѣчно прекраснаго друга, писателя I. I. Ясинскаго привѣтствуетъ редакція молодого журнала «Пробужденіе». Корецкій.

Редакція «Земскаго Сборника» Черниговской губерніи привѣтствуетъ своего бывшаго секретаря съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ его литературной дѣятельности. Предсѣдатель земской управы Савицкій.

Отъ всего сердца привѣтствуетъ вашъ прекрасный неувядаемый талантъ скромный почитатель вашъ Анатолій Дуровъ.

Глубокоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, позвольте мнѣ, вашему почти что сорокалѣтнему почитателю, присоединить свой голосъ къ тѣмъ горячимъ многочисленнымъ привѣтствіямъ и пожеланіямъ, которыя сегодня отовсюду шлютъ вамъ. Профессоръ Александръ Введенскій.

Редакція «Русской Старины» привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, съ сорокалѣтіемъ вашего высокаго служенія русской литературѣ и исторіи и шлетъ наилучшія пожеланія здоровья и всего прекраснаго на многіе и многіе годы. Редакторъ «Русской Старины» П. Н. Вороновъ.

Шлю мои наилучшія сердечныя поздравленія. Профессоръ Озеровъ.

Шлю вамъ сердечный привѣтъ и горячія пожеланія не покидать высшей области человѣческаго духа и продолжать творить. Проф. Безобразовъ.

Шлю горячій сердечный привѣтъ дорогому юбиляру, благородному независимому художнику, мыслителю. Проф. Погодинъ.

Примите искреннія поздравленія юбилею вашей творческой трудовой жизни. Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Присоединяюсь къ вашему юбилею, дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ, надѣюсь скоро перевести ваши произведенія (телеграмма на французскомъ языкѣ). Дени Рошъ (Denis Roche, французскій критикъ и знатокъ русскаго искусства).

Дорогому Іерониму Іеронимовичу сердечный привѣтъ и многія лѣта. Проф. Чубинскій.

Болѣю душою, что не могу вслѣдствіе простуды привѣтствовать лично дорогого юбиляра вмѣстѣ со всею литературною семьею и многочисленными его почитателями. Примите, дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ, мои пожеланія, чтобы Россія долгіе годы пользовалась услугами вашего талантливаго пера, а васъ сердечно отъ души поздравляю, обнимаю и присоединяюсь къ восторженнымъ тостамъ, провозглашаемымъ въ вашу честь. Редакторъ-издатель «Вѣстника Знанія», «Недѣли» и Научнаго Обозрѣнія» Битнеръ.

Императорское русское театральное общество сегодня въ день празднованія сорокалѣтія вашей литературной дѣятельности шлетъ вамъ искреннія пожеланія силъ и здоровья на дальнѣйшую плодотворную работу на томъ поприщѣ, на которомъ вы съ честью и славой подвизались сорокъ лѣтъ. Вице-президентъ общества Молчановъ.

Редакція и сотрудники «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» шлютъ маститому юбиляру горячія привѣтствія въ день сорокалѣтія правдиваго искренняго служенія родному слову. Ваша дѣятельность, полная труда и любви къ дорогому дѣлу, даетъ намъ право отъ всей души пожелать русской литературѣ, чтобы ваша могучая фигура еще долго украшала собою ряды русскихъ писателей. Гессенъ и Клочковъ (Аграевъ).

Наисердечнѣйше привѣтствую яркаго свѣтильника русской беллетристики, честно изображавшаго людскую жизнь, безъ лести и злобы. Сожалѣемъ о невозможности лично пожать вашу трудовую плодотворную руку. Да хранитъ васъ Господь долгіе годы. Инспекторъ новгородской духовной семинаріи Кедринскій и редакторъ газеты «Волховской Листокъ» Нилъ Богдановскій.

Пью за высокоталантливаго беллетриста Максима Бѣлинскаго, Іеронима Ясинскаго, за крупнаго независимаго публициста и тонкаго даровитаго критика Чуносова, а въ сущности все за того же несравненнаго ювелира слова, своего литературнаго отца, дорогого юбиляра. Фотій Бѣлявскій.

Товарища, у котораго черпаемъ силы для вдохновенія, поздравляемъ съ литературными именинами, чествуемыми всею сознательною Россіею. Редакторъ «Откликовъ Кавказа» Михайловъ и сотрудникъ Ѳедоръ Черный.

Привѣтствую съ сорокалѣтіемъ блестящей литературной дѣятельности. Леонидъ Афанасьевъ.

Искусство—средство для бесѣды съ людьми, сказалъ творецъ«Бориса Годунова». Ваша «Бесѣда» была средствомъ для ознакомленія читателей съ тончайшими чертами человѣческой природы и человѣческихъ массъ. Это знаютъ всѣ, васъ читающіе и имѣвшіе счастье работать подъ вашей редакціей. Я былъ среди нихъ и пользуюсь случаемъ присоединиться къ хору вашихъ поздравителей. Да продлится ваша захватывающая бесѣда съ людьми еще многіе, многіе годы. Музыкальный критикъ Ник. Бернштейнъ.

Редакція иллюстрированнаго журнала «Европейская Жизнь» привѣтствуетъ почтеннаго юбиляра. Баронесса Роопъ. Николай Лендеръ.

Желаю, чтобы свѣточъ могучаго таланта сіялъ намъ еще многія, многія лѣта. Редакторъ «Новой Столичной Газеты» Красницкій.

«Общество взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ» привѣтствуетъ васъ какъ автора «Всходовъ», «Наташки», «Доброй Феи» и другихъ реальныхъ и пластичныхъ картинъ изъ жизни нашей интеллигенціи.

Отъ души желаю, чтобы вы еще многіе годы дарили насъ прекрасными произведеніями вашего чуднаго таланта. Долина.

Редакція «Утра Россіи» привѣтствуетъ маститаго юбиляра. Шлетъ лучшія пожеланія. «Утро Россіи».

Гордые тѣмъ, что и Кіевъ вплелъ свои цвѣты въ вѣнокъ вашего творчества, мы привѣтствуемъ васъ въ день юбилея. Шлемъ искреннія поздравленія и пожеланія долгаго слѣдованія по избранному вами славному пути. «Послѣднія Новости».

Редакція «Петербургской Газеты» привѣтствуетъ маститаго юбиляра и желаетъ ему дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на литературной нивѣ.

Горячо привѣтствую отъ всей редакціи польской газеты «Дзѣнникъ Петербургскій» маститаго юбиляра и желаю ему еще долгіе годы славно работать на литературной нивѣ родственнаго намъ великаго русскаго народа. Оссендовскій.

Примите сердечныя горячія поздравленія. Редакторъ «Новостей Сезона» Кугульскій.

«Дружескія Рѣчи», привѣтствуя высокоталантливаго І. І. въ свѣтлый день сорокалѣтія его литературной дѣятельности, выражаютъ горячія пожеланія, чтобы его блестящее перо служило дѣлу народнаго развитія и просвѣщенія еще многіе годы.

Редакція журнала «Свободнымъ Художествамъ» и газета «Противъ Теченія» шлетъ свои поздравленія юбиляру въ его великій день. Ѳома Райлянъ.

Община художниковъ привѣтствуетъ глубокоуважаемаго І. І. Предсѣдатель Кузнецовъ.

Горячо привѣтствую великаго художника пера и кисти, дивныя творенія котораго еще долго будутъ восхищать любителей изящнаго и самобытнаго. Пальмскій.

Привѣтствую талантливаго и чуткаго писателя-художника и желаю ему еще долгіе годы держать твердо и высоко честное знамя. Пѣшкова-Толивѣрова.

Редакція газеты «Искры» шлетъ привѣтъ.

Императорское общество русскихъ акварелистовъ присоединяетъ сердечныя поздравленія маститому юбиляру. Берггольцъ, Крыжицкій, Хрѣновъ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, глубокоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, въ день вашего юбилея. Графъ А. Н. Толстой.

Пью за здоровье молодыхъ добрыхъ глазъ, въ которыхъ сіяетъ вѣра въ лучшія чувства и побужденія человѣчества. Ура! Нордманъ-Сѣверова.

Поздравляю васъ, стараго сотрудника «Всемірной Иллюстраціи», съ великимъ днемъ сорокалѣтняго юбилея вашей литературной дѣятельности. Э. Гоппе.

Дай Богъ вамъ силъ и многи лѣта на стражѣ правды, стражѣ свѣта—во всеоружіи поэта стоять поборникомъ добра. Дай Богъ въ союзѣ съ красотою вести вамъ юность за собою маститой вашею душою. Максиму—maximum! Ура. Аполлонъ Коринфскій.

Живите счастливо, попрежнему творите, храни васъ Богъ здоровымъ много лѣтъ и въ мигъ торжественный и нашу дань примите—отъ сердца чистаго восторженный привѣтъ. Михаилъ Соколовъ.

Въ день сорокалѣтія вашей литературной дѣятельности сердечно привѣтствую съ этимъ праздникомъ нашей улицы васъ—одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ Тургенева. Т. А. Мартемьяновъ.

Въ день великаго срока привѣтствую маститаго Іеронима Іеронимовича. Иванъ Рукавишниковъ.

Преклоняясь предъ талантомъ романиста Бѣлинскаго Максима и отзывчивостью и честностью публициста Независимаго, шлемъ сердечныя поздравленія дорогому юбиляру и выражаемъ увѣренность, что имя автора «Наташки», «Искры Божіей», «Хуторянъ», творца великолѣпныхъ

провинціальныхъ очерковъ займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи отечественной литературы. Сотрудники «Царицынскаго Вѣстника», «Поволжской Думы». Уполномоченные.

Товарищество М. О. Вольфъ сердечно поздравляетъ глубокоуважаемаго юбиляра и искренно желаетъ и впредь успѣха.

Издательство «Шиповникъ» горячо привѣтствуетъ маститаго юбиляра, желаетъ долгой жизни и плодотворной работы.

Въ день двойного юбилея вашего редакція «Русскаго Слова» шлетъ искреннѣйшія привѣтствія и пожеланія Независимому журналисту и Максиму Бѣлинскому, рускому беллетристу. Редакція «Русскаго Слова».

Привѣтствую васъ, какъ всегда, талантливаго, энергичнаго литературнаго дѣятеля. Невѣжинъ.

Желаю продолженія славной дѣятельности на долгіе годы. Графиня Муравьева.

На славу и здравье вы жаловаться не можете, а потому пожелаю побольше капиталовъ, чтобы легче жилось. Плещеевъ.

Къ кому приковано вниманіе всей мыслящей Россіи, присоединяю и я свое благоговѣніе предъ могучимъ человѣкомъ, писателемъ и художникомъ. Лѣсной (сотрудникъ «Современнаго Міра» и др.).

Привѣтствую дорогого юбиляра, взыскательнаго и чуткаго художника, и отъ всей души желаю ему долгихъ лѣтъ плодотворной работы во имя прекраснаго. Будищевъ.

Старый товарищъ. привѣтствую тебя отъ всей души со знаменательнымъ днемъ сорокалѣтія твоей плодотворной талантливой дѣятельности. Въ лицѣ твоемъ привѣтствую писателя, редактора, критика и блюстителя вѣчныхъ завѣтовъ, оставленныхъ намъ нашими великими учителями. Отъ всего сердца желаю тебѣ здоровья и неизсякаемой работоспособности на славу тебѣ, на радость намъ, друзьямъ твоимъ, и на обогащеніе родной литературы. Влад. Тихановъ.

Редакція «Свѣточа» и «Дневника Писателя» шлетъ свои поздравленія дорогому юбиляру, выдающемуся художнику слова и вдумчивому публицисту. Кругловъ. Догановичъ.

Сердечно желаю высокодаровитому юбиляру еще много лѣтъ творить прекрасно, транспонируя жизнь въ божественную тональность вдохновенія. Анна Баумгартенъ-Микѣшина.

Своимъ чуднымъ даромъ и усиленнымъ трудомъ вы воплотили въ себѣ прекрасную троицу психологіи, художества и символизма. Желаю вамъ, чтобы юношескій пылъ души и свѣжесть и сила ума послужили вамъ еще на долгіе годы—на радость вашимъ друзьямъ и на пользу обществу. Искренно сожалѣю, что не могу лично видѣть ваше благородное доброе лицо и пожать вашу честную руку. Почитающій и любящій васъ Моргерштернъ (редакторъ «Психо-Графологическаго Журнала»).

Не было времени, когда бы не жаловались на оскудѣніе творчества; между тѣмъ оно шло все впередъ и впередъ по своему тернистому пути и, какъ всѣ мученики, завоевали міръ великіе страстотерпцы русскаго художественнаго слова и создали духовную родину, яже не отнимется отъ насъ ни мечомъ, ни насиліемъ. Въ вашемъ лицѣ, дорогой собратъ, чествуютъ эту верховную творческую силу. Примите отъ меня, смиреннаго богомольца въ нерукотворномъ храмѣ, усердное пожеланіе еще долгихъ лѣтъ вдохновеннаго труда, созидающее значеніе котораго постигнутъ лишь грядущія поколѣнія. Константинъ Льдовъ.

Изъ чужого тебѣ лагеря я прихожу въ праздничной одеждѣ на сегодняшнюю свадьбу великойрусской литературы и, низко кланяясь передъ ея величествомъ, поздравляю тебя въ сорокалѣтней твоей честной работѣ для ея радости и счастья. Желаю я тебѣ, другъ, чтобы ты еще долго былъ съ нами, и сила пусть будетъ съ тобой и твое юношество. Шеломъ Ашъ.

Красотѣ вашихъ сѣдыхъ волосъ, красотѣ ума и сердца вашего низко кланяюсь. Свѣтло и радостно проведите сегодняшній день. Не люди, а сама жестокая жизнь, побѣжденная талантомъ вашимъ, склонившись, привѣтствуетъ васъ громогласно. Леонидъ Андреевъ.

Радостно привѣтствую вашу вчерашнюю рѣчь. Жалѣю мое невольное отсутствіе. Благодарю за многіе хорошіе часы, проведенные за чтеніемъ вашихъ многихъ произведеній. Григорій Петровъ.

Ошеломленный, очарованный вашей рѣчью въ консерваторіи, гдѣ такъ искренно сказалась покаянная ваша скорбь, привѣтствую щедрый, изящный и пышный талантъ и грущу, что внезапный отъѣздъ помѣшалъ мнѣ лично обнять юбиляра. Чуковскій.

Не приводимъ дальнѣйшихъ телеграммъ, ихъ осталось болѣе ста. И приведенныя заняли много мѣста.

Получено было также много письменныхъ привѣтствій, между прочимъ отъ поэта и извѣстнаго адвоката С. А. Андреевскаго, отъ Ивана Рукавишникова и отъ Ивана Щеглова, который на слѣдующій день юбилея писалъ: «Давно, давно я не былъ такъ душевно счастливъ, какъ на вашемъ вчерашнемъ необыкновенномъ, искренно свѣтломъ праздникѣ. Были минуты, что хотѣлось плакать отъ умиленія. 8-го января 1911 года отмѣтится, какъ важное общественное явленіе».

Засѣданіе въ консерваторіи закончилось игрой нѣсколькихъ нумеровъ на органѣ, прекрасно исполненныхъ г. Людвигомъ.

Вечеромъ въ ресторанѣ Контана состоялся многолюдный банкетъ, организованный изъ роскошно сервированнаго обѣда и послѣ него артистическаго дивертисемента. За обѣденнымъ столомъ расположилось до двухсотъ человѣкъ. По описанію «Биржевыхъ Вѣдомостей», дѣло обстояло за обѣдомъ такъ:

Собрались писатели, журналисты, музыканты, художники, артисты и почитатели таланта юбиляра. Огромный залъ ресторана былъ полонъ красивой, нарядной и изящной толпой. Было шумно, непринужденно весело и уютно. Юбиляра встрѣтили дружными апплодисментами и тушемъ. За шампанскимъ начались тосты. Первымъ поднялъ свой бокалъ Б. Б. Глинскій, предложившій здравицу за великую Россію, давшую такого сына, какъ I. I. Ясинскій. «За славу и благоденствіе нашей родины. Ура!»—заключилъ г. Глинскій свою рѣчь, покрытую громкимъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ.

Красивымъ откликомъ былъ тостъ, пропѣтый солистомъ Его Величества Н. Н. Фигнеромъ. Съ бокаломъ въ рукѣ артистъ спѣлъ, обращаясь къ юбиляру, застольную пѣснь изъ «Травіаты», перефразировавъ нѣсколько соотвѣтственно случаю ея слова. Второй куплетъ этой пѣсни тоста былъ пропѣтъ пѣвицей Макаровой-Вронской. Успѣхъ этихъ тостовъ былъ такъ великъ, что ихъ пришлось биссировать.

Далѣе начались рѣчи: отъ имени кружка Полонскаго говорилъ С. Ф. Годлевскій.

Поэтъ Сергѣй Городецкій прочиталъ стихотвореніе:

Вешній дѣдъ.

Теремъ есть одинъ таинственный,
Дальнія мѣста!
Стукомъ стукнуть не единственнымъ
Надо въ ворота,
Чтобы ихъ затворъ воинственный
Разомкнулъ уста.

Но, ужъ если за воротами
Очутился ты—
Будто въ мудрый улей съ сотами
Навострилъ мечты,
Въ келью съ тайными щедротами
Старой красоты.

Въ терему не дѣва дивная
Волоса плететъ,
Не колдунья заунывная
Надъ судьбой поетъ—
Нѣтъ, тамъ сила неизбывная:
Вешній дѣдъ живетъ.

Вешній дѣдъ съ глазами юными,
Молодо-сѣдой,
Дружный съ вьюгами, бурунами—
Снѣжно-молодой,
Онъ владѣетъ всѣми струнами
Лиры золотой.

Тронетъ струны звонкогласныя,
И гремятъ ручьи,—
Въ небеса взлетаютъ ясные
Птицы-соловьи,
Зябнутъ синіе и красные
Цвѣтики земли.

И ужъ какъ тамъ народился онъ,—
Не узнать,
Волшебству гдѣ научился онъ,—
Не понять,
Но чтобъ всѣмъ не полюбился онъ—
Не бывать!

Вешній дѣдъ! Своей дорогою
Знай себѣ, иди!
Лѣта многая-премногая
Будутъ впереди.
Русь не будетъ, вѣдь, убогою—
Подожди!

Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ, выпукло обрисовавъ литературный обликъ юбиляра, сумѣвшаго всегда быть выше узкой партійной кружковщины, подробно остановился на публицистической сторонѣ литературной дѣятельности

I. I. Ясинскаго. Ораторъ говорилъ объ Ясинскомъ—независимомъ публицистѣ, извѣстномъ и любимомъ въ каждомъ захолустьѣ, въ каждомъ отдаленномъ углу провинціальной Россіи, о журналистѣ, бывшемъ долгіе годы другомъ и руководителемъ провинціальнаго читателя, близко принимавшимъ къ сердцу его интересы, печали и невзгоды. Хорошо зналъ «Независимаго» и покойный Л. Н. Толстой, неоднократно направлявшій письма различныхъ обывателей съ изобличительными матеріалами на имя «Независимаго» съ просьбой отмѣтить на столбцахъ печати тѣ или иныя явленія. «Я поднимаю свой бокалъ,—закончилъ свой тостъ С. М. Пропперъ,—за здоровье крупнаго писателя-беллетриста Ясинскаго и публициста—Независимаго».

Кратокъ, но выразителенъ былъ тостъ А. И. Куприна:

«Я торгую тѣмъ же товаришкомъ, что и онъ—юбиляръ, и какъ младшій ученикъ поднимаю бокалъ за здоровье своего учителя».

Съ большимъ подъемомъ произнесъ рѣчь редакторъ журнала «Театръ и Искусство» А. Р. Кугель, отмѣтившій, что юбиляръ не могъ замкнуться въ рамки узкаго фракціоннаго догматизма, потому что онъ былъ поэтъ, а поэтамъ принадлежитъ весь міръ, все солнце.

Редакторъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» В. А. Бонди поднялъ свой бокалъ за красоту, культъ которой такъ ярко отражается въ произведеніяхъ юбиляра, за прекрасныхъ дамъ, вдохновлявшихъ его творчество, и за дочь его, присутствовавшую на банкетѣ.

Много апплодисментовъ вызвало слѣдующее поэтическое привѣтствіе юбиляру, прочитанное А. А. Измайловымъ:

Какъ циркуль исполинскій
Взмахнулъ 30 лѣтъ,
Опять Максимъ Бѣлинскій
Обласканъ и согрѣтъ.

Въ честь стараго Максима
Бокаловъ—свѣтлый звонъ.
И сыновья, и внуки
Собрались на поклонъ.

Въ немъ силы не увяли,
И пламень не угасъ,
Хоть листъ съ тѣхъ поръ роняли
Деревья 30 разъ.

Стоитъ неколебимый,
Хоть серебромъ одѣтъ,
Нашъ славный и любимый
Литературный дѣдъ.

Того теперь по праву
Прославь, правдивый стихъ,
Кто жилъ, трудясь на славу
Одинъ за семерыхъ.

Какіе битвы-бои
Сумѣлъ онъ перенесть!
Въ былинные герои
Пора бъ его зачесть.

Кто не забылъ былое,
Тотъ помнитъ, какъ сверкалъ,
Ломая все гнилое,
Мечъ «Рыцаря зеркалъ».

На свистъ и на удары
Отвѣтъ былъ крутъ и простъ,—
Концомъ своей сигары
Онъ жегъ собакѣ хвостъ.

А какъ потомъ былъ тяжекъ
Писателя удѣлъ,
Какъ Соловей-Разбойникъ
Печатью завладѣлъ.

Бывало, Соловьева
Читаемъ письмецо,—
«Задѣть вы смѣли снова
«Служебное лицо!..

«Вы завтра и въ синклитѣ
«Найдете вредныхъ лицъ.
«Урядника—браните,
«На станового—цыцъ!»...

Такъ сѣялъ добродѣтель
Не Соловьевъ одинъ,
Но вотъ сорвался съ петель
Россійскій гражданинъ.

Намъ изъ житейской урны
Счастливый выпалъ даръ—
Принесъ курьеръ цензурный
Послѣдній циркуляръ.

Наступили другія времена, на Руси не стало порядка

И вотъ съ весельемъ въ лицахъ
Живемъ полгода,—глядь,
Мы въ прежнихъ рукавицахъ,
Кругомъ же—тишь да гладь.

Твердимъ, сбиваясь съ тона,
Унылыя слова,
Отъ Ната Пинкертона
Кружится голова.

Во дни «успокоенья»
И гибели мечты
Одно душѣ спасенье—
Святыня красоты.

Почтимъ же человѣка
Отъ глубины сердецъ,
Кто былъ почти полвѣка
Ей другъ, и рабъ, и жрецъ!

Авторъ закончилъ слѣдующимъ пожеланіемъ:

Въ десяткѣ псевдонимовъ
Ясинскій да живетъ,
И большимъ изъ Максимовъ
Въ исторію войдетъ.

Тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Говорили: поэтъ и переводчикъ Фидлеръ, сказавшій очень остроумную рѣчь, исключительно составленную изъ названій произведеній юбиляра, И. И. Соколовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, поэтесса Тэффи, поэтъ Рославлевъ, Н. И. Кравченко и др. Остроуменъ и изященъ былъ экспромтъ разсказчика, артиста Малаго театра В. В. Сладкопѣвцева, въ веселой и шутливой формѣ разсказавшаго о своихъ впечатлѣніяхъ и закончившаго словами: «И вотъ на сегодняшній праздникъ собрались одни лишь свои. Чужіе сюда не пришли, и Богъ съ ними. Выпьемъ же за здоровье своихъ».

Юбиляръ нѣсколько разъ благодарилъ своихъ друзей и товарищей за привѣтствія и пожеланія, которыя сыпались непрерывнымъ живымъ, искрящимся остроуміемъ и талантомъ дождемъ.

Обѣдъ кончился въ 11-мъ часу вечера и пока убирали залъ для подготовленнаго артистическаго дивертисемента, фотографы Булла и Оцупъ сдѣлали нѣсколько групповыхъ снимковъ съ присутствовавшихъ. Была пущена вслѣдъ за тѣмъ по особымъ билетамъ безплатно публика, не могшая по какимъ-либо соображеніямъ принять участія въ дорогомъ обѣдѣ. Въ общемъ къ 12 часамъ въ обширномъ залѣ Контана собралось до 500 чел., въ распоряженіе которыхъ организаціонный юбилейный комитетъ предоставилъ открытые буфеты съ чаемъ, прохладительными напитками, фруктами, мороженымъ и сластями. Около 12 час. ночи началось концертное отдѣленіе, главные моменты котораго отмѣчены другимъ рецензентомъ г. Б. В. изъ вечерняго выпуска «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 12,114). Онъ пишетъ:

«Концертная программа исполнялась въ оригинальной обстановкѣ артистическаго кабарэ.

«На импровизированную эстраду съ легкостью юнаго кадета вскочилъ Н. Н. Фигнеръ. Вдохновенно пропѣвъ свои романсы, этотъ чудесный артистъ элегантнымъ сильнымъ взмахомъ водворилъ на эстрадѣ г-жу Вронскую-Макарову.

«Какъ г-жа Вронская-Макарова, такъ и г-жа Билибина (прекрасное драматическое сопрано), г-жа Розовская и г-жа Рутковская (прекрасное колоратурное сопрано, стильное, изящное исполненіе) имѣли большой успѣхъ. Лавры послѣдней раздѣлилъ также и авторъ пропѣтаго артисткой романса, г. Коптяевъ.

«Поэтическимъ видѣньемъ предсталъ передъ слушателями обликъ талантливой артистки М. А. Ведринской. Подъ аккомпанементъ г-жи Вельяшевой (неутомимо аккомпанировала въ теченіе всего вечера всѣмъ исполнителямъ) положительно пропѣла цѣлый рядъ стихотвореній талантливая артистка,—и это была музыка рѣчи...

«Но вотъ на другой эстрадѣ, уже не импровизированной, а находящейся противъ входа въ залъ, раздвинулся занавѣсъ и пріятнымъ сюрпризомъ выглянулъ оттуда великорусскій оркестръ балалаечниковъ г. Привалова.

«Сыгравъ, съ присущимъ ему мастерствомъ и артистической законченностью нѣсколько пьесъ, оркестръ проаккомпанировалъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ талантливой исполнительницѣ, г-жѣ Дулькевичъ. Буря восторга послужила отвѣтомъ на пѣсни артистки...

«Подъ аккомпаниментъ оркестра г. Привалова пѣлъ г. Макаровъ. Могучій, красивый, мелодичный басъ отчеканивалъ каждое слово пѣсни съ такой выразительностью, съ такой мощью, что артисту устроили овацію. Пѣли дивными, сочными звуками на своихъ скрипкахъ г. г. Завѣтновскій и Цанибони, а на рояли г. Покровскій. А г-жа Любошицъ своимъ артистическимъ, блестящимъ исполненіемъ на віолончели доказала, что оно доступно не только «choisis», но и «choisies».

«Достаточно было показаться на столѣ В. В. Сладкопѣвцеву, какъ весь залъ разразился бурными привѣтствіями, повторявшимися послѣ каждой уморительной сценки, съ обычнымъ юморомъ переданной талантливымъ разсказчикомъ. Достойно закончилъ концертную программу юбилейнаго чествованія I. I. Ясинскаго г. Макаровъ «Двумя гренадерами».

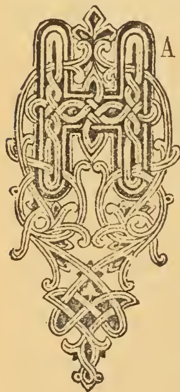
По окончаніи серьезной концертной части администраціи ресторана Контанъ позволено было выполнить часть своего обычнаго кабарейнаго представленія на открытой сценѣ, и передъ присутствующими одинъ за другимъ промелькнули разные кафешантанные лицедѣи. Вечеръ закончился очень поздно. Никому не хотѣлось расходиться—такъ весело, хорошо, тепло было у всѣхъ на душѣ отъ этого такъ прекрасно организованнаго и весело проведеннаго праздника. Немногимъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей приходилось видѣть такое дружное и радостное чествованіе ихъ дарованій, и оно ставитъ юбиляра въ долговое обязательство передъ русскимъ обществомъ. Мощнымъ и талантливымъ проявленіемъ своего толонта онъ можетъ лишь достойно отплатить за устроенный ему праздникъ. Силъ для того у него еще достаточно, и пусть «вешній дѣдъ» только не забудетъ этого своего нравственнаго долга и о немъ почаще вспоминаетъ.

Г. Л. И.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе т-ва И. Д. Сытина. 2 тома in 8°. т. I—230 стр.; Т. 2—254 стр., М. 1911. Цѣна не обозначена.

А ПРИЛАВКАХЪ книжныхъ магазиновъ русскій читатель легко обратитъ вниманіе на два объемистыхъ тома, заключенныхъ въ свѣтлую обложку, на которой изображена слѣдующая виньетка: продольная разорванная цѣпь, въ разрывѣ которой покоится наискось перо, которымъ императоръ Александръ II подписалъ великій актъ 19 февраля 1861 г. Черезъ цѣпь красными буквами обозначено крупнымъ славянскимъ шрифтомъ, тисненнымъ красною краскою: «Великая реформа». Внизу обрывковъ цѣпи значатся одинъ подъ другимъ годы — 1861 — 1911. Таковая нѣсколько крикливая и тенденціозная обложка, несомнѣнно, привлечетъ вниманіе читателя, а оглавленіе дастъ ему надежду, что въ изданныхъ томахъ онъ найдетъ лѣтопись того, какъ осуществилось великое дѣло освобожденія милліоновъ людей «по мановенію царя». Къ сожалѣнію, онъ нѣсколько разочаруется въ своихъ надеждахъ и именно не найдетъ того, что ищетъ. Въ вышедшихъ томахъ изданія имѣется только, такъ сказать, прелюдія къ реформѣ, подступъ къ ней въ видѣ цѣлаго ряда монографій, гдѣ болѣе или менѣе обстоятельно разработаны разныя стороны отечественной жизни, включавшія въ себя крестьянскую жизнь, въ разныхъ ея проявленіяхъ, на протяженіи всей нашей исторіи и въ разныхъ районахъ нашего необъятнаго отечества. Нельзя сказать, чтобы послѣдовательный порядокъ этихъ монографій оставлялъ цѣльное впечатлѣніе и чтобы картина быта крестьянъ и развертываніе всего крестьянскаго вопроса съ момента его появленія на аренѣ исторіи и до начала XIX вѣка, коимъ заканчивается второй томъ, выдѣлялись рельефностью и могли быть разсматриваемы какъ послѣднее и рѣшительное слово въ кругу всего этого огромнаго

историческаго вопроса. Въ сущности этотъ сборникъ монографій, участіе въ которомъ приняло не мало лицъ, есть попытка построенія соціальной и экономической исторіи Россіи, т. е. попытка нѣсколько односторонняя и осуществленная по заранѣе намѣченному плану, о которомъ пока можно только догадываться по нѣсколько туманному предисловію. Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «Политическій идеализмъ хочетъ воспитывать. Ему нужны показательные примѣры. И воспитательная цѣль часто достигается цѣною нѣкотораго— ad majorem gloriam идеи—искаженія истинной природы орудія поученія. Нѣкоторому искаженію съ очень хорошимъ намѣреніемъ подвергся и смыслъ реформы 19 февраля. Съ научной точки зрѣнія это было вредно, но съ общественной—полезно и цѣлесообразно. Нужно помнить, когда приходилось выдвигать больше всего идейную сторону реформы 19 февраля. То было время самой глухой реакціи, когда даже скромные преобразовательные принципы 60-хъ годовъ казались чѣмъ-то недосягаемымъ по смѣлости, широкому размаху и послѣдовательности, когда по всей линіи происходило движеніе назадъ и конца не видѣлось этому попятному движенію. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче». Политическій небосклонъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ до такой степени черенъ, что даже мелкія звѣзды загорались блескомъ крупныхъ свѣтилъ, и къ этому обманчивому блеску съ тревогой устремлялись взоры огромнаго большинства сознательныхъ людей. Иначе и быть не могло. Не можетъ общество жить безъ путеводныхъ огней. И никто не станетъ отрицать, что лирико-романтическое отношеніе къ событію 19 февраля, лучшимъ памятникомъ котораго является книга покойнаго Г. А. Джаншіева, сыграло свою, и очень крупную, роль въ исторіи воспитанія русскаго общества. Политическій идеализмъ умѣлъ использовать тѣ немногіе элементы демократизма и идейнаго увлеченія, которые были въ реформѣ 1861 года. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ своего рода знамя, которое вѣяло надъ прогрессивными стремленіями русскаго общества довольно долго. Въ настоящее время въ русскомъ прошломъ имѣются такія даты, которыя съ полнымъ правомъ могутъ питать политическіе идеалы. 1905 годъ въ исторіи Россіи—то же, что 1789 годъ въ исторіи Франціи или 1848 годъ въ исторіи Германіи. Въ 1905 г. общественно-политическая эволюція Россіи сразу сдѣлала скачокъ и далеко ушла отъ первыхъ освободительныхъ вѣхъ, поставленныхъ въ царствованіе Александра II. Революція 1905 года и освободила реформу 1861 года отъ той роли, которую заставлялъ ее играть въ процессѣ роста нашего общественнаго сознанія политическій идеализмъ. Ореолъ, которымъ была окружена реформа, значительно потускнѣлъ. Ея политическая роль сравнялась съ ея соціологическимъ значеніемъ и стала меньше. Но отъ этого огромная важность ея не уменьшилась. Соціологическій удѣльный вѣсъ ея всегда былъ и всегда будетъ великъ. Паденіе крѣпостного права, формальное уравненіе наиболѣе значительной части населенія страны въ гражданскихъ правахъ съ меньшинствомъ было, конечно, огромнымъ шагомъ впередъ, необходимѣйшей предпосылкой для дальнѣйшей общественно-политической эволюціи Россіи. Только крушеніе феодально-крѣпостного уклада, только распаденіе цѣпи, приковывавшей человѣка къ землѣ и дѣлавшей его собственностью другого, открывало путь для плодотворной общенародной политиче-

ской борьбы. Только освобожденіе изъ-подъ гнета рабства давало возможность крестьянству ясно сознать отношенія къ нему правительства, формулировать себѣ болѣе или менѣе отчетливо свою роль въ государственномъ организмѣ. Стоявшій между нимъ и государствомъ помѣщикъ мѣшалъ выясненію истиннаго характера этихъ отношеній. Въ этомъ, повторяемъ, огромное значеніе реформы. И попытку выяснить ея историческое значеніе во всемъ объемѣ, на фонѣ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи, естественнѣе всего пріурочить къ полувѣковому юбилею акта 19-го февраля».

Нельзя не признать, что масштабъ исторической перспективы взятъ здѣсь широко, а потому позволено усомниться, чтобы редакторы, руководимые публицистическими импульсами, смогли въ установленныя ими рамки втиснуть все необходимое для ясности и правдивости изображенія русской жизни. Такъ, какъ она исторически въ дѣйствителчности слагалась. Объять необъятное невозможно, и «фонъ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи», пожалуй, и будетъ тѣмъ необъятнымъ, за которымъ редакторы изданія А. К. Дживелеговъ, С. П. Мельгуновъ и В. И. Пичетъ дѣлаютъ попытку погнаться. Два вышедшихъ тома пока, хотя они обнимаютъ собою громадный историческій періодъ, увы! этого настоящаго фона не даютъ. Онъ получился у нихъ, благодаря обилію сотрудниковъ, его разрабатывавшихъ, слишкомъ мозаичнымъ, причемъ въ составъ мозаики вошелъ въ своемъ цѣломъ далеко несовершенный матеріалъ. Читаешь, читаешь эти монографіи и видишь лишь части, но единаго, опредѣленно освѣщеннаго фона нѣтъ и приходится по необходимости для полнаго уразумѣнія дореформеннаго уклада жизни все жъ обратиться къ старымъ своего рода классическимъ научнымъ источникамъ, часть которыхъ перечислена и въ предисловіи гг. редакторовъ. Подходя къ своей задачѣ составленія необходимаго историческаго фона, послѣдніе бросили ретроспективный взглядъ, что сдѣлано предшествовавшими работниками на той же научной нивѣ, но не исчерпали въ полной мѣрѣ всей литературы предмета и, по правдѣ говоря, недалеко ушли даже отъ указателя, приложеннаго къ ст. «Крестьяне» въ XVI полутомѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона», причемъ наибольшими любезностями разсыпались по адресу своихъ единомышленниковъ-историковъ публицистическаго направленія и радикальныхъ приходовъ. Работникомъ объективной школы лишь сдѣланъ снисходительный кивокъ.

Составляя юбилейное изданіе «Великой реформы», они нѣсколько кисло ей улыбаются, дѣлаютъ передъ ней вынужденныя комплиментарныя присяданія, но главные свои любовные взгляды бросаютъ на великореволюціонный 1905 г., передъ которымъ, по ихъ мнѣнію, 1861 г. какъ будто тускнѣетъ. Такого рода публицистическая позиція, ими занятая, мало обѣщаетъ въ будущемъ толковаго и думается, что юбилейный презентъ русскому обществу со временемъ надо будетъ замѣнить какимъ-нибудь болѣе цѣннымъ, участіе въ которомъ примутъ, быть можетъ, не столь знаменитые редакторы и сотрудники, но который болѣе отвѣтитъ цѣли—освѣщенія значенія для русской жизни акта 19 февраля. Актъ этотъ, охъ! какой громадной важности, значеніе котораго, пожалуй, мы и сейчасъ еще вполнѣ сознательно и спокойно не оцѣнили, и

врядъ ли къ оцѣнкѣ его нужно подходить съ того смѣшного разбѣга, который дѣлаютъ гг. редакторы. Они начинаютъ съ полемики противъ... г. Меньшикова. Подумаешь, какое entrée: видимо, въ Москвѣ народъ ужъ больно трусливъ, если считаютъ нужнымъ для выпуска обширнаго научнаго труда собрать нѣсколько десятковъ людей и показать имъ одну лишь петербургскую мишень— публициста «Новаго Времени». Не подумали ли г.г. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичетъ, что такимъ начинаніемъ они себя какъ будто дискредитируютъ? Человѣкъ, несомнѣнно, большого таланта, огромной парадоксальности, написалъ срочный газетный фельетонъ, гдѣ высказалъ нѣсколько мыслей, суть которыхъ сводится къ тому, что юбилейную годовщину 19 февраля 1861 г., молъ, нечего праздновать. Фельетонъ этотъ прочли читатели и, вѣроятно, забыли, какъ забывается большинство газетныхъ фельетоновъ, но дѣятели «Исторической комиссіи учебнаго отдѣла о. г. т. з.» создали изъ него событіе и пошли противъ него двумя увѣсистыми томами. Я бы на мѣстѣ г. Меньшикова возгордился. Тутъ рисуется цѣлое историческое полотно, на которомъ собираются написать яркими буквами «19 февраля 1861 г.», а за нимъ въ мерцаніи огней поставить революціонный 1905 годъ», и на первомъ мѣстѣ этого полотна вырисовываютъ его, Меньшикова, фигуру, который, по выраженію ученыхъ редакторовъ, «либо умышленно ослѣпляетъ себя соціологическими аберраціями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ соціологическихъ конструкціяхъ». Есть отъ чего головѣ кругомъ пойти... Нѣтъ, видимо, въ Москвѣ что-то неладное совершается, и я боюсь, чтобы г. Сытинъ не спохватился слишкомъ поздно, что онъ для задуманнаго предпріятія обратился не по надлежащему редакціонному адресу и къ лицамъ, бесѣдующимъ съ читателями на малодоступномъ имъ нарѣчіи «аберрацій» и «соціологическихъ конструкцій».

Пока вся работа не выполнена до конца, о ней по существу ея частей мы говорить не будемъ — подождемъ еще, ибо, очевидно, потребуется еще нѣсколько томовъ, пока г.г. редакторы обнимутъ въ послѣдующихъ мвнографіяхъ великую реформу и «русское общество и крестьянство въ настоящемъ». Отмѣтимъ еще одну любопытную сторону дѣла. Настоящее изданіе обильно иллюстрировано, и это обстоятельство, пожалуй, придаетъ ему главную цѣнность, такъ какъ въ немъ попадается дѣйствительно много цѣнныхъ оригинальныхъ и дотолѣ неизвѣстныхъ рисунковъ, освѣщающихъ русскій бытъ. Не говоря уже про извѣстные портреты, тутъ масса жанровыхъ картинъ, видовъ, снимковъ зданій, помѣщичьихъ покоевъ и т. д. и т. д. Иконографія вещь цѣнная, и если издатель на нее не скупится — дѣло похвальное, но опять-таки, повидимому, среди редакторовъ не нашлось по этой части вполнѣ компетентныхъ людей, которые, въ интересахъ удешевленія изданія, а слѣдовательно для его распространенности, сумѣли бы разобраться въ громадномъ, попавшемъ въ ихъ распоряженіе матеріалѣ. Они хватали все, что можно было почерпнуть изъ казенныхъ и частныхъ музеевъ и книгохранилищъ, при чемъ въ оцѣнкѣ матеріала руководились не столько соображеніями необходимости, сколько стоя на «исторической и публицистической точкѣ зрѣнія», т. е. на точкѣ зрѣнія условной и очень неопредѣленной. Отсюда въ изданіе г. Сытина попало немало иллюстрацій, совершенно не нужныхъ тексту, но, понятно, цѣнныхъ какъ историческій матеріалъ вообще. Опять-таки и здѣсь мы наблюдаемъ стремленіе

объять необъятное. Широкіе люди орудуютъ въ Москвѣ: давать, такъ давать—знай нашихъ! Сказаннымъ пока ограничимся. «А какъ же насчетъ цѣны?»—спроситъ читатель. Не знаемъ—таковая нигдѣ не обозначена, ни въ предисловіи, ни на обложкѣ, а справляться въ магазинѣ некогда. Пусть это сдѣлаетъ самъ читатель и купитъ себѣ дѣйствительно интересное и роскошно выпущенное изданіе на хорошей бумагѣ, красиво, четко отпечатанное и снабженное обильными иллюстраціями. Ради нихъ однѣхъ стоитъ истратить нѣсколько лишнихъ рублей.

Б. Глинскій.

Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно, Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. М. 1910. Стр. 2 нен.+376+IV. Цѣна 2 р. 50 к.

Вышеназванный очеркъ профессора М. К. Любавскаго представляетъ собою довольно полную, основанную на источникахъ, по большею частью имъ же впервые детально обслѣдованныхъ, и живо изложенную исторію Литовско-Русскаго государства до начала второй половины XVI вѣка.

Въ своемъ небольшомъ предисловіи авторъ такъ объясняетъ появленіе въ свѣтъ «Очерка» и его значеніе. «Настоящій очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства,—пишетъ онъ,—составлялся изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ университетѣ за послѣдніе годы. По содержанію своему онъ является переработкою прежнихъ спеціальныхъ изслѣдованій автора по внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, съ привлеченіемъ изысканій и другихъ изслѣдователей въ той же области. Своимъ появленіемъ въ печати этотъ «Очеркъ» обязанъ желанію автора пойти навстрѣчу ощущаемой потребности въ общемъ доступномъ руководствѣ по внутренней исторіи Литвы и Западной Руси. Несмотря на то, что въ настоящее время имѣется уже немало спеціальныхъ трудовъ, проливающихъ достаточный свѣтъ на эту исторію, Литва и Западная Русь все еще продолжаютъ оставаться terra incognita, и не только для широкой публики, но и для ученаго міра, исключая немногихъ сравнительно спеціалистовъ. До сихъ поръ исторія Литовско-Русскаго государства не заняла надлежащаго мѣста въ преподаваніи какъ средней, такъ и высшей школы, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы по учебникамъ и разнымъ руководствамъ по русской исторіи. Главы, отводимыя въ нихъ Литовско-Русскому государству, отличаются обычно безсвязностью и фрагментарностью изложенія, не говоря уже о всегдашнихъ ошибкахъ и искаженіяхъ...»

«Предлагаемый «Очеркъ» и является попыткою восполнить этотъ пробѣлъ и дать достаточное первое ознакомленіе съ общимъ ходомъ исторіи Литовско-Русскаго государства, съ его общественными классами и ихъ взаимными отношеніями, съ государственными учрежденіями и ихъ эволюціею...»

«Въ виду того, что «Очеркъ» вышелъ въ значительной мѣрѣ историческимъ комментаріемъ къ основнымъ государственнымъ законамъ великаго княжества Литовскаго, содержащимся въ его общеземскихъ и областныхъ хартіяхъ или «привилеяхъ», авторъ счелъ нужнымъ приложить и текстъ этихъ привилеевъ,

какъ для ученаго, такъ и учебнаго удобства, для веденія въ связи съ ними практическихъ занятій въ высшей школѣ». Всѣхъ «привилеевъ», выданныхъ великому княжеству Литовскому, напечатано четырнадцать, изъ нихъ древнѣйшій относится къ 1413 году, а позднѣйшій—къ 1565 году («о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу»); а выданныхъ областямъ—десять, изъ нихъ привилеи: Полоцкой, Волынской, Витебской и Жмудской областямъ «напечатаны по спискамъ, еще не бывшимъ въ ученомъ оборотѣ».

Все содержаніе «Очерка» раздѣлено на сорокъ семь главъ, при чемъ первая посвящена выясненію «научнаго значенія исторіи Литовско-Русскаго государства». Литовская Русь, по словамъ автора, «исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню», и потому ея исторія «является въ извѣстномъ смыслѣ прямымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Кіевской Руси. Въ жизни Литовской Руси можно подмѣтить гораздо больше традицій, архаическихъ чертъ кіевскаго періода, чѣмъ въ жизни Суздальской Руси. А если такъ, то и ретроспективнаго уясненія разныхъ чертъ древнѣйшаго, такъ называемаго кіевскаго періода русской исторіи приходится искать, главнымъ образомъ, въ позднѣйшихъ данныхъ литовско-русской исторіи, въ бытѣ и установленіяхъ государства Литовско-Русскаго». Продолжая развивать свою основную мысль и далѣе, авторъ заключаетъ, что «изученіе литовско-русской исторіи является однимъ изъ средствъ къ углубленію пониманія русскаго историческаго процесса въ древнѣйшій его періодъ», а равно и «въ средніе вѣка русской исторіи» (стр. 1—2). Особенное историческое значеніе имѣетъ, по словамъ профессора М. К. Любавскаго, Люблинская унія, и детальное изученіе всѣхъ ея причинъ и слѣдствій крайне необходимо для русскаго историка. Люблинскому сейму 1569 года авторъ посвятилъ сорокъ шестую главу своего труда, послѣ которой слѣдуетъ заключительная, сорокъ седьмая—«Общія наблюденія надъ ходомъ внутренней исторіи Литовско-Русскаго гоударства».

Вотъ что-между прочимъ говоритъ въ этихъ своихъ наблюденіяхъ нашъ изслѣдователь: «Прекратившее въ 1569 году самостоятельное существованіе Литовско-Русское государство въ ходѣ своего внутренняго развитія и въ конечныхъ результатахъ, какъ можно видѣть теперь, было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Московское государство развивалось все время въ направленіи монархическаго абсолютизма и отлилось въ концѣ концовъ въ форму монархіи, во главѣ которой стоялъ наслѣдственный государь, неограниченный владыка и повелитель, свободно распоряжавшійся жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, которые въ отношеніи его имѣли однѣ обязанности и не имѣли никакихъ правъ, ни личныхъ, ни сословныхъ, ни корпоративныхъ...

«Литовско-Русское государство сдѣлалось монархіею конституціонною, во главѣ которой стоялъ избираемый великій князь. Этотъ государь съ самаго конца XIV вѣка связывалъ себя разными хартіями какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его областей. Въ этихъ хартіяхъ землевладѣльцамъ Литовско-Русскаго государства, преимущественно шляхетскаго, благородна о сословія, даны были гарантіи личной и имущественной свободы и неприкосновенности, многочисленныя вольности и изъятія отъ повинностей и предоставлены

были разныя другія сословныя преимущества и политическія права...» (стр. 293—294). Въ объясненіе такой разницы профессоръ М. К. Любавскій указываетъ на слѣдущее: въ то время, какъ въ Сѣверо-Восточной Руси «общество было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки» и потому легко «сдавливаемое желѣзными обручами административной дисциплины», «Литва и Западная Русь сидѣли на старомъ корню, сгущаясь на территоріи, замкнутой со всѣхъ сторонъ владѣніями сильныхъ сосѣдей. Большинство крестьянъ сидѣло здѣсь испоконъ вѣковъ на своихъ мѣстахъ племенными гнѣздами. Землевладѣльцы-князья, паны и бояре были также исконными, давними обладателями своихъ вотчинъ. Литовскіе паны скопили поэтому огромные фамильные капиталы, которыми они ссужали государственную казну въ то самое время, когда первостатейные московскіе бояре только что и жили государевымъ жалованіемъ и закладывали подчасъ платья своихъ женъ, чтобы снарядиться на войну» (стр. 295). Другою основною причиною оказавшею сильное вліяніе на ходъ внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства, по словамъ изслѣдователя, была давнишняя связь его съ Польшею. «Но это же сближеніе съ Польшею,—читаемъ въ концѣ главы,—было отчасти и причиною того, что Литовско-Русское государство, создавшееся изъ болѣе устойчиваго общественнаго матеріала, оказалось менѣе устойчивымъ въ борьбѣ за самостоятельное существованіе, чѣмъ государство Московское» (стр. 296).

При каждой главѣ професоръ М. К. Любавскій сообщаетъ и библіографію затрагиваемаго въ ней предмета. **В. Рудаковъ.**

А. Титовъ. Высокопреосвященнѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій († 20 мая 1850 г.). М. 1910.

Нижегородская архивная комиссія постановила издать сборникъ, посвященный памяти преосв. Іакова, какъ одного изъ первыхъ нижегородскихъ археологовъ.

Очевидно, во исполненіе такого постановленія членомъ этой комиссіи А. Титовымъ и была сдѣлана попытка освѣтить замѣчательную личность нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова, гремѣвшаго въ первой половинѣ XIX вѣка, какъ ярый послѣдователь своего предшественника архіепископа Питирима, этого бича и грозы раскольниковъ, память котораго и черезъ два вѣка до днесь произносится раскольниками «съ великимъ содроганіемъ».

Библіографическихъ матеріаловъ въ книжкѣ А. Титова приведено сравнительно немного, но зато главное вниманіе обращено на мѣропріятія преосвященнаго по преслѣдованію и истребленію раскола, а въ особенности во время бытія его на саратовской архіепископской каѳедрѣ. Тамъ преосв. Іаковъ, совмѣстно съ жандармскимъ полковникомъ Быковымъ, «своей правой рукой», работалъ такъ энергично, что тогдашній саратовскій губернаторъ Переверзевъ вынужденъ былъ неоднократно ради спокойствія въ губерніи сокращать «сію необычную ревность» преосвященнаго, несмотря и на болѣе чѣмъ добрыя отношенія послѣдняго къ всесильнымъ жандармамъ николаевскаго времени. Іаковъ для достиженія своихъ цѣлей въ смыслѣ искорененія раскола не брезгалъ никакими средствами, прибѣгая даже и къ провокаторству.

Примѣровъ такихъ нѣсколько. Вниманіе Іакова было особенно обращено на одного богатаго старообрядца-перекрещенца купца Кабанова. Въ домѣ этого старовѣра жилъ главный наставникъ безпоповщины, а въ саду была устроена часовня и пруды для перекрещиванья. По ходатайству преосвященнаго, послѣдовало общее распоряженіе, чтобы раскольническихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ въ его епархіи вновь не открывать, а пришедшихъ въ ветхость не починять. Освѣдомившись, что часовня Кабанова требуетъ починки, преосвященный поручилъ довѣреннымъ людямъ строго наблюдать, чтобы она не была какъ-нибудь тайно исправлена. Въ скоромъ времени ему доложили, что въ наступающую ночь кабановцы намѣрены починить свою часовню и что все нужное къ тому у нихъ подготовлено. Преосвященный немедленно далъ знать объ этомъ полиціи, которая, подъ начальствомъ преданнаго дѣлу православія частнаго пристава, въ указанное время окружила домъ Кабанова и застала раскольниковъ за работой, вслѣдствіе чего часовня ихъ и была запечатана. Впрочемъ, и послѣ этого служеніе въ домѣ Кабанова продолжалось, и расколоучитель все-таки проживалъ тамъ. Преосвященный рѣшился, во что бы то ни стало, обнаружить секту и задержать ея учителя. Одна благочестивая женщина, жена писаря 3-й городской части, добровольно вызвалась послужить сему дѣлу, якобы по усердію къ церкви. Получивъ на это благословеніе преосвященнаго, она явилась къ Кабанову и изъявила желаніе вступить въ ихъ секту, на что, разумѣется, получила согласіе Кабанова. Назначенъ былъ день къ ея перекрещиванію, и сдѣланы всѣ нужныя къ тому приготовленія, но такъ какъ дѣло было зимою, то въ одномъ изъ садовыхъ прудовъ прорубили прорубь и подѣлали подмостки. Когда же назначенная къ перекрещиванію женщина, обвязанная веревками подъ мышки, уже стояла на подмосткахъ, а учитель готовъ былъ погрузить ее въ холодную купель въ присутствіи самого Кабанова и другихъ важнѣйшихъ старообрядцевъ обоихъ половъ, вдругъ явилась полиція и перехватала всѣхъ участниковъ вмѣстѣ съ расколоучителемъ ихъ. Лишась черезъ это главной опоры своего толка, безпоповщина обезсилѣла и мало-по-малу разсѣялась, а сынъ самого Кабанова впослѣдствіи присоединился къ единовѣрческой церкви.

Та же самая женщина оказала потомъ и другую не менѣе значительную услугу церкви открытіемъ учителя и другой тайной секты, гдѣ былъ особенно и прославленъ «апостольскій подвигъ» архіепископа. Но самые главные подвиги Іакова относятся до закрытія иргизскихъ монастырей. Въ началѣ своего царствованія Екатерина II позволила зарубежнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію и притомъ же имъ въ мало населенныхъ мѣстахъ отводилась даже и безплатно земля. Обнадеженные царскимъ словомъ, тогда болѣе 100 тыс. человѣкъ вернулись на родину, и многіе бѣглецы поселились на отведенной имъ землѣ, тогда еще совершенно пустынной, въ Саратовской губерніи на берегахъ рѣки Иргиза. Одинъ изъ такихъ выходцевъ-піонеровъ Сергѣй Юршевъ, человѣкъ большихъ дарованій, въ 1780 г. исхлопоталъ у правительства формальное разрѣшеніе отправлять богослуженіе по старымъ обрядамъ, и имъ устроены были прекрасные пѣвческіе хоры, славившіеся на всю Русь. Стекалась въ этотъ своего рода русскій Іерусалимъ масса паломниковъ, которые пропо-

вѣдывали, что самъ Богъ указалъ Иргизъ, какъ мѣсто истинной церкви, а затѣмъ появились слухи о мощахъ, чудотворныхъ иконахъ и т. д. Однимъ словомъ, Иргизъ занялъ въ мірѣ раскола положеніе Аѳона и Кіева для православія. Храмы на Иргизѣ были великолѣпны, особенно отличались Успенскій и Средне-Никольскій, построенные въ 1783 г. Самое положеніе иргизцевъ облегчалось особенно еще тѣмъ, что императоръ Павелъ былъ большимъ покровителемъ этихъ обителей и оказывалъ иргизцамъ истинно царскую поддержку. Когда въ 1798 г. въ верхнемъ монастырѣ сгорѣли двѣ церкви и 47 келій, то императоръ приказалъ на возобновленіе погорѣвшаго монастыря немедленно выдать изъ казны 12 тыс. рублей.

Конечно, притязанія на свободу богослуженія со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей періодически и бывали, но это происходило больше изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, такъ что одинъ изъ саратовскихъ губернаторовъ за чрезмѣрное взяточничество даже былъ отданъ подъ судъ. Однако до преосв. Іакова все обходилось благополучно и въ расходныхъ книгахъ иргизскихъ старцевъ подъ извѣстными числами только отмѣчалось: «тревожили, дано столько-то, опять тревожили, дано столько-то и т. д.», но при строгомъ архіереѣ безсребренникѣ да еще въ сообществѣ жандармовъ, тревожить ради корыстолюбія представлялось невозможнымъ.

Въ книжкѣ Титова довольно подробно изложены всѣ обстоятельства разоренія иргизскихъ монастырей, обошедшагося, конечно, не безъ кровопролитія. Особенно большое сопротивленіе оказали раскольники въ болѣе населенномъ и богатомъ Николаевскомъ монастырѣ. Историкъ иргизскаго разоренія событіе это описываетъ такъ.

«Утромъ 9-го января 1837 г. губернаторскіе чиновники, вмѣстѣ съ архимандритомъ Зосимой, солдатами и понятыми, въ числѣ 300 человѣкъ, явились къ монастырской стѣнѣ. Ворота были заперты, но по приказанію чиновника привратникъ отперъ. Въ стѣнахъ было до 500 раскольниковъ, которые упали на колѣни, прося оставить монастырь по старому, и народъ не допускалъ никоніанъ-чиновниковъ входить въ церковь. Не добившись ничего, архимандритъ вмѣстѣ съ чиновниками и воинствомъ уѣхалъ въ Саратовъ. 21-го января прибылъ уже и самъ губернаторъ Степановъ съ большимъ отрядомъ войска. Въ монастырѣ было много народу. Губернаторъ ввелъ солдатъ въ ограду, велѣлъ вытаскивать всѣхъ. Солдаты стали бить народъ, въ это время ударили въ набатъ, и хлынули новыя толпы крестьянъ. Губернаторъ струсилъ, велѣлъ солдатамъ отступать, за ними бросились вдогонку раскольники и отбили 18 человѣкъ, захваченныхъ въ монастырѣ солдатами. Черезъ нѣсколько дней губернаторъ отправилъ 30 казаковъ съ двойнымъ количествомъ нагаекъ, 4 пожарныхъ трубы, акушера(?) и самъ прибылъ въ монастырь. Переговоры не привели опять ни къ чему, рѣшили дѣйствовать нагайками, прикладами и пожарными трубами и на другой день приступили къ монастырскому погрому. Храмъ былъ окруженъ народомъ, лежащимъ въ нѣсколько рядовъ, крѣпко сцѣпившись другъ съ другомъ. Въ виду полной невозможности растащить лежащихъ, губернаторъ скомандовалъ «пли». Послышалась пальба, кажется, болѣе холостыми зарядами, пожарныя трубы были пущены въ ходъ, нагайки и приклады

дѣйствовали во всю. Избитыхъ, полумертвыхъ раскольниковъ вытаскивали изъ монастыря; по очищеніи монастыря отъ ихъ обитателей сюда немедленно явились духовныя власти во главѣ съ архимандритомъ Зосимой, протоіереемъ и прочимъ православнымъ духовенствомъ. Имъ представилась ужасная картина. По всему двору текла вода, вездѣ масса крови. Губернаторъ встрѣтилъ архимандрита съ духовенствомъ ироническими словами: «ну, господа святые отцы, извольте подбирать, что видите»!

«Архимандритъ,—пишетъ авторъ очерка исторіи иргизскихъ монастырей А. Лебедевъ,—благодарилъ, служили молебенъ». Въ это время монастырь подвергся полному разгрому и грабежу: окна въ кельяхъ выбивались, все разрушалось; когда приступили къ описи имущества богатѣйшаго монастыря, то его оказалось не болѣе, какъ на 300 руб. Было все начисто расхищено усмирителями и ревнителями православія. Любопытно, что о. архимандритъ Зосима писалъ къ оберъ-прокурору о мирномъ, якобы безъ кровопролитія, обращеніи монастыря, а государю доносилъ, что не было ни одного выстрѣла и обращеніе не стоило никому жизни. И вотъ теперь славное время Иргиза такъ же прошло, какъ древняго Карѳагена, о быломъ блескѣ, богатствѣ и красотѣ Іерусалима живетъ одно воспоминаніе. Исчезла и былая слава этихъ монастырей, когда-то гремѣвшихъ по всей Россіи».

Немало, по ходатайству преосв. Іакова, было сокрушено раскольническихъ моленъ и даже селеній и все во славу православія! Но однако ревность Торквемады не принесла желанныхъ плодовъ. Страданія, смерть и разореніе тысячи неповинныхъ людей и обреченныхъ на бѣдствія женъ и дѣтей оказались только грубымъ произволомъ, противнымъ христіанству. «Разсказываютъ,—писалъ преосв. Никаноръ, архіепископъ херсонскій:—что произведенный Іаковомъ разгромъ раскола и присоединеніе въ Саратовѣ тогда же къ церкви до 1800 раскольниковъ дали плодъ шумный, но не крѣпкій, такъ какъ при перемѣнѣ правительственныхъ вѣяній, съ началомъ царствованія Александра II, всѣ эти 1800 человѣкъ присоединившихся вновь скоро отпали отъ церкви, причинивъ тогдашнимъ саратовскимъ епископамъ Іоанникію и Евфимію тяжкія работы и глубокое огорченіе...»

Незадолго до своей смерти въ 1844 г. преосв Іаковъ былъ вызванъ для присутствованія въ синодѣ; тамъ онъ заболѣлъ и 20-го мая скончался. Погребенъ онъ въ лаврской Ѳеодоровской церкви. Homo homini lupus... **А. К—ово.**

В. Н. Сумцовъ. Аракчеевцы въ Грузино и Аракчеевку. Экскурсіонный очеркъ. Съ 22 рис. и 2-мя схематич. картами. Нижній-Новгородъ. 1910. Стр. XIII+175+20. Ц. 1 р.

Въ канунъ 75-лѣтія со дня основанія Аракчеевскаго корпуса группою кадетъ была совершена интересная экскурсія въ колыбель аракчеевскаго режима. Составленное В. Н. Сумцовымъ описаніе путешествія и достопримѣчательностей, встрѣтившихся на пути экскурсантамъ, возстановляетъ въ памяти читателя картину историческаго прошлаго Грузина и, попутно, Костромы, Ярославля, Рыбинска и Новгорода.

Руководители экскурсіи хотѣли ознакомить юныхъ туристовъ съ цѣлымъ рядомъ историческихъ памятниковъ. Желаніе распространить добытыя свѣдѣнія заставило автора выпустить въ свѣтъ иллюстрированный экскурсіонный очеркъ. Такимъ образомъ, задача автора сводится къ описанію путешествія и, одновременно, къ изложенію интересныхъ археологическихъ и историческихъ свѣдѣній.

Хотя экскурсія продолжалась всего 10 дней, молодежь посѣтила многіе города попутныхъ областей. Первымъ былъ осмотрѣнъ Ипатьевскій монастырь, главная достопримѣчательность Костромы. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе величественнаго памятника русскаго зодчества XVI в.—костромского Троицкаго храма, съ его иконами и хорошо сохранившимися фресками. Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ совершалась экскурсія, расположены свѣдѣнія и о другихъ памятникахъ русской старины, напримѣръ, о домѣ Романовыхъ, о церкви св. пророка Ильи, Спасскомъ монастырѣ (Ярославль).

Много мрачныхъ воспоминаній, тѣсно связанныхъ съ Грузиномъ, захолустнымъ, забытымъ уголкомъ, встаетъ передъ взоромъ читателя. Въ соборѣ до настоящаго времени хранятся остатки прежняго величія, эпохи славныхъ владѣльцевъ Грузина — Меншикова, Аракчеева. Это—пощаженные временемъ слѣды дѣятельности полулегендарнаго графа, при имени котораго дрожало окрестное населеніе. Бронзовые барельефы съ изображеніями Павла I и Александра I, рескрипты государей, могила Аракчеева, надгробный памятникъ, мрачныя строенія—все поражаетъ своей суровостью, производитъ тяжелое впечатлѣніе. Въ самомъ дворцѣ многое со смерти владѣльца перемѣнилось. Халатное отношеніе къ историческимъ предметамъ способствовало быстрому ихъ разрушенію. Сохранились еще рѣдкостные часы, письма императора Александра I, многочисленные портреты. Въ окрестностяхъ тоже царитъ запустѣніе, между тѣмъ какъ историческая мѣстность должна была привлечь вниманіе изслѣдователей. И даже въ спокойныхъ выраженіяхъ автора проглядываетъ сожалѣніе, смѣшанное съ удивленіемъ....

Попутно авторъ касается нѣкоторыхъ легендъ и воспоминаній, связанныхъ съ историческимъ происхожденіемъ многихъ памятниковъ. Много говорится о новгородскомъ храмѣ Софіи, Юрьевскомъ монастырѣ, Спасо-Нередицкой церкви и т. д. Несмотря на незначительный объемъ, экскурсіонный очеркъ можетъ заинтересовать читателей. Конечно, отъ этихъ схематическихъ свѣдѣній нельзя требовать особенной точности, мелочи походной жизни заняли много мѣста; но нужно признать, что, составляя типичный казенный отчетъ, авторъ сумѣлъ оживить его. Я.

М. Бородкинъ, Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстраціями и копіей карты 1742 г. 1910. Спб. XVI + 312 стр. Цѣна 4 р.

Неутомимый изслѣдователь исторіи Финляндіи М. М. Бородкинъ выпустилъ новый томъ изъ серіи своихъ очерковъ, посвященный времени Елизаветы Петровны и написанный съ присущимъ автору дарованіемъ.

Только что успѣла окончиться Великая Сѣверная война, только что Великій Петръ заключеніемъ Ништадтскаго мира прочно укрѣпилъ оконницы въ прорубленномъ имъ въ Европу окнѣ, какъ снова надменный шведъ затѣялъ войну. Война эта, тянувшаяся въ 1741—1743 г.г., окончилась тѣмъ, что Ништадтскій миръ былъ признанъ въ своей силѣ и сѣверный медвѣдь—Россія остался прочно присосавшимся къ берегамъ Балтики.

Воинственный задоръ шведовъ былъ поразителенъ. Не имѣя еще ни одного боевого успѣха, не объявивъ даже войны Россіи, они, не убивъ медвѣдя, принялись дѣлить его шкуру. Предусмотрительно, до тонкости выработали они условія мира, которыя были намѣрены продиктовать Россіи. Отъ послѣдней должны были отойти къ Швеціи и Выборгъ, и Петербургъ, и Кроншлотъ; къ «отчужденію» предназначалась и Лифляндія. Дѣйствительно, забылась русская пословица о томъ, что хвалиться не слѣдуетъ, ѣдучи на рать. Забыли шведы, что у нихъ къ войнѣ не готовы ни армія, ни финансы.

Отсутствіе войскъ Швеція замѣнила политическою интригою. Подъ видомъ благодѣтельницы Россіи, желающей утвержденія въ Россіи попрежнему русскихъ традицій и освобожденія ея изъ когтей иностранцевъ, Швеція разыграла роль заступницы русской претендентки на русскій престолъ, царевны Елизаветы, дочери Петра. Съ цѣлью исторгнуть изъ рукъ царевны письменный документъ, въ Петербургѣ распинались шведскій и французскій послы Нолькенъ и Шетарди. Невзирая на свою женскую неустойчивость, Елизавета долго отстраняла мефистофелевскія услуги непрошенныхъ друзей и соглашалась скорѣе отстранить отъ себя царскій вѣнецъ, чѣмъ купить его цѣною сношеній съ иностраннымъ государствомъ. Въ концѣ концовъ она уступила и дала словесную просьбу о помощи.

Однако ноябрьскій переворотъ совершился безъ участія шведовъ, помимо нихъ, даже на удивленіе имъ. Корона была доставлена Елизаветѣ гвардіей, видѣвшей въ ея воцареніи разрѣшеніе націоналистическаго вопроса. Сочувствовало ей духовенство, чтившее ея набожность. Главными же пружинами переворота были все-таки иностранцы: лейбъ-медикъ Лестокъ, выслужившійся изъ фельдшеровъ; музыкантъ изъ нѣмцевъ Шварцъ; еврей Грюнштейнъ, гвардіи сержантъ.

Возведеніе на престолъ Елизаветы русскими силами вырвало большой козырь изъ рукъ Швеціи, которая, очевидно, била военную тревогу, главнымъ образомъ надѣясь на затѣянную дипломатами игру. Теперь приходилось разыгрывать войну по настоящему, считаясь съ остріемъ русскихъ штыковъ и мѣткостью русскихъ пушекъ.

Шведскій король Фридрихъ далеко былъ не полководецъ. Онъ, правда, съ удовольствіемъ охотился въ королевскихъ лѣсахъ, но вѣдь увеселительная охота не одно и то же, что появленіе въ качествѣ полководца передъ синими рядами своихъ дружинъ на ратномъ полѣ. И если Карлъ XII, при всей его величавой отвагѣ, никоимъ образомъ не можетъ сойти за полководца, представляя собою въ нѣкоторомъ отношеніи только типъ доблестнаго викинга, залетѣвшаго въ XVIII вѣкъ, то Фридрихъ не имѣлъ никакихъ правъ на званіе полководца. Тѣмъ не менѣе и онъ проявилъ желаніе стать во главѣ арміи,

когда рѣшился на войну. Конечно, его во-время отговорили, представивъ тотъ неотразимый доводъ, что его пребываніе драгоцѣнно въ сердцѣ Швеціи, въ Стокгольмѣ. Да и на войну онъ рѣшился, скрѣпя сердце, когда ему пообѣщали, что риксдагъ признаетъ рыцарскія достоинства въ его незаконныхъ дѣтяхъ, успѣшно прижитыхъ имъ при живой королевѣ отъ другой особы.

Большое столкновеніе армій произошло при Вильманстрандѣ. Русскіе побѣдили. Ломоносовъ пѣлъ тяжеловѣсную оду. Петербургъ веселился, ибо въ то время русскіе, сильные своимъ государственнымъ духомъ, понимали, что побѣда арміи есть праздникъ всего государства.

Все это произошло до ноябрьскаго переворота. Первая мысль Елизаветы, когда она коснулась ступеней трона, была о мирѣ. Ей не хотѣлось крови, она не жаждала завоеваній и побѣдъ. Начались переговоры. Шведы оказались неуступчивыми, переговоры прервались, и снова взвѣялъ черный ангелъ войны. Русскою арміею командовалъ Ласси, шведскою—Левенгауптъ. Шведы отступали все дальше и дальше. Эта позорная тактика отступленія, съ такимъ трескомъ провалившаяся въ послѣднюю русско-японскую войну, привела къ тому, что шведы допятились до Гельсингфорса и, обложенные съ сухопутья, сдались, хотя море было свободно и сообщеніе съ стокгольмскимъ берегомъ не прерывалось. Русскіе овладѣли трофеями, а шведскіе начальники, Левенгауптъ и Буденброкъ, были судимы. Послѣдовательность шведовъ сказалась въ томъ, что смертный приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе. Русскіе прошли по Финляндіи до Або, снова завладѣвъ ею съ оружіемъ. Война окончилась съ самыми ничтожными выгодами для Россіи: она пріобрѣла три ничтожныя крѣпостцы и 226 кв. миль земли.

Поразительно дурно дѣйствовалъ флотъ. Во-первыхъ, его было мало и былъ онъ такъ запущенъ, что въ первый годъ его не могли вывести въ море. Во-вторыхъ, крайнею вялостью и непредпріимчивостью были одарены наши флотоводцы—Мишуковъ и графъ Головинъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи Мишуковъ, который постоянно прибѣгалъ къ консиліумамъ и отговаривался, что не можетъ выйти въ море то изъ-за отсутствія попутнаго вѣтра, то изъ-за недостатка продовольствія.

Начальникомъ Финляндскаго края былъ назначенъ генералъ Яковъ Кейтъ, шотландецъ по происхожденію, воинъ въ душѣ. Невзирая на свое происхожденіе, онъ соблюдалъ русскіе интересы и былъ для финновъ «снисходительнымъ и высокочтимымъ начальникомъ». Какъ подобаетъ герою, онъ связалъ свое имя съ романическою исторіею. Имѣя пребываніе въ Або, онъ увлекся дочерью тамошняго бургомистра Евою Мертенъ и, когда дѣвушка осиротѣла, нанялъ ей учителей изъ Россіи. Общественныя предубѣжденія помѣшали браку, но Кейтъ искренно любилъ свою избранницу. Связь ихъ не могла остаться тайной, и финляндцы, благодарные Евѣ за ея посредничество между ними и имъ, назвали ее герцогиней Финляндіи.

Кейта смѣнилъ Кампенгаузенъ.

Исторія мѣняется быстро. Сегодняшніе враги—друзья на завтра. Такъ и со Швеціей. Утихла война, Швеціи стала угрожать Данія, и русскіе полки во главѣ съ Кейтомъ вступили въ Стокгольмъ, какъ сторонники Швеціи. Храбрый,

умный, симпатичный Кейтъ не долго остался на службѣ въ Россіи. Русскіе и тогда не умѣли цѣнить выдающихся людей, и Кейтъ въ 1747 г. былъ уволенъ въ отставку. Этимъ воспользовался тотчасъ Фридрихъ Великій, который съ распростертыми объятіями принялъ на свою службу храбраго генерала и предоставилъ ему чинъ генералъ-фельдмаршала. Кейтъ былъ убитъ при Гохкирхѣ, въ 1758 году.

Швеція тѣмъ временемъ ушла въ оборонительную политику, и подъ руководствомъ знаменитаго Эренсверда воздвигла крѣпость Свеаборгъ.

Книга уважаемаго М. М. Бородкина прекрасно написана, читается съ увлеченіемъ, и критическій зубокъ не беретъ ее.

М. Соколовскій.

П. Мансуровъ. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 1909.

Константинопольской церкви въ русской литературѣ посчастливилось: лѣтъ пять тому назадъ вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ профессора И. И. Соколова, посвященный исторіи этой церкви, со включеніемъ и обзора патріаршаго въ ней управленія, а въ прошломъ году появилась книжка г. Мансурова, описывающая центральное управленіе константинопольской церкви въ томъ же XIX вѣкѣ. Тогда какъ книга профессора Соколова представляетъ ученую работу, написанную по первоисточникамъ вопроса, архивнымъ по преимуществу, изданіе г. Мансурова носитъ популярный характеръ и разсчитана на средняго читателя.

Книжка г. Мансурова состоитъ изъ пяти главъ. Въ главѣ первой (стр. 7—27) говорится о геронтизмѣ, во второй (стр. 27—44) описывается строй константинопольской церкви предъ преобразованіемъ, въ третьей главѣ (стр. 44—66) рѣчь идетъ о преобразованіи 1860 года, въ четвертой (стр. 66—86) о патріархіи послѣ преобразованія и, наконецъ, въ главѣ пятой (стр. 86—100) описывается строй патріархіи въ жизни.

Въ предисловіи г. Мансуровъ претенціозно заявляетъ, что его «трудъ является плодомъ наблюденій за 20 лѣтъ пребыванія на православномъ Востокѣ, за 15 лѣтъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью константинопольской церкви; по дѣятельности своей авторъ,—продолжаетъ г. Мансуровъ,—поставленъ былъ въ благопріятныя условія для этихъ наблюденій, но»... И вслѣдъ затѣмъ г. Мансуровъ въ примѣчаніи говоритъ: «авторъ считаетъ долгомъ отмѣтить съ благодарностью и ту пользу, которую онъ извлекъ изъ богатаго матеріала, собраннаго въ трудѣ профессора И. И. Соколова» (стр. V). Это хорошо, что авторъ «съ благодарностью» относится къ своему предшественнику по работѣ. Но читатель, знакомый съ книжкой г. Мансурова, почти на каждой страницѣ встрѣчаетъ матеріалъ, хорошо извѣстный ему изъ книги г. Соколова, и постоянно недоумѣваетъ, да что же собственно принадлежитъ самому г. Мансурову и въ чемъ состоитъ «плодъ» его наблюденій за 20 лѣтъ и даже «непосредственнаго соприкосновенія (?) съ жизнью константинополь-

ской церкви за 15 лѣтъ». Такъ, напримѣръ, бератъ патріарха Іоакима II, приведенный г. Мансуровымъ (стр. 18—22), въ полномъ своемъ составѣ былъ изданъ профессоромъ Соколовымъ, на стр. 24—26 книги г. Мансурова излагается по руководству труда г. Соколова окружное посланіе патріарха Григорія V отъ 1819 года, на страницахъ 34—35 г. Мансуровъ на основаніи книги профессора Соколова описываетъ судъ надъ патріархомъ Григоріемъ VI и т. д.

Впрочемъ, г. Мансуровъ пытается обосновать въ своей книгѣ тенденціозный тезисъ о томъ, что «хранителемъ благочестія» на Востокѣ является «самый народъ» (стр. 36). Но г. Мансуровъ разсматриваетъ это выраженіе изъ посланія восточныхъ патріарховъ 1848 года безъ необходимаго контекста, беретъ его внѣ логической связи съ цѣлымъ, не обращая вниманія на то, что въ томъ же посланіи восточныхъ патріарховъ говорится и о значеніи іерархіи, поэтому и выводъ его оказывается одностороннимъ и неправильнымъ.

Не представляя по содержанію первой своей части (стр. 1—86) ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что объ устройствѣ константинопольской церкви уже извѣстно въ русской церковно-исторической литературѣ, работа г. Мансурова во второй своей части (стр. 101—137) заключаетъ три очень интересныхъ и поучительныхъ очерка, изъ которыхъ первый посвященъ епископу († смирнскому митрополиту Василію), второй—священнику и третій—педагогу († архимандриту Герману Григорасу). Ради этихъ очерковъ книгу г. Мансурова и слѣдуетъ прочитать. Здѣсь авторъ находится въ области своихъ наблюденій и съ успѣхомъ утилизируетъ результаты личныхъ впечатлѣній. Если бы авторъ далъ рядъ другихъ подобныхъ очерковъ, это было бы гораздо лучше, чѣмъ вращаться въ области церковнаго управленія, которое автору, повидимому, человѣку свѣтскому,—представляется во многихъ случаяхъ очень туманнымъ. Отрадно отмѣтить и благопріятную для грековъ оцѣнку ихъ духовенства, сдѣланную авторомъ въ его бытовыхъ очеркахъ. Вѣдь русскіе, по невѣдѣнію и невѣжеству, привыкли только бранить грековъ и порицать. Въ этомъ отношеніи г. Мансуровъ представляетъ исключеніе и заслуживаетъ за свое безпристрастіе только похвалы. **Іеромонахъ I.**

Петръ Великій—въ его изреченіяхъ. Спб. 1910. Первая серія. Стр. VIII+112. Цѣна не указана.

Книжка, заглавіе которой мы выше выписали, представляетъ собою очень цѣнное художественное изданіе и въ то же время весьма интересное по содержанію. Посвящая ее «незабвенной памяти Павла Яковлевича Дашкова», издатель г. Голике говоритъ, что она «была задумана и доведена до благополучнаго конца» «при непосредственномъ любезномъ содѣйствіи» «просвѣщеннаго знатока собирателя, еще наканунѣ смерти, въ пятницу 5 февраля (1910 г.) установившаго заглавіе книги». Художникъ, выполнявшій въ этомъ изданіи разнаго рода рисунки, виньетки, заставки и прочее, г. Курдиновскій, пишетъ въ своихъ «примѣчаніяхъ» такъ:

«Матеріаломъ для составленія заглавнаго листа, заставокъ и концовокъ, находящихся въ книгѣ, мнѣ послужили медали, народные листки, гравюры, книжные фронтисписы и виньетки, бывшія въ обиходѣ или печатанныя при государѣ Петрѣ I, а также и вещи, принадлежавшія великому императору, либо относящіяся къ его эпохѣ».

Самыя «изреченія» Петра Великаго подобраны съ надлежащей критической провѣркой по многимъ источникамъ приватъ-доцентомъ В. Н. Строевымъ, который въ своемъ предисловіи говоритъ слѣдующее:

«Предлагаемая книжка не имѣетъ никакой научной задачи: большая часть здѣсь помѣщеннаго матеріала напечатана въ различныхъ изданіяхъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ исторію великаго преобразователя. Однако, многія изъ нихъ сдѣлались теперь библіографической рѣдкостью или стоятъ очень дорого. Цѣль этой книги—въ общедоступномъ изданіи представить колоссальную фигуру Великаго Петра въ его собственныхъ «изреченіяхъ». Императоръ Петръ, какъ его сторонниками, такъ и противниками, признавался существомъ неземнымъ, чѣмъ-то колоссальнымъ, грандіознымъ, одареннымъ неестественной силой.

«Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія», возглашалъ извѣстный М. В. Ломоносовъ.

«Такимъ,—говоритъ составитель книжки,—является Петръ и въ своихъ изреченіяхъ. Языкъ сжатый и сильный, выразительный и образный. Говоритъ онъ всегда опредѣленно, ясно, рѣшительно»...

Всѣ изреченія великаго преобразователя расположены составителемъ книжки въ двѣнадцати отдѣлахъ:

1) О религіи; 2) Петръ о себѣ самомъ и сподвижникахъ; 3) верховная власть, законы, учрежденія, судъ; 4) военное дѣло; 5) о морскомъ дѣлѣ; 6) образованіе; 7) торговля и промышленность; 8) о Карлѣ и шведахъ; 9) Петръ о событіяхъ своего царствованія; 10) о чужестранцахъ; 11) нравы и 12) житейская мудрость.

Приведемъ здѣсь хотя нѣкоторыя изъ его изреченій, наиболѣе характерныхъ и мѣткихъ, въ настоящее время довольно-таки забытыхъ.

«Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ».—«Кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцевъ».—«Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ—примѣрами; и въ томъ и въ другомъ исцѣленіе вижу медленное; все рѣшитъ время; на Бога полагаю надежду».—«Я знаю, что и я подверженъ погрѣшностямъ и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочетъ меня въ такихъ случаяхъ остерегать и показывать мнѣ мои ошибки, какъ то Катенька моя дѣлаетъ».—«Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству» (слова, сказанныя Ив. Ив. Неплюеву).—«Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ» (слова, сказанныя императоромъ во время его болѣзни).—«Какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почесть свойственна царю».—«Лучше виннаго и безсовѣстнаго зако-

номъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить».—«Миръ—хорошо; однако, притомъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали рукъ, да и солдаты чтобы не сдѣлались бабами».—«Французу всегда можно давать больше жалованья; онъ весельчакъ и все, что получаетъ, проживаетъ здѣсь. Нѣмцу также должно давать не менѣе; ибо онъ любитъ хорошо поѣсть и попить, и у него мало изъ заслуженнаго остается. Англичанину надобно давать еще болѣе; онъ любитъ хорошо жить, хотя бы долженъ былъ и изъ собственнаго имѣнія прибавлять къ жалованію. Но голландцамъ должно давать менѣе, ибо они едва досыта наѣдаются, для того, чтобы собрать больше денегъ; а итальянцамъ еще менѣе, потому что они обыкновенно бываютъ умѣренны и у нихъ всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служатъ въ чужихъ земляхъ и живутъ бережливо, чтобы накопить денегъ и послѣ спокойно проживать ихъ въ раю своемъ, въ Италіи, гдѣ въ деньгахъ недостатокъ».—«Добро перенимать у французовъ художества и науки; сіе желалъ бы я видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ воняетъ».

«Государь долженъ отличаться отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностью, а менѣе еще роскошью; но неусыпнымъ ношеніемъ на себѣ бремени государственнаго и попеченіемъ о ихъ пользѣ и облегченіи; къ тому жъ таковыя убранства только что вяжутъ меня и отнимаютъ руки». «Подлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе же подкопы чинятъ, какъ и подъ фортецію».

Обнимая собою почти всѣ изреченія Петра Великаго, настоящая книжка, на нашъ взглядъ, необходима для русскаго человѣка, какъ цѣннѣйшій памятникъ о нашемъ преобразователѣ, и въ то же время представляетъ хорошо исполненное и чисто художественное изданіе, отпечатанное шрифтомъ, напоминающимъ отчасти петровскія литеры.

В. Р—въ.

Проф. П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей [въ 1609 г.]. Пятый выпускъ [1625—1629 гг.]. Спб. 1910. Стр. VII+199. Цѣна 1 р.

Изъ нѣсколькихъ, повидимому, случайно брошенныхъ фразъ автора въ концѣ предисловія можно сдѣлать выводъ, что онъ прекращаетъ свои занятія по разслѣдованію сеймовой борьбы. Возможно даже, что настоящій выпускъ—предпослѣдній, и авторъ предполагаетъ «остатокъ своихъ научно-литературныхъ силъ предназначить на другія цѣли», а въ ученыхъ кругахъ говорятъ, что проф. П. Жуковичъ переноситъ свои занятія въ исторію западно-русской церкви первой половины XIX вѣка. Конечно, почтенному историку удастся сдѣлать много цѣннаго и въ новой эпохѣ, но все-таки будетъ жаль, что онъ не продолжитъ обзоръ сеймовой борьбы, и еще больше будетъ обидно, если долгое время не найдется продолжатель долгой и интересной научной работы П. Жуковича.

Въ пятомъ выпускѣ авторъ слѣдитъ за событіями, имѣвшими мѣсто вслѣдъ за Куруковскимъ договоромъ, за разгромомъ казачества осенью 1625 года.

Интересны многіе моменты этого періода,—о послѣднихъ годахъ царствованія Сигизмунда III до сихъ поръ было мало свѣдѣній,—и наибольшее вниманіе читателя захватываетъ вопросъ о примирительномъ соборѣ съ двумя подготовительными къ нему. «Рѣшительно-отрицательное отношеніе православныхъ земскихъ пословъ къ проектируемому правительствомъ примирительному собору (на варшавскомъ сеймѣ 1626 г.),—по словамъ почтеннаго автора,—постепенно становится въ свою очередь болѣе терпимымъ. На январско-февральскомъ сеймѣ 1629 г. православные земскіе послы, наконецъ, даютъ согласіе на этотъ соборъ, хотя принимаютъ заблаговременно мѣры къ сеймовой, а не королевско-административной постановкѣ самаго созыва этого собора и къ ограниченію вліянія королевской власти на окончательный его исходъ. На ряду съ постепеннымъ развитіемъ правительственныхъ примирительныхъ проектовъ идутъ во все интересующее насъ время усиленныя старанія объ ихъ практическомъ осуществленіи со стороны высшихъ представителей уніатской церкви, которымъ удается привлечь на свою сторону талантливаго доселѣ литературнаго защитника православной западно-русской церкви, полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, тайно переходящаго въ церковную унію съ Римомъ. Хлопочущіе о примиреніи уніатовъ понимаютъ это примиреніе въ смыслѣ перехода православныхъ, особенно ихъ высшихъ церковныхъ представителей, въ ту же церковную унію съ Римомъ, только по обстоятельствамъ времени перехода болѣе тонко оборудованнаго, чѣмъ Брестская церковная унія 1596 г. (съ принятіемъ во вниманіе преданности православныхъ патріаршеству въ церкви вообще). Но, ставшій душой всего дѣла новой уніи Мелетій Смотрицкій, смѣло взявшійся за обработку въ его интересахъ самыхъ высшихъ представителей православной церковной іерархіи (въ помощь болѣе 5 уже лѣтъ съ удивительною стойкостью стоявшему на стражѣ западно-русскаго православія нелегальному кіевскому митрополиту Іову Борецкому выступилъ уже въ интересующій насъ періодъ времени другой іерархъ высшаго нравственнаго порядка, кіево-печерскій (легальный) архимандритъ Петръ Могила), со свойственной ему экспансивностью очень быстро испортилъ все задуманное дѣло. Крушенію уніональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго неожиданно помогъ экстраординарный сеймъ 1628 года своимъ налоговымъ постановленіемъ...»

Съ неослабѣвающимъ вниманіемъ читаются главы вторая, четвертая и пятая: первый польскій сеймъ послѣ куруковскаго разгрома казаковъ; варшавскій сеймъ 1627 года и его значеніе въ исторіи борьбы православныхъ съ уніей; варшавскій сеймъ слѣдующаго года и крушеніе уніональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго. Въ приложеніи помѣщена замѣтка полемическаго характера—«Мелочи изъ исторіи запорожскаго казачества въ первой половинѣ XVII вѣка».

Если рѣшеніе проф. П. Н. Жуковича прекратить изслѣдованіе «сеймовой борьбы» дѣйствительно безповоротно, то, еще разъ выражая сожалѣніе по этому поводу, мы можемъ все-таки поблагодарить почтеннаго историка за все, что онъ далъ намъ въ вышедшихъ выпускахъ. **И. А.**

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ статей, рефератовъ и проч. въ «Дѣйствіяхъ» и «Сборникахъ» комиссіи (т. II—V и журналахъ I—XCIII). Н.-Новгородъ. 1910. Стр. 419+26. Ц. 2 р.

Настоящій томъ «Дѣйствій» нижегородской архивной комиссіи, какъ оригинально назвалъ періодическій органъ основанной имъ комиссіи А. С. Гацисскій, весьма разнообразенъ по своему содержанію и любопытенъ. Въ отдѣлѣ: «статьи и сообщенія» находимъ довольно подробную біографію брата извѣстнаго П. Я. Чаадаева—М. Я. Чаадаева, названнаго авторомъ статьи В. Е. Чешихинымъ, по терминологіи А. И. Герцена—«умною ненужностью». На ряду съ этимъ приводятся и матеріалы, которыми пользовался авторъ и которые сообщилъ князь А. В. Звенигородскій. Въ числѣ этихъ матеріаловъ приводится и краткій «реестръ роду Чаадаевыхъ», по поводу котораго въ краткомъ предисловіи читаемъ: документъ этотъ «очень важенъ для біографіи обоихъ братьевъ Чаадаевыхъ. Годъ и мѣсто рожденія Петра Як. Чаадаева не были доселѣ достовѣрно извѣстны и только съ нахожденіемъ этого документа впервые устанавливаются точно». Позволю себѣ указать написавшему эти строки, что онъ ошибочно приписываетъ себѣ пальму первенства въ сообщеніи точныхъ датъ рожденія М. и П. Як. Чаадаевыхъ. Еще въ 1907 г., въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статейкѣ: «Къ біографіи П. Я. Чаадаева», нами были точно установлены тѣ же самыя даты рожденія М. и П. Як. Чаадаевыхъ, которыя имѣются въ реестрѣ. Сдѣлано это было на основаніи наиболѣе полной поколѣнной росписи Чаадаевыхъ, посемейныхъ списковъ, метрическихъ свидѣтельствъ и опредѣленій правительствующаго сената, имѣющихся въ дворянскомъ дѣлѣ Чаадаевыхъ, хранящихся въ архивѣ департамента герольдіи.

Интересны по своимъ новымъ біографическимъ и библіографическимъ даннымъ сообщенные В. Е. Чешихинымъ рукописные матеріалы А. С. Гацисскаго, подъ заглавіемъ: «Люди нижегородскаго Поволжья», куда, кромѣ старой статьи В. Н. Никитина о Н. Е. Валовѣ, вошли автобіографіи: М. П. Веселовскаго, В. П. Вахтерова, С. А. Любовникова, Н. И. Русинова, Л. И. Сахарова, Ф. К. Смолькова, Н. Я. Агафонова и даже графа Н. П. Игнатьева (очень краткое сообщеніе).

По поводу графа Н. П. Игнатьева, за время его кратковременнаго генералъ-губернаторства въ Нижнемъ Новгородѣ, А. А. Савельевъ сообщаетъ нѣсколько своихъ воспоминаній и приводитъ адресъ, который поднесли болѣе «доступному» и «справедливому» администратору нижегородскіе граждане.

Н. И. Драницынъ, на основаніи дѣлъ сенатскаго архива начала XIX в., представилъ рядъ небезынтересныхъ картинокъ изъ «Нижегородскаго прошлаго», каковы, напр. «Доносчикъ» (секретарь Правдухинъ, доносившій о злоупотребленіяхъ по Нижегородской губерніи), «Защитникъ женщины въ началѣ XIX ст.», и др.

Выполняя главную свою задачу, по положенію 1884 г., члены нижегородской архивной комиссіи представили нѣсколько описей архивныхъ дѣлъ:

Н. И. Драницынъ—«опись дѣлъ лукояновскаго уѣзднаго суда за 1802, 1811, 1814 и 1817 гг.»; и сенатскаго архива департамента министерства юстиціи за 1783, 1791, 1793, 1794, 1796, 1799, 1801 и 1802 г.; И. И. Вишневскій—уѣздныхъ судовъ: макарьевскаго за 1784 г. и калязинскаго за 1801 г.; и А. А. Титовъ—арзамасскаго уѣзднаго суда, за1799, 1804, 1808, 1830, 1845, 1850 и 1851 гг.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» помѣщены: «Нижняго Новгорода смѣта, приходу и расходу окладнымъ и неокладнымъ разнымъ доходамъ денежнымъ, хлѣбнымъ и меду», 1621 г. (довольно обширная и богатая по содержанію), копія съ жалованной грамоты имп. Петра I на Барминскую волость, грамоты Печерскому монастырю XVI и XVII вв. и др., къ сожалѣнію, безъ всякихъ предисловій и объясненій...

Заключается разсматриваемый VIII томъ «Дѣйствій» «приложеніемъ»—«Алфавитнымъ указателемъ статей, рефератовъ, докладовъ и замѣчаній, напечатанныхъ въ «Дѣйствіяхъ» комиссіи или читанныхъ на ея засѣданіяхъ, составленнымъ А. К. Кабановымъ, за который нужно принести составителю особую благодарность, такъ какъ вообще архивныя комиссіи мало заботились и заботятся объ указателяхъ къ своимъ «Трудамъ», хотя по поводу послѣднихъ мною же былъ поднятъ вопросъ на владимирскомъ историко-археологическомъ областномъ съѣздѣ, въ 1906 г., вслѣдствіе чего и состоялось даже особое постановленіе съѣзда. **В. Рудаковъ.**

Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910. Стр. 211. Ц. 60 к.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія высокопоставленный авторъ почти ежегодно вноситъ въ сокровищницу родной литературы все новые и новые результаты неустанно производимыхъ имъ экономическихъ изслѣдованій, глубоко и всесторонне захватывающихъ интересы народнаго хозяйства.

Послѣ много нашумѣвшаго въ свое время изслѣдованія «Неурожай и народное бѣдствіе», изданнаго въ 1892 году, авторъ въ 1901 году выпустилъ въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ составленный имъ замѣчательный курсъ «Организація полевого хозяйства» и въ томъ же году выступилъ съ I томомъ новаго своего произведенія:« Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ», составляющаго по полнотѣ и разнообразію матеріаловъ выдающееся явленіе въ литературѣ этого рода. Слѣдующіе II, III и IV томы этого произведенія напечатаны въ 1905 году а уже въ слѣдующемъ 1906 году авторъ даетъ новую популярную работу: «Нашъ земельный вопросъ», и потомъ послѣдовательно выходятъ изъ-подъ пера неутомимаго автора: въ 1907 году: «Слово о землѣ», въ 1908 г.— «Народныя примѣты на урожай», въ 1909 г.—«Наши неурожаи и продовольственный вопросъ».

Изданіе, выписанное выше въ заглавіи, является послѣднимъ по времени произведеніемъ А. С. Ермолова. Въ немъ авторъ съ свойственными ему трудолюбіемъ и талантомъ собралъ и разработалъ огромный матеріалъ по одному изъ вопросовъ громадной общественной и государственной важности, изложилъ

и разсмотрѣлъ вопросъ въ исторической его перспективѣ и съ разныхъ сторонъ въ современныхъ его положеніи и обстановкѣ. Характеризуя пожары въ Россіи, какъ одно изъ величайшихъ золъ и бѣдствій народной жизни, авторъ останавливается на причинахъ этого ужаснаго явленія и средствахъ борьбы съ нимъ, какъ употреблявшимися до сего времени, такъ и желательными и необходимыми въ будущемъ. Въ связи съ этимъ А. С. Ермоловъ даетъ полный и обстоятельный очеркъ «разработки государственною думою и правительствомъ вопроса о борьбы съ пожарами».

Съ своей стороны, авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что главной причиною пожаровъ являются поджоги и что правосудіе оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ этими преступленіями. Въ виду послѣдняго обстоятельства, по мнѣнію А. С. Ермолова, необходимо прійти на помощь суду—прибѣгнуть къ мѣрамъ административной борьбы» съ поджогами, причемъ указываются и самыя эти мѣры. Съ другой стороны, авторъ признаетъ, что «какія бы предупредительныя мѣры противъ пожаровъ ни предпринимать, какъ бы строга ни была уголовная репрессія за умышленные поджоги...—на ряду съ этимъ необходимо надлежащимъ образомъ организовать борьбу съ огнемъ». Здѣсь авторъ, объяснивъ организацію пожарной части за границей (въ Германіи и Швейцаріи), высказываетъ слѣдующія пожеланія относительно мѣръ борьбы съ пожарами въ селеніяхъ (города, по крайней мѣрѣ большіе, по свѣдѣніямъ автора, имѣютъ, въ общемъ болѣе или менѣе удовлетворительную организацію противопожарнаго дѣла).

Прежде всего желательно возможно болѣе широкое распространеніе образованія дѣтскихъ пожарныхъ дружинъ, которыя уже начали создаваться въ разныхъ мѣстахъ. Нужно всячески заботиться о возможно широкомъ распространеніи сельскихъ противопожарныхъ дружинъ и правильной ихъ постановкѣ, не жалѣя на это средствъ. Необходимо внести существенныя измѣненія и дополненія въ нормальные уставы пожарныхъ обществъ, направленныя къ улучшенію административной части въ пожарныхъ организаціяхъ, уравненію правъ женщинъ и мужчинъ въ пожарномъ дѣлѣ, увеличенію средствъ пожарныхъ дружинъ и т. п. Со стороны земской помощи селеніямъ въ пожарномъ дѣлѣ авторъ признаетъ нужнымъ изданіе обязательныхъ постановленій которыми требовалось бы устройство прудовъ и водоемовъ тамъ, гдѣ мѣстныя условія тому благопріятствуютъ, предоставленіе земству права повышать страховые тарифы тамъ, гдѣ крестьяне неосновательно отъ этого отказываются, обязательное возложеніе на отвѣтственность сельскихъ обществъ поддержанія плотинъ и водоемовъ съ порядкѣ надлежащаго ихъ ремонта.

Не останавливаясь далѣе на другихъ соображеніяхъ автора и указываемыхъ имъ мѣрахъ къ улучшенію пожарнаго дѣла, заканчиваемъ эту замѣтку пожеланіемъ, чтобы трудъ А. С. Ермолова, столь богатый фактическимъ матеріаломъ, отличающійся всестороннимъ освѣщеніемъ положенія пожарнаго вопроса въ Россіи и массой прекрасно разработанныхъ предположеній и указаній, направленныхъ къ улучшенію этого дѣла и уменьшенію размѣровъ огненнаго зла, ежегодно причиняющаго неисчислимыя бѣдствія огромной массѣ нашей не только сельскаго, но часто и городского населенія,—чтобы этотъ полезный

трудъ получилъ широкое распространеніе въ обществѣ и вызвалъ къ жизни тѣ мѣры, которыя въ дѣйствительности могли бы уменьшить тѣ ужасающіе размѣры народнаго горя, которые теперь вызываютъ со стороны всѣхъ чувство глубокого состраданія.

В. Кузнецовъ.

Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть II-я. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ 2-ой. Участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года; въ усмиреніи польскихъ мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годахъ; въ войнѣ 1877—78 года; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 г.г. М. Чернушевичъ. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

Продолжая свой многотомный трудъ «Матеріалы къ исторіи пограничной стражи», генералъ Чернушевичъ послѣднимъ выпускомъ издалъ томъ, посвященный участію пограничной стражи въ войнахъ: 1812 года, 1830—31 гг. и 1863—64 гг. при усмиреніи польскихъ мятежей, 1877—78 гг., 1900 г. китайской и 1904—1905 годовъ.

Томъ этотъ полонъ захватывающаго интереса, особенно интересны эпизоды польскаго возстанія, какъ, напримѣръ, подвиги вахмистра пограничной стражи Патковскаго, который, переодѣваясь то польскимъ «довудцей», то помѣщикомъ, то простымъ «повстанцемъ изъ хлоповъ», проникалъ въ помѣщичьи усадьбы, занятыя штабами повстанцевъ, и хитростью, при безумной отвагѣ, захватывалъ нужныхъ ему лицъ.

Чрезвычайно интересенъ эпизодъ нападенія мятежной шайки Куровскаго на гор. Мѣховъ, причемъ пограничной стражѣ съ небольшой горстью армейскихъ войскъ пришлось выдержать упорную борьбу съ въ нѣсколько разъ превышающимъ численностью непріятелемъ, которому дѣятельно помогали не только мѣстные жители, устроившіе засады въ своихъ домахъ, но косвенно даже многіе чиновники таможни. Даже въ городѣ русскій жандармскій офицеръ, капитанъ Гиро, не только не пришелъ на помощь отважному начальнику небольшого отряда русскихъ войскъ, полковнику пограничной стражи Непенину, но всячески ему противодѣйствовалъ. Положеніе пограничной стражи, разбросанной въ лѣсахъ порубежной Польши небольшими группами, въ нѣсколько человѣкъ каждая, на глухихъ, ничѣмъ не защищенныхъ кордонахъ, въ моментъ начала возстанія было трагическое. Люди гибли въ одиночку подъ ножами и отъ пуль многочисленныхъ убійцъ; кто попадалъ въ плѣнъ, безжалостно вѣшался или разстрѣливался, а ко всему этому и высшее начальство, жившее вдалекѣ, въ лицѣ начальника округа, гражданскаго чиновника, по близорукости и полному непониманію положенія дѣла, связывало руки пограничной стражѣ гибельными приказами—не употреблять противъ мятежниковъ оружія и отнюдь не собираться въ большіе отряды. Отъ окончательной гибели пограничную стражу отчасти спасло вмѣшательство высшаго начальства, а главнымъ образомъ беззавѣтная удаль, храбрость самихъ пограничниковъ, изумительное знаніе мѣстности, всѣхъ лѣсныхъ тропинокъ, болотъ и овраговъ и умѣнье ими пользоваться.

Въ описаніи участія пограничной стражи въ китайской войнѣ г. Чернушевичъ даетъ много совершенно новаго и интереснаго матеріала. Съ особеннымъ захватывающимъ интересомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ печали и національной гордости, читается эпическое отступленіе горсти пограничниковъ подъ командой доблестнаго поручика Валевскаго среди возставшаго противъ русскихъ населенія, подъ напоромъ огромныхъ шаекъ хунхузовъ и регулярныхъ китайскихъ войскъ, трагическая гибель Валевскаго и инженера Верховскаго, ужасныя пытки, которымъ озлобленные китайцы подвергали раненыхъ русскихъ, попавшихся имъ въ плѣнъ. Заканчивается книга описаніемъ рейса отряда пограничниковъ въ Корею въ періодъ послѣдней японской войны. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ этой роковой несчастной войны, доблесть маленькихъ чиновъ разбилась о близорукость и преступное соперничество высшаго генералитета, о столько, къ несчастью, частыя и, можно сказать, излюбленныя русскимъ бюрократизмомъ междувѣдомственныя столкновенія. Мѣсто не позволяетъ дѣлать выдержки изъ интересной книги г. Чернушевича, но мы искренно совѣтуемъ любителямъ отечественной исторіи познакомиться съ нею. **Ѳ. Тютчевъ.**

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ издаваемый подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1910. №№ 1—4.

Въ прошлогодней рецензіи на данный журналъ было указано на него, какъ на лучшій и самый популярный журналъ, посвященный разработкѣ вопросовъ русской литературы и языка. Въ истекшемъ году «Вѣстникъ» былъ попрежнему разнообразенъ въ своихъ научныхъ интересахъ и особенно богатъ статьями по новой русской литературѣ. Слѣдуя юбилейнымъ запросамъ прошлаго года, «Вѣстникъ» далъ двѣ статьи о Кольцовѣ и нѣсколько касающихся его библіографическихъ замѣтокъ. Первая статья В. В. Данилова—«Очерки поэзіи А. В. Кольцова», разбивается на двѣ неравныхъ части: «А. В. Кольцовъ, какъ поэтъ личныхъ настроеній» и «Источникъ думы Кольцова «Поэтъ». Въ первомъ очеркѣ авторъ устанавливаетъ положеніе, что народное направленіе лирики Кольцова было подражательнымъ и явилось результатомъ общихъ литературныхъ стремленій къ народности 30-хъ годовъ, и въ отношеніи изображенія народной жизни Кольцовъ ни на шагъ не ушелъ впередъ отъ тѣхъ сентиментально-романтическихъ идиллій, которыми питала публику современная народничествовавшая литература, когда, по выраженію Бѣлинскаго, «всякій литературный шутъ хотѣлъ быть народнымъ писателемъ». Основное же направленіе лирики Кольцова, по мнѣнію автора, субъективное—это выраженіе постояннаго стремленія поэта изъ темноты его личной жизни къ свѣту и знанію. Вторая часть «Очерковъ» г. Данилова возводитъ думу Кольцова «Поэтъ», какъ къ источнику ея, къ статьѣ Бѣлинскаго о первой книжкѣ стихотвореній Кольцова. Далѣе слѣдуетъ также юбилейная статья В. В. Данилова «Юношеская драма В. Г. Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ». Въ противоположность С. А. Венгерову, считающему «Дмитрія Калинина» явленіемъ исключительнымъ

въ русской литературѣ 30-хъ годовъ въ смыслѣ протеста противъ крѣпостного права, авторъ ставитъ драму въ тѣсную связь съ предшествующей литературой и намѣчаетъ общіе у нея мотивы съ другими литературными произведеніями. Въ статьѣ «Тайна генія Гоголя» А. М. Евлаховъ разсматриваетъ давно рѣшаемый вопросъ о двухъ началахъ въ его творческой личности: художника и моралиста. «Душа художника,—говоритъ г. Евлаховъ,—звала его въ языческій Римъ, душа моралиста—въ христіанскій Іерусалимъ. Долгая и мучительная борьба окончилась побѣдой моралиста. Она привела его въ Іерусалимъ. Но этотъ Іерусалимъ оказался могилой—и не только для художника, но и для человѣка». Статья Н. Н. Трубицына «Личность Кольцова» выясняетъ вопросъ согласно тезису автора: «Кольцовъ это—типъ, жизнь его—типъ, и тоска его тоже типъ. За спиной Кольцова сотни, тысячи по городамъ и весямъ маленькихъ Кольцовыхъ». Большая статья И. И. Замотина посвящена Чехову: «А. П. Чеховъ и русская общественность»—очеркъ живой, всесторонній и легко читаемый. Въ очеркѣ «Источникъ стихотворенія А. С. Пушкина «Гусаръ» В. В. Даниловъ считаетъ имъ разсказъ О. М. Сомова «Кіевскія вѣдьмы». Отмѣтимъ также по новой литературѣ статьи: «Идеалы семьи С. Т. Аксакова и его заслуга для русской школы» А. В. Каминскаго, «Къ комментарію новой поэмы М. Ю. Лермонтова «Послѣдній сынъ вольности» Л. К. Ильинскаго. Къ изученію народной литературы относятся статьи: «Баба хуже чорта» Ю. И. Поливки, представляющая сравнительный обзоръ сюжетовъ на данный мотивъ во всемірномъ фольклорѣ, «Весна и народный аскетическій идеалъ» Ю. М. Соколова, разсматривающаго стихи о царевичѣ Іоасафѣ и матери-пустынѣ, и очеркъ «Историческій элементъ въ былинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ» Б. М. Соколова; послѣдняя работа, въ которой г. Соколовъ доказываетъ, что данная былина изображаетъ неудачный бракъ Ивана Грознаго съ Василисой Мелентьевой, заслуживаетъ особаго вниманія по строго историческому методу, точности и детальности изслѣдованія, напоминающаго лучшіе труды въ этомъ родѣ В. Ѳ. Миллера. По древне-русской литературѣ въ журналѣ помѣщены двѣ статьи: г-жи М. С. Боровковой-Майковой—«Великій старецъ Нилъ, пустынникъ Сорскій», давшей кое-какія новыя детали біографіи знаменитаго подвижника, и П. І. Потапова: «Къ вопросу о литературномъ составѣ лѣтописи»; послѣдняя статья представляетъ образецъ той историко-литературной схоластики и ограниченнаго буквоѣдства, которыя возвели въ культъ нѣкоторые бездарные дѣти и внуки знаменитаго проф. Н. С. Тихонравова. Въ противоположность этому направленію псевдо-ученыхъ, можно указать цѣлый рядъ статей учениковъ кіевскаго профессора В. Н. Перетца, представляющихъ любопытныя изслѣдованія фактовъ юго-западной литературы. Таковы: Изданія «Ключа разумѣнія» Іоанникія Голятовскаго» Ив. Огіенка, «Epitaphius Metropolitae Barlaamo Iasinsky»—стихотвореніе Ѳеофана Прокоповича» А. С. Грузинскаго, «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгахъ» С. И. Маслова, «Преніе живота и смерти» и новый украинскій его списокъ Н. К. Гудзія.

Не будемъ останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ по изученію языка, изъ которыхъ большинство принадлежитъ А. И. Соболевскому; но нельзя не

поставить вопроса: есть ли какая-либо тѣсная связь между статьею: «Чеховъ и русская общественность» и изслѣдованіями о славянскихъ словахъ: Бескидъ, Попрадъ, Толтры и проч.? Не лучше ли было бы разбить журналъ на два отдѣла: историко-литературный и лингвистическій, которые представляли бы самостоятельныя изданія? Первому изъ нихъ былъ бы обезпеченъ гораздо большій тиражъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладаетъ «Вѣстникъ», въ настоящее время, отпугивающій «бескидами» и «попрадами» отъ подписки даже средне-учебныя заведенія? П. С.

Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Очерки и воспоминанія гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, О. А. Шебора, В. И. Шенрока, В. Н. Ивановскаго, Л. М. Лопатина, П. П. Соколова, Алексѣя И. Введенскаго, Ю. И. Айхенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, Д. В. Викторова, В. В. Розанова, Е. В. Спекторскаго. Письма гр. Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Ѳ. Кони, Вл. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкого, архіеп. Никанора и самого Н. Я Грота. Съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ біографическихъ и библіографическихъ матеріаловъ. Спб. 1911. Стр. 410.

23 мая 1899 г. многихъ поразила вѣсть о неожиданной кончинѣ одного изъ популярныхъ представителей русской философіи Н. Я. Грота. Его кипучая дѣятельность была у всѣхъ на виду, но мало кому было извѣстно, что перегруженный работою организмъ философа уже и раньше обнаруживалъ признаки надорванности. Смерть Н. Я. Грота больно отозвалась во всѣхъ кругахъ, прикосновенныхъ къ философіи: чувствовалось, что омертвѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ ея нервовъ. Появился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ памяти Н. Я. Грота и принадлежащихъ перу его товарищей, учениковъ, почитателей и просто читателей. Почти всѣ эти статьи представляютъ значительный интересъ не только для оцѣнки философской дѣятельности Н. Я. Грота, но и для характеристики различныхъ теченій русской философской мысли.

Еще въ 1904 г. братъ философа, К. Я. Гротъ, приступилъ къ изданію его сочиненій и выпустилъ томъ, куда вошли статьи о задачахъ философіи [1]). Къ сожалѣнію, выходъ этой книги совпалъ съ тревожнымъ временемъ, не позволявшимъ общественному вниманію сосредоточиться на безстрастномъ умозрѣніи. Изданіе пока не окупилось и потому остается безъ продолженія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ статьи Н. Я. Гротта разбросаны во многихъ періодическихъ изданіяхъ и хотя появлялись отдѣльными оттисками, но въ настоящее время составляютъ въ большинствѣ случаевъ библіографическую рѣдкость.

Десятилѣтняя годовщина со дня смерти Н. Я. Грота послужила для его брата поводомъ къ изданію сборника воспоминаній и статей о немъ, а также нѣкоторыхъ біографическихъ и библіографическихъ матеріаловъ. Впервые здѣсь появляются

---

[1]) Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи, Спб. 1904.

воспоминанія проф. Шебора, жившаго въ семьѣ Гротовъ въ качествѣ домашняго учителя, воспоминанія Л. Н. Толстого, написанныя имъ за мѣсяцъ до окончательнаго отъѣзда изъ Ясной Поляны, и рядъ его писемъ. Интересны также письма Н. Н. Страхова и архіепископа Никанора. Изъ обширной переписки самого Н. Я. Грота въ сборникъ включены лишь четыре письма къ отцу и письма къ А. Ѳ. Кони. Издатель сборника не рѣшился опубликовать другихъ писемъ философа, такъ какъ въ особой запискѣ о предстоящемъ изданіи его трудовъ Н. Я. Гротъ выразилъ желаніе, чтобы письма его остались необнародованными. Письма эти, однако, очень важны не только въ біографическомъ отношеніи. Натура чуткая, живая, дѣятельная, Н. Я. Гротъ отзывался въ своихъ письмахъ на все, что волновало русское общество. Писалъ онъ съ легкостью изумительною и при томъ не въ ущербъ обстоятельности. Въ разгаръ его кипучей дѣятельности по московскому психологическому обществу и журналу «Вопросы философіи и психологіи» изъ-подъ его пера выходили письма десятками въ день, и всѣхъ ихъ, вѣроятно, наберется добрая тысяча. Но слишкомъ свѣжъ еще въ нихъ налетъ злободневности, слишкомъ много нитей связываетъ ихъ съ еще здравствующими дѣятелями, чтобы появленіе ихъ въ печати могло было признано своевременнымъ.

Крайняя чуткость и отзывчивость характеризуютъ Н. Я. Грота не только какъ человѣка, но и какъ мыслителя. Юношескій матеріализмъ скоро превратился у него въ холодный позитивизмъ. Недолго, однако, Н. Я. Гротъ оставался подъ знаменемъ позитивизма. Изученіе Бруно привело Н. Я. Грота сначала къ пантеизму, а затѣмъ вообще къ признанію научнаго значенія за метафизикой. Этому направленію онъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней.

Къ книгѣ приложенъ тщательно составленный указатель, облегчающій наведеніе всякаго рода справокъ. Я. К.

Русскій біографическій словарь. Спб. 1910. Стр. 560.

Новый выпускъ издаваемаго императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ русскаго біографическаго словаря начинается фамиліей «Притвицъ» и кончается біографіей московскаго профессора начала прошлаго вѣка Рейса. Между этими именами вошли въ словарь жизнеописанія—укажемъ лишь на болѣе обширныя—Прозоровскихъ, Прокоповичей, Пронскихъ, Протасовыхъ, Пушкиныхъ, Пущиныхъ, Раевскихъ и Разумовскихъ. Особенно обширна прекрасная статья г. Сиповскаго, посвященная А. С. Пушкину. Это настоящая сжатая монографія, держащаяся на уровнѣ тѣхъ свѣдѣній, которыми мы теперь располагаемъ о великомъ поэтѣ.

Томъ этотъ печатался, какъ заявлено на титульномъ листѣ, подъ наблюденіемъ нынѣ покойнаго предсѣдателя общества А. А. Половцова. Половцовъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и потому заготовленный при его жизни матеріалъ для словаря нѣсколько потерялъ въ своей свѣжести. Въ доказательство своихъ словъ укажемъ хотя бы на статью о гр. Алексѣѣ Гр. Разумовскомъ, въ концѣ которой авторъ касается вопроса о происхожденіи княжны Тара-

кановой, опровергая устарѣвшее теперь мнѣніе, будто эта загадочная личность была дочерью графа и императрицы Елизаветы Петровны. На этотъ счетъ имѣются, вѣдь, нѣсколько мнѣній, съ которыми тоже слѣдовало бы сосчитаться. А затѣмъ авторъ, перечисляя сочиненія и журнальныя статьи, гдѣ говорится о княжнѣ Таракановой, пропускаетъ новѣйшее и весьма обстоятельное изслѣдованіе польскаго историка Эрнеста Лунинскаго, спеціально посвященное этому лицу (обширное извлеченіе изъ труда Лунинскаго было напечатано въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1910 г.).

При біографіи героя русско-турецкой войны генерала Радецкаго указаны всѣ даже мелкія журнальныя о немъ статьи, но нѣтъ указанія на книгу извѣстнаго графа Пфейля о русско-турецкой войнѣ, печатавшуюся въ извлеченіи на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ подлинникѣ составитель біографіи генерала могъ бы найти немало любопытныхъ черточекъ, которыми характеризуетъ его наблюдательный нѣмецкій писатель.

Отмѣтимъ также одинъ пропускъ, бросающійся въ глаза при перелистываніи словаря. Подъ фамиліей Прокоповичъ значатся пять лицъ, но среди нихъ нѣтъ знаменитаго дѣятеля Петровской эпохи Өеофана Прокоповича.

Разумѣется, эти мелкіе недочеты не могутъ никоимъ образомъ умалить значенія этого изданія. Русскій біографическій словарь является настольной книгой для всякаго занимающагося русской исторіей. Пріятно отмѣтить, что это сложное и требующее кропотливаго труда изданіе быстро подвигается впередъ, что у насъ случается не такъ часто. **А. Б.**

Академическая библіотека русскихъ писателей. Выпуски 3-й и 4-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томы II и III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. Стр. VIII + 528 и IV + 370. Цѣна 2-го тома — 1 р. 50 к. и 3-го тома 1 р. 25 к.; безъ переплета и по подпискѣ 85 к. и 75 к.

О появленіи въ свѣтъ перваго тома «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова», а равно о характерѣ и планѣ этого изданія мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1910 г., № 5, стр. 726—728). Въ только что изданные томы вошли: во второй—стихотворенія М. Ю. Лермонтова, съ 1832 г. по 1841 г., а въ третій—драматическія его произведенія. Текстъ обоихъ томовъ тщательно свѣренъ редакторомъ изданія, профессоромъ Д. И. Абрамовичемъ по автографамъ и наиболѣе заслуживающимъ довѣрія копіямъ, а въ примѣчаніяхъ даны имъ почти всѣ варіанты къ основному тексту, съ соблюденіемъ орѳографіи Лермонтова и его эпохи, и необходимыя критико-библіографическія свѣдѣнія. Стихотворенія, по времени ихъ написанія, распредѣляются такъ: за 1832 г.—двадцать пять стихотвореній и одна большая восточная повѣсть въ стихахъ: «Измаилъ-Бей», изданная по копіи лермонтовскаго музея, № 9; за 1833—34 гг.—одиннадцать, въ томъ числѣ поэма «Хаджи-Абрекъ», появившаяся впервые въ печати въ 1835 г., помимо желанія Лермон-

това, какъ свидѣтельствуетъ В. П. Бурнашевъ; за 1835 г.—одно стихотвореніе «Опять народные витіи» и поэма «Бояринъ Орша»; за 1836 г.—девять, въ томъ числѣ знаменитая «Вѣтка Палестины» и поэма «Сашка» (въ примѣчаніяхъ къ послѣдней приведенъ цѣлый рядъ варіантовъ); за 1837 г.—двадцать и въ числѣ ихъ «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Казначейша»; за 1838 г.—всего три небольшихъ стихотворенія: «Дума» («Печально я гляжу на наше поколѣніе»), «Къ М. И. Цейдлеру» («Русскій нѣмецъ бѣлокурый») и «Поэтъ» («Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ»); за 1839—десять, въ томъ числѣ болѣе крупное—«Сказка для дѣтей»; за 1840—двадцать шесть и среди нихъ «Валерикъ» и поэма «Мцыри» (въ примѣчаніяхъ къ тому и другому произведенію приведены многочисленные варіанты и автографы поэта); и за 1841 г.—двадцать четыре и въ числѣ ихъ поэма «Демонъ». Въ примѣчаніи къ этому произведенію читаемъ: «Издается по корректурнымъ листамъ январской книжки «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г. «По причинамъ, не зависящимъ отъ редакціи», поэма не могла въ то время появиться въ свѣтъ, но корректура, исправленная А. А. Краевскимъ 9-го декабря 1841 г., сохранилась и перешла въ Лермонтовскій музей. Останавливаясь на этомъ текстѣ поэмы и отдавая ему предпочтеніе передъ другими, даже передъ карлсруйскимъ изданіемъ 1857 г., которое называютъ «праматерью» изданій нашей поэмы,—мы исходили изъ того соображенія, что если бы не простая случайность въ видѣ цензурнаго запрещенія, то «краеугольнымъ камнемъ» всѣхъ дальнѣйшихъ изданій «Демона» послужили бы «Отечественныя Записки» за 1842 г., съ ихъ «первопечатнымъ» текстомъ. Исторія карлсруйскихъ изданій «Демона» очень неясна и загадочна...» Далѣе профессоръ Д. И. Абрамовичъ говоритъ, что найденный и изданный профессоромъ Висковатовымъ списокъ «Демона» есть, «несомнѣнно, позднѣйшая передѣлка подлиннаго текста, возбуждающая очень много серьезныхъ сомнѣній и возраженій какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны художественно-литературной формы...» Чтобы дать наглядное представленіе о тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался текстъ «Демона», редакторъ приводитъ варіанты изъ пяти печатныхъ изданій и двѣнадцати рукописей, на двадцати пяти страницахъ.

Сверхъ того въ «Приложеніяхъ» ко второму тому находимъ: 1) отрывки и наброски М. Ю. Лермонтова (посвященія поэмы «Демонъ», «Югельскій баронъ» и др.), 2) стихотворенія на русскомъ (одно—«Наводненіе») и иностранныхъ языкахъ (четыре—изъ нихъ три на нѣмецкомъ и одно на французскомъ), приписываемыя М. Ю. Лермонтову, и 3) переводы М. Ю. Лермонтова. Среди текста находятся слѣдующіе портреты и рисунки: 1) М. Ю. Лермонтовъ (съ портрета масляными красками работы К. А. Горбунова, 1841 г.), 2) М. Ю. Лермонтовъ въ 1840 году (съ рисунка барона Д. П. Палена), 3) М. М. Лермонтова (мать поэта) съ портрета, принадлежащаго Лермонтовскому музею, 4) Перестрѣлка въ горахъ Кавказа. Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова и 5) При Валерикѣ. Съ акварели М. Ю. Лермонтова (оригиналъ въ императорской публичной библіотекѣ) и до сорока снимковъ съ автографовъ Лермонтова.

Содержаніе третьяго тома «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова» составляютъ слѣдующія его драматическія произведенія: 1) «Испанцы», 2) «Menschen und Leidenschaften» (то и другое относится къ 1830 г.), 3) «Странный человѣкъ» (1831 г.), 4) «Маскарадъ» (въ двухъ редакціяхъ) и 5) «Два брата» (то и другое относится къ 1834—1835 гг.). Драма «Испанцы» издана по автографамъ Лермонтовскаго музея (тетр. XVII), съ варіантами, которые впервые появляются въ печати. По автографамъ изданы и остальныя драмы, кромѣ «Маскарада» (первой редакціи), который напечатанъ по изданію «Стихотвореній» Лермонтова 1842 г., съ добавленіемъ и поправками къ тексту въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г., № 12 и 1861 г., № 16.

Въ составъ портретовъ, рисунковъ и автографовъ этого тома вошли: 1) М. Ю. Лермонтовъ (съ портрета масляными красками, работы П. Е. Заболотскаго); 2) М. Ю. Лермонтовъ въ 1841 году (по литографіи съ акварельнаго портрета, исполненнаго К. А. Горбуновымъ); 3) Е. А. Арсеньева, рожденная Столыпина (бабушка поэта). Съ портрета, принадлежащаго Лермонтовскому музею; 4) Домъ Е. А. Арсеньевой въ селѣ Тарханахъ Пензенской губерніи; 5) Лермонтовскій гротъ близъ Пятигорска. (Съ картины Г. П. Кондратенка); 6) Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. (Съ акварели А. А. Бильдерлинга); 7) Факсимиле первой страницы трагедіи «Испанцы»; 8 и 9) Факсимиле первыхъ двухъ страницъ драмы «Menschen und Leidenschaften»; 10) Снимокъ со списка драмы «Маскарадъ» (второй редакціи) съ поправками М. Ю. Лермонтова: дѣйствіе IV-е, явленіе 3-е и 4-е, и 11) Снимокъ съ той же рукописи: дѣйствіе V, явленіе 4-е.

Что касается изящества и тщательности, съ какими ведется «Академическая библіотека русскихъ писателей», предпринятая по счастливому почину И. А. Кубасова, то о нихъ уже достаточно было говорено и даже по поводу разсматриваемыхъ нами томовъ «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, къ которымъ въ скоромъ времени прибавятся: четвертый, гдѣ будутъ напечатаны прозаическія произведенія, и пятый съ перепиской и полной біографіей поэта.

В. Рудаковъ.

Былина. Вступительная статья и выборъ текста Е. А. Ляцкаго. Изданіе т-ва «Огни». Спб. 1911. Стр. XXX+196+4 нен. Ц. 2 руб.

У насъ есть нѣсколько собраній былинъ, составленныхъ болѣе съ научною цѣлью чѣмъ для чтенія. Послѣдней задачи не ставилъ себѣ никто со временъ Кирши Данилова. Оставивъ въ сторонѣ спеціально-научныя требованія и слѣдуя исключительно историческому и эстетическому методу, Е. А. Ляцкій выбралъ наиболѣе значительныя въ историческомъ и поэтическомъ отношеніи «старинки» о богатыряхъ кіевскихъ, старшихъ и новгородскихъ, умѣло расположилъ ихъ по содержанію и далъ въ наиболѣе авторитетныхъ, близкихъ къ первоисточнику записяхъ (преимущественно по Рыбникову и Кирѣевскому), строго сохраняя всѣ особенности избранныхъ текстовъ. Такимъ образомъ въ сборникѣ русскій богатырскій эпосъ цѣльно представленъ въ его лучшихъ памятникахъ.

Тексту предпослана статья издателя о былинахъ; приложены ноты, списокъ источниковъ и объяснительный словарикъ: жаль, что въ послѣднемъ составитель поскупился на объясненія, а едва ли рядовому читателю будутъ понятны такія слова, какъ «ластинья», «налушно». При словѣ «скурлатъ» пояснено: «ткань (хлопчатая)»; однако встрѣчается также (стр. 46, 47) и другое слово «скурлатъ»:

Взяли тутъ удалого молодца
Скурлаты немилостивые...
Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
Скурлатамъ немилостивымъ,—

очевидно, въ смыслѣ «палачъ» и, вѣроятно, производное отъ имени Малюты Скуратова; оно тоже требовало поясненія. Книга издана очень красиво и стильно съ рамкой вокругъ каждой страницы и виньетками, взятыми изъ древнихъ рукописей. Для учащихся это очень подходящій подарокъ.

Н. Л.

Императорская академія художествъ. Галерея графа Н. А. Кушелева-Безбородка. Альбомъ. Текстъ М. М. Далькевича. Изданіе т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Выпуски I—IV. Цѣна по подп. 100 руб.

Кушелевская галерея, возникновеніе которой относится еще къ временамъ Екатерины II, по широтѣ своей программы—единственная въ Россіи. Она состоитъ не только изъ картинъ старинныхъ мастеровъ, но, главнымъ образомъ, изъ картинъ иностранныхъ живописцевъ XIX вѣка. По количественному богатству и разнообразію она считается однимъ изъ лучшихъ собраній въ Европѣ. Большая часть картинъ въ ней принадлежитъ французскимъ художникамъ первой половины XIX вѣка; есть также англичане, бельгійцы, нѣмцы, а также старые итальянцы, голландцы и фламандцы. Издаваемый товариществомъ Голике и Вильборгъ альбомъ представляетъ Кушелевскую галерею въ наиболѣе характерныхъ произведеніяхъ, находящихся въ ней, подборъ которыхъ, несмотря на стѣсненность его рамками даннаго собранія и высокую историческую и эстетическую требовательность, однако знакомитъ съ исторіей европейской живописи XVI—XIX вѣковъ въ ея главнѣйшихъ моментахъ. Послѣдняя задача облегчается популярнымъ очеркомъ М. М. Далькевича о живописи этой эпохи. Большая часть работы уже готова—четыре выпуска изъ пяти. Въ каждомъ изъ нихъ нѣсколько страницъ текста, среди котораго по нѣскольку копій съ картинъ, исполненныхъ геліогравюрой на превосходной бумагѣ, и шестнадцать отдѣльныхъ произведеній на огромныхъ листахъ (in folio, 52—41 сант.)—три факсимиле въ краскахъ и тринадцать геліогравюръ. Исполненіе ихъ выше всякой похвалы и не уступитъ лучшимъ иностраннымъ работамъ. Трудно было повѣрить, что въ Россіи (лишь бумага выписана изъ Франціи) могутъ явиться такія художественныя воспроизведенія. Альбомъ, правда, не дешевъ, да много ли у насъ цѣнителей и любителей подобныхъ изданій? Но кто любитъ искусство, тотъ дорого оцѣнитъ эту замѣчательную работу.

Н. Л.

Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. Научно-популярный біографическій очеркъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библіотека). Съ портретомъ В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1910. Стр. 104. Цѣна 35 к. въ переплетѣ.

Вышеназванная небольшая книжка, составленная В. Е. Рудаковымъ, является удачнымъ пособіемъ для ознакомленія съ жизнью и литературной дѣятельностью нашего великаго критика В. Г. Бѣлинскаго. Правильное распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ главамъ, слѣдованіе лучшимъ печатнымъ пособіямъ и заимствованія изъ нихъ, соразмѣрность въ изложеніи фактовъ, краткое, но достаточно обоснованное объясненіе міросозерцанія критика и наконецъ живой и вполнѣ литературный языкъ дѣлаютъ эту книжку доступной и среднему читателю, и учащемуся даже въ низшей школѣ.

Въ то же время въ ней заключаются и несомнѣнныя достоинства новизны. Благодаря разысканіямъ въ цѣломъ рядѣ петербургскихъ архивовъ, В. Е. Рудакову удалось впервые открыть подлинное метрическое свидѣтельство В. Г. Бѣлинскаго и повѣдать о происхожденіи матери послѣдняго, которое до настоящаго времени оставалось неизвѣстнымъ нашимъ изслѣдователямъ (см. объ этомъ особую статью В. Е. Рудакова въ «Новомъ Времени» за 1910 г., 14 августа, и за 1911 г., 2 января).

Въ виду наступающаго торжественнаго чествованія столѣтія со времени рожденія нашего великаго критика, вновь установленная точная дата рожденія— 1 іюня 1911 г. является какъ нельзя кстати...

Все содержаніе разсматриваемаго очерка распредѣлено на 6 главъ: въ первой говорится о семьѣ «Бѣлинскихъ» и обученіи В. Г. Бѣлинскаго въ чембарскомъ училищѣ и пензенской гимназіи; во второй—о пребываніи его въ московскомъ университетѣ; въ третьей—о сотрудничествѣ въ журналахъ Н. И. Надеждина; въ четвертой— о сотрудничествѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. А. Краевскаго; въ пятой—о послѣднихъ годахъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго послѣ разрыва съ А. А. Краевскимъ, и въ шестой вкратцѣ излагаются главнѣйшія заслуги Бѣлинскаго, оказанныя его критической дѣятельностью русской литературѣ и русскому просвѣщенію. Примѣчаніе посвящено краткому описанію чествованія памяти Бѣлинскаго въ 1898 году. **Г.**

Владиміръ Короленко. Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Изд. журн. «Русское Богатство». Спб. 1910.

Съ обычною любовью и жалостью къ человѣку талантливый, благородный художникъ возвысилъ голосъ противъ смертной казни. Просто, безъ фразъ, съ глубокимъ и нѣжнымъ проникновеніемъ въ погибающія души людскія, съ документальной точностью, Короленко разсказалъ объ ужасахъ, переживаемыхъ «несчастными «смертниками», которые по полугоду ждутъ казни или помилованія, ложатся спать въ три часа ночи (такъ какъ послѣ этого времени уже, показалъ опытъ, казни не совершаются), а въ приступахъ тоски и отчаянья жалуются: «я приговоренъ вотъ уже два

мѣсяца, и все не вѣшаютъ... зачѣмъ берегутъ меня?.. что-нибудь,—скорѣй бы!». Смертная, казнь, можетъ быть, и будетъ отмѣнена, и во всякомъ случаѣ ей приходить конецъ, какъ «бытовому явленію». Но въ книжкѣ Короленко съ правдивостью и яркостью отмѣчено другое, еще болѣе ужасное «бытовое явленіе». Съ нимъ бороться безконечно труднѣе, чѣмъ со смертною казнью, и однимъ росчеркомъ пера его не уничтожишь. Это—та психологія, которая диктуетъ полныя ужаса, къ несчастью, неоспоримо правдивыя признанія. «Я страшный эгоистъ,—пишетъ одинъ «смертникъ»,—и любилъ только себя во всю свою жизнь... Мнѣ нѣтъ дѣла до людей, какого они мнѣнія о моихъ поступкахъ. Я всегда старался угнетать слабыхъ и брать у нихъ все, что мнѣ надо. Если бы понадобилась ихъ жизнь, я отобралъ бы ее»... Развѣ многія и многія тысячи людей, умирая, не должны сказать о себѣ то же самое? «Жизнь прошла блѣдной, какъ въ туманѣ,—пишетъ другой смертникъ:—почему я былъ такъ теменъ и не зналъ другой жизни?.. Жалѣешь, почему такъ поздно узналъ то, что узналъ теперь. Почему жизнь была такъ пуста? Что меня занимало? Какая-то ерунда, за которую теперь стыдно»... «Все хорошее,—пишетъ третій,—заслонялось дурнымъ, и я видѣлъ только зло во всю свою, хотя и короткую, жизнь. Видѣлъ, какъ другіе мучаются, и самъ съ ними мучился. При такихъ обстоятельствахъ и при такой жизни можно ли любить что-нибудь, хотя бы и хорошее?» Четвертый спрашиваетъ: «Стоитъ ли выходить на волю? Нашелъ ли бы я тамъ людей, съ которыми стоило бы жить? Я знаю, что гдѣ-нибудь есть хорошіе, честные люди, но я ихъ не найду, а сойдусь съ какими-нибудь негодяями. Пожалуй, и не стоитъ выходить на волю и жить такъ, какъ я жилъ раньше. Лучше уже умереть, чѣмъ сплошная мука». Эти горькія признанія людей, которые любили только себя, въ жизни видѣли только зло, которымъ мучительно-стыдно своего прошлаго, которые не вѣрятъ въ добро, все-таки смутно признавая его и ощупью къ нему стремясь,—признанія «смертниковъ» предъ лицомъ смерти, ждущей и насъ, просто «смертныхъ», не знающихъ, когда пробьетъ послѣдній часъ,—развѣ они не вскрываютъ такую бездну зла, передъ которою сама смертная казнь—ничто! Въ этихъ стонахъ погибающихъ не только тѣломъ, но и духомъ людей слышится такой тяжелый и справедливый упрекъ современному обществу, противъ котораго оно можетъ оправдаться не отмѣною смертной казни, не самыми широкими законодательными реформами, а полнымъ религіозно-нравственнымъ перерожденіемъ. **Н. Л.**

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Послѣ грозы... Три повѣсти современной растерянности. 287 стр. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Отшумѣла гроза освободительнаго движенія, много что оказалось переоцѣненнымъ у насъ на Руси, появились новые взгляды, создались новыя отношенія, интересы, какъ будто и старое, а выглядитъ по иному, въ другомъ цвѣтѣ...

Вотъ эта-то перемѣна и послужила наблюдательному автору общею темою для книги. Онъ рисуетъ только послѣдствія ея, не входя въ объясненія самыхъ

причинъ, ее вызвавшихъ, причемъ не вноситъ въ свое повѣствованіе какую-либо тенденцію, навязываемую читателю большинствомъ изъ современныхъ беллетристовъ.

Въ первой повѣсти «Въ ароматѣ лѣса» поэтично описана жизнь студента, высланнаго изъ столицы, въ глухомъ еловомъ бору, отчужденномъ отъ городской кипучей сутолоки. Поэтическія картины пробуждающейся весны, съ тонкамъ ароматомъ молодой зелени, смѣняются давящимъ тяжелымъ кошмаромъ студеной зимы, непроглядной темени осени. Самый романъ студента съ дочерью своего патрона, милліонера-лѣсопромышленника, развивается и заканчивается быстро на почвѣ самосознанія семейнаго долга. Большая повѣсть «Около бойни» рисуетъ оскудѣніе когда-то богатой помѣщичьей семьи, атавизмъ безвольнаго потомка сильныхъ духомъ предковъ и переходъ стариннаго имѣнія во владѣніе къ жизненному практику, англійскому рѣзаку свиней, умѣющему оцѣнить всю выгоду этой покупки и громадную будущность землевладѣнія въ Россіи. «Натуральный человѣкъ»—оригинально разсказанный случай о молодомъ человѣкѣ, рѣшившемся «совлещи съ себя древняго», то есть отказаться отъ многихъ условій нашей жизни, такъ крѣпко внѣдрившихся въ наши понятія, что отрѣшиться отъ нихъ боятся и считаютъ невозможнымъ. Къ сожалѣнію, и эта попытка опроститься: ходить лѣтомъ голымъ, пить только воду, спать на особой кровати изъ ремней и т. п. оканчивается для юноши неудачей.

Но это вѣдь одна изъ первыхъ ласточекъ похода противъ условностей современной жизни, онѣ сами весны еще не дѣлаютъ, но за ними явятся и другія, болѣе твердыя, согнуть которыхъ обстоятельствамъ не такъ-то легко. Книга написана живымъ литературнымъ языкомъ, характеры ярко очерчены, красивы описанія природы. Въ повѣстяхъ отсутствуетъ манерность, присущая современнымъ молодымъ авторамъ. Читатель съ удовольствіемъ прочтетъ этотъ новый трудъ небезызвѣстнаго автора. **Г.**

Баденъ-Пауль. Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1911. Стр. 400. Съ рисунками. Цѣна 1 р. 25 к.

Съ тѣхъ поръ, какъ арміи стали приближаться къ вооруженному народу, подготовка населенія къ военной службѣ сдѣлалась предметомъ особой заботливости правительствъ, которыя всѣми мѣрами поощряютъ стрѣлковыя и гимнастическія общества, общества соколовъ и всякаго рода полезный для военнаго дѣла спортъ. Мѣры эти въ значительной степени облегчаютъ задачу военной школы, обязанной въ двух-трехлѣтній срокъ подготовить солдата въ нравственномъ и техническомъ отношеніи изъ совершенно сырого матеріала: большая разница получить новобранца въ видѣ неотесаннаго парня, не умѣющаго ни стоять, ни ходить, или въ видѣ ловкаго молодого человѣка, не только знакомаго съ первыми пріемами солдатской науки, но и имѣющаго нѣкоторое понятіе о дисциплинѣ. За границей подобная подготовка для взрослыхъ ществуетъ давно и приноситъ прекрасные результаты; но въ послѣднее время тамъ стали обращать вниманіе и на подготовку дѣтей. Дѣло это начинаетъ

налаживаться и у насъ, въ видѣ формированія потѣшныхъ ротъ и полковъ, школьныхъ батальоновъ и командъ развѣдчиковъ и, какъ дѣло живое, тогда только будетъ имѣть успѣхъ, когда получитъ сочувствіе общества и когда найдутся люди, готовые заняться имъ не только формально, но съ душою и съ полной охотою. Недавно въ печати появилось извѣстіе, что подъ предсѣдательствомъ военнаго министра состоялось совѣщаніе по установленію программы обученія въ городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ строю, гимнастикѣ, военнымъ играмъ и дисциплинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено внести вопросъ этотъ на обсужденіе совѣта министровъ, а на составленіе нормальнаго для этого дѣла руководства объявить конкурсъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать изданіе такой образцовой книжки, какъ «Юный развѣдчикъ» Баденъ-Пауля, въ короткое время выдержавшей уже два изданія. Авторъ книги, отличившійся во время бурской войны въ чинѣ полковника, какъ превосходный развѣдчикъ, побывавшій въ различныхъ англійскихъ колоніяхъ при самой разнообразной обстановкѣ, даетъ свои совѣты по образованію и обученію командъ развѣдчиковъ, полные практическаго смысла, проникнутые знаніемъ дѣтской психологіи и горячимъ сочувствіемъ къ молодежи.

Въ книгѣ Баденъ-Пауля, въ нѣсколькихъ главахъ, называемыхъ «бесѣдами у костра», подробно и обстоятельно, въ весьма интересномъ изложеніи, указывается цѣль и значеніе командъ развѣдчиковъ, способъ ихъ формированія и обученія и дается масса практическихъ совѣтовъ для инструкторовъ и обучающихся. Въ первой же «бесѣдѣ у костра» авторъ разсказываетъ о той пользѣ, которую принесъ отрядъ мальчиковъ-развѣдчиковъ, сформированный въ Мефкингѣ во время англо-бурской войны. Мефкингъ, какъ извѣстно, маленькій городокъ, затерянный въ глубинѣ южно-африканскихъ степей и никогда не ожидавшій нападенія непріятеля; однако такое нападеніе состоялось, причемъ авторъ замѣчаетъ, что на войнѣ надо быть готовымъ не только къ тому, что вѣроятно, но и къ къ тому, что только возможно. Въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій въ Мефкингѣ было всего на всего 700 англійскихъ солдатъ да 300 обывателей, кое-какъ вооруженныхъ, при 700 не принимавшихъ участія туземцахъ и при окружности фортовъ въ 9 верстъ. При такихъ условіяхъ, когда каждый человѣкъ былъ на счету, сформированный отрядъ изъ мальчиковъ-развѣдчиковъ принесъ неисчислимыя услуги, исполняя сторожевую службу, поддерживая связь между фортами и почтовое между ними сообщеніе при помощи велосипедовъ. Исполняли они эту службу, какъ и всякое порученіе, съ полною охотою, а нерѣдко и съ самоотверженіемъ, подъ огнемъ непріятеля, и заслужили особыя за войну почетныя медали и полное одобреніе со стороны начальствующихъ лицъ. Въ книгѣ Баденъ-Пауля, кромѣ упражненій, имѣющихъ значеніе исключительно для дѣла боевой подготовки, указываются пріемы для ознакомленія съ природой (съ флорой и фауной), а въ особенности обращено вниманіе на привитіе юношамъ моральныхъ качествъ: чувства долга, дисциплины, благородства мыслей и поступковъ, самоотверженія на пользу ближняго и т. п. Вотъ нѣсколько параграфовъ изъ катехизиса развѣдчика: «на честь развѣдчика можно положиться»; «развѣдчикъ преданъ своему государю, родинѣ и

своимъ начальникамъ»; «обязанности развѣдчика заключаются въ томъ, чтобы исполнять свой долгъ и помогать ближнимъ»; «развѣдчикъ другъ всякаго и братъ всѣмъ развѣдчикамъ». Въ особенности характеренъ для англичанъ послѣдній параграфъ: «Развѣдчикъ улыбается и насвистываетъ или напѣваетъ что-нибудь во всѣхъ обстоятельствахъ, особенно въ трудныхъ. Когда вы опоздаете на поѣздъ, или если кто-нибудь наступитъ вамъ на мозоль,—хотя у развѣдчика вообще не должно быть мозолей,—когда вамъ досадно на что-нибудь, то вы заставьте себя сейчасъ же улыбнуться, а потомъ посвистать, и вамъ сразу станетъ легче».

Вообще, можно сказать съ увѣренностью, что если идеи Баденъ-Пауля будутъ приняты и распространены между дѣтьми и молодежью, то это не только послужитъ чисто военнымъ цѣлямъ, въ смыслѣ подготовки населенія въ войнѣ, но и принесетъ большую пользу въ дѣлѣ оздоровленія молодежи, особенно деревенской, отученія ея отъ хулиганства и отъ безсмысленныхъ игръ и проведенія въ мозгъ и сердце дѣтей нравственныхъ принциповъ, составляющихъ основаніе культуры. Западная Европа покрыта сѣтью такихъ учрежденій; надо попробовать провести это и у насъ; необходимо только, чтобы люди, ставшіе у этого дѣла, относились къ нему съ душой, и чтобы общество ему сочувствовало.

Съ практической точки зрѣнія «Юный развѣдчикъ» представляетъ прекрасный учебникъ и руководство, которые, будучи примѣнены къ нашимъ народнымъ свойствамъ и обстановкѣ, могутъ сыграть немаловажную роль въ дѣлѣ воспитанія молодежи. Книжка издана весьма хорошо, со многими рисунками въ текстѣ и вполнѣ доступна по цѣнѣ. **Л. Н.**

Прѣгледъ. Род. I, кн. I—VIII. Род. II, кн. I—II. Софія. Стр. 425+96. Цѣна 3 лева [франка].

Число болгарскихъ повременныхъ изданій, посвященныхъ научной разработкѣ національнаго прошлаго, недавно обогатилось «Прѣгледомъ» («Обозрѣніемъ»). Какъ гласитъ подзаголовокъ, это «литературно- и церковно-общественный органъ», и издается онъ синодомъ болгарской церкви, вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ «Церковнымъ Вѣстникомъ», гдѣ также помѣщаются историческія статьи. Составляется новый журналъ интересно, старается слѣдить за выдающимися явленіями церковной жизни какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, конечно, придавая имъ специфическую окраску. Къ сотрудничеству приглашены солидныя научныя и литературныя силы.

Остановимся на работахъ историческихъ и историко-литературныхъ Среди нихъ находимъ прежде всего статью профессора софійскаго университета В. Н. Злотарскаго «Вопросъ о болгарскомъ патріархѣ предъ папой въ 866 году». Для исторіи возрожденія болгаръ въ половинѣ минувшаго вѣка цѣнна статья А. П. Стоилова «Изъ дѣятельности о. Неофита Бозвели и смерть его». Далѣе слѣдуютъ очерки митр. Климента «Лѣсковскій монастырь св. Петра и Павла», Г. Баласчева «Рыльскій монастырь и турецкіе документы», Г. Цѣнова «Дни недѣли, какъ знакъ стараго христіанства у славянъ», Д. Ихчіева. «Турецкій

документъ, касающійся хридской патріархіи», К. Карагюлева «Христіанская литература первыхъ четырехъ вѣковъ», Д. Ихчіева «Турецкіе документы, относящіеся къ софійской епархіи», С. Станимирова «Юбилейная страница изъ исторіи правительственнаго духовнаго училища въ Самоновѣ», К. Стоянова «Греки и болгары предъ классицизмомъ и романтизмомъ», Н. Блыскова «Сельскіе учителя и учительницы до нашего освобожденія» и др.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ также найдемъ рядъ интересныхъ произведеній. По достоинству первое мѣсто въ журналѣ занимаетъ «Боянъ Мачесника» Кирилла Христа — большая драма въ красивыхъ стихахъ изъ эпохи болгарскаго царя Петра (X вѣкъ). Прекрасны, какъ и все написанное талантливымъ Ст. Михайловскимъ, его стихи, въ серіи «Въ живота шомне, свечери, въ дутата се развидѣлява». Отмѣтимъ также повѣсть В. Узунова «Жрецы Эскулапа», стихотвореніе «Святому царю Борису» С. Чилингирова, стихи А. Кипрова и др. Кромѣ того, въ «Прѣгледѣ» напечатано нѣсколько переводовъ изъ западно-европейской беллетристики; обращаютъ на себя вниманіе переводы К. Христова изъ современныхъ религіозныхъ мистиковъ.

На первыхъ порахъ случайный характеръ носятъ мѣсячныя обозрѣнія болгарскихъ журналовъ, причемъ особое вниманіе обращено на историческія статьи и изслѣдованія. Интересенъ и библіографическій отдѣлъ, въ которомъ преобладаютъ рецензіи на книги иностранныя. Нужно надѣяться, что въ будущемъ этотъ отдѣлъ будетъ значительно расширенъ и что редакція не будетъ удѣлять такъ много мѣста разбору соціалистическихъ ученій, хотя съ точки зрѣнія болгарской церкви соціализмъ въ послѣднее время представляетъ видимую опасность. **С. Л. А-въ.**

Карлъ Петръ Кейль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Очеркъ къ (изъ?) исторіи бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910. Стр. XXIV+180. Ц. 2 р.

Исторія всякой науки интересна, такъ какъ это есть исторія завоеваній человѣческой мысли, съ большимъ трудомъ и постепенно прокладывающей себѣ дорогу къ отдаленной истинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта исторія и поучительна, такъ какъ, заставляя человѣка пережить послѣдовательныя стадіи прогресса, она можетъ подвигнуть его и на дальнѣйшія открытія. Вотъ тѣ соображенія, которыя, если бы это понадобилось, могутъ вполнѣ оправдать появленіе настоящей, на первый взглядъ сухой и скучной, книги. Но не даромъ изобрѣтателемъ бухгалтеріи былъ итальянецъ: присущее этой націи стремленіе къ красотѣ и гармоніи онъ ввелъ и въ сухіе столбцы безжизненныхъ цифръ, не только облегчивъ этимъ возможность разбираться въ нихъ, но и приведя ихъ въ стройную и законченную систему. Полной исторіи бухгалтеріи еще нѣтъ, и настоящій очеркъ является только краеугольнымъ камнемъ для ея созиданія. Авторъ книги, Кейль (Kheil), чехъ по происхожденію, убѣдительно доказываетъ, что первымъ писателемъ и учителемъ по двойной бухгалтеріи былъ итальянецъ Лука Пачіоло, и его трактатомъ пользовались многіе изъ его соотечествен-

никовъ. Сочиненіе Пачіоло было обработано на фламандскомъ и французскомъ языкахъ антверпенскимъ купцомъ Яномъ Импиномъ; содержаніе крайне рѣдкой книги Импина и зависимость его отъ Пачіоло излагаются авторомъ весьма подробно. Далѣе Кейль переходитъ къ исторіи торговыхъ сношеній между нѣмецкими городами и Итал.ей въ средніе вѣка и къ первоначальнымъ опытамъ нѣмецкой бухгалтеріи, особенно къ труду Вольфганга Швейкера, который подражалъ, а мѣстами и переводилъ Доменико Манцони, одного изъ вѣрныхъ послѣдователей Пачіоло. Въ заключеніе дается небольшой, но интересный экскурсъ объ историческомъ взаимоотношеніи римскихъ и арабскихъ цифръ. Переводчикъ труда Кейля, С. Ф. Ивановъ, отнесся къ своей работѣ съ полнымъ вниманіемъ и даже любовью. Будучи самъ спеціалистомъ по бухгалтеріи, г. Ивановъ не только принялъ всѣ мѣры къ точному изложенію нѣмецкаго текста, но и дополнилъ его живо написанной біографіей Кейля (съ его портретомъ) и нѣкоторыми примѣчаніями. Эти добавленія обнаруживаютъ въ г. Ивановѣ значительную начитанность и освѣдомленность не только въ своей спеціальности, но и въ исторіи математики. Поэтому весьма желательно, чтобы онъ не ограничился только переводными трудами, но далъ и нѣчто самостоятельное по бухгалтеріи. Жаль только, что нѣкоторыя итальянскія цитаты, которыя остались непереведенными у Кейля, не переданы по-русски и г. Ивановымъ. Наконецъ, подобно оригиналу, переводъ украшенъ семью факсимиле трудовъ Пачіоло, Манцони, Импина и Швейкера, превосходно исполненными извѣстной фирмой К. В. Гирземана въ Лейпцигѣ. Корректура перевода весьма тщательная.

А. М—нъ.

Проф. П. Н. Кудрявцевъ. Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. Три выпуска «Всеобщей Библіотеки». Спб. 1910. Стр. 66+50+83.

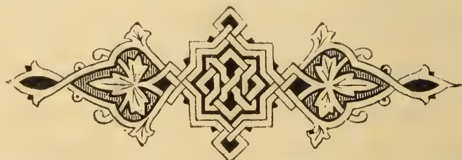
Эти очерки, написанные очень популярнымъ въ свое время профессоромъ московскаго университета, знаменитымъ другомъ Грановскаго, извлечены изъ старыхъ журналовъ. Тацита читать не легко. «Учитесь читать,—говорилъ Карлейль,—это труднѣе, чѣмъ вы думаете». И только тотъ, кто дѣйствительно умѣетъ читать, кто стоитъ на извѣстной интеллектуальной высотѣ, можетъ вполнѣ насладиться несравненнымъ мастерствомъ Тацита. Это историкъ для немногихъ, и Кудрявцевъ былъ правъ, когда пытался сдѣлать труды Тацита всеобщимъ достояніемъ. Эта популяризація выполнена 50 лѣтъ тому назадъ. У каждаго времени есть свой стиль. Но какъ бы ни привыкли мы къ современной манерѣ письма, можно съ удовольствіемъ остановиться на ровномъ и красивомъ стилѣ одного изъ людей сороковыхъ годовъ. Въ центрѣ работы Кудрявцева стоятъ женщины: онъ пересказываетъ исторію Агриппины старшей и младшей, Мессалины и Поппеи Сабины, широко освѣщая при этомъ періодъ римской исторіи отъ Тиберія до Нерона. И какой получается несравненный по захватывающему интересу романъ! Будь форматъ книжекъ больше, обложка эффектнѣе, глазастѣе, въ текстѣ рисунки—вотъ и была бы для Холмсовъ опаснѣйшая конкур-

ренція. Разъ желательно бороться съ сыщиками, то надо клинъ выбивать клиномъ. Потребность въ красивой выдумкѣ, занимательной фабулѣ, жажда захватывающаго интереса такъ присуща человѣческой душѣ, что вытравить ее съ корнемъ невозможно. «Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей», почитывая вмѣстѣ съ тѣмъ Холмса и другую сенсаціонную беллетристику. Вотъ, говорятъ, даже Менделѣевъ увлекался бульварными романами Дюма-отца. Уничтожить интересъ къ Холмсу и К° можно только замѣной сыскного сенсаціоннаго чтенія какимъ-нибудь другимъ, болѣе полезнымъ, но не менѣе сенсаціоннымъ. Всѣмъ этимъ юнцамъ и пролетаріямъ, съ трехкопеечнымъ Шерлокомъ въ рукахъ, такъ и хочется сказать: «Вы находите, что все это интересно, занятно; эти книжки всецѣло захватываютъ васъ. Отлично. Но знаете ли вы, что есть и другія, не менѣе увлекательныя книжки, даже съ большимъ преимуществомъ передъ Холмсомъ: все написанное въ нихъ не выдумка, а правда». И съ этими словами слѣдовало бы предложить юному и неразвитому читателю дешевое и занимательное историческое чтеніе. Вѣдь какъ ни хитрятъ беллетристы извѣстной категоріи въ погонѣ за сенсаціонной фабулой, всѣ ихъ выдумки въ концѣ концовъ оказываются дѣтскимъ лепетомъ, скучной и наивной болтовней сравнительно съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ продѣлывается въ жизни и заносится потомъ въ исторію. Достаточно простого, живого и талантливаго изложенія той или другой группы историческихъ фактовъ, чтобы они перещеголяли интересъ любого сенсаціоннаго романа. Пройдя школьный курсъ исторіи, мы, можетъ быть, начинаемъ понимать ея философію, логику, но перестаемъ чувствовать весь очаровательный ароматъ ея увлекательности, какъ не чувствуемъ прелести стиховъ Пушкина, когда отзубриваемъ ихъ въ школѣ. Вотъ въ книжкахъ Кудрявцева разсказывается, какъ устраивала свою карьеру Агриппина младшая, мать Нерона, жена и племянница Клавдія. Куда романисту до такой выдумки! Эта историческая правда побиваетъ рекордъ самой смѣлой бульварной беллетристики. А фигура самого Клавдія—безвольнаго маніака съ наклонностями археолога; создай кто-нибудь такой яркій типъ, и лавры будутъ обезпечены. Что исторія можетъ конкурировать съ беллетристической сенсаціонностью, подтверждается заграничнымъ примѣромъ. Популярный французскій издатель на ряду съ ходкой беллетристикой издаетъ «Историческую и анекдотическую библіотеку». Большой форматъ, роскошная бумага, множество иллюстрацій и цѣна около 50 коп. Сюда входятъ занятные для большой публики мемуары (лакея Людовика XVI о пребываніи въ Тамплѣ, Фушэ и др.) съ введеніемъ и примѣчаніями. Правда, для нашихъ привычныхъ читателей Холмсовъ цѣна дорога, но въ данномъ случаѣ важенъ только общій типъ широкой исторической популяризаціи подъ флагомъ сенсаціонности. Приближаясь къ занозистой французской внѣшности, съ талантливымъ, въ родѣ Кудрявцева, внутреннимъ содержаніемъ, исторія могла бы далеко оттѣснить Холмсовъ.

И когда читаешь пересказъ Кудрявцева, то вспоминаешь еще нашихъ школьниковъ. Былъ у нихъ Иловайскій, нынѣ почти изгнанный изъ школъ. Но развѣ замѣнили его чѣмъ-нибудь лучшимъ? Вотъ популярное школьное руководство по древней исторіи Знойко. Открываемъ отдѣлъ, популяризованный Кудряв-

цевымъ. Объ императорѣ Клавдіи 20 строкъ съ одной фактической ошибкой (Мессалина была его третья, а не первая жена). Написаны эти немногія строки такъ бездарно и сухо, что ученикъ только путемъ зубрежки усвоитъ ихъ. Никакого интереса изложеніе Знойко возбудить не можетъ. Стоитъ сравнить эту педагогическую сушь съ яркой картиной Кудрявцева. И дѣло не въ томъ, что Кудрявцевъ пространенъ, а Знойко кратокъ. Талантъ стараго московскаго профессора и заключается именно въ томъ, что немногими словами, одной характерной чертой онъ возсоздаетъ цѣлую яркую картину. И еще подробность: какъ ни развратна была та эпоха—достаточно сказать, что тогда жила знаменитая Мессалина,—но старый идеалистъ Кудрявцевъ говоритъ о тогдашнихъ мерзостяхъ съ такимъ тактомъ, съ такимъ литературнымъ цѣломудріемъ, что никакихъ грязныхъ мыслей его разсказъ вызвать не можетъ. И если ужъ министерство народнаго просвѣщенія не можетъ найти талантливыхъ учебниковъ исторіи, то пусть хоть своимъ авторитетомъ вызоветъ и поддержитъ среди учащихся распространеніе книжекъ, подобныхъ работѣ Кудрявцева.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. — Нѣмецкій ученый Шнейдеръ напечаталъ два сочиненія, хотя касающіяся различныхъ сюжетовъ, но имѣющія общій характеръ. Въ первомъ своемъ трудѣ онъ попытался начертать развитіе религіи Яху и легенды о Моисеѣ въ Израилѣ и Іудеѣ. Имена Іакова и Іосифа, по его словамъ, являются именами фетишей двухъ хананейскихъ племенъ іаковель и іосифель, появившихся въ Палестинѣ съ первой половины XV вѣка до Р. Х. Первое племя поселилось близъ Веѳиля — второе близъ Сихема и оба подчинились египетскимъ фараонамъ XVIII династіи. Въ концѣ XIII вѣка фараонъ Меренпахъ XIX династіи уничтожилъ въ Палестинѣ племя изирэль или израэль, быть можетъ, часть хабировъ, поселившихся въ окрестностяхъ Силоамъ. Израэль, такимъ образомъ, также былъ притѣсняемъ египтянами, хотя никогда не былъ въ Египтѣ. Его божество носило имя Израэль; далѣе будетъ объяснено, почему могли думать, что его называли Егова, Іегова; онъ былъ не что иное, какъ самъ ковчегъ завѣта.

Въ то время, какъ племя израэль пришло въ Палестину съ сѣвера, племя іуда вошло туда съ юга и позже. Божество іуды или іехуды называлось Яху, или Яхвэ: имена племенъ и бога находятся въ сѣверной Сиріи подъ формой Яуди, или Яо. Богъ Іуды вначалѣ имѣлъ форму змѣя. Центромъ его культа былъ прежде Ваалъ, — Іуда, а затѣмъ Іерусалимъ: «левиты не кто иные, какъ «сыновья змѣя».

Подъ вліяніемъ вавилонянъ этотъ богъ принялъ человѣческую форму. Реформы Манасіи, повидимому, ввели въ іерусалимскій храмъ послѣдніе результаты умозрѣній вавилонскихъ жрецовъ. Эта реформа никоимъ образомъ не была возвращеніемъ къ первобытнымъ идеямъ. Съ Іонадавомъ бенъ-Реха-

бомъ, сторонники котораго пробовали дѣйствовать противъ вавилонскаго вліянія и развитія индивидуальной собственности, въ религіи Яху появился соціальный элементъ. Пророки Амосъ и Исаія расширили идеалъ и защищали интересы не одного класса, а всего человѣчества. Порабощеніе Вавилона благопріятствовало культу безъ изображеній, распространившемуся за границы племени, и только послѣ изгнанія могла быть окончена Тора. Здѣсь историческія данныя сбивчивы, нѣтъ болѣе другого народа съ начала происхожденія, какъ израильскій, который раздѣляется на двѣнадцать племенъ; Іуда только подраздѣленіе (сѣверная традиція); но богъ Израэль становится Яху; правда, его символъ уже не змѣя, а ковчегъ завѣта и т. д.

По убѣжденію г. Шнейдера [1]) Моисей фигура совершенно легендарная; всѣ его дѣянія, жизнь, даже имя ничего не имѣетъ историческаго, его законъ не содержалъ ничего такого, чего не было бы ранѣе эпохи фараоновъ. Существенныя черты его жизни общія всѣмъ восточнымъ Мессіямъ, и фактъ, что самая древняя традиція не указываетъ на свое происхожденіе, есть доказательство, что Моисей никогда не существовалъ. Его имя напоминаетъ имена египетскихъ фараоновъ Амоса и Тутмоса. Имя Амоса можетъ остаться связаннымъ съ изгнаніемъ изъ Египта, и Аронъ можетъ взять имя Амоса, какъ Ашурбанипалъ подъ именемъ Сарданапала по легендѣ подвергся наказанію, которое въ дѣйствительности онъ наложилъ на своего брата Шамашнумъ-укина.

Въ области археологіи нѣмцы работаютъ, быть можетъ, не съ такою лихорадочной поспѣшностью. какъ французы, американцы и англичане, но зато съ чисто нѣмецкой аккуратностью они заканчиваютъ детальныя работы. Такъ, Палестина уже посѣщалась археологами почти вдоль и поперекъ, изъ развалинъ ея, быть можетъ, остались неизвѣстными лишь нѣсколько — всетаки и она подверглась ихъ изслѣдованію, результатомъ котораго явился въ Страсбургѣ монументальный трехтомный трудъ Брюннова и Домашевскаго [2]).

Первоначальный ихъ планъ былъ дать полное описаніе, географическое и археологическое, области на востокъ отъ Іордана. Однако предпринятая ими поѣздка въ 1897—98 гг. оказалась не столь удачной и исполненіе этой программы ограничилось римской провинціей въ Аравіи и то далеко не всей. Зато имъ удалось подробнѣе описать нѣкоторые пункты внѣ границы арабской провинціи. Хотя первыя работы исполнили другіе изслѣдователи, но Брюннову и Домашевскому осталось привести все въ систематическій порядокъ, произвести сравнительное изученіе развалинъ—единственное средство, которое можетъ пролить свѣтъ на ихъ происхожденіе, исторію послѣдовательнаго перемѣщенія римской границы къ востоку и т. д. Дополнивъ свое сочиненіе изслѣдованіями, сдѣланными ранѣе ихъ, они написали основательный трудъ. Они подробно описали Петру на 304 страницахъ и затѣмъ историческое развитіе формъ могилъ.

---

[1]) Zvei Aufsätze zur Religionsgeschichte Vorderasiens. Die Eintwicklung der Jahureligion und der Mosesagen in Israel und Juda. H. Schneider. Leipzig.

[2]) Die Privincia Arabia auf Grund zveier in den Jahren 1899 ued 1898 unter nommenen Reisen und der Berichte fruherer Reisender reschrieben. Strasbourg.

Самой древней формой могилъ, по ихъ описанію, является простой пилонъ съ одной дверью, надъ которой возвышается листель, а на верхушкѣ два ряда зубчатыхъ украшеній. Этой же формы и кирпичные дома жителей и только лишь разнообразятся украшенія. Колонны относятся къ датѣ римскаго господства. Слѣды египетскаго вліянія видны въ символическихъ украшеніяхъ изъ сфинксовъ и головъ барановъ. Между прочимъ въ такомъ родѣ храмъ, посвященный Изису и выстроенный Гадріеномъ, посѣтившимъ Петру. Кромѣ того, сохранились два обелиска енъ-Негръ, изображающіе главныя божества набатеянъ: Дюзареса и Аллата, которые указываютъ на центръ культа и самое древнее поселеніе набатеянъ до эллинической эпохи, болѣе чѣмъ 600 до Р. Х. Греческую культуру ввели въ Петрѣ при господствѣ Птоломеевъ, что объясняетъ смѣсь египетскихъ и сирійскихъ элементовъ. Только въ концѣ II вѣка въ эпоху паденія Птоломеевъ и Селансидовъ набатейское государство сдѣлалось независимо. Эллинизмъ продолжалъ тамъ прогрессировать, и въ эпоху Арета IV (85—60 до Р. Х.) Петра была совершенно греческой, и въ эту эпоху появился театръ. Превращеніе государства набатеянъ въ римскую провинцію ничего не отняло изъ ея благоденствія, и въ началѣ III вѣка Петра добилась права города. Построеніе могилы и монетное дѣло рѣзко прерывается при Александрѣ Северѣ, быть можетъ, по предположенію автора, вслѣдствіе вторженія вассанидовъ. Покончивъ съ историческимъ развитіемъ Петры и ея памятниковъ, богато иллюстрированныхъ, авторы переходятъ къ описанію въ топографическомъ порядкѣ 851 монументовъ и описанію Гебель-Гаруна и Вади-Сабра.

Второй томъ посвященъ описанію восточныхъ границъ провинціи Аравіи отъ Ма-ана до Босра и развалинъ. Третій томъ содержитъ подробное описаніе Босры съ замѣчательнымъ театромъ и описаніе другихъ достопримѣчательностей и самыя подробныя свѣдѣнія о границахъ, губернаторахъ провинціи Аравіи, ихъ титулахъ, начальникахъ арабскихъ племенъ, союзникахъ или подданныхъ Римской имперіи и т. д.

Нѣмецкое восточное археологическое общество работаетъ съ 1903 въ Калаатъ-Сепатѣ, древнемъ предмѣстьѣ города Ашура и въ своемъ журналѣ «Mitteilungen» оно даетъ подробные отчеты. Систематическое печатаніе результовъ работъ началось трудами Андрэ о храмѣ Ану и Ададъ, находящемся въ сѣверной части города, между дворцами Ашуръ-Назаръ-Апалъ и Тукульти-Пинибъ на востокъ. Одинъ изъ храмовъ Ашуръ-Рисъ-Изи состоитъ изъ двухъ симметричныхъ святилищъ, раздѣленныхъ коридоромъ. Каждое изъ святилищъ состоитъ изъ башни, пяти комнатъ, считая двѣ прихожія одна возлѣ другой, главной комнаты и направо отъ нея двухъ боковыхъ, продолговатой формы. Въ глубинѣ главной комнаты ниша составляетъ жертвенникъ. Предъ святилищами дворъ, и на лѣвой его сторонѣ находятся четыре продолговатыя комнаты. На противоположной сторонѣ святилища по себѣ стороны входа во дворѣ еще три комнаты прямоугольныя. Входъ скрытъ въ толщинѣ внѣшней стѣны и такъ устроенъ, что съ внѣшней стороны нельзя видѣть во дворъ. Это почти все, что удалось извлечь изъ развалинъ. Кромѣ того, еще одна постройка, но очень гадательно, напоминающая ресторанъ, и археологъ поэтому

не входитъ въ подробности. Второй храмъ одинаковаго расположенія съ первымъ. Лучше всего въ немъ сохранились четыре комнаты, монументальный входъ, внутри котораго оказалось множество обломковъ статуй и цоколовъ и обломокъ мѣднаго листа. Золотая стрѣла, найденная тамъ и принадлежавшая статуѣ Адада, доказываетъ, какъ богато украшены были статуи боговъ. Характеристическая черта построекъ — продолговатая форма святилищъ въ отличіе отъ другихъ построекъ съ обыденнымъ назначеніемъ.

— Россини о новомъ пѣніи.—Жалобы на вымираніе прежняго bel canto, раздающіяся въ настоящее время въ музыкальныхъ кружкахъ, не являются новостью. Еще въ 1860 Россини прочиталъ ему отходную, о чемъ передаетъ его хорошій другъ музыкальный критикъ Мишоттъ. Однажды въ Пасси у Россини собрались на обѣдъ князь Понятовскій, издатель Гегель, критики Азеведо, Скудо, Мишоттъ и знаменитая пѣвица Альбони. Послѣднюю маэстро зналъ еще ребенкомъ въ болонской гимназіи, звалъ просто «моя Маріетта» и очень занимался ея музыкальнымъ развитіемъ. Послѣ обѣденнаго кофе г-жа Альбони спросила гостей, слышали ли они новое произведеніе маэстро, «Любовь въ Пекинѣ». Приглашенные принялись упрашивать Россини познакомить ихъ съ его новорожденнымъ дѣтищемъ. Маэстро не долго колебался и отвѣтилъ: «Это пустяковина! Пусть будетъ по-вашему. Пойдемъ,—обратился онъ къ г-жѣ Альбони.—Вы мнѣ подпоете; тѣмъ хуже, если я завязну. До каватины самъ дьяволъ не дошелъ бы благополучно, а съ этихъ поръ я надѣюсь имѣть возможность спасти остальное».

Пока присутствовавшіе восторгались новымъ произведеніемъ Россини, великій артистъ на этотъ разъ настолько воодушевился, что вышелъ изъ обычнаго равнодушнаго настроенія, естественнаго или притворнаго, какое обыкновенно выказывалъ, когда хвалили его творенія. Онъ съ любовью обнялъ «свою Марьетту» и, вздохнувъ, произнесъ: Ahi noi! perduto [il bel canto della patria!» (Пропало bel canto родины.)

«Вы искренно думаете, маэстро,—спросили гости:—что bel canto безвозвратно пропало».—«Безусловно,—отвѣтилъ живо Россини.—Прежде всего разберемся въ этомъ словѣ Обыкновенно здѣсь смѣшиваютъ bel canto съ фіоритурами. Bel canto состоитъ изъ трехъ элементовъ: инструмента голоса,—страдиваріуса, если вамъ угодно, техники, т. е. средства имъ владѣть, и стиля, для котораго вкусъ и чувство служатъ приправой».

Затѣмъ Россини указалъ, что природа не каждому даетъ хорошій голосъ, все равно, какъ сосна не родитъ страдиваріуса. Какъ для послѣдней требуется инструментальный мастеръ, чтобы ее построить, такъ и будущему пѣвцу слѣдуетъ обработать инструментъ, которымъ онъ разсчитываетъ пользоваться.

«Когда-то мои земляки,—замѣтилъ Россини,—эту необходимость облегчали и недостатокъ этой любезности природы дополняли тѣмъ, что производили castrati (кастратовъ). Правда, средство было героическое, но результаты оказывались чудесными. Мнѣ еще привелось въ юности слышать нѣкоторыхъ изъ этихъ молодцовъ. Никогда я этого не забуду. Я даже написалъ роль для одного изъ послѣднихъ, но не по искусству, Веллути. Это было въ моей оперѣ «Aureliana in Palmira», поставленной въ 1813 году.

Россини затѣмъ признался, что и онъ самъ едва не подвергся участи сдѣлаться однимъ изъ castrati. Въ юности у него былъ очень красивый голосъ, и родители, люди бѣдные, извлекали изъ него пользу, посылая его пѣть въ церквахъ, и это приносило имъ нѣсколько паоли заработка. Братъ его матери, цырульникъ, уговорилъ отца использовать этотъ даръ сына, который обезпечилъ бы будущность всей семьи, и превратить его въ кастрата. Онъ ссылался, что большинство изъ нихъ, а особенно которые отдаются театральной карьерѣ, дѣйствительно жили богато. Но его мать на это не согласилась.—«А вы, маэстро, первый заинтересованный въ этомъ, какъ смотрѣли на вопросъ?» спросилъ критикъ Скудо.—«О я,—отвѣтилъ Россини:—все, что я вамъ могу сказать, такъ это, что я очень гордился своимъ голосомъ!... а что оставлю ли я потомство... Ахъ! да въ то время образованіе голоса, инструмента было неблагодарной работой».

Россини принялся объяснять, въ чемъ состояла эта работа. По его словамъ, самое меньшее первые три года уходили лишь на образованіе звука, однородности тембра, управленіе регистрами. Иному ученику профессоръ предписывалъ продѣлывать мѣсяцами специальную гимнастику, не издавая ни звука. И когда, наконецъ, органъ достигалъ желаемой гибкости и ровности, т. е., по выраженію Россини, когда будущій пѣвецъ совершенно овладѣвалъ своимъ страдиваріусомъ, только тогда онъ принимался изучать манеру владѣть имъ—технику, положеніе звука, выдерживаніе его и всевозможныя упражненія: вокализы, группеты и трели.

— Три года,—перебила его Альбони,—мой профессоръ держалъ меня на одной и той же страницѣ, которую я и теперь еще знаю и въ которой одной заключаются типы всѣхъ упражненій—выдержки, легкости и проч.

— И которая тебя выучила,—прибавилъ Россини,—обрабатывать звукъ нѣсколько иначе, какъ практикуется теперь.

Затѣмъ Россини продолжалъ объяснять, что послѣ этого начиналась работа надъ гласными, усложнявшаяся до безконечности, и это длилось до тѣхъ поръ, пока звукъ, насколько возможно, не измѣнялся, какъ относительно тембра, такъ и интенсивности, несмотря на движеніе языка, губъ и т. д.

Но это было не все. За этимъ слѣдовало изученіе двугласныхъ, согласныхъ, произношенія, дыханія и т. д. Особенно обращалось вниманіе, чтобы звукъ располагался съ помощью неба, какъ лучшаго передатчика звука. И въ этомъ случаѣ, по словамъ Россини, надо согласиться, что итальянскій языкъ дѣйствительно привилегированный для благопріятнаго развитія bel canto.

Третья фаза музыкальнаго образованія заключалась въ примѣненіи всего, что было изучено въ подробностяхъ въ теченіе, самое меньшее, шести лѣтъ для женщины и восьми для мужчины. Затѣмъ въ концѣ послѣдняго года профессоръ говорилъ ученику, едва пропѣвшему въ классѣ нѣсколько каватинъ: «Ну, теперь начинай! Ты можешь пѣть все, что угодно».—«И это правда,—прибавилъ Россини.—Онъ былъ способенъ пѣть все А между тѣмъ ему оставалось еще кое-чему учиться и это кое-что, безъ чего не могъ обойтись самый совершенный виртуозъ,—горячему лучу солнца, чтобы превратиться въ силу, великолѣпіе и прелесть. Этотъ горячій лучъ былъ стиль. Стиль—это тради-

ціи, и образцы этихъ традицій были единственно только у великихъ пѣвцовъ, образцовъ совершенства, освященныхъ репутаціей, у которыхъ юные новички въ искусствѣ могли подмѣтить эту тайну».

«Эти традиціи, напротивъ, ускользаютъ отъ схоластическаго преподаванія. Только образцы въ дѣйствіи, взятые живыми, могутъ ихъ вдолбить, могуть ихъ передать. Если обладатели великихъ истинныхъ традицій исчезли, не оставивъ учениковъ себѣ по плечу, ихъ искусство замерло, умерло «De profundis!» Потому сдѣлаемъ заключеніе: въ настоящее время нѣтъ болѣе школы, нѣтъ болѣе образцовъ, ни передатчиковъ, изъ которыхъ хотя бы одинъ изъ новаго поколѣнія способенъ передать bel canto; напримѣръ, арію «Casta diva», «Pria che spunti» или что-либо другое. Какъ же вы хотите воскресить то, что уже похоронено, что даже менѣе, чѣмъ мумія. Какой геній, будь онъ проницательнѣе Шампольона, возстановитъ то, что существуетъ только по голословной традиціи, скажемъ, скорѣе вокальной. И если подобный феноменъ совершился бы, гдѣ и какимъ чудомъ отроетъ онъ учениковъ, которые въ переживаемое нами время согласились бы подчиниться подобному долгому и суровому режиму. Сатанинское изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ все повернуло, вбило въ голову настоящему поколѣнію необходимость скорѣе достигнуть необходимой цѣли, всѣхъ охватила лихорадка достиженія. Театры размножились, импрессаріи, которыхъ стали легіоны, пользуются чѣмъ попало. Да вотъ!.. Дочь моего консьержа, ей восемнадцать лѣтъ, и она мечтаетъ учиться пѣнію, чтобы поступить въ театръ. Ей никогда не выбьешь изъ головы, что въ теченіе года она не будетъ архиспособна дебютировать въ «Гугенотахъ». И Россини мрачнымъ тономъ добавилъ: «Кто сможетъ утверждать, что впослѣдствіи она не будетъ знаменитостью, Патти, звѣздою, которую будутъ причислять къ образцу совершенства! Въ настоящее время это не трудно!»

— Итакъ, маэстро,—сказали мы, замѣчаетъ Мишоттъ:—надо, слѣдовательно, повторить хоромъ: «De profundis il bel canto!—«Конечно,—прибавилъ Россини въ заключеніе,—еще встрѣчаются и всегда встрѣтятся артисты, настоящіе великіе артисты, которые приложатъ самаго высокаго качества драматическую экспрессію, сценическую проникновенность при исполненіи ролей, которыя заставятъ ихъ пѣть въ свое время маэстро, написавшіе ихъ для «поющаго голоса». Что касается до композиторовъ, пишущихъ для «непоющихъ голосовъ», развѣ вы дадите послѣднимъ исполнителямъ названіе пѣвцовъ?

Пробило десять часовъ, l'ora canonica, какъ называлъ этотъ часъ Россини, обыкновенно въ это время ложившійся спать. «Buono sera»! произнесла г-жа Альбони, на этотъ разъ сама обнявшая Россини. «Buona sera, Marietta l'ultima dei castrati» (Добрый вечеръ, Марьетта, послѣдняя изъ кастратовъ),—произнесъ Россини.

— Литература о Толстомъ.—Въ декабрьской книжкѣ «La Revue» Н. Сегюръ посвятилъ памяти Толстого нѣсколько страницъ, начавъ съ того, что кончина Толстого была достойна его самого и поразила всѣхъ сверхчеловѣческимъ величіемъ, невольно напоминая о Данте Алигіери. Своимъ бѣгствомъ

[1]) Tolstoï. Par Nicolas Segur. «La Revue». 1 Decembre 1910.

изъ Ясной Поляны Толстой показалъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ современниковъ. Какъ византійскіе отшельники V вѣка, удалявшіеся въ пустыни, чтобы остаться наединѣ съ своею душою, Толстой далеко бѣжалъ, желая, наконецъ, жить настоящей жизнью въ молчаніи и молитвѣ. Н. Сегюръ высказываетъ мысль, что Левъ Толстой одинъ изъ тѣхъ избранныхъ, которыхъ судьба призвала служить итогомъ нравственности націи и возбуждать страсти эпохи. Такіе люди пробуждаютъ милліоны совѣстей; они думаютъ, чувствуютъ за цѣлыя массы людей, и голосъ ихъ—голосъ цѣлаго народа. «Силою звука своихъ словъ, похожихъ на дѣйствіе молніи, —говоритъ Сегюръ,—Толстой сдѣлалъ для Россіи—конечно, не для ея величія, но для репутаціи и престижа— столько же, какъ Петръ Великій. Привлеченные сначала искусствомъ писателя, мы заинтересовались Толстымъ человѣкомъ, его сокровенными думами и его нравственнымъ томленіемъ. Тайна того громаднаго и непрестаннаго его вліянія на насъ въ томъ, что мы говорили: Толстой олицетвореніе русской души. Однако онъ олицетворялъ ее, быть можетъ, менѣе Достоевскаго; онъ олицетворялъ ее столько же, какъ Гоголь или Тургеневъ. Но онъ сумѣлъ сдѣлать болѣе ихъ: онъ сталъ всемірнымъ, всечеловѣческимъ. Мы чувствовали въ немъ одного изъ нашихъ братьевъ. Онъ прошелъ чрезъ тѣ же муки томленія, какъ и мы, чрезъ ту же потерю вѣры, чрезъ тотъ же кризисъ пессимизма, скептизма, вмѣсто того, чтобы уступить, какъ мы всѣ, вмѣсто того, чтобы сдаться и жить безъ мысли, онъ героически, упрямо стучался во всѣ двери неизвѣстнаго, тревожился отъ всѣхъ тайнъ, чтобы отыскать цѣль и смыслъ своего существованія. Оставаясь человѣкомъ своей расы, Толстой, какъ геній-представитель Россіи, сумѣлъ опредѣлить нравственный кризисъ своей эпохи и выразить всѣ религіозныя тревоги, испытанныя предшествовавшимъ поколѣніемъ и еще тревожащія большинство нашихъ современниковъ».

Сегюръ высказываетъ, что со времени Руссо часть литературы сдѣлалась дѣятельной и воинствующей. Писать не составляло уже цѣли развлеченія, исканія прекраснаго, а проповѣдыванія, воздѣйствія, увлеченія и обращенія. Въ концѣ XIX вѣка перо служило или крестомъ, или шпагой для трехъ человѣкъ: Ибсена, Рескина и Толстого. Между ними, разумѣется, много общаго, и они почти одинаково интересовали свой вѣкъ и одинаково были озабочены тревожившими ихъ трагическими вопросами. Но все-таки изъ этой троицы Толстой былъ больше всѣхъ, и это потому, что Толстой былъ вполнѣ законченный, онъ заставлялъ выбрировать самые отдаленныя фибры въ глубинѣ нашей души и отражалъ самый интимный кризисъ, чрезъ который проходилъ его вѣкъ. Затѣмъ ему былъ ниспосланъ даръ предсказывать какъ безумному или пророку. Ему было даровано выйти изъ искусства и всего искусственнаго, все покинуть и достичь сверхчеловѣческихъ, но чудесныхъ крайностей мистицизма, какія знали святые и истинные реформаторы: Францискъ Ассизскій и Савонарола. «Рескинъ и Ибсенъ все-таки оставались художниками,—говоритъ Сегюръ:—Толстой же, начавъ съ того, что былъ выше ихъ творцомъ,—сдѣлался иллюминатомъ. Его не заботило внести въ жизнь болѣе свободы или красоты, но онъ хотѣлъ подняться до глубокихъ источниковъ вѣры, преобразовать свѣтъ, измѣнить общество, найти смыслъ существованія и законы, которые должны

его упорядочить и управлять имъ. И какъ бы въ священномъ изступленіи, съ грозной и живой вѣрой пророковъ, онъ разбиваетъ все, отрекается отъ родины, прогресса, науки, искусства, культуры, цивилизаціи, отъ всего настоящаго, отъ всѣхъ современныхъ пріобрѣтеній, всего, что загромождало или заслоняло ему путь, по которому онъ поднимался къ вѣрѣ и миру.

Въ то время, какъ мы видимъ его мятущимся среди всѣхъ этихъ обломковъ и впадающимъ изъ крайности въ крайность, насъ охватывало неизмѣримое къ нему уваженіе. А это потому, что мы чувствуемъ, несмотря на наше безвѣріе и скептицизмъ, что этотъ экзальтированный и непослѣдовательный человѣкъ, однако, живетъ единственно той жизнью, какой достойно жить. Онъ живетъ той жизнью, что сворачиваетъ къ тайнѣ, той, что допрашиваетъ безконечное, той, что отстраняетъ ложь и иллюзіи вѣка, чтобы взглянуть въ вѣчность, извѣдать «ничто», сдѣлать запросъ смерти и найти истинное предназначеніе вселенной.

Громадное и необычайное вліяніе Толстого Сегюръ объясняетъ именно кипучимъ характеромъ, смѣлымъ взмахомъ вдохновенія Льва Николаевича. «Мы не великіе люди,—говоритъ Сегюръ,—и нашъ голосъ добьется вниманія свѣта лишь только по причинѣ нашихъ способностей—останавливаться на вопросахъ, возникающихъ у человѣка со времени его пробужденія къ существованію. Человѣчество вѣчно поворачиваетъ свои взоры къ тому, кто сумѣлъ научить его, какъ надо жить, надѣяться и вѣрить. Въ концѣ концовъ аскетъ и герой стушевали въ Толстомъ романиста и много опередили его славу художника. Уже давно авторъ «Анны Карениной» не дѣйствовалъ на воображеніе и мозгъ читателей и этимъ не вліялъ на души.

«А между тѣмъ,—говоритъ Сегюръ:—это великій художникъ и онъ именно останется жить, когда то, что занимало нашу эпоху, болѣе не найдетъ того же отголоска въ душѣ будущаго поколѣнія, когда преобразовательныя идеи апостола, быть можетъ, лишатся своего жара и порыва. Почти на каждой страницѣ Толстого насъ беретъ искушеніе воскликнуть, какъ Флоберъ, когда ему переводили смерть графа Безухаго въ «Войнѣ и Мирѣ»: «Да это Шекспиръ! Это Шекспиръ!»—Мы также охотно раздѣляемъ мнѣніе Мельхіора Вогюэ, потихоньку «признавшагося», что ни въ какой литературѣ онъ не нашелъ ничего, что бы могло соперничать съ эпическимъ величіемъ и по силѣ передачи съ главами о пожарѣ Москвы изъ «Войны и Мира». Художникъ въ немъ великъ. Между тѣмъ ему не дарованъ стиль, по крайней мѣрѣ въ длинныхъ романахъ, ни ясность и послѣдовательность въ композиціи. Онъ совсѣмъ не заботился о сюжетѣ и формѣ и почти совсѣмъ лишенъ всѣхъ латинскихъ качествъ. Но зато онъ отличается необыкновеннымъ талантомъ изслѣдовать души и волновать людей. Онъ въ высшей степени обладаетъ русской ясностью ума, которая не даетъ ничему пройти незамѣченнымъ, умѣетъ изображать природу и рельефъ предметовъ, изслѣдовать характеры, проявить физіономію, душу, опредѣлять жесты, воспроизвести жизнь, однако не нарушая ее, такъ сказать, не прерывая ея теченія.

Между Толстымъ и французскими и англійскими натуралистами цѣлая пропасть. Точная и вѣрная передача реальности для Толстого средство, а не

цѣль. Онъ пишетъ не для описанія, онъ не воспроизводитъ физіономіи и пейзажи просто, чтобы ихъ описать, какъ Флоберъ и Зола, а онъ воспроизводитъ правду точно, чтобы сдѣлать свои мысли и мнѣнія болѣе захватывающими. Онъ представилъ съ мельчайшими подробностями войну въ своемъ первомъ образцовомъ произведеніи, придворную жизнь во второмъ и тюремную въ «Воскресеніи». Онъ намъ представилъ поразительные живые характеры Пьера Безухаго и Андрея Волконскаго въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ Анну, Константина Левина и Алексѣя Вронскаго въ «Аннѣ Карениной» и какъ Маслову или Неклюдова въ «Воскресеніи». То же самое онъ нарисовалъ большія и вѣрныя картины, гдѣ онъ восхитительно сохранилъ безконечность и величественность горизонтовъ, не пожертвовавъ ни одной подробностью. Наконецъ, онъ сдѣлалъ для насъ незабвенными сцены борьбы Россіи противъ чужеземцевъ, рокъ и ужасы человѣческой рѣзни, затѣмъ печальные вечера въ степи и величественные виды Кавказа. Болѣе того, онъ еще сумѣлъ дать намъ безконечную привлекательность любви и всемогущую, ужасную тайну смерти; смерть дерева, смерть животнаго, смерть человѣка. Повсюду въ его сочиненіяхъ смерти посвящены повѣствованія и видно, что изображеніе послѣднихъ моментовъ человѣческаго существа, готовящагося вернуться къ безконечному, по истинѣ его захватывало, онъ былъ постоянно этимъ одержимъ. Но все подчинялось одной мысли и служило лишь для болѣе живой передачи мнѣній автора. Ибо Толстой, болѣе чѣмъ Ибсенъ, обладалъ сверхчеловѣческимъ талантомъ вѣрно копировать природу, не переставая быть мыслителемъ. Онъ выставляетъ тему, проповѣдуетъ, а между тѣмъ ему удается ничѣмъ не умалить характера своихъ героевъ, не отстраняться отъ жизни, уважать всю правду цѣликомъ, сохранять всѣ подробности нравовъ и мѣста. Его персонажи сначала живутъ сами, а потомъ служатъ примѣромъ. Заключеніе не исходитъ изъ устъ автора, но само собою выдѣляется изъ фактовъ. Никогда его тема не бываетъ придаткомъ къ дѣйствію, но естественный выводъ, роковой результатъ событій.

Такимъ образомъ, Толстой творецъ плодовитый, который безъ всякихъ усилій передаетъ жизнь, совершенно естественно вдыхаетъ душу, заставляетъ массы двигаться, а дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать, согласно законамъ реальности и страстей и такъ какъ въ его книгахъ тоже отсутствуетъ планъ и господствуетъ случай, та же непослѣдовательность, нагроможденіе и сложность, какъ въ дѣйствительности («Анна Каренина», «Война и Миръ» такъ же походятъ на лѣсъ и на готическіе соборы, какъ и «Король Лиръ» и «Гамлетъ»), то иллюзія дѣйствительности становится интенсивнѣе и сильнѣе. Эти романы, переполненные, утомительные, извилистые, производятъ впечатлѣніе, какъ факты, происшедшіе въ дѣйствительности, переживаемые въ человѣческой жизни. Послѣ нихъ чувствуется такая же разбитость и такая же болѣзненная дрожь, какія испытываешь, посмотрѣвъ на сценѣ Шекспира. И если бы то тутъ, то тамъ не было бы чего-то варварскаго и дурно выправленнаго слога, что вредитъ латинской ясности и затемняетъ ее, то беретъ искушеніе сравнить такія страницы съ гомеровскими повѣствованіями и дантовскими пѣснями.

Душа Толстого витаетъ позади его могучаго искусства. Натуралистъ Толстой вмѣсто того, чтобы оставаться равнодушнымъ къ своему произведенію, постоянно въ него вмѣшивается, чтобы согрѣть его своею жалостью и тревогами. Онъ не остается безжалостенъ и холоденъ, какъ Флоберъ, а самъ чувствуетъ и переживаетъ со своими героями. И это потому, что исторія его произведеній слѣдуетъ за исторіей его мысли. Въ то время, какъ другіе русскіе романисты только обдумываютъ тайну горя и состраданія, Толстой, переживъ ее, пытается разрѣшить.

«Настоящая московская болѣзнь «нигилизмъ»,—замѣчаетъ Сегюръ,—его тоже посѣтила, какъ и Тургенева съ Достоевскимъ, но вмѣсто того, чтобы съ горечью и ироніей безропотно покоряться человѣческимъ несчастіямъ и невѣдѣнію причины,—Толстой хотѣлъ смѣло итти къ цѣли и вылечиться отъ своей тревоги. Какъ Савонарола, онъ былъ готовъ сжечь на кострѣ тщеславія всѣ пріятныя, эфемерныя и несовершенныя вещи, составляющія цивилизацію. За послѣдніе годы его голосъ еще насъ волновалъ, но казался намъ все болѣе отдаленнымъ. Дѣйствительно, онъ становился сверхчеловѣческимъ, нечеловѣческимъ въ силу приближенія къ совершенству. Онъ удалился, и мы какъ-то опустились; съ нимъ исчезла великая сила вѣры и страданій. Когда впослѣдствіи будутъ говорить объ этомъ страшномъ кризисѣ тревогъ, начавшемся при Руссо и революціи и растревожившемъ весь XIX вѣкъ, когда напишутъ исторію и подведутъ итогъ этого евангелическаго возобновленія состраданія и братства, которое пытается преобразовать современное общество,—имя апостола Толстого будетъ среди самыхъ первыхъ и великихъ и, кто знаетъ, не займетъ ли онъ столь же важное мѣсто, какъ его романы среди произведеній современной литературы.

Второе письмо Толстого къ революціонеру, о которомъ упоминалось въ январскомъ отдѣлѣ «Заграничныхъ новостей и мелочей», помѣчено 30 января 1909 г. изъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ писалъ:

«Я получилъ ваше интересное письмо и очень счастливъ, что могу на него отвѣтить.

«Вы мнѣ говорите,—во-первыхъ, что эгоизмъ, раціонально понятый, составляетъ счастье для всѣхъ, и что разъ старыя учрежденія уничтожатся, эта истина уяснится всѣми умами, а какъ только эта истина будетъ признана всѣми умами, счастье воцарится для всѣхъ. Во-вторыхъ, что человѣческое сознаніе можетъ найти условія соціальной жизни, гдѣ эгоизмъ каждаго не будетъ вреденъ никому другому. И, въ-третьихъ, что къ этимъ новымъ соціальнымъ условіямъ можетъ, согласно вашему выраженію, въ извѣстной мѣрѣ присоединиться элементъ силы, то-есть, чтобы для людей установились новыя условія лучшей организаціи соціальной жизни, надо и должно употребить насиліе.

«Эти три предложенія признаны всѣми мыслителями и экономистами нашего времени. Ученые теоретики выражаютъ ихъ только не такъ откровенно, какъ вы. И эти три предложенія служатъ основаніемъ заключеній сотнямъ, тысячамъ людей, считающихъ себя руководителями. Поэтому эти три предложенія нечто иное, какъ странный и малоосновательный предразсудокъ. Не говоря ни о произвольныхъ утвержденіяхъ, что эгоизмъ, то-есть причина несо-

гласія и разъединенія, можетъ повести къ миру и соединенію, ни о вѣрѣ, ошибочной и столь распространенной, что меньшинство людей, часто менѣе добрыхъ, можетъ найти лучшія условія соціальной жизни милліоновъ другихъ людей, но констатируя фактъ допущенія насилія, чтобы заставить уважать эти новыя формы жизни, которыхъ находятъ сотнями, и которыя всѣ противорѣчатъ одна другой, одно это допущеніе показываетъ, насколько произвольно и безсознательно это суевѣріе.

«Люди видятъ несправедливость и нищету, въ коей бьются рабочіе, лишенные плодовъ ихъ работы въ пользу меньшинства правящихъ и капиталистовъ, и ищутъ перемѣны и улучшенія этого положенія большинства людей. И чтобы добиться этихъ измѣненій и улучшеній, люди предлагаютъ многія соображенія соціальныхъ формъ: одни предлагаютъ конституціонную монархію съ соціалистической рабочей организаціей (есть такіе, которые превозносятъ самодержавіе), другіе, минималисты, максималисты, синдикалисты, предлагаютъ республику подъ различной формой.

«Каждая партія, безусловно увѣренная въ томъ, что надо для счастья людей, говоритъ: «Дайте мнѣ только власть, и я организовала бы счастье для всѣхъ». Хотя многія изъ этихъ партій находились и еще находятся у власти, это всемірное счастье, столь обѣщанное, не всегда организуется, и нищета рабочихъ все увеличивается. Причина этому та, что меньшинство правящихъ, какое бы они имя не носили, самодержавное, конституціонное или республиканско-демократическое, какъ Франція, Швейцарія и Америка,—оказавшись у власти и давъ собою руководить эгоизму, присущему человѣку, невольно употребляютъ принадлежащую власть для поддержанія своихъ интересовъ, кои могутъ быть поддерживаемы лишь въ ущербъ рабочимъ. Итакъ, всѣ революціи и низверженія власти достигаютъ лишь перемѣны правящихъ; прежніе замѣняются новыми, и судьба народа остается та же. Такъ было и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, Америкѣ и это же теперь въ Россіи, еще съ большей откровенностью.

«Деспотическія партіи теперь торжествуютъ и употребляютъ всѣ усилія въ борьбѣ противъ другихъ партій, не безпокоясь объ улучшеніи жизни рабочихъ. Если бы власть была удержана конституціоналистами, произошло бы то же самое: они боролись бы противъ реакціонеровъ и соціалистовъ и одинаково забыли бы о нищетѣ народа. То же было бы, если бы господствовали революціонеры, какъ мы это видимъ во Франціи во время всѣхъ революцій и во всѣхъ другихъ странахъ.

«Какъ только найденное рѣшеніе исходитъ изъ насилія, насиліе не можетъ искорениться. Угнетаемые ненавидятъ своихъ угнетателей и какъ только видятъ возможность, они возмущаются противъ тѣхъ, кто ихъ насиловалъ.

«Причина этихъ возмущеній въ томъ, что побѣда посредствомъ насилія принадлежитъ эгоистамъ, безнравственнымъ, жестокимъ, а не лучшимъ людямъ. Эти люди эгоисты, безнравственные, не владѣютъ ни однимъ изъ двигателей, кои толкнули бы ихъ отказаться въ пользу народа отъ выгодъ, завоеванныхъ силой, которыми они наслаждаются. Поэтому эти выгоды всегда въ ущербъ интересамъ народа. Такимъ образомъ, освобожденію народа отъ этихъ страданій мѣшаетъ не тотъ фактъ, что новыя условія соціальной жизни плохія, но фактъ,

что эти соціальныя условія зародились и поддерживаются, благодаря насилію. И кажется естественнымъ, что люди, которые хотятъ освободить рабочихъ, не должны изобрѣтать новыя формы жизни, для освобожденія людей, а искать средство освободить народъ отъ насилія, которое его давитъ.

«Изъ чего состоитъ это насиліе, порабощающее народъ, и откуда оно? Казалось очевиднымъ, что сотни правящихъ, сильныхъ и богатыхъ не могутъ поработить милліоны рабочихъ и что если сотни поработили милліоны, то порабощеніе совершилось не чрезъ меньшинство правящихъ, но чрезъ эти милліоны людей, въ силу нѣкоторыхъ сложныхъ и ловкихъ пріемовъ ставшихъ въ это рабство, которое обязываетъ ихъ самихъ къ насилію. Надо, чтобы тѣ, которые предприняли задачу освободить народъ, отыскали прежде всего причину этого порабощенія и отстранили ее. А между тѣмъ существуетъ куча книгъ, подписанныхъ Марксомъ, Жоресомъ, Каутскимъ и другими теоретиками, которые открываютъ законы исторіи или придумываютъ хорошія формы соціальной жизни, тогда какъ никто не старается найти средство отстранить основную причину этого индивидуальнаго порабощенія, насилія, совершаемаго рабочимъ народомъ надъ самимъ собою, и всѣ одобряютъ, напротивъ, это самое насиліе, которое сдѣлало изъ рабочихъ рабовъ... Это доказываетъ, какъ ни странно покажется, что всѣ эти соціалистическія, политическія, экономическія книги, полныя эрудиціи и ума, только пустое писаніе, безполезное и губительное, только направляющее человѣческую мысль на ложный путь, скрывая отъ нея естественную и благоразумную дорогу. Всѣ эти писанія похожи по своему содержанію на положеніе крестьянъ, кои, не владѣя иной землей, какъ только необработанной, вмѣсто того, чтобы стараться ее обработать, спорятъ и обсуждаютъ сорта растеній, которыя слѣдуетъ посѣять и культивировать, когда эта земля должна стать по самому своему существу и по старинному закону способна произрастить рожь. Мыслители вырабатываютъ лучшія будущія условія жизни порабощенныхъ людей, провѣряютъ тщательно всѣ подробности этой новой организаціи, совершенно пренебрегая говорить о насиліи, существованіе котораго несовмѣстимо со всей соціальной организаціей и со всѣмъ улучшеніемъ жизни рабочаго.

«Для улучшенія положенія рабочихъ существуетъ одно средство: сначала избѣгать всѣхъ безплодныхъ споровъ и употреблять всѣ усилія для освобожденія самого себя отъ порабощенія, въ которое заключаешься по волѣ правящихъ.

«Какъ можно освободить народъ отъ этого порабощенія, куда онъ самъ попалъ въ пользу меньшинства? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: народъ не можетъ освободиться, какъ только переставъ оказывать поддержку какому бы то ни было насилію, для какой бы то цѣли ни было и при какихъ бы условіяхъ ни было. Средство можетъ быть одно, чтобы всѣ люди поняли, что каждый изъ нихъ есть, и что, понявъ это, созрѣвъ, они будутъ знать, что они должны и что они не должны дѣлать, въ какихъ бы условіяхъ ни находились, считая всякаго рода насиліе человѣка противъ человѣка дѣйствіемъ противнымъ сознанію, какое человѣкъ долженъ имѣть о человѣческомъ достоинствѣ.

А чтобы люди имѣли сознаніе о своемъ достоинствѣ и поняли, что есть вещи, которыя они должны дѣлать, и другія, среди которыхъ насиліе, которыхъ они

не должны дѣлать, надо именно усвоить то, что вы и ваши учителя отбрасываете, а именно, сообразуясь съ духомъ времени, избрать религію.

«Итакъ, освобожденіе рабочаго народа можетъ быть достигнуто не проектами лучшей соціальной организаціи, а еще менѣе приведеніемъ ея въ силу посредствомъ насилія, но только чрезъ установленіе религіознаго сознанія, которое не допуститъ насилія,—единеніе, уваженіе ближняго и чрезъ это самое внушитъ нравственную невозможность допускать насиліе противъ этого самаго ближняго.

«Это религіозное сознаніе, уничтожая идею насилія, могло быть легко допущено христіанствомъ и всѣмъ человѣчествомъ нашего времени, если бы оно не сталкивалось, съ одной стороны, съ суевѣріемъ ложно-религіознымъ, а съ другой—съ суевѣріемъ еще пагубнѣе того—ложно-ученымъ.

«Вы говорите, что хорошо понятый эгоизмъ счастье для всѣхъ, что человѣкъ не можетъ вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ, если общество страдаетъ, что будущее общество, о коемъ мечтаютъ, должно быть основано на работѣ и солидарности всѣхъ. Это совершенно точно, но этотъ идеалъ не можетъ быть достигнутъ иначе, какъ только чрезъ религіозное чувство, основанное на любви, а не на злонасиліи, которое одно можетъ помѣшать основанію такого общества.

«Чтобы народъ могъ освободиться отъ этого насилія, которому онъ подчинился, чтобы сообразоваться съ волей правящихъ, надо, чтобы среди народа зародилась религія, соотвѣтственная настоящему времени, признающая одинаковое божественное происхожденіе всѣхъ людей, не примиримое съ актомъ насилія человѣка надъ человѣкомъ.

«Что касается будущей организаціи жизни послѣ освобожденія, народъ лучше, чѣмъ мыслители и профессора, сумѣетъ усвоить въ своей новой жизни болѣе полезныя и лучшія условія.

«Посылая вамъ этотъ отвѣтъ на мысли которыя вы мнѣ выразили и которыя раздѣляются многими людьми нашей эпохи, я сохраняю право напечатать это письмо и предупреждаю васъ объ этомъ. «Левъ Толстой».

— Характеристика Биконсфильда[1]). «Меня все болѣе и болѣе раздражаетъ участіе Франціи на Берлинскомъ конгрессѣ,—говоритъ въ новомъ томѣ своихъ воспоминаній госпожа Аданъ—«казакъ», какъ ее прозвалъ Гамбетта за симпатію къ Россіи.—Я угадываю, что этотъ поступокъ навсегда насъ отдѣлитъ отъ политики отмщенія.

«Австрія уже прокралась въ Боснію и Герцеговину, Андраши даже не скрываетъ своего кумовства съ Бисмаркомъ, Англія достигла вершины своихъ желаній: послѣ того, какъ при Гладстонѣ она вела политику сентиментально-славянскую, теперь при Дизраэли она ведетъ политику антиславянскую. Мнѣ кажется чудовищной неблагодарностью отправиться въ Берлинъ, гдѣ Бисмаркъ, Андраши и Дизраэли могутъ желать Россіи только зла. Маркизъ Альфіери пишетъ мнѣ: «Ненависть Германіи и Англіи противъ Россіи соединяетъ ихъ: цѣли ихъ обѣихъ отобрать отъ Россіи плоды ея побѣдъ, ея жертвъ людьми и деньгами, отнять отъ нея даже ея законную часть вліянія на Балканахъ.

---

[1]) Après l'Abandon de la Revanche. Madame Juliette Adam. Paris. 1910.

Вадингтонъ, болѣе англичанинъ, чѣмъ французъ, очевидно, играетъ ту же игру, которую заставляетъ его играть Дизраэли въ кумовствѣ съ Бисмаркомъ. Я страстно слѣжу часъ за часомъ, что происходитъ на конгрессѣ.

«Нахальство Бисмарка на этомъ конгрессѣ, аппетитъ наживы Дизраэли, какъ добраго израильтянина,—странны и скандальны. Я знаю подробности, какъ былъ взятъ Кипръ Англiей ранѣе собранiя конгресса. Что касается низкаго похода противъ Россiи, ему нѣтъ названiя; гадины не только знали о намѣренiи Бисмарка захватить Францiю въ 1875 г., но они обвиняютъ Горчакова въ изобрѣтенiи всего заговора и въ надсмѣянiи надъ генераломъ Ле-Фло. Болѣе того, еще «Times» объявляетъ, что ложь Горчакова была хитростью, чтобы имѣть право на нашу благодарность. Бѣдная Францiя! какъ мнѣ жаль, что она попала въ такую ловушку, имѣя представителемъ Ваддингтона! Бѣдная Россiя, обманываемая Горчаковымъ, который, въ свою очередь, самъ обманулся въ Бисмаркѣ. Я ненавижу Дизраэли!»

Но что это былъ за человѣкъ, способный вызвать такую антипатiю, который, однако, силой своего таланта завоевалъ если не симпатiю, то большое влiянiе и заставилъ прислушиваться къ своему голосу даже Бисмарка? Его характеристику даетъ въ «Fortnightly Rewiew»,—въ идѣ отчета о бiографiи Биконсфильда, написанной Монипенни и вышедшей въ Лондонѣ,—Левисъ Мельвиль, смягчая нѣкоторыя несимпатичныя черты характера этого англiйскаго государственнаго дѣятеля, которыя объясняются неблагопрiятными условiями, въ какихъ находилась его раса въ Англiи съ начала XIX вѣка. Изъ означенной бiографiи можно сдѣлать выводъ, что двѣ побудительныя силы привели Дизраэли къ славѣ—политической и литературной: первая—честолюбiе, вторая—месть.

Но прежде всего бросимъ бѣглый взглядъ на его юношескiе годы. Венiаминъ Дизраэли, впослѣдствiи графъ Биконсфильдъ, вышелъ изъ интеллигентной еврейской семьи. Его отецъ, Исаакъ Дизраэли, или, правильнѣе Израэли, талантливый англiйскiй писатель, преимущественно историкъ и критикъ, родившiйся въ Энфильдѣ, былъ сынъ купца, изгнаннаго изъ Испанiи инквизацiей. Венiаминъ Дизраэли родился въ 1804 году и 12 лѣтъ перешелъ въ протестантство, конечно, не по убѣжденiю, а ради достиженiя намѣченной цѣли. Въ это время цѣль своей жизни онъ кратко себѣ опредѣлилъ—сдѣлаться крупной величиной. Какъ? Какимъ образомъ? Въ какой области? Въ качествѣ кого? Онъ отвѣтить не могъ, но это его нисколько не смущало: слишкомъ крѣпко овладѣла имъ эта идея, и онъ рѣшительно стремился ее осуществить. Эта рѣшительность и впослѣдствiи во всемъ и всегда была главнымъ факторомъ его успѣховъ. «Мы вышли изъ расы, которая можетъ все предпринять, но не можетъ имѣть неудачи,—говорилъ онъ впослѣдствiи одному юному еврею, явившему къ нему за совѣтомъ. Увѣренность довела Дизраэли до высокаго соцiальнаго положенiя, несмотря на встрѣчавшiяся многочисленныя препятствiя и антипатiи. Въ его мозгу глубоко врѣзалась мысль, что «неуспѣха быть не можетъ»—и дѣйствительно ему очень рѣдко приходилось терпѣть неудачу. «Секретъ успѣха,—говаривалъ онъ,—заключается въ вѣрности намѣченной цѣли». То же мнѣнiе онъ высказалъ въ своемъ «Endymion» «У него была цѣль, — замѣчалъ онъ въ одномъ мѣстѣ

своего сочиненія,—а говорятъ, что человѣкъ, задавшійся цѣлью, обыкновенно ея достигаетъ».

Честолюбивое стремленіе занять какъ можно болѣе видное мѣсто на жизненномъ пиру снѣдало его съ самыхъ юныхъ лѣтъ, хотя про него ошибочно часто говорили, что цѣль онъ намѣтилъ уже въ зрѣлые годы. Онъ самъ признался лэди Дэрби въ Бреднемѣ: «Здѣсь я провелъ несчастную юность. Меня грызло честолюбіе, а удовлетворить его я не видѣлъ средствъ». И этому честолюбію, по словамъ автора, служитъ оправданіемъ опять то же униженное положеніе евреевъ въ Англіи его времени.

Та же цѣль занять высокое положеніе въ обществѣ заставила его измѣнить іудейскую религію на протестантскую, правда, только съ внѣшней, обрядовой стороны, не измѣняя ей въ душѣ, хотя не видно, чтобы впослѣдствіи онъ принадлежалъ къ какой-либо еврейской религіозной общинѣ, иначе онъ не могъ бы въ 1837 г. принести присяги палатѣ общинъ. Его рожденіе занесено въ синагогѣ, но 31 іюля 1812 г. его окрестили въ церкви святого Андрея въ Гольборнѣ. Между этими двумя датами его отецъ вышелъ изъ еврейской общины.

Для честолюбиваго юноши не было иного выхода, какъ перемѣнить религію. Въ началѣ XIX вѣка англичане свысока относились къ евреямъ, иногда вышучивая ихъ, иногда смотря снисходительно, какъ на существа низшія. Евреи въ то время не занимали въ Англіи никакого соціальнаго положенія. Къ тому же въ торговыхъ сношеніяхъ, по словамъ автора, они часто вступали на не совсѣмъ похвальный путь. По крайней мѣрѣ таково было мнѣніе англичанъ того времени. Но евреи, съ своей стороны, иначе смотрѣли на свое положеніе: даже самые бѣдные изъ нихъ считали себя гораздо выше англичанъ. Послѣдніе могли быть богаче ихъ, но евреи прежде всего считали себя аристократами. Они искренно вѣрили, что ихъ раса выше англійской, и ихъ поведеніе было одинаково съ поведеніемъ сына изъ благородной семьи, принужденнаго въ силу обстоятельствъ служить въ домѣ выскочки. Оставаясь евреемъ, Дизраэли не могъ учиться ни въ гимназіи, ни въ университетѣ. Настолько сильно было предубѣжденіе англичанъ противъ евреевъ, что всѣ двери для нихъ были закрыты. Отецъ мечталъ объ юридической карьерѣ для сына и съ этою цѣлью помѣстилъ его къ одному адвокату, но... «Пехъ! адвокатура,—какъ говоритъ Венеміаминъ Дизраэли въ «Vivian Grey»,—законъ до сорока лѣтъ, а затѣмъ при самомъ блестящемъ успѣхѣ въ перспективѣ подагра и маленькая дворянская корона. Рядомъ съ этимъ, чтобы достичь успѣха, какъ авдокатъ, я долженъ быть хорошимъ законовѣдомъ и такимъ образомъ отказаться отъ шансовъ сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Служба въ арміи? Въ военное время это хорошо для людей отчаянныхъ, а въ мирное—только для дураковъ»,—и его потянуло къ писательству. Вращаясь съ дѣтскаго возраста въ литературной средѣ, онъ юношей уже пробовалъ свои литературныя силы сначала на коротенькихъ повѣстяхъ и поэзіи, сотрудничая въ разныхъ журналахъ. Вскорѣ онъ совершенно отдался литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ступилъ одной ногой на политическое поприще, хотя неудачно, взявъ на себя редактированіе «The Representative», органа преданнаго торіямъ, но вскорѣ онъ прогорѣлъ, за недостаткомъ подписчиковъ. И вотъ месть, месть извѣстной части англійскаго общества, вѣрнѣе нѣкоторымъ изъ его членовъ про-

била дорогу Дизраэли къ литературной славѣ. Эта месть нашла себѣ выходъ въ «Vivian Grey» (1824 г.), нашумѣвшемъ не только въ Англіи, но и за границей. Всѣ слабыя стороны англійской аристократіи онъ нарисовалъ мѣтко и живо. Это было первое примѣненіе Веніаминомъ Дизраэли девиза: «Кто не за насъ, тотъ противъ насъ», и этотъ девизъ онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей политической карьеры. Кто былъ не за него, тотъ могъ быть увѣренъ, что Дизраэли ему этого не проститъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, какъ и въ Гейне, любопытно смѣшивались сатирическій умъ и еврейскій мистицизмъ, что дѣлало изъ этого писателя невѣроятную комбинацію Вольтера и Спинозы и не прошло безслѣдно для эволюціи его таланта. Успѣхъ «Vivian Grey» вскружилъ голову Дизраэли, и онъ предположилъ, что намѣченная цѣль стать великимъ человѣкомъ осуществится именно въ области литературы. Это убѣжденіе не измѣнило ему даже, когда публика иначе приняла появившійся черезъ годъ второй томъ «Vivian Grey», одинаково и сатиру «Капитанъ Папанилло». Онъ совершенно посвятилъ бы себя и тогда литературѣ, если бы разстроенное здоровье не заставил его уѣхать за границу.

Еще одна характерная черта его расы сохранилась полностью у Дизраэли— это трудолюбіе. Одно время онъ увлекался дэндизмомъ, стараясь обращать на себя вниманіе костюмомъ и поведеніемъ. Но это не было цѣлью его жизни, а лишь средствомъ выбраться въ высшіе слои общества. Кромѣ того, его, какъ онъ говорилъ, забавляло наблюдать, съ какою легкостью можно возбудить вниманіе современниковъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчиталъ, что дэндизмъ могъ быть также своего рода козыремъ въ предстоящей жизненной игрѣ. Онъ рискнулъ этимъ козыремъ и оказался въ выигрышѣ; но какъ только онъ достигъ необходимой ему извѣстности, такъ забросилъ эксцентричныя манеры, костюмъ и рѣчи: дэндизмъ сталъ для него надоѣвшей разбитой игрушкой, которая уже негодна къ употребленію. Эта черта отбрасывать не только вещи, но и людей, когда они ему становились не нужны, сохранилась у него во все время его политической карьеры. Онъ страстно привязывался къ идеямъ и людямъ, но какъ только видѣлъ, что извлекъ изъ нихъ все и они безполезны, тотчасъ же ихъ бросалъ. «Въ этомъ году я пользовался большимъ успѣхомъ,—писалъ онъ сестрѣ въ 1834 году.—Я столь же популяренъ среди дэнди, какъ ненавидимъ людьми второстепенными. Я легко пробилъ себѣ дорогу въ высшемъ обществѣ, гдѣ не существуетъ ни зависти, ни лукавства и гдѣ особенно любятъ восторгаться и забавляться».

Но среди такой, повидимому, легкомысленной и праздной жизни Дизраэли съ свойственной евреямъ лихорадочной дѣятельностью продолжалъ безпрерывно работать. Онъ написалъ нѣсколько эскизовъ, сатиру «Иксіонъ на небесахъ», «Молодой герцогъ», а въ 1832 г. психологическій романъ «Контарини Флеммингъ», вызвавшій громадный успѣхъ, «Альрой» и «Революціонеръ Эпикъ». Въ своемъ дневникѣ онъ признался: «Мои сочиненія—олицетвореніе моихъ чувствъ. Въ «Vivian Grey» я нарисовалъ мое реальное и активное честолюбіе, въ «Альрой»—мое идеальное честолюбіе, а психологическій романъ—развитіе моего поэтическаго характера. Эта трилогія—настоящая исторія моихъ чувствъ».

Однако литературный успѣхъ не могу удовлетворить честолюбивыхъ стремленій Дизраэли или по крайней мѣрѣ насытить сжигавшую его энергію. «Я желалъ бы привести въ исполненіе то, что я написалъ», объявилъ онъ, когда ему исполнилось двадцать девять лѣтъ. Его натура требовала борьбы открытой, и только одна политика могла ее удовлетворить,—и будущій государственный человѣкъ повернулся въ сторону политики. Почву себѣ онъ уже подготовилъ. Дэнди были имъ заинтересованы; общество широко распахнуло предъ нимъ свои двери, а теперь и политическіе люди стали замѣчать его существованіе. Когда лордъ Грей съ ироніей спросилъ о немъ: «Это кто такой?» Дизраэли отвѣтилъ ему блестящимъ памфлетомъ, за которымъ послѣдовали политическія статьи. Ссора съ Гумомъ и О'Конелемъ еще болѣе привлекла на него вниманіе, и когда въ 1837 г. Дизраэли возвратился въ парламентъ, онъ уже былъ замѣтной фигурой

Какимъ твердымъ, увѣреннымъ, даже дерзкимъ шагомъ шелъ Дизраэли къ намѣченной цѣли можетъ показать слѣдующій инцидентъ. За нѣсколько лѣтъ до этого за однимъ обѣдомъ лорду Мельбурну пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ. Въ разговорѣ первый спросилъ его, какія у него честолюбивыя намѣренія? «Я желаю, милордъ, сдѣлаться первымъ министромъ», отвѣтилъ Дизраэли. Этотъ отвѣтъ молодого человѣка произвелъ на лорда Мельбурна настолько сильное впечатлѣніе, что онъ оторопѣлъ и даже не могъ ему посовѣтовать выбросить изъ головы эти нелѣпыя мысли. Когда, четырнадцать лѣтъ спустя, Мельбурнъ услышалъ, что Дизраэли сдѣлался лидеромъ тори въ палатѣ общинъ, то воскликнулъ: «Клянусь Юпитеромъ, онъ на это способенъ!»

Наивно было бы и думать, что съ перемѣной обрядовой стороны религіи Дизраэли измѣнилъ свои расовыя особеннности, складъ ума, склонности, любовь къ своему народу. Онъ совсѣмъ не скрывалъ своего происхожденія; какъ въ своихъ рѣчахъ, такъ и романахъ одинаково, и въ единственной своей біографіи онъ прославлялъ расу, изъ которой вышелъ. «Въ данный моментъ, несмотря на цѣлые вѣка деградаціи, умъ израильтянъ еще сильно вліяетъ на дѣла Европы,—объявилъ Дизраэли.—Я говорю не относительно ея законовъ, которымъ вы повинуетесь, ея литературы, которой вы пропитаны, а о живомъ умѣ евреевъ».

Сомнительно, чтобы, будучи членомъ англиканской церкви, Дизраэли слѣдовалъ ея ученію,—замѣчаетъ авторъ,—его вѣра не согласовалась ни съ однимъ изъ существующихъ догматовъ. По его мнѣнію, христіанская религія есть пополненіе израильской, и, далеко не соглашаясь, что приведенъ въ христіанство, онъ объявлялъ, что все христіанство происходитъ отъ іудейства. Онъ любилъ говорить, что половина христіанства почитала еврейку, а другая половина—еврея. Но онъ при этомъ признавался, что эту точку зрѣнія не раздѣляетъ никакое другое человѣческое существо. «Если бы евреи не распяли Христа,—говорилъ Дизраэли:—что бы сталось догматомъ и скупленія. Но человѣческій умъ не можетъ допустить факта, что самое значительное въ мірѣ дѣйствіе зависитъ отъ человѣческой воли, поэтому какъ заклатель такъ и жертва были предназначены свыше и оба выбраны изъ святой расы», сказалъ Дизраэли, когда обсуждался проектъ закона относительно допущенія евреевъ въ парламентъ. Конечно, онъ упорно отстаивалъ этотъ проектъ и добился успѣха. Онъ говорилъ о

религіозныхъ убѣжденіяхъ въ общемъ, но его личныя мнѣнія такъ и остались неразрѣшенными. «Благоразумные люди,—говорилъ онъ,—всѣ одной религіи и когда ихъ спрашиваютъ: какая ихъ вѣра? они отвѣчаютъ: «Благоразумный человѣкъ никогда этого не скажетъ».

По увѣренію біографа Дизраэли, ни одинъ человѣкъ въ XIX вѣкѣ не обладалъ въ такой степени умственными качествами еврейской расы, какъ Дизраэли. Выказывая великодушіе въ частной жизни, онъ оспаривалъ каждый грошъ, когда касалось дѣлового вопроса. И это дѣлалъ не потому, что нѣсколько долларовъ представляли большую разницу, но потому, что они являлись плодами его побѣды надъ другимъ. Въ его глазахъ это былъ тріумфъ ума, восторжествовавшаго надъ другимъ умомъ ниже его. Когда извѣстный руссофобъ профессоръ Вамбери однажды обѣдалъ съ Дизраэли, послѣдній спросилъ его, гдѣ онъ родился, и, узнавъ, что въ Буда-Пештѣ, замѣтилъ: «Но вы не венгерецъ».—«Нѣтъ, я израильтянинъ».—«Я это зналъ,—воскликнулъ онъ.—Только еврей можетъ имѣть необходимую выдержку, чтобы вдолбить свои идеи такой странѣ, какъ Англія, до того, что она рѣшилась бы ихъ принять».

Литература служитъ изображеніемъ націи, которая ее породила, а въ Англіи отъ Шекспира до Теккерея и Диккенса евреевъ обрисовывали несимпатично. Поэтому когда честолюбивый Дизраэли сталъ въ силѣ и отстаивалъ права евреевъ въ палатѣ общинъ, при обсужденіи проекта закона неправоспособности евреевъ, то между прочимъ сказалъ: «Если бы вы не забыли, чѣмъ вы обязаны этому народу, если бы вы были признательны ему за ту литературу, которая тысячелѣтія давала столько поучительнаго и утѣшительнаго сынамъ человѣковъ, вы, христіане, должны бы съ готовностью ухватиться за первый случай, чтобы отвѣтить на ихъ требованіе. Но надъ вами господствуетъ самое черное суевѣріе, самыхъ мрачныхъ годовъ, какіе только существовали въ нашей странѣ. Это именно чувство вы тайно держите въ себѣ, и оно вліяетъ на другихъ людей за границей».

И Дизраэли побѣдилъ. Еще крупной побѣдой, поразившей всѣхъ, было его назначеніе первымъ министромъ да еще въ моментъ, когда Англія была что ни на есть самой аристократической державой. Палата общинъ въ то время предназначалась спеціально для сыновъ патриціевъ, и единственнымъ паспортомъ для вступленія туда служили титулы и милліоны. У Дизраэли не было ни того, ни другого. Онъ добился чести попасть туда, не имѣя ни спеціальнаго положенія, ни состоянія, единственно только благодаря силѣ своего таланта онъ добился наиболѣе виднаго мѣста въ политической жизни.

Но самая его главная побѣда была надъ королевой. Зимой 1847 г. ее разсмѣшило, когда Чарльзъ Вуудъ въ своей публичной рѣчи сказалъ, что Дизраэли предстоитъ высокое положеніе при предстоящемъ консервативномъ правительствѣ. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Дизраэли сразу шагнулъ, не исполняя низшей должности, въ канцлеры казначейства и лидеры палаты общинъ. Королева, строго придерживавшаяся конституціонализма, не сдѣлала никакого замѣчанія, но выказала неудовольствіе, подчеркивая имя Дизраэли на листѣ, гдѣ были отмѣчены министры, которые должны были находиться при ней въ Бальтиморѣ. Вскорѣ ея предразсудки разсѣялись, и она измѣнила свое отно-

шеніе къ Дизраэли. Онъ зналъ, чѣмъ окончательно можно побѣдить Викторію, и провозгласилъ ее императрицей Индіи. Многіе называли это министерской лестью—авторъ и не отрицаетъ этого, но говоритъ: «Дизраэли зналъ, что человѣкъ который смотритъ на мелочи только какъ на мелочи—дуракъ, но тотъ, кто смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія эффекта, произведеннаго на другихъ,—философъ.

Однако борьба слишкомъ была продолжительна и тяжела, и Дизраэли не удалось попробовать всѣхъ прелестей плодовъ побѣды. До конца жизни онъ былъ печаленъ и одинокъ, хотя не сожалѣлъ, что вступилъ на парламентскую арену. «Вы избрали карьеру единственную, гдѣ человѣкъ не старится,—сказалъ онъ въ концѣ своей карьеры молодому человѣку, дебютировавшему на политическомъ поприщѣ.—Государственный человѣкъ гораздо дольше можетъ возбуждать и поддерживать вниманіе, чѣмъ другіе». Закрывъ глаза на расовые предразсудки и нѣкоторыя несимпатичныя черты характера Дизраэли, надо признать, что Дизраэли былъ явленіе не заурядное, какъ политическій дѣятель Англіи XIX столѣтія, поэтому его подробная біографія возбуждаетъ интересъ, хотя Мильвилль увѣряетъ, что въ ней нѣтъ ничего новаго.

— Біографія Сесиля Родса.—Въ Лондонѣ на дняхъ вышла пространная біографія виновника Трансваальской войны и погрома буровъ—Сесиля Джона Родса. Этотъ Наполеонъ Южной Африки и «первый гражданинъ Великобританіи и всѣхъ странъ, гдѣ только говорятъ по-англійски», какъ его прозвали, родился въ Бишопъ-Стортфордѣ 5 іюля 1853 г. и въ теченіе своей своей недолговременной жизни задавался двумя цѣлями—разбогатѣть и сдѣлать свою родину первой страной въ свѣтѣ съ помощью колоніальныхъ завоеваній. Восьми лѣтъ этотъ будущій дѣятель, не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, началъ свое ученіе въ родномъ городѣ, а на семнадцатомъ году окончилъ его, по слабости здоровья. Его отецъ, простой сельскій пасторъ, сынъ англійскаго фермера, мечталъ для него о духовной карьерѣ, но послѣднее обстоятельство и отсутствіе призванія заставило его, по совѣту докторовъ, послать юношу въ Наталь, къ старшему брату Герберту. Послѣдній находился тамъ съ цѣлью нажить состояніе на хлопчато-бумажныхъ плантаціяхъ. Сесиль присоединился къ предпріятію, нажилъ кое-какія средства и возвратился въ Англію, гдѣ поступилъ въ оксфордскій университетъ для пополненія своего образованія.

Въ это время въ Южной Африкѣ вспыхнула брильянтовая горячка, и его братъ отправился въ Кимберлей. Въ ноябрѣ 1871 г. Сесиль снова бросилъ ученіе и также отправился завоевывать богатство въ Кимберлей[1]). «Прежде, чѣмъ осуществлять великія идеи, надо имѣть много денегъ», говорилъ онъ. Онъ сдѣлался рудокопомъ, и счастье такъ ему благопріятствовало, что въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ нажилъ кое-какой кушъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сесиль Родсъ понялъ, что пренебрегать своимъ образованіемъ нельзя и, какъ бы предугадывая, какая ему выпадетъ значительная роль, онъ въ промежутокъ времени опять вернулся въ Англію, поступилъ въ оксфордскій университетъ съ тѣмъ,

[1]) The Life of the right Hon. Cecil Rhodes. By the Hon. Sir Lewis Michell. London. 1910.

чтобы окончить его. Но съ 1874 по 1875 г. у него не было денегъ для уплаты за лекціи, и онъ не появлялся въ Оксфордѣ. Въ 1879 г. случилось то же, и въ это время онъ находился въ Южной Африкѣ.

Наконецъ, получивъ дипломъ, онъ окончательно поселился въ Кимберлеѣ, и это была эпоха начала его соперничества съ Берне Исаакомъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Берне Бернато. Въ 1878 г. Сесиль Родсъ встрѣтился съ докторомъ Джемсономъ; они понравились другъ другу и соединились вмѣстѣ для подчиненія громадныхъ и богатыхъ южно-африканскихъ территорій англійскому вліянію. Первая часть программы Сесиля Родса начала осуществляться — богатство его умножилось, теперь предстояло исполнить вторую ея часть — завоеваніе могущества Англіи. — Уже въ то время Сесиль Родсъ проникся имперіалистическими идеями. «Прочитавъ исторію другихъ странъ, — писалъ онъ, — я понялъ, что пространство — все. Земная поверхность ограничена, и наша существенная цѣль захватить ея какъ можно болѣе. Въ 1880 г. состоялось его избраніе въ капскій парламентъ, и съ тѣхъ поръ онъ избирался постоянно до своей смерти.

Въ 1887 году соперничество Родса съ Бернато достигло своего апогея, но первый ловкимъ маневромъ одержалъ верхъ. Бернато ничего не оставалось, какъ признать за Родсомъ первенство. «Родсъ, — говорилъ онъ, — великій человѣкъ, онъ одержалъ надо мною верхъ».

Съ перваго же знакомства съ Южной Африкой Родсъ рѣшилъ ея участь, увѣренный въ ея блестящемъ будущемъ. Онъ составилъ себя планъ поддерживать открытый путь на сѣверъ, обезпечить англійской южной Африкѣ какъ можно болѣе пространства для ея вліянія и предоставить времени и обстоятелствамъ создать неизбѣжную федерацію.

Въ капскомъ парламентѣ Родсъ началъ свою карьеру съ дѣла бассутовъ, съ которыми колонія вела войну. Нѣкоторое время спустя, онъ добился аннексіи ихъ территоріи на Капской землѣ, а еще позднѣе—присоединенія Бехуаналанда. Послѣ этого Родсъ основалъ южно-африканское общество, въ настоящее время называемое «Родезія». Въ октябрѣ 1899 года Британская имперія вступила во владѣніе громадной территоріей съ блестящимъ будущимъ. Необыкновенно способный, энергичный и дѣятельный человѣкъ, Сесиль Родсъ стремился навѣрняка къ своей цѣли и тѣмъ болѣе ему было это легко, что нравственной брезгливостью онъ не обладалъ, рудоводствуясь лишь дивизомъ «цѣль оправдывать средство». «Что это вы дѣлаете въ Южной Африкѣ?» спросила его однажды королева Викторія. «Ваше величество,—отвѣчалъ ей просто Родсъ:— я увеличиваю тамъ ваши владѣнія». И дѣйствительно, онъ принялся энергично, съ твердостью характера преодолѣвать встрѣтившіяся ему на пути препятствія, происходившія при зарожденіи новой колоніи.

Въ 1890 году Сесиль Родсъ изъ капскаго министра финансовъ уже превратился въ премьера и еще энергичнѣе принялся осуществлять задуманный планъ образованія новой англійской имперіи отъ Каптоуна до Каира. Несмотря на волненія Трансвааля, онъ не измѣнялъ своего широко намѣченнаго плана и говорилъ: «Мы все сдѣлаемъ, чтобы болѣе и болѣе сближать южно-африканскіе штаты,—писалъ онъ.—Возможно, что это приближеніе не совершится въ

наше время, но я твердо вѣрю, что не сегодня—завтра эти различные штаты кончатъ тѣмъ, что будутъ объединены». Онъ оказался хорошимъ пророкомъ, и его слова сбылись.

Въ 1894 году Сесиль Родсъ заложилъ основаніе трансконтинентальной телеграфной компаніи изъ Каптоуна въ Каиръ. Въ концѣ 1895 года произошелъ знаменитый по своей неудачѣ набѣгъ Джемсона на Трансвааль, а чрезъ нѣсколько недѣль вспыхнуло возмущеніе въ Матабеле. Много толковали о томъ, какъ Сесиль Родсъ возстановлялъ тамъ порядокъ, не вооруженный среди мятежниковъ. Въ означенной біографіи подробно изложено это обстоятельство. 9 октября 1899 года, за два дня до объявленія ультиматума бурамъ, Родсъ покинулъ Каптоунъ и отправился въ Кимберлей. Онъ туда вошелъ, едва избѣгнувъ плѣна, и оставался тамъ все время, пока длилась блокада. Въ это время онъ заслужилъ репутацію добраго генія осажденныхъ, онъ надѣлялъ провіантомъ солдатъ и безъ счета раздавалъ деньги жителямъ. Но уже на немъ лежалъ отпечатокъ смерти, и его друзья это знали. Тѣмъ не менѣе онъ работалъ съ прежнимъ рвеніемъ до послѣдней возможности. Въ февралѣ 1902 года, послѣ пребыванія въ Англіи, онъ серьезно заболѣлъ въ Каптоунѣ и умеръ въ Мюнзенбергѣ 26 марта, вполнѣ владѣя своими необыкновенными умственными способностями, которыми воспользовался, чтобы написать свое знаменитое завѣщаніе.

Несмотря на дружескія отношенія между авторомъ и Родсомъ, онъ рисуетъ его нравственную личность безпристрастно. Характеръ этого геніальнаго дѣльца непривлекателенъ. Человѣкъ онъ былъ скрытный, ѣдкій, грубый, деспотичный, своевольный и вспыльчивый. Авторъ пишетъ: «Онъ презиралъ своихъ приближенныхъ, а тѣ, въ свою очередь, презирали его, хотя боялись, какъ человѣка вліятельнаго и могущественнаго. Онъ никогда не былъ популяренъ, но общественное мнѣніе не имѣло для него никакого значенія. Среди ненависти и боязни его окружающихъ онъ твердо стремился къ намѣченной цѣли, озабоченный только двумя задачами—самобогащеніемъ и осуществленіемъ своего имперіалистскаго идеала».

Не разъ ему приходилось вступать въ сношенія съ коронованными лицами, и онъ неодинаково къ нимъ относился. Когда Вильгельмъ II спросилъ его, какое произвела впечатлѣніе его знаменитая телеграмма Крюгеру во время набѣга Джемсона, Родсъ отвѣтилъ: «Славную услугу оказали вы мнѣ, ваше величество, какой ни одинъ человѣкъ никогда не оказывалъ другому. Мой народъ уже былъ готовъ высѣчь меня, какъ злого мальчишку, но вы рѣшили сдѣлать, что хотѣлъ продѣлать онъ, и тотчасъ же мой народъ воскликнулъ: «А! такъ нѣтъ! Уже если это кого касается, такъ насъ!» — И въ результатѣ они стали ненавидѣть ваше величество, а самъ я увернулся отъ кнута».

Какъ принялъ это откровенное признаніе Вильгельмъ—неизвѣстно. Не всегда такъ искренно говорилъ Родсъ и ему случалось иногда кривить душою. Какъ-то королева Викторія сказала ему: «Всѣ увѣряютъ, г-нъ Родсъ, что вы ненавидите женщинъ. Надѣюсь, что это неправда». На это Родсъ съ большой находчивостью отвѣтилъ: «Какъ могъ бы я ненавидѣть родъ, къ которому принадлежитъ ваше величество». Но этотъ отвѣтъ былъ лишь дипломатическою изворотливостью, на самомъ дѣлѣ онъ отводилъ мало мѣста и времени женскому полу.

На вопросъ секретаря: отчего онъ не женатъ?—Родсъ отвѣтилъ: «У меня на рукахъ много дѣла»! Уступчивый въ отношеніи Викторіи, онъ съ меньшимъ почтеніемъ говорилъ съ другими монархами. Его непринужденность въ обращеніи съ Абдулъ-Гамидомъ была просто легендарна. Онъ сумѣлъ овладѣть сердцемъ султана, и тотъ послалъ ему въ подарокъ нѣсколько паръ великолѣпныхъ ангорскихъ кошекъ. Онъ поспѣшилъ отблагодарить султана и потомъ отправился во дворецъ на пріемъ во фланелевомъ смокингѣ. Только въ моментъ его входа въ пріемный залъ посланникъ замѣтилъ это и сталъ его уговаривать, чтобы онъ накинулъ пальто.

Среди различныхъ документовъ авторъ помѣстилъ доказательство, какъ усиленно пытался Родсъ исправить нѣкоторые свои моральные недостатки. Этому имперіалисту приходилось иногда задумываться надъ своимъ имперіализмомъ, находить его чрезмѣрнымъ, осуждать его и даже стараться его обуздать. Христіанское смиреніе, которое отецъ старался ему внушить въ дѣтствѣ и забытое имъ въ зрѣломъ возрастѣ, все-таки оставило въ его душѣ слѣды. Встрѣтивъ въ обществѣ одну даму, мужа которой приговорили къ смерти на другой день набѣга Джемсона, Родсъ взялъ ее за руку и произнесъ: «Я знаю, что вы обо мнѣ думаете, сударыня. Вс время нашей послѣдней встрѣчи я вамъ объявилъ, что у меня никогда не бываетъ безсонницы; съ тѣхъ поръ я часто ею страдаю. Должно быть, вы думаете, что недавно перенесенный ударъ для меня полезенъ. Я сдѣлался слишкомъ деспотиченъ. Мнѣ необходимо сказать вамъ, что вы вполнѣ правильно думаете обо мнѣ».

Другой разъ онъ признался своему другу еще категоричнѣе: «Каждый день я пытаюсь сдѣлаться смереннѣе; но какъ это тяжело!»

Этотъ брильянтовый король скончался 49 лѣтъ и, несмотря на свои моральные недостатки, большинство англичанъ питало къ нему культъ поклоненія.

— Новые документы о Вольтерѣ.—Появилось еще нѣсколько новыхъ документовъ, свидѣтельствующихъ, съ какимъ рвеніемъ прислуживался Вольтеръ къ сильнымъ міра. Въ «La Revue» напечатаны письма, адресованныя имъ къ Морепа, военному министру д'Аржансону, директору королевской типографіи Анисону, графу Сенъ-Флорентену и послѣдняго къ нему, милорду Тирсоннеллю, французскому посланнику въ Берлинѣ маркизу Пюнсьё, государственному секретарю Амело и переписка нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ между собою относительно Вольтера. Характерная черта лакейства предъ королями и министрами вмѣстѣ съ практическимъ ея примѣненіемъ рельефно выдается въ этихъ коротенькихъ запискахъ. По наблюденію Гонкуровъ въ XVIII вѣкѣ, только гордая нищета художниковъ не склоняла головы предъ властителями и ихъ казною, писатели же въ большинствѣ случаевъ лакействовали; перемѣна позицій произошла въ XIX вѣкѣ, когда писатели стали выказывать независимость по отношеніи властей, а художники наоборотъ. Въ своихъ краткихъ объясненіяхъ къ этой перепискѣ Фернандъ Косси говоритъ, что это было время, когда литература зависѣла отъ полиціи и права автора признавались лишь по особой протекціи, избавлявшей отъ цензуры, и особенно обычай раздавать пенсіи заставлялъ литераторовъ заискивать у властей. Въ послѣднемъ особенно Вольтеръ отличался и умѣлъ использовать всѣ источники для своей выгоды.

Пользуясь пенсіей отъ короля въ замкѣ Бастиліи и изъ его личной кассы, какъ офиціальный журналистъ за свои «Lettres anglais» и офиціальный поэтъ за «Princesse de Navarre», какъ придворный чинъ и одинъ изъ безсмертныхъ, онъ еще получалъ какъ историографъ, случайный дипломатъ и прислужникъ фаворитокъ: г-жи Шатору, Помпадуръ и Дюбарри. Поэтому ни одинъ писатель той эпохи такъ не прислуживался у двора и министровъ, какъ Вольтеръ. При этомъ надо прибавить еще использованную имъ лесть при иностранныхъ дворахъ Екатерины и прусскаго короля, по поводу котораго говорится въ этихъ письмахъ.

У Вольтера былъ другъ Тьеріо, помогавшій ему въ его историческихъ и литературныхъ работахъ, исполняя порученія у книгопродавцевъ и собирая парижскія новости. За всѣ его труды Вольтеръ давалъ ему постель и кормилъ его. Пуская въ оборотъ всѣ свои деньги Вольтеръ не имѣлъ ихъ при себѣ и ухитрился, чтобы Тьеріо включили въ его пенсію, которую король назначилъ ему въ размѣрѣ двухъ тысячъ ливровъ, и первое письмо касается этого вопроса. Произошедшій скандалъ между Вольтеромъ и шевалье де-Роганомъ, котораго за презрительное къ себѣ отношеніе Вольтеръ осыпалъ эпиграммами и былъ въ отместку оскорбленъ его слугами, расправившимися съ нимъ простѣйшимъ способомъ съ помощью данныхъ шести пинковъ, въ результатѣ чего послѣдовало заключеніе Вольтера въ Бастиліи, и это обстоятельство послужило темой для слѣдующихъ писемъ. «Смиренный и покорнѣйшій слуга» Вольтеръ писалъ Морепа изъ мѣста заключенія, оправдываясь и прося разрѣшеніе обѣдать съ управителемъ Бастиліи, видѣться съ посѣтителями и отправиться въ Англію. Чрезъ годъ онъ пытался вернуться въ Парижъ, чтобы отмстить Рогану, и въ апрѣлѣ опять писалъ Морепа, ссылаясь, что дурное состояніе его здоровья и финансовъ заставляютъ его вернуться въ Парижъ, и обѣщаясь забыть о мести. Отвѣтъ получился въ іюнѣ съ разрѣшеніемъ пріѣзда на три мѣсяца въ Парижъ для устройства дѣлъ. Изъ Англіи Вольтеръ привезъ свои «Les lettres» о религіи, правительствѣ и философіи англичанъ, полныя намековъ противъ янсенистовъ, чѣмъ онъ думалъ подслужиться у кардинала Флери. Въ ожиданіи Вольтеръ просилъ покровительства для своего сочиненія, чтобы провести его въ цензурѣ. Тѣмъ временемъ онъ напечаталъ его тайно, и «Les lettres» появились ранѣе разрѣшенія цензуры. Тотчасъ же послѣдовало запрещеніе, и автору пришлось скрыться въ Лотарингіи. Только чрезъ годъ друзьямъ удалось добиться его возвращенія. Всю исторію Вольтеръ свалилъ на Тьеріо, сказавъ, что онъ тайно взялъ у него рукопись и далъ напечатать книгопродавцу Жору безъ его вѣдома, а потому онъ не заплатилъ послѣднему за напечатаніе. Жоръ хитростью заставилъ его написать письмо, въ которомъ были изображены всѣ обстоятельства дѣла, такъ какъ, по его словамъ, онъ хочетъ только знать правду и все ему простится. Вольтеръ попался на эту удочку и «наивно» написалъ ему откровенно всю правду. Для взысканія съ него уплаты Жору только и нужно было личное признаніе Вольтера, что онъ авторъ книги. По этому дѣлу Вольтеръ пишетъ Морепа, прося его покровительства и жалуясь, до какой степени люди злы и какъ литераторъ несчастенъ.

По восшествіи на престолъ Фридрихъ тотчасъ же призвалъ къ себѣ Вольтера для редактированія политическаго манифеста. Здѣсь Вольтеръ также не скупился на лесть. Онъ пытался увѣрить Европу, что прусскій король—коронованный философъ, новый Маркъ Аврелій, стремящійся къ счастью своего народа и умиротворенію всѣхъ націй. На слѣдующій годъ его отправили въ Берлинъ съ дипломатической миссіей узнать истинные мотивы, заставившіе прусскаго короля покинуть своего союзника Людовика XV чрезъ Бреславскій трактатъ. Вольтеру это удалось на половину и за это онъ отчасти попалъ въ немилость у кардинала Флери, но чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти послѣдняго, и въ 1743 г. Морена и Амело его снова послали въ Берлинъ. На этотъ разъ ему поручили попробовать почву для союза Германіи съ Франціей. Теперь, какъ и въ 1740 г., Вольтеръ былъ только добровольнымъ посломъ министерства. Однако онъ разсчитывалъ получить вознагражденіе за свои старанія и писалъ между прочимъ военному министру д'Аржансону: «Если вы соблаговолите вспомнить обо мнѣ болѣе, чѣмъ о моихъ книгахъ то смѣю надѣяться, что вы пожелаете поговорить съ королемъ о чрезвычайно малыхъ услугахъ, оказанныхъ мною отъ чистаго сердца, и о моемъ справедливомъ отказѣ отъ меблированнаго дома и двѣнадцати тысячахъ франковъ пенсіи, предложенныхъ мнѣ прусскимъ королемъ; я предпочитаю лучше жить подъ покровительствомъ моего государя, чѣмъ искать милости другихъ королей. Льщу себя надеждой, что такой способъ мышленія вамъ понравится». Истинной причиной отказа отъ переѣзда въ Берлинъ была въ сущности удерживавшая его въ Парижѣ г-жа Шатлэ.

Вмѣсто дѣйствительной награды Вольтеру былъ данъ новый случай оказать услугу королю во время брака дофина: ему поручили составить балетъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ празднества онъ получилъ, чего никогда не добились ни Расинъ ни Буало,—званіе исторіографа съ 2000 ливровъ жалованья. Сраженіе при Фонтенуа шесть недѣль спустя послужило темой для его поэмы «Poeme de Fontenoy», и за его усердіе король пожаловалъ ему званіе камергера съ 60000 ливровъ. Вольтеръ вскорѣ продалъ почетное званіе, сохранивъ по особой милости титулъ, привилегіи и обязанности.

Послѣ смерти г-жи Шатлэ въ 1749 году, Вольтеръ отправился жить въ Берлинъ столько же потому, что «это мѣстопребываніе было единственное приличное для свободомыслящаго литератора», какъ и потому, что онъ чувствовалъ перемѣну къ нему какъ двора, такъ и публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, «что, впрочемъ, это новый способъ принадлежать королю, живя возлѣ его лучшаго союзника и друга, какой только есть у него въ Европѣ». Поэтому онъ льстилъ себя надеждой, что его король удостоитъ «сохранить всѣ права и привилегіи за его подданнымъ и слугою». Будьте увѣрены, что самое интересное для меня въ этомъ дѣлѣ моя почтительная привязанность къ личности его величества, и именно это чувство дѣлаетъ для меня его благодѣянія драгоцѣнными. Я во всякомъ случаѣ льщу себя надеждой, что со мной не обойдутся хуже, чѣмъ съ Мопертусомъ».

Въ Берлинѣ Вольтеръ добился милости короля, предложившаго ему ключъ камергера, крестъ ордена Merite, 20000 франковъ пенсіи, изъ которыхъ 8000

должны были и выдаваться послѣ его смерти племянницѣ. Онъ обратился къ посланнику, прося его достать разрѣшеніе своего короля остаться при прусскомъ дворѣ, и въ то же время просилъ уполномочія, но затѣмъ согласился съ тѣмъ, что достаточно письменнаго разрѣшенія. Въ письмѣ къ Сенъ-Флорентену Вольтеръ распространяется о добротѣ прусскаго короля къ нему, которая дошла до того, что онъ предложилъ ему помѣщеніе во дворцѣ. Онъ сообщилъ, что обращался съ ходатайствомъ къ маркизѣ Помпадуръ, и все увѣрялъ, что будетъ слугою своего короля и у послѣдняго будетъ «еще однимъ старательнымъ подданнымъ больше при монархѣ, котораго все дѣлаетъ навсегда его союзникомъ». «Особенно я никогда не хотѣлъ бы потерять дорогого мнѣ титула подданнаго и слуги короля, потому я настойчиво прошу вашего покровительства, ибо въ аппартаментахъ короля прусскаго я разсчитываль быть всегда, какъ въ вашемъ департаментѣ». Сенъ-Флорентенъ отвѣтилъ согласіемъ короля, но съ добавленіемъ: «вы сами чувствуете, что не можете сохранить за собою титула исторіографа».

Опасаясь прогадать и желая воспользоваться источникомъ доходовъ съ обоихъ дворовъ, Вольтеръ просилъ обождать передачей его мѣста. Онъ ссылался, что привязанность къ прусскому королю новое звено и долгъ, которые еще болѣе ставятъ его въ счастливую зависимость отъ его величества и что онъ тамъ лишь подданный, обласканный милостями его союзника. Но мѣсто исторіографа король уже передалъ Дюкло, о чемъ его извѣщалъ Сенъ-Флорентенъ. Все-таки Вольтеру по ходатайству маркизы Помпадуръ предоставлялась прежняя пенсія въ 2000 франковъ, составлявшая жалованье исторіографа. Кромѣ того, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ возвратился и пріобрѣлъ замокъ Ферней, онъ еще получилъ черезъ нее награду.

Въ благодарность онъ посвятилъ ей трагедію «Танкредъ», и маркиза Помпадуръ написала Мальзербу: «Я позволила Вольтеру посвятить мнѣ «Танкреда», такъ какъ его знаю 25 лѣтъ и ничего не нахожу предосудительнаго въ его посвященіи».

Послѣднее письмо къ Сенъ-Флорентену касается изданія произведеній Корнеля. Сначала Сенъ-Флорентенъ отказалъ наслѣдникамъ напечатать его въ Королевской Библіотекѣ за счетъ короля. Тогда Вольтеръ, желавшій обезпечить приданое дочери Корнеля, самъ принялся за изданіе отъ академіи и въ письмѣ обращается къ Сенъ-Флорентену, предлагая ему подписаться на сочиненіе. Письмо онъ заканчиваетъ заявленіемъ, что большинство академиковъ подписалось на 6 экземпляровъ.

Въ Парижъ въ 1778 г. онъ возвратился торжественно и былъ осыпанъ почестями со стороны академіи, народа и актеровъ, среди которыхъ онъ былъ какъ «старый генералъ среди солдатъ». Въ этомъ качествѣ онъ, какъ посредникъ, обратился къ Амело съ слѣдующей просьбой отъ имени Корнеля, Расина и Мольера обратить вниманіе что названіе «Comedien du Roi» (комедіантъ короля) неясно дано публикой, хотя театръ началъ съ трагедіи; что кардиналъ Ришелье построилъ залъ Пале-Рояля для трагедіи; что театръ Франціи со времени великаго Корнеля считался первымъ въ Европѣ и что эта часть литературы дѣлала наибольшую честь націи. «Не подходитъ ли объявлять въ афишахъ Le Théâtre français ordinire du roi», заключилъ онъ.

На это Амело отвѣтилъ, что король считаетъ ненужнымъ измѣнять старинный обычай, къ которому привыкла публика.

Этимъ письмомъ заканчивается новая серія писемъ, касающихся Вольтера.

— Отовсюду.—Традиціонная рождественская елка также имѣетъ свою исторію и не особенно древнюю, а именно, по словамъ «Münchner Nachrichten», немного болѣе триста семи лѣтъ. Въ Европѣ ее впервые зажгли, по однимъ свѣдѣніямъ, въ Шлетштадтѣ въ 1546 г., по другимъ въ Страсбургѣ въ 1604 г. Эта традиція медленно прививалась и распространилась въ Германіи самое раннее въ концѣ XVII столѣтія. Но уже въ слѣдующемъ вѣкѣ она такъ разрослась, что когда Гете пріѣхалъ въ Веймаръ, то тамъ устраивали елку всѣ, и герцогъ долженъ былъ принять мѣры противъ злоупотребленія традиціей, ради которой истребляли лѣса подъ предлогомъ Рождества Христова. Обычай зажигать на ней свѣчи появился еще позднѣе; въ старыхъ эльзасскихъ хроникахъ о немъ ничего не говорится. Впервые объ этомъ упоминается въ 1737 г. въ Циттау и въ 1750 въ Нассау. Но Гете въ своемъ «Вертерѣ» описываетъ ее уже украшенной «свѣчами, яблоками и сахарными игрушками, которыя возбуждали райскую радость». По словамъ «Münchner Nachrichten», рождественскія елки, устраиваемыя христіанами, въ сущности буддійскаго происхожденія. Одинъ итальянскій авторъ путешествовавшій по Индіи въ 1503 г., разсказываетъ, что близъ Калькутты въ мѣстности, куда ходятъ на поклоненіе, народъ собирается 25 ноября вокругъ дерева, освѣщеннаго факелами и свѣтильниками. Этотъ обычай занесли оттуда миссіонеры въ Европу. Въ Берлинѣ онъ распространился только съ 1780 г., въ Гамбургѣ съ 1769 г, въ Дрезденѣ съ 1807, въ Вѣнѣ съ 1817, а въ Лондонѣ и Парижѣ съ 1840 года.

Въ 1910 г. рождественская ночь по новому стилю прошла въ различныхъ странахъ торжественно и оживленно. Старинныя традиціи еще сохраняются даже въ самомъ нерелигіозномъ городѣ—Парижѣ. Свободолюбивые американцы составили труппу менестрелей и задали концертъ предъ Бѣлымъ Домомъ. Они съ такимъ рвеніемъ славили всю ночь, что президентъ Тафтъ былъ вынужденъ подойти къ окну въ халатѣ и просить ихъ удалиться на покой: «Thanks very much!—кричалъ онъ имъ.—God bless you! merry gentleman God bless you!» (Уже поздно. Пойдемте всѣ спать!)

Въ Санъ-Франциско особенно оживленно справляли рождественскую ночь въ итальянскомъ кварталѣ. Знакомая петербургской публикѣ итальянская оперная пѣвица г-жа Тетрацини въ теченіе четырехъ часовъ пѣла ночью на улицахъ, приводя въ восторгъ земляковъ. Это веселье особенно выдѣлялось какъ контрастъ тишинѣ сосѣдняго китайскаго квартала, гдѣ въ эту ночь начался семидневный ритуальный постъ.

Въ Англіи своеобразно празднуютъ рождественскую ночь, напоминая Русь въ допетровское время; только цари кормили неимущихъ въ Золотой царицыной палатѣ, а въ Англіи выставляютъ пуддинги предъ дворцомъ. Въ кухнѣ Букингэмскаго дворца заготовлялись традиціонные пуддинги для неимущаго народа. Первый пуддингъ—великанъ отъ короля Георга III—отличался необычайнымъ ростомъ. Затѣмъ выставила сотню пуддинговъ королева Александра, а также многіе придворные. Но рядомъ съ королевскимъ колоссомъ они казались

крошками. Ночью ихъ выставили вдоль Букингэмскаго дворца, и любопытное зрѣлище представляла осада народомъ этихъ пуддинговъ. Набожность англичанъ выразилась въ проданныхъ 6.409 тоннахъ говядины, 2.672 тоннахъ баранины, 1.382 тоннахъ свинины, 1.645 тоннахъ дичи и 232 тоннахъ различныхъ закусокъ.

Въ Германіи не было народнаго празднества, какъ въ Англіи. Тамъ императоръ Вильгельмъ вышелъ изъ Потсдамскаго дворца инкогнито въ надлежащемъ для этой цѣли костюмѣ. Онъ отправился по окрестностямъ и дарилъ дѣтямъ рабочихъ и лѣсничихъ разнообразные подарки, затѣмъ пошелъ въ казармы, гдѣ раздавалъ нижнимъ чинамъ деньги.

— Въ «Vita» итальянскій писатель Сарачено возмущается противъ появленія у одного болонскаго писателя стиховъ Гарибальди. Онъ называетъ издателя «преступникомъ, выведшимъ на свѣтъ Божій поэтическіе грѣхи марсельскаго героя». Это вызвало споръ. Одни высказываются, что не слѣдуетъ знакомить публику съ этими наивными литературными попытками. Другіе, какъ поэтъ Пасколи въ конференціи болонскаго университета, славословятъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ эти отрывки эпопеи и сравниваютъ ихъ съ Илліадой. Томъ этихъ стиховъ озаглавленъ «Garibaldi.—Poema autographica.—Carme alla Morte e altri canti inediti».

Первая изъ этихъ поэмъ состоитъ не менѣе какъ изъ трехъ тысячъ стиховъ, написанныхъ рукой Гарибальди. Онъ сочинилъ ихъ въ концѣ 1862 г., когда онъ еще страдалъ отъ раны, полученной при Аспромонте по дорогѣ въ Мессину. Въ этой автобіографіи Гарибальди разсказываетъ въ двадцати девяти пѣсняхъ приключенія своей юности, когда онъ былъ морякомъ, корсаромъ въ Монтевидео, изгнанникомъ, а затѣмъ кондотьери, и прерываются на битвѣ при Аспромонте. Затѣмъ слѣдуетъ «Гимнъ Смерти» и шестнадцать неизданныхъ стиховъ, изъ которыхъ одинъ адресованъ Виктору Эмануилу, а другой Ниццѣ, «потерянной родинѣ». Большинство изъ нихъ написано карандашомъ рукой Гарибальди, другіе переписаны мистрисъ Робертсъ, долго жившей съ нимъ въ Капрерѣ. Самъ Гарибальди едва зналъ орѳографію, поэтому неудивительно, что его стихи неправильны, странны и даже дики; но они живы, искренни, импульсивны и интересны, какъ документъ. Разсказъ о сраженіи при Аспромонте и Галатифимѣ поистинѣ являются двумя прекрасными страницами такъ же, какъ и ода въ Неаполѣ. Но болѣе всего производитъ впечатлѣніе, волнуетъ «Гимнъ смерти». Онъ посвященъ первой женѣ Гарибальди—Анитѣ, которая хотя была беременна, но хотѣла слѣдовать за мужемъ, ускользавшимъ отъ австрійцевъ. Отправившись изъ Рима пѣшкомъ, они перешли Аппенины и Равенскій лѣсъ, гдѣ Анита умерла отъ усталости подъ сосной, воспѣтой Байрономъ.

— Равнодушіе Маріи-Луизы къ своему ужасному мужу еще разъ выразилось въ ея письмахъ къ своей фрейлинѣ, женѣ маршала Ланна, помѣщенныхъ въ «Correspondant». Въ то время, какъ Наполеонъ отплывалъ къ острову Эльбѣ, Марія-Луиза отреклась отъ престола и уѣхала въ Шенбруннъ. Тамъ ей оказали нѣжный пріемъ и принялись размѣщать ея свиту, состоявшую изъ французовъ, оставшихся вѣрными ей, нанося имъ тысячи обидъ. Лучшій ея другъ, жена маршала Ланна, не могла ихъ перенести и черезъ мѣсяцъ собралась уѣз-

жать. Императрица искренно огорчилась, узнавъ объ ея рѣшеніи, и въ разлукѣ вела съ нею переписку. Въ этихъ письмахъ она является безъ всякой рисовки совершенно естественной и ни слова о своемъ мужѣ, ни одного намека о своемъ прошломъ, ни о политической будущности собственнаго сына. Она утѣшалась предложенной ей позолоченной отставкой и высказывала одно только желаніе: поскорѣе вступить во владѣніе Пармою, чтобы избавиться отъ своей родни, которая держала ее въ заключеніи. Въ ожиданіи рѣшительнаго момента она съ трудомъ добилась разрѣшенія отправиться на воды въ Аахенъ, гдѣ должна была встрѣтиться съ г-жей Монтебелло. Въ первомъ письмѣ прежняя императрица главнымъ образомъ касается своей поѣздки, здоровья римскаго короля и любимой собачки Бижу, которую ужалили въ лапу три осы. Затѣмъ она даетъ заказъ доставить ей пеперментовъ, рубашекъ и сургуча. Извѣстіе о смерти императрицы Жозефины ее встревожило. «Я пришла въ ужасъ, прочитавъ вчера въ «Gazette» извѣстіе о смерти императрицы Жозефины,—писала она 8 іюня 1814 г.—Какъ она внезапно умерла! Я подумала: вотъ огорченіе для нашего добраго г. Корвизара».

Поѣздка въ Аахенъ принудила ее разстаться съ сыномъ, какъ того требовала политика, и она исполнила это не безъ сожалѣнія. «Богу и вамъ извѣстно,—писала она г-жѣ Ланнъ:—какъ я далека отъ честолюбивыхъ помысловъ; но я не хотѣла бы дать ни малѣйшихъ признаковъ». Въ Аахенѣ съ нею прожила г-жа Монтебелло только двѣ недѣли, и затѣмъ она осталась одна подъ наблюденіемъ Нейперга. Въ это именно время послѣдовала завязка любовной интриги между ними, и разсказы объ ея прогулкахъ съ нимъ очень тревожили ея прежнюю фрейлину. «Продолжайте ваши нравоученія,— писала она г. Ланнъ:—вы знаете, какъ у люблю ихъ слушать. Не не бойтесь вечернихъ прогулокъ. Я отреклась отъ малѣйшаго... въ чемъ вы меня упрекаете, и мое сердце—каменная скала для чувства, котораго я никогда не знала,—останется навсегда спокойно».

— Въ послѣднемъ декабрьскомъ нумерѣ «La Revue Bleu» Казимиръ Стріенскій помѣстилъ отрывки изъ еще не появившихся въ свѣтъ воспоминаній его дяди живописца Ланделля, озаглавленныхъ: «Charles Landelle 1821—1908. Une carrière d'artiste».

Шарль Ланделль, портретистъ красавицъ второй имперіи, въ моментъ объявленія франко-прусской войны въ іюлѣ 1870 г. находился съ семьею въ Этрета. Это извѣстіе побудило его отправиться въ Парижъ, оставивъ семью въ Нормандіи. Приведенные Стріенскимъ отрывки состоятъ изъ писемъ къ женѣ и др. лицамъ, которымъ Ланделль писалъ изъ Парижа, и въ нихъ находятся свѣдѣнія о пережитыхъ парижанами непріятныхъ моментахъ во время осады Парижа. Участь Ланделля раздѣляла его своячиница Люси, также оставшаяся въ столицѣ въ качествѣ сестры милосердія. Они предполагали устроить въ своей квартирѣ перевязочный пунктъ, но это оказалось слишкомъ затруднительнымъ. Ободряя другъ друга, они оба стойко переносили тяжелое положеніе осажденныхъ. Въ сентябрѣ Ланделль писалъ женѣ, что видитъ все въ зеленомъ цвѣтѣ,—цвѣтъ надежды,—прибавляетъ онъ:—у меня въ душѣ смерть послѣ разговора, который я велъ съ членами комиссіи по вооруженію. Они взяли на себя громадную отвѣтственность. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они не даютъ оружія, а истина

(но не надо повторять) въ томъ, что его не имѣется. Вся моя надежда на Бога...»

Ланделль тоже находился на службѣ въ составѣ «ветерановъ», но въ свободное время работалъ. При извѣстіи о взятіи Страсбурга предъ статуей Страсбургъ на площади Согласія произошла трогательная церемонія, которую ему удалось набросать для будущей картины. Положеніе осажденныхъ становилось все затруднительнѣе, и 3 октября онъ между прочимъ сообщилъ, что пруссаки оцѣпляютъ ихъ желѣзнымъ обручомъ и у нихъ большія силы. «Въ данный моментъ мы имъ досаждаемъ, разрушая приготовляемыя ими осадныя работы нашими пушками, превосходно нацѣливаемыми храбрыми матросами. Въ отвагѣ у насъ нѣтъ недостатка, но этотъ идіотъ Баденгэ заставилъ насъ взять въ Седанѣ. Всѣ окрестности Парижа разрушены. Сегодня, чтобы ихъ выселить, мы бомбардировали и сожгли дворецъ Сенъ-Клу, гдѣ они были. Бѣдная страна! Въ двадцать четыре часа мы переходимъ поперемѣнно отъ надежды къ отчаянію. Мнѣ кажется, что когда я посылаю тебѣ письма на воздушномъ шарѣ, то я пишу письмо на луну и, къ несчастію, не имѣю отвѣта, какъ будто это и дѣйствительно такъ. Самое большое лишеніе въ нашемъ печальномъ положеніи—отсутствіе извѣстій. Привычный, какъ ты это знаешь, къ дѣятельной жизни и постоянно при занятіяхъ, я наконецъ могъ снова приняться за правильныя привычки и въ теченіе нѣсколькихъ дней я работаю съ интересомъ: это единственное средство забыть наши несчастія и не сойти съ ума».

Въ другомъ письмѣ, сообщая подробности о своемъ житьѣ, онъ пишетъ: «Что касается пищи, то, глядя на часъ, мы переходимъ отъ говядины къ лошадиному мясу, а отъ лошади къ собакѣ. Въ семь часовъ начинается собака. Я говорю собака, но это порядочно похоже на корни клена. Въ общемъ настроеніе города превосходное и бунтовщиковъ лишь слабое меньшинство. У рабочаго много здраваго смысла». Это письмо было переслано въ конвертѣ перваго секретаря прусскаго посольства графа Сольмса, въ домѣ котораго Ланделль снималъ мастерскую. Графъ Сольмсъ приложилъ и свое письмо г-жѣ Ланделль; оно заканчивалось фразой: «Я счастливъ, что нахожусь въ положеніи, которое позволяетъ мнѣ быть полезнымъ друзьямъ и доказать, что война не можетъ стушевать во мнѣ (что бы ни говорили газеты, которыя смотрятъ на меня какъ на измѣнника) то хорошее воспоминаніе, которое осталось у меня отъ пребыванія въ Парижѣ». Но отвѣтъ г-жи Ланделль, вѣроятно, попалъ въ руки пруссаковъ вмѣстѣ съ воздушнымъ шаромъ. Наступило Рождество и Новый Годъ; печально они прошли для осажденныхъ, вдвойнѣ печально вслѣдствіе неприбытія подкрѣпленія. Ланделлю взгрустнулось, онъ даже вспомнилъ о рождественскомъ гусѣ и, скрѣпя сердце, написалъ женѣ: «Какое печальное Рождество, дорогая! Какъ наши солдаты должны страдать!» Въ заключеніе онъ пишетъ: «Скажи Діанѣ, чтобы она грѣла тебѣ ноги, она, должно быть, васъ развлекаетъ, бѣдное животное. На дняхъ въ клубѣ, къ моему стыду, я съѣлъ ей подобную и нашелъ прекрасной. Я думаю, что если такъ продолжится, будутъ ѣсть пруссаковъ. Я обѣдалъ съ сотрудниками «Débats» у Петерса; мы ѣли... крысу... Какой ужасъ! Но это было очень хорошо приготовлено». 1 января

письмо было еще печальнѣе. «Какое плачевное начало года и не менѣе плачевный конецъ минувшаго. Я стараюсь удалить предчувствія и всегда этого достигаю; я невольно тревожусь, думая, что въ Этрета васъ окружаетъ непріятель. Сегодня утромъ я оросилъ свой завтракъ слезами... я плакалъ, какъ ребенокъ. Парижъ чудесенъ по своей стойкости и рѣшимости ожидать до конца, то есть до послѣдняго ломтя хлѣба. Пошли Небо, чтобы Провансъ прибылъ ранѣе». Въ слѣдующемъ письмѣ 18-го января онъ увѣдомлялъ, что Парижъ бомбардируютъ, но онъ попрежнему чудесенъ по своему мужеству и стойкости. «Со вчерашняго дня (20-го) Парижъ въ жалкомъ состояніи. Попытка на Монтрету не удалась, и Шанзи, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Парижу, принужденъ былъ отступить къ Лавалю. Парижъ страдаетъ; недостатокъ въ хлѣбѣ особенно по качеству. Бомбы продолжаютъ убивать женщинъ, дѣтей, больныхъ, дыравятъ и сжигаютъ дома въ нашемъ бѣдномъ кварталѣ и, кажется, капитуляція неизбѣжна. Сегодня пушки смолкли; ведутся переговоры о перемиріи, чтобы похоронить 8.000 вчерашнихъ убитыхъ и раненыхъ. Черезъ восемьдесятъ дней не хватитъ хлѣба. Пора Франціи вернуть свою жизнеспособность; довольно вдовъ и сиротъ, довольно крови; не унизительно вести переговоры, когда исполнили свой долгъ, а со времени Седана Франція исполнила свой долгъ. Сообщая о смерти художника Реньо отъ прусской пули, онъ писалъ 26-го, что это «самая большая потеря». Наступили переговоры, и 29-го онъ получилъ отъ жены рождественское письмо, которое смягчило его плѣнъ и горестный день (29-го)— капитуляцію. Приближалась минута свиданія съ семьею, но желѣзныя дороги были въ безпорядкѣ. Приходилось остаться до выборовъ. Наконецъ 8-го февраля Ланделль отправился къ женѣ.

— Въ норвежской «Politiken» Георгъ Брандесъ въ горячей статьѣ обращается къ стортингу, умоляя его купить старый домикъ въ южной части Норвегіи, въ Гримштадтѣ, гдѣ въ молодости жилъ Генрикъ Ибсенъ, и устроить тамъ національный памятникъ. Это скромное жилище въ одинъ этажъ, уже покинутое и полуразвалившееся, когда-то служило помѣщеніемъ для аптеки, въ которой юный Ибсенъ долго жилъ сначала въ качествѣ ученика, а затѣмъ какъ хозяинъ аптеки. Владѣлецъ дома, мало интересующійся литературой, рѣшился сломать старый домъ, не приносящій никакого дохода. Узнавъ объ этомъ, Брандесъ, преданный поклонникъ Ибсена, возмутился и запротестовалъ. «Въ этихъ стѣнахъ,—говоритъ онъ въ своей статьѣ,—Ибсенъ увидѣлъ, какъ предъ нимъ расцвѣтала будущность поэзіи и славы; онъ принялъ рѣшеніе сказать прости всѣмъ мазямъ и микстурамъ и отдался искусству. Въ Гримштадтѣ въ то время было только 800 жителей. Аптека была для горожанъ своего рода биржею. Туда они собирались для переговоровъ о различныхъ дѣлахъ и для обсужденія событій. Здѣсь Ибсенъ провелъ самый тревожный періодъ отъ 1848 г. и время первой войны между Пруссіей и Даніей. Здѣсь онъ создавалъ свою поэму, посвященную Венгріи, и на досугѣ по ночамъ, такъ какъ днемъ былъ слишкомъ занятъ, писалъ «Catilina». Воспоминанія объ Ибсенѣ рѣдко попадаются,—сказалъ въ заключеніе Брандесъ,—спасемъ же это».

— «Menestrelle» приводить цифру дохода, полученнаго администраціей Обера-мергау съ представленій Страстей за 1910 г. Въ маѣ было дано три главныхъ и три второстепенныхъ представленія, на которыхъ перебывало 25,002 зрителя, итого получилось 150,721 марка. Въ іюнѣ было 8 представленій и зрителей 33,514, доставившихъ 356,441 марку, Въ августѣ 70,806 зрителей—503,883 марки; въ сентябрѣ 43,649 зрителей—295,676 марокъ. Въ общемъ тридцать главныхъ представленій и двадцать восемь второстепенныхъ, на которыхъ присутствовало 223,530 зрителей—принесли 1,546,283 марки. Какъ спекуляція, эти представленія удались.

СМѢСЬ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента императорской академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, состоялось годовое собраніе академіи наукъ. Большой конференцъ-залъ былъ переполненъ. Въ академію пріѣхали управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, попечитель учебнаго округа гр. Мусинъ-Пушкинъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ, предсѣдатель государственной думы Гучковъ, почти всѣ академики, много профессоровъ, членовъ государственнаго совѣта и госуд. думы и публики. Собраніе открылось сообщеніемъ акад. С. Ѳ. Ольденбурга свѣдѣній о дѣятельности академіи наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Помянувъ добрымъ словомъ почившихъ членовъ академіи и давъ краткую справку о сдѣланныхъ академіи дарахъ и жертвованіяхъ, акад. С. Ѳ. Ольденбургъ кратко охарактеризовалъ дѣятельность отдѣльныхъ академическихъ учрежденій. Въ библіотекѣ ежедневно работало до 100 человѣкъ и на домъ было выдано до 15 тысячъ томовъ. Поступило новыхъ книгъ 23,319 томовъ. Къ сожалѣнію, помѣщеніе библіотеки настолько тѣсно, что болѣе 100 тысячъ томовъ — цѣлую библіотеку — приходится держать въ ящикахъ. Физическій кабинетъ съ расширеніемъ дѣятельности сейсмической комиссіи значительно развилъ свою дѣятельность. Геологическій музей пополнился новыми коллекціями, но, къ сожалѣнію, тѣснота помѣщеній не даетъ возможности показать публикѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ палеонтологическихъ коллекцій — проф. Амалицкаго съ Сѣверной Двины. Ботаническій музей продолжалъ составлять свой «Гербарій русской флоры», для котораго прислано 14 тысячъ новыхъ листовъ. Для пополненія коллекцій зоологическаго музея работаютъ 123 лица. Музей посѣтило въ теченіе года около 120 тысячъ

человѣкъ, изъ коихъ 20 тысячъ учащихся. Азіатскій музей обогатился, главнымъ образомъ, мусульманскими и средне-азіатскими рукописями. Въ этомъ году впервые сдѣлана попытка фотографированія рукописей, и музей теперь обладаетъ полнымъ снимкомъ драгоцѣнной грузинской библіи 978 года и ряда грузинскихъ житій святыхъ—болѣе 1300 снимковъ. Музей антропологіи и этнографіи пополнился 13,695 предметами. Кромѣ того, образованъ «памятный отдѣлъ императора Петра Великаго», въ основу котораго положена, по высочайшему повелѣнію, Петровская галерея Эрмитажа. Николаевская главная физическая обсерваторія учредила новыя отдѣленія въ Николаевѣ и Симеизѣ и усилила метеорологическую сѣть на Дальнемъ Востокѣ. Штормовыя предостереженія обсерваторіи оказались успѣшными въ 79 проц. случаевъ. Въ севастопольской біологической станціи работало 34 лица; экскурсій туда учащихся было 143. Въ архивѣ конференціи продолжалась тщательная провѣрка всего матеріала, относящагося до Ломоносова, причемъ обнаружены неизданные матеріалы. По-прежнему функціонировали международное бюро по библіографіи, водомѣрная комиссія, комиссіи по изданію трудовъ шпицбергенской и полярной экспедицій, магнитная комиссія и постоянная историческая. Издательская дѣятельность академіи была весьма обширна: выпущено въ свѣтъ 1,660 печатныхъ листовъ, изъ книжнаго же склада выпущено 57,700 экземпляровъ изданій. Продолжалась серія изданія буддійскихъ текстовъ и приступлено къ печатанію греческихъ и индійскихъ рукописей Публичной библіотеки. Затѣмъ былъ прочитанъ рядъ отчетовъ по присужденію академическихъ премій. Преміи имени М. Н. Ахматова присуждены: большія въ 1000 руб.—Л. С. Бергу за его трудъ «Рыбы бассейна Амура» и В. И. Герье за трудъ «Зодчіе и подвижники Божьяго царства»; малыя по 500 руб.—В. Л. Біанки за «Матеріалы для авифауны Монголіи и Восточнаго Тибета», В. В. Лепешкину—за «Изслѣдованіе надъ растительными клѣтками», сочиненію покойнаго В. А. Фаусека «Отложеніе гуанина у пауковъ», А. А. Бронзову за сочиненіе «Бѣлоозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія», К. Н. Ходневу за трудъ: «Травосѣяніе, улучшенныя орудія и искусственныя удобренія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Петербургской губерніи по обслѣдованію 1903 г». Премія имени П. Н. Батюшкова въ 1000 руб. присуждена Е. Ф. Карскому за трудъ «Бѣлоруссы». Полная премія имени С. А. Иванова присуждена проф. В. И. Палладину за его изслѣдованія о дыханіи растеній. Премія А. М. Кожевникова выдана І. А. Орбели для поѣздки его въ Ванскій вилайетъ для изученія армянскихъ нарѣчій. Ломоносовская премія въ 1000 руб. присуждена А. В. Вознесенскому за сочиненіе «Очеркъ климатическихъ особенностей Байкала». Премія имени императора Александра II, учрежденная симбирскимъ дворянствомъ, и премія имени жены академика Анны Бредихиной остались неприсужденными. Н. А. Котляревскій прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности. Помянувъ скончавшихся членовъ академіи наукъ, докладчикъ особенно подробно остановился на характеристикѣ личности и дѣятельности Льва Николаевича Толстого. Отдѣленіе русскаго языка продолжало изданіе памятниковъ древней и новой русской литературы. Особенно серьезнаго вниманія заслуживаетъ изданіе «Академической библіотеки русскихъ писателей». Въ теченіе одного года совершенно распродано два изданія, въ количествѣ 35 ты-

сячъ экземпляровъ, сочиненій Кольцова, вышло три тома сочиненій Лермонтова и набирается первый томъ сочиненій Грибоѣдова. Продолжала свою дѣятельность комиссія по изданію сочиненій Кольцова, выпущено въ свѣтъ три выпуска повременнаго изданія комиссіи «Пушкинъ и его современники». Затѣмъ положено начало изданію «Тургеневскаго архива», выпущено въ свѣтъ четыре выпуска «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности», выпускъ «Статей по славяновѣдѣнію», два выпуска «Энциклопедіи славянской филологіи». Наконецъ продолжали свою работу комиссіи по изданію памятниковъ древнерусской литературы, по описанію погодинскаго книгохранилища и по составленію діалектологической карты русскаго языка. Были оглашены далѣе имена новыхъ членовъ академіи Въ почетные члены избранъ Альбертъ I, принцъ монакскій. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: Боссъ, директоръ обсерваторіи въ Альбани и директоръ астрометрическаго отдѣленія института Карнеги; проф. А. И. Воейковъ, проф. Н. И. Андрусовъ, проф. Е. А. Лоренцъ (Лейденъ), проф. Седергольмъ (Гельсингфорсъ), проф. Гольмъ (Стокгольмъ), проф. Страсбургеръ (Боннъ), проф. Бротерусъ (Гельсингфорсъ); по отдѣленію русскаго языка и словесности: проф. А. И. Томсонъ (Новороссійскъ), проф. А. И. Беличъ (Бѣлградъ); по историко-филологическому отдѣленію: проф. графъ Комаровскій, Н. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, британскій посолъ въ Вашингтонѣ Брайсъ, проф. И. В. Нетушилъ и В. П. Бузескулъ (Харьковъ), проф. Э. И. Щербатской и В. В. Бартольдъ (Петербургъ). Въ заключеніе членъ гос. совѣта академикъ В. И. Вернадскій произнесъ рѣчь на тему: «Задача дня въ области радія».

Въ литературномъ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ Л. Ф. Пантелѣева 27 декабря въ помѣщеніи гимназіи Гуревича состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. По открытіи засѣданія Л. Ф. Пантелѣевъ предложилъ почтить вставаніемъ память Л. Н. Толстого. Собраніе также почтило вставаніемъ память недавно умершихъ членовъ фонда В. И. Сергѣевича (бывшаго въ 1893 г. предсѣдателемъ фонда), С. Н. Южакова и В. С. Лихачева. Затѣмъ секретарь комитета В. Д. Набоковъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности фонда за послѣднюю четверть истекающаго года. Изъ отчета видно, что за время съ октября по декабрь комитетъ сдѣлалъ 370 постановленій по различнымъ ходатайствамъ о денежной и иной помощи. Просьбъ о пособіяхъ подано 190; изъ нихъ комитетъ имѣлъ возможность удовлетворить только 152; остальныя 38 отклонены по разнымъ мотивамъ. Единовременныхъ пособій назначено 73 лицамъ, на сумму 1,381 руб. Постоянныхъ пособій выдано на сумму 5,730 руб., на воспитаніе дѣтей умершихъ и нуждающихся литераторовъ—1,792 р., назначены пенсіи двумъ новымъ лицамъ, на общую сумму 780 р. въ годъ, безсрочныя ссуды выданы 16 лицамъ, на сумму 841 руб. Всего израсходовано за отчетный періодъ 11,369 р. Далѣе секретарскій отчетъ отмѣчаетъ рядъ новыхъ пожертвованій: Л. Ф. Пантелѣевъ пожертвовалъ 1,000 руб. въ фондъ имени Л. Н. Толстого, А. Н. Остроградскій 500 рублей въ капиталъ для образованія и воспитанія дѣтей писателей, А. П. Беренштамъ 200 руб. въ капиталъ имени В. Л. Беренштама. Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Е. П. Султановой (Лѣтковой) устроила въ пользу фонда два литературныхъ

вечера—въ память М. Е. Салтыкова, давшій чистыхъ 717 руб. 85 к., и В. С. Соловьева, принесшій фонду 537 руб. Члены фонда д-ра Г. Ю. Явейнъ и Д. М. Герценштейнъ предложили свои безвозмездныя услуги нуждающимся во врачебной помощи кліентамъ фонда. Комитетъ фонда предоставилъ стипендіи дочерямъ двухъ писателей, обучающимся въ гимназіяхъ Шуйской и Могилянской. Отчетъ по казначейской части былъ доложенъ собранію В. А. Пѣшехоновымъ за весь 1910 г. Изъ отчета видно, что фондъ обладаетъ капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ въ 779,125 руб., наличными деньгами—91,209 р. 95 к. Изъ кабинета Его Величества за отчетный годъ поступило 1,150 р., въ именные капиталы 5,000 руб., по духовному завѣщанію Е. Л. Поповой—12,3000 р. въ процентныхъ бумагахъ и 1,747 руб. наличными, членскихъ взносовъ 3,680 руб., доходы отъ изданій фонда составляютъ 23,578 руб., доходы отъ капиталовъ—30,745 руб. Всего поступило въ кассу фонда за 1910 г.—77,987 руб., а вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года 91,209 р. 95 коп. Израсходовано на нужды фонда въ истекающемъ году 84,749 руб. Собраніе избрало записками новыхъ 15 членовъ общества. Среди нихъ избраны: кн. П. Д. Долгоруковъ, М. С. Морозовъ, Н. Н. Михайловскій, В. М. Дорошевичъ и друг. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: К. С. Баранцевичъ, проф. А. В. Васильевъ, М. В. Ватсонъ, М. И. Ганфманъ, А. Н. Кремлевъ, А. А. Леонтьевъ и гр. И. И. Толстой. Въ виду того, что съ будущаго года изъ состава комитета, за истеченіемъ срока, выходятъ: В. Д. Набоковъ, С. А. Венгеровъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и А. С. Пругавинъ, комитетъ предлагаетъ слѣдующихъ кандидатовъ для замѣщенія названныхъ членовъ: Н. Ѳ. Анненскаго, Н. И. Карѣева, М. И. Ганфмана, акад. С. Ѳ. Ольденбурга, гр. И. И. Толстого, С. Н. Прокоповича и Я. Я. Гуревича.

Въ русскомъ археологическомъ обществѣ. 20 декабря прошлаго года подъ предсѣдательствомъ Я. И. Смирнова состоялось очередное засѣданіе членовъ отдѣленія русской, византійской и западно-европейской археологіи. Засѣданіе посвящено было отчету о выполненныхъ на средства общества археологическихъ работахъ 1910 г. въ Новгородѣ. В. К. Мясоѣдовъ сообщилъ объ изслѣдованіи фресокъ Спасо-Нередицы, драгоцѣннѣйшаго по своему художественному значенію памятника XII вѣка въ исторіи искусства древней Руси. Внутри храма въ цѣляхъ изслѣдованія построены были лѣса, чѣмъ предоставлена возможность работать надъ фресками верхнихъ частей стѣнъ, сводовъ и потолковъ въ непосредственной къ нимъ близости. Результаты работъ еще болѣе усиливаютъ значеніе удивительной по своей красотѣ и сохранности древней росписи. Позднія пополненія ея оказались ничтожными. Отмыты лишь наслоенія нижняго пояса. Подъ штукатуркой обнаружены слѣды новыхъ фресокъ, изображавшихъ: Тайную вечерю, Преображеніе, Входъ Господень въ Іерусалимъ. Найдена фреска съ изображеніемъ, по сторонамъ Богородицы въ абсидѣ, святыхъ Бориса и Глѣба, указывающая на особое почитаніе ихъ въ XII столѣтіи въ древней Руси. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на опасность, которая грозитъ фрескамъ отъ вздувшейся въ нѣсколькихъ мѣстахъ штукатурки и о необходимости принять мѣры къ ихъ охраненію. Л. А. Мацулевичъ представилъ результаты изслѣдованія «росписи церкви Успенія на Волотовѣ полѣ». До сихъ поръ у археологовъ существовало убѣжденіе, что роспись этой церкви

принадлежитъ къ двумъ эпохамъ: основная—къ XIV столѣтію и покрывающая эту древнюю роспись болѣе поздняя—къ XVII. Теперь это предположеніе устраняется. Подъ существующей росписью никакой другой не оказалось, по аналогіи же она принадлежитъ, по мнѣнію докладчика, поддержанному проф. Н. В. Покровскимъ, къ XIV столѣтію, а именно въ 1363 году. Интересно, что роспись эта сохранила намъ, среди своихъ изображеній, два портрета XIV столѣтія: новгородскихъ архіепископовъ св. Моисея и Алексѣя. Н. А. Окуневъ сообщилъ о вновь открытой стѣнописи церкви Ѳеодора Стратилата. Роспись обнаружена подъ штукатуркой. Схема ея: циклъ страстей Господнихъ, житія святыхъ Ѳеодоровъ—Стратилата и Тирона. Въ росписи, относящейся, по мнѣнію докладчика, къ XV столѣтію, ясно сквозитъ вліяніе типичныхъ чертъ начала эпохи ренесанса. Н. П. Сычевъ сдѣлалъ докладъ объ интересномъ памятникѣ новгородскаго Софійскаго собора—корсунскихъ вратахъ, попавшихъ въ Новгородъ, по объясненіямъ ученыхъ, изъ Магдебурга. Докладчикъ обнаружилъ слѣды разновременной реставраціи вратъ: послѣ литія ихъ, затѣмъ въ XIV столѣтіи и, наконецъ, въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія. Эта послѣдняя реставрація имѣла результатомъ неудачную перестановку фресокъ, разъединившихъ композицію «Входа Господня въ Іерусалимъ». Доклады сопровождались оживленными преніями, въ которыхъ приняли участіе: академикъ А. И. Соболевскій, проф. Н. В. Покровскій, проф. Д. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, и Я. И. Смирновъ.

Столѣтіе практической академіи коммерческихъ наукъ. 17 декабря минувшаго года московская практическая академія коммерческихъ наукъ праздновало столѣтіе своего существованія. Сообщаемъ нѣкоторыя данныя изъ историческаго очерка академіи. Родоначальникомъ академіи явился частный коммерческій пансіонъ, основанный въ 1804 году нѣмцемъ Карломъ Ивановичемъ Арнольдомъ съ цѣлью «образовать юношей, желающихъ вступить въ купеческое званіе». Въ 1806 году по ходатайству представителей московскаго купечества императору Александру I благоугодно было даровать пансіону Арнольда названіе «практической коммерческой академіи». Это названіе осталось за академіей до 1835 года, когда она въ первый разъ въ указѣ императора Николая I на имя ея попечителя князя Д. В. Голицына была названа «практической академіей коммерческихъ наукъ». Съ цѣлью вызвать сочувствіе купечества къ судьбѣ молодого учебнаго заведенія и привлечь его къ болѣе дѣятельному участію въ его дѣлахъ К. И. Арнольдъ пригласилъ извѣстныхъ московскихъ купцовъ А. А. Куманина, И. К. Козлова, В. Просвирнина и С. Вепринцева въ попечители академіи. Высочайшимъ указомъ 1807 г. Арнольдъ былъ наименованъ «директоромъ и установителемъ академіи». Число учениковъ постепенно увеличивается; къ 1807 году въ пользу академіи было собрано среди купечества пожертвованій на сумму до 10.000 руб. Въ началѣ 1810 г. К. И. Арнольду было предложено перейти на службу въ Петербургъ, причемъ имъ былъ выработанъ уставъ академіи, который удостоился высочайшаго утвержденія 17 декабря 1810 года. Надъ разработкой устава работала комиссія изъ профессоровъ университета и лицъ купеческаго сословія. Эта комиссія постановила не пользоваться никакой постоянной казенной субсидіей, а для

поддержки академіи создать общество, которое взяло бы на себя заботу «о прочномъ существованіи ея». Этому обществу было дано названіе «общества любителей коммерческихъ знаній . Согласно рескрипту государя Александра I, академія вошла въ вѣдомство министерства финансовъ, въ которомъ и находилась почти сто лѣтъ; лишь съ 1905 года она перешла въ вѣдѣніе министерства торговли и промышленности. По уставу во главѣ академіи поставленъ попечитель, назначаемый государемъ императоромъ. При академіи состоитъ общество любителей коммерческихъ знаній, которое поставило цѣлью доставлять ей средства къ упроченію ея существованія и совершенствованію. Попечитель академіи является и непремѣннымъ президентомъ общества. Первый попечитель академіи П. С. Валуевъ устроилъ торжественное открытіе академіи 11 мая 1811 года. Интересно отмѣтить, что въ числѣ предметовъ, входившихъ въ учебную программу, стоялъ новогреческій языкъ, внесенный «по желанію нѣкоторыхъ благомыслящихъ грековъ и въ уваженіе особливаго участія въ возстановленіи академіи извѣстнаго споспѣшествователя учености З. П. Зосимы». Когда вспыхнула Отечественная война и непріятель уже близко подошелъ къ Москвѣ, ученіе въ академіи было прекращено, и воспитанники частью были взяты родителями и родственниками къ себѣ по домамъ, а частью увезены начальствомъ академіи изъ Москвы въ сопровожденіи учителя нѣмецкаго языка Меркли, которому было дано на расходы 700 р. ассигнаціями. Домъ Чирикова, въ которомъ помѣщалась академія, сгорѣлъ; въ огнѣ погибло академическое имущество. Послѣ французскаго нашествія занятія съ воспитанниками возобновились въ домѣ члена совѣта академіи г. Мими. На занятія явилось 8 учениковъ, а до французскаго вторженія ихъ было 67. Въ 1813 г., когда возросло число воспитанниковъ академіи, учебное заведеніе было переведено въ Армянскій переулокъ, въ д. Тютчева, гдѣ теперь находится Горихвостовская богадѣльня. Послѣ смерти П. С. Валуева, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени попечителемъ академіи былъ назначенъ московскій главнокомандующій генералъ-отъ-кавалеріи А. П. Тормасовъ. При немъ для академіи былъ пріобрѣтенъ домъ графини А. Н. Толстой на Солянкѣ; всѣ расходы по покупкѣ и ремонту дома обошлись въ 115,371 р. ассигнаціями. Затѣмъ попечителемъ академіи былъ назначенъ московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, стоявшій во главѣ академіи съ 1820 по 1844 г. и принимавшій въ ея дѣлахъ самое близкое и горячее участіе. Въ 1839 г. съ помощью правительственной субсидіи академія пріобрѣла домъ графа Дмитріева-Мамонова на Покровскомъ бульварѣ, на ремонтъ котораго пришлось затратить большія средства. Однако съ Солянки академія была переведена въ новый домъ на Покровскомъ бульварѣ лишь 31 августа 1847 года. Въ 1851 году, благодаря особымъ трудамъ и пожертвованіямъ В. П. Буркина, А. И. Лобкова, Д. П. Алексѣева, А. Зѣвакина и другихъ благотворителей при академіи былъ сооруженъ храмъ, освященный митрополитомъ Филаретомъ. Въ 1851 году былъ высочайше утвержденъ новый уставъ академіи и состоящаго при ней общества любителей коммерческихъ знаній. Въ новомъ уставѣ окончательно установилось то названіе, какое она носитъ до настоящаго времени: «московская практическая академія коммерческихъ наукъ». Третью четверть вѣка академія

начала при покровительствѣ попечителя генералъ-губернатора П. А. Тучкова, который не оставлялъ академію своими заботами до кончины, послѣдовавшей въ 1864 году. Вторая и притомъ капитальная перестройка академическаго зданія была произведена въ 1889 году. Она была связана съ покупкой сосѣдняго дома Воронина на средства, пожертвованныя К. А. Поповымъ.

Юбилей С. М. Абрамовича. 26 декабря прошлаго года еврейская литература справляла юбилей—75-лѣтіе со дня рожденія выдающагося бытописателя русскаго еврейства С. М. Абрамовича, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Менделе-Мохеръ-Сфоримъ. Первая литературная работа Абрамовича появилась въ 1856 году въ древне-еврейской газетѣ «Hamagid». Это была статья о воспитаніи и о необходимости обучать еврейскихъ дѣтей русскому языку и прикладнымъ знаніямъ. Первый сборникъ его статей «Mischpat Schalom» (Мирный судъ) вышелъ въ 1860 г. Еврейская читающая публика сразу тогда обратила вниманіе на молодого писателя. Свое истинное призваніе С. М. Абрамовичъ нашелъ, когда обратился къ разговорной еврейской рѣчи. Первая повѣсть на еврейскомъ языкѣ, вышедшая въ 1865 году за подписью Менделе-Мохеръ-Сфоримъ (Менделе—книгопродавецъ), была озаглавлена «Das kleine Menschele» (Маленькій человѣкъ). Въ ней описывается жизнь ловкаго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ пронырливаго человѣка—Авремеле Такифъ, который изъ бѣднаго, бездомнаго юноши постепенно превращается въ общественнаго «дѣятеля», богатѣющаго на счетъ общины. Въ 1869 году появился извѣстный разсказъ «Фишка Хромой» изъ быта странствующихъ нищихъ. Въ томъ же году вышла пьеса-сатира «Такса или банда городскихъ благодѣтелей», въ которой Абрамовичъ раскрываетъ мрачную картину беззастѣнчивой эксплоатаціи бѣдныхъ слоевъ еврейскаго населенія всевластными городскими заправилами, забравшими въ свои руки аренду учрежденнаго правительствомъ спеціальнаго еврейскаго налога на мясо (коробочный сборъ). Въ 1873 г. вышла его «Кляча» («Изъ записокъ безумнаго Исролика»), въ которой Абрамовичъ подъ видомъ несчастной, всѣми гонимой клячи рисуетъ печальную участь еврейскаго народа. Произведеніе это пользуется громадной популярностью. Въ немъ авторъ страстно критикуетъ соціальную несправедливость по отношенію къ еврейскому безправному племени. Какъ бы дополненіемъ къ «Клячѣ» является поэма въ стихахъ «Юдель» (1875 г.), въ которой описываются злоключенія еврейскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Послѣ продолжительнаго перерыва, въ 1884 г. Абрамовичъ написалъ интересную пятиактную бытовую драму «Призывъ». Въ 1888—1889 г. появились первыя двѣ части лучшей въ художественномъ отношеніи повѣсти Абрамовича «Wunschfingerl». (Волшебное кольцо), въ которой нарисована широкая картина еврейскаго быта Николаевской эпохи. Въ 1897 г. напечатанъ разсказъ «Jchem we-Iefot». За нимъ послѣдовала обширная повѣсть «Jchloima reb-Chaimi», въ которой ярко изображенъ еврейскій семейный бытъ конца первой половины XIX вѣка. Абрамовичъ, кромѣ того, написалъ «Безумный Исроликъ», «Die Hor» и мн. друг. Мы перечислили только главныя произведенія Абрамовича на еврейскомъ языкѣ. Съ 1881 г. имъ выпущено также много выдающихся произведеній на древне-еврейскомъ языкѣ. Какъ жаргонный писатель, Абрамовичъ имѣлъ

огромное вліяніе не только на жаргонную литературу. Многія произведенія юбиляра: «Фишка Хромой», «Маленькій человѣчекъ», первыя главы «Клячи», «Симъ и Яфетъ» и др.—переведены на русскій языкъ.

Юбилей М. В. Безобразовой. 28 декабря 1910 г. справляла 30-лѣтіе своей педагогической, научной, общественной и литературной дѣятельности М. В. Безобразова. Пробывъ пять лѣтъ учительницей гимназіи и начальницей прогимназіи въ московскомъ учебномъ округѣ, М. В. поѣхала за границу, гдѣ появились двѣ первыя ея работы по-нѣмецки: «Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre» (Лейпцигъ, 1887) и «Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland» (диссертація, Bern, 1891); по-русски «Философскіе этюды» (первая статья «Кантъ, Шопенгауэръ и Гартманъ о женщинахъ» въ «Новостяхъ» 1889). Въ 1889 г. М. В. прочитала въ московскомъ политехническомъ музеѣ публичную лекцію «О значеніи Канта»; въ теченіе трехъ зимъ читала въ Москвѣ курсы по исторіи философіи русской и всеобщей, издала «Краткій обзоръ исторіи философіи» (М. 1893). Сочиненіе «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи» получило макарьевскій почетный отзывъ академіи наукъ. М. В. читала публичныя лекціи въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и др. городахъ—всего до 70 разъ. Въ 1888 г. избрана первымъ дѣйствительнымъ членомъ-женщиной москов. психологическаго общества, а въ 1898 г. основано по ея мысли «философское общество при с.-петербургскомъ университетѣ». Сотрудничала М. В. въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Извѣстіяхъ академіи наукъ», «Вопросахъ философіи», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» («Розовое и черное изъ моей жизни» окт. 1910). участвовала въ изданіяхъ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, «Воспитаніи и Обученіи» и «Родникѣ» Н. А. Альмедингенъ. М. В. основала два кружка при русскомъ женскомъ вз.-бл. обществѣ и Тимоновское народное училище Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи. 28 ноября состоялось учредительное собраніе задуманнаго М. В. на широкихъ основахъ, съ отдѣлами въ другихъ городахъ и подотдѣлами въ учебныхъ заведеніяхъ, «этическаго общества». Въ 3 ч. дня на квартирѣ юбилярши собрались представительницы совѣта русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, члены «этическаго кружка», учрежденнаго по иниціативѣ М. В., почитательницы и друзья ея. Чествованіе открылось чтеніемъ привѣтственнаго адреса отъ русскаго женскаго вз.-бл. общества. Подъ адресомъ имѣется свыше 100 подписей. Члены «этическаго кружка» поднесли М. В письменный приборъ. Затѣмъ привѣтствовали юбиляршу редакторъ дѣтскаго журнала «Игрушечка» А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова, редакторъ журнала «Родникъ» г-жа Н. А. Альмедингенъ, Ольга Шапиръ и друг. М. В. Безобразова получила много привѣтственныхъ телеграммъ. Совѣтъ философскаго общества въ своей телеграммѣ привѣтствуетъ М. В., какъ «первую русскую женщину, избравшую служеніе философіи цѣлью своей жизни». Комитетъ московскаго общества улучшенія жизни женщины привѣтствуетъ юбиляршу, какъ одну изъ энергичныхъ поборницъ коренного измѣненія положенія русской женщины». М. В. далѣе получила привѣтствія отъ Людвига Штейна изъ Берлина, отъ редакціи «Русской Старины», отъ священника Крестовоздвиженской церкви Подболотскаго погоста Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи, отъ завѣдующихъ курсами философіи въ Петербургѣ и др.

Юбилей К. Е. Маковскаго. 18 минувшаго декабря, на квартирѣ К. Е. Маковскаго состоялось чествованіе маститаго юбиляра по случаю 50-лѣтія его художественной дѣятельности. Собрались представители академіи художествъ, дѣйствительнымъ членомъ которой онъ состоитъ, члены петербургскаго общества художниковъ, представители общества поощренія художествъ, общества имени А. И. Куинджи, акварельнаго общества, перваго дамскаго художественнаго кружка, многочисленные друзья и почитатели К. Е. Маковскаго. Чествованіе открылъ М. П. Боткинъ, прочитавшій привѣтственный адресъ отъ имени академіи художествъ слѣдующаго содержанія: «Въ знаменательный день празднованія 50-лѣтія вашей славной художественной дѣятельности императорская академія художествъ съ искренней радостью привѣтствуетъ васъ и выражаетъ вамъ горячія пожеланія силъ и здоровья на многіе годы для пользы и славы родного искусства». Члены петербургскаго общества художниковъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ юбиляръ, поднесли ему палитру, на которой написаны масляными красками художественные эскизы разныхъ художниковъ, входящихъ въ составъ общества. Представитель общества поощренія художествъ В. И. Зарубинъ прочиталъ адресъ, въ которомъ говорится, что общество привѣтствуетъ юбиляра, какъ одного изъ старѣйшихъ русскихъ художниковъ, трудившагося въ продолженіе 50 лѣтъ на пользу и славу отечественнаго искусства. Художникъ Берггольцъ прочиталъ адресъ отъ имени императорскаго общества акварелистовъ. «Полвѣка назадъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ К. Е. Маковскому,—вы выступили на художественное поприще какъ самостоятельный художникъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе этихъ долгихъ 50 лѣтъ, ознаменовавшихся въ эволюціи искусства цѣлымъ рядомъ колебаній, поворотовъ и метаній изъ стороны въ сторону, вы идете по сей день неуклонно тѣмъ путемъ, который отвѣчаетъ вашему сильному духовному «я» и традиціямъ той серьезной школы, которая васъ воспитала». Въ привѣтственномъ адресѣ отъ имени общества А. И. Куинджи, прочитанномъ предсѣдателемъ общества академикомъ К. Я. Крыжицкимъ, говорится, что общество чествуетъ юбиляра, какъ неутомимаго труженика на поприщѣ родного искусства, чьи труды составляютъ одну изъ славныхъ страницъ въ его исторіи». Далѣе были прочитаны привѣтствія отъ комитета общества взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ, перваго дамскаго художественнаго кружка и др. Привѣтственныхъ телеграммъ получено свыше 100. Привѣтствія, между прочимъ, прислали: августѣйшій президентъ академіи художествъ, министръ императорскаго двора бар. Фредериксъ, гр. Д. И. Толстой, кн. Голицынъ, академикъ Шехтель, А. Ѳ. Кони, художницы Зарудная-Кавосъ и Елизавета Бемъ, Ѳ. Г. Беренштамъ, секретарь академіи художествъ Лобойковъ, бар. Г. Врангель, Тартаковъ и др. И. Е. Рѣпинъ прислалъ слѣдующую телеграмму: «Неувядаемый веселый художникъ, полвѣка воспѣвающій радость жизни, не смущаясь невзгодами. Ура!». Члены товарищества передвижныхъ выставокъ въ своей телеграммѣ говорятъ, что «очень счастливы вспомнить тѣ годы, когда произведенія К. Е. украшали наши выставки». Вечеромъ въ ресторанѣ Контана въ честь юбиляра былъ устроенъ обѣдъ. Собралось очень много народа. Произнесено много привѣтственныхъ рѣчей.

Юбилей общества дѣтскихъ врачей. 15 декабря 1910 г. общество дѣтскихъ врачей на торжественномъ собраніи въ Пироговскомъ музеѣ праздновало свой двадцатипятилѣтній юбилей. Кромѣ членовъ общества, собралось много учащейся молодежи, пришелъ обыкновенный петербуржецъ и, главное, пришли матери, хорошо знающія по своимъ семьямъ, какъ тяжело беречь здоровье дѣтей въ нездоровомъ климатѣ нашей столицы. На каѳедру взошелъ предсѣдатель собранія Н. И. Лунинъ. Онъ поблагодарилъ гостей за сочувствіе, проявленное ими сегодня, и объявилъ объ избраніи новыхъ почетныхъ членовъ: изъ иностранныхъ ученыхъ педіатровъ—Эрлихъ, Багинскій, Эпштейнъ и Черни, изъ русскихъ И. П. Павловъ и А. А. Руссовъ. «За истекшій юбилейный срокъ,—сказалъ Н. И. Лунинъ,—вполнѣ выяснилась потребность Петербурга въ такомъ обществѣ, каково общество дѣтскихъ врачей; оправдало ли оно надежды столичныхъ жителей,—пусть объ этомъ судятъ они сами». Лейбъ-педіатръ К. А. Раухфусъ, встрѣченный дружными рукоплесканіями, произнесъ большую рѣчь о развитіи педіатріи за послѣднія 25 лѣтъ. Лучшій знатокъ педіатріи у насъ, К. А. далъ весьма полную картину того, что сдѣлано въ этой области на всемъ земномъ шарѣ. Людовикъ XVI первый выстроилъ парижскую дѣтскую больницу и такимъ образомъ его можно считать отцомъ педіатріи. Заботы о грудныхъ дѣтяхъ начаты въ Европѣ только въ 1882 г., и въ этомъ отношеніи Германію слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ. Теперь незыблемо установлено діэтическое леченіе дѣтей, принимаются мѣры по охранѣ и страхованію женщинъ за двѣ недѣли до и двѣ недѣли послѣ родовъ, и особенно сильно пропагандируется кормленіе дѣтей непремѣнно самой матерью: результаты получаются блестящіе. Много интересныхъ данныхъ сообщилъ почтенный докладчикъ и о томъ, чѣмъ надо кормить младенца. Секретарь общества прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности за 25 лѣтъ. Дѣйствительныхъ членовъ больше 120, основателей осталось въ живыхъ только 10; докладовъ сдѣлано за все время больше 300, на 180 собраніяхъ, причемъ около 75 проц. ихъ было посвящено дѣтскимъ инфекціоннымъ болѣзнямъ. Въ отчетѣ особенно подчеркнута плодотворная дѣятельность одного изъ основателей, лейбъ-педіатра К. А. Раухфуса. Депутацій было съ добрый десятокъ: отъ общества охраненія народнаго здравія (проф. Губертъ), отъ общества русскихъ врачей, отъ повивально-гинекологическаго института (проф. Оттъ), отъ общества психіатровъ, союза польскихъ врачей, отъ множества дѣтскихъ клиникъ. Телеграммы получены изъ Петербурга, Москвы, Казани, Астрахани, Харькова, Тамбова, съ Кавказа и т. д., и т. д.

Юбилей проф. В. Н. Сиротинина. 20 декабря истекшаго года медицинскій ученый міръ чествовалъ извѣстнаго патолого-терапевта и діагноста, лейбъ-медика, академика и профессора В. Н. Сиротинина по случаю исполненія 30-лѣтія научной и врачебной его дѣятельности. В. Н. Сиротининъ родился въ Москвѣ въ 1855 г. въ купеческой семьѣ. 16-ти лѣтъ онъ окончилъ 5-ю московскую гимназію и въ томъ же 1873 году поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Пройдя 3 курса въ университетѣ, проф. В. Н. Сиротининъ перешелъ затѣмъ на 3-й курсъ медико-хирургической академіи, которая привлекла его своимъ блестящимъ профессорскимъ составомъ. Въ числѣ профессоровъ академіи былъ зна

менитый покойный С. П. Боткинъ, преданнѣйшимъ ученикомъ котораго и сдѣлался юбиляръ. 20-го декабря 1880 г. В. Н. окончилъ академію вторымъ и былъ награжденъ преміей Иванова и вторымъ же, изъ 16 конкурировавшихъ, былъ оставленъ при академіи ординаторомъ въ клиникѣ проф. С. П. Боткина. Въ 1884 г. онъ былъ командированъ на казенный счетъ за границу. По возвращеніи изъ научной командировки, В. Н. въ 1887 г. сталъ частнымъ преподавателемъ медико-хирургической академіи и приступилъ къ чтенію лекцій по бактеріологіи. Въ концѣ 1894 г. В. Н. былъ избранъ профессоромъ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, а въ 1903 г.—профессоромъ госпитальной терапевтической клиники. На этомъ послѣднемъ посту юбиляръ пребываетъ и до настоящаго дня. В. Н. занималъ неоднократно должности старшихъ ординаторовъ больницъ: городской барачной, больницы св. Маріи Магдалины, общины сестеръ милосердія св. Георгія и др., и всюду много содѣйствовалъ процвѣтанію учрежденій, во главѣ которыхъ онъ находился. В. Н. не чуждъ и общественной дѣятельности: одно время онъ редактировалъ «Больничную Газету» Боткина, состоитъ дѣятельнымъ членомъ многихъ научныхъ медицинскихъ обществъ, а съ 1897 г.—совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. В. Н. отличается рѣдкой отзывчивостью души: въ 1891 г. онъ выступилъ съ публичной лекціей въ пользу голодающихъ, а въ 1904—1905 гг. много работалъ въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ личнаго состава, учрежденнымъ при исполнительной комиссіи главнаго управленія Краснаго Креста. Перу его принадлежитъ длинный рядъ научныхъ работъ. Чествованіе юбиляра происходило на его квартирѣ. Обычное чтеніе адресовъ начала депутація отъ клиники госпиталя при военно-медицинской академіи, директоромъ которой состоитъ юбиляръ. Старшій ассистентъ д-ръ Н. Г. Куковѣровъ прочиталъ адресъ, съ оцѣнкой юбиляра, какъ учителя, какъ профессора-клинициста, какъ врача-терапевта, общественнаго дѣятеля и человѣка. Въ знакъ преклоненія передъ талантомъ клинициста, создавшаго свою школу клиническаго мышленія, юбиляру поднесенъ сборникъ трудовъ его учениковъ, друзей и знакомыхъ, составившій очередной нумеръ «Русскаго Врача» и изданный къ юбилейному дню. Въ него вошло болѣе 45 статей петербургскихъ профессоровъ, кіевскихъ, казанскихъ и друг. Редакторъ «Русскаго Врача» д-ръ Владиславлевъ передалъ этотъ нумеръ В. Н. Сиротинину. Кромѣ того, клиника поднесла своему директору альбомъ, въ который вошло около 200 фотографій, иллюстрирующихъ всю тридцатилѣтнюю клиническую работу юбиляра; въ немъ собраны, между прочимъ, 140 карточекъ всѣхъ бывшихъ учениковъ ординаторовъ его клиники. Супругѣ В. Н. поднесенъ роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ слѣдовала депутація отъ студентовъ пятаго курса академіи; въ ея сердечномъ адресѣ выражено пожеланіе, чтобы еще многія поколѣнія студентовъ-медиковъ учились у юбиляра. Дальнѣйшія депутаціи были: отъ главнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста, во главѣ съ лейбъ-медикомъ Е. С. Боткинымъ, отъ терапевтической клиники въ Москвѣ (проф. Голубинина), отъ факультетской клиники въ Кіевѣ (проф. Вагнеръ, пр.-доц. Жебровскій), отъ терапевтической клиники женскаго медицинскаго института (проф. Волковъ), отъ академической терапевтической клиники (проф. Чистовичъ), отъ московскаго физико-терапевтическаго общества

(проф. Щербинскій), отъ медико-филантропическаго комитета императорскаго Человѣколюбиваго общества (помощникъ главнаго врачебнаго инспектора докторъ Булатовъ), отъ совѣта главныхъ врачей городскихъ больницъ и Обуховской больницы (д-ръ А. А. Нечаевъ), отъ Боткинской барачной больницы, въ которой В. Н. много времени былъ ординаторомъ (проф. Посадскій), отъ общества взаимопомощи врачей (правленіе in corpore во главѣ съ предсѣдателемъ д-ромъ Епифановымъ), отъ Георгіевской общины сестеръ милосердія, въ которой В. Н. былъ главнымъ врачомъ (проф. Ушинскій, графиня Шереметева, князь Накашидзе, д-ръ Зеленко), наконецъ отъ общины Христа Спасителя (д-ръ Корневъ). Личныя поздравленія принесли юбиляру множество лицъ разныхъ сословій и профессій; среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить товарища предсѣдателя государственной думы проф. Капустина, лейбъ-медика Бертенсона, лейбъ-педіатра Раухфуса, профессоровъ Ѳедорова, Кравкова, Альбицкаго, Доброславлева. Телеграммы поступали цѣлый день до поздняго вечера: отъ проф. Отта, отъ главнаго военно-медицинскаго инспектора Евдокимова, отъ общества морскихъ врачей гор. Кронштадта, отъ акушерской клиники новороссійскаго университета.

Юбилей Д. П. Никольскаго. 20 декабря пр. года исполнилось 30-лѣтіе врачебной и общественной дѣятельности д-ра медицины Дмитрія Петровича Никольскаго. Д. П. родился въ Перми. По окончаніи курса духовной семинаріи, онъ поступилъ въ 1875 г. на естественный факультетъ петербургскаго университета, но, годъ спустя, перешелъ на второй курсъ медико-хирургической академіи. Окончивъ въ 1880 г. академію, онъ поступилъ на службу въ екатеринбургское уѣздное земство, откуда черезъ два года перевелся на Кыштымскіе горные заводы. Въ 1882 г. Д. П. былъ приглашенъ на службу въ Петербургъ въ качествѣ врача нѣкоторыхъ фабрикъ и заводовъ по Шлиссельбургскому тракту. На этой службѣ юбиляръ оставался до 1909 г., когда поступилъ на городскую службу въ качествѣ старшаго врача городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Находясь на службѣ за Невской заставой, Д. П. принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществахъ даннаго фабричнаго района. Въ настоящее время Д. П. состоитъ предсѣдателемъ вновь образовавшихся при обществѣ охраненія народнаго здравія комиссій по борьбѣ съ самоубійствами и по охранѣ труда, товарищемъ предсѣдателя второй секціи общества народнаго здравія и антропологическаго общества при военно-медицинской академіи, предсѣдателемъ медицинской секціи общества народныхъ университетовъ и членомъ совѣта этого общества и др. Д. П. состоитъ, кромѣ того, преподавателемъ въ технологическомъ, горномъ и политехническомъ институтахъ, гдѣ читаетъ лекціи по гигіенѣ. Юбиляръ также извѣстенъ своей литературной дѣятельностью. Онъ написалъ около 200 статей, монографій и отдѣльныхъ изслѣдованій по вопросамъ медико-санитарнымъ и школьнымъ, этнографическимъ и общественнымъ. За нѣкоторые свои научные труды Д. П. получилъ награды и похвальные отзывы: большія серебряныя медали отъ русскаго географическаго общества и московскаго антропологическаго общества, бронзовую медаль отъ общества охраненія народнаго здравія, почетные отзывы и двѣ золотыя медали на выставкахъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и Казани за разработку школьныхъ вопросовъ и за изслѣдованія условій труда рабочихъ. По его иниціативѣ

организованы съѣзды фабричныхъ врачей. 20-го декабря юбиляръ получилъ много привѣтственныхъ телеграммъ, между прочимъ отъ лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона, проф. Н. Н. Петрова, отъ товарищей-врачей изъ Перми, прив.-доц. А. А. Липскаго, трамвайной городской комиссіи и мн. др.

Реставрація Успенскаго собора. Высочайше учрежденная особая комиссія по реставраціи большого Успенскаго московскаго собора подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта сенатора кн. А. А. Ширинскаго-Шихматова закончила разработку плана капитальнаго ремонта и реставраціи собора. На реставрацію собора изъ государственнаго казначейства отпущено 140 тысячъ рублей и собрано на это пожертвованій и другихъ суммъ 133 тысячи рублей; по предварительному исчисленію, расходъ по ремонту исчисленъ не менѣе 300 тысячъ рублей. Комиссія признала необходимымъ произвести капитальную реставрацію собора, согласно подробно разсмотрѣнному ею плану, и съ этою цѣлью произвести предварительно подробное научное обслѣдованіе собора съ исполненіемъ точныхъ чертежей и указаніемъ въ нихъ всѣхъ наблюдаемыхъ въ соборѣ строительныхъ и художественныхъ особенностей, неправильностей и поврежденій. На основаніи данныхъ этого изслѣдованія рѣшено издать подробное научное описаніе Успенскаго собора, по возможности снабженное исполненными въ краскахъ рисунками его достопримѣчательностей. Затѣмъ рѣшено изслѣдовать зданіе собора въ отношеніи его прочности и произвести всѣ необходимыя работы для его укрѣпленія. Постановлено образовать особую комиссію изъ техниковъ и спеціалистовъ для подробнаго выясненія заданій, коимъ должно удовлетворять устройство отопленія и вентиляціи собора, и на основаніи этихъ заданій объявить конкурсъ на переустройство въ соборѣ отопленія и вентиляціи, признаваемыхъ теперь комиссіей крайне неудовлетворительными. Далѣе рѣшено: промыть и очистить наружныя стѣны собора и позолоту на его главахъ; возстановить пострадавшую орнаментацію наружныхъ порталовъ собора, обслѣдовать и по возможности открыть базы всѣхъ трехъ порталовъ, въ крайнемъ случаѣ—одного южнаго, и т. д. Что касается реставраціи живописи храма, то рѣшено открыть находящуюся подъ слоемъ малярной краски древнюю роспись собора, тщательно реставрировать ее, записать оказавшіяся лишенными росписи мѣста яичными красками, на левкасѣ, въ характерѣ живописи первой половины XVII вѣка, придерживаясь при этомъ рисунка существующей, а въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовъ древней росписи не сохранилось, а существующая явно неудовлетворительно отражаетъ характеръ,—воспроизвести соотвѣтствующія изображенія съ извѣстныхъ иконъ и другихъ памятниковъ, относящихся къ той же первой половинѣ XVII столѣтія и къ тому же московскому письму. При безусловной невозможности реставрировать древнюю наружную стѣнопись собора и обезпечить ея сохранность рѣшено воспроизвести роспись наружныхъ стѣнъ мозаики въ характерѣ XVII вѣка, придерживаясь обнаруженныхъ остатковъ древней росписи. Признано необходимымъ исполнить точныя копіи съ закрытыхъ иконостасомъ древнихъ фресокъ алтарной преграды, а по возможности и фресокъ, находящихся на внутренней алтарной стѣнѣ, ниже уровня современнаго пола, для храненія этихъ копій въ патріаршей ризницѣ. Предположено также ремонтировать и реставрировать колокольню Ивана Великаго.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9 января разсматривался докладъ правленія объ измѣненіи правилъ освобожденія членовъ кассы отъ обязательныхъ платежей. Собралось на засѣданіе всего 31 человѣкъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ правленіе поставило на баллотировку вопросъ объ отмѣнѣ особыхъ правилъ 9 октября 1905 г. объ освобожденіи отъ обязательныхъ платежей. Сущность этихъ правилъ сводится къ тому, что участники кассы, послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ одной и той же группѣ, освобождаются, въ порядкѣ давности пребыванія въ кассѣ, отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ или нормированныхъ платежей полностью или частично. Освобожденіе это покрывалось особыми суммами изъ процентовъ съ капитала Н. А. Фирсова. Сначала для этой цѣли было назначено 1,000 рублей, потомъ послѣдовали дальнѣйшія ассигнованія, достигшія суммы 2,082 руб., на каковую сумму освобождались отъ платежей не только всѣ участники ея съ 1891 года, но и часть членовъ кассы, вступившихъ въ нее въ 1892 г. Скоро, однако, пришлось пріостановить дальнѣйшее предоставленіе этой льготы, такъ какъ ассигнованныя для этой цѣли суммы были исчерпаны; въ то же время задолженность членовъ кассы за послѣдніе годы сильно возросла и для удовлетворенія насущныхъ нуждъ кассы—выдачи поразрядныхъ ссудъ — приходилось заимствовать изъ того же капитала Н. А. Фирсова. При крайне ограниченныхъ средствахъ, какими располагаетъ касса для предоставленія льготы освобожденія отъ обязательныхъ платежей, примѣненіе правилъ 9 октября привело на практикѣ лишь къ тому, что въ средѣ кассы оказался цѣлый классъ привилегированныхъ членовъ, нарушающихъ основной принципъ кассы, какъ взаимно-страхового учрежденія,—равномѣрность въ распредѣленіи тяжести обязанностей. Въ моментъ баллотировки оставалось всего 26 членовъ. 17 членовъ противъ девяти подаютъ голосъ за отмѣну правилъ 1905 года, а затѣмъ предлагается вопросъ: продолжать ли освобожденіе отъ обязательныхъ платежей въ 1911 году членовъ кассы, уже освобожденныхъ, или пріостановить это освобожденіе Четырнадцатью голосами противъ девяти постановлено пріостановить освобожденіе на 1911 годъ. Кромѣ того, единогласно рѣшено, въ исключительныхъ случаяхъ, по особо уважительнымъ основаніямъ, освобождать отъ обязательныхъ платежей тѣхъ членовъ кассы, которые находятся въ исключительно стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Это освобожденіе производить только на опредѣленный срокъ, и во всякомъ случаѣ не дольше, какъ по 1915 г. включительно. На эту потребность собраніе ассигновало на 1911 г. 1,000 рублей съ тѣмъ условіемъ, чтобы остатки отъ этой ассигновки держались на особомъ счету. Постановленія собранія 9 января передаются для разсмотрѣнія и на заключеніе всѣмъ провинціальнымъ отдѣленіямъ кассы. Разсмотрѣніе правилъ о недоимкахъ отложено до слѣдующаго общаго собранія.

Двѣ лекціи г. Баскина. Образовавшееся у насъ музыкально-историческое общество имени графа А. Д. Шереметева задается весьма широкими художественными задачами; между прочимъ предпринятъ цѣлый рядъ публичныхъ безплатныхъ лекцій о выдающихся дѣятеляхъ русской и иностранной музыкальной литературы, лучшія произведенія которыхъ исполняются подъ личнымъ управленіемъ графа А. Д. Шереметева въ устраиваемыхъ имъ общедоступныхъ концертахъ въ

залѣ дворянскаго собранія при участіи солистовъ и его хора и оркестра. По инидіативѣ предсѣдательницы названнаго общества, извѣстной пѣвицы М. Б. Тобукъ-Черкасъ, прибиты были 5-го и 20-го января, въ годовщину смерти А. С. Даргомыжскаго и А. Н. Сѣрова, доски къ домамъ (Моховая 30. и № 8 по 15 линіи Васильевскаго острова), въ которыхъ жили и умерли вышеназванные корифеи русской музыкальной литературы. Въ эти дни (то-есть 5-го и 20-го) отслужены были въ церкви Воскресенья (Екатерининскій каналъ) панихиды по нихъ подъ управленіемъ графа Шереметева при участіи его хора, а вечеромъ 6-го и 20-го состоялись въ залѣ городской думы двѣ экстренныя безплатныя лекціи дѣйствительнаго члена этого общества В. С. Баскина о жизни и художественномъ значеніи Даргомыжскаго и Сѣрова. Лекціи эти были музыкально иллюстрированы отрывками изъ лучшихъ сочиненій названныхъ композиторовъ, исполненными извѣстными артистами (госпожи Каменская, Майкова, Маркова и гг. Исаченко, Порубинскій, Троицкій и др.), хоромъ и оркестромъ графа Шереметева подъ его личнымъ управленіемъ и г. Бертье. Выборъ пьесъ, какъ изъ сочиненій Даргомыжскаго (отрывки изъ «Русалки» и «Каменнаго гостя», романсы, дуэты и оркестровыя произведенія), такъ и Сѣрова (цѣлыя сцены и отрывки изъ «Юдиѳи», Рогнѣды» и «Вражьей силы»), равно какъ и самыя лекціи, вызвавшія горячія одобренія слушателей, переполнившихъ залъ, свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ лектора съ трактуемымъ имъ предметомъ. Положивъ въ основу автобіографическія записки, письма къ друзьямъ и воспоминанія современниковъ объ этихъ композиторахъ, г. Баскинъ въ популярномъ изложеніи весьма ярко охарактеризовалъ эпоху, въ которой они жили и творили, отношеніе къ нимъ современнаго имъ общества, печати и дирекціи императорскихъ театровъ и мѣсто, которое они занимаютъ въ русской музыкальной литературѣ. Закончилъ г. Баскинъ пожеланіемъ: чаще слышать ихъ произведенія на нашей образцовой сценѣ, гдѣ все приносится въ жертву нѣмецкому Молоху—Вагнеру, и вскорѣ увидѣть на площадяхъ Петербурга памятники Даргомыжскому и Сѣрову, выразивъ при этомъ надежду, что «авось не сорокъ лѣтъ снова пройдетъ, покуда вспомнятъ о нихъ».

Статистика печати. Въ недавно вышедшей изъ печати справочной книгѣ И. В. Вольфсона «Газетный Міръ» приведены интересныя статистическія свѣдѣнія о періодической печати въ Россіи. По этимъ даннымъ, всего въ Россіи въ октябрѣ-ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго года выходило 1,817 періодическихъ изданій. Первое мѣсто по количеству изданій занимаетъ Петербургъ, гдѣ выходило 472 изданія; за нимъ слѣдуютъ Москва (204), Варшава (167), Рига (59), Кіевъ (56), Одесса (48), Тифлисъ (41), Вильна (34), Харьковъ (30), Ревель (23), Казань (22), отъ 10 до 18 изданій выходило въ городахъ: Юрьевѣ, Лодзи, Баку, Астрахани, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Екатеринославѣ, Саратовѣ, Ростовѣ-на-Дону, Самарѣ, Томскѣ, Владивостокѣ и Митавѣ; 5 городовъ имѣютъ по 9 изданій, 3—по 8, 4—по 7, 10—по 6, 14—по 5, 12—по 4, 22—по 3, 42—по 2 и, наконецъ, 73 города имѣютъ по одному періодическому изданію. 1,347 изданій (т. е. 74 проц. всѣхъ изданій) выходитъ на русскомъ языкѣ; на польскомъ языкѣ выходитъ 197 изданій, на нѣмецкомъ—68, латышскомъ—41, эстонскомъ—35, еврейскомъ (древнемъ и разговорномъ)—24 и армянскомъ—23, что составляетъ

1,3% всѣхъ выходящихъ изданій. Количество изданій, выходящихъ на каждомъ изъ остальныхъ языковъ, незначительно, и въ процентномъ отношеніи къ общему количеству изданій составляетъ только десятыя доли единицы. По содержанію періодическія изданія раздѣлены на 28 группъ; первое мѣсто занимаютъ изданія, посвященныя политикѣ, публицистикѣ и литературѣ (обычный типъ газетъ и журналовъ),—такихъ изданій выходитъ 702; за ними слѣдуютъ офиціальныя изданія (197), изданія, посвященныя богословію, религіозно-нравственнымъ и церковнымъ вопросамъ (193), изданія сельско-хозяйственныя и по лѣсоводству (122), финансовыя, промышленныя и торговыя (120) и т. д.; по юридическимъ и политико-экономическимъ вопросамъ выходитъ 21 изданіе; послѣднее мѣсто въ этой группировкѣ занимаютъ изданія, посвященныя философіи и психологіи, которыхъ выходитъ всего только шесть. Большой интересъ представляетъ распредѣленіе періодическихъ изданій по продолжительности ихъ существованія. Оказывается, что большинство изданій (934 или 51,4 проц. всѣхъ изданій) начало выходить въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ; за послѣднее же десятилѣтіе всего начало выходить 1,051 изданіе; съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали выходить 183 изданія, съ 80-хъ—95, съ 70-хъ—72, съ 60-хъ—75 и т. д. Изданій, существующихъ больше ста лѣтъ, насчитывается всего 10, причемъ двѣ газеты («С.-Петербургскія Вѣдомости» и «St.-Petersburger Zeitung») существуютъ въ продолженіе 185 лѣтъ и являются въ настоящее время самыми старыми органами печати.

Конкурсъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 г. Выяснились результаты объявленнаго обществомъ архитекторовъ, по порученію высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 г., конкурса на составленіе эскизныхъ проектовъ музея. По условіямъ конкурса, стиль фасада долженъ быть въ стилѣ Empire эпохи Александра I, какъ соотвѣтствующій времени, въ память событій котораго сооружается зданіе. Въ виду близости храма Христа Спасителя, а также Кремля, былъ также допущенъ стиль этихъ зданій. Разсмотрѣніе проектовъ было поручено спеціальному жюри, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель комитета ген. В. Г. Глазузовъ, товарищъ предсѣдателя императорскаго московскаго историческаго музея, егермейстеръ высочайшаго двора кн. Н. С. Щербатовъ и инж. Н. Ф. Фалѣевъ, а также члены общества архитекторовъ—Л. Н. Бенуа, С. П. Галензовскій, Г. Д. Гриммъ, I. С. Китнеръ, В. А. Косяковъ, А. Н. Померанцевъ, гр. П. Ю. Сюзоръ, А. В. Щусевъ и секретарь жюри А. Ф. Бубырь. На конкурсъ поступило 23 проекта, въ томъ числѣ 17 изъ Петербурга и 6 иногородныхъ. За лучшіе изъ нихъ присуждены четыре преміи въ размѣрѣ 2,000 р., 1,700 р., 1,300 руб. и 1,000 руб. Первая премія присуждена Л. А. Ильину за проектъ подъ девизомъ «Героямъ». Вторую премію получилъ гражданскій инженеръ Алексѣевъ за проектъ съ девизомъ «Партизанъ». Третью премію присудили И. А. Ѳомину за проектъ подъ девизомъ «Аѳина-Паллада». Четвертая премія присуждена за проектъ подъ девизомъ «Пропилеи» Е. Ф. Шретеру. Жюри единогласно признало, что проектъ Л. А. Ильина выдѣляется своей художественностью и законченностью.

Памятникъ Петру Великому въ Тулѣ. Высочайше утвержденъ проектъ памятника Петру Великому въ Тулѣ. Памятникъ будетъ сооруженъ по проекту скульптора Баха. Великій императоръ представленъ на гранитной скалѣ у кузнечнаго горна, въ кожаномъ фартукѣ, съ молотомъ въ поднятой правой рукѣ. Памятникъ будетъ поставленъ передъ казеннымъ оружейнымъ заводомъ. Работы по сооруженію памятника предположено закончить къ веснѣ 1912 года и открытіе его пріурочить къ исполняющемуся въ томъ же году 200-лѣтію оружейнаго завода. На сооруженіе памятника, по словамъ «Р. У.»,всѣ служащіе оружейнаго завода, не исключая и рабочихъ, жертвуютъ полпроцента изъ своего жалованья ежемѣсячно. Бронза и гранитъ пріобрѣтаются на средства завода.

Пушкинское имѣніе. Въ засѣданіи нижегородскаго губернскаго земскаго собранія происходили пренія по вопросу о пріобрѣтеніи казной имѣнія въ с. Болдинѣ, принадлежавшаго брату поэта Л. С. Пушкину. По выясненіи однимъ изъ гласныхъ, что имѣніе это связано съ памятью о поэтѣ, такъ какъ здѣсь онъ живалъ часто и здѣсь же написаны многія его произведенія, какъ: «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Моцартъ и Сальери» и законченъ «Онѣгинъ», собраніе постановило, въ случаѣ пріобрѣтенія имѣнія казной, ассигновать единовременно 1000 руб. на устройство тамъ библіотеки-читальни имени А. С. Пушкина и ежегодно по 100 р. на ея поддержаніе, возложивъ наблюденіе за ней на лукояновское уѣздное земство.

Конкурсъ дирекціи императорскихъ театровъ на двѣ преміи, по двѣ тысячи каждая, изъ коихъ одна за драматическое произведеніе, относящееся къ избранію на царство Михаила Θеодоровича Романова въ 1613 году, и другая—за драматическое произведеніе изъ эпохи Отечественной войны 1812 года. Условія конкурса слѣдующія: 1) Драматическія произведенія на конкурсъ представляются въ с.-петербургскую или московскую конторы императорскихъ театровъ подъ девизомъ безъ обозначенія имени автора. Имя, отчество, фамилія и подробный адресъ его должны быть приложены въ запечатанномъ конвертѣ, на лицевой сторонѣ котораго долженъ быть выставленъ тотъ же девизъ, что и на заглавномъ листѣ пьесы. Въ случаѣ присужденія преміи, конвертъ, относящійся къ премированному произведенію, вскрывается, остальные конверты сжигаются въ послѣднемъ засѣданіи жюри. Пьесы, не получившія преміи, возвращаются обратно предъявителямъ расписокъ, выдаваемыхъ конторами при представленіи пьесъ на конкурсъ. (Примѣчаніе. Въ случаѣ присылки пьесы по почтѣ должно быть препровождаемо заявленіе, по какому адресу должна быть выслана расписка конторы. 2). Послѣдній срокъ представленія пьесъ на конкурсъ 1 января 1912 года, послѣ каковаго числа пріемъ пьесъ прекращается. 3) Каждое произведеніе представляется въ 2-хъ экземплярахъ или печатныхъ (на правахъ рукописи), или написанныхъ четко и разборчиво на пишущей машинѣ или отъ руки. 4) Рѣшеніе жюри объявляется между 1 и 15 апрѣля 1912 года. 5) Въ случаѣ присужденія, премія выдается автору не позднѣе 1 сентября 1912 года, но не иначе, какъ по представленіи имъ разрѣшеннаго драматической цензурой къ представленію экземпляра. 6) Произведенія, представляемыя на конкурсъ, до рѣшенія жюри не должны быть ни изданы, ни играны на сценѣ. 7) Обѣ преміи или одна изъ нихъ могутъ

остаться не присужденными по рѣшенію жюри. 8) Въ случаѣ, если заслуживающими будетъ признано болѣе одной пьесы на каждую премію, то ее получаетъ та, которая будетъ избрана дирекціей императорскихъ театровъ заслуживающей постановки въ сезонѣ 1912—13 годовъ на одной или обѣихъ императорскихъ сценахъ (Петербурга и Москвы). Каждая премія можетъ быть раздѣлена между двумя драматическими произведеніями лишь въ томъ случаѣ, если дирекція найдетъ желательной или постановку двухъ пьесъ на одинъ и тотъ же сюжетъ на одной и той же сценѣ, или если одна пьеса будетъ выбрана дирекціей для Петербурга, а другая для Москвы. 9) Премированныя пьесы ставятся на императорскихъ сценахъ на обычныхъ условіяхъ вознагражденія. 10) Жюри для присужденія преміи образуется изъ с.-петербургскаго и московскаго отдѣленія театрально-литературнаго комитета при дирекціи императорскихъ театровъ, лицъ, назначенныхъ директоромъ императорскихъ театровъ для участія въ работахъ жюри, и одного представителя отъ императорскаго военно-историческаго общества.

Выставка въ Москвѣ, посвященная исторіи живописи и творчества русскихъ писателей. Состоящая при императорской академіи наукъ высочайше учрежденная комиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ съ 1-го декабря 1911 г. по 1-е февраля 1912 г. выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно. Программа выставка намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ: I. Портреты писателей, критиковъ и публицистовъ въ разные періоды ихъ жизни; лицъ, имъ близкихъ, и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени. II. Скульптура. III. Картины. 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современные и позднѣйшіе. 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей. 3) Могильные памятники. IV. Рукописи. V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ. VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ. VII. Карикатуры. VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ. IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія). X. Миніатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи). XI. Виньетки изданій 1810—1840-хъ годовъ. Принявъ на себя порученіе комиссіи организовать комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица комиссіи и комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предположенной выставки, съ просьбой прійти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковые находятся. По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1-го октября 1911 г.: 1) въ Петербургѣ—въ высочайше учрежденную комиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ—къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая ул., свой домъ); 3) въ Одессѣ—къ профессору императорскаго новороссійскаго университета Борису Васильевичу Варнеке; 4) въ Казани—къ профессору

императорскаго казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ—къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ—къ директору Радищевскаго музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ—къ кн. Константину Владимировичу Кекуатову и 8) въ Харьковѣ—къ редактору газеты «Утро» Анатолію Андреевичу Шмудскому, а послѣ 1-го октября 1911 г. —исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину. Членъ комиссіи А. Бахрушинъ.

Отъ общества литературнаго музея имени Л. Н. Толстого. Смерть великаго писателя и учителя потрясла русскій народъ. По сквозь это народное горе пробивается та нѣжная любовь, которая хочетъ «сохранить воспоминанія» объ ушедшемъ отъ насъ дорогомъ человѣкѣ. Общее собраніе общества его имени 12 декабря прошлаго года рѣшило съ усиленной энергіей продолжать работу надъ своей основной задачей—устройствомъ дома-музея Л. Н. Толстого. Задача эта въ ея полномъ объемѣ представляется обществу въ слѣдующемъ видѣ: спеціальное художественное зданіе, какъ памятникъ Толстому, и въ немъ—музей, библіотека изъ сочиненій Толстого и о Толстомъ, залы и народныя аудиторіи для собраній и чтеній по литературнымъ вопросамъ и рядъ другихъ учрежденій литературно-общественнаго характера. Достиженіе этой цѣли, конечно, будетъ зависѣть отъ степени сочувствія и содѣйствія ей со стороны широкихъ общественныхъ круговъ. Въ январѣ 1911 г. общество приступаетъ къ устройству музея во временномъ помѣщеніи (Спб., Невскій пр., 102), и вскорѣ этотъ музей будетъ открытъ для публики. Около того же времени выйдетъ первый изъ предположеннаго ряда сборниковъ общества, подъ названіемъ «Переписка Л. Н. Толстого», а также первый нумеръ «Извѣстій» общества. Служа основной своей цѣли—устройству дома музея Толстого, общество вмѣстѣ съ тѣмъ горячо поддерживаетъ и будетъ пропагандировать по мѣрѣ своихъ силъ мысль о выкупѣ Ясной Поляны въ національную собственность, ради сохраненія въ ней на вѣчныя времена могилы Льва Толстого и обстановки, среди которой прошла его жизнь. Общество Толстовскаго музея надѣется, что тотъ глубокій интересъ и любовное вниманіе, съ какимъ русскій народъ относится къ памяти своего великаго писателя, поможетъ намъ осуществить намѣченную нами цѣль во всей ея полнотѣ. Лица и учрежденія, сочувствующія нашей цѣли и желающія прійти къ намъ на помощь, благоволятъ направлять пожертвованія: 1) деньгами—по адресу казначея общества Семена Аѳанасьевича Венгерова (Спб., Загородный пр., д. 21, кв. 36) и 2) предметами для музея (портреты, картины, бюсты, книги, рукописи, письма и пр.) по адресу вице-предсѣдателя совѣта общества Михаила Александровича Стаховича (Спб., Мойка, д. 91). Деньги, присланныя безъ особаго назначенія, будутъ считаться пожертвованными на созданіе Толстовскаго дома-музея. Въ виду неоднократныхъ запросовъ со стороны различныхъ группъ и лицъ общество рѣшило принимать на храненіе пожертвованія и на другія спеціальныя цѣли, связанныя съ именемъ Л. Н. Толстого, впредь до возникновенія организацій, посвященныхъ тѣмъ цѣлямъ, которыя будутъ указаны жертвователями. Предсѣдатель совѣта Максимъ Ковалевскій. Вице-предсѣдатели: Вл. Короленко, Мих. Стаховичъ. Казначей С. Венгеровъ. Секретарь Вл. Муриновъ.

НЕКРОЛОГИ.

ННИНЪ, П. А. Въ ночь на 18-е декабря 1910 г. внезапно скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Павелъ Абрамовичъ Аннинъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ, какъ руководитель въ министерствѣ дѣлъ начальнаго образованія. При его непосредственномъ и дѣятельномъ участіи былъ выработанъ пенсіонный уставъ, обезпечивающій инвалидность и старость учителей начальныхъ министерскихъ и земскихъ школъ. Покойный родился въ 1842 году. Окончивъ курсъ въ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ въ кіевской духовной академіи со степенью магистра богословія, началъ свою дѣятельность преподавателемъ латинскаго языка въ рязанской духовной семинаріи. Здѣсь на него обратилъ вниманіе покойный бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа Сергіевскій. Онъ предложилъ молодому учителю перейти на службу въ канцелярію оберъ-прокурора св. синода, и П. А. вскорѣ сдѣлался начальникомъ одного изъ отдѣленій канцеляріи. Въ бытность оберъ-прокуроромъ св. синода графа Д. А. Толстого покойный принималъ видное участіе въ реформахъ графа, и когда графъ Толстой былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ поручилъ покойному должность начальника отдѣла въ министерствѣ по народному образованію. Съ того времени П. А. не разставался съ вопросами, возбуждавшимися въ министерствѣ по начальному образованію, предсѣдательствовалъ въ совѣщаніи при министрѣ по разсмотрѣнію отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и направлялъ свою дѣятельность къ наибольшему численному развитію школъ и лучшему подбору учительскаго персонала. Членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія онъ былъ назначенъ при графѣ Д. А. Толстомъ, въ послѣдніе годы былъ замѣстителемъ предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Цѣнна также дѣятельность покойнаго по духовному вѣдомству. Онъ былъ однимъ изъ дѣятелей, участвовавшихъ въ выработкѣ устава училищнаго

совѣта при св. синодѣ и съ открытія этого совѣта былъ ревностнымъ его членомъ. Одновременно участвовалъ въ учебномъ комитетѣ при св. синодѣ. Умеръ 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12492).

† **Бородинъ, М. П.** Скончавшійся 25-го декабря прошлаго года въ гор. Вяткѣ Михаилъ Павловичъ Бородинъ—уроженецъ Вятской губерніи, съ которой онъ связалъ почти всю свою полную страданій жизнь, вынужденно разлучаясь съ родной губерніей лишь для ссылки въ далекую Сибирь. Жизнь немилостиво сложилась для этого человѣка. Еще на школьной скамьѣ, въ 70-хъ годахъ, будучи ученикомъ старшихъ классовъ вятской гимназіи, М. П. за «крамольную» переписку съ исключенными изъ гимназіи товарищами былъ заключенъ въ вятскую тюрьму, гдѣ ему пришлось просидѣть около полутора года. Выпущенный на свободу, М. П. занялся литературной дѣятельностью, корреспондируя въ «Отечественныя Записки». Но эту дѣятельность М. П. пришлось продолжить недолго. По доносу онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Якутскую область. Тамъ М. П. встрѣтился съ Джономъ Кеннаномъ, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, описывая эту встрѣчу,—такъ говоритъ о причинахъ высылки М. П. въ Сибирь.—«Г. Бородинъ...—пишетъ Кеннанъ,—былъ сосланъ въ Якутскъ, вслѣдствіе «опаснаго и вреднаго» содержанія рукописи, случайно найденной у него при обыскѣ. Преступная рукопись была копіей описанія Вятской губерніи, посланнаго имъ въ редакцію упомянутаго журнала «Отечественныя Записки» и еще до того времени не опубликованнаго. Г. Бородинъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ отправиться въ Сибирь въ сѣрой арестантской одеждѣ, съ вшитымъ на спинѣ четыреугольнымъ желтымъ лоскутомъ, за сочиненіе, которое спустя четыре мѣсяца появилось въ названномъ журналѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сослалъ его за «опасную и вредную рукопись», которую впослѣдствіи петербургская цензура разрѣшила къ печатанію, какъ совершенно безобидную». Ужасныя условія этой ссылки, продолжавшейся четыре года, тяжело отозвались на еще юношескомъ организмѣ М. П. Онъ получилъ въ Сибири тяжелый недугъ, который въ теченіе всей послѣдующей жизни не давалъ М. П. покоя. Будучи въ ссылкѣ, М. П. женился на якуткѣ, но жена его не пожелала, однако, раздѣлить съ нимъ годы свободы, и М. П. вернулся въ родную для него Вятскую губернію со своимъ маленькимъ сыномъ. Въ Вяткѣ М. П. организовалъ вятскій кустарный музей, во главѣ котораго онъ стоялъ болѣе 25 лѣтъ, занимая мѣсто завѣдующаго складомъ до самой своей смерти. Но, посвятивъ главную часть своего времени земской работѣ, М. П. отдавалъ свой досугъ литературной работѣ. М. П. состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вятской Рѣчи», принималъ участіе въ нѣкоторыхъ казанскихъ газетахъ и, наконецъ, корреспондировалъ изъ Вятки и въ «Русскія Вѣдомости». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 300).

† **Бухаринъ, М. Н.** 16-го декабря 1910 г. скончался отъ воспаленія легкихъ членъ совѣта министра путей сообщенія, Михаилъ Николаевичъ Бухаринъ. Покойный, сынъ одесскаго градоначальника, родился въ 1845 году. По окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ онъ началъ свою дѣятельность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ перевелся въ судебное вѣдомство и былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ Бес-

сарабской губерніи, гдѣ находилось его родовое имѣніе. Въ 1873 году М. Н. былъ назначенъ товарищемъ прокурора одесскаго окружнаго суда и вскорѣ былъ избранъ въ почетные мировые судьи одесскаго округа. Въ Одессѣ покойный прожилъ болѣе 15 лѣтъ и въ досуги службы особенно увлекался яхтеннымъ спортомъ, совершивъ на собственной яхтѣ «Радость» нѣсколько плаваній. Въ 1892 году онъ перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія, черезъ годъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній и вскорѣ членомъ совѣта министра путей сообщенія. Въ качествѣ члена совѣта М. Н. исполнялъ рядъ отвѣтственныхъ порученій, былъ командированъ въ Астрахань для принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи и въ послѣдніе годы, когда Приморская желѣзная дорога оказалась несостоятельной, онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи по временному завѣдыванію казенной эксплоатаціей этой дороги. Покойный былъ не чуждъ также литературной дѣятельности. Онъ писалъ преимущественно въ драматической формѣ. Въ 1888 году появился его одноактный водевиль «Что цѣнятъ женщины», затѣмъ одноактная комедія «Въ такую ночь» и, наконецъ, историческая пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ «Измаилъ», имѣвшая въ 1902 году крупный успѣхъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества. Кромѣ того, покойный много посвящалъ времени заботамъ о своемъ имѣньи въ Волынской губерніи, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на садоводство, развелъ и культировалъ фруктовый садъ и устроилъ цвѣточный питомникъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался сердечностью и заботливостью о своихъ подчиненныхъ и пользовался ихъ симпатіями, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12490).

† **Вознесенскій, Ив. Ив., протоіерей.** 18 декабря 1910 г. скончался въ Костромѣ протоіерей Иванъ Ивановичъ Вознесенскій на 73-мъ году жизни. Уроженецъ Костромской губерніи, онъ воспитывался въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и окончилъ курсъ въ московской духовной академіи въ 1864 году. 29 лѣтъ онъ состоялъ на духовно-училищной службѣ, сначала преподавателемъ родной ему семинаріи, а послѣднія 8 лѣтъ этой службы инспекторомъ рижской духовной семинаріи. Въ январѣ 1894 года принялъ священство и состоялъ протоіереемъ костромского каѳедральнаго собора. Покойный специализировался въ церковномъ пѣніи и составилъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій о немъ. Таковы: 1) «О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Большой знаменный распѣвъ». Выпускъ I. Кіевъ. 1887. Выпускъ II. Рига, 1889.—2) Тоже, 2-е изд., вып. I, Рига, 1890.—3) «Осмогласные распѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви». Выпускъ 1: Кіевскій распѣвъ. Кіевъ, 1888. Выпускъ 2: Болгарскій распѣвъ. Кіевъ, 1891. Выпускъ 3: Греческій распѣвъ въ Россіи. Кіевъ, 1893.—4) «Церковное пѣніе православной юго-западной церкви по нотно-линейнымъ ирмологамъ XVII и XVIII вв.». Тетрадь 1. Кіевъ, 1890.—5) «О современныхъ намъ нуждахъ и задачахъ русскаго церковнаго пѣнія». Рига, 1891.—6) «Общедоступныя чтенія о церковномъ пѣніи». Выпуски 1—3. Рига—Кострома. 1892—3.—7) «О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго Востока съ древнѣйшихъ до новыхъ временъ». Части I и II. Кострома, 1896.—8) «О складѣ

или ритмѣ и метрѣ краткихъ изреченій русскаго народа: пословицъ, поговорокъ, загадокъ, присказокъ и др.». Кострома. 1908.—За свои изслѣдованія по церковному пѣнію авторъ не разъ удостаиваемъ былъ св. синодомъ преміи имени московскаго митрополита Макарія Булгакова.

† **Голубевъ, В. С.** Въ ночь со 2-го на 3-е января внезапно, почти не хворая, скончался Василій Семеновичъ Голубевъ, публицистъ по земскимъ вопросамъ, въ послѣднее время бывшій фактическимъ редакторомъ журнала «Земское дѣло». Умеръ 44 лѣтъ, явно надломленный огромной трудовой тягой, которую онъ взвалилъ на себя, какъ только выступилъ на общественную работу и отъ которой не присаживался отдохнуть ни на одну минуту. Писалъ, хлопоталъ, рылся въ цифрахъ и источникахъ, выпускалъ нумеръ за нумеромъ журналъ, какъ вѣрный часовой, слѣдилъ самымъ бдительнымъ образомъ за каждымъ моментомъ земской и общественной жизни, самъ возился съ корректурами,— и такъ и умеръ, среди всего этого нескончаемаго труда. Отложилъ корректуру, которую только что исправилъ, отослалъ отъ себя жену, чтобы не безпокоилась, сказавъ: «если позвонятъ къ телефону,—не подходи; я ужъ самъ поговорю», потомъ легъ и... все. Еще студентомъ, во время движенія 1887 года, охватившаго всѣ университеты, В. С. былъ высланъ изъ Петербурга въ Новгородъ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, только что окончивъ курсъ, онъ подвергается новымъ, еще болѣе суровымъ воздѣйствіямъ. По обвиненію въ пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, онъ былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Восточную Сибирь, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ—до 1894 года. Здѣсь, въ глуши Иркутской губерніи, онъ сблизился съ П. Г. Зайчневскимъ, В. А. Карауловымъ, В. Я. Богучарскимъ, Р. Э. Циммерманомъ (Р. Гвоздевъ) и др. Когда покойная жена Караулова пріѣхала къ мужу въ Сибирь и стала заниматься медицинской практикой среди мѣстнаго населенія, В. С. вмѣстѣ съ Циммерманомъ стали помогать ей и работали около нея въ качествѣ фельдшеровъ... Въ серединѣ 90-хъ годовъ Голубевъ возвращается въ Европейскую Россію. Сначала онъ живетъ въ Псковѣ, потомъ въ Смоленскѣ, гдѣ работаетъ въ газетѣ «Смоленскій Вѣстникъ»; оттуда онъ переселяется въ Саратовъ. Здѣсь въ 1896 году онъ получаетъ работу въ мѣстномъ губернскомъ земствѣ, и съ этого времени начинается его неустанная, безпрерывная дѣятельность на различныхъ амплуа земскаго «третьяго элемента». На этомъ поприщѣ В. С. являлъ собой идеальнаго представителя типа земскаго «третье-элементнаго» работника. Въ саратовскомъ земствѣ В. С. звали въ шутку «папой третьяго элемента». Онъ вѣдалъ все. Начавъ съ отдѣла народнаго образованія, онъ скоро взялъ на себя и общее веденіе земскаго дѣла въ управѣ, въ качествѣ секретаря и редактора «Земской Недѣли», которая, благодаря ему, вскорѣ пріобрѣла репутацію лучшаго, солиднѣйшаго и авторитетнаго обще-земскаго органа. Разгаръ освободительнаго движенія захватилъ В. С. и увлекъ его изъ Саратова въ Петербургъ, гдѣ организовывалась тогда газета «Наша Жизнь». Редакторъ-основатель этой послѣдней, профессоръ Л. В. Ходскій, вызвалъ В. С., предложивъ ему завѣдываніе земскимъ отдѣломъ газеты. В. С. согласился, и, вступивъ въ газету, вскорѣ отдался и ей съ такимъ же усердіемъ, какъ и земской работѣ. Одно время онъ былъ фактическимъ и официальнымъ редакторомъ ея,—за что впослѣдствіи

долженъ былъ отбыть и общую редакторскую повинность, просидѣвъ въ «Крестахъ» три мѣсяца. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 4).

† **Завадскій, В. Р.** [1]) 31 декабря 1910 г. въ Петербургѣ скончался отъ паралича сердца сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Владиславъ Ромуловичъ Завадскій. Покойный происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Завадскихъ, герба «Рогаля»; родился 14 сентября 1840 года въ нынѣупраздненной крѣпости Кинбурнѣ (противъ Очакова); благодаря тому, что мать его была русская, онъ росъ и воспитывался въ духѣ православной вѣры. По окончаніи курса во второй одесской гимназіи, В. Р. Завадскій поступилъ въ Ришельевскій лицей на юридическій факультетъ и оттуда перешелъ ради полученія степени кандидата въ московскій университетъ, гдѣ онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, но по разнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ этого и принять предложеніе К. П. Побѣдоносцева, тогда профессора и оберъ-секретаря одного изъ московскихъ департаментовъ сената, перейти на службу по судебному вѣдомству. 6 февраля 1862 г. В. Р. былъ опредѣленъ младшимъ помощникомъ секретаря въ I отдѣленіи VI департамента сената. Послѣ введенія новыхъ судебныхъ установленій, занималъ должность судебнаго слѣдователя въ Москвѣ, товарища прокурора московскаго окружнаго суда, прокурора окружнаго суда въ Кишиневѣ и Ярославлѣ, товарища прокурора судебной палаты въ Казани и предсѣдателя саратовскаго окружнаго суда. На послѣдней должности В. Р. Завадскій пробылъ шесть лѣтъ и пріобрѣлъ извѣстность въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ составитель образцоваго наказа для саратовскаго суда, выдержавшаго два изданія, и проекта общаго наказа окружнымъ судамъ. Въ 1879—1880 гг. онъ былъ предсѣдателемъ петербургской судебной палаты и затѣмъ старшимъ предсѣдателемъ палаты въ Саратовѣ и Харьковѣ, гдѣ въ 1885 г. весьма удачно провелъ все извѣстное въ свое время дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ. Состоя съ весны 1885 г. старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты въ Москвѣ, В. Р. въ 1889 г. по высочайшему повелѣнію выполнилъ всѣ подготовительныя работы, необходимыя для введенія русскаго суда въ Прибалтійскомъ краѣ; въ 1894 г. онъ перешелъ на должность директора второго департамента министерства юстиціи и въ слѣдующемъ году получилъ мѣсто сенатора, управляющаго межевою частью, на правахъ товарища министра, гдѣ много сдѣлалъ для упрощенія тогдашняго сложнаго дѣлопроизводства и реформировалъ Константиновскій межевой инстутитъ. Съ 1895 по 1899 гг. неоднократно управлялъ министерствомъ юстиціи и въ 1900 г. былъ назначенъ первоприсутствующимъ сенаторомъ въ департаментѣ герольдіи, гдѣ и пробылъ до конца жизни, состоя въ то же время первоприсутствующимъ перваго собранія сената. В. Р. Завадскому принадлежитъ рядъ статей по вопросамъ судоустройства и судопроизводства въ журналѣ «Министерства Юстиціи», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго права» и другихъ. Его книга о «Понудительномъ исполненіи и упрощеніи судопроизводства» выдержала три изданія (1892, 1893, 1894) и была принесена авторомъ въ даръ москов-

[1]) Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

скому юридическому обществу, которое и было издателемъ книги. Какъ человѣкъ, покойный сенаторъ отличался большою отзывчивостью и доступностью ко всѣмъ обращавшимся къ нему.

† **Карауловъ, В. А.** Въ 5 часовъ утра 19-го декабря 1910 г. скончался Василій Андреевичъ Карауловъ, депутатъ далекой Сибири, пріютившей его сначала какъ изгнанника, а потомъ признавшей своего жалкаго пріемыша своимъ лучшимъ сыномъ и защитникомъ своихъ интересовъ въ государственной думѣ. Василій Андреевичъ Карауловъ родился въ 1854 году. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ кіевскій университетъ. Въ университетѣ В. А. примкнулъ къ партіи «Народной Воли», принималъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и крестьянъ, и послѣ разгрома народовольческихъ организацій въ 1881—1883 гг., когда начались разговоры о реформѣ народовольческой партіи, стоялъ, по свидѣтельству А. Н. Баха, за старую «Народную Волю». Въ 1884 году В. А., вмѣстѣ съ Стародворскимъ, Мартыновымъ, Шебалинымъ, Борисовичемъ, участвовалъ въ такъ называемой юго-западной группѣ партіи «Народной Воли», являвшейся обломкомъ народовольческихъ организацій, и вмѣстѣ съ другими 11 революціонерами былъ арестованъ и преданъ суду по обвиненію въ принадлежности къ преступной партіи, имѣвшей цѣлью ниспровергнуть существующій строй. В. А. былъ арестованъ 4-го марта 1884 года. Жилъ онъ въ это время уже на положеніи нелегальнаго, подъ фамиліей Тейша. До своего ареста, разыскиваемый по другимъ дѣламъ, В. А. долженъ былъ скрыться и нѣкоторое время жилъ за границей, оттуда вернулся въ Кіевъ въ концѣ 1883 года и тамъ примкнулъ къ группѣ Шебалина. Въ 1884 году (4-го марта) В. А. былъ арестованъ. На квартирѣ В. А. при арестѣ его ничего преступнаго найдено не было. Все дѣло было построено на агентурныхъ показаніяхъ, и правдой было въ немъ только то, что существовала юго-западная группа «Народной Воли», имѣвшая свою тайную типографію. Кіевская группа въ цѣломъ никакого отношенія къ террору не имѣла, и всѣ разговоры въ обвинительномъ актѣ о съѣздѣ и террорѣ вызваны были исключительно желаніемъ жандармскаго управленія подвести участниковъ процесса подъ 249 ст. улож. о нак., каравшую смертной казнью. Всѣ 12 обвиняемыхъ были преданы военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, и судъ надъ ними начался 1 ноября 1884 года, подъ предсѣдательствомъ генерала Кузьмина. Хотя на судѣ и не было доказано участіе въ террористической дѣятельности кого-либо изъ обвиняемыхъ, тѣмъ не менѣе прокуроръ Щербовичъ требовалъ для всѣхъ обвиняемыхъ смертной казни, хотя онъ и долженъ былъ признать, что въ дѣятельности кіевской группы не было никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Защищали обвиняемыхъ Куперникъ, Баженовъ и др. Приговоромъ суда всѣ обвиняемые были признаны виновными въ томъ, что они имѣли намѣреніе измѣнить общественный строй, но безъ примѣненія насильственныхъ средствъ. Трое изъ подсудимыхъ были оправданы, четверо приговорены къ поселенію, одинъ къ ссылкѣ въ Олонецкую губернію и четверо къ каторгѣ: Шебалинъ и Мартыновъ—на 12 лѣтъ; В. А. Карауловъ—на 4 года, а Панкратовъ, оказавшій вооруженное сопротивленіе при арестѣ, на 20 лѣтъ. В. А. отбывалъ каторгу въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда черезъ 4 года былъ пересланъ въ Сибирь, какъ каторж-

ный, съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ. Въ Сибири онъ былъ поселенъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Енисейской губерніи, затѣмъ въ Красноярскѣ, и окончательно амнистированъ только въ 1905 году, съ возвращеніемъ ему всѣхъ правъ. Въ Сибири В. А. занимался врачебной дѣятельностью, исполняя обязанности фельдшера при своей женѣ, бывшей врачомъ. Позднѣе въ Красноярскѣ онъ сталъ частнымъ повѣреннымъ и принималъ участіе въ общественной и политической дѣятельности. На выборахъ во всѣ три думы онъ выступалъ кандидатомъ к.-д. партіи, но выбранъ былъ только въ третью думу. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 349).

† **Кулаковъ, Ѳ. А.** 27-го декабря 1910 г. типографія газеты «Новое Время» похоронила одного изъ своихъ старѣйшихъ служащихъ — метранпажа Ѳедора Авксентьевича Кулакова. Свою типографскую дѣятельность Ѳ. А. началъ ученикомъ въ типографіи морского министерства, долгое время работалъ въ типографіи «Сына Отечества», изд. А. В. Старчевскаго, въ типографіяхъ Ф. С. Сущинскаго и Шредера, затѣмъ въ газетѣ «Голосъ» и свыше 25 лѣтъ проработалъ въ типографіи «Новаго Времени» въ разныхъ должностяхъ—наборщикомъ, метранпажемъ объявленій, завѣдующимъ классомъ учениковъ наборнаго дѣла. Въ теченіе свыше 20 лѣтъ Ѳ. А. состоялъ уполномоченнымъ и предсѣдателемъ правленія ссудо-сберегательнаго и взаимно-вспомогательнаго товарищества служащихъ типографіи, спб. книжнаго магазина и конторы газеты «Новое Время». Покойный пользовался любовью и уваженіемъ сослуживцевъ и отличался доброжелательностью и мягкимъ, отзывчивымъ характеромъ. Скончался Ѳ. А. на 61 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12498).

† **Левандовскій, С. С.** 24-го декабря 1910 г. въ Сочи похоронили С. С. Левандовскаго. Смерть похитила еще одного хорошаго человѣка, близко стоявшаго къ литературнымъ и журнальнымъ кругамъ Москвы и тѣсно связаннаго съ общественными прогрессивными теченіями, начиная съ половины 70-хъ годовъ. С. С. по окончаніи курса въ гимназіи поступилъ въ казанскій университетъ, откуда былъ вынужденъ послѣ студенческихъ волненій перебраться въ новороссійскій, но курса и тамъ не окончилъ: его арестовали и сослали на 5 лѣтъ въ Енисейскую губернію. По возвращеніи изъ Сибири С. С. поселяется въ Харьковѣ и дѣлается фактическимъ редакторомъ «Южно-Русской Сельскохозяйственной Газеты», удѣляя много времени и общественной работѣ. Связи съ украинофильскими организаціями послужили поводомъ къ новому аресту, и С. С. увезли въ Петербургъ и заключили въ крѣпость. Это новое дѣло закончилось для С. С. относительно благополучно, но Харьковская губернія оказалась для него недоступной. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать въ Сибирь на частную службу. Возвратясь въ Европейскую Россію, онъ всецѣло посвятилъ себя общественнымъ дѣламъ вначалѣ въ провинціи, а затѣмъ въ Москвѣ. С. С. былъ дѣятельнымъ членомъ общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ. Когда общество задумало строить домъ на М. Бронной, то руководителемъ работъ былъ избранъ С. С. Выборъ оказался въ высокой степени удачнымъ, и правленіе общества передъ отъѣздомъ С. С. въ Сочи поднесло ему адресъ, въ которомъ отмѣтило его заслуги передъ обществомъ. Покойный былъ дѣятельнымъ членомъ совѣта общества дѣятелей періодической печати и литературы и пред-

сѣдателемъ ссудо-сберегательной кассы при этомъ обществѣ. Живой, жизнерадостный, съ большимъ запасомъ энергіи, С. С. принялъ предложеніе руководить работами по устройству новаго курорта на Мацестинскихъ сѣрныхъ источникахъ, около Сочи, куда онъ и уѣхалъ мѣсяца два тому назадъ. Все время С. С. чувствовалъ себя прекрасно. На прошлой недѣлѣ С. С. выѣхалъ въ Новороссійскъ по дѣламъ. И лишь когда онъ возвратился въ Сочи на пароходѣ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и его пришлось помѣстить въ больницу въ Туапсе. Теченіе болѣзни, судя по первымъ извѣстіямъ, было благопріятно, но 22-го декабря была получена телеграмма о кончинѣ этого славнаго человѣка. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 297).

† **Ошуркова, А. А.** 13-го декабря 1910 г. на Семеновскомъ кладбищѣ похоронили виднаго сибирскаго общественнаго дѣятеля, друга Ядринцевыхъ, Потемкиныхъ, Клеменсовъ, Аѳанасію Александровну Ошуркову. Ея дѣятельность была направлена на просвѣтительныя цѣли. Вначалѣ въ качествѣ учительницы русскаго языка въ иркутской гимназіи, затѣмъ на поприщѣ начальницы троицкосавской женской гимназіи она сумѣла создать между собою и педагогическимъ персоналомъ, съ одной стороны, и ученицами и ихъ родителями, съ другой—тѣ отношенія, оторыя бываютъ чрезвычайно рѣдки въ учебныхъ заведеніяхъ. Она близко знала домашнюю обстановку и матеріальныя средства каждой своей ученицы и всегда приходила къ нимъ на помощь. Въ 1905 году ея пребываніе во главѣ гимназіи оказалось крайне благотворнымъ, и ея тактъ предупредилъ много конфликтовъ между учащими и учащимися. Въ благодарность за ея плодотворную дѣятельность попечительный совѣтъ троицкосавской гимназіи учредилъ при гимназіи степендію ея имени. Благодаря энергіи и умѣнью А. А., въ Иркутскѣ и Кяхтѣ былъ созданъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ учрежденій, открыты воскресные классы, народныя чтенія, въ которыхъ она сама принимала дѣятельное участіе. Болѣзнь вынудила ее оставить гимназію, и она пріѣхала лечиться въ Москву. И здѣсь она приняла участіе въ воскресныхъ школахъ и всегда была окружена учащейся молодежью, преимущественно своими бывшими ученицами. Смерть ея больно отразится на ея друзьяхъ въ Сибири и на бывшихъ ея ученицахъ. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 288).

† **Стасюлевичъ, М. М.** Старѣйшій представитель русской печати, основатель «Вѣстника Европы», неутомимѣйшій дѣятель городского общественнаго управленія «почетный гражданинъ города Петербурга», Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ тихо скончался 23-го января, около восьми часовъ утра, на 85-мъ году отъ рожденія, послѣ недолгой болѣзни. М.М. родился 28-го августа 1826 г. при обстановкѣ довольно исключительной—въ коляскѣ, во время проѣзда его матери по одной изъ улицъ Петербурга. Ребенокъ былъ настолько слабъ, что врачи не считали его жизнеспособнымъ; вскорѣ онъ заболѣлъ, признанъ былъ умершимъ и положенъ былъ въ гробъ, но, къ счастью, своевременно обнаружилъ признаки жизни, къ удивленію и радости окружающихъ. Отецъ былъ врачомъ въ Лугѣ; мать—шотландка по происхожденію, изъ семьи барона Вилліе. М. М. учился сначала въ лужскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ петербургской Ларинской гимназіи (на Васильевскомъ островѣ),

откуда поступилъ на философскій факультетъ здѣшняго же университета по филологическому отдѣленію. Онъ очень рано началъ свою ученую карьеру. Сдѣлавшись преподавателемъ той же Ларинской гимназіи, гдѣ онъ получилъ образованіе, М. М. въ возрастѣ 23 лѣтъ защитилъ диссертацію на степень магистра, а двумя годами позже, въ 1851 г., былъ уже докторомъ историческихъ и политическихъ наукъ. Съ 1859 года онъ читалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ въ петербургскомъ университетѣ и вскорѣ пріобрѣлъ большую популярность, какъ представитель новыхъ прогрессивныхъ теченій въ исторической наукѣ. Однако его блестящая профессорская дѣятельность продолжалась недолго; въ 1861 году онъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ и другими вышелъ въ отставку, въ виду двусмысленнаго поведенія высшей администраціи относительно студентовъ. До 1866 года онъ состоялъ еще на службѣ въ качествѣ члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; тогда же, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ подготовилъ къ печати и издалъ свою трехтомную «Исторію среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ»; въ 1865 году вышелъ его замѣчательный для того времени критическій «Обзоръ главныхъ системъ философіи исторіи». Получивъ разрѣшеніе, при содѣйствіи П. А. Плетнева, на изданіе «Вѣстника Европы», въ видѣ четырехмѣсячнаго историческаго журнала, онъ сначала сдѣлалъ его двухмѣсячнымъ, а съ 1868 года ежемѣсячнымъ, причемъ расширилъ его программу и придалъ ему характеръ общаго литературно-общественнаго и политическаго журнала. Тридцать два года стоялъ М. М. во главѣ этого изданія, которое онъ сумѣлъ провести съ достоинствомъ черезъ самые трудные кризисы нашей общественно-политической жизни. Были годы, когда одинъ только «Вѣстникъ Европы» поднималъ свой голосъ въ защиту права и справедливости,—М. М. съ упорнымъ самоотверженіемъ отстаивалъ для журнала эту возможность говорить правду. Ему помогало въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что императоръ Александръ III лично зналъ и цѣнилъ его, какъ профессора, преподававшаго исторію покойному его брату цесаревичу Николаю Александровичу. М. М. пользовался авторитетомъ въ тѣхъ сферахъ, которыя привыкли относиться свысока къ литературѣ и журналистикѣ, и цензурныя власти всегда соблюдали нѣкоторую сдержанность относительно уважаемаго всѣми редактора «Вѣстника Европы». Самымъ печальнымъ временемъ для М. М. былъ 1908-й годъ, когда обстоятельства заставили его отказаться отъ любимаго привычнаго дѣла и передать его въ другія руки. Бодрый и здоровый физически, онъ внутренно страдалъ отъ сознанія, что «Вѣстникъ Европы» ушелъ отъ него и что ему не удалось заботливо провести журналъ до порога своей могилы; онъ всегда думалъ, что разстанется со своимъ дѣтищемъ только въ моментъ смерти, и этой надеждѣ его не суждено было осуществиться. Одновременно со сложною и хлопотливою редакторскою работою по «Вѣстнику Европы», М. М. въ теченіе многихъ лѣтъ принималъ близкое участіе въ городскихъ дѣлахъ Петербурга, особенно въ области народнаго образованія. Около тридцати лѣтъ, съ 1881 года, состоялъ онъ гласнымъ городской думы, и двадцать лѣтъ, съ 1890 по 1910 г., пробылъ онъ въ должности предсѣдателя городской училищной комиссіи. Труды и заслуги покойнаго въ этой области всѣмъ извѣстны. Какъ организаторъ и руководитель

школьнаго дѣла въ Петербургѣ, онъ оставилъ по себѣ прочную память въ видѣ устроенныхъ по его почину образцовыхъ училищъ, за развитіемъ и процвѣтаніемъ которыхъ онъ слѣдилъ съ неизмѣнною любовью. М. М. Стасюлевичу въ «Истор. Вѣстн.» (1897 г., № VII) была посвящена по случаю 50-лѣтія его научно-литературной службы особая біографическая статья. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 23).

† **Тарновская, П. Н.** 12-го декабря 1910 г. послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончалась въ Петербургѣ одна изъ выдающихся женщинъ-врачей—д-ръ П. Н. Тарновская. Имя ея незабвенно въ исторіи женскаго медицинскаго образованія, возникновенію котораго въ Россіи она много способствовала, благодаря своему вліянію и личной иниціативѣ. Покойная принадлежала къ числу первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи, окончившихъ женскіе врачебные курсы въ 1878 г. Избравъ своей спеціальностью психіатрію и антропологію, д-ръ П. Н. Тарновская сдѣлала много цѣнныхъ вкладовъ въ науку, въ видѣ ученыхъ трудовъ, пріобрѣвшихъ ей извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Къ числу послѣднихъ ея трудовъ принадлежатъ обширныя изслѣдованія «о женщинахъ-убійцахъ» и «женщинахъ-воровкахъ» и мн. др. Кромѣ ученой дѣятельности, П. Н. извѣстна и какъ общественная дѣятельница и неутомимая поборница высшаго женскаго медицинскаго образованія. Она принимала горячее участіе въ возникновеніи женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, состояла предсѣдательницей общества усиленія средствъ его, участвовала въ борьбѣ женщинъ-врачей за ихъ права, была учредительницей и членомъ совѣта русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества и состояла членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Семья женщинъ-врачей потеряла въ ней дорогого, отзывчиваго и любимаго товарища, такъ ревностно служившаго интересамъ человѣчества и науки. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 343).

† **Филипповъ, С. Н.** 31 декабря 1910 г. скончалсявъ Обуховской больницѣ писатель Сергѣй Никитичъ Филипповъ, авторъ цѣлаго ряда беллетристическихъ произведеній и путевыхъ очерковъ. Покойный родился въ 1863 г., образованіе получилъ въ Москвѣ и юношей сталъ работать въ московскихъ газетахъ. Въ 1883 г. былъ напечатанъ въ московскомъ журналѣ «Россія» его первый разсказъ «Не отъ міра сего», и съ того времени его разсказы печатались преимущественно въ газетахъ «Русскій Курьеръ» и «Русскія Вѣдомости» и въ журналѣ «Русская Мысль», затѣмъ вышли отдѣльными сборниками: «Сирень» (два изданія), «Подъ лѣтнимъ небомъ» и «Около жизни и смерти». Для своихъ разсказовъ покойный выбиралъ главнымъ образомъ психологическіе сюжеты и талантливо разрабатывалъ ихъ. Еще большую извѣстность пріобрѣлъ онъ своими литературными путевыми очерками. Страстный любитель путешествій, замѣчательный своею наблюдательностью и начитанностью, онъ сперва въ статьяхъ, потомъ въ отдѣльныхъ книгахъ далъ подробное описаніе Поволжья, Дона и Кавказа, Крыма, Константинополя, его окрестностей и Принцевыхъ острововъ. Имъ изданъ также подробный путеводитель—спутникъ туриста «Западная Европа» съ планами и картами (1899 г.). Нѣкоторыя изъ его произведеній переведены на французскій, нѣмецкій и славянскіе языки. Помимо

разсказовъ и очерковъ С. Н. напечаталъ множество статей, посвященныхъ театру и художественной критикѣ. Его театральныя рецензіи и статьи печатались въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ»» и «Артистѣ». Его журнальная дѣятельность была тѣсно связана сперва съ «Русскимъ Курьеромъ» Н. П. Лапшина, въ которомъ онъ работалъ съ 1886 г. и въ послѣдніе годы существованія газеты, до 1891 г., былъ ея редакторомъ. потомъ съ «Русскими Вѣдомостями». (Некрологъ см. «Новое Время», 1911 г., № 12503).

† **Ярошевскій, А. А.** 29 декабря 1910 г. скончался профессоръ московской консерваторіи піанистъ Адольфъ Адольфовичъ Ярошевскій. Покойный окончилъ курсъ московской консерваторіи въ 1890 году по классу фортепіанной игры профессора Пабста и затѣмъ посвятилъ себя музыкально-педагогической дѣятельности, давая частные уроки и преподавая фортепіанную игру въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1898 году онъ былъ приглашенъ на мѣсто младшаго преподавателя фортепіанной игры въ консерваторію и быстро рекомендовалъ себя однимъ изъ лучшихъ музыкальныхъ педагоговъ консерваторіи. Въ 1901 году онъ былъ переведенъ въ разрядъ старшихъ преподавателей. Покойный не разъ выступалъ и въ концертахъ (историческихъ, камерныхъ и др.), въ которыхъ пользовался солиднымъ успѣхомъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 302)

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири» [1]).

Въ этой статьѣ г. Коршъ, описывая свое 8-лѣтнее невольное пребываніе въ Томскѣ, упоминаетъ, между прочимъ, о принятомъ мною въ немъ участіе, которое помогло ему сразу по прибытіи изъ Петербурга получить занятія въ контрольной палатѣ и вообще сносно устроиться въ его новомъ положеніи, и затѣмъ аттестуетъ меня (стр. 428), какъ умнаго и просвѣщеннаго человѣка, желавшаго чтобъ въ его губерніи издавалась (частная) газета. Но вслѣдъ за этимъ на той же страницѣ онъ даетъ мнѣ совсѣмъ иную аттестацію: «Правда, страдая честолюбіемъ, онъ надѣялся, что мѣстная газета не одинъ разъ сослужитъ ему полезную службу прославленіемъ его административной дѣятельности»... и далѣе: «Понятно, В. И-чу было желательно укрѣпить за собою видное положеніе, и газета, если она будетъ внимательна и послушна, можетъ прославить новичка-администратора, полнаго самыхъ широкихъ и просвѣщенныхъ намѣреній».

Оставляя въ сторонѣ первую аттестацію, какъ мало кому-либо интересную, я относительно второй заявляю, что она представляетъ сплошной вымыселъ г. Корша, ни на чемъ не основанный. Ни о какихъ моихъ надеждахъ, желаніяхъ и намѣреніяхъ я ему не сообщалъ и тѣмъ менѣе

---

[1]) «Историч. Вѣстн.», 1910 г., май, іюнь, іюль.

о желаніи изъ газеты г. Макушина сдѣлать рептилію. Не могу также не замѣтить, что г. Коршъ крайне преувеличиваетъ значеніе подцензурной и довольно-таки убогой провинціальной газетки, полагая, что она могла оказать въ высшихъ сферахъ полезную для губернатора поддержку: высшія сферы не такъ наивны, чтобы не знать цѣны восхваленіямъ, когда, по пословицѣ, «кукушка хвалитъ пѣтуха».

Далѣе г. Коршъ говоритъ (стран. 436 : «газета не оправдала надеждъ губернатора, не курила ему оиміама и сообщала только факты, не дѣлая желательныхъ ему обобщеній и выводовъ. В. И. жаловался на это «сухое» отношеніе газеты къ губернской администраціи «при личныхъ свиданіяхъ съ редакторомъ, издателемъ и мною» (т. е. съ г. Коршемъ).

О надеждахъ и желаніяхъ, произвольно приписанныхъ мнѣ г. Коршемъ, сказано уже выше, что же касается «жалобъ» на «сухое» отношеніе ко мнѣ газеты, то здѣсь со стороны г. Корша является какое-то странное, чтобы не сказать болѣе, недоразумѣніе.

Свиданіе мое съ издателемъ вмѣстѣ съ редакторомъ было «одно», въ іюнѣ 1880 г., когда г. Корша еще и не было въ Томскѣ (на стр. 425 онъ говоритъ: «20 ноября мы въѣхали въ Томскъ») При этомъ свиданіи г.г. Макушинъ и Ефимовъ прежде подачи своего прошенія просили меня сказать, какъ бы я отнесся къ ихъ желанію издавать мѣстную, конечно, подцензурную газету, по общепринятой программѣ?

Я отвѣтилъ, что газета—дѣло хорошее, если вести ее добросовѣстно, т. е. стремиться къ правдѣ, бережно относиться къ доброму имени общественныхъ и частныхъ дѣятелей и если выставлять на публичный судъ ихъ неправильные поступки, то только по тщательной ихъ провѣркѣ, строго соблюдать должную корректность относительно коренныхъ государственныхъ основъ, и наконецъ имѣть въ виду, что отвѣтственность, въ случаѣ нарушенія указанныхъ условій, упадетъ не только на редактора и издателя газеты, но и на цензора, который пропуститъ ее. Только на такихъ условіяхъ обѣщалъ я исполнить желаніе г.г. Макушина и Ефимова, т. е. возбудить предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи имъ изданія газеты. Повидимому, они признали мои условія пріемлемыми и подали прошеніе.

Второе свиданіе было съ однимъ только редакторомъ, въ мартѣ 1881 года, предъ выпускомъ № 4-го газеты, въ которомъ редакціей было предположено помѣстить очень злую и полную глумленія статью на одно духовное лицо. Я объяснилъ г. Ефимову, что это лицо, вслѣдствіе цѣлаго ряда несчастій, постигла тяжкая болѣзнь и что новый ударъ, нанесенный газетою, могъ бы имѣть роковыя для него послѣдствія. Статья, конечно, не была напечатана.

Такимъ образомъ, при личныхъ свиданіяхъ съ редакторомъ и издателемъ ни о какихъ жалобахъ не было, да и не могло быть рѣчи.

Съ г. Коршемъ я видѣлся часто, давая ему разныя работы по строительному университетскому комитету, по пріютскому попечительству и особенно по веденію неофиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей». По «Сибирской Газетѣ» у меня съ г. Коршемъ никакихъ объясненій не происходило, съ одной стороны, потому, что эта газета не особенно меня занимала, а съ другой—мнѣ было извѣстно, что г. Коршъ былъ въ ней простымъ работникомъ и самостоятельнаго значенія не имѣлъ, такъ какъ истиннымъ руководителемъ газеты, дававшимъ ей тонъ и направленіе, былъ издатель г. Макушинъ.

Но для достиженія главной цѣли своей статьи «Восемь лѣтъ въ Сибири»—нравственнаго своего обѣленія, г. Коршъ не удовольствовался экскурсіями въ область психологіи, которыя открыли ему мои «надежды,

желанія и намѣренія», никому не высказанныя и даже мнѣ самому не вѣдомыя, но привелъ еще слѣдующія несообразности.

Г. Коршъ утверждаетъ, будто бы я грозилъ выслать въ Нарымъ присяжнаго повѣреннаго кіевской судебной палаты Картамышева (кстати сказать «запрещеннаго») за столкновеніе его въ клубѣ въ Манасевичемъ. Въ этомъ случаѣ г. Коршъ, съ одной стороны, смягчилъ самый фактъ, назвавъ его столкновеніемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это было наглое избіеніе пьянымъ атлетомъ тщедушнаго почти старика за то, что онъ «жидъ» и «осмѣлился явиться въ новый годъ въ клубъ»; съ другой стороны, онъ приписалъ мнѣ угрозу, которой въ дѣйствительности не было произнесено. Конечно, я не считалъ себя въ правѣ не обратить вниманія на такое рѣзкое проявленіе самоуправства въ стѣнахъ общественнаго собранія и поручилъ старшинамъ обсудить поступокъ Картамышева и принять соотвѣтственныя мѣры къ устраненію подобныхъ безчинствъ на будущее время. Результатомъ этого было исключеніе Картамышева изъ числа членовъ собранія, но никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій не было, такъ какъ Манасевичъ не пожелалъ подать жалобу. объяснивъ лично мнѣ, что онъ готовится скоро стать христіаниномъ, а христіанину слѣдуетъ прощать обиды врагамъ. Такимъ образомъ, глубокомысленное замѣчаніе г. Корша, что «охранъ еще не было и губернаторы еще помнили, что въ Россіи есть еще законы и побаивались слишкомъ грубо нарушать ихъ», представляется не болѣе, какъ холостымъ выстрѣломъ въ пустое пространство.

Съ тяжелымъ чувствомъ перехожу я къ послѣднему пункту обвинительнаго акта, помѣщеннаго на 815 стр. «Ист. Вѣстн.» заключающему тяжелое обвиненіе меня и двухъ моихъ сотрудниковъ по тюремному комитету и попечительству о дѣтскомъ пріютѣ, Пастухова и Манасевича, уже болѣе 20 лѣтъ назадъ умершихъ. Обвиненіе это г. Коршъ ведетъ не отъ своего имени, а влагаетъ его въ уста умершаго 25 лѣтъ назадъ Красовскаго, который на упреки Гилярова и Александрова, что онъ окружаетъ себя на своихъ интимныхъ вечерахъ уголовными ссыльными, произнесъ будто бы такую рѣчь:

«Министру внутреннихъ дѣлъ нѣтъ никакого дѣла до моей частной жизни до тѣхъ поръ, пока я самъ или въ сообществѣ съ другими лицами не дѣлаю ничего предосудительнаго... Ни въ чемъ такомъ я не чувствую себя виновнымъ, не былъ виновенъ и мой предмѣстникъ, и я увѣренъ, что причину его увольненія надо искать скорѣе въ его отношеніяхъ къ Манасевичу и Пастухову, чѣмъ къ Коршу, которымъ онъ пользовался какъ работникомъ и полезнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, умнымъ, образованнымъ исполнителемъ. Коршъ не жертвовалъ, какъ Манасевичъ и Пастуховъ, десятки тысячъ на пріюты, чтобы одѣться въ шитый золотомъ мундиръ V класса и прикрыть имъ свои всѣмъ извѣстные здѣсь «грѣшки». Слѣдовъ вліянія Корша на Мерцалова я по дѣламъ не вижу, а вліяніе Манасевича и Пастухова по многимъ дѣламъ» (по какимъ же? хоть бы одно указалъ) «несомнѣнно. Къ тому же я отъ многихъ слышалъ, что эти господа просто торговали своими близкими отношеніями съ губернаторомъ, а о Коршѣ всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что онъ всегда уклонялся отъ какихъ бы то ни было ходатайствъ у губернатора. Зная это, я всегда предпочту ссыльнаго Корша полноправнымъ Манасевичу и Пастухову».

Выше было сказано, что Красовскій умеръ 25 лѣтъ назадъ, и потому возникающіе изъ его рѣчи вопросы о томъ: какія имѣлъ онъ основанія, чтобъ рѣшиться опорочить двухъ гражданъ, до конца ихъ жизни пользовавшихся добрымъ именемъ? и если такія основанія у него были, то

почему онъ не отдалъ ихъ подъ судъ, какъ обязанъ былъ по своей должности? — вопросы эти уже не могутъ быть выяснены изъ непосредственнаго источника. Оставляя поэтому память Красовскаго въ сторонѣ, я тѣмъ не менѣе признаю нужнымъ заявить, что всѣ приведенныя выше голословныя обвиненія представляются сплошною нелѣпостью.

Но такъ какъ г. Коршъ воспроизвелъ эти прелести въ своей статьѣ, какъ должно полагать, не для чего иного, какъ только для своей нравственной реабилитаціи, то не лишнее замѣтить, что онъ предпринялъ эту попытку съ достаточно негодными средствами:

Во-1-хъ, Красовскаго я никогда не видѣлъ и ни лично, ни письменно не аттестовалъ ему г. Корша, какъ отличнаго работника, полезнаго (?) и пріятнаго собесѣдника и проч. Отъ кого же Красовскій узналъ, что я именно такого мнѣнія о г. Коршѣ?—догадаться не трудно.

Во-2-хъ, г. Коршу, какъ юристу, должно быть извѣстно, что основная презумпція каждой гражданственности гласитъ, что каждый гражданинъ долженъ почитаться человѣкомъ честнымъ, пока не доказано обратное [1]). Поэтому, если Красовскому, какъ не юристу и притомъ человѣку крайне не уравновѣшенному, какъ его рисуетъ самъ г. Коршъ (стр. 809, 810 и 811) [2]). до нѣкоторой степени извинительно столь развязное заочное обращеніе съ чужими репутаціями и полное непониманіе своей прямой обязанности, какъ дореформеннаго губернатора, возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Манасевича и Пастухова, если ему извѣстны были ихъ «грѣшки» и какая-то предосудительная торговля, и затѣмъ ожидать рѣшенія суда,—то г. Коршу, нынѣ вступившему въ среду литераторовъ, едва ли было соотвѣтственно нелѣпую клевету Красовскаго распространить путемъ печати; ему слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется, твердо памятовать, что только res judicata pro veritate habetur, т. е. только то обвиненіе, которое установлено, признано судебнымъ порядкомъ, должно почитаться истиннымъ; а всѣ эти: «я отъ многихъ слышалъ», «всѣ въ одинъ голосъ говорятъ», «Манасевичъ и Пастуховъ жертвовали на пріюты десятки тысячъ» (стр. 815),—не болѣе, какъ живая пословица: «мели Емеля, твоя недѣля» и 30.000 курьеровъ безсмертнаго Ивана Александровича.

Въ-3-хъ, что касается моихъ служебныхъ отношеній къ Манасевичу и Пастухову, то они сложились на почвѣ дѣятельности тюремнаго комитета и пріютскаго попечительства. Оба они давно уже состояли директорами перваго и членами второго.

Посѣщая тюремный замокъ и прочія мѣста заключенія, я получалъ многочисленныя жалобы арестантовъ на недоброкачественность одежды, обуви и бѣлья. Жалобы по тщательной провѣркѣ оказались справедливыми. Очевидно, пріемка отъ подрядчиковъ вещей, по неопытности или небрежности чиновниковъ, была недостаточно строгой. Поэтому дальнѣйшую пріемку я поручилъ директорамъ комитета Манасевичу и Пастухову, какъ людямъ независимымъ, состоятельнымъ и пользовавшимся хорошей репутаціей. Благопріятные результаты этой мѣры не замедлили обнаружиться: въ первой же партіи было забраковано свыше 30% вещей и этого было совершенно достаточно, чтобы подрядчики болѣе не рисковали практиковать свои неблаговидные поступки. Конечно, кой-кому это было непріятно.

По пріютскому попечительству дѣло обстояло значительно сложнѣе.

---

[1]) Если не ошибаюсь, это правило изложено въ одномъ изъ учебниковъ уголовнаго права; я же заимствовалъ его изъ статьи г. Меньшикова, напечатанной въ № 12428 «Нов. Вр.» 1910 г.

[2]) Г. Коршъ призналъ его даже непорядочнымъ человѣкомъ.

За 18 лѣтъ до вступленія моего въ управленіе губерніей, въ Томскѣ, по случаю сильной эпидеміи тифа въ пересыльной тюрьмѣ, экстренно основанъ былъ пріютъ для арестантскихъ дѣтей-сиротъ, родители которыхъ умерли въ этой тюрьмѣ. Инціатива основанія пріюта принадлежала женѣ губернатора Аделаидѣ Алексѣевнѣ Родзянко, а къ ней на помощь пришла жена пот. поч. гражд. Алевтина Петровна Михайлова, пожертвовавшая обширный участокъ на окраинѣ города съ очень хорошимъ двухъэтажнымъ домомъ. Сначала въ пріютѣ дѣйствительно помѣщались только арестантскія дѣти, на содержаніе которыхъ деньги требовались изъ казны, по 10 коп. въ день, а также сравнительно небольшая сумма ежемѣсячно на администрацію. Но впослѣдствіи въ пріютъ свободно принимались дѣти-сироты и полусироты, принадлежавшія къ свободнымъ сословіямъ, и такихъ было втрое больше, причемъ и на этихъ дѣтей (всего отъ 100 до 120 чел.) и на увеличенную администрацію деньги требовались также изъ казны. Всего въ годъ на пріютъ расходовалось отъ 8 до 10 тысячъ.

На первыхъ порахъ и я подписалъ двѣ ассигновки на отпускъ денегъ на пріютъ; но когда изъ исторической справки о пріютѣ для меня выяснилось истинное положеніе дѣла, то я пригласилъ въ засѣданіе всѣхъ членовъ попечительства и объяснилъ имъ, что пріютъ, какъ учрежденіе, открытое безъ надлежащаго разрѣшенія правительства и содержимое на счетъ казны незаконно, должно бы быть немедленно закрыто; но такая рѣшительная мѣра, конечно, невозможна, когда дѣло идетъ о 100 малолѣтнихъ дѣтяхъ. При этомъ я прибавилъ, что у меня есть планъ для выхода изъ этого затрудненія, но если онъ и осуществимъ, то не ранѣе, какъ чрезъ годъ или нѣсколько болѣе.

Въ этомъ засѣданіи вопросъ остался открытымъ. Но вечеромъ того же дня ко мнѣ пришелъ Пастуховъ и заявилъ, что если основательница пріюта Алевтина Петровна Михайлова откажется отъ пріюта, то онъ, Пастуховъ, готовъ взять эту обязанность на себя въ теченіе года или и болѣе, сколько будетъ нужно. Жертва Пастухова, однакоже, не потребовалась, потому что А. П. Михайлова письменно заявила, что она будетъ содержать пріютъ до окончательнаго разрѣшенія его судьбы.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобъ передать пріютъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, что предоставляло бы пріютскому попечительству право устраивать разныя увеселенія съ лотереей аллегри, весьма любимой томскими жителями и всегда имѣвшей хорошій успѣхъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо было составить для пріюта болѣе или менѣе значительный капиталъ, такъ какъ упомянутое вѣдомство неохотно принимало подъ свое покровительство благотворительныя заведенія, у которыхъ не было солиднаго обезпеченія.

На мой призывъ къ пожертвованіямъ на пріютъ первымъ откликнулся Андрей Николаевичъ Пастуховъ, представивъ мнѣ въ процентныхъ бумагахъ не «десятки тысячъ», какъ сказалъ Красовскій, а пятитысячный взносъ, предоставлявшій званіе пожизненнаго почетнаго члена съ правами, указанными въ Высочайше утвержденномъ положеніи о вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, между прочимъ правомъ ношенія мундира V класса и бѣлыхъ брюкъ съ золотыми лампасами. Вслѣдъ за Пастуховымъ такіе взносы по 5 тысячъ представили: Ф. Х. Пушниковъ, Е. Н. Кухтеринъ, Н. Н. Вяткинъ и С. С. Валгусовъ. Что касается Манасевича, то онъ былъ только временнымъ членомъ и вносилъ ежегодно по 250 руб. Всего было собрано свыше 30 тысячъ, что съ прежнимъ капиталомъ (18 тыс.) пріюта составило болѣе 50 т. р.

Все это было хорошо извѣстно г. Коршу, такъ какъ именно ему было поручено мною составленіе какъ проекта ходатайства о принятіи пріюта

въ вѣдомство императрицы Маріи, съ наименованіемъ Владимирскимъ, въ память посѣщенія пріюта великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ, такъ и исторической записки, прочитанной мною при торжественномъ открытіи пріюта, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи моего представленія.

Казалось бы, кому какое дѣло до того, по какимъ побужденіямъ приходятъ люди, своими болѣе или менѣе крупными пожертвованіями, на помощь доброму дѣлу, и дѣлу не маленькому—обезпеченію существованія ста наличныхъ сиротъ, да въ будущемъ еще большаго числа ихъ? Ужъ если не было охоты помянуть жертвователей добрымъ словомъ, то промолчали бы лучше: нѣтъ! являются вольнопрактикующіе психіатры, проникаютъ въ души жертвователей, объявляютъ urbi et orbi, что нашли въ нихъ «желаніе шитыми золотомъ мундирами прикрыть свои грѣшки»,—и въ концѣ концовъ садятся между двумя стульями. Не суетное желаніе порисоваться шитыми золотомъ мундирами и не пустое соображеніе господъ психіатровъ, что мундиръ можетъ защитить отъ Дамоклова меча, побудили жертвователей дать на Владимирскій пріютъ—кто что могъ, а присущая русскому человѣку жалость вообще къ людямъ обездоленнымъ, а особенно къ маленькимъ дѣтямъ, которымъ могла грозить печальная судьба очутиться на улицѣ. Что же касается защиты отъ удара названнаго меча, то кому же не извѣстно, что не спасутъ отъ «мѣстъ болѣе или менѣе отдаленныхъ» ни шитый золотомъ мундиръ, ни чины и ордена, ни даже почетный профессіональный знакъ, вродѣ адвокатскаго значка на модномъ фракѣ, когда человѣкъ «содѣялъ» что-либо преступное.

В. Мерцаловъ.

II.

Къ статьѣ П. П. Гнѣдича. «Послѣдніе орлы» «Истор. Вѣстн.», январь 1911 г., стр. 72. (Къ разсказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. Алексѣя Константиновича Толстого).

У графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (1748—1822), министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, отъ Маріи Михайловны Соболевской, впослѣдствіи замужемъ за генералъ-майоромъ Денисьевымъ, было 4 сына и 5 дочерей. Писатель Антонъ Погорельскій («Ист. Вѣстн.» 1890 г., т. X) былъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій (1787—1836), получившій вмѣстѣ съ братьями дворянство и фамилію Перовскихъ отъ села Перова подъ Москвой, мѣста вѣнчанія императрицы Елизаветы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. У него воспитывался его племянникъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Приближенными къ императору Николаю I и пожалованными разновременно въ графы были младшіе братья: Левъ Алексѣевичъ (1792—1856), министръ удѣловъ и внутреннихъ дѣлъ, Василій Алексѣевичъ (1795—1857), оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ, и Борисъ Алексѣевичъ (1814—1881), только тремя годами старше своего племянника гр. Алексѣя Константиновича.

Графиня Анна Алексѣевна была не младшая сестра; моложе ея была Софья Алексѣевна за княземъ Львовымъ.

Графъ Константинъ ıетровичъ Толстой былъ сынъ генералъ-майора гр. Петра Андреевича Пъ брака съ Елизаветой Егоровной Барбо-де-Морни (1750—1802) и сот шій братъ извѣстнаго скульптора и вице-президента академіи худотартвъ гр. Ѳедора Петровича (1783—1873). Никогда за бракъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники пожалованъ не былъ, а умеръ въ 1839 г., когда гр. Алексѣю Константиновичу было уже 22 г. (1817—1875) въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

(Росс. Род. кн. Руммеля и Голубцова, II, 505 и Род. Кн. князя Лобанова-Ростовскаго, II, 85).

И. А.

И счастія—вотъ что желаю я
Осуществить въ обители блаженства—
Въ Сіонѣ Новомъ...
Но объ этомъ рѣчь
Мы прекратимъ. Смотри: толпу приводятъ
Въ смущенье наши споры...

Матиссонъ.

Да, ты правъ.
Придетъ пора, и небеса укажутъ,
Какъ жизнь устроить...

Янъ.

О другомъ теперь
Должны мы думать. Врагъ готовъ на приступъ.
На стѣнахъ Мюнстера борцы свободы
Побѣды или смерти славной ждутъ—
Тамъ наше мѣсто!

Входитъ Дивара, одѣтая въ шлемъ, панцырь и вооруженная мечомъ.

Вотъ, гляди, подходитъ
Твоя Дивара. Въ панцырь боевой
Она одѣта. Если даже жены
Готовятся на битву—мы должны
Вождями быть и убѣждать не словомъ,
А взмахами побѣднаго меча!

На площадь вбѣгаетъ гонецъ. Волненіе въ толпѣ. Она вслѣдъ за гонцомъ бросается въ залъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, гонецъ.

Гонецъ.

Рать Вальдека недалеко. Отряды
Передовые уже видны съ башенъ.
Ихъ много. Съ ними воины изъ Кельна...
Съ папистами и лютерцы идутъ...

Голоса.

— Проклятые обманщики народа!
— Они папистовъ хуже!—Лицемѣры
Всегда съ ханжами заодно
Противъ друзей свободы.—Ну, тѣмъ лучше:

Дракону двухголовому за разъ
Отхватимъ обѣ головы...—Тсс... Тише!
— Пророка слушайте!..

Янъ *дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить. Толпа смолкаетъ.*

Сіона мужи!
Насталъ великій день: подходитъ рать
Враговъ свободы. Злоба и насилье—
Вотъ ихъ вожди. Но ихъ погибель ждетъ
У стѣнъ священныхъ Мюнстера, въ которомъ
Духъ Божьей справедливости царитъ.
Свободы стягъ и вѣчные завѣты
Ученья правды утвердить должны
Борьбою мы и вѣрною побѣдой!

Голоса.

— Борьба!—Побѣда!—Вальдеку во власть
Не отдадимъ свободный Мюнстеръ снова!
— Скорѣй умремъ!—Ведите насъ на бой,
Избранники свободы!

Изъ толпы выходитъ Тиланъ.

СЦЕНА V.

Тѣ же, Тиланъ.

Тиланъ.

Пророкъ Сіона свѣтлый! Я тебѣ
Открою тайну. Выслушай отъ старца
Судьбы велѣнье. Въ эту ночь я спалъ
Вблизи пещеры, гдѣ—гласитъ преданье—
Схоронены гиганты древнихъ лѣтъ.
Вдругъ я во снѣ услышалъ голосъ, будто
Изъ-подъ земли звучавшій: «встань, иди,
Возьми въ пещерѣ подъ гранитнымъ камнемъ
Лежащій мечъ и, отточивъ его,
Отдай вождю-пророку, ибо близокъ
Часъ той борьбы, что, обновивъ страну,
Низвергнетъ самовластія насилье».
Я, пробудясь, тотчасъ проникъ въ пещеру
И подъ плитой гранитной тамъ нашелъ
Вотъ этотъ мечъ. Его вручаетъ Небо
Тебѣ черезъ меня. *Подаетъ мечъ Яну.*

Янъ принявъ мечъ, цѣлуетъ его крестообразную рукоять.

Священный даръ!..

Къ народу.

Огнемъ сверкающею этой сталью,
Какъ свѣтозарнымъ солнечнымъ лучомъ,
Я озаряю вамъ, Сіона мужи,
Дорогу въ царство свѣта и добра!
Огнемъ сверкающею этой сталью,
Какъ блескомъ молніи, къ побѣдѣ путь
Я озаряю вамъ, Сіона мужи!

Отдаленный пушечный выстрѣлъ.

Вы слышите?—то грозно прорычалъ
Сіона левъ: противъ враговъ свободы
Рванулся онъ!.. Впередъ! впередъ! На бой!

Порывисто бросается на площадь.

Всѣ слѣдуя за нимъ.

Впередъ! На бой!

Занавѣсъ.

КАРТИНА II.

Та же декорація. Площадь и залъ въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

СЦЕНА I.

Янъ, Ротманъ, Дивара, Тиланъ, анабаптисты, граждане, женщины, дѣти.

Звуки трубъ и арфъ. Янъ выходитъ съ площади, окруженный толпою гражданъ, женщинъ и дѣтей; передъ нимъ Тиланъ песетъ знамя Сіона, обвитое лаврами. Группа молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей разсыпаетъ цвѣты. Общее восторженное оживленіе. Клики народа сливаются съ музыкой и пѣніемъ хора анабаптистовъ «Хвалите небо—для земли день возрожденья настаетъ».

Янъ торжественно входитъ въ залъ, Поднимается на возвышеніе, гдѣ стоитъ тронное кресло, и останавливается на верхней ступени. Около него группируются Ротманъ, Тиланъ съ знаменемъ Сіона, вооруженные граждане. Толпа частію наполняетъ залъ, частію террасу и площадь. Музыка и пѣніе гимна замолкаютъ, когда Янъ взошелъ на ступени трона.

Янъ.

Свершилося велѣніе небесъ:
Отбитъ жестокій приступъ вражьей рати
Отъ мюнстерскихъ твердынь. Сіона стягъ,

Обвитый лаврами побѣды, нынѣ
Мы прочно водрузили и оковы
Насилья рабскаго разбиты!

Голоса.

Слава
Пророку лучезарному Сіона!
— Будь повелителемъ и королемъ
Тобою созданнаго царства!

Янъ.

Мужи
Сіона Новаго! Я слышу васъ,
Народа воля для меня священна,
Но я ль, скиталецъ бѣдный, власть приму
Державную? Безвѣстнымъ чужеземцемъ
Я къ вамъ пришелъ. Меня влекла мечта
Не о величіи земномъ и славѣ:
За правду Божью словомъ я боролся...

Ротманъ.

И слово дѣломъ завершилъ, поднявъ
Побѣдный мечъ противъ враговъ народа!
Такъ будь же охранителемъ его
Священныхъ правъ. Пророкъ, тебя призвавшій,
Великій Матиссонъ, что жертвой палъ
Въ бою съ насильемъ, завѣщалъ предъ смертью,
Чтобъ принялъ ты вѣнецъ и скиптръ Сіона.

Голоса.

— Предсмертное пророка завѣщанье—
Глаголъ небесъ!—Не отвергай его.

Ротманъ.

О родѣ о твоемъ мы не пытуемъ:
Защитникомъ свободы ты пришелъ,
Такъ будь же нынѣ королемъ свободы!

Всѣ.

Будь королемъ свободы!

Янъ.

Вашъ призывъ
Звучитъ призывомъ Божьимъ. Покоряюсь
Велѣнью вышнему.

Голоса Ротману.

— Учитель мудрый
Анабаптистовъ и глашатай воли
Народной, власть избраннику вручи!
— Передъ лицомъ свободнаго народа
Сверши обрядъ священный.!

Ротманъ торжественно.

Янъ, прими
Сіона Новаго вѣнецъ державный
И облеклись одеждой королевской.

По знаку Ротмана входятъ три молодыя дѣвушки; двѣ подносятъ королевскую мантію, которую надѣваетъ Янъ; третья—на подушкѣ вѣнецъ и скипетръ.

Пусть этотъ, золотомъ расшитый, пурпуръ
Горитъ и блещетъ, какъ свободы свѣтъ,
Предъ нами возсіявшій.

Беретъ вѣнецъ.

Возлагаю
Вѣнецъ на славное твое чело.
Смотри—онъ не походитъ на короны
Властителей другихъ: съ его кольца
Возносятся лучи, вверху смыкаясь
Въ шаръ золотой; пускай сомкнутся такъ
Народы всѣ и племена земныя
Въ единое, святое царство правды,
Что въ Мюнстерѣ воздвигли нынѣ мы!

Подаетъ Яну скипетръ.

Возьми и скиптръ: эмблема мира онъ,
Да смѣнится имъ мечъ—орудье брани.
Мечъ—знаменіе силы, а въ Сіонѣ
Пусть воцарится право. Мечъ творитъ
Рабовъ, ему покорныхъ, а въ Сіонѣ
Всѣ люди вольны и равны!

Всѣ.

— Да здравствуетъ и да живетъ вовѣки
Король Свободы!

Янъ.

Братья сіониты!
По вашей волѣ я, пришлецъ безвѣстный
Изъ Лейдена, сталъ королемъ. Клянусь—
Принявши санъ властителя, я буду

Поборникомъ любви, свободы, мира
И справедливости! Даю обѣтъ
Устроить царство новое Сіона
Такимъ, какъ представлялъ его въ мечтахъ,
Когда сюда вступилъ я съ Матиссономъ.
Теперь передо мною не мечта,
Не греза—наяву воздвигну я
Юдоль земного счастія въ сіяньи
Немеркнущаго свѣта правды той,
Что человѣчеству завѣщана отъ Бога!
Прекрасное съ разумнымъ я солью
Въ моей державѣ. Соберу въ Сіонѣ
Я мудрецовъ земли, чтобы они
Вѣщали смѣло истину, порывы
Своей высокой мысли устремляя
На истребленье зла среди людей.
Я призову художниковъ, поэтовъ:
Ихъ вдохновенья дивныя дадутъ
И прелесть и отраду нашей жизни:
Пускай по всей землѣ пройдетъ молва
О блескѣ царства Новаго Сіона!
Мы дѣти свѣта и должны мы свѣтъ
Привѣтствовать. Любовь и добродѣтель
Въ союзѣ чистомъ мы соединимъ...
Сіонскаго ученія завѣты,
Какъ солнца животворные лучи,
Прольются надъ землею, и другъ другу
Раскроютъ люди радостно объятья
Для мира вѣчнаго и для блаженства!

Голоса.

— Хвала свободы королю!—Пусть Небо
Тебѣ поможетъ то осуществить,
Что возвѣстилъ пророкъ, погибшій въ битвѣ
За правду вѣчную его ученья!

Тиланъ, выступивъ впередъ.

Дозволь сѣдому воину сказать,
Что сердце мнѣ внушаетъ. Съ Матиссономъ
Я рядомъ бился. Въ горькій мигъ, когда
Упалъ пророкъ сраженный, умирая,
Онъ заповѣдывалъ, чтобы Дивару,
Его вдову, ты взялъ себѣ женой.
Твой долгъ исполнить это. И народъ твой
Тебя объ этомъ проситъ.

Янъ.

Для меня,
Какъ слово Божье, непреложна воля
Предсмертная учителя-пророка.
Да будетъ такъ.

Тиланъ.

Ты знаешь, что въ бою,
Какъ дивная Валкирія, Дивара
Сражалась вмѣстѣ съ храбрыми мужами
И мечъ ея надъ головой враговъ
Сверкалъ побѣдно.

Дивара выступаетъ изъ толпы, приближается къ ступенямъ трона, склоняется на колѣни и кладетъ мечъ къ ногамъ Яна.

Дивара.

Этотъ мечъ слагаетъ
Она теперь у трона короля,
Склоняясь женской любящей душою
Передъ властителемъ...

Янъ приподнимая ее.

Дивара, встань.
Ты слышала рѣшеніе народа,
Ты слышала рѣшеніе мое:
Отнынѣ будь мнѣ спутницей и въ битвахъ
И въ счастьѣ мира...

На площади шумъ. Въ толпѣ волненіе. Входятъ нѣсколько вооруженныхъ гражданъ.

СЦЕНА II.

Тѣ же, граждане.

Одинъ изъ гражданъ.

Изъ лагеря папистовъ къ намъ пришли
Послы епископа. Они хотѣли
Въ переговоры мирные вступить
Съ народомъ. Но когда имъ объявили,
Что ихъ представятъ королю, они
Отвѣтили надменно: мы не знаемъ
Бродяги-короля. За ихъ хулу
Ихъ граждане предать хотѣли смерти,

Но разсудили лучше привести
Какъ плѣнниковъ къ тебѣ.

Янъ.

Вы поступили
Разумно. Пусть предстанутъ слуги
Властителя, низверженнаго нами.

Входятъ фонъ-деръ-Реке и трое другихъ пословъ Вальдека.

СЦЕНА III.

Тѣ же, фонъ-деръ-Реке.

Фонъ-деръ-Реке.

Не передъ тѣмъ ли мы стоимъ, кто власть
Верховную епископа похитилъ
И самозванно объявилъ себя
Владыкой Мюнстера?

Янъ.

Да, передъ вами
Король свободы и ея защитникъ.

Фонъ-деръ-Реке.

Законный государь нашъ повелѣлъ
Въ переговоры намъ вступить съ народомъ,
Но граждане мятежные пословъ,
Пришедшихъ съ предложеніями мира,
Съ угрозами схватили и къ тебѣ
Насъ повлекли насильно. Уступая
Насилію, мы обращаемъ рѣчь
Къ тебѣ, Янъ Лейденскій, что самовольно
Себя считаешь королемъ. Епископъ,
Властитель Мюнстера, даруетъ всѣмъ
Мятежникамъ прощеніе и милость,
Коль, передъ нимъ смирившись, прекратятъ
Они безчинный бунтъ и мирно городъ
Сдадутъ ему.

Къ окружающимъ.

Безумно вамъ итти
Противъ законной власти. Посмотрите:
Вѣдь наше войско каждый день растетъ,
Подходятъ къ намъ союзные отряды,

Самъ императоръ гнѣвомъ вамъ грозитъ.
Одумайтесь и покоритесь силѣ
Монарха вашего. Къ Яну.
А ты, пришлецъ,
Ты, дерзостный мятежникъ, образумься:
Народъ, тобой прельщенный, на погибель
Не увлекай! О, какъ бы высоко
Ты ни воздвигъ престолъ свой беззаконный—
Рука монарха сильная тебя
Достанетъ и жестоко покараетъ!

Янъ.

Я выслушалъ тебя, достойный рабъ
Надменнаго фонъ-Вальдека, который
И насъ считаетъ за своихъ рабовъ
По праву долголѣтняго господства.
Но время права этого прошло
И новое настало время. Кто же
Обязанъ подчиниться—твой владыка
Стремленьямъ времени, или оно
Его ничтожной волѣ? Лучезарный
Свободы свѣтъ сіяетъ надъ землей.
Мы слѣдуемъ завѣтамъ Божьей правды.
Безумными мечтателями насъ
За это вы считаете. Но знайте—
Въ мечтателяхъ лишь только вѣетъ духъ,
Жизнь возрождающій, и въ этомъ мірѣ
Великія дѣянія творятъ
Одни мечтатели. Себя зовете
Вы всемогущими, но всемогущи
Не вы, а сила вѣчная добра,
Что правитъ человѣческою волей!
Ей времена покорны и народы.
Кто въ ослѣпленьи силу ту отвергъ,
Надѣясь на одно лишь самовластье,
Тотъ рухнетъ, какъ колоссъ, безумнымъ зодчимъ
Поставленный на глиняныхъ ногахъ!

Фонъ-деръ-Реке.

Ты заблуждаешься. Добромъ считаться
Не можетъ сила та, что на землѣ
Не признаетъ господствующей власти,
Поставленной отъ Бога, и стремится
Попрать законъ безумнымъ мятежомъ.
Престолъ монарха занялъ ты безправно—

Долой съ престола! Не позорь его
Нелѣпымъ зрѣлищемъ, людьми донынѣ
Не виданнымъ: сіяніемъ вѣнца
На головѣ безумной скомороха
И скиптромъ, нагло схваченнымъ рукой
Фигляра балаганнаго!

Янъ.

Довольно!
Я дерзкую тебѣ дозволилъ рѣчь
Затѣмъ, что дерзость рабская презрѣнна
И оскорбить не можетъ короля,
Какимъ себя по праву я считаю!..
Ты думаешь, король я потому,
Что властью завладѣлъ я? Нѣтъ, покоренъ
Мнѣ потому народъ, что я—король,
Что царствую я на престолѣ мощно
Въ святомъ союзѣ съ силою народа!
Тебя смущаетъ, что на мнѣ порфира,
Что царскій я ношу вѣнецъ?.. Смотри:
Вотъ я вѣнецъ слагаю и порфиру
Снимаю съ плечъ моихъ и предстаю,
Какъ человѣкъ простой я передъ вами!

Порывисто сбрасываетъ порфиру, снимаетъ корону и сходитъ на послѣднюю ступень трона въ грозномъ величіи.

Отбросилъ я всѣ знаки внѣшней власти,
Съ одной лишь волей царственной остался,
Что движетъ духъ мой,—и никто изъ васъ,
Гордящихся высокимъ, знатнымъ родомъ,—
Никто въ лицо взглянуть мнѣ не посмѣетъ,
Иль слово молвить передъ тѣмъ, кого
Зовете вы фигляромъ балаганнымъ!

Послы молчатъ въ смущеніи.

Вернитесь же къ тому, кто васъ послалъ,
Вернитесь къ властелину, что постыдно
Бѣжалъ съ своею силой отъ мечей
Сіонской рати,—и пусть Вальдекъ знаетъ:
Въ свободномъ Мюнстерѣ царитъ не онъ—
Царитъ король свободы и свобода!

Народъ.

Да здравствуетъ король свободы! Смерть
Врагамъ Сіона!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА I.

Готическая галерея покинутаго монастыря близъ укрѣпленій Мюнстера. На стѣнахъ, столбахъ и аркахъ слѣды разрушенія. Груды камней и сброшенныхъ статуй на плитахъ пола. Въ глубинѣ площадка, къ которой ведутъ нѣсколько ступеней. На площадку выходятъ окна съ расписанными стеклами. Въ лѣвой стѣнѣ входъ въ часовню. Ночь. Вся галерея залита луннымъ свѣтомъ.

СЦЕНА I.

Янъ, Тиланъ.

Янъ входитъ въ сопровожденіи Тилана, который несетъ свѣтильникъ и ставитъ его на обломокъ колонны.

Окончился для насъ удачей бой:
Паписты въ лагерь отступили... Тиланъ,
Что если бы, не давши имъ теперь
Опомниться, мы въ станъ ихъ этой ночью
Внезапно ворвались?.. Ударъ нежданный
Не вынесетъ разстроенная рать
Епископа... Здѣсь отдохнувъ, объ этомъ
Я поразмыслю... Помоги мнѣ, другъ,
Снять панцырь и оружіе.

Снимаетъ панцырь, отдаетъ мечъ Тилану, садится на одинъ изъ камней и осматривается кругомъ.

Разрушенъ
Былъ Матиссономъ этотъ монастырь?

Тиланъ.

Да, государь.

Янъ.

Какъ пустъ онъ и безмолвенъ.
Въ немъ не живетъ никто?

Тиланъ.

Сбѣжали всѣ
Монахини еще до дня разгрома.
Теперь, пожалуй, въ кельяхъ гнѣзда вьютъ
Лишь Божьи птицы, да на ветхой башнѣ
Ютится, говорятъ, старикъ безумный,
Соборный органистъ. Онъ помѣшался
Отъ ужаса при видѣ разрушенья
Святынь церковныхъ; и съ тѣхъ поръ, какъ тѣнь
Въ развалинахъ въ часы ночные бродитъ.

Янъ.

Несчастный... Тиланъ, ты не видѣлъ, гдѣ
Въ концѣ сраженія была Дивара?

Тиланъ.

Въ передовомъ отрядѣ королева
Съ своими амазонками сражалась.
Ихъ мужеству дивились и враги...

Янъ.

Да, женщины опережаютъ часто
Въ свершеньи дѣлъ и въ замыслахъ мужчинъ,
Но ихъ влечетъ не подвига сознанье,
А безотчетный страстныхъ чувствъ порывъ...
Найди дружину амазонокъ, Тиланъ,
И королеву извѣсти, что здѣсь
Я жду ее.

Тиланъ уходитъ.

Усталъ я. Гулъ сраженья
Замолкъ давно. Ночная тишина
Кругомъ царитъ... а я еще все слышу
Орудій громъ, трескъ копій, лязгъ мечей
И стоны смерти...
Да, въ мечтахъ не трудно
Сказать себѣ: создамъ я царство мира,
Любовью укрощу вражду людей;
Но свѣтлой той мечты осуществленье—
Борьба и кровь и смерть...

Входитъ Дивара. Она въ панцырѣ и вооруженіи.

СЦЕНА II.

Янъ, Дивара.

Дивара.

Привѣтъ тебѣ,
Прекрасный мой король и побѣдитель!
Съ тобой на полѣ битвы разлучась,
Томилась я тревогою и страхомъ
За жизнь твою...

Янъ.

И забывала ты
Въ бою о жизни собственной, Дивара...

Дивара.

Да, эту жизнь готова я отдать
Для торжества властителя Сіона.
Но если ты погибнешь...

Янъ.

За меня
Твой непонятенъ страхъ. Вѣдь чародѣйкой
Себя зовешь ты и прочесть могла
Въ созвѣздіяхъ, что невредимъ изъ битвы
Сегодня выйду я...

Дивара.

Въ мой вѣщій даръ
Ты, Янъ, не вѣруешь, я это знаю...
Но вспомни ночь, когда впервые мы
Съ тобою встрѣтились и я сказала:
Твоя судьба съ моею неразлучна.
Сбылись мои слова, и звѣзды тѣ,
Что и тебѣ и мнѣ тогда сіяли
Привѣтомъ радостнымъ, не обманули насъ!

Янъ.

Не обманули—да. Однако звѣзды
Не все тебѣ открыли въ эту ночь...
Въ пророчествѣ ихъ было ль обѣщанье,
Что вмѣстѣ съ саномъ королевы ты
И сердцемъ Яна также овладѣешь?

Дивара.

Должно свершиться волей рока то,
Въ чемъ для меня предѣлъ земного счастья!
Я—королева и твоя жена—
Чужда еще твоей душѣ, какъ прежде,
И чуждо ложе мнѣ твое... Но день
Тотъ недалекъ, когда моимъ ты будешь
И не избѣгнешь ты волшебныхъ чаръ
Моей любви.

Янъ.

Увѣрена ты въ этомъ?

Дивара.

Я этой вѣрою живу, дышу,
Я страстно жду судьбою всемогущей
Обѣщанный мнѣ жребій—и дождусь!

Янъ.

Дочь племени бродячаго съ глазами
Горящими огнемъ—надѣлена
Ты властною душой. Побѣды полной
Ты хочешь надо мною?..

Дивара страстно.

Да, хочу!

Янъ.

Такъ знай, что если я своей женой
И королевою тебя назвалъ, то я
Не передъ голосомъ склонился сердца—
Предъ волею народа. По дѣламъ
И гордымъ помысламъ тебя считаю
Достойной королевскаго вѣнца,
И все же... я тебѣ открою тайну,
Что ты не разгадала волшебствомъ:
Другая женщина въ моихъ мечтаньяхъ
Царитъ въ коронѣ чистой красоты!..

Дивара смѣется.

Чему смѣешься ты?.. Твой смѣхъ безуменъ...

Дивара.

Смѣюсь тому, какъ простодушенъ ты...
Давно твою я разгадала тайну
И, видишь, слушаю твое признанье

Съ спокойной твердостію. Блѣдный образъ
Той женщины, что стала межъ тобой
И страстію моей, онъ только тѣнью
Мелькнулъ случайной и пропалъ какъ тѣнь...
Да, гдѣ же эта жалкая бѣглянка,
Что ночью въ Давертскомъ лѣсу тебѣ
Шептала жалобы свои? Ни слуха
О ней съ тѣхъ поръ и слѣдъ ея исчезъ.
Она, быть можетъ, умерла...

Янъ.

Не знаю...
Но въ сердцѣ у меня живетъ она
И будетъ жить она всегда... Дивара,
Прости мнѣ правду этихъ словъ, но ложь
Мнѣ ненавистна. Рано или поздно
Я долженъ былъ сказать, что я сказалъ...

Встаетъ.

Разстанемся. Тревогой тяжкой битвы
Утомлена душа твоя. Теперь
Не время раздражать себя волненьемъ
Ревнивыхъ чувствъ. Я видѣться съ тобой
Не для того хотѣлъ... Я здѣсь останусь
И этой ночью, можетъ быть, рѣшу
Вновь сдѣлать вылазку, проникнуть въ лагерь
Усталаго врага подъ кровомъ тьмы
И разгромить, коль Небо намъ поможетъ,
Рать Вальдека въ конецъ. Въ бою ночномъ
Участвовать не будешь ты. Довольно!—
Не дѣло женщинъ жизнью рисковать.
Ты съ амазонками своими въ Мюнстеръ
Должна вернуться... Зоветъ.
Тиланъ!

Тиланъ входитъ.

Государь?

Янъ.

Отрядъ драбантовъ собери, чтобъ въ городъ
Тотчасъ же проводили королеву.

Диварѣ.

На завтра свидимся. Прощай.

Дивара.

Прощай.

Уходитъ въ сопровожденіи Тилана.

СЦЕНА III.

Янъ, Гилла.

Янъ одинъ.

Мнѣ тяжело бороться съ гордой волей
И страстью этой женщины. Она
Внушаетъ тайный ужасъ мнѣ. Угрозы
Ея безумной, демонской любви
Смущаютъ свѣтлыя мои стремленья.

Издалека доносится пѣніе. Янъ, вздрогнувъ, прислушивается.

Что это?.. Слуха моего обманъ?
Иль духи здѣсь невидимо блуждаютъ
Въ покинутыхъ отшельницами кельяхъ?..

Голосъ за сценой.

Скорби рыданія,
Слезы, мольбы покаянія
Къ вамъ возношу, небеса полуночи!
Кроткія очи
Звѣздъ золотыхъ,
Смотрите вы на меня,
Будто маня
Душу мою отъ земли и страданій земныхъ
Въ Божіе царство, въ селенія рая,
Гдѣ не смолкая
Гимны звучатъ серафимовъ святыхъ...

При послѣднихъ словахъ Гилла появляется въ глубинѣ сцены.

Янъ.

Не сонъ ли это?.. Гилла!.. Нѣтъ, то призракъ
Моихъ взволнованныхъ мечтаній...

Гилла.

Янъ...

Янъ бросается къ ней.

Я слышу голосъ твой... Такъ предо мною
Не привидѣнье?.. Ты со мною вновь?..
Гдѣ ты скрывалась, Гилла, съ той поры,
Какъ мы съ тобою разлучились...

Гилла.

Здѣсь.

Янъ.

Но этотъ монастырь вѣдь былъ разрушенъ?
Покинутъ былъ онъ всѣми?..

Гилла.

Изъ монахинь
Одна осталась я... Себѣ пріютъ
Въ развалинахъ нашла я потаенный.
Днемъ прячусь я, а ночью я молюсь
У алтаря разбитаго...

Янъ.

Зачѣмъ же
Ты не дала мнѣ вѣсти о себѣ?..
Или не знаешь ты и не слыхала,
Какъ вознесенъ чудесно я судьбой?

Гилла.

Я знаю, избранъ ты народной волей
И вѣнчанъ королемъ... Могла ли я
Подумать даже, что меня ты помнишь...

Янъ.

Забыть тебя!.. Съ той ночи, какъ въ лѣсу
Мы встрѣтились, я жилъ одной мечтою,
Одной надеждой—вновь тебя увидѣть...
Забыть тебя!.. О, если въ тайныхъ думахъ
О счастьѣ съ женщиной любимой мнѣ
Являлся образъ нѣжный и прекрасный
Въ страданьѣ и въ любви—ты предо мной
Стояла, ты въ красѣ своей небесной...
Я ждалъ тебя, я мучился въ тоскѣ...

Гилла.

Но ты вѣдь знаешь, Янъ, мое паденье
И мой позоръ... Къ любви и счастью путь
Потерянъ мной. Я отреклась отъ жизни
И здѣсь, въ уединеніи святомъ
Нашла покой израненному сердцу.
Предъ алтаремъ Того, Кто искупилъ
Грѣхи людей божественнымъ страданьемъ,
Стихаетъ боль моихъ безумныхъ мукъ,
Я забываю ихъ. Въ порывѣ чистомъ
Любви къ Христу я умерла душою
Для радостей земныхъ...

Янъ.

Не вѣрь, не вѣрь
Обманчивой мечтѣ объ отреченьи
Отъ жизни и любви: ее тебѣ
Отчаянье навѣяло... Нѣтъ, Гилла,
Съ небесъ должна ты снизойти на землю:
Кто можетъ пламенно, какъ ты, молиться
Предъ божествомъ, тотъ и въ любви земной
Найдетъ святыню для молитвы страстной

Гилла.

Ахъ, навсегда угасло для меня
Святыни этой чистое сіянье.

Янъ.

Ея небесный пламень потушилъ
Насиліемъ разврата безсердечный
И подлый звѣрь, что лицемѣрно носитъ
Священный санъ мирской и Божьей власти...
Но пламень чистый загорится вновь—
Отдай лишь сердце сердцу человѣка!..
Испуганный жестокимъ торжествомъ
Насилія и зла, и я когда-то
Мечталъ уйти отъ міра и людей
И царство свѣтлаго блаженства въ грезахъ
Я создавалъ... Но тайно сердце мнѣ
Всегда прелестный образъ рисовало
Подруги кроткой, чистой и святой...

Гилла.

И ты найдешь ее... но не въ погибшей
И опозоренной насилья жертвѣ,
Убитой горемъ... Дивную судьбу,
Вознесшую тебя на тронъ, раздѣлитъ
Съ тобою дѣва юная душой
И чистая въ своей красѣ невинной...

Янъ.

Не говори мнѣ такъ: твои слова
Терзаютъ сердце, но они напрасны...
Я многихъ женщинъ зналъ. Не разъ манили
Онѣ меня на страстную любовь,
Но равнодушенъ былъ я къ нѣжнымъ ласкамъ:
Искалъ я не вакханку между ними,

Но свѣтлое созданіе небесъ...
Судьба рукою властною недавно
Меня свела съ безумной чародѣйкой:
Красою демонской, волшебствомъ чаръ
Таинственныхъ она какъ будто цѣпью
Старается мнѣ душу оковать...
Я оттолкнулъ ее... но все жъ я слышу
Невольно цѣпи звонъ... Но вотъ теперь
Я снова встрѣтился съ тобою, Гилла,
И все, о чемъ мечталъ я, наконецъ
Не въ грезахъ сна, а наяву увидѣлъ...
Меня спасешь ты отъ коварныхъ чаръ
Волшебницы опасной... Будь моею,
За мной послѣдуй и съ тобой, съ тобой
И власть, и силу, и любовь, и счастье
Я раздѣлю!..

Гилла съ тоской.

Не обольщай меня
Напрасными мечтаньями и въ сердцѣ
Безумную тревогу не буди
О счастіи несбыточномъ...

Отдаленный, протяжный звонъ колокола. Гилла, вздрогнувъ.

Ты слышишь?

Янъ.

Да... колоколъ...

Гилла.

На монастырской башнѣ
Разрушенной какъ прежде онъ звучитъ
Въ полночный часъ... вѣдь это Божье чудо...

Янъ.

Ты заблуждаешься... сказали мнѣ—
Тамъ органистъ безумный пріютился
И, вѣрно, это онъ звонитъ...

Гилла.

Такъ что жъ?
Кто бъ это ни былъ—человѣкъ, иль ангелъ—
Полночнымъ звономъ призываетъ онъ
Къ молитвѣ Небу... И призывъ небесный
Меня влечетъ... Я къ алтарю иду,
Иду молиться...

Янъ страстно.

Гилла, дорогая,
Довѣрься мнѣ, не уходи отъ жизни!
Не надо быть отшельницей, блуждать
Въ развалинахъ обители, чтобъ сердце
Наполнилось любовью къ Божеству:
И въ мірѣ, созданномъ по волѣ Бога,
Оно молиться можетъ передъ нимъ...

Подводитъ ее къ озаренному мѣсяцемъ окну, за которымъ видны деревья монастырскаго сада.

Вотъ колокола звонъ печальный умеръ,
Но, слышишь, пѣснь несется соловья,
Полна любви истомой и привѣтомъ...
А ночь—смотри—какою красотой
И страстью дышитъ... Съ неба мѣсяцъ льетъ
Лучи изъ серебра, лаская нѣжно
Твой блѣдный ликъ... Прекрасенъ Божій міръ
И онъ живетъ... Живи и ты любовью
И счастьемъ... Ты молчишь?.. Боишься ты
Покинуть келью душную?.. Такъ знай же—
Я противъ воли изъ твоей темницы
Освобожу тебя...

Порывается ее обнять.

Гилла съ ужасомъ отстраняясь.

Оставь... Твой взоръ
Горитъ огнемъ... Я знаю этотъ пламень
Грѣха и зла...

Янъ печально.

Нѣтъ, Гилла, я не такъ
Люблю тебя, какъ тотъ любилъ, преступный
И подлый осквернитель чистоты
Твоей души... Моя любовь иная
И горько мнѣ, что не могу найти
Довѣрья къ свѣтлому ея влеченью...
Но если такъ... съ отчаяньемъ тоски
Я говорю тебѣ: покуда будешь
Грѣхомъ и зломъ считать любви союзъ—
Не стану я смущать тебя соблазномъ:
Иди и схорони себя навѣки
Въ обители печальной смерти...

Въ порывѣ горя онъ отходитъ.

Гилла съ рыданіемъ, падая на колѣни.

Янъ!..

Янъ бросается къ ней, поднимаетъ ее и покрываетъ поцѣлуями.

Мой дорогой... меня ты любишь... любишь...
Скажи мнѣ... повтори...

Янъ.

Люблю какъ жизнь!

Гилла склоняется къ нему, рыдая.

О, бѣдное, измученное сердце...
Слезами—не улыбкой свѣтлой ты
Встрѣчаешь къ жизни возрожденье...

Гилла.

Милый,
Прости мнѣ эти слезы: плачу я
Отъ радости нежданной и отъ горя...

Янъ.

Нѣтъ больше горя! Радость лишь одна
Тебя въ грядущемъ ждетъ, моя царица!
На свѣтломъ тронѣ свѣтлаго Сіона
Сіять ты будешь въ дивной красотѣ...
Какимъ же горемъ сердце ты тревожишь?

Гилла.

Янъ, слушай и пойми меня: когда
Твоей любви прекрасный, чистый образъ
Я вижу предъ собой—невольно мнѣ
Воспоминанія терзаютъ сердце...
Я смыть должна клеймо позора... клятву
Даю святую: предъ тобой предстану
Достойной, чистою невѣстой я...
Мнѣ шепчетъ голосъ долга роковой:
Тотъ день придетъ... Ты обо мнѣ услышишь...
Теперь должна разстаться я съ тобой...
Прощай...

Янъ.

Куда же ты уходишь, Гилла?
Что ты задумала?...

Гилла.

Въ тотъ день, когда
Я возвращусь—мою узнаешь тайну.
О, не удерживай меня, за мною
Не слѣдуй, не ищи меня...

Мѣсяцъ закрывается облакомъ.

Смотри:
Свѣтъ мѣсяца померкъ подъ темной тучей...
Такъ скроюсь я въ могилѣ тьмы полночной
И возрожденной я приду къ тебѣ
При золотомъ сіяньи солнца!..

Она удаляется въ глубину сцены и исчезаетъ въ темнотѣ.

Янъ.

Гилла!..
Нѣтъ, нѣтъ... не уходи... я умоляю...

Порывомъ вѣтра раскрывается окно. Свѣтильникъ гаснетъ. На сценѣ полная темнота.

Занавѣсъ.

КАРТИНА II.

Та же декорація. Свѣтлое утро. Солнечные лучи, врываясь въ открытое окно, заливаютъ всю галерею свѣтомъ. На авансценѣ оживленная группа ландскнехтовъ. Одни, разостлавъ плащи на полу, играютъ въ кости; другіе окружаютъ молодого ландскнехта, который поетъ пѣсню.

СЦЕНА I.

Молодой ландскнехтъ, Первый, второй и другіе ландскнехты.

Молодой ландскнехтъ поетъ.

Пашетъ крестьянинъ усталый,
Чахнетъ купецъ надъ мошной...
Мы въ нашей жизни удалой
Ищемъ свободы одной.
Правому дѣлу мы служимъ,
Нѣтъ ли—объ этомъ не тужимъ...
Встрѣтился въ битвѣ съ врагомъ—
Каждый будь доблестнымъ мужемъ,
Бейте копьемъ и мечомъ!

* * *

Смерти ль ландскнехтамъ бояться:
Смерть съ нами въ дружбѣ живетъ.
Бой загорѣлся—и мчатся
Смѣло ландскнехты впередъ!
Жизнь развѣ въ томъ, чтобъ съ могилой
Свидѣться въ старости хилой?..
Жизнь мы проводимъ свою,
Храбростью, удалью, силой
Тѣшась въ побѣдномъ бою!

Первый ландскнехтъ.

Прибавить бы, товарищъ, въ пѣснѣ надо
Еще одно:
Есть у ландскнехтовъ добрая отрада—
Вино:
Какъ я умру—мнѣ все равно,
А вотъ коль жизнь моя, сказать примѣромъ,
Пройдетъ такимъ манеромъ,
Что я съ утра и къ вечеру не пьянъ,
Такъ это ужъ не жизнь—обманъ.

Второй ландскнехтъ.

Ты разсудилъ довольно тонко,
Но если горло промочилъ винцомъ,
То дѣло добрымъ завершай концомъ,
И для того нужна смазливая дѣвчонка.

Первый ландскнехтъ.

Вишь, захотѣлъ всего ты вдругъ:
Тотчасъ видать, что молоденекъ.
Охъ, для дѣвчонокъ деньги нужны, другъ,
И много денегъ!

Второй ландскнехтъ.

Такъ что же? Нынче времячко пришло—
Вездѣ вражда, раздоръ... По симъ причинамъ
Въ цѣнѣ солдата ремесло.

Третій ландскнехтъ.

Жизнь нашимъ мѣряютъ теперь аршиномъ—
Ландскнехта пикою, ну, вотъ
И денежка охотно къ намъ плыветъ.

Четвертый ландскнехтъ.

Попы пророчатъ: отъ раздора
Весь міръ погибнуть долженъ скоро...

Первый ландскнехтъ.

Пустой, такъ надо думать, толкъ.
А, впрочемъ, намъ объ этомъ нѣтъ заботы:
Сгоритъ кабакъ, гдѣ пили въ долгъ,
Такъ вмѣстѣ съ нимъ сгорятъ и долговые счеты!

Окружающіе смѣются. За сценой говоръ. Входитъ капитанъ ландскнехтовъ

СЦЕНА II.

Тѣ же, капитанъ, Гилла, ландскнехтъ.

Капитанъ.

Что тамъ шумятъ?

Первый ландскнехтъ.

Не знаю, капитанъ...

Входитъ Гилла въ сопровожденіи ландскнехта. Она переодѣта пажомъ.

Ландскнехтъ капитану.

Молодчикъ этотъ прибѣжалъ къ намъ въ станъ
Изъ Мюнстера. Онъ тамъ скучалъ, вишь, больно
И въ плѣнъ рѣшилъ отдаться добровольно.

Капитанъ Гиллѣ.

Ты кто жъ такой?

Гилла.

Я королевскій пажъ.

Капитанъ.

Гм... значитъ, человѣкъ придворный...
Король-то балаганный вашъ,
Какъ видно, молодецъ проворный:
Вчера еще кроилъ камзолы и штаны
И выходилъ паяцемъ на подмостки,
А нынче у него заведены
Гофмаршалы, пажи-подростки...
Эхъ, нечего сказать, дѣла
Теперь творятся... Молвить кстати:
Для гербовой своей печати
Король вашъ выбралъ, говорятъ, козла?

Ландскнехты смѣются.

Гилла вспыхнув.

Неправда!.. Ян умѣетъ править,
Онъ съ честью носитъ королевскій санъ,
И мюнстерцы, повѣрьте, капитанъ,
Довольны имъ...

Капитанъ.

Съ чѣмъ можно ихъ поздравить!

Гилла.

Онъ справедливо судъ ведетъ,
Въ бояхъ прославился отвагой,
Ему дивится весь народъ...

Капитанъ.

Ну, да, а все-таки фигляромъ и портнягой,
Какъ прежде, останется вашъ король...
Однако, юноша, позволь—
Усердно своего ты хвалишь господина;
Какая жъ у тебя причина,
Что ты служить не пожелалъ ему?

Гилла.

Я это сдѣлалъ потому,
Что неугоденъ былъ я королевѣ:
Она меня бранила часто въ гнѣвѣ
И даже...

Капитанъ смѣясь.

Била заурядъ?..
Для королевы неприлично это,
Но вѣдь она цыганка, говорятъ,
Придворнаго не знаетъ этикета....

Гилла.

Быть можетъ, капитанъ. Да мнѣ-то
Не легче было отъ того...

Капитанъ.

Ты правъ...
Злой бабы выносить довольно трудно нравъ...
Но къ намъ пришелъ ты для какой же цѣли?

Гилла.

Желаю графу Вальдеку служить
И передать ему объ очень важномъ дѣлѣ...

Капитанъ.

Вишь, у тебя какая прыть!
Твои слова иль черезчуръ ужъ просты,
Иль черезчуръ хитры—я что-то не пойму...
Графъ въ лагерѣ теперь, осматриваетъ посты.
Когда вернется—доложу ему.
Покуда здѣсь побудь.

Ландскнехтамъ.

Ребята,
Рекомендую новаго солдата:
Смотрите, что за молодецъ! Колоссъ!

Смѣясь уходитъ.

СЦЕНА III.

Гилла, ландскнехты.

Первый ландскнехтъ.

Да, видѣть намъ такихъ еще не довелось:
Какъ разъ годишься въ бравые ландскнехты
И ростомъ перевысишь всѣхъ ты.
Вотъ влѣзешь на коня, такъ ровно воробей
Сѣлъ на ворота.

Общій смѣхъ.

Гилла.

Ростомъ я не вышелъ,
Но ты вѣдь, вѣрно, поговорку слышалъ:
У малой птички ноготокъ вострѣй.

Первый ландскнехтъ.

Эге, да ты въ карманъ не лазаешь за словомъ!
Ну, коли такъ—выкладывай-ка намъ,
Какъ въ Мюнстерѣ у васъ живется тамъ?
Подъ королемъ-то вашимъ новымъ?

Гилла.

Живется хорошо. Всѣхъ бѣдняковъ правами
Сравнялъ король нашъ съ богачами.
Затѣмъ такой порядокъ заведенъ:
Кто прежде проживалъ съ одною

Своей законною женою—
Теперь имѣй хоть десять женъ?

Второй ландскнехтъ.

Вотъ это значить полная свобода!

Первый ландскнехтъ.

Съ свободою такого рода
Завоешь, братъ,
Какъ жены на исходѣ года
Тебѣ десятокъ принесутъ ребятъ!

Смѣхъ.

Третій ландскнехтъ.

А я слыхалъ, у самого-то
У короля еретиковъ жена—
Колдунья. Изъ голландскаго болота,
Какъ жабу, выловилъ ее, вишь, сатана
И въ Мюнстеръ притащилъ...

Первый ландскнехтъ.

Эхъ, Отто,
Здоровъ ты врать.

Третій ландскнехтъ.

Какое тутъ вранье!
Въ бою я видѣлъ самъ ее:
На головѣ шишакъ, на груди латы,
Въ рукахъ копье, летаетъ на конѣ...
Не запродавши душу сатанѣ,
Пойдетъ ли женщина въ солдаты?

Первый ландскнехтъ.

Но, кромѣ королевы, есть
Въ строю у мюнстерцевъ другія бабы...

Гилла.

И очень храбрыя—отдать имъ надо честь...

Первый ландскнехтъ.

Храбрятся, точно, ну, а все же слабы:
Не имъ держать копье и мечъ,
И лучше бъ руки поберечь
Для спицъ вязальныхъ, для иголокъ.

Какой ужъ въ ихъ солдатской службѣ прокъ!
Не даромъ сказано: умъ бабы коротокъ,
Хоть волосъ долгъ.

Второй ландскнехтъ.

Да, этакъ разсуждали встарь,
А нынче...

За сценой трубы.

Первый ландскнехтъ.

Чу?.. Вернулся государь...
Идемте, братцы...

Уходятъ торопясь всѣ, кромѣ Гиллы, которая остается въ глубинѣ сцены.

СЦЕНА IV.

Графъ фонъ-Вальдекъ, Штединкъ, капитанъ.

Вальдекъ входитъ въ сопровожденіи Штединка и капитана.

Я съ тобою, Штединкъ,
Вполнѣ согласенъ: надо кончить намъ
Ударомъ неожиданнымъ осаду...
Вотъ заняли мы этотъ монастырь,
Что былъ въ рукахъ врага. Всѣ признавали
Тутъ ключъ позиціи. Однакожъ мы
Стоимъ здѣсь столько времени, окопы
И шанцы дѣлаемъ, а толку нѣтъ...
Коль дѣло такъ затянется, пожалуй,
Придется снять осаду и войну
Прервать позорно... Ты сказалъ мнѣ—хочешь
Рискнуть на что-то?

Штединкъ.

Государь, мой планъ
Навѣрняка разсчитанъ. Перебѣжчикъ,
Одинъ кузнецъ изъ Мюнстера, пароль
Анабаптистовъ обѣщалъ мнѣ выдать.
Войду я ночью въ городъ, отворю
Ворота крѣпостныя—и, клянусь вамъ,
Еще до утра Мюнстеръ будетъ нашъ!

Вальдекъ.

Задумано не худо. Попытайся.
Когда жъ, ты думаешь, возможно будетъ
Осуществить твой планъ?

Штединкъ.

Да все зависитъ
Отъ перебѣжчика. Онъ обѣщалъ,
Что подготовитъ это дѣло скоро...

Вальдекъ.

Зайди ко мнѣ немного попозднѣе:
Подробнѣй все обсудимъ

Штедингъ уходитъ.

Капитанъ.

Государь,
Вы приказали, чтобы вамъ напомнить
О молодцѣ изъ Мюнстера...

Вальдекъ.

Да, да...
Гдѣ жъ этотъ юноша?

Капитанъ указываетъ на Гиллу.

Вотъ онъ.

Вальдекъ даетъ знакъ, чтобы онъ удалился. Капитанъ уходитъ.

СЦЕНА V.

Вальдекъ, Гилла.

Вальдекъ.

По виду
Ты сынъ патриція. Я не дивлюсь,
Что Мюнстеръ ты покинулъ. Ну, какія
Намъ вѣсти сообщишь?.. Фигляръ-пришлецъ
Попрежнему роль короля играетъ,
Не вѣдая, что близокъ день, когда
Съ преступной головы его сорветъ
Палачъ корону?.. Что же ты молчишь?
Зачѣмъ въ смущеньи ты лицо скрываешь?..
Зачѣмъ ты...

Гилла открываетъ лицо.

Вальдекъ, узнаешь меня?..

Вальдекъ.

Какъ—Гилла! Ты?.. Ужель тебя я вижу?..
Что жъ привело тебя? Иль пробудилась
Въ тебѣ любовь?.. Ну, долго же меня
Ты ждать заставила... Дай руку... Что?.
Не хочешь? Какъ и прежде, недоступна
Ты въ гордой красотѣ...

Обнимаетъ ее.

Да улыбнись же,
Оставь былую дикую суровость...
Я поцѣлуя жду любви, какъ радость
Нежданной встрѣчи...

Гилла.

Вотъ мой поцѣлуй!

Поражаетъ его кинжаломъ. Вальдекъ предупреждаетъ ударъ, схвативъ ее за руку. Борьба.

Вальдекъ, вырвавъ кинжалъ, бросаетъ его на полъ.

Ну, видишь, злая пчелка, ты безъ жала...

Насмѣшливо.

Но не безъ меда, я надѣюсь...

Гилла рыдаетъ.

Что жъ
Безумно ты рыдаешь?.. Успокойся...
Такъ ты пришла не для любви—для мести
За прошлое?..

Гилла.

Безумный человѣкъ!
Ужель ты могъ подумать, что любовью
Къ тебѣ привлечена я?.. Лицемѣръ,
Проклятый развратитель—я готова
Была бы десять разъ тебя убить...
Но не дано мнѣ силы...
Горе, горе,
Навѣки я обречена судьбой
Жить съ злою мукой моего позора...

Въ порывѣ отчаянія.

Прости мнѣ, Янъ, прости мое безумье!..
Я думала, что смертію того,
Кто душу осквернилъ мою и тѣло
Я оправдаюсь честно предъ тобой...
Но правой мести Богъ мои молитвы
И клятвы не услышалъ... Я погибла,
Погибла для тебя...

Рыдаетъ.

Вальдекъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло:
Ты любишь скомороха-короля?..
И для того пошла ты на убійство,
Чтобъ доказать ему, какъ беззавѣтна
Твоя любовь?.. Иль, можетъ быть, тебя
Ничтожный, хитрый этотъ самозванецъ
Самъ подослалъ?.. Кровавая затѣя!...
Но, видишь, кончилась она не такъ,
Какъ вы разсчитывали оба!...
Слушай,
Анабаптистка,—вотъ мой приговоръ:
Король твой балаганный будетъ скоро
Съ другой невѣстою обвѣнчанъ: смерть
На эшафотѣ ждетъ его... А ты...
Я могъ бы такъ же поступить съ тобою
За умыселъ преступный... Но жалѣю
Я красоту и молодость твою
И память о быломъ невольно душу
Волнуетъ состраданьемъ... У тебя
Насильемъ дѣвственность твою я отнялъ,—
Теперь въ замѣну смерти жизнь дарю!

Гилла.

Напрасный даръ... И какъ твою любовь
Постыдную презрѣла я когда-то,
Такъ и теперь я презираю жизнь,
Которую даришь ты лицемѣрно,
Затмивъ порокомъ этой жизни свѣтъ!..
Твоя пощада для меня ужаснѣй,
Чѣмъ злая казнь... Мнѣ смерть отрадой будетъ—
И я умру...

Порывистымъ движеніемъ поднимаетъ кинжалъ съ пола, наноситъ себѣ ударъ и падаетъ.

Вальдекъ въ ужасѣ наклоняется надъ нею.

Безумная, зачѣмъ
Ты это сдѣлала...

Гилла.

Такъ было Небомъ
Присуждено мнѣ... не жалѣй меня...
Я объ одномъ прошу тебя... исполни
Мое предсмертное желаніе... отдай
Мой трупъ для погребенія тому,
Кого любила я...

Умираетъ.

Вальдекъ нѣкоторое время смотритъ въ мрачномъ безмолвіи на трупъ.

Эй, кто тамъ—стража!

Входитъ капитанъ ландскнехтовъ.

Несчастный этотъ пажъ убилъ себя...
Онъ, кажется, былъ сумасшедшій...
Приказъ мой: позови сейчасъ монаховъ.
Пусть тѣло юноши возьмутъ они,
Положатъ въ гробъ съ молитвой погребальной
И нынче въ Мюнстеръ отнесутъ и тамъ
Оставятъ у вождя анабаптистовъ.

Уходятъ. Капитанъ идетъ на сцену и возвращается съ нѣсколькими монахами, которые кладутъ Гиллу на носилки и уносятъ въ часовню съ похороннымъ пѣніемъ.

Занавѣсъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
МАГАЗИНОВЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

ГОРОДЦЕВЪ, П. Религіозно-церковные вопросы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ИННОКЕНТІЙ, ЕПИСКОПЪ. Слова и рѣчи. М. 1910. Спб. Ц. 60 к.

ІОНА, АРХИМАНДРИТЪ. Протестантская пропаганда среди православныхъ христіанъ Востока. Спб. 1911. Ц. 35 к.

КАРДЕКЪ, А. Евангеліе въ разъясненіи спиритизма. Люблинъ. 1910. Ц. 2 р.

МИХАИЛЪ, ЕПИСКОПЪ. Апологія старообрядчества. М. 1910. Ц. 40 к.

Философія, психологія, логика.

БУЛГАКОВЪ, С. Два града. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Т. I и II. М. 1911. Ц. за два тома 3 р.

БУРДО. Властители современныхъ думъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

БЫЧКОВСКІЙ, Б. Современная философія. Ч. I. Проблема матеріи и энергіи. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КРОСБИ, Э. Толстой и его жизнепониманіе. М. 1911. Ц. 45 к.

ЛЮИ и МЮРАТЪ, II. Идея о Богѣ по современному состоянію естественныхъ наукъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

МЮЛЛЕРЪ, I. Половая мораль и освобожденіе женщины. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ОРШАНСКІЙ, И. Атавизмъ и вырожденіе. М. 1910. Ц. 50 к.

РОЗАНОВЪ, В. Темный ликъ. Метафизика христіанства. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

НИЦШЕ, Ф. Полное собраніе сочиненій. Т. 3. М. 1911. Ц. 3 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

АЙХЕНВАЛЬДЪ, Ю. Этюды о западныхъ писателяхъ. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

БАБЪ, Ю. Бернардъ Шоу, какъ писатель и художникъ. М. 1911. Ц. 50 к.

БУЛГАКОВЪ, С. Чеховъ, какъ мыслитель. М. 1910. Ц. 25 к.

ЕВЛАХОВЪ, А. Введеніе въ философію художественнаго творчества. Опытъ историко-литературной методологіи. Т. 1-й. Варшава. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

— Кольцовъ и Руссо Ц. 20 к.

ЕВЛАХОВЪ, А. Трактатъ Данте «de vulgari eloquio. Очеркъ изъ исторіи романской филологіи. Варшава. 1910. Ц. 20 к.

— Тайна генія Гоголя. Ц. 20 к.

— Геній художникъ, какъ антиобщественность. Экскурсъ въ область психологіи эстетическаго чувства. Варшава. 1909. Ц. 80 к.

ИЗМАЙЛОВЪ, А. Литературный Олимпъ. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Лермонтовъ. Поэтъ

сверхчеловѣчества. Гоголь. Творчество, жизнь и религія. Спб. 1911 Ц. 1 р.

КРЫМСКІЙ, А. Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ. М. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ЛИННИЧЕНКО, И. Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Ц. 50 к.

РАЗУМОВСКІЙ, С. Апоѳеозъ воли. (Гамлетъ Шекспира). М. 1911. Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія, драматическія произведенія.

БАНГЪ, Г. Погибшія мечты. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

БЕТЛЕРЪ, ЖОЗЕФИНА. Воспоминанія и мысли. Одесса. 1910. Ц. 1 р.

БОБРОВСКІЙ, М. Стихотворенія. Этюды въ прозѣ. Письма съ войны. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл. на веленев. бумагѣ 2 р. 75 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Романъ торреадора. М. 1910. Ц. 1 р.

БРУСЯНИНЪ, В. Молодежь. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ГАНГЕЛИНЪ, А. Четвертая симфонія Чайковскаго въ стихахъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ГЕССЕНЪ, В. Желтыя листья. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ГОРОДНЯ, В. Цвѣтки и ягодки. Царицынъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНЪ. Сочиненія. Т. 14. Господинъ Паракъ и другіе разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАГОСКИНЪ, М. Аскольдова могила. Повѣсть временъ Владиміра Перваго. Спб. 1911. Ц. 75 к.

— Брынскій лѣсъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

— Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Русская быль временъ Екатерины II. Спб. 1911. Ц. 1 р.

— Русскіе въ началѣ 18 столѣтія. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра Перваго. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ИБАНЬЕСЪ, Б. Среди апельсиновъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО, С. Повѣсти и разсказы. Спб. 1911. Ц. 3 р.

КИРѢЕВСКІЙ, И. Полное собраніе сочиненій. Т. I, II. М. 1911. Цѣна за оба тома 4 р.

КОЛЫШКО, І. «Поле брани», сцены изъ политической жизни въ 4 д. Спб. 1911. Ц. 75 к.

КРЕМЛЕВЪ, А. Пѣсни Стараго и Новаго свѣта. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЛЕРУ, Г. Призракъ Парижской большой оперы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИВЕНЪ, М. Стихи. 1900—1910. Ц. 1 р.

ЛИПОВЕЦКІЙ, М. Рождественскія святки. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и сценъ для чтенія и устройства литературныхъ вечеровъ. Кіевъ. 1911. Ц. 80 к.

ЛОТИ, П. Мой братъ Ивъ. М. 1911. Ц. 1 р.

ЛУНДЕГОРДЪ, А. На смертномъ одрѣ. Романъ изъ личной жизни Г. Гейне. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МАННЪ, Т. Крушеніе семьи. Кн. I. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

МИНЦЛОВЪ, С. Литва. Историческія повѣсти съ иллюстр. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МИЩЕНКО-АТЭ. День испытанія. Драма въ 4 д. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Москва слезамъ не вѣритъ. Историческая повѣсть временъ царствованія Іоанна Грознаго. Спб. 1910. Ц. 30 к.

ОДУ, М. Марія Клара. Романъ. М. 1911. Ц. 80 к. и 1 р.

ПОЛѢССКІЙ. Весна. Очеркъ. Козьмодемьянскъ. 1910. Ц. 5 к.

РЕМИЗОВЪ, А. Сочиненія. Т. 2. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ товарищества «Знаніе» за 1910 г. книга 33-я. Спб. Ц. 1 р.

СИЛЬЧЕНКО, И. Не караемыя закономъ убійства. (Разсказъ). Одесса. 1911. Ц. 40 к.

СОКОЛИНСКІЙ, А. Двѣ смерти и друг. разсказы. М. 1911. Ц. 1 р.

СЛОВАЦКІЙ, Ю. Три драмы. М. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

СОЛОГУБЪ, Ѳ. Сказочки и статьи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

СТРИНДБЕРГЪ, А. Развитіе одной души. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ТАНЪ, В. Собраніе сочиненій. Т. V. Американскіе разсказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ФІОРДЫ, сборникъ, вып. 7-й. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЮШКЕВИЧЪ, С. Комедія брака. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ѲЕДОРОВЪ, А. Утро. Т. 2. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ, т. 3-й. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

АКСАКОВЪ, К. Воспоминаніе студенчества. Спб. 1910. Ц. 60 к.

ВЕРЕТЕННИКОВЪ, В. Изъ исторіи тайной канцеляріи 1731—1762 г. Очерки. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.

ВОЙНА Русскаго народа съ Наполеономъ 1812 г. Подъ редакціею: рисунки Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго, текстъ И. Н. Божерянова. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 12 р.

ГЕРШЕНЗОНЪ, М. Жизнь В. С. Печерина. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕРЬЕ, В. Французская революція 1789—95 г. въ освѣщеніи И. Тэна. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 75 к.

КАРѢЕВЪ, Н. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Спб. 1911. Ц. 75 к.

КРАСНОЖЕНЪ, М. А. С. Будиловичъ. Некрологъ. Юрьевъ. 1911. Ц. 60 к.

КРѢПОСТНОЕ право въ Россіи и реформа 19 февраля. М. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

ЛАППО, И. Великое княжество Литовское во второй половинѣ 16-го столѣтія. Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ. Юрьевъ. 1911. Ц. 5 р.

ЛЕПЕРЪ, Р. Древній городъ Аѳины, съ 15 иллюстраціями. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ЛОГОФЕТЪ, Д. Бухарское ханство подъ русскимъ протекторатомъ. 2 т. Спб. 1911. Ц. за два тома 4 р. 50 к.

ПАМЯТИ Степана Васильевича Смоленскаго. Спб. 1911. Ц. 2 р.

РАГОЗИНА, Е. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
СБОРНИКЪ статей по архивовѣдѣнію. Издаваемый подъ редакціей И. И. Зубарева. Томъ I. Ч. I. Спб. 1910. Ц. 2 р.
СВОДНО - ГВАРДЕЙСКІЙ БАТАЛЬОНЪ, а нынѣ Собственный Его Императорскаго Величества сводный пѣхотный полкъ на стражѣ у Царскаго Трона. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.
ТУЛУПОВЪ, Н. и ШЕСТАКОВЪ, П. Какъ крестьянамъ дали волю. М. 1911. Ц. 15 к.
ФЛОРОВСКІЙ, А. Изъ исторіи Екатерининской Законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
ЩЕРБАТОВА, М. Матеріалы для справочной книги по-русскимъ портретамъ. Вып. 2-й. Б.—М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АЛЕКСѢЕНКО, М. Финансовые вопросы и государственный бюджетъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.
БУКУНОВСКІЙ, А. Практическое руководство для волостныхъ и сельскихъ правленій и должностныхъ лицъ крестьянскихъ учрежденій. Харьковъ 1910. Ц. 2 р.
— Сборникъ и руководство къ составленію полицейскихъ протоколовъ, съ приложеніемъ инструкціи чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.
ВИТТЕ, С. Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.
ВОЛКОВЪ, Н. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе Императора Александра III. 1881—1894. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
ГИЗЕТТИ, А., ИВАНОВЪ, В., КАРЯКИНЪ, П., СЕРГѢЕНКО, А. Руководство для домовладѣльцевъ по примѣненію новаго положенія о государственномъ налогѣ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Очерки политическаго развитія современной Англіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
— Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 3 р.
ДРИЛЛЬ, Д. Уголовное право. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
ЖЕРЕБЦОВЪ, В. Предварительное слѣдствіе. Практическое пособіе для начинающихъ судебныхъ слѣдователей, кандидатовъ на судебныя должности и чиновъ полиціи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
КУПРЕЯНОВЪ, Д. Комментаріи Гражданскаго Уложенія 1825 г., съ сравнит. изложен. главныхъ положеній семейственнаго права по проекту 1905 г. Варшава. 1910. Ц. въ переп. 4 р. 50 к.
Л. С. Конспектъ по церковному праву, составленъ по учебнику проф. Суворова. Одесса. 1910. Ц. 80 к.
ЛУППОВЪ, П. Волненія вотяковъ Вятской губерніи. По поводу прикрѣпленія ихъ къ горнымъ заводамъ. Вятка. 1909. Ц. 20 к.
МАТТЭ, П. Роспускъ парламента на Западѣ. Спб. 1911. Ц. 2 р.
МОЛЛЕРІУСЪ, П. Очеркъ противогосударственныхъ ученій. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
НОВОЗЕМОВЪ, А. Университетъ и студенты. Спб. 1911. Ц. 55 к.
НЮРЕНБЕРГЪ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Изд. 2-е дополненное. М. 1911. Цѣна въ перепл. 3 р.
ОСНОВНЫЯ начала русскаго гражданскаго процесса. По Цитовичу, Малышеву и др. Харьковъ. 1910. Ц. 1 р.
ПОЛНЕРЪ, Т. Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Томъ 2-й (послѣдній). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
ПОЛОЖЕНІЕ о Государственномъ налогѣ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Законъ 6 іюня 1910 г. Ц. 1 р.
ТРЕТЬЯ Государственная Дума въ картограммахъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
ЧИЖЕВСКІЙ, П. Всеобщее обученіе и земство. Спб. 1910. Ц. 1 р.
ЧУПРОВЪ, А. Очерки по теоріи статистики. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
ШЕРШЕНЕВИЧЪ, Г. Общая теорія права. В. I. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
ШТУРМФЕЛЬСЪ, Е. Женщина—болѣзнь нашей современности. М. 1911. Ц. 75 к.
ЯБЛОЧКОВЪ, Т. С. А. Муромцевъ, какъ ученый. Ярославль. 1910. Ц. 50 к.

Искусство.

ЕЖЕГОДНИКЪ общества архитекторовъ-художниковъ. В. 5-й. 1910. Ц. 4 р. 50 к.
КОНДАКОВЪ, Н. Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянскою живописью ранняго Возрожденія (Иконописный сборникъ вып. 4). Спб. 1911. Ц. 3 р.
МОШИНЪ, А. и РЫБАКОВЪ, С. Древнія псалмы Псковскаго края. На Рождество Христово, Новый годъ и другія. Спб. 1911. Ц. 35 к.
ФУКСЪ, Г. Революція театра. Исторія Мюнхенскаго художественнаго театра. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
ЭНГЕЛЬ, Ю. Очерки по исторіи музыки. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ сценическаго самообразованія. Костюмъ. Подъ редакц. О. О. Коммиссаржевскаго. Съ 300 рис. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БІОЛОГИЧЕСКІЙ журналъ, издаваемый при зоологическомъ отдѣленіи Императорскаго общества любителей естествознанія. Т. I. Кн. 4-я. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
БУКРѢЕВЪ, Б. Ученіе объ ирраціональныхъ числахъ съ точки зрѣнія Г. Кантора и Э. Гейне. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.
ГИБСОНЪ, Р. Начатки біологіи. М. 1911. Ц. 40 к.

ГРАВЕ, Д. Ариѳметическая теорія алгебраическихъ величинъ. Т. I. Квадратичная область. Кіевъ. 1910. Ц. 3 р.

ЕЖЕГОДНИКЪ русскаго астрономическаго общества на 1911 г. Справочная книга для любителей астромоніи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье. (Хвойный лѣсъ). Изд. 8-е. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КЛЕЙНЪ, Г. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Спб. 1911 Ц. 1 р. 25 к.

ЛАМАРКЪ. Философія зоологіи. М. 1911. Ц. 2 р.

НИКОЛАЕВЪ, Н. Записки по астрономіи. Сѣдлецъ. 1910. Ц. 50 к.

РИККЕРТЪ, Г. Науки о природѣ и науки о культурѣ. Спб. 1911. Ц. 85 к.

ФУРНЬЕ, Д. Два новыхъ міра. Одесса. 1911. Ц. 80 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

КРАСНОВЪ, А. Русскіе тропики. Очерки природы Батумскаго края. Харьковъ. 1910. Ц. 40 к.

Языковѣдѣніе.

ДРЕВНІЙ церковно-славянскій языкъ (фонетика). Изъ лекцій акад. А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, Н. Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Спб. 1910. Ц. 2 р.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ русскаго слова. Методологическія экскурсіи въ область грамматики и правописанія. Васильковъ. 1906. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

БОГДАНОВЪ, Е. Кормленіе молочныхъ коровъ, ихъ содержаніе, доеніе въ связи съ организаціей стада и всего молочнаго дѣла. М. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

ЕЖЕГОДНИКЪ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія по Департаменту Земледѣлія. 1909 годъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

КНИРИМЪ, В. Сельско-хозяйственный календарь на 1911 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

ПАВЛОВСКАЯ, О. Скоромный и постный столъ. Спб. 1911. Ц. 4 р.

ПРАКТИЧЕСКІЕ совѣты и свѣдѣнія, относящіеся исключительно къ посадкѣ яблони и уходу за ней. М. Ц. 10 к.

СТЕБУТЪ, А. Сортоводство (селекція с.-х. растеній). Сборникъ статей по сортовыведенію и сѣменному дѣлу. Х. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЦВѢТКОВЪ, М. Травосѣяніе и разбивка полей. Спб. 1911. Ц. 30 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВЫШОМІРСКІЙ, А. Организація коммерческой службы счетоводства и отчетности въ предпріятіяхъ горнаго, металлургическаго, механическаго и др. фабр. зав. произв. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ торговли и промышленности въ Россіи. Т. 1-й. В. 2-й. Кредитныя учрежденія. Спб. 1911. Ц. 70 к.

МАМОНТОВЪ, В. Списокъ рудныхъ мѣсторожденій Алтайскаго округа (Золото, серебро, мѣдь, свинецъ и цинкъ). Гор. Барнаулъ. 1908. Ц. 4 р.

ОЗЕРОВЪ, И. Къ вопросу о нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ. М. 1911. Ц. 40 к.

ЭНГЕЛЬМЕЙЕРЪ, П. Руководство къ привилегированію изобрѣтеній. Спб. 1911. Ц. 80 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АВЕРКІЕВЪ, Н. Біологическій методъ очищенія сточныхъ водъ. Екатеринославъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

— Екатеринославская Городская Химическая Лабораторія 1896—1909 г. Питательныя вещества, методы ихъ анализа и ихъ фальсификація. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

— Большія станціи въ Англіи для очистки клоачныхъ водъ біологическимъ методомъ. Екатеринославъ. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

— Питьевая вода въ области расположенія рудниковъ, заводовъ и фабрикъ Донецкаго бассейна и методы ея улучшенія. 1910. Ц. 75 к.

— Успѣхи біологическаго метода очищенія сточныхъ водъ съ 1908 г. и желательность примѣненія его въ горнопромышленныхъ предпріятіяхъ Юга Россіи. 1910 Ц. 50 к.

— Къ вопросу о механической очисткѣ сточныхъ водъ и спускѣ ихъ въ рѣку Днѣпръ по проекту И. Ф. Горбачева о канализаціи гор. Екатеринослава. 1909. Ц. 50 к.

— Станціи, выстроенныя въ гор. Екатеринославѣ для очищенія и обезвреживанія сточныхъ и клоачныхъ водъ біологическимъ методомъ, по безпрерывно-дѣйствующей системѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

— Процессы нитрификаціи при искусственныхъ культурахъ аэробныхъ бактерій при очисткѣ и обезвреживаніи сточныхъ водъ біологическимъ методомъ. Ц. 60 к.

АЛЬБИЦКІЙ, В. Чистка водопроводной сѣти. Х. 1910. Ц. 15 к.
ДЕМЕНТЬЕВЪ, К. Теплота и заводскія печи. Кіевъ. 1911. Ц. съ атл. 5 р.
ДУБЕЛИРЪ, Г. Планировка городовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
ДУДРЕВИЧЪ, С. Городскіе фильтры для питьевой воды. Спб. 1910. Ц. 1 р.
ИВАНОВЪ, В. Канализація населенныхъ мѣстъ. Съ 468 черт. и 50 таблицами въ текстѣ. Кіевъ. 1911. Ц. 6 р.
КНАББЕ, В. Современные машиностроительные заводы и примѣняемые ими новые способы холодной обработки металловъ. Х. 1910. Ц. 6 р.
ЛИНДЕ, И. и КАГАНЪ ШАБШАЙ. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1911 годъ. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.
ПАРЛАНДЪ, О. и РЫШКОВЪ, П. Поперечные профиля и укрѣпленія откосовъ земляного полотна желѣзныхъ дорогъ. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 30 к.
ПЕРЕСВѢТЪ-СОЛТАНЪ, В. Тепловой режимъ комнатныхъ печей. Спб. 1910. Ц. 2 р.
ПОЛѢЩУКЪ, А. Мосты, ихъ устройство, проектированіе и расчетъ. Ч. 1-я. Каменные мосты. Спб. 1910. Ц. 1 р. 30 к.
ROLLS, W. H. Какъ летаетъ аэропланъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
ТИМОШЕНКО, С. Объ устойчивости упругихъ системъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
ТОМЕЛЕНЪ, А., д-ръ. Основы электротехники. Теоретическій и практическій курсъ. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 5 р. 50 к.
ШЕВАЛЕВЪ, Н. Техника огражденія машинъ и безопасности фабрично-заводскихъ работъ. Вильна. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

ВАСИЛЬЕВЪ, М. Эпизоотологія съ ветеринарною полиціей. Спб. 1911. Ц. 50 к.
ВИНКЕЛЬ, М. Общая гинекологія. Изученіе женщины. М. 1911. Ц. 3 р.
ВОЛКОВА, М. Бесѣды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, начиная съ дѣтства и кончая періодомъ увяданія. Изд. 3-е. Спб. 1910.
ГОРОВИЦЪ, А. Больнымъ и болѣвшимъ сифилисомъ съ прибавленіемъ: о препаратѣ Эрлиха-Гата 606. Владивостокъ. 1910. Ц. 20 к.
ГОФУНГЪ, Е. Основы протезнаго зубоврачеванія. Харьковъ. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
ГУРО, Ф., д-ръ. Что надо ѣсть? Руководство къ раціональному питанію. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.
КАЛЕНДАРЬ и справочная книжка для зубныхъ врачей на 1911 годъ. Цѣна 1 р. 50 к.
МАРГОЛИНЪ, Д. Курсъ фармаціи для студентовъ и фармацевтовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
МЕЛЬНИКОВЪ-РАЗВЕДЕНКОВЪ, Н. Пособіе къ практическому курсу патологической гистологіи. Х. 1911. Ц. 2 р.
STRUMPEL, А. Учебникъ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Х. 1911. Цѣна по подпискѣ 8 р. Вышелъ т. 2-й, вып. I.

Военное и морское дѣло.

ЖУКОВЪ. Морской календарь. Спб. 1911. Ц. 1 р.
КАРМАННЫЙ справочникъ-календарь офицера и записная книжка на 1911 годъ. Ц. 1 р. 25 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БУЛГАКОВЪ, И. Народная школа по отзывамъ населенія Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Александрія. 1910. Ц. 40 к.
ГЕОРГІЕВСКІЙ, А. Какъ надо учиться? Укрѣпленіе памяти и соображенія. Спб. 1910. Ц. 30 к.
ДЕКОППЕТЪ, А. Проповѣди для дѣтей. Вып. 3-й. Рига. 1910. Ц. 1 р.
ИГНАТЬЕВЪ, К. Въ царствѣ смекалки или ариѳметика для всѣхъ, книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Книга 1-я. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
КАРИНСКАЯ, М. Картинки прописи. Пособіе при изученіи языка для начал. школъ, млад. клас. ср. учебн. завед. и дѣтскихъ садовъ. М. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
КУЗЬМИНЪ, И. Геометрическое черченіе. Ч. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
МЮНСТЕРБЕРГЪ, Г. Психологія и учитель. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ПЕТРОВСКІЙ. Памятка потѣшнаго воина. Книжка 1-я. Общія обязанности потѣшнаго. Спб. 1911. Ц. 20 к. Кн. 2-я. Одиночное и взводное ученье. Ружейные пріемы. Смотры. Ц. 20 к. Книжка 3-я. Гимнастика, игры, пѣсни. Ц. 20 к. Книжка 4-я. Разсыпной строй. Самоокапываніе. Сигнализація. Первая помощь. Ц. 20 к.
ПНЕВСКІЙ, Н. и АНДРІАНОВЪ, П. Молодая дружина. Руководство для преподаванія военнаго строя и гимнастики въ учебн. завед. Одесса. 1910. Ц. 1 р.
СКОЙТЕНЪ, М. Воспитаніе женщины. Спб. Ц. 1 р. 20 к.
СМОЛИНСКІЙ, М. Раскрѣпостите дѣтей въ память раскрѣпощенія крестьянъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.
ТИЛДЕНЪ, В. Начатки химіи. М. 1911. Ц. 30 к.
ТРОЯНОВСКІЙ, И. Курсъ природовѣдѣнія. Часть II. Растеніе и его жизнь. М. 1911. Ц. 70 к.
TRUAN, PAUL. Cours de grammaire française 1-e partie. Lexicographie. 2-me edition. Спб. 1911. Ц. 70 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АЛТАЕВЪ, А. Тяжелое дѣтство скрипачки. Повѣсть для юношества. 1910. Ц. 1 р.
АНДРЕЕВСКАЯ, В, Кукла милочка и ея подруги. Разсказы для дѣтей. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Зеленый лучъ. Необыкновенное путешествіе. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
ЕЛАЧИЧЪ, Е. Фыръ-фырка, Ваня и другіе разсказы. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
КАЗАНСКІЙ, В. Русскимъ дѣтямъ. Вып. I. Картины русской природы и жизни. Ц. 10 к. Вып. II. Стихотворенія религіозно-нравственнаго характера. Ц. 10 к. Вып. III. Мотивы изъ священныхъ книгъ и церковныхъ пѣснопѣній. Ц. 15 к.
КУРЛОВЪ, Е. Ира. Вторая книга разсказовъ. М. 1911. Ц. 85 к.
ЛЬВОВА, А. Въ странѣ Амонъ-Ра (очерки Египта). Спб. 1911. Ц. въ перепл. 3 р.
МАРИ-РОБЕРТЪ-ГАЛЬТЪ. Исторія одного маленькаго человѣка. Спб. 1911. Ц. въ папкѣ 1 р. 20 к.
МИДЪ, Л. Студентки. Разсказъ для дѣтей. Спб. 1911. Ц. 1 р.
НОСКОВЪ, Н. Кто такой Левъ Толстой. Юные годы писателя, его жизнь, его творчество, его заслуги. Спб. 1911. Ц. 25 к.
ПИРЪ ЗВѢРЕЙ. Веселый разсказъ въ стихахъ дяди Вани. Спб. 1910. Ц. 60 к.
ПУШКИНА сказки, съ рисунками Билибина. Ц. 1 р.
РАДУЖНАЯ КНИГА цвѣтныхъ разсказовъ для дѣтей. Съ 64 красочными рисунками въ оригинальномъ переплетѣ. Ц. 2 р.
РАТОМСКІЙ, Н. Сѣверные школьники-герои. Спб. 1911. Ц. 60 к.
СКАЗКИ братьевъ Гриммъ. Перев. А. Пѣуновой. Т. 1 и 2. Спб. 1911. Ц. по 1 р.
СОЛОМИНЪ, Е. За работу. Кн. 3-я. Работы изъ папки и картона. М. 1911. Ц. 25 к.
СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Кому лучше? Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
— Сказки и были. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
— Страпички прошлаго. Очерки и разсказы. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.
ТАГѢЕВЪ, Б. За океанъ на Филиппины, для юношества. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.
ТАНЪ, В. Восемь племенъ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока Азіи. Книга для юношества. Спб. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
ТВЕНЪ, М. Принцъ и Нищій. Спб. 1911. Цѣна 50 к.
ТЕЛЕШОВЪ, Н. Разсказы и сказки для юныхъ читателей. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.
ТОЛПЫГО, М. Сказка о Мурашечкѣ. Смоленскъ. 1909. Ц. 30 к.

Спортъ, охота и игры.

ГЕОРГІЕВСКІЙ, А. Гимнастика и развитіе ума. Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Головоломка. Математическія развлеченія. Спб. 1911. Ц. 50 к.
ГРИНЕВСКІЙ, А. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ спортсменъ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Справочныя книги.

ЗАВОЛОКИНЪ, Н. Адресъ-календарь желѣзнодорожника на 1911 годъ. Спб. Ц. 50 к.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ календарь Краснаго Креста на 1911 годъ. Цѣна 70 к.
КНИГИ для подарковъ дѣтямъ всѣхъ возрастовъ по беллетристикѣ для семьи и школы. Спб. 1911. Ц. 25 к.
ОГІЕНКО. И. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской разговорной рѣчи. Кіевъ. 1911. Ц. 40 к.
ПОЛЬЗА. Записная книжка на 1911 годъ. Ц. 25 к., 40 к. 60 к. 75 к.,, 85 к.
ШИДЛОВСКІЙ, В. Календарь для дамъ на 1911 годъ. Настольная книга семьи. Ц. 1 р.

Разныя книги.

СТАРЫЙ МУЖЪ. На ушко прекрасному полу. Какъ удержать около себя любимаго человѣка. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Періодическія изданія.

«АПОЛЛОНЪ». Журналъ № 12 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.
«ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ». Журналъ. 1910. № 12. Ц. 50 к.
«ВСЕМІРНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ». 1910. № 12. Ц. 1 р. 25 к.
«ВѢСТНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ». №№ 21, 22. Ц. кажд. № 60 к.
«ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ». Журналъ. 1910. № 12. Ц. 75 к.
«ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ». Худож.-литер. журналъ. 1910. №№ 25, 26 и 27. Ц. кажд. № 20 к.
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО», Журналъ для дѣтей. 1909—10 г. Съ приложеніями Ц. въ переплетѣ. 3 р. 65 к.

«ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера». 1910 г. № 23. Ц. 25 к.

«ИСКУССТВО и печатное дѣло». 1910 г. № 12. Е. 1 р.

«НАША ОХОТА». Журналъ. Ноябрь. 1910 г. Ц. 60 к.

«ОКРАИНЫ РОССИИ». 1910 г. №№ 49—52. Ц. кажд. № 10 к.

«ОСА». Журналъ. 1910 г. №№ 49, 50. Ц. кажд. № 10 к.

«РУССКІЙ АРХИВЪ». 1910 г. № 12. Ц. 1 р.

«СВОБОДНЫМЪ ХУДОЖЕСТВАМЪ». Журналъ. 1910 г. № 2. Ц. 1 р. 25 к.

«СРЕДНЯЯ АЗІЯ». Журналъ. Сентябрь, октябрь. 1910 г. Ц. 2 р.

«СТАРАЯ МОНЕТА». Нумизматическій журналъ. 1910 г. № 8. Ц. 20 к.

«ХУТОРЪ». Журналъ. 1910 г. № 12. Ц. 30 к.

«ЭКОНОМИСТЪ РОССИИ». 1910 г. №№ 48, 49. Ц. кажд. № 20 к.

* Изданія А. С. Суворина.

Типографія А. С. Суворина, Спб., Эртелевъ пер. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени"**.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику" прилагаются **портреты** и **рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 084828471